ИЗДАТЕЛЬСТВО
«АРГУС»
СЕРИЯ ФАНТАСТИКИ
«ХРОНОС»

БАГРЯНАЯ ИГРА

БАГРЯНАЯ ИГРА

СБОРНИК
АНГЛО-АМЕРИКАНСКОЙ
ФАНТАСТИКИ

БАГРЯНАЯ ИГРА

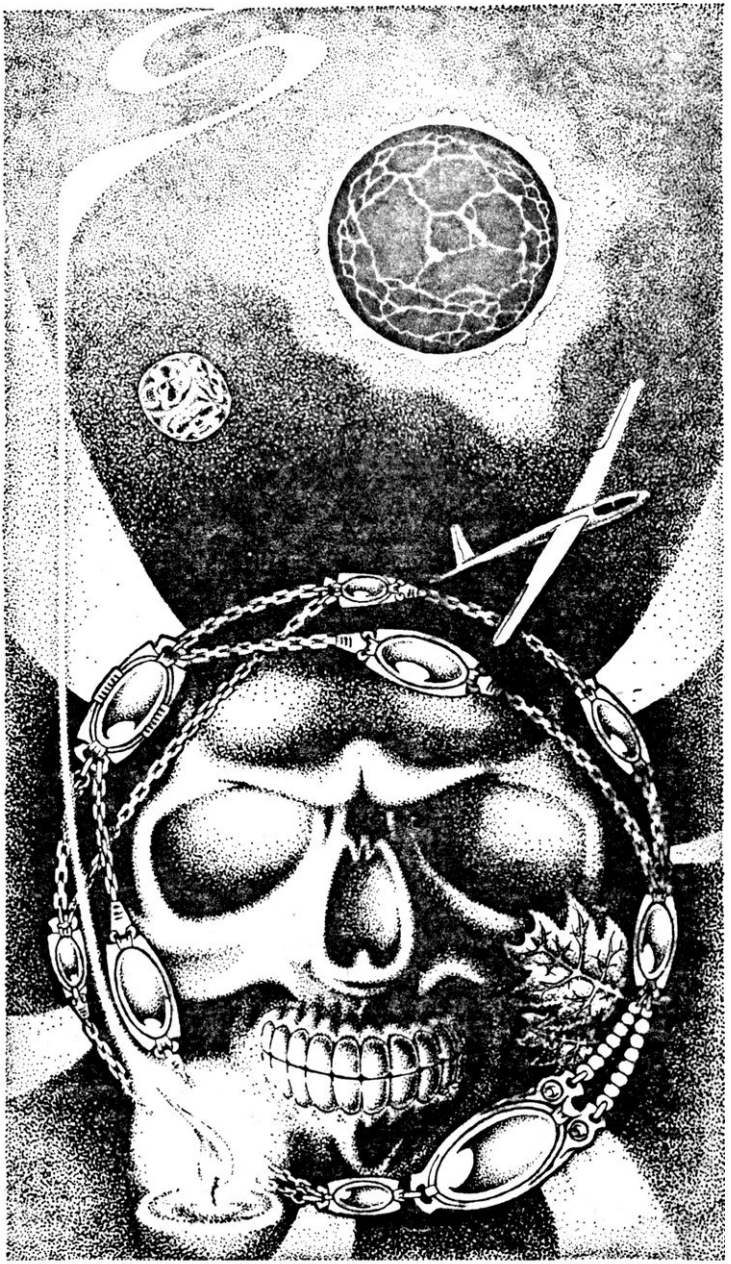

СЕРИЯ ФАНТАСТИКИ

«ХРОНОС»

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ

БАГРЯНАЯ ИГРА

сборник англо-американской фантастики

Перевод с английского

МОСКВА
«АРГУС»
1994

ББК 84(0)6
Б 14

Составитель О. П Пуля

Б 14 **Багряная игра:** Сб. фант. произведений: Пер. с англ. / Сост. Пуля О. П. — М.: Аргус, 1994. — 512 с.— Ил. — (Хронос).

ISBN 5-85549-033-5

Сборник представляет ранее не издававшийся роман Майкла Муркока «Багряная игра», повести Урсулы Ле Гуин, Мервина Пика, Кита Ломера и рассказы признанных мастеров англо-американской фантастики, отмеченных высшими литературными премиями — «Хьюго» и «Небьюла».

Новые переводы, раскованная нестандартность формы и стиля, и — Нечто Странное, мрачное и зловещее, что неизменно встречает героев в запутанных лабиринтах блестяще сконструированной авторами реальности.

Б $\frac{4701000000 - 005}{Я46(03) - 94}$ Подписное ББК 84(0)6

© Изд-во «Аргус», 1994
© Составление, название серии — О. П. Пуля, 1994
© Оформление, иллюстрации — В. Ю. Мартыненко, 1994

ISBN 5-85549-033-5

Нечто. Странное...
(вместо предисловия)

Авторы этой книги мало нуждаются в рекомендациях. Майкл Муркок и Сэмюэль Дилэни, Джеймс Баллард и Урсула Ле Гуин, Харлан Эллисон и Фриц Лейбер,— и почти все остальные тоже,— принадлежат к созвездию мастеров, способных восхитить самого взыскательного читателя. Многие произведения отмечены высшими наградами в области фантастики — «Хьюго» и «Небьюла» (не говоря уже о менее известных премиях).

А сам этот сборник — о Странном, о том, что один из грандов «новой волны» Филип Дик назвал «безумной возможностью», когда фантаст, конструируя иную реальность, задается не обычным вопросом «а что, если?», но в принципе другим — «о Боже, а что, если?..»

Метафизическая космическая опера отца-основателя «новой волны» Майкла Муркока «Багряная игра», эстетски-утонченная повесть Урсулы Ле Гуин «Безбрежней и медлительней империй...» (входящая в Хейнский цикл), загадочно-зловещая фантазия Мервина Пика «Мальчик и тьма», изощренная игра ума и слова в рассказе Сэмюэля Дилэни «Время как спираль из самоцветных камней» — все эти блестяще написанные и отлично переведенные произведения — о Странном.

Майкл МУРКОК

БАГРЯНАЯ ИГРА

роман

Michael Moorcock

THE BLOOD RED GAME

Пролог

Итак, галактическим скитаниям два года, но Ринарк не чувствовал себя одиноким. Да и какое одиночество, если галактика была его неразлучным другом, если он был частью любого ее движения! Пусть некие силы находились за пределами его ощущений,— из-за них и странности ее поведения,— но и странности эти не менее привычны, чем само ее присутствие. И где бы он ни скитался, ощущение сопричастности пронизывало каждый атом в его хрупком продолговатом черепе. Два года отнюдь не случайных странствий по перенаселенной галактике пролетели, теперь все готово — что ж, к Границе...

1

Теперь в жутком этом городке на окраине враждебной слепящей пустыни собрались все трое. И городок, и сама планета назывались Мигаа, и были они последним шансом для космических беглецов.

Ринарк вышел из корабля, поеживаясь под свирепым взглядом сверкающего, как бриллиант, солнца, и принялся петлять между сотнями других громадных кораблей, нелепых и грозных на вид, а сознание его было уже в городе, разыскивая там двух друзей. Его уникальный мозг перебирал образы улиц и строений, людей и предметов, пока не нашел, что искал,— в полумиле, на противоположной окраине города.

Нет таможни — не будет и задержек; Ринарк заторопился в город. Он зафиксировал в сознании ауры друзей и спешил к ним, чувствовал, что они встревожены, а значит, могут быть в беде.

Очень высокий и худой, с глубоко посаженными темными глазами на удлиненном сосредоточенном лице; однако встречные задерживали взгляд не на лице — удивляло, что он не носил на виду оружия. Почти все эти мужчины и женщины, как ни спешили сюда, явились в Мигаа вооруженными.

Лишь он один и шел по вымощенным металлическими плитами улицам со сверкающими сталью зданиями — и

знал, куда идет. Прочие фланировали, толклись, и на всех темные очки — спасение от слепящей пустыни, отраженной сталью и хромом. Транспорта мало, приметил Ринарк, да и тот едва движется. Выморочный городок, будто воздуха не хватает, и во всем атмосфера ожидания. Такой уж местный колорит — не продохнешь.

И еще уловил он в лицах мужчин и женщин нечто общее — потаенный блеск надежды в глазах: вроде и надеяться не на что, и деваться некуда. Мигаа — или то, что они от него ждали,— был последним шансом. Для Ринарка, впрочем, тоже, но по менее эгоистическим соображениям.

Дом, где, он видел, находились двое его друзей, оказался, вопреки ожиданиям, не баром. Отель "Сеть", таких в галактике сотни, но этот название оправдывал.

Он окунулся в галдеж.

Драка шла полным ходом.

Этих не спутаешь: армированные металлом комбинезоны из белого пластика под кожу — жулье или шулера. Плотные ребята, и глотки луженые; а вот те двое, на кого они наседали, совсем другой породы.

И эту пару не спутаешь. Пол Толфрин и молодой Аскийоль из Помпей. Прижаты к дальней стене холла, забитого ревущей толпой.

Может, не встревать, они вроде и сами не пропадут — да нет, надо бы помочь. Скоро в путь, а они — все трое — должны быть в лучшей форме.

Он и шагу не ступил, а на него тараном летела закованная в металл туша одного из картежников. Тот, видно, штучки свои отрабатывал на корабле или на планете с малой гравитацией. Мигаа не из той оперы, так что вбить Ринарка в дальнюю стену не удалось — он уклонился и успел врезать шулеру в крестец заостренным носком ботинка. Тот рухнул, Ринарк, добавив по голове, вырубил его.

Теперь к друзьям.

Толфрин казался весьма удрученным, что приходится отмахиваться от нападающих, зато Аскийоль, разряженный, улыбчивый и злющий, испытывал явное удовольствие. На правом кулаке блеснули окровавленные шипы кастета, и один из его противников спиной повалился на Ринарка, зажимая кровоточащую глазницу.

Друзья заметили его. — Время дорого! — крикнул Ринарк.

И врезался в толпу, расшвыривая страшными ручищами космическую рвань. За ним пробивались Толфрин

и Аскийоль. Орущий громила замахнулся на Аскийоля складной дубинкой, тот поднырнул и ударил кастетом ему в живот. Шулер завизжал и, выронив дубинку, рухнул на колени.

Троица выбежала из бара и припустила по окраинному переулку, пока не оторвалась от вопящей своры раздосадованных преследователей. Свернули в тесный проулок — металл колоколом вторил шагам.

— Как добраться до отеля "Спасение"? — спросил Ринарк.

— Я-то думал, вы, всевидцы, сами все знаете,— усмехнулся Аскийоль.— Вот сюда, недалеко. Спасибо, что разогнал этих.

Сейчас Ринарк просто не пользовался своим даром. Он не мог забыть избитого им шулера, а насилия Ринарк не любил.

Аскийоль снова вывел их на главную улицу. Толфрин обернулся к Ринарку и смущенно заметил:

— Ты уж прости, они сами напросились. Прицепились к Аскийолю — одежда его им не по нутру. Пришлось помахаться. С десяток раз обошлось, а сейчас не вышло. Да этот чертов городишко весь такой — дерганый, заводной, приставучий.

— Боюсь, я сам их завел,— фыркнул Аскийоль.— Здесь, правда, что ни надень, какая-нибудь сволочь да прицепится.— Он сдернул и спрятал кастет.

Одинокий и натерпевшийся при всей своей молодости, Аскийоль одевался с продуманной пышностью. Стеганая куртка из синтемеха с высоким воротником. Щегольские широкие брюки пурпурной шерсти, напущенные на остроносые фибергласовые ботинки. Бледное и худое лицо, черные волосы спадают на лоб короткой челкой. На поясе — запрещенное оружие — миниатюрный антинейтронный излучатель.

Аскийоль был князем, независимым сюзереном Помпей, пока Лорды Галактики, собравшись с силами, не прибрали его планету в Федерацию. А титулом и состоянием Аскийоль поплатился за укрывательство Ринарка, о чем тот никогда не забывал.

Ринарк видел, что молодой человек задумчив и подавлен — в обычном своем состоянии. Большинство считало Аскийоля слишком импульсивным, но Ринарк знал: напротив, ему присуще тонкое и точное душевное равновесие, и зависело оно лишь от него самого.

Толфрин, с таким же худым, как у друзей, лицом, порывистый и бесстрашный, занимался не санкциониро-

ванными правительством исследованиями, а значит, по законам Федерации, был преступником. Одет как многие здесь — светлой кожи жилет, синяя рубашка, черные облегающие брюки. В простой кобуре — мощный энергоизлучатель. Он вопросительно косился на Ринарка, но молчал.

Ринарк выдержал паузу, улыбнулся. Тонкие губы растянулись в мрачной усмешке, он повернул длинный свой череп и уставился на Толфрина.

Под этим холодным взглядом Толфрин заговорил первым:

— Когда отправляемся? По мне, чем скорей, тем лучше...

Ринарк с ответом не торопился, глядел, и все

— Не могу я ждать,— добавил Толфрин.

— Еще точно не знаю,— отрезал Ринарк.

Они уже подходили к высоченной, со множеством окон башне на окраине — отелю "Спасение", когда Толфрин тронул его за рукав:

— Ты сказал нам недавно, что время дорого. Сколько его у нас, хоть примерно?

— Максимум тридцать шесть часов,— ответил Всевидец.

Тут и отрешенный Аскийоль вскинул глаза:

— Только-то?

— Да, а может, и того меньше. Я чувствую, что он все ближе к нашему континууму, просто трудно все время на нем фиксироваться, на это уходит почти вся моя энергия.

Они вошли в просторный и высокий холл отеля "Спасение". Аскийоль оглядывался, высматривая кого-то в толпе, но безуспешно. Панорамные окна в одной из стен заливали все вокруг сиянием черно-белой углеродной пустыни.

Они протискивались среди разношерстной публики обоих полов — щеголей и оборванцев, запойных и тормозящих на первой рюмке, болтунов и молчальников. Здесь, как и везде на Мигаа, властвовало усталое, напряженное ожидание, длящееся в этой эре уже тридцать семь лет. И все посетители нет-нет да и поглядывали на подвешенные в центре холла большие экраны.

Экраны эти ожили бы в единственном случае — если б в контролируемом секторе пространства появилось то, чего ждали. Когда — и если — это случалось, начиналась гонка на космодром, и Мигаа пустел. Кое-кто здесь ждал этого тридцать с лишним лет, а кто-то успел умереть, так и не дождавшись своего шанса.

Троица поднялась по узкой винтовой лестнице на галерею и расселась вокруг свободного столика, заказанного Аскийолем.

Ринарк насмешливо глянул на него:

— Корабль мой проверен и перепроверен. Стартовать — дело минутное. Призрак может материализоваться и раньше, чем через тридцать шесть часов. Хотя в ближайшие двенадцать он будет вряд ли, судя по скорости, с которой он приближался, когда я последний раз входил с ним в контакт.

Помолчал, глянул в даль страшной пустыни, зажмурился от блеска, проникающего даже сквозь поляроидные окна.

— Мы должны быть готовы. Не знаю, долго ли он пробудет в нашем континууме. А может, пронесется с такой скоростью, что здесь его и не догнать...

— И значит, зря мы рвались на Мигаа,— докончил Толфрин.— Что ж, я человек вольный.

— А я — нет,— завершил Ринарк без дальнейших комментариев.

Он один во всей галактике знал, когда могла бы материализоваться система Призрак. Прочих привела на Мигаа лишь авантюрная надежда, что Призрак, своенравный космический скиталец, возникнет в пространственно-временном интервале их существования. Только по этой причине на ближайшей к области возможной материализации Призрака планете и был выстроен Мигаа. Если преступникам и отверженным, полицейским и разыскиваемым больше деться было некуда, они летели в Мигаа. И ждали.

Но Ринарк знал: ему-то ждать не придется, на то он и был Всевидцем, обладателем особого дара, развитого им до уровня точной науки. По самым расплывчатым указаниям и описаниям он мог увидеть и найти в своей галактике все — от планеты до оброненной монетки.

Не зная координат и не заглядывая в карты, он мог направить любого куда бы ни требовалось. Он, человек-пеленгатор, знал: Призрак приближается, для того Ринарк и учился видеть собственное пространство извне — как нечто уже преодоленное, вглядываться в иные, запредельные измерения, где проступали неясные образы планет — и скорее всего солнц, но здесь уверенности не было,— таких же, как в родном ему пространстве...

Он учился видеть их, чтобы подтвердить теоретические представления о природе таинственной системы При-

зрак, о которой знали, что она возникала — просто оказывалась в пространстве, а потом бесследно исчезала — всего пять раз с тех пор как человечество достигло Границы.

Собственно, только это о ней и знали.

Немногим исследователям и ученым удалось приблизиться к Призраку прежде чем он исчезал, да и те не вернулись. Когда бы тот ни появился, невозможно было предсказать, на сколько он здесь останется. Орбита таинственной системы казалась безумной и сумасбродной, но Ринарк уже несколько лет назад выдвинул теорию, по которой движение Призрака "вкось" обусловлено особыми законами, не действующими в остальной Вселенной. Тогда, в бытность губернатором Граничных Миров, он кроме миров и солнц своего континуума смог ощущать и Призрак.

Призрак появлялся на срок от нескольких часов до нескольких дней — и ни малейшей определенности, когда он возникнет или исчезнет. Собравшиеся в Мигаа были большими оптимистами — они надеялись на чудо, на то, что им выпадет счастье оказаться там, когда объявится Призрак.

Название системы — Призрак — впервые появилось в теории Ринарка и было не единственным. Многие называли ее "Привидение", а кое-кто из верующих драматизировал происходящее, утверждая, что система извергнута Вселенной за грехи обитателей. И у этих фанатиков нашлось название: "Отлученные Миры".

Так что система эта уже обросла мифологией, а вот исследовать ее решались немногие, да и кому понравится ждать у моря погоды. Мало кто шел на риск — кроме уголовников.

Ринарк, наклонясь, вглядывался в забитый толпой холл. Государственная машина Галактической Федерации работала почти без сбоев, найти лазейку в законах было делом нелегким, поэтому и сочли возможным расширить гражданские права. С другой стороны, отлаженная работа правительства почти не давала преступникам случая уйти от закона — Мигаа стал их последней надеждой. Здесь они обретали шанс скрыться вообще из Вселенной,— если только на город не налетит патруль ГП, Галактической полиции, а такое случалось. Впрочем, обычно патрульные не усердствовали и отбывали с пустыми руками, но иногда они действительно охотились за преступником, бежавшим с солидной суммой или завладевшим тайной информацией. Если таким

удавалось скрываться излишне долго, ГП могла отправиться на Мигаа специально за ними.

Ринарк знал, что Лорды Галактики разыскивают его, что люди Лорда Мордена, начальника ГП, охотятся за ним по всему пространству,— и прикидывал, скоро ли Мордену придет на ум Мигаа.

Аскийоль, подперев голову руками, наблюдал за Ринарком.

— Не пора ли и нам узнать, мой друг, зачем тебе понадобилось это путешествие? Почему ты ушел с поста губернатора Границы? Почему ты не стал рассказывать Лордам Галактики, что именно узнал три года назад, когда на Голунде сел тот странный корабль? И почему тебя тянет на Призрак?

— Не хочу пока отвечать. Понимаю, что надо бы, но тогда могут возникнуть другие вопросы, на которые я ответа еще не знаю. Сейчас могу лишь подтвердить то, о чем вы и сами догадываетесь: я действительно хочу попасть на Призрак уже три года, с тех самых пор, как узнал кое-что важное от экипажа корабля, севшего на Голунде. Эта информация и послужила косвенной причиной моей отставки с поста губернатора. А что до ответов, которых я не знаю,— надеюсь, мне их даст Призрак.

— Мы твои друзья, Ринарк,— сказал Толфрин,— и готовы лететь с тобой уже поэтому. Но что, если ответов ты и там не найдешь, если ответов этих вообще не существует?

— Во всяком случае, я ничего не потеряю. А если вы решили, что ввязываться не стоит, так и скажите. Дело опасное, кто спорит. Можно погибнуть, не добравшись до Призрака, да если и доберемся, возвращение не гарантировано.

Те, кому адресовалась эта тирада, помалкивали.

А Ринарк продолжал:

— Вы мои друзья, и я перед вами в долгу. Ты, Пол, помог мне разобраться с нелинейным течением времени, без тебя мне не сформулировать бы своей теории. Аскийоль отвел от меня полицейский патруль на Помпеях, шесть месяцев укрывал меня, а когда об этом узнали Лорды Галактики, согласился лишиться титула, чтобы спасти меня. Я многим обязан вам.

— Мне и самому интересно разобраться с этим самым Призраком,— улыбнулся Толфрин,— да и Аскийоля ничто здесь не держит, кроме новой пассии, Уиллоу Ковач.

Уиллоу, хозяйка отеля "Спасение", считалась красивейшей женщиной Мигаа.

Аскийоль лишь пожал плечами и тоже улыбнулся:

— Толфрин прав, хоть и не слишком тактичен. Но будьте уверены, когда придет время, я не подведу.

— Договорились,— сказал Ринарк.

По лесенке на галерею поднималась женщина. Чуть улыбаясь, явно зная цену своей красоте и изяществу. Изумрудного цвета платье покрывали драгоценные камни с тысяч планет — явно презенты от воздыхателей, их сверкание соперничало с алмазным блеском пустыни. В руках, унизанных кольцами,— поднос с дымящимися яствами.

Когда она подошла к столику, Аскийоль встретился с ней глазами и принял поднос, не без умысла коснувшись ее пальцев.

— Спасибо,— промурлыкала она,— и здравствуйте. Уж не вы ли знаменитый губернатор Ринарк?

— Экс-губернатор,— ответил тот.— А вы та самая молодая дама, что свела с ума нашего пылкого друга?

— Приятного аппетита,— сказала она, пробираясь по переполненному бару, и игриво бросила через плечо: — Увидимся позже, Аскийоль!

Ринарк забеспокоился, узурпация Аскийоля в его планы не входила. Как ни дороги ему оба спутника, все же для экспедиции Аскийоль куда нужнее, чем Толфрин. Молодой, отчаянный, подчас жестоко-мстительный, Аскийоль при всей надменности и себялюбии был сильной и цельной личностью.

И тут женщина... Женщины либо прибавляют сил, либо лишают их вовсе. С Уиллоу Ковач ясности нет.

Что ж, пока оставалось смириться с тем, что ситуация изменилась, и вспомнить о текущих делах.

— Думаю, корабль следует проверить еще раз,— объявил он, когда с едой было покончено.— Ну что, на космодром, по местам?

Толфрин согласился, но Аскийоль сказал:

— Я задержусь здесь. Либо приду прямо на корабль, либо встретимся, когда вы вернетесь в отель. Долго вы будете на космодроме?

— Понятия не имею.— Ринарк уже вставал из-за стола.— Ладно, только не покидай отель, чтобы в случае чего можно было с тобой связаться.

— Не беспокойся, я вовсе не собираюсь уходить из отеля,— согласился Аскийоль.

"И будь поосторожнее",— хотел было добавить Ринарк, но удержался. Всевидец уважал своего друга: князь Помпей разберется, как себя вести, и без советчиков.

Ринарк и Толфрин спустились в зал, протиснулись сквозь толпу к выходу и устремились по металлическим тротуарам. Улицы гудели от возбужденных разговоров, кое-что донеслось и до них.

— Вроде бы толкуют, что сюда уже вылетела ГП,— озабоченно сказал Толфрин.

Помрачнел и Ринарк:

— Остается надеяться, что им не удастся опередить Призрак.

Толфрин бросил на него пристальный взгляд:

— Они ищут тебя?

— Они меня уже три года ищут. Да нет, никакого преступления я не совершил, просто Лорды Галактики пришли к выводу, что я могу знать нечто полезное для них, и пытаются схватить меня.

— А ты в самом деле знаешь нечто полезное для них?

— Знаю кое-что,— кивнул Ринарк,— до чего им докапываться не стоит — ни в своих, ни в моих интересах.

— И об этом тоже пока не намерен рассказывать?

— И об этом,— согласился Ринарк.— Да успокойся ты, стоит нам попасть на Призрак, расскажу обязательно.

Он сфокусировал сверхчувствительное сознание на внешнем пространстве, примыкающем к Границе. Призрака там еще не было, но Ринарк смог ощутить его приближение. Но ощущение это стало ускользать, Ринарка охватила странная слабость.

До чего же оно было не по правилам, неумолимое приближение немыслимой системы! Долго ли Призрак здесь пробудет, можно ли добраться до него за это время? И удастся ли добраться? Знать бы о нем хоть чуть больше!.. Ринарк затеял крупную игру, и никто не поручится за выигрыш...

Он знал одно: что́ на кону в игре. Знание это легло на него тяжким бременем, ввергло в постоянное напряжение. Большинству людей подобное оказалось бы не по силам.

И по пути к кораблю, глядя на несчастных, что с такой надеждой примчались на Мигаа, он подумал, стоит ли вообще игра свеч,— и сам себя оборвал, прошептав: "Я должен считать, что стоит".

Все встречные явно принадлежали к человеческой расе. Расселившись по всей галактике, человек обнаружил, что лишь он один является высокоразвитой разумной формой жизни. Были и другие живые создания, но лишь Земля породила существо, способное к мысли и творчеству. Большинству людей этот факт казался самоочевид-

ным, но философы, до сих пор не опомнившиеся от изумления, продолжали выдвигать на сей счет одну теорию за другой.

Два года назад Ринарк оставил пост губернатора Граничных Миров — и отставка его вызвала немало разговоров. Визит корабля пришельцев — скорее всего из-за пределов галактики — не был согласован с правителями Федерации, и тем так и не удалось выяснить ничего конкретного. Встречался с пришельцами — и провел с ними много времени — лишь Ринарк.

Никаких объяснений Лордам Галактики он не представил, и те до сих пор разыскивали его, пытаясь убедить вновь вернуться к делу, в котором он проявил столько ответственности и проницательности. Космовидцев немного даже среди телепатов, а Всевидец масштаба Ринарка — величайшая редкость. Из сотен миллиардов населения галактики Всевидцев были считанные единицы, и талант их всегда пользовался спросом. Как правило, они участвовали как пилоты и штурманы в дальних гиперпространственных перелетах, обеспечивая привязку к планете отправления и безошибочно указывая место и время выхода корабля из гиперпространства. Кроме того, они были незаменимы при картографировании галактики и уточнении карт.

Поэтому Лорды Галактики чуть ли не униженно просили Ринарка вернуться на пост губернатора Граничных Миров — даже если он не намеревался сообщить им, кем же были загадочные гости Голунда. Но он отказался и посвятил два года тому, чтобы на основе крупиц информации о Призраке создать особую область знаний. В конце концов они послали за ним ГП, но с помощью Толфрина и Аскийоля ему пока удавалось скрываться, и теперь он хотел только, чтобы ГП не успела добраться на Мигаа до материализации Призрака.

Ринарк оснастил свой корабль особым оборудованием и новейшими приборами. А особое оборудование, по его представлениям, включало динамичного, хоть и слегка взбалмошного Аскийоля и легкого на подъем Толфрина. Оба всегда восхищались им и помогли ему в прошлом. Он же, в свою очередь, питал к ним неизменную преданность и знал, что ни с кем бы не мог сработаться лучше, чем с ними.

На космодроме теснились сотни кораблей. Многие из них стояли уже годами, но все находились в постоянной готовности — в ожидании возможного появления Призрака.

Здесь были корабли, простоявшие век и больше; первые их владельцы, неудовлетворенные и разочарованные, ушли из жизни, так и не достигнув цели.

Громадный космолет Ринарка, некогда полицейский патрульный корабль, был куплен им по дешевке (и нелегально), перестроен и переоборудован. В результате подготовка его к старту занимала какие-то секунды, да и вооружен он был весьма солидно, хотя закон запрещал как владение полицейским кораблем, так и установку вооружения на частный корабль. Весь гражданский флот принадлежал Федерации и сдавался в аренду.

Полностью автоматизированный, звездолет не нуждался в экипаже и мог принять на борт три десятка пассажиров. Ринарка с момента посадки осаждали люди, предлагавшие кучу денег за гарантированную доставку на Призрак, но он не желал даже говорить с ними, испытывая мало симпатий к собравшейся на Мигаа публике. Этому сброду впору бы взывать о милосердии не к нему, Ринарку с Границы, а к предусмотрительному и совершенному Кодексу Законов, которым Галактическая Федерация по праву гордилась.

Хотя сам Мигаа был переполнен преступниками всех мастей, они составляли лишь малую часть громадного населения галактики. Уже почти два века, как в галактике воцарился мир. Поначалу его обеспечила жесткая авторитарная власть; в прошлом веке она ослабила хватку и передала бразды правления либеральной администрации, ныне избираемой для служения интересам всей галактики.

Ринарк не испытывал ненависти к преследовавшей его Федерации. Он преданно служил ей, пока не получил некие сведения, которые счел за благо утаить от Лордов Галактики. Несмотря на многократные запросы, он неизменно отказывался передать информацию и, естественно, принимал меры предосторожности, чтобы скрыть свое местонахождение.

Он вгляделся в ослепительно белое небо, будто ожидая, что оттуда на него свалится патруль ГП.

Друзья неторопливо пересекли взлетное поле, подошли к кораблю Ринарка.

Над ним трудились механики. Первая проверка показала, что корабль полностью готов к старту, но Ринарк тем не удовлетворился, и механики вновь принялись за работу. Ринарк и Толфрин вошли на подъемник, доставивший их в сердце корабля — кабину управления.

Толфрин восхищенно разглядывал совершенное оборудование отсека. Опытным глазом ученого он оценивал изобретательность, мастерство, искусство и увлеченность, вложенные в приборы.

Как-то, с год назад, в минуту разговорчивости Ринарк сказал ему: "Взгляни на эти приборы — в них спасение человека. Они воплощают способность разума к преодолению ограничений окружающего мира, способность каждого индивидуума к управлению, на худой конец, хотя бы собственной судьбой..."

Ринарк имел в виду не только оборудование своего корабля, и Толфрин это понимал.

Теперь, размышлял Толфрин, к науке относятся почти мистически, считая ее одновременно чудовищем и спасением. Люди верят, что она способна на все, поскольку понятия не имеют, что наука собой представляет,— и предпочитают ожидать от нее худшего.

И еще об одном подумал Толфрин:

— Ринарк, откуда нам знать, будут ли двигатель и вся эта техника работать на Призраке? — он помолчал, с сомнением оглядывая приборные панели.— Если, на твой взгляд, там действуют иные физические законы, мы можем оказаться беспомощными в пространстве Призрака, останемся вечно плавать в пустоте, навсегда потеряв управление кораблем.

— Согласен, за пределами нашей галактики, нашего пространственно-временного континуума, мы не гарантированы ни от чего, но рискну предположить, что большинство наших законов действует и на Призраке. Может быть, с его приближением кое-что прояснится, хотя и тогда не будет полной уверенности.

В рутинной работе космовидца Ринарку не требовалось оборудование для усиления своих способностей, но сейчас способности эти следовало использовать до последнего предела, и он вспомнил об устройстве, почти мгновенно восполняющем физическую, нервную и умственную энергию и способном при разумном использовании даже обычному человеку дать добавочные психоэнергетические ресурсы, когда тот особенно в них нуждался. Обычно такое оборудование применяли только в госпиталях.

И пока Толфрин, пытаясь разобраться в скудных данных о Призраке, все больше приходил в недоумение, Ринарк уселся в удобное мягкое кресло, извлек шлем ментального стимулятора и спокойно положил руки на клавиши компьютера.

2

Ринарк сконцентрировал разум...

И сразу же ощутил всю галактику, распространяющуюся из точки, где он находился, вовне, и сканировал ее — слой за слоем, мгновение за мгновением.

Он воспринимал галактику как нечто целое и одновременно чувствовал каждый составляющий ее атом — каждый атом, каждую планету, каждую звезду, туманность, сверхновую... В пространстве, где плотность вещества была минимальна, двигались сгустки более плотного вещества. Космические корабли.

За пределами собственной галактики он едва ощущал область с меньшей плотностью — межгалактическое пространство, а за ним — нечто воспринимавшееся как неясная аура других галактик.

И никаких неприятных неожиданностей, ничего, что он не знал бы заранее. А кое-чему — он предчувствовал — измениться придется.

Тогда он переключил сознание, чтобы ощущать свою галактику только как целое, чтобы вместить в стремительно расширяющуюся сферу восприятия небольшой участок за Границей, и сразу же вся привычная ему структура времени и пространства поплыла, исказилась.

Там было нечто чужеродное, неуместное, воспринимавшееся как нечто грубо прорезáвшее привычное пространство, оставляя за собой пустоту в самой сущности Вселенной. С трепетом душевным и телесным настраивался он, чтобы воспринять это неожиданное, противоестественное возмущение привычной картины: двойную звезду в окружении одиннадцати равноудаленных планет.

Все это было за пределами сущего. Не укладывалось в известную Ринарку Вселенную. Он не мог, как обычно, разглядеть подробности этой системы. Она была беззаконной! Эту мысль Ринарк и заложил в сознание и сосредоточился на эволюциях системы. Относительно себя самой она двигалась через космос по тем же законам, что и обычные звезды и планеты. Но, кроме того, она проходила сквозь целый ряд измерений, доселе неизвестных Ринарку. Именно в этих измерениях путь ее влек систему к континууму Ринарка...

Задыхаясь, он открыл глаза.

Сразу же ввел в компьютер уравнение, снова прикрыл веки и переключил сознание.

Система-призрак приближалась. Она проскакивала мириады чуждых измерений, проходила множество континуумов, орбита ее неуклонно эволюционировала, становясь столь же постоянной, как орбиты планет, что вращались вокруг ее собственных звезд. Еще немного — и она должна пройти через континуум Ринарка.

Но надолго ли она тут задержится? Для ответа Ринарку требовалось знать хоть что-то о бесчисленных вселенных за пределами его собственной Вселенной, и чем больше, тем лучше. От этого зависело все его будущее — и не только его...

Ринарк находился во всевидческом трансе меньше двадцати минут. Толфрин уже смотрел через его плечо на экран компьютера.

— Она приближается,— заключил Ринарк.— Должна быть здесь через двенадцать-пятнадцать часов, если, конечно, мои расчеты верны. Насколько могу судить, она движется с постоянной скоростью. Непонятно, правда, почему при очевидном постоянстве скорости Призрак остается в нашей Вселенной на столько, на сколько захочет...

— Во всяком случае, теперь больше ясности.

— Точно,— Ринарк прошелся по рубке, вглядываясь в показания приборов.

— А ты уверен, что Призрак не проскочит мимо нашего пространственно-временного континуума?

— Не думаю, хотя и возможно.

Ринарк подошел к обитому бархатом хромированному креслу, перед которым располагался длинный ряд сенсорных переключателей, увенчанный лазерным экраном,— панель управления вооружением.

И снова, не находя себе места, зашагал по громадной кабине, и снова попробовал найти объяснение:

— Мы знаем не все степени свободы нашей Вселенной. Насколько нам известно, и она может участвовать в своеобразном движении "вкось" в некоторых измерениях, но под иным углом, чем Призрак. Это могло бы в какой-то степени объяснить, почему раз от разу так меняется продолжительность его пребывания в нашем пространственно-временном континууме.

Толфрин покачал головой:

— Любые теоретические построения, относящиеся к этой системе, всегда были выше моего понимания. Да что говорить, мне непонятна и твоя способность чувствовать ее приближение. Слышал, что при соответствующей подготовке космовидцам удается локализовать пла-

неты и даже объекты меньшего размера в обычном пространственно-временном континууме, но для меня непостижимо, как они могут ощущать объекты за его пределами, извне, в других измерениях — где угодно!

— Обычно и не могут,— сказал Ринарк,— но многие из тех, кто зондировал примыкающее к нашей галактике пространство, иногда чувствовали — там находится нечто не подчиняющееся ни одному из известных законов природы. У других появлялось иллюзорное ощущение солнц и миров в нашей галактике, там, где не может быть ни тех, ни других! Отсюда и возникла теория мультиверсума — многомерного универсума, многомерной Вселенной, что содержит десятки различных универсумов, отделенных друг от друга неизвестными измерениями...

Он замолк. Да разве можно бесстрастно и логично выразить не покидавшее его чувство обособленности, отчуждения? Как описать этот шок, это потрясение, противоречащее всему прежнему опыту чувственного восприятия, этот удар по его "я", по его эмоциям — да по всему его существу?

Он шевелил губами, пытаясь подобрать слова, и не находил их. Лучше всего он мог бы выразить свои чувства, дав волю сдерживаемому воплю предсмертного ужаса, но не в его это было характере.

И замолчал окончательно. Мерил шагами кабину, машинально трогал гашетку мощной антинейтронной пушки, которую еще никогда не пускал в ход. Страшное оружие; Ринарк надеялся, что к пушке никогда и не придется прибегать.

Ему становилось не по себе при мысли о любом ядерном оружии. Таинственное его шестое чувство было столь же восприимчиво к распаду атомов, как и к существованию их в естественном, стабильном виде. Ощущение ядерного взрыва ввергало его в состояние, близкое к агонии, а антинейтронная пушка, излучающая частицы вещества, была для него еще более страшным испытанием.

Когда-то, еще ребенком, он оказался поблизости от района взрыва многомегатонной бомбы,— и тотчас его сознание было парализовано. Год над ним бились врачи, устраняя последствия. Теперь он стал сильнее, лучше владел собой — и все же космический полет был для него далеко не удовольствием.

Он испытывал отвращение и к насилию. Да, часто оно кажется легким выходом из положения, но, в сущности, как чуть не все "легкие выходы",— вообще не

выход, а лишь продолжение порочного круга. И посему при малейшей возможности Ринарк избегал насилия.

И все же теперь он был готов прибегнуть к нему на Призраке — против всего, что попыталось бы ему помешать достичь задуманного...

Уже давно эта цель, и только она, подчиняла себе все действия Ринарка. Он, собственно, уже двигался к ней — ничто и никто не могли остановить его. Неважно, избранник ли он или фанатик, Ринарк твердо решил довести дело до конца, если это возможно,— а если невозможно, положить жизнь за то, чтобы это стало возможным.

Скоро, нет, уже *очень* скоро в их континуум может войти Призрак, к которому он стремится. Для него Призрак — единственный во всей Вселенной шанс получить столь необходимую информацию.

Он оглянулся на Толфрина; тот все еще изучал уравнение на экране.

— Понял что-нибудь?

Толфрин усмехнулся:

— Я еще могу понять, что Призрак движется по орбите в пока неизвестных нам измерениях, так же как мы двигаемся во времени и пространстве, но не в состоянии оценить смысл и последствия этого. Просто зашел в тупик, я ведь не физик.

— Я тоже,— напомнил Ринарк.— Будь я физиком, меня не так ошеломлял бы Призрак. Скажем, любая система, состоящая из двойной звезды галактического типа и одиннадцати равноудаленных от нее планет, представляется весьма необычной, чуть не искусственной. А если она искусственная, откуда ей взяться?

— Можно ведь подойти и по-другому,— неуверенно предложил Толфрин.— Допустим, равноудаленность планет от "родительских" солнц не только свидетельствует о необычности системы; этот небывалый каприз природы — планеты — как раз и обуславливает орбиту Призрака?..

Ринарк кивнул и на секунду задумался:

— Если допустить в соответствии со всеми известными законами Вселенной, что время циклично — хотя, как тебе известно, мои эксперименты, по-видимому, доказывают, что в нашей Вселенной время не инвариантно,— так вот, если допустить это, мы можем считать цикличность всеобщим законом.

Он подошел к креслу, взял ручку и блокнот и стал набрасывать схему.

— Вот орбита Призрака,— он нарисовал кружок,— а вот наша траектория,— появился лежащий в горизонтальной плоскости полукруг, пересекающий первый кружок.

— Представь себе, что мы имеем дело с конечным числом пространственно-временных континуумов, в каждом из которых действуют некие общие для всех них законы.— Он пририсовал еще несколько полукругов, ниже и выше первого.— Все они, как и мы, движутся таким образом. Между нами нет контакта, и тем не менее мы существуем бок о бок, не ощущая присутствия других, обращаясь в различных измерениях.

Толфрин кивнул.

— Представь, что обычный континуум — я имею в виду нормальный мир — движется по горизонтальной орбите, как здесь и нарисовано, а Призрак — по вертикальной. Значит, вместо того чтобы двигаться, не приходя в соприкосновение с другими, альтернативными, вселенными, он пройдет сквозь них...

— Но разве для совершения подобного цикла не понадобились бы миллионы лет?

— Необязательно. Нам это кажется невероятным, потому что наши пространственно-временные оценки неприменимы к столь необычному объекту, как Призрак. Он живет по своим законам, которые кажутся нам непредсказуемыми, но, возможно, так же упорядочены применительно к нему, как и наши для нас.

— И все же это скорее гипотеза,— вздохнул Толфрин.

— Ученые Федерации сейчас как раз заняты теорией мультиверсума и вполне убеждены в ней.

— Что жизнь, что Вселенная,— изрек Толфрин, усаживаясь в кресло,— с каждым днем они все сложнее.

Ринарк рассмеялся:

— Одно ясно, Толфрин,— уйма загадок будет решена и уйма новых появится, как только мы окажемся на Призраке. Оттуда еще никто не возвращался.

Вдруг он поднял глаза: на контрольной панели вспыхнул огонек.

— Вызов по внутренней связи. Видно, Аскийоль или кто-то из техников. Разберешься, Пол?

Толфрин подошел, тронул клавишу, но изображение на экране не появилось. Несколько секунд он послушал и обернулся к Ринарку:

— Пришел Аскийоль — и девицу свою притащил.

— Что? — вскинулся Ринарк.— С какой стати?

— Важнее другое — почему они примчались. Явилась ГП — и разыскивает тебя!

Ринарк поджал губы. Объясняя Толфрину странности Призрака, он так увлекся, что забыл о возможном рейде полиции, а не мешало бы помнить.

Аскийоль и Уиллоу Ковач уже поднимались.

— Прости, Ринарк, но таковы мои условия,— нервно заговорил Аскийоль.

— Условия? — пожал плечами Ринарк.— Что там такое стряслось?

— Полиция рыщет по Мигаа, выспрашивая о тебе. Я смотался при первой возможности. Скорее всего они опознали бы меня и поняли, что я связан с тобой.

— Верно.

— Ты не против, чтобы Уиллоу летела с нами?

— А ты предупредил ее о возможном риске?

— Да.

— Зная тебя, я и боялся такого поворота. Но мне нужно, чтобы ты был с нами, и я согласен,— вздохнул Ринарк.— Даже если тебе взбрело в голову взять ее с собой.

Дал выход раздражению и покончил с этим. С его планами не до пустячных эмоций. Важно одно — попасть на Призрак и разобраться в его сущности, в причине его появления, а вопросы личного характера Ринарка не занимали. Пора не убеждать, а действовать.

Спасибо еще, что ГП не разыскала его до материализации Призрака. Для полицейских умнее всего было бы просто сидеть и дожидаться его на космодроме. А теперь, если повезет, ГП не сообразит досматривать корабли, пока не обрыщет весь город...

Ринарк распорядился по рации, чтобы техники убрали свое оборудование и оставили корабль в полной готовности.

Затем уселся в кресло и стал ждать.

Прошел час.

Уиллоу, в белоснежном облегающем платье, тихонько сидела, прислушивалась к разговору мужчин, обсуждавших выведенные Ринарком уравнения, сам Призрак и всю массу теорий о нем, и явно чувствовала себя не в своей тарелке.

Заговорил Ринарк:

— По слухам, вот на этой планете есть большая колония людей. Думаю, туда нам и надо — на восьмую, по моим расчетам. Видите, я ее пометил.

Бросил быстрый взгляд на Уиллоу — что-то приуныла, не привыкла, видно, чтобы ее не замечали.

Та нервно ерзала в кресле, без интереса оглядывая рубку. Обычно, казалось, ничто не в состоянии вывести ее из себя; в таком городе, как Мигаа, качество это просто необходимо. Но здесь она впервые оказалась в обществе мужчин — еще более невозмутимых.

Наконец Аскийоль заметил ее беспокойство и спросил, будто извинялся:

— Тебе здесь неудобно?

Невесело улыбнувшись, она отпарировала:

— Женщине место на камбузе. Не проводишь?

Если Уиллоу рассчитывала задеть Аскийоля, то потерпела неудачу.

— Почему бы и нет? Думаю, сейчас я буду очень занят, а скоро, наверное, мы все захотим поесть.— Ее кавалер спокойно указал на дверь и вновь склонился над картами.

Пожав плечами, она вздохнула и отправилась на поиски кухни.

Вся жизнь Уиллоу прошла под сенью Призрака, он всегда интересовал ее, а вот видеть его не приходилось. Как бы то ни было, именно благодаря Призраку она получила возможность повелевать множеством мужчин, окружавших ее; они, казалось, терзались голодом, который она удовлетворить не могла, — хотя именно в ней они искали удовлетворения и потому предавали себя ее власти, думая, что есть у нее какой-то секрет, которого, конечно же, не было.

И вот она, поддавшись уговорам Аскийоля, летит на Призрак... Чего же лучше! Да и не встречала она раньше у мужчин чего-то, чем обладал каждый из этой троицы. Пожалуй, силы характера — ее-то и не удавалось найти у всех этих искателей счастья, прибившихся к Мигаа.

Она видела в Ринарке, Толфрине и особенно в Аскийоле спокойную и сдержанную силу, точно выверенную смесь отрешенности и порыва. Что ж, можно взяться и за готовку, благо в холодильниках царило изобилие — Ринарк был не чужд гастрономических фантазий.

Толфрин оторвался от карт, взглянул на экран сканнера. Выругался, потянулся к ручкам управления.

— Что-то случилось с лазером. Я попробую...

— Не трогай пульт!

Ринарку казалось, что мозг распирает череп, его колотила дрожь, сердце бешено билось. Он выждал секунду, нахмурился, взял себя в руки и спокойно сказал:

— Толфрин, он на подходе.

И устремил к Призраку зондирующее сознание. По мере того как чуждая система вливалась в его, Ринарка, собственное пространство, ощущение ее присутствия становилось все сильнее; двойная звезда неслась на него из смутных сумерек Вселенной, как скаковая лошадь, сокрушая время и пространство на своей непредсказуемой орбите. Исполненный восторга, опустил он пальцы на сенсоры лазерного экрана.

Он смотрел, как бурлит энергия в той области пространства, где, по его расчетам, должен возникнуть Призрак.

Там, казалось, сворачивается само пространство, расцветает и расцвечивается исполинскими всплесками, будто краска плещет из разбитого бака, сливается с космическим мраком, и тот, обретая все цвета радуги, где-то отливает бронзой, где-то — серебром, золотом или рубином, а вся картина меняется, меняется безудержно, мерцает, пропадает и возникает вновь.

И вот, как бы выплывая из многоцветья туч, материализуется сам Призрак, вырисовывается все яснее и яснее, словно входя в фокус.

Вот он завис — там, где положено, и столь же уверенно, как и всё в этой Вселенной, вот уже тают тучи, предвещавшие его появление. В галактику вошла новая система.

А Ринарк уже прикидывал, долго ли могут удержаться одиннадцать равноудаленных планет вокруг ослепительно голубой двойной звезды.

Пора! Он протянул руку к расположенной особняком красной кнопке включения бортовой автоматики.

Корабль взмыл. Он уносился прочь от космодрома, от кораблей ГП — навстречу загадочному Призраку.

Подчиняясь давным-давно расписанной программе, Ринарк действовал как зомби, он не сводил глаз с открывавшейся ему таинственной системы, и тело его стало частью стремительного корабля, уносящегося с окраины его галактики в неведомые миры...

Появилась перепуганная Уиллоу — при взгляде на экран ее забила дрожь.

Аскийоль рассеянно посмотрел на нее, она отвела глаза и поспешила вернуться в камбуз.

Ринарк навис над пультом управления, чуткие пальцы забегали по громадной панели, предупреждая малейшее отклонение корабля от курса на Призрак.

С большого расстояния планеты, если не обращать внимания на общую для всех них странно одинаковую

орбиту, выглядели точно так же, как в любой другой звездной системе их галактики. И светились, как со вкусом подобранные бриллианты, обрамляющие сапфировые солнца. Корабль подлетал ближе, Ринарк уже различал вращение планет вокруг двойной звезды — движение их поначалу казалось совсем медленным.

Заняли свои места и друзья Ринарка. Единственное, что было сейчас слышно,— это надрывное гудение двигателя, погребенного в недрах корабля.

— Толфрин, всю связь на прием! Аскийоль, не касайся пушек, если понадобится, я сам скажу!— крикнул Ринарк.

Повернулся в кресле.

— И ни в коем случае не трогай антинейтронного орудия.

Аскийоль поморщился.

Толфрин безучастно щелкал тумблерами.

Снова появилась Уиллоу; внезапность старта подавляла ее. Она не находила себе места, а мужчины всё работали — по четкому плану, сосредоточенно и умело. И снова Аскийоль не обратил на нее внимания.

Планеты надвигались. Было в некоторых из них нечто странное, особенно в одной — к юго-востоку от двойной звезды.

Призрак рос на экране, из динамиков внешней связи неслись какие-то повизгивания и стоны.

— Ловим помехи от Призрака,— прокомментировал Толфрин.

— Ну и суматоха же сейчас на Мигаа,— ухмыльнулся Аскийоль.— Чем быстрее мы летим, тем меньше шансов у тамошней шайки догнать нас, когда сподобятся стартовать.

— Сейчас они как раз выясняют отношения с ГП,— сказал Ринарк.— Так заждались, что теперь их и флоту полицейских кораблей не удержать.

— Что ж, это задержит и тех, и других,— сказал Аскийоль.

— И будем надеяться, надолго,— Ринарк оглянулся на экран.— Что это между нами и звездой, Толфрин? Вроде бы небольшая флотилия...

Толфрин подрегулировал экран:

— Ты прав — корабли... неизвестного мне типа. Давай-ка на всякий случай возьмем курс на ближайшую планету и постараемся оторваться.

Двойная звезда уже казалась близкой и яркой, на лазерном экране Ринарка она затмевала планеты.

Ключом, что дал ему Ринарк, Аскийоль разблокировал пушки.

На них рывками надвигались с десяток необычных кораблей, их металлические корпуса слепили странным желтоватым блеском. В этом судорожном движении было что-то угрожающее. Описав ломаную кривую, они явно собирались преградить путь кораблю Ринарка.

Ринарк задыхался, будто в агонии, с трудом преодолевая искушение закрыть глаза. Он не отводил глаз от экрана: быстрое вращение планет вокруг двойной звезды сменилось неспешным.

По рубке управления прокатился нечеловеческий рык. Толфрин колдовал с телеприемником, но так и не мог добиться изображения. И снова рык — вроде бы речь, но на совсем незнакомом языке. Флагман желтой эскадры рванулся к ним.

Ринарк заблокировал сознание. "Защитное поле!" — крикнул он.

Но Аскийоль уже и так сделал все что нужно.

Корабль содрогнулся; силовое поле устояло против оружия чужаков, хоть и с трудом. Аскийоль навел энергетические пушки на головной корабль.

— Антинейтронное орудие разнесло бы их в пыль,— он почти умолял.

— А может, и всю систему в придачу,— добавил Толфрин, а Аскийоль уже поразил короткой очередью вражеский корабль — тот на глазах превратился в груду искореженного металла.

Остальные корабли перестраивались в боевой порядок, но Аскийоль уже согнулся над пушками и беспощадно жал на все гашетки. Враг платил тем же, но корабль Ринарка пока выдерживал натиск, хотя и весь содрогался. Вот еще два вражеских корабля подбиты, отваливают куда-то вбок по спирали.

И тут же все желтые корабли странными пируэтами взмыли вверх и ударили разом.

— Этой атаки нам не выдержать! — простонал Толфрин.

Взгляд Аскийоля был устремлен на вражескую флотилию. Он успел послать в пространство еще один энергетический импульс, но вражеский залп всей своей мощью уже обрушился на их корабль.

Тот качнулся, вздрогнул, на миг замер и начал медленно дрейфовать, беспорядочно вращаясь, — и в это время с ближайшей планеты взлетели новые корабли. Аскийоль старался как мог не подпустить их, но с не-

управляемого корабля было трудно вести прицельный огонь.

Ринарк пытался наладить управление.

— Залп мы выдержали,— прокричал он,— но повреждена электроника. Толфрин, спустись и посмотри, что там с двигателем!

Толфрин вскочил и бросился к подъемнику, прихватив на ходу скафандр.

Аскийоль совмещал на экране перекрестья прицелов, не переставая чертыхаться.

Он сбил еще несколько кораблей, но врага, похоже, не заботило, уничтожают его или нет. В какой-то момент Аскийоль засомневался, есть ли там на борту экипажи.

Здесь и само пространство было непривычным. Казалось, в нем текли реки почти неуловимых оттенков, предметы теряли обычную резкость, очертания будто ускользали из поля зрения. Это мучило, сводило с ума...

Уиллоу, побледнев, застыла возле переборки, не сводя глаз с большого лазерного экрана. Пространство бурлило, в нем вскипали ураганы энергии. Она клубилась, кружилась, проносилась сквозь растревоженный вакуум. Уиллоу казалось, что двойная звезда перед ней вдруг вспыхнула ярче новой, пелена энергетического многоцветья не позволяла разглядеть ничего, кроме вражеских кораблей.

Постепенно картина расплылась и исчезла, и тут же все эти корабли двинулись им навстречу.

Ринарк понимал, что противоестественное поведение здешнего пространства — не просто порождение энергии, высвобождаемой в сражении. Было здесь что-то еще более зловещее.

Аскийоль вел огонь уже безостановочно. Защитные поля выдерживали натиск энергии, но корабль вдруг охватил лихорадочный жар.

Ринарк взял микрофон:

— Толфрин, ты еще внизу?

— Делаю что могу. Если чуть повезет, я минут через пять почти все налажу,— донесся удрученный голос Толфрина.

— Поторопись,— приказал Ринарк,— иначе не сносить тебе головы.

Кто эти чужаки? Почему они так яростно атаковали корабль, даже не удосужившись разобраться, кто в нем — друг или враг?

А те надвигались с неумолимой жестокостью.

Удлиненное лицо Аскийоля покрывал пот. Уиллоу сидела на полу возле его кресла, впиваясь широко открытыми глазами в экраны.

— Надень скафандр, Уиллоу! — крикнул он.— Надень скафандр!

Девушка с трудом поднялась и нетвердым шагом пошла к шкафу, откуда при ней брал скафандр Толфрин. Едва не заплакав от боли, когда металл обжег ей руки, она неумело взялась за жесткую ткань — но стоило ей надеть скафандр целиком, тот сам собой удобно обтянул ее тело.

Ринарк надел толстые перчатки — ручки управления так накалились, что дотрагиваться до них голыми руками стало невозможно.

Вновь и вновь вражеская флотилия, кувыркаясь, посылала импульсы энергии в их корабль.

Аскийоль отвечал огнем. Он чувствовал, что кожа его идет волдырями,— и удовлетворенно присвистнул, когда еще три вражеских корабля обратились в искореженный металл.

И тут Ринарк обнаружил, что корабль вновь управляем — Толфрин закончил ремонт,— и развернул его на обратный курс, прочь от вражеской флотилии.

А в рубку уже ворвался Толфрин, на ходу снимая шлем. Он рухнул на свое место и застонал с досады:

— О боги! Да их еще больше!..

Вторая флотилия, гораздо многочисленнее той, от которой они отбивались, летела им навстречу — но тут Толфрин заметил, что эти корабли выглядят совсем иначе. Кроме того, среди них не было и двух одинаковых. Необычно разношерстная эта флотилия разлетелась веером — но на перехват не их корабля, а их недругов!

Вспыхнули во мраке две полосы странного мерцания, скрестились на вражеской флотилии — и та просто исчезла!

— Клянусь галактикой, они на нашей стороне! — радостно воскликнул Аскийоль, а Ринарк уводил корабль подальше от арены сражения.

Вдруг из динамиков зазвучал четкий голос, явно дававший какие-то указания. Толфрин заработал ручками настройки:

— Не могу засечь источник передачи.

Голос — обычный человеческий голос с чуть старомодным акцентом — бесстрастно повторял задания по скорости, траектории и прочему точно с той же интонацией, что и раньше.

— Не трудись,— хмыкнул Ринарк.— Похоже, это запись, автоматический инструктаж прибывающих. Почему бы не сделать, что нам советуют.

Следуя указаниям, они подлетели к желто-коричневой планете, маленькой и зловещей. Направлявшие их корабли теперь перестроились в эскорт, легко успевая за их скоростным звездолетом.

И тут в магнитозапись инструкции ворвался новый голос.

— Добро пожаловать на Энтропиум. Мы увидели, что вы в опасности, и послали подкрепление. Извините, что не сделали этого раньше, но тогда вы были за пределами нашей территории. Вы отлично дрались.

— Спасибо,— мягко ответил Аскийоль,— но мы были бы еще признательней, явись эта помощь раньше,— за редкими исключениями, друг Ринарка любезностью не блистал.

— Об этом не могло быть и речи,— безапелляционно заявил голос.— А теперь советую быть повнимательней.

В этот момент они уже устремились в красную, будто раскаленную, атмосферу планеты.

Но... Им пришлось повторять операцию снова и снова — и безрезультатно. Каждый раз они увязали в атмосфере — выглядело все так, словно в кинопроекторе гоняют закольцованную пленку.

Каждый раз им казалось, что корабль вот-вот окажется над поверхностью планеты — и вновь вокруг был лишь красный туман.

Они зависли во мгле, а тот же голос будто забавлялся: "Особенно не огорчайтесь, будем надеяться, это ненадолго".

До предела вымотанный Ринарк попытался использовать космовидение, чтобы хоть как-то разобраться в ситуации, но и его особый дар отказал. Лишь на мгновение он ощутил под собой присутствие планеты — и сразу же все исчезло, осталась только пустота.

Снова и снова пытались они сесть на поверхность планеты — и вдруг, совершенно неожиданно, наконец пролетели сквозь туман, и все залил дневной свет, розоватый дневной свет. Перед ними предстал мрачный, искореженный рельеф планеты, своей дикостью напоминавший сюрреалистический пейзаж работы безумного художника.

Уиллоу, не снимая скафандра, так и лежала пластом, закрыв глаза, да и мужчины не без труда контролировали разум и чувства — настолько бил по нервам, бросал в

дрожь облик чужой планеты, не похожей ни на одну из планет, что им довелось видеть в галактике.

Дело не в странном освещении, не в кошмарном пейзаже. Был здесь некий дискомфорт, пронизывающий до мозга костей.

Было ощущение уязвимости, незащищенности от вырождения и распада планеты, что лежала под ними растрескавшейся гнилой дыней.

"Следуйте за алым кораблем!" — приказал голос по внутренней связи.

И тут Аскийоль, Уиллоу и Толфрин исчезли — на корабле, в который раз нырявшем в багровую мглу планеты, остался один Ринарк.

Куда они делись?

Он в отчаянии рыскал сознанием по окрестностям, но его окружали лишь безумие хаотичного пространства и времени, водоворот беззаконного.

И вдруг вновь рядом возник Толфрин.

"Где ты был, что случилось?" — не успел договорить Ринарк, как появилась Уиллоу, а затем и Аскийоль.

А корабль оказался снова над поверхностью планеты.

В голосе, повторявшем: "Следуйте за алым кораблем!", теперь звучал сарказм. Аскийоль улыбнулся, почувствовав там, снаружи, родственную душу, столь же склонную к насмешкам, как и он сам.

Уиллоу происходившее потрясло до глубины души — особенно когда она внезапно оказалась одна на корабле. Так сколько же кораблей было на самом деле в те странные мгновенья?

Алый корабль возглавлял фалангу длинных и коротких, круглых и квадратных кораблей, эскортировавших экипаж Ринарка, затем оторвался от остальной флотилии и помчался над планетой на юго-запад. Ринарк развернул свой корабль следом. Алый корабль стал притормаживать, сбросил скорость и Ринарк. Внезапно они словно натолкнулись на невидимую преграду, оба корабля отбросило назад, затрясло — а впереди уже проступали очертания города.

Все происходящее воспринималось как какой-то запутанный страшный сон. Ринарк никак не мог понять, что это — галлюцинации или некое физическое искажение реальности.

Даже очертания города причудливо изменялись, плыли...

Пожалуй, решил Ринарк, явление это, называй его галлюцинацией или как хочешь еще, возникает в процес-

се приспособления к иным законам. Когда они окунулись в безумное пространство Призрака, чувства экипажа просто не успели "включиться", им требовалось время.

Сам он надеялся, что его паранормальные способности адаптируются к этому иному миру — ведь от этого зависит успех всей миссии.

"Энтропиум",— пришел голос по лазерному лучу.

Алый почти вертикально забрал вверх и стал рывками оседать в антигравитационном поле. Ринарк в точности повторил его маневр.

Со всей возможной осторожностью он вел свой корабль на посадку, до сих пор не уверенный, что планета вдруг не исчезнет, а сам он не окажется в гуще битвы с вражескими кораблями. Печальный опыт последнего получаса расшатал ему нервы.

Они сели на голом квадратном поле размером с милю — лишь в дальнем его конце виднелась кучка небольших строений.

— Что теперь? — спросила Уиллоу.

— Выйдем из корабля — мы ведь добрались сюда относительно благополучно, сели, где указано. Если бы хозяева желали нам зла, они, думаю, не затеяли бы все эти хлопоты. Да и не терпится разузнать, что за народ на Энтропиуме.

Ринарк втиснул массивное тело в скафандр, остальные последовали его примеру.

— Что же все-таки происходило на корабле?

— Мы, по моим представлениям, испытали какой-то пространственно-временной сдвиг. Мы ведь об этой системе толком ничего не знаем. Приходится быть готовым к чему угодно — не поручусь даже, что смысл и результаты наших действий здесь окажутся теми же, что и в обычных пространстве и времени. Скажем, двигаясь вперед, мы можем на шаг отстать, прыгнув, можем оказаться замурованными в скале. Смотрите в оба — хотя и сомневаюсь, что здесь случится что-то из ряда вон выходящее: так или иначе, люди уже обжили этот мир и построили здесь город. И все же мы должны быть осторожны.

3

К общему недоумению, на поле — явно посадочной площадке,— кроме них был только алый корабль; куда делась остальная флотилия, осталось тайной. Оглядываясь по сторонам, они увидели, как выходит и экипаж

алого корабля,— и с удивлением обнаружили, что лишь немногие из их спасителей были людьми.

Им впервые довелось встретиться с иными — и явно обладающими разумом — формами жизни.

Ринарк поднес к глазам маленький прибор на запястье. Похоже, здесь можно обойтись без скафандров — тем более надо быть осторожными.

Напряженный как струна, шел Ринарк по обугленной земле, вглядываясь в эту странную компанию людей и совершенно неожиданных созданий. Были среди них двое шестиногих и четырехруких, с идеально квадратной головой, десятком крохотных глазок и маленьким ртом; несколько прыгучих существ вроде кенгуру, но явно пресмыкающихся; возвышающееся над всеми длинноногое существо с непропорционально маленьким шарообразным тельцем, длинными руками-щупальцами и круглой головой.

Главным у людей был улыбчивый светловолосый юноша, одетый в стиле, вышедшем в галактике из моды лет этак двести назад: мешковатая синяя рубаха, широкие брюки, заправленные в зеленые гетры, розово-лиловые бальные туфли, поверх рубашки плиссированная накидка, свободная в талии и доходящая до икр. Вооружен — пистолет незнакомой системы, винтовка за плечом — и самодоволен.

— Ходи козырем, загрузка*,— сказал он с непередаваемым акцентом.— Как галактика, все та же, цветет и пахнет?

— Кое-что изменилось,— ответил Ринарк, узнавая в старомодном сленге малого профессиональный жаргон, которым некогда пользовался Клуб Музыкантов-диссидентов — было это именно двести лет назад, и состоял он из людей, объявленных вне закона за отказ исполнять особого рода музыку, признанную правительственными цензорами здоровой и нравственной.

Но тогда, два века назад, о Призраке и не слышали, а Мигаа был необитаем. Ринарк только диву давался. Положим, юноше даже в голову не приходит, что прошло уже два столетия, потому что время здесь течет по-другому; и все же что-то не сходилось.

— Ты вроде как помоложе, верно? — продолжал молодой человек.— Я-то сыграл отходную где-то в двести двадцатом от Третьей Мировой. А ты?

*В оригинале — "the load" (партия груза, перевозимая за рейс транспортом).

— С Третьей Мировой войны на Земле прошло уже четыреста пятьдесят девять лет, да и система летоисчисления теперь другая. Как ты вообще попал сюда? Человечество только-только достигло Кольца, а ты уже оказался здесь.

— Чистый случай, друг. Мы были в бегах — смывались от ГП — и рванули прямо сюда. В чудно́й оказались компании, точно говорю, все из будущего. А ты — из самого далекого из всех, кого приходилось встречать. Кол Мэнидж меня звать. Ну, пошли.

— Куда?

— В Энтропиум,— он ткнул пальцем.— Давай, топать долго.

Милях в двух, шрамом на горизонте, проступал город, хаотическое скопление громоздких кубов и башен, подчас уродливых до ужаса. Хорошо хоть, что выглядели они на сей раз твердо и определенно.

— У вас что, нет наземного транспорта? — спросил Толфрин.

— Когда как, друг, на сегодня — нет. Повыкидывали мы это все. Глаза мозолил...

— Почему это?

— Знаешь, толком не помню — да ладно, придет время, что-нибудь другое сляпаем.

Ринарк не подавал виду, но разговор его раздражал. Он рассчитывал получить ясные и недвусмысленные ответы на мучившие его вопросы, и манеры Кола выводили его из себя.

Времени терять было нельзя. Теперь, коль скоро они уже здесь, пора приступать к исследованию. А с такими вот на все плюющими энтропитами придется ползти черепашьими шагами, даже если те и не надумают сознательно мешать.

— Кто правит планетой? — спросил он у Кола Мэниджа, когда группа потянулась к городу.

— Да все помаленьку. Пожалуй, твое начальство — Рагнер Ольссон. К нему и идем, он хотел тебя повидать. Нравится ему поглазеть на новеньких.

— Тогда нельзя ли побыстрее? Я спешу.

— Ну, о спешке, приятель, забудь, ты дотопал до конца пути. Расслабься, здесь спешить некуда.

— То есть как это? — Ринарк стиснул зубы, что ничего хорошего не предвещало.

— А ты как думал? Раз там тебе было худо, здесь будет хорошо. Вот и все,— и Кол Мэнидж отказался отвечать на дальнейшие расспросы.

Они добрались до города; обитатели, люди и нелюди, провожали их безучастными взглядами.

И сам город, и его жители казались Ринарку какой-то мерзкой помойкой.

Они блуждали в хаосе грязных улиц и лишь к сумеркам вышли к допотопному небоскребу, судя по свету во многих окнах, обитаемому.

Особый дух апатии, царивший в городе, был здесь так же омерзителен, как и везде, и все же Ринарк надеялся, что хоть некоторые его вопросы разрешатся. А дух этот, как он заметил, был в точности такой, что и на Мигаа,— только раз в десять тяжелее.

Из хозяев к тому времени остался только Мэнидж, он и ввел Ринарка с друзьями в небоскреб. Они поднялись на пару пролетов по заваленной объедками лестнице, подошли к какой-то двери — Мэнидж приглашающе толкнул ее.

Четверка застыла в нерешительности у входа в большое запущенное помещение, некий гибрид пункта управления и обиталища. Мэнидж вошел первым.

Их встретили холодными взглядами двое мужчин. Оба — средних лет, один из них — здоровенный и широкоплечий.

Ринарк неприязненно осматривал помещение. К стене жались компьютеры и еще что-то из оборудования. Пол завален толстым слоем брошенных чертежей, одеждой и всякой всячиной — начиная от пары винтовок и цветочной вазы и заканчивая чашками, папками и допотопными бумажными книгами. Повсюду бестолково расставлены столы, кресла и кушетки. На одной из них за самым большим компьютером и сидели эти двое. За ними — открытая дверь в другую комнату.

— Входите,— буркнул широкоплечий.— Мы тут следили за вашим путешествием, такого быстрого старта я еще не видел. Остальные, должно быть, долетят еще не скоро.

— У них, кажется, неприятности с полицией,— заметил Ринарк, не без брезгливости косясь по сторонам.

— Я — Рагнер Ольссон,— представился здоровяк. Он угрюмо разглядывал Ринарка, то ли усматривая в жестком выражении лица Всевидца нечто непривычное, то ли считая Ринарка соперником в борьбе за лидерство.

— Ринарк,— отрекомендовался экс-губернатор.— А это мои друзья.— Их он представлять не стал.

— Что ж, мистер Ринарк, вам достаточно знать только одно. Не пытайтесь ничего здесь менять. Нам нра-

вится все как есть. Делайте в Энтропиуме что хотите, все, что вам в голову взбредет, только нам не мешайте.

Ринарк нахмурился. Не такого он ожидал приема. Ничто так не раздражало его организованное сознание, как эти вопиющие беспорядок и безответственность. Сам он всем существом был предан одному, одной цели.

— Вы управляете Энтропиумом? — спросил он.

— Да, с вашего позволения. Но я никем не помыкаю, пока этот кто-то держит при себе всякие идейки насчет радикального переустройства. Усвоили?

— Ладно, теперь послушайте меня,— сказал Ринарк.— Мне нужна информация, больше ничего. Не исключено, что вы сможете помочь.

Крепыш рассмеялся, смех сменился презрительной ухмылкой. Встал, подошел к Ринарку — с важным и все же, казалось, чуть удивленным видом, будто таких заявлений ему и слышать не приходилось.

— Какую еще информацию, уважаемый? Чего-чего, а космоса вокруг хватает, летите и ищите ее где-нибудь в другом месте. Я беспокойства не люблю. А собираетесь мутить воду — можете убираться с планеты,— он сардонически улыбнулся,— или особо не заживетесь. Сами выбирайте.

— Так что вы от нас тогда ждете? — взяв себя в руки, спокойно спросил Ринарк.

— Да делайте себе что хотите, только не беспокойте никого. А вы уже сейчас мне покоя не даете.

— И вас не интересует, почему мы оказались здесь? Вы ведь помогли нам разбить атаковавшую нас флотилию? Почему вы это сделали?

— Вы, как и все прочие, оказались здесь потому, что вам не нравилось там, откуда вы прилетели. Так? Мы отправили вам на помощь свои корабли, потому что, чем больше нас и чем больше у нас кораблей, тем меньше шансов у Трона — а это его корабли напали на вас — завоевать нас. Все просто.

— Я здесь,— нетерпеливо возразил Ринарк,— чтобы установить природу этой системы, движущие ею силы. Я не беглый преступник и не досужий турист. Возможно, от того, в чем мне удастся или не удастся здесь разобраться, зависит само будущее всего человечества. Это ясно?

Тут поднялся напарник Ольссона, интеллигентного вида человек с утомленным лицом. От него веяло усталостью и скукой.

— Я — Кляйн, и мне в свое время доводилось много чего исследовать. Мой друг, ничего вам о Призраке вы-

яснить не удастся. Какой бы вы план ни придумали, с ним вы зайдете в тупик. Каждый новый обнаруженный факт будет противоречить чему-то уже вам известному.

— Тогда я выколочу истину из этой системы, мистер Кляйн,— загремел голос Ринарка.

Его компаньонам стало не по себе, правая рука Аскийоля покоилась на спусковой кнопке антинейтронного излучателя, они отдавали себе отчет в том, что находятся в численном преимуществе. Но заинтересованность их была не столь страстной, как у Ринарка, и они были не столь готовы идти на конфликт с хозяевами.

А Кляйн вдруг улыбнулся, словно ничего не случилось.

— Тут многие пробовали, и ни у кого не вышло. Слишком уж чужда эта концепция для нашего понимания, неужели не ясно? И дело вовсе не в вашей способности к логическому анализу или чему-нибудь еще. Разве не достаточно того, что здесь, в мультиверсуме, вы ушли от забот своего универсума, своей вселенной? Выбирайте удобное и безопасное прибежище и живите на здоровье. Вы можете чувствовать себя здесь совершенно спокойно — никто ничего от вас не ждет.

— Но вы не можете не знать ответов хоть на *какие-то* вопросы, они послужили бы нам ключом для всех остальных исследований.

— Гарри,— не вытерпел Ольссон,— да плюнь ты на этих бездельников в конце концов! Пусть делают, что им вздумается, лишь бы от нас наконец отстали! Пусть себе "исследуют", все равно ни до чего не докопаются!

— Извольте,— обратился Кляйн к Ринарку, пропустив мимо ушей слова коллеги,— но я немногое смогу вам сообщить. О чем бы вы хотели знать?

— Расскажите для начала, что вы сами узнали о Призраке в бытность на нем.

Кляйн задумчиво пожал плечами, вздохнул:

— На своей орбите нам случалось подбирать всех существующих разумных созданий. Обычно это беглецы, иногда — исследователи. Пометавшись немного, они поселяются на планетах, если здесь этот глагол применим, и этим вполне удовлетворяются. Оказавшись на планете, ее покинет разве что дурак.

— Почему это?

— Потому что, как ни дики эти планеты, окружающее их пространство еще более дико. Полет за пределы атмосферы любого сведет с ума. Почему никто не покидает планеты, как вы думаете? Это не относится только

к обитателям Трона, но они и так достаточно безумны. Вам еще повезло, обычно они не так спокойны. Потому мы настолько и задержались с отправкой вам помощи — тут не слишком много желающих отправиться в пространство по первому зову. Да и над самой планетой условия обычно куда неприятней, чем на этот раз. Так что вам повезло, что вы вообще получили помощь.

— А в чем причина неприятностей?

— Никто не знает, но ближний космос, как правило,— это хаос. Что-то возникает и исчезает, время теряет смысл, рассудок не выдерживает...

— Но с момента нашего прибытия здесь в общем-то не слишком плохо.

— Конечно. Думаю, к этому Трон каким-то образом руку приложил. Похоже, они, уж не знаю как, могут немного влиять на то, что здесь происходит.

— Значит, у них должны быть какие-то знания о природе Призрака?

— Нет. Думаю, Трону просто повезло.

Кляйн с любопытством уставился на Ринарка.

— Так что конкретно вы хотели бы узнать — и почему?

— Это мое дело.

— Сами сказали, вами движут причины посерьезнее, чем простое любопытство. Расскажите о них, может, и я решу присоединиться. Не расскажете — и я утруждать себя не стану. Хотелось бы знать, к чему вы клоните.

— Да и нам бы пора это узнать,— дожимал Толфрин.

Экс-губернатор вздохнул.

— Что ж, ладно. Около двух лет назад я вступил в контакт с экипажем межгалактического корабля. Хотя он и прибыл из другой галактики, экипаж составляли гуманоиды, не слишком отличавшиеся от нас,— факт, поразительный сам по себе. Они понятия не имели о нашей истории, мы ничего не знали о них. Они приземлились на Голунде, богом забытой планетке, входившей в мою юрисдикцию. Я отправился на встречу с ними, мы выучили языки друг друга и разговорились. Они сообщили, например, что в их галактике они являются единственной разумной формой жизни.

— Точно как у нас,— кивнул Кляйн.

— И я полагаю, как и в любой другой галактике нашей Вселенной. Скажите, Кляйн, откуда прибыли нелюди, которых мы здесь видели?

— Из других пространственно-временных континуумов. По-видимому, в каждом континууме доминирует лишь одна разумная форма жизни. Почему это так, я объяснить не могу.

— А это, должно быть, существенно, во всяком случае, так мне кажется,— это феномен, присущий вселенной каждого континуума. Будем надеяться, что не каждой вселенной угрожает то же, что и нашей.

— Угрожает? — не выдержал Толфрин.

— Пришельцы из другой галактики прибыли, чтобы предупредить нас. Вести оказались настолько угрожающими, что я ими ни с кем не делился. Их обнародование могло бы породить панику по всей галактике.

— Так что нам, к черту, угрожает? — интерес проявил даже Ольссон.

— Конец Вселенной,— просто ответил Ринарк.

— Как это...— поперхнулся Толфрин.

— Конец Вселенной, во всяком случае, в человеческом понимании.

— И Лорды Галактики об этом не знают? — вмешался Аскийоль.— Почему же ты им не сказал?

— Потому что рассчитывал найти на Призраке ключ к спасению для всех нас.

— Итак, конец не одной из галактик, а целой Вселенной. *Нашей* Вселенной. А насколько вы уверены, Ринарк? — мягко спросил Кляйн.

— Пришельцы представили мне некоторые доказательства, а остальное довершила моя способность к космовидению. Я абсолютно уверен. Вселенная перестала расширяться.

— И дело в этом? — вмешался Ольссон.

— Ну да — она ведь не только перестала расширяться, она уже сжимается. Материя вновь собирается к своему источнику. Все галактики быстро стягиваются воедино, и с куда большей скоростью, чем разбегались. И по мере того как всю материю утягивает вспять, к центру Вселенной, скорость все более растет! Недалеко время, когда все галактики будут существовать в виде единственной пылинки вещества в безбрежном космосе. А потом, возможно, исчезнет и эта пылинка, и останется лишь вакуум. Пока это движение охватило только галактики, но скоро они сольются в одно целое, и в движение включатся звезды, планеты— абсолютно все!

— Теоретически,— мягко прокомментировал Кляйн.

— Фактически,— возразил Ринарк.— Мои гости провели эксперименты. Проверив эту теорию в своих лабораториях, они обнаружили, что при максимально возможном сжатии вещества — когда вся масса Вселенной превращается в дробинку немыслимой плотности — оно просто исчезает. По их мнению, достигнув конечной стадии, оно входит в другие измерения, как фотон, возможно, во Вселенную более высокого ранга, включающую как частность и сам мультиверсум.

— Значит, материя исчезает, как Призрак?

— Точно так же.

— И все же я не понимаю, почему вы сюда прилетели,— сказал Кляйн.— Потому что здесь безопасно? *Мы-то* в безопасности, так ведь?

— Я прилетел сюда,— ответил Ринарк уже более спокойно,— в надежде найти пути перехода в другую вселенную.

— Коль скоро Призрак путешествует сквозь мультиверсум, вы рассчитываете, что сможете выяснить, как это происходит, и построить некое оборудование, действующее по тому же принципу, я правильно понял? — унылое лицо Кляйна осветилось явным интересом.

— Именно так. Если мне удастся раскрыть тайну Призрака, может быть, мне удастся и вернуться в нашу Вселенную. Я ведь Всевидец и, вероятно, смогу найти ее, предупредить человечество о том, что происходит, и предложить средства эвакуации в какую-нибудь другую вселенную, не претерпевающую изменения.

— Что бы ни случилось, мы-то переживем? — прервал его Ольссон.

— Да. Но для меня это слабое утешение,— отозвался Ринарк.

Остальные помалкивали — перепуганные, но уже чуть расслабившиеся. Это не ускользнуло от Ринарка.

— Вы по-прежнему со мной? — спросил он друзей.

— Нам терять нечего,— помявшись, ответил Толфрин.

— Точно, нечего,— согласился Аскийоль.

Из расположенного за ними оборудования раздался какой-то визг. Ольссон с видимым неудовольствием подошел, настроил приемник, включил звук и изображение:

— Слушаю.

— Рагнер, опять прибывают — заходит на посадку большая загрузка с Мигаа.

— Как они мне все надоели,— объявил Ольссон, выключая приемник.

4

Ринарк с компаньонами наблюдали на экранах, как косяк кораблей с Мигаа входит в пространство Призрака.

И тут с Трона, как акулы, взмыли корабли. В их ярости было что-то необъяснимое, безумное.

Им навстречу уже подлетала пестрая военная флотилия Энтропиума — помочь кораблям с Мигаа разделаться с превосходящим их флотом Трона. Бой завершился куда быстрее, чем у Ринарка.

— Вовремя они успели,— сказал, не отрываясь от экрана, Ольссон.— Очень скоро система начнет обратный переход. Так что сделай своей вселенной ручкой, Ринарк, ты не скоро снова ее увидишь, если вообще увидишь,— он цинично ухмыльнулся.

Проигнорировав ухмылку верзилы, Ринарк обернулся к друзьям:

— Нам следует разделиться. Должны же здесь быть кроме преступников и люди, которые пытались исследовать эту систему. Они могут помочь нам. Походите по городу, поспрашивайте.

Раздался голос Кляйна, в нем звучала какая-то новая нотка:

— Навестите Мери-путаницу, Ринарк. Даже если она вам не поможет, ее пример послужит вам предостережением. Говорят, она была антропологом. Положила на изучение Призрака все свои силы. Впрочем, сходите сами и убедитесь, куда заводит любопытство.

— Где ее найти?

— Точно сказать не могу, но в Северном районе ее знает каждый. Расспросите, вы быстро ее найдете.

— Ладно, так и сделаю,— и, повернувшись к компаньонам: — Возьмите на себя остальные части города. Не упустите ни крохи информации; домыслы или слухи — все может пригодиться. Нам надо действовать быстро!

— Главное — успеть до конца вселенной,— насмешливо прокомментировал Ольссон, но они уже были в дверях.

Стоило выйти из захламленного небоскреба, и сразу бросилось в глаза: посадочную площадку в двух милях отсюда опаляют огненные стрелы, нисходящие с неба.

Кого бы ни собирался разыскивать Ринарк, худшее время для поисков он выбрать не мог. Пока он ходил из

отеля в отель, из бара в бар, город бурным потоком затопили новоприбывшие с Мигаа.

Они начали с того, что напились, и город ожил и зашумел. Прибытие новой партии отмечали не только человекообразные, веселье разделяли и нелюди разных видов, естественно в своих традициях.

Какой-то громадный гибрид слизняка с гусеницей уже послал Ринарка в земных, слишком земных выражениях, но он продолжал поиски, задавал вопросы и получал ответы — бессмысленные или шутливые.

И тут начался настоящий кошмар.

Ни с того ни с сего на Ринарка накатила морская болезнь, в глазах помутилось. Он направил сознание на зондирование всей системы и примыкающей к ней части галактики, но оно просто отказывалось принять полученную информацию, Ринарк не мог усвоить ее.

Галактика представлялась безмерно далекой, казалась в сравнении с Призраком точкой в космосе — чем, в сущности, и была.

Планету вокруг будто объяла зловещая серая мгла, и уже подбиралась темнота.

На мгновение Ринарку почудилось, что уродливые дома вокруг стали таять. Он не ощущал собственного веса, пришлось опереться о стену. Строение представлялось достаточно прочным, но стены ускользали из-под рук, собственное тело расплывалось, теряло обычную плотность. Чтобы овладеть сознанием, будто подхваченным водоворотом, он направил его в привычную реальность галактики, но на сей раз и галактика была не более реальной.

Галактика ощущалась как нечто враждебное, он потерял контакт с ней. Он был на грани паники, но отчаянно пытался овладеть собой.

И тут он понял.

Они покидали галактику, покидали любимую Ринарком Вселенную, за которую он был готов отдать жизнь. Им овладело безрассудное ощущение, что он предан,— словно не он оставлял галактику, а она его. Он задыхался, он был утопающим, лихорадочно ищущим, за что бы ухватиться — руками, сознанием... Не за что. Ничего стабильного. Ничего — он чувствовал и видел,— что не менялось бы.

Серый город, казалось, наклонился. Ринарк почувствовал, что соскальзывает в какую-то бездну. Он брел вниз по опрокинувшейся под немыслимым углом улице, выставив руки перед собой, словно отвращая безумный ужас взбесившегося естества.

И все же было нечто, за что он мог бы зацепиться, нечто абстрактное, что могло бы стать гибельной реальностью, нечто, что привело его сюда. Он силился вспомнить — что же?..

Ясно: начался переход в другие измерения.

Новоприбывшие на Энтропиум осознали это почти одновременно, и в сотнях разбросанных по всему городу таверн появились тихие заводи.

Ринарк заставлял себя идти. Движение — уже что-то, движение доказывает, что при всем бессилии против окружавшего его безумного мира хоть собственным телом он в какой-то мере владеет. Но стоило ему осознать происходящее, как шаг его невольно замедлился. Он приучил себя никогда не раскаиваться в сознательно предпринятых действиях, к каким бы результатам те ни приводили, но сейчас ему приходилось подавлять растущее чувство. Чувство, пришедшее с пониманием того, что шансы его вернуться в собственную Вселенную, прежде чем она вновь окажется на орбите Призрака,— ничтожны.

И все равно он не мог позволить себе расслабиться, пока его миссия не выполнена, не мог позволить себе рискнуть и выбрать неправильное направление, не мог позволить себе думать о чем бы то ни было, кроме главной причины, что привела его сюда.

А земля вздымалась приливной волной и так же неожиданно опадала.

Он спешил. Его мозг работал на грани возможного. Он раздирал сознание, стремясь выкорчевать оттуда всякую постороннюю мысль, каждую кроху ненужной информации; прочь их, надо превратиться в высокоэффективный компьютер, работающий с единственной целью — вырвать секрет Призрака из суматохи и хаоса этой меняющей измерения системы.

Он уже не помнил о чувстве, возникшем в момент сдвига.

Свет вдруг пропадал, появлялся снова, опять исчезал. Казалось, строения замерцали, словно мираж, накренилась сама ось планеты — и Ринарк упал, распластался на земле, ускользавшей из-под ладоней.

До него донеслись беспорядочные возгласы ужаса.

Он поднял глаза и сквозь валом накатывающиеся на него призрачные образы разглядел вход в таверну. С трудом поднялся, добрел. Наконец-то он внутри, видит посетителей.

Новоприбывшие были явно перепуганы, не то что

старожилы, воспринимавшие необычное поведение планеты с полным равнодушием.

Так, должно быть, случалось каждый раз, когда система переходила в новую плоскость мультиверсума.

— Где мне найти Мери-путаницу? — выдохнул Ринарк.

Ему пришлось не раз повторить вопрос, пока какой-то смуглый человек не оторвался наконец от своей девушки и своей бутылки и не сказал:

— Приют Руперта, там, в двух кварталах,— для верности он указал направление пальцем.

А планета продолжала бесноваться. День и ночь мелькали, как в калейдоскопе, земля казалась ожившей, текучей, ползучей. Но Ринарк пробивался сквозь этот кошмар, пока не увидел вывеску приюта.

Открыл дверь, одно прикосновение к которой вызывало зуд, вошел.

— Где Мери-путаница? — почти прокричал он первому, кого увидел,— одетому в черное человечку с неприятным лицом.

Тот и рта не раскрыл. Ринарк затряс его;

— Где Мери-путаница, ну?

— Поднимайся, она наверху, где обычно, в комнате с красной семеркой на двери.

Переход Призрака был почти невыносимой мукой для сознания и тела Ринарка: в голове у него стучало, он полуослеп — и все же заставил себя преодолеть несколько пролетов и найти нужную комнату.

Постучать.

И открыть дверь.

От вида Мери-путаницы кровь стыла в жилах. Бледная красавица, низведенная своим тихим безумием до пародии на идеал женщины.

Ринарку сразу бросилось в глаза: раньше она была человеком замечательного интеллекта. А физически — что ж, и сейчас красавица, с чистым исхудавшим лицом, большими карими глазами, крупным ртом, длинными черными волосами, полной грудью. На ней была только грязная юбка, пальцы бессмысленно блуждали по клавиатуре управления, что устанавливали на допотопных и переусложненных "чувствующих" кораблях. Ими увлекались лет сто назад, потом от них пришлось отказаться из-за "нервных срывов" в моменты опасности. Но здесь-то была лишь клавиатура — ни к чему не подключенная.

Стоило Ринарку осторожно войти в оклеенную убогими обоями комнатушку, где единственной мебелью было

пилотское кресло с корабля,— очевидно, ложе безумной, как ярость его улетучилась.

— Мери,— обратился он к невнятно бормочущим останкам того, что некогда было человеком.— Мери!

Она уставилась на него взглядом, который отпугнул бы любого.

— Адам? Ах, нет. Входи, Кастор, а вот Поллукс пусть останется за дверью. О, никак Рубен Кэйв, Герой Космоса, решил меня навестить? — Рот тронула легкая улыбка, рука вскинулась в неуловимо изящном жесте.— Да присаживайтесь же!

Сесть было некуда, он остался стоять, смущенный и взволнованный.

— Я Ринарк,— хрипло произнес он.— Мне нужна информация. Это важно. Придете на помощь?

— На помощь?.. — голос ее впервые зазвучал внятно, но пальцы все бегали по клавиатуре.— На помощь?.. — лицо скривилось, она вскрикнула:

— На помощь!

Он шагнул к ней.

Пальцы нервными, резкими движениями летали над клавишами.

— На помощь!..— чуть не навзрыд.

— Мери,— настойчиво повторил Ринарк. Он не мог позволить себе коснуться ее округлых плеч, лишь склонился к поникшей женщине.— Все хорошо. Говорят, вы изучали Призрак. Это правда?

— Правда? Где правда, где ложь?..

— Какой он, Мери? Что он с вами сделал?

У женщины вырвался вздох — вздох мужества и отчаяния. Она встала, нетвердым шагом подошла к креслу и легла ничком, охватив руками края.

— Что представляет собой Призрак, Мери? Что он такое? — Ринарк заставил себя забыть обо всех эмоциях, сейчас он был лишь машиной, добывающей информацию.

— Хаос...— забормотала она,— безумие... сверхразум... теплота... О, какая теплота... Но не для меня, не для людей... нет там опоры, ничего знакомого, ничего, за что можно ухватиться. Там попадаешь в водоворот вероятностей, он захватывает тебя, швыряет, как щепку, куда захочет. Падаю, лечу, расширяюсь, сокращаюсь, пою, немею — тело мое ушло, и его не догнать...

Взгляд ее, блуждавший в пространстве, вдруг остановился на Ринарке, в глазах блеснул разум:

— Вы сказали, вас зовут Ринарк?

— Да,— он с трудом сдерживался, чтобы не сделать то, чего делать не хотелось бы.

— Я уже встречалась с вами, возможно, еще там. Или здесь. Или там.

Она вновь уронила голову и, не поднимаясь, забормотала какую-то невнятицу.

Ринарк чувствовал: в ее подсознании бушует хаос Призрака.

Ее рассказ убедил: пережитое ею может ввергнуть в безумие.

Он сосредоточил на ней внимание, собрал все свои сенсорные способности, почувствовав каждый составляющий ее тело атом, сконцентрировался на рецепторах и участках мозга, пытаясь разгадать, как повлиял на нее Призрак.

Но физическое состояние женщины оказалось близким к норме; разве что в кровь поступало слишком много адреналина, в этом, вероятно, и причина ее почти непрестанного движения.

А сознание ее Ринарку не открывалось. Он не был телепатом и в эти минуты чуть не радовался, что неспособен заглянуть в ее изуродованное сознание. Сейчас он изучал ее мышечные рефлексы и нервную систему, искал подход, который позволил бы ей продержаться столько, чтобы успеть ответить на некоторые его вопросы,— и даже такое минимальное вмешательство было ненавистно ему.

И тут почувствовал: что-то в ней подалось.

— Аскийоль! — воскликнула она.— Имя я, кажется, вспомнила, а что с вами? Разве вы не умерли?

Откуда она могла знать Аскийоля?

— Да, Аскийоль — имя моего друга. Но я жив...

Ринарк едва сдержался, чтобы не выругаться. Ситуация и без того непростая, а тут появляется еще одна загадка.

— А к чему вы вспомнили Аскийоля?

Безумная уставилась отсутствующим взглядом куда-то в стену и не отвечала.

Тогда он попытался вновь.

— Мери, где вам приходилось бывать? Что вы нашли?

— Рваную планету,— невнятно ответила та.— Я отправляюсь туда... отправлялась туда... напоследок... решетчатая планета. Держусь подальше.

Ринарк попробовал подладиться, чтобы хоть как-то вытрясти из нее информацию.

— Почему? — он говорил почти нежно.— Почему, Мери?

— Нельзя связываться с Призраком, он — не весь, части его в других измерениях, движутся сами по себе... Там Дыра, обитатели засели в Дыре. Им известно все, они не хотят вреда, только угрожают. Им известна истина, и она невыносима!

— В чем эта истина?

— Забыла. Не смогла удержать. Они мне открыли ее. Это было нечестно,— и опять она пристально смотрела на него, и опять ее взгляд стал разумнее.— Не верьте в справедливость, Ринарк, и на миг не допускайте, что она существует. Нет ее. Узнаёшь, что ее можно добиться в *ущельях*, но в реальной вселенной она разбивается вдребезги. В *ущельях* ты ее найдешь.

— В ущельях? Где они? — Ринарк не мог понять, почему она произносит это слово с особой интонацией.

— Ущелья рваной планеты,— Мери вздрагивала, словно не в силах оторваться от сиденья.— Там я все вконец и забыла, там любая теория, любая кроха информации, добытая на другой планете, теряет смысл. Забыла, но лучше мне от этого не стало. Мне ведь все было интересно. Теперь нет, я хочу только покоя и мира, а их-то и нет. Все идет, как шло. Правда, те знают, знают, но ненависть сохраняет им рассудок.

— Кто "те", Мери?

— Трон. Страшный Трон. Да и Шаарн знает, но там они слабы, не смогли мне помочь. Зверюшки. Не дай им вытолкнуть тебя в... невремя... непространство. Их оружие не знает пощады. Они не убивают.

— Спасибо, Мери,— сказал Ринарк, не в силах помочь ей.— Я отправляюсь на Трон.

Она приподнялась над своим ложем; в бессвязных выкриках можно было различить лишь отдельные слова:

— Я не говорила... спираль... красная краска, ночь... Нет, нельзя видеть... нет. О нет!

И разразилась рыданиями; Ринарк отвернулся и молча вышел из комнаты.

Он брел по коридору. Та малость, что удалось выведать, не удовлетворяла его, но план... план уже складывался. Он должен попасть на Трон и узнать истину, о которой говорила Мери.

Как бы то ни было, от обитателей Трона скорее можно ожидать помощи — если, конечно, они соизволят ее оказать,— чем от деградировавших жителей Энтропиума, которым на все наплевать. Правда, отчасти понимал и тех, кто не мучится вопросами и не взыскует истины. Бурлящий хаос Призрака, сопутствующий его переходу

через измерения мультиверсума, мог хоть у кого отбить всякую охоту размышлять.

По выходе из приюта Ринарк, к своему удовлетворению, обнаружил: планета окончательно угомонилась и, судя по всему, вновь вошла в обычное пространство — но в иной вселенной.

Как ни торопился Ринарк назад, в небоскреб, это не помешало ему зондировать сознанием пространство, и то, что он обнаружил, его успокоило: за взбесившимся Призраком располагались надежные, законопослушные планеты и солнца спиральной галактики, во многом напоминавшей его собственную, хотя то и дело он наталкивался на незнакомые органические образования.

И вот он вновь в том самом зале небоскреба. Первым заговорил Кляйн:

— Половина новоприбывших с Мигаа погибла. Как обычно, во время перехода они испугались и натворили глупостей; тела мы прибрали. Из уцелевших часть решила осесть, остальные со всех ног бегут обратно, на посадочную площадку... Как у вас прошло с Мери?

— Она сказала, что о природе Призрака знают на Троне, во всяком случае, я так ее понял.

Вошли Аскийоль и Уиллоу. Ринарк лишь кивнул им.

— Это жители Трона нападали на нас? — спросил он у Кляйна и услышал: где-то вдалеке стартуют корабли.

— Предупреждали ведь их,— вздохнул Кляйн.— Вот и еще несколько сотен смертников.

— Что вы имеете в виду?

— Каждого из новоприбывших, кто рассчитывает, что Призрак послужит ему перевалочным пунктом из одной вселенной в другую, мы предупреждаем: раз уж они здесь оказались, здесь им придется и остаться. Нет, берутся за свое. Может, у одного-другого это и вышло, не знаю. Думаю, вряд ли. Что-то не дает покинуть Призрак, если даже и удалось попасть на него.

— И вырваться невозможно? — огорченно спросила Уиллоу.

Занятно, подумал Ринарк, взглянув на нее, до чего по-разному ведут себя люди в критических ситуациях. Уиллоу выглядела донельзя расстроенной, Аскийоль — будто ничего и не произошло. Интересно, в каком состоянии окажется Толфрин?

Кляйн ответил:

— Верно, детка. Вырваться отсюда еще труднее, чем попасть сюда. Вы ведь не существуете *полностью* в пространственно-временной матрице той вселенной, в ко-

торой в данный момент находится Призрак. Мы как бы перетекаем в другие измерения. Так что, пытаясь покинуть его, вы встречаете эти измерения под острым углом и — хоп! — расщепляетесь. Какая-то часть вас движется одним путем, остальное — другим. Нет, отсюда вам не вырваться.

— Что, Ринарк, проблем прибавилось? — поинтересовался Аскийоль, поигрывая перчатками.

— Прибавилось и сведений, не зря я узнавал,— утомленно сказал Ринарк.— А что *ты* разузнал?

— Определенного немного. У одиннадцати планет куча названий в честь людей и не людей. Есть миллион теорий о природе Призрака, как правило основанных на фольклоре и суевериях. Говорят, что первым появился Трон, он, надо думать, и стал родоначальником системы. Поэтому, вероятно, тронцев и не устраивает появление чужих кораблей.

— Что еще?

— Есть некая раса, в просторечии именуемая "тухлая слизь", которая, как предполагают, знает историю мультиверсума. Есть некая планета, именуемая Рваная Жалость, где, как предполагают, и составлен адский замысел этой адской системы.

— Нечто подобное говорила мне Мери,— подтвердил Ринарк.

Вошел Толфрин — едва передвигая ноги. Ни слова не сказав, рухнул на кушетку.

Ринарк подождал и заговорил вновь:

— Есть вопросы, на которые мы *должны* ответить. И ответов будем добиваться, не жалея времени.

Почему орбита Призрака столь необычна? *Каким образом* он движется? Если разберемся в принципе движения, не исключено, что нам удастся, доработав, заложить его в конструкцию кораблей, предназначенных для эвакуации нашей галактики. Как бы логика, если можно так выразиться, этой системы ни была чужда нам, мы обязаны ее одолеть. И еще я думаю — все ли вселенные сжимаются одновременно?

Последний вопрос прозвучал как-то нерешительно. Ринарк, судя по всему, на первое время решил оставить его открытым.

— Если все, то шансов на эвакуацию практически нет. С другой стороны, то, что мы выясним, позволит нам...

— Остановить вселенную в ее естественном движении к распаду или изменению? Что вы, Ринарк! — рассмеялся Кляйн.

— Да, Кляйн,— если придется на это пойти!

— О чем, к чертовой матери, мы все тут болтаем? — устало заговорил Толфрин.— Нас только трое — трое против естественной вселенной. О неестественной вселенной, ужасном месте, где мы сейчас находимся, я уж не говорю.

Он покачал головой.

— Признаться, то немногое, что я узнал, заставило меня почувствовать себя беспомощным, бесполезным, бессильным. Лучше махну рукой, чем буду бороться с тем, что, судя по всем сведениям, является необъятным и неумолимым движением сил природы, которое с логической неизбежностью должно привести к концу человечества — и органической жизни вообще — и в нашей, и в других вселенных. Человечество отжило свое, и все, что в наших силах, — это назвать вещи своими именами. Если ты можешь возразить, Ринарк, я был бы признателен...

А Ринарк вдруг почувствовал, что не хочет больше удерживать Толфрина.

— Сомневаюсь, что смогу дать ответ, который бы тебя удовлетворил,— сказал он печально.— Ты фаталист. А любой фаталист — только не обижайся — еще и человеконенавистник.

Качественное отличие человечества от любых других форм жизни в нашей Вселенной состоит в его способности управлять природой. Человек и дорос до Homo sapiens, Человека Мыслящего, за счет того, что тысячелетиями практически не зависел от окружающей среды. Он приспосабливался к ней, приспосабливал ее, покорял ее. Сколь бы ни был велик масштаб неминуемого бедствия, с которым сталкивается наша раса, этот закон продолжает работать. В нашем случае, возможно, придется покинуть все привычное и заняться адаптацией к новой среде — и управлением ею. Если Человеку это окажется по силам, он навсегда докажет законность и оправданность своего существования!

Толфрин, подавленный страстностью и убежденностью тирады, не нашелся, что ответить. Лишь покачал головой и продолжал молча размышлять. Ринарк чувствовал — этот человек сдал, так механик чувствует близость разрушения детали, исчерпавшей свой ресурс.

Он ограничился словами: "Раз так, тебе лучше остаться здесь".

Толфрин кивнул:

— Я подвел тебя, Ринарк. Но, честно говоря, это выше моих сил, много выше. Кому-то из нас удается до

сих пор сохранять оптимизм, но с фактами нельзя не считаться.

— Факты можно изменить,— сказал Ринарк; Толфрин его больше не интересовал.

— Решил завязать? — подмигнул Аскийоль.— С чего бы?

— Обстоятельства сильнее меня,— горько усмехнулся Толфрин, поднялся и вышел из комнаты.

Аскийоль обернулся к Ринарку:

— Понять не могу, с какой он стати?

— Надеюсь, что не можешь,— мягко сказал Ринарк.

Он наблюдал за приятелем: тот, ошарашенный и смятенный, уже отвернулся и не сводил взгляда с Уиллоу.

У той на глаза навернулись слезы:

— Я не могу на это отважиться. Мы только что такое перенесли, и опять...

— Ты разлюбила меня, в этом дело?

— Да нет же, Аскийоль, ты мой любимый навсегда. Но ты... ты бы мог остаться со мной здесь?..

И снова Аскийоль взглянул на Ринарка.

— Мы летим на Трон,— заявил он как о чем-то решенном.

— Что ж, раз ты надумал присоединиться...

— Береги себя, Уиллоу,— тихо сказал Аскийоль.— Может, я и вернусь, кто знает?

И вот для них с Ринарком стали прошлым и эта комната, и небоскреб, и весь этот странный город. Они подходили к площадке, к своему опаленному кораблю, готовые плечом к плечу встретить ужасные испытания, а может, и саму смерть.

— Одним шутом меньше,— засмеялась Уиллоу, улыбнувшись Кляйну.— Да мало ли таких — морочат сами себя, они, дескать, "взыскуют высших ценностей", просто чтобы уйти от ответственности! Одним шутом меньше.

— Что есть ответственность? — на сей раз Кляйн был афористичен.— Уж кто-кто, а этот ваш шут знает: ответственность, моя милая, — эвфемизм самовыживания.

Она, казалось, не поняла Кляйна.

— И что бы ему остаться..,

5

Ринарк колдовал над главным пультом управления корабля, вызывая к жизни всю сложнейшую махину.

Теперь он не мог удовлетвориться соображениями и теориями. Он рвался к действиям, решительным, безостановочным и безотлагательным. Только они способны привести туда, где, возможно, сокрыты ответы на переполнявшие его мозг вопросы...

Уже проложив по карте курс на Трон, он кое-что вспомнил и обернулся к Аскийолю; тот сидел в орудийном отсеке, задумчиво уставившись на приборы.

— Тебе приходилось до Энтропиума слышать о Мери-путанице?

Аскийоль, не разжимая губ, покачал головой.

Нет так нет. Ринарк переживал за друга, но не мог позволить, чтобы личные отношения влияли на избранное им будущее.

Насколько он понимал, межпланетное пространство Призрака подчинялось известным ему законам еще в меньшей степени, чем сами планеты. Значит, надо быть готовым к тому, что даже рутинные навигационные расчеты на в общем-то небольшом участке пространства между ними и Троном превратятся в головоломку.

Он сказал, не оборачиваясь:

— Когда мы окажемся в пространстве, я не смогу отвлекаться. Надеюсь, что все необходимое, кроме пилотирования корабля, ты возьмешь на себя. Мне придется сосредоточить сознание на Троне и провести корабль через меняющиеся измерения, пространство и время. Так что в случае нападения ты должен быть готов, должен показать им все, на что способен. Я в этом деле участвовать не смогу. Все ясно?

— Да стартуй ты наконец! — нетерпеливо ответил Аскийоль.

— И не торопись пускать в ход антинейтронную пушку,— Ринарк уже нажимал кнопку "запуск".

Корабль рванулся прочь от Энтропиума.

И они попали в кошмар!

Хаос

Подобное просто не могло существовать! Здесь игнорировались все известные Ринарку интуитивно приемлемые законы.

Ошеломление

Красота фантастическая — и, насколько мог судить Ринарк, обреченная на неприятие, разрушение, распад под тяжестью своей противоестественности, враждебности всему сущему...

Схватка

Корабль мчался, а вокруг него вихрились, свивались, завывали мириады многомерных потоков. Они покушались на психику наших героев, а те сопротивлялись им, проклинали их — и каким-то чудом ухитрялись избежать худшего...

Страх

Они не могли существовать здесь. Зная это, они заставили хаос своего микрокосма покориться своей храбрости, своей воле, создали островок порядка в вопле сорвавшегося с цепи творения.

Искушение

У них было лишь осознание себя человеком, существом разумным и мыслящим, способным на преодоление пределов, в которых пыталась удержать их вселенная. А пределов они *не признавали* — и боролись, и выматывали свое сознание, как никогда прежде, и находили резервы разума, о которых прежде и понятия не имели.

И коль скоро иного выхода у них не оставалось, они задействовали все ресурсы человеческого сознания, дремавшие с тех пор, как человек стал говорить о своем "человеческом естестве", называя так то, что позволило животному, по существу, его естеству подчинять жизнь определенному порядку.

Да, теперь они отвергли пределы, и Ринарк прошивал кораблем злокозненные потоки противоестественного пространства, бросая им свой вызов. И два этих слова "Я — человек" стали его мысленным боевым кличем, когда он всей силой разума бросал металлическую громаду корабля на штурм стихии пространственно-временных потоков и сквозь вскипающий ужас торил свой путь к гневному миру Трона.

Он прекрасно понимал — иные измерения будто поджидают в засаде их корабль, готовые заманить его в ловушку, перехватить, не дать достичь цели. Но избегал их и, собрав все силы, выдерживал курс на Трон.

Четыре часа двое мужчин вели схватку с безумием, с хаосом, обратившим в идиотку Мери-путаницу.

Наконец на лазерном экране показался Трон. Ринарк, ослабевший, дрожащий, но пышущий энергией, направил корабль в атмосферу Трона, и, хотя нависавшая над ним планета таила новые и более страшные угрозы, он приближался к ней с уверенностью и надеждой.

Пока было не до разговоров, но оба они сознавали: экспедиция связала их крепкими узами товарищества.

Двое этих мужчин, разделивших и ужас, и победу, как бы сплавились воедино.

Глубоко вздохнув, Ринарк бросил корабль в пике и приступил к тщательной рекогносцировке планеты.

Она казалась пустынной; исключение составлял лишь закрытый куполом город на Северном полюсе. Были, конечно, и другие города, но необитаемые. Ни сигналов в эфире, ни явных признаков жизни не регистрировали приборы корабля. Где же яростные обитатели Трона? Не всех же вместил городок на Северном полюсе?

— Черт с ним,— решил Ринарк.— Давай-ка спустимся и посмотрим, что стряслось. Дело рискованное, но, так или иначе, я поставил на карту всё и ставки терять не хочу. Ты за?

— Я-то думал, ты и так считаешь, что я на все готов,— рассмеялся Аскийоль.— Конечно. Можно приземлиться на той здоровенной площади, что мы заметили в самом большом городе.

Ринарк согласно кивнул; еще немного, и опускающийся корабль опалил струями пламени камень городской площади.

Молчание — вот все, чем встретил их город.

— Высаживаемся? — спросил Аскийоль.

— Да. Там, у тебя за спиной, ящик, отопри его.

Аскийоль открыл дверцу и удивленно поднял брови. В ящике был великолепный арсенал личного оружия — Ринарк никогда прежде не носил и не пускал в ход ничего способного нанести смертельное поражение.

— Видишь, там антинейтронный излучатель, дай-ка его мне,— сказал Ринарк.

Аскийоль не задавал лишних вопросов, просто взял кобуру с излучателем из гнезда и протянул. Ринарк посмотрел на нее с каким-то необычным выражением.

— На крайний случай,— пояснил он мягко.— Пока я испытываю мало симпатии к жителям Трона, хотя не исключаю, что их кажущаяся беспричинной воинственность на самом деле вполне оправданна. Но как бы ни претило мне признание допустимости подобных мер, приоритет нашей миссии для меня выше моего морального кодекса — нам важно сохранить свои жизни во имя человечества.

— Тогда пошли.

Ринарк вздохнул. Они надели скафандры, и лифт спустил их в воздушный шлюз.

Ринарк и Аскийоль брели по пустынным улицам явно покинутого города. Впрочем, при всей экзотичности встречавшихся им строений и машин, определенно принадлежавших иной цивилизации, в назначении большинства из них удавалось разобраться.

А вот почему город пуст и куда девались его обитатели, они понять не могли. Очевидно, те отсутствовали недолго: ни ржавчины на машинах, ни следов запустения.

Сознание Ринарка рыскало вокруг, пытаясь обнаружить признаки жизни внутри строений, но ему удалось почувствовать лишь какие-то специфические возмущения пространственно-временных уровней, распространяющиеся за пределами континуума Призрака.

Там — иногда ближе, иногда дальше — жизнь объявлялась внезапно, как привидение, и это было сверхъестественно.

Они обошли весь город и уже возвращались к площади, где высился корабль, когда началось непонятное.

— Боже, меня тошнит,— пошатнулся, зажмурившись, Аскийоль.

То же испытывал и Ринарк. На миг зрение его как бы раздвоилось. Он почувствовал, как у ближних конструкций замелькали какие-то едва различимые тени той же формы, размера и облика, что и более материальные здания и машины. Тени эти, казалось, сливались с материальными конструкциями — и весь город нёожиданно стал ожившим, обитаемым.

Он внезапно наполнился существами вроде собак с шестью конечностями — четыре для передвижения, две в качестве рук.

Жители Трона!

Пораженные люди достали пистолеты и, когда обитатели заметили, что среди них находятся чужаки, стали отступать к кораблю.

А солдаты Трона направили на них какие-то странно изогнутые трубки — и открыли огонь.

Экранированные скафандры поглощали или отражали энергию зарядов, они вынесли и самый мощный залп, но людей швырнуло на землю.

— Отстреливаемся, иначе нам конец! — крикнул Ринарк.

И друзья прибегли к своему страшному оружию.

Лучи разгулявшегося антивещества устремились к воинам Трона, налетели на них, вонзились в них, заклокотали в их телах.

И тела взрывались, ссыхались, обращались в мельчайшие крохи содрогавшейся материи и почти сразу же исчезали вовсе. Скафандры людей окружила мертвая зона, ее граница рывками двигалась все дальше. В этом смертельном круге плясали лучи и, мерцая, поражали одну группу тронских солдат за другой, сокрушали все, чего бы ни касались, живое и неживое, пока не иссякала их энергия — и спустя несколько мгновений рядом с людьми не осталось живых тронцев.

— Боюсь, что они еще не созрели для переговоров,— не без ехидства заметил по рации Аскийоль.— Что будем делать, Ринарк?

— Вернемся на корабль, подождем.

Динамики на пульте управления разрывались от помех. Аскийолю все же удалось в конце концов поймать повторяющуюся серию высокочастотных сигналов, однако он так и не разобрал, было ли то каким-то зашифрованным сообщением или просто речью. Он срезал высокие частоты и с удивлением разобрал слова земного языка, пусть несколько высокопарного. Как ни занят был Ринарк, следя на экранах за действиями тронцев — а те уже вновь заполняли площадь,— это услыхал и он.

Остерегайтесь тронцев!.. Остерегайтесь тронцев!.. Остерегайтесь тронцев!..

Трудно было решить, предостережение это или угроза. Аскийоль, настроившись точно на ту же частоту, передал в эфир:

— Кто вы? Ответьте.

— Мы враги тронцев. Мы шаарнцы, чьи пращуры обрекли тронцев на их теперешнее существование. У тронцев есть машины, против которых вы бессильны. Они силой выдворят вас за пределы нашей системы, на Лимбо*. Немедленно взлетайте и берите курс на Северный полюс. Мы видели, как вы пролетали над нами, но вплоть до настоящего времени не могли открыть вам способ и вид связи. Приносим извинения.

— С какой стати нам доверять им? — нахмурился Аскийоль.

— Какая разница, что огонь, что полымя,— ответил Ринарк.— Я взлетаю. Передай им, что мы прибываем.

— Вы должны поторопиться,— заметил шаарнец.— Нас мало, и технические возможности защиты от тронцев невелики. Вам следует прибыть в наш город до них:

*Лимб — преддверие ада, чистилище (англ.).

время, в течение которого мы сможем впустить вас, весьма ограниченно, потом нам придется опять захлопнуть барьер.

— Будьте готовы — взлетаем,— ответил Аскийоль.

Корабль со свистом ушел вверх, завис на мгновение неподвижно и на предельной скорости устремился к полюсу.

Они достигли его меньше чем за минуту, и на их глазах купол замерцал и растаял. Стоило им влететь, он снова закрылся за ними, а они уже со всеми предосторожностями садились прямо посреди города. Да нет, скорее городка; среди домов, окружавших маленькую, по масштабам городов Трона, посадочную площадку, большинство не имело и четырех этажей. Они видели, как над их головой корабли Трона в бессильной ярости пикировали на полярный город, и полуослепли от молний энергетических разрядов, которыми купол отбивал атаку.

Не покидая корабля, они ждали.

Наконец связь ожила: "Отрадно, что нам удалось оказать вам помощь. Нет смысла наблюдать, как тронцы будут предаваться своему гневу. Как ни яростны будут их атаки, против силового поля тронцы бессильны. Мы высылаем вам транспорт. Окажите любезность и воспользуйтесь им для полета в город, когда будете готовы".

Через несколько секунд к кораблю подлетела авиетка из тонкого золотистого металла с открытым верхом и зависла у шлюза.

— Что ж, посмотрим, как нас здесь встретят,— сказал Ринарк.

Когда они погрузились в маленький самолетик, тот сразу же развернулся и не спеша полетел обратно в город.

Ринарк полностью доверял словам Мери-путаницы о том, что здесь обитает дружественный народ.

Самолетик резко пошел вниз и опустился у самого входа в небольшое строение, простое и функциональное.

Вышли два существа вроде собак с шестью конечностями. Аскийоль чуть не открыл рот от изумления и, не отдавая себе отчета, потянулся к пистолету, но увидел, что эти существа, так похожие на тронцев, не вооружены, и умерил свой пыл.

Шаарнцы, как и тронцы, обладали вполне приятной, с человеческой точки зрения, внешностью — может быть, потому, что так походили на дружелюбных собак.

Существа мягкими и успокаивающими жестами предложили Ринарку и Аскийолю выйти из самолета. Те так

и сделали, миновали ряд просто обставленных комнат с каким-то незнакомым оборудованием и вошли во двор, накрытый переливчатым силовым куполом.

Там стоял лазерный передатчик непривычной для них системы; один из шаарнцев подошел к нему и заговорил. Несколько секунд он настраивался на частоты находящихся в скафандрах раций, и люди, пока не настроили собственные приемники, слышали лишь тот же писклявый шум, что и раньше.

Затем зазвучал чистый голос представителя шаарнцев:

— Мы искренне сожалеем, что наше гостеприимство не распространяется на всю планету, но, как вы, вероятно, понимаете, под нашим контролем находится лишь малая ее часть. Меня зовут Наро Нуис, а это моя подруга, Зени Оуис. Вы, мне думается, Ринарк Джон и Аскийоль Помпейский.

— Правильно, но как вы узнали?

— Мы были вынуждены — и вам придется простить нам это — войти в ваше сознание, чтобы определить, какой путь общения с вами следует избрать. Надо признаться, мы телепаты...

— Тогда зачем вы прибегли к лазеру?

— Мы не знали, как вы отнесетесь к телепатическому вмешательству в ваше сознание, к тому же подобное не в наших правилах — за исключением случаев крайней опасности.

— На мой взгляд, это как раз такой случай,— резковато вмешался Аскийоль.

— Понимаю,— сказал Ринарк.— Что ж, насколько я могу судить, телепатическая связь наиболее удобна. Телепаты встречаются и в нашей расе.

— Быть по сему,— сказал Наро Нуис.

— Очевидно, у вас есть веские причины, раз вы пренебрегли опасностями Трона,— зазвучал голос в голове Ринарка,— но мы воздержимся от расспросов. Не можем ли мы предложить вам помощь?

— Благодарю,— ответил Ринарк.— Во-первых, хотелось бы знать, отчего так воинственны тронцы; во-вторых, правда ли то, что ваша раса первой появилась в этой системе. От того, что я узна́ю, многое зависит,— и он поведал шаарнцам, каким образом его расе стало грозить уничтожение.

Инопланетяне, по-видимому, совещались. Наконец послышался ответ:

— Не будете ли вы возражать, если мы в течение некоторого времени продолжим телепатически присут-

ствовать в вашем сознании? Таким образом вы в некоторой степени ознакомитесь с историей Шаарна и узнаете, в силу каких обстоятельств наша система обрела свою не вполне обычную орбиту в многомерной Вселенной.

— Что скажешь, Ринарк? — донесся по рации голос Аскийоля.

— Думаю, это блестящее предложение.

Гостей ввели в полутемное помещение, где их ожидали прекрасно сервированные еда и напитки. Впервые за долгие годы они почувствовали, что напряжение отпустило их.

— Мы воспользовались этим помещением, просто чтобы повысить вашу восприимчивость к нашим последующим коммуникативным воздействиям.

— А в чем они будут заключаться?

— Мы хотим восстановить для вас историю войны между Шаарном и Троном. Она началась много тысячелетий назад, когда наши предки завершили освоение собственной пространственно-временной галактики...

По просьбе Наро Нуиса они предварительно очистили сознание и приобщились к истории...

6

В своей галактике шаарнцы — ученые, путешественники, исследователи — были баловнями судьбы, волхвами, приносящими дары, кладезями мудрости, вершителями справедливости. На громадных звездолетах они несли в миры галактики милосердие и законность, творили порядок из хаоса, выкраивали единственно справедливое решение из нагромождения возможных.

Пришло время, и шаарнцы устремили свои корабли к Центру вселенной, по внешнюю сторону Границы.

Гордые, мудрые и милосердные, без самодовольства уверенные в себе, они посылали своих сыновей на необитаемые планеты бесчисленных звезд. Смеющиеся баловни древней культуры стремились все дальше.

Распевая и насвистывая, вели они корабли через самые неизведанные области гиперпространства,— избегая войн, соблюдая права личности и передавая свою мудрость и опыт любому, кто в том нуждался. И они — как и люди — пришли к выводу, что все разумные расы имеют близкое к ним обличье.

Среди этого могущественного народа были циники и идеалисты, неискушенные и многоопытные, но, так или

иначе, корабли шаарнцев летели все дальше, к мирам Границы.

Звездолет "Вондел" под командой Роаса Руи вышел из гиперпространства в половине светового года от двойной звезды, называемой шаарнцами Ито. Вокруг Ито по все более удаленным орбитам вращались одиннадцать миров — одиннадцать тайн, на которые Роас Руи и его команда ученых и чародеев взирали с волнением и интересом. Одиннадцать разноцветных шаров, одиннадцать вместилищ органической и неорганической жизни. Найдут ли они там разум? Новые идеи, новые знания? Роас Руи верил: найдут!

В самом начале космических путешествий шаарнцы не без страха сталкивались с чуждыми культурами, но времена эти прошли. При своем могуществе и самоуверенности они и представить не могли превосходящей их расы. На некоторых мирах вблизи Границы им, правда, попадались следы какого-то племени звездных скитальцев, но следы невероятно древние, оставленные некоей давно вымершей расой, путешествовавшей меж звездами и впоследствии выродившейся. Поэтому, когда Роас Руи, присмотрев четвертый от Ито мир, отключил реактор и вывел корабль на орбиту, он чувствовал что угодно, но только не страх.

Роас Руи то и дело нетерпеливо поднимался на четырех задних конечностях, пытаясь разглядеть затянутый пурпурными тучами мир, уже заполнивший весь экран. Лохматая голова, так напоминавшая людям собачью, чуть не влезала в экран, рот кривился, что выражало высшую степень удовольствия. Он обернулся и оскалил блестящие клыки — это подчеркивало испытываемое им наслаждение.

"А планета не маленькая, Медуов Ден",— мысленно передал он своему второму офицеру, который стоял у контрольного экрана и подкручивал ручки, укрупняя изображение мира.

Тот, не обернувшись, так же мысленно ответил: "Сила тяжести почти как на Шаарне".

"И вновь оправдываются предчувствия Ваун Наса. Он всегда выделял планеты, по составу атмосферы и гравитации наиболее близкие к Шаарну. Он один из лучших предвидцев Отделения".

В знак согласия Медуов, не раскрывая рта, лязгнул зубами. Очень крупный, самый крупный из экипажа, и очень высокий; при своем пятифутовом теле преданностью Исследовательскому Отделению он даже превосхо-

дил остальных членов команды. Он и работе был фанатично предан, возможно, потому, что из-за немыслимого роста не пользовался особым успехом у шаарнок: Медуов, во всяком случае, ссылался именно на рост. Все, впрочем, знали, что еще в бытность юным курсантом он в приступе гнева позволил себе убить домашнее животное. После этого, естественно, его подвергли разве что не остракизму, а его продвижение по службе было навсегда ограничено должностью второго офицера. Тяжело дыша, Медуов продолжал работать у панели управления, намеренно блокировав сознание от всех мысленных сообщений, кроме наиболее важных — сообщений, которые мог бы передать командир.

Роас Руи по-детски залился смехом — шаарнским, звучащим как визгливое хныканье. Он приказал двум пилотам приготовиться к посадке на поверхность планеты.

"Активировать защитные экраны!" — он отдавал привычные команды как нечто само собой разумеющееся. Некоторые из распоряжений принимались к исполнению операторами даже раньше, чем он успевал подумать о них. "Включить антигравитаторы!" Весь громадный корпус корабля заполнило тихое ворчание двигателей. "Снизиться до двух тысяч футов!"

"Вондел" врезался в атмосферу новой планеты и понесся в двух тысячах футов над поверхностью. На экранах замелькали холмы, заросшие сине-фиолетовыми папоротниками; они колыхались, как море, насколько хватало глаз, изредка перемежаясь какой-то более высокой голубоватой растительностью. Это было прекрасно. Стоило Роасу Руи взглянуть на пейзаж, и все его тело содрогнулось от переживаний. Для шаарнца все новые планеты казались прекрасными.

— Начинаем исследования,— радостно объявил он.

Компьютеры приступили к своей незаметной работе по сбору информации о планете. Одновременно чародеи стали погружаться в транс для поиска любых форм разумной жизни, органической или неорганической, оценивая ее отношение или возможное отношение к исследовательской миссии шаарнцев.

И что бы ни обнаружили компьютеры или чародеи, их выводы сразу же усваивались Роасом Руи, который и сам находился в полутрансе. Оба полушария его мозга воспринимали информацию, составляя из нее все более детальную картину новообретенной планеты.

Вауи Нас:

— Обнаружил разум. Неупорядоченный. Несовершенный. Пассивный. Еще разумы. Такие же, как раньше. Новость! Разум. Высокоразвитый. Злобный. Весьма решительно настроенный на разрушение; направленный (возможно) против правительства или представительной власти. Новость! Разум. Низкий индекс интеллектуального развития. Скудный. Неупорядоченный. Пассивный. Новость! Вот это плохо. Очень плохо. Здесь зло, но я зондирую его сопротивляемость...

Пауза.

— Могущество. Зло. Громадная сопротивляемость. Готовность к бою или отступлению. Жду приказов!

Пауза.

— Повторяю. Жду приказов!

Роас Руи распорядился, чтобы наблюдатели продолжили регистрацию данных, и сосредоточил себя на связи с Вауи Насом, который не прекращал запросов:

— Сейчас я с тобой, Вауи Нас. Можешь подключить меня?

— Командир, беспрецедентная реакция. Подключайся.

Погрузившись в чужое сознание и позволив старому чародею направить его за пределы корабля, к источнику эманации, Роас Руи смог почувствовать испуг и изумление Вауи Наса. Почти непрерывно ощущал он ауру отвратительной злонамеренности, окружавшую более мощный, чем у него, разум. Роас Руи был одним из самых высокоразвитых представителей своей расы, его способности к восприятию и усвоению знаний были потрясающими, и все же он чувствовал: куда ему тягаться с тем чуждым разумом, что уже обнаружил его присутствие.

И Роас Руи, направляемый Вауи Насом, продолжал зондировать чуждое сознание, с которым вступил в контакт, пока все его восприятие не обратилось в вопль ужаса и не заставило отступиться.

Вдруг мозг его затрепетал: ворвалась мысль, внушенная контактирующим с ним существом: "Вон отсюда! Мы намерены уничтожить вас, нарушители!"

И все! Ни попытки расспросить исследователей, ни тени любопытства. Приказ — и информация.

Роас Руи и Вауи Нас отступили перед этой потрясшей их недоброжелательностью.

— Что будем делать? — мысленно спросил Вауи Нас из своей каюты, находящейся в четверти мили от рубки управления, где недоуменно покачивал головой Роас Руи.

— Невероятно,— ответил капитан.— Как ты и сказал, случай совершенно беспрецедентный. Здесь есть некая сила, не уступающая шаарнцам, даже превосходящая их,— но нацеленная на зло!

— Должен признаться, я почувствовал ее, когда мы только приближались к планете,— сообщил капитану Вауи Нас.— Но тогда было трудно разобраться, в чем дело. Эти существа могут блокировать мощнейшие сенсорные способности.

— Наши предки, вероятно, были куда осторожнее при посадке на новую планету,— проворчал Роас Руи.— Слишком уж беспечными мы становимся, брат чародей.

— Не "вероятно", а *точно*,— сухо парировал Вауи Нас.— Может быть, как раз в такой встряске наш народ и нуждается.

— Возможно,— согласился Роас Руи.— Но боюсь, мы вместо безотлагательных мер против грозящей опасности превращаем ее в философскую проблему. Поскольку подобный контакт не имеет прецедентов и поскольку наши законы настаивают на том, что мы по требованию любой цивилизации должны оставить ее ойкумену, я предлагаю немедленно связаться со Штабом Шаарна и запросить инструкций.

— А пока мы их не получим? — спросил Вауи Нас.

— Я не хочу быть уничтоженным. Думаю, такого же мнения придерживаются и остальные члены экипажа...— Он мгновенно передал мысленный приказ пилотам.— "Возвращаемся на Шаарн. Опасность первой степени".

"Вондел" покинул орбиту планеты и исчез в гиперпространстве.

Так произошел первый контакт между шаарнцами и тронцами.

После тысячелетнего неведения о существовании друг друга экипаж шаарнского корабля обнаружил мир, подвластный Трону, и тем самым две могущественные культуры в конце концов вступили в контакт. Это было неизбежно.

Неизбежной была и война между Шаарном и Троном.

Она мало походила на большинство войн. Причина ее заключалась не в экономических столкновениях и лишь отчасти — в идеологических конфликтах. Просто тронцы отказывались мириться с тем, что в той же галактике существует еще одна разумная раса, сходная с ними физически и почти столь же могущественная.

И они стремились уничтожить шаарнцев, полностью стереть следы их цивилизации. Раньше тронцы не слишком интересовались межзвездными перелетами, но очень скоро они смогли построить боевые звездолеты, не уступавшие шаарнским.

Тронцы управляли империей из двадцати шести систем. Сами по себе тронцы были относительно немногочисленны, но безжалостно правили подвластными планетами.

Шаарнская Федерация включала примерно пятьдесят систем и триста планет; на некоторых из них обитали разумные расы, подобные шаарнцам. Когда Шаарн информировал их о надвигающейся войне, на ста шестидесяти двух планетах проголосовали за союз с Шаарном, остальные провозгласили нейтралитет.

Война разгоралась, яростная и беспощадная. Уже спустя месяц тронцы уничтожили первую планету — нейтральную планету. А заодно и все живое на ней.

Шаарнцы предчувствовали, сколь велика опасность, но не видели иного выхода, кроме продолжения войны; поэтому их ученые стали разрабатывать оружие, которое, покончив с войной, предотвратило бы дальнейшее уничтожение жизни.

Те нашли способ выставить тронцев не только из этой галактики, но и вообще из вселенной — недоброжелательный и злобный этот народ подлежал вечной ссылке.

Был разработан генератор, искривляющий пространственно-временной континуум и способный, как считали ученые, вышвырнуть одиннадцать миров, где обосновались тронцы, из их континуума в другой. Это должно было раз и навсегда покончить с планами тронцев овладеть всей галактикой.

И вот эскадра вооруженных генераторами кораблей незамеченной достигла населенной тронцами системы Ито и нацелила излучатели на солнце и окружавшие его планеты.

Поначалу они добились лишь пространственного смещения планет, изменили их положение относительно двойной звезды; в результате планеты приобрели эквидистантное расположение, которое сохранилось и по сю пору. Тронцы выслали навстречу целый боевой флот, но шаарнцы без труда перебросили их военные корабли в другой пространственно-временной континуум. Вновь сосредоточив удар на системе Ито, они раз за разом обстреливали ее искривляющими лучами, и в какой-то

момент она исчезла — перешла из пространства и времени Шаарна в иной континуум. Война закончилась.

И все же, хоть это и произошло, шаарнцам не удалось довести свой план до конца: система продолжала путешествовать через измерения и в конечном счете обрела орбиту, по которой двигалась и сейчас.

Шаарнцы предпринимали отчаянные попытки вернуться в собственное пространство и время, но те по ряду причин оказались блокированными не только для них, но и вообще для Призрака. Системе было не суждено вновь пройти через привычное шаарнцам пространство и время.

Тронцы, совершенно растерявшиеся, не могли угрожать немедленной контратакой: они полностью отдались консолидации своего мира-крепости; о том, какая судьба ожидала их бывших рабов, они не задумывались.

Шаарнцам же удалось посадить корабли и основать небольшой, прекрасно защищенный город на Северном полюсе планеты, названной ими Глания. Здесь они и обитали многие века, тщетно пытаясь разработать способ возвращения в собственную систему.

Позже на Гланию перебрались и тронцы — там они могли быть поближе к своим заклятым врагам..

В конце концов тронцы разобрались, что с ними произошло, и их ученые приступили к решению той же проблемы. Они работали над машиной, которая должна была перенести их со всем оборудованием сквозь многомерные пространственно-временные потоки в привычный им континуум и довершить отмщение шаарнцам. Пока в своих разработках они не преуспели.

Война между тронцами и представителями шаарнцев вошла в патовую ситуацию, обе расы сосредоточили свои усилия в основном на возвращении в родной континуум. Так продолжалось тысячелетиями; тронцы, негодуя против дальнейшего вторжения на отлученные от них территории, пытались уничтожить всех новоприбывших, а те, как стервятники, при каждой возможности слетались в систему Призрак.

Такова была краткая история Отлученных Миров к моменту прибытия Ринарка.

Теперь Ринарк мог мыслить куда спокойнее. Наконец-то можно действовать не на ощупь — он располагал определенной последовательностью фактов, относящихся к мучившим его вопросам, и верил, что шаарнцы и в дальнейшем снабдят его нужной информацией.

— Надеюсь, эта история окажется для вас небесполезной, Ринарк Джон,— скромно телепатировал Наро Нуис.

— Очень полезной, но боюсь, вы не сможете подробно информировать меня о приборе, искривляющем измерения.

— К сожалению, не сможем. У нас есть основания считать, что принцип искривления, действующий на основе законов, установленных для шаарнского континуума, не будет действовать таким же образом за его пределами. Думаю, это было сознательно предусмотрено нашими учеными, с тем чтобы тронцы никогда не смогли вернуться.

— Я поражаюсь, почему вы до сих пор не объедините усилия с тронцами, у вас ведь, очевидно, общая цель.

— Наоборот, в этом и заключается основная причина нашего теперешнего противостояния. Тронцы решили воссоединиться с нашей первоначальной вселенной, нас же это совершенно не устраивает. Мы удовлетворимся, если удастся остановить странствия Призрака в *любом* континууме, кроме собственного, чтобы раз и навсегда лишить тронцев надежд на продолжение войны,— инопланетянин вздохнул, и вздох прозвучал на удивление по-человечески.— Не исключено, что механизм Перехода необратим. В таком случае наши попытки безнадежны. Но мы стараемся об этом не думать.

Ринарк был горько разочарован. Если создания, осуществившие Переход, сами не понимают его принципа, значит, след завел в логический тупик. Но он не мог признаться самому себе, что положение неисправимо. Это было бы немыслимо!

Он поднялся из кресла, а его уникальный мозг уже работал, неустанно формируя из последних сведений некую цельную картину, наилучшим образом удовлетворявшую его теперешним задачам. Что ж, время еще есть. Пора ограничиться теми факторами, которые могут быть объективно полезны, и не принимать во внимание все остальные. Где-то в этой системе...

Они направились к кораблю. По пути Ринарк заметил, что в огромных, соединенных переходами строениях, напоминающих ангары, кипела работа. Он поразился — так это не вязалось с тысячелетним застоем, о котором ему только что рассказали.

Он не стал скрывать свое удивление от Наро Нуиса. Инопланетянин отозвался — сразу же и заинтересованно:

— Это плоды длительных изысканий. Мы сейчас собираем оборудование, при помощи которого рассчитываем остановить систему Призрак.

Ринарк в изумлении уставился на него:

— Что? И это после всей мрачной истории, которую вы сейчас нам поведали?

— Я же говорил, что наши эксперименты продолжаются,— недоуменно возразил Наро Нуис.— Скоро мы приступим к выводу оборудования в космос, как можно ближе к солнцам.

— И вы продолжаете утверждать, что не знаете принципа Перехода?!

Ринарк был убежден, что шаарнец сознательно лгал ему.

— Совершенно верно,— спокойно сказал Наро Нуис.— Мы отчаялись раскрыть когда-нибудь принцип, стоящий за этим феноменом. Но нам кажется, что при некотором везении мы сможем остановить систему, даже не зная его сути.— Он добавил:

— Сейчас — кульминация очень долгой серии экспериментов. Очень долгой. Если результат будет положительным, нам эти знания не понадобятся — исчезнет сам феномен.

И надежда, внезапно появившаяся у Ринарка, стала таять:

— Каковы ваши шансы на успех?

Наро Нуис помедлил:

— Экспедиция небезопасна. Мы долго не были в космосе и за это время во многом утратили мастерство межпланетных полетов.

— А тронцы? Они знают о ваших планах?

— Конечно, кое-что подозревают. Они попытаются остановить нас. Быть большой битве.

Они уже подходили к кораблю.

— Когда вы планируете начать эксперимент?

— Через пол-оборота планеты.

Ринарк встал как вкопанный:

— Можно попросить вас об одолжении?

— Каком же?

— Отложите свой эксперимент. Дайте время выяснить то, что мне следует знать.

— Мы не можем.

Судя по тону шаарнца, спорить с ним не имело смысла.

Наро Нуис объяснил:

— Как мы можем быть уверены, что у ваших попыток есть хотя бы ничтожный шанс на успех? А каждый миг

отсрочки означает, что наши шансы остановить Призрак и удержать тронцев уменьшаются.

— Но от меня зависит будущее всей моей расы!

— Так ли? Разве вы не сами взяли эту ответственность на себя, надеясь спасти своих друзей? Может быть, процесс, о котором вы говорите, естествен; может быть, существа вашей расы смирятся с тем, что они должны исчезнуть вместе со своей вселенной. Что до нас, то мы не видим необходимости в отсрочке и вынуждены действовать быстро. Тронцы патрулируют планету на своих кораблях, и, лишь только мы приступим к выводу оборудования, будет битва. Нам придется и работать, и одновременно давать отпор тронцам.

— Я понимаю...— уныло ответствовал Ринарк.

Тут вмешался Аскийоль:

— Ну остановите вы Призрак, ну и что? А если он остановится во вселенной вроде той, которую мы только что покинули? Все погибнет, и вы тоже.

— Верно, но вероятность этого не слишком велика. Риск неизбежен

— А тогда почему бы не подождать?

— Нет,— вновь отказал Наро Нуис с явным сожалением.— У нас шансов на успех больше, чем у вас. Постарайтесь понять нашу точку зрения. Мы пытались остановить Призрак уже тысячелетия. Смогли бы вы чинить препятствия своему развитию из-за расы, о которой никогда прежде и не слышали и которой, по словам всего двух ее представителей, грозит какая-то опасность?

— Я смог бы,— сказал Ринарк.

— Но не после тысячелетних попыток,— покачал головой Аскийоль.— Довольно долго, надо признать.

И словно подкрались к ним мысли Наро Нуиса: "Если желаете остаться с нами, милости просим"

— Спасибо,— резко сказал Ринарк.— У нас мало времени

— Думаю, ваши усилия тщетны,— не отступался шарнец,— но раз уж вы так взываете о помощи, вам стоило бы отправиться на планету Экиверш.

— Экиверш?

— Там обитают разумные метазоа с высокоразвитой коллективной памятью. Они оказали нам определенное содействие в постройке машины, с помощью которой мы надеемся остановить Призрак. Их раса существует так долго, что накопила огромные знания. Они доброжелательны и дружественны, а особенности их биологического строения таковы, что Экиверш — единственная планета

нашей системы, не раздираемая конфликтами. Тронцам было бы чему поучиться на Экиверше. Но они в своем высокомерии так и не соблаговолили этого сделать. Мы не часто бываем там — когда бы мы ни пробовали покинуть наш город, против нас обращается гнев тронцев. Но в те короткие периоды, когда в нашей системе создаются определенные благоприятные условия, мы поддерживаем с ними телепатическую связь.

— Вы не могли бы указать эту планету на моей карте?

— С удовольствием.

Наро Нуис проводил их до корабля и поднялся на борт. Не без удовольствия и интереса осмотрел корабль изнутри.

— Необычный аппарат,— отозвался он.

— Ну, для нас-то самый обычный,— Ринарк развернул карту, и инопланетянин нагнулся над ней, разбираясь в обозначениях. Наконец шаарнец указал: "Вот она".

— Спасибо,— ответил Ринарк.

— Как только вы вылетите отсюда, вас будут подкарауливать тронцы,— заметил Наро Нуис.— Вы уверены, что стоит так рисковать?

— А что нам остается делать? — с трудом сдержался Ринарк.

Инопланетянин отвернулся от Ринарка, а на него уже наседал Аскийоль:

— Да вы хоть раз задумывались, что натворите, если остановите Призрак? Вы же можете посадить нас здесь как в клетку, и нам ни народ свой не спасти, ни обратно не вернуться, даже если мы и найдем необходимую информацию! Нельзя вам пока начинать свои эксперименты!

— Мы должны.

Ринарк накрыл своей ладонью ладонь Аскийоля:

— А мы должны как можно быстрее попасть на Экиверш; посмотрим, что удастся узнать, пока шаарнцы не остановили Призрак!

— В таком случае мне остается откланяться,— печально сказал Наро Нуис.

Ринарк прощался со смешанным чувством. Он был благодарен шаарнцу за помощь, но не мог забыть: этот приятный народ близок к проведению эксперимента, который в случае удачи поколеблет все надежды узнать о Призраке то, что позволило бы ему, Ринарку, вернуться в свою Вселенную и спасти человечество...

Отбросив эти мысли, он уселся в капитанское кресло. Аскийоль суетился у пульта управления огнем.

Вдруг защитный купол города замерцал, вспыхнул оранжевым светом и, словно вскипев, открылся над ними. Палец Ринарка вдавил кнопку пуска, корабль задрожал, взвыл и взлетел.

Они пролетели сквозь отверстие в куполе и с воем помчались сквозь тучи навстречу безумию пространства Призрака.

Корабли Трона сразу же засекли их и открыли огонь.

На этот раз Аскийоль не ждал приказов Ринарка и ударил по тронцам из всех орудий.

Корабли Трона бросились врассыпную от палящего холода антинейтронного потока, который вновь и вновь посылал в пространство исступленный Аскийоль и который, как подсказывали тронцам их приборы, означал одно — уничтожение. Но все равно нескольким кораблям, оказавшимся на миг на излете смертоносного потока, пришлось за это поплатиться. У антинейтронов нет электрического заряда, и их не остановить никакими энергетическими экранами.

Аскийоль удовлетворенно представил, как тронцы зализывают раны.

Он надеялся, что первая перестрелка достаточно напугает атакующих и Ринарку хватит времени, чтобы улететь без повреждений. Но преимуществом тронцев была возможность маневрирования в пространстве Призрака. А Ринарк, скрежеща зубами, накапливал энергию и бросал ее во вздымающуюся *круговерть*, какой представлялась его сознанию эта область космоса. Ринарку казалось, будто он управляет лодчонкой в обезумевшем штормовом море...

Вот только *это* море бушевало в его сознании.

Корабль покачнулся и притормозил.

— Кончай нежничать, Аскийоль! — взревел, что с ним случалось не часто, Ринарк.— Выдай им что положено!

Аскийоль вцепился мертвой хваткой в гашетку антинейтронной пушки. Не глядя, он прибавил плотность потока до максимальной и бросил его в пространство. Тот сектор экрана, где находились пораженные им цели, озарился фантасмагорическим зеленым сиянием.

Ринарк закрыл глаза и сосредоточился на пилотировании. Столь масштабная гибель атомных структур доставляла космовидцу не самые приятные ощущения.

После этого корабли Трона отступили, и в кабине Ринарка воцарилось молчание.

Через несколько часов полета Ринарк предпринял короткое ментальное обследование. Он обнаружил что и

ожидал: шаарнцы приступили к своему эксперименту Судя по тому, что он чувствовал, у планеты Трон кипело жестокое сражение, а между планетой и солнцем возводили внушительных размеров установку.

Он продолжал зондирование. Сейчас шаарнцам не из-за чего было беспокоиться, но это ненадолго. В часе лета собирался большой флот, который вскоре, без сомнения, вовсю постарается, чтобы труды шаарнцев пропали даром. При всем дружелюбии, проявленном теми к Ринарку, он едва не пожалел, что Аскийоль уничтожил часть тронского флота.

Ринарк чувствовал: ждать осталось недолго, скоро он сможет воссоздать из всех этих отдельных сведений цельную картину мультиверсума. Было еще кое-что, о чем следовало бы знать и что, он чувствовал, скоро узнает — если останется в живых.

И снова на их разум обрушился хаос континуума Призрака, но на этот раз безумие энергий уже не так подавляло их.

Впрочем, Ринарку по-прежнему приходилось бороться, чтобы удержать корабль на курсе в бурных и непредсказуемых потоках времени и пространства, чтобы заставить его скользить поверх них, как камешек по воде, чтобы через мириады разных времен, через тысячи миллионов пространственных завихрений привести его в конце концов на Экиверш..

7

Едва лишь они сели на этой мирной планете с богатой кислородом атмосферой, как едва ощутимые, тончайшие шелковинки зондирующей мысли коснулись их.

В ответ на деликатное зондирование Ринарк и Аскийоль сообщили, что хотят вступить в контакт с обитателями Экиверша, как им и предлагали шаарнцы. Они остались в корабле, с удовольствием разглядывая светло-зеленые, богатые хлорофиллом растения, не так уж отличающиеся от земных.

Наконец у корабля появилось нечто напоминающее на первый взгляд вздымающуюся массу полупрозрачного желе. Ринарк нахмурился, зрелище это вызывало у него отвращение, а Аскийоль сказал:

— "Тухлая слизь". Помнишь, я тебе рассказывал о занятной легенде, бытующей в Энтропиуме? Вот они,— метазоа,— ну и ну!

И в голове Аскийоля зазвучал смиренный голос: "Мы глубоко сожалеем, что наш физический облик вряд ли является привлекательным. Возможно, более приемлемой покажется такая форма".

Вся масса вскинулась вверх и медленно трансформировалась в фигуру гигантского мужчины, фигуру, составленную сотнями желеобразных метазоа.

Ринарк так и не решил, какое из воплощений менее омерзительно, он попросту выбросил эти мысли из сознания и сказал:

— Мы прибыли, чтобы обсудить с вами вопросы, которые представляются нам и нашей расе важными с философской и практической точек зрения. Можно нам выйти из корабля? Хорошо бы снова вдохнуть настоящий воздух.

— Вряд ли в этом есть смысл: хотя мы, как и вы, поглощаем кислород, выдыхаемые нами газы окажутся неприятными для вашего обоняния,— извинился в ответ составленный из метазоа гигант.

— "Тухлая слизь",— сказал Ринарк Аскийолю,— вот чем объясняется их прозвище.

— Нам говорили, что вы обладаете коллективной памятью и поэтому фактически бессмертны,— мысленно передал для начала Ринарк клейкому гиганту.

— Это верно. Наш громадный опыт, как вы, возможно, знаете, еще в начале существования нашей расы был с необходимостью засвидетельствован Танцем Галактик.

— Простите, но это для меня слишком сложно,— сказал Ринарк.— Не могли бы вы объяснить, что имеете в виду?

— Полагают,— разъяснили метазоа,— что те, коих мы нарекли Обреченным Народом, истаяли в дальней галактике родоначальной нашей вселенной, и галактика та, познав великую смуту, вновь обрела покой в готовности к Великим Переменам, долженствующим быть провозвестниками нового цикла долгого ее века. Мы вкупе с иными наблюдателями соседствующих галактик зрели переход ее, подобный зверю дымящему, зрели извивы и корчи ее. Как бы высыпаны были солнца и планеты ее, встали назначенным строем окрест Центра и снаружи Границы, изменив порядок свой в приуготовлении.

И был явлен Танец Звезд, дабы извести всех зривших его, кроме праведнейших, ибо означало расположение звезд: *две истины порождают третью*; так что понеже перестраивалась галактика к обновленному циклу в собственном своем Времени и Пространстве, очищала она

сестры-галактики от ничтожных духом и подлых мыслями.

И еще миллионы лет разгорался Танец Галактик, упорядочивая сотворенное, и созерцание сего было как ничто иное отрадно разумным тварям, изрядно приумножая чувственный наш опыт, равно как и споспешествуя обретению философии нашей. Но не утруждайте себя просьбами о подробнейшем разъяснении сего, ибо не владеем мы глаголом, могущим поведать, что суть зрелище галактического танца.

В означенное время по свершении Танца Центр обрел кружение, приуготовляя расположение небесных тел к новому Циклу. Неспешно, начиная от Центра и дальше, к Границе, снова закружились планеты по путям, коим от века суждено было оставаться незыблемыми.

Таким было начало, а затем, по прошествии времени, обитатели галактики стали выковывать дивную ее историю.

Доколе не пришли те, нетерпимые к философским заключениям, кои мы извлекли из природы мультиверсума, и не приступили к истреблению нашей древней расы. Лишь немногим из нас довелось бежать сюда, ибо мы не приемлем не только насилия, но даже мысли о таковом...

— Значит, вы считаете, что галактика переупорядочилась по собственной воле?! — Ринарк наконец-то почувствовал, что важнейший из мучивших его вопросов близок к разрешению.

— Нет, как нам представляется, не по собственной воле. Наша логика неуклонно приводила нас к вере в то, что здесь действовала некая более могущественная сила — та, которая лишь в ей ведомых целях сотворила мультиверсум. Это отнюдь не метафизический вывод, мы материалисты. Но факты таковы, что не могут не указывать на существование созданий, кои, в истинном смысле слова, суть сверхъестественные,— ибо стоят над естеством.

— А что из себя представляет мультиверсум? Состоит он из бесконечного числа слоев или?..

— Мультиверсум конечен. Сколь бы он ни был обширен, ему поставлены пределы. Но бытие не ограничено его пределами, вне их есть что-то, возможно, иные реальности.

У Ринарка отнялся язык. Чуть не с рождения он верил концепции бесконечности и при всей способности к самосовершенствованию не мог полностью усвоить услышанное, оно оставалось где-то на границе сознания.

— Мы полагаем,— как бы смущенно продолжали метазоа,— что жизнь в известных нам формах является неким неразвитым, начальным состоянием, что и вы, и мы являем собой низшую стадию в сотворении существ, коим предначертано в свой срок преодолеть пределы мультиверсума. Нам вменено в обязанность, всем нам, воссоздать некое подобие порядка из первозданного хаоса. Ибо и сейчас нет понятий "причина и следствие", но лишь "причина и совпадение", "совпадение и следствие". Нет означенных понятий, и реченное очевидно разумному, кем бы он ни был. Нет и такого понятия, как "свобода воли", но лишь "ограниченный выбор". Мы скованы не только обиталищем своим, но и психологией и физическими нашими нуждами — мы скованы повсюду, куда бы ни обратили взгляд. Но экивершцы тверды в вере: сколь ни истинно сказанное об узах наших, можно измыслить условия, где их не будет, а возможно, в свой срок и воссоздать эти условия.

— Согласен,— Ринарк даже кивнул.— Любые преграды можно преодолеть, было бы желание.

— Не исключено. Конечно, вам было суждено преодолеть больше, чем любому другому созданию, и единственно благодаря вашему духу тело ваше неизменно действовало в согласии с сознанием. Но коль скоро вы вознамерились продолжить свои изыскания в той мере, в коей это позволительно в конечной вселенной, вам придется претерпеть тяжелейшее из испытаний.

— Вы говорите о?..

— Вам следует отправиться на Решетчатую Планету и встретиться там с пребывающими в Бездне Реальности. Возможно, вы слышали об этом месте, его называют Дырой.

Да, Ринарк слышал. И помнил где. О нем говорила ему Мери.

— А все же что это за планета?

— Она не движется в мультиверсуме тем же образом, что остальные планеты этой системы, она в каком-то смысле существует во всех плоскостях мультиверсума. Ее части движутся в различных измерениях и совершают переход порознь и независимо. Иногда, по случайности, планета бывает совершенно цельной. В остальное же время она кишит... *ущельями*... исчезает бытие частей ее, и предписано это законами, налагаемыми на измерения тем континуумом, в коем в данный момент пребывает Призрак. Полагают, что где-то на этой планете находятся врата, ведущие к легендарной расе, именуемой Родоначальниками.

И коль скоро иного пути вам не дано, можно предположить, что вы дерзнете посетить эту планету и попытаться найти врата, буде таковые существуют.

— Конечно, попробуем,— с легкостью согласился Ринарк и сразу же подумал и спросил о другом: — А почему ваша планета, Экиверш, не подвержена хаосу, который царит здесь повсеместно?

— Причина в том, что в ожидании бегства из родной вселенной мы приуготовились к условиям, с коими рассчитывали столкнуться, и, вложив разум и знания наши, создали некий весьма хитроумный организм.

Глянцевитое тело клейкого гиганта, казалось, напряглось; затем последовала мысль-продолжение:

— Мы нарекли его Сохранителем. На вид он ничем не примечателен, особенность же его состоит в том, что для существования его необходимо соблюдение определенной совокупности законов. Для поддержания собственного бытия он сохраняет действие этих законов на некотором расстоянии окрест себя. Естественно, это именно те законы, что потребны для нашего, а в значительной мере также и для вашего существования. Будь на вашем корабле Сохранитель, вы бы не испытали трудностей, кои пришлось претерпеть при преодолении межпланетного пространства; кроме того, менее вероятно, что вы сбились бы с пути на Решетчатой Планете, которая, возможно, известна вам под названиями Рос или Рваная Жалость.

— Весьма признателен,— сказал Ринарк.— Сохранитель — именно то, что нам поможет.— И тут же мысли его перешли на другое: — Вы знаете, какие причины привели меня сюда: вселенная, к которой я принадлежу, сжимается. Нельзя ли, создав множество таких Сохранителей, остановить ее на этом пути?

— Исключено. Ваша вселенная не преступает ни одного закона природы, напротив, ее изменениями движут именно действующие законы. Вам надлежит выяснить, почему происходят изменения — ибо у всего есть причина — и какую роль суждено сыграть вашей расе в происходящем переустройстве.

— Полностью согласен,— смиренно сказал Ринарк.

От главного тела отделились несколько метазоа и исчезли в направлении холмистой гряды.

— Мы отправились за Сохранителем,— прокомментировал псевдогигант.

Ринарк воспользовался вынужденным ожиданием, чтобы разобраться в состоянии собственного сознания. Странное дело, теперь он почти без усилий смирился

с необычностью собственного плана — плана, который стал вырисовываться у него сразу же, как он оказался на Призраке. И теперь он точно знал: вся его затея, попытки его и испытания с самого начала подчинены определенному предназначению — такова логика мультиверсума. И это предназначение, понимал он с неожиданной ясностью, превосходит задачу, намеченную им вначале,— превосходит и тем не менее является частью ее!

Но он чувствовал: для полного выполнения долга, что он сейчас возлагал на себя, предстоит преодолеть куда больше препятствий, чем довелось до сих пор. И ближайшее из них — путешествие к планете — планете, что повергла в безумие Мери-путаницу. К Росу — Рваной Жалости — Решетчатой Планете...

Метазоа вернулись с небольшим шаром унылого охристого цвета и опустили его на землю у шлюза корабля.

— Теперь мы вас оставим,— телепатировали метазоа,— но прежде разрешите пожелать вам приобщиться к Знанию. Вы, Ринарк и Аскийоль,— посланцы мультиверсума, и если вы преуспеете в достижении Родоначальников, буде таковые существуют, должны предстать за всех нас. Вы пройдете по пути к реальности далее, чем удавалось прежде любому разумному существу, за исключением обитающих в Дыре...

Аскийоль надел скафандр и вышел, чтобы забрать Сохранитель. Ринарк следил отсутствующим взглядом, как тот вернулся и водрузил шар на пульт перед ним, но мысли его были далеко.

Автоматически, как во сне, он подготовился к взлету, поблагодарил метазоа и запустил двигатель. И они рванулись вверх, высекая путь порядка в безудержном безумии межпланетного пространства.

Но на этот раз все обошлось мирно. Сохранитель работал так, как это и обещали обитатели Экиверша, поддерживая вокруг себя — и корабля — поле, где действовали его собственные законы. Друзья почувствовали некоторое облегчение; наконец-то нашлось время для разговора.

Аскийоль, ошеломленный происшедшим и массой информации, вздохнул:

— Ринарк, я до сих пор мало что понимаю. Зачем все же нам лететь на Рос?

Погруженному в себя Ринарку показалось, что голос его пришел откуда-то издалека:

— Чтобы спасти человечество Теперь я осознаю, что пути спасения — дело куда более тонкое, чем мне представлялось. Вот и все

— Но, черт возьми, взявшись за это, мы оставляем первоначальную задачу, да что там — мы живем теперь в мире фантазий! Вся эта болтовня о реальности просто абсурд!

Ринарк был настроен разъяснять, а не спорить.

— Пришло время развенчания фантазий. Такое с нашей вселенной уже случалось. И сейчас, когда в этом — единственный шанс на выживание, нам следует наконец избавиться от фантазий и воспользоваться им!

Столетиями наша раса строила заключения на ложных предпосылках. Если, исходя из ложных предпосылок, ты начинаешь фантазировать и фантазируешь больше и больше, вся твоя жизнь обращается в ложь, и ты внедряешь ее в других, в тех, кто слишком ленив или слишком занят, чтобы искать истину

Такой образ мышления угрожает самому существованию реальности: коль скоро ты отказываешься подчиниться ее законам, они обрушиваются и погребают тебя. Слишком долго человечество изобретало удобные для себя фантазии и громко именовало их законами. Так продолжалось веками. Возьмем, к примеру, войну. Политиканы *предполагают*, что некое положение является истинным, *предполагают*, что конфликт непреодолим, а если основываться на таких вот ложных предпосылках, результат налицо — они плодят одну за другой войны, которых, совершенно очевидно, можно было бы избежать.

Мы и сейчас слишком много фантазий считаем истинами, слишком много истин — фантазиями. И у нас остался единственный, последний шанс установить подлинную природу нашего существования. Я готов воспользоваться им!

— И я,— сказал негромко, но уверенно Аскийоль. Помолчал и добавил с едва заметной улыбкой:— Хотя тебе придется меня простить — я пока не слишком разобрался в твоих доводах.

— Если все пойдет как положено, разберешься достаточно скоро,— улыбнулся Ринарк; туманный диск Роса на лазерных экранах уже увеличился до громадных размеров.

— Вроде здоровенного червивого сыра, точно? — не особенно почтительно прокомментировал Аскийоль.

В тех местах планеты, что походили на воспаленные раны, они видели сквозь нее то, что находится за ней.

Кое-где располагались *ущелья*, от взгляда на которые болели глаза и цепенело сознание.

Хотя смутно различимый контур планеты был круглым, ее изъязвляли глубокие раны, будто какой-то чудовищный червь изгрыз ее, как гусеница лист.

Не позволяя этому зрелищу завладеть собой — а дело к тому шло,— Ринарк заставил работать свой дар Всевидца. Целенаправленно, хотя и осторожно, он зондировал громаду роковой планеты. Ему удалось почувствовать: там, где были *ущелья*, лежат те части планеты, которые должны, по всем известным ему законам, находиться в одном и том же общем пространстве-времени. Но на месте их не было — они существовали вовне, рассеянные по бесконечности уровней мультиверсума.

Он продолжал зондирование и в конце концов нашел, что искал — способную к восприятию жизнь. В тот же миг его будто залило теплом.

Были ли то обитатели планеты? Создания эти не ощущались как нечто совершенно цельное, они словно существовали на *всех* уровнях мультиверсума!

Возможно ли такое? — гадал он.— Действительно ли эти создания существуют одновременно на всех плоскостях и, соответственно, владеют ли знанием *всей* реальности, в отличие от обычных существ, знающих лишь свою вселенную и владеющих лишь ничтожной частью опыта мультиверсума?

Но его воображение было не в силах представить, на что тогда могут походить эти создания, каким они воспринимают свой бесконечный мир.

Теперь он понимал, почему Мери-путаница бессмысленно играла мертвой клавиатурой в приюте Руперта на Энтропиуме

Он узнал и другое, почувствовал и осознал— с мимолетным сожалением,— что шаарнцы вновь одержали победу над тронцами. И еще ему показалось, что движение Призрака через уровни мультиверсума замедлилось.

Он вновь устремил свой разум на обитателей Роса Их было немного, и жили они лишь на той части планеты, которая казалась относительно стабильной, на части, пусть не полностью существовавшей в той зоне, что сейчас занимал Призрак, но, вероятно, доступной для человеческого глаза. Он был вполне уверен, что с помощью Сохранителя найдет таинственную Дыру.

Надо торопиться, но нельзя забывать и об осторожности. Меньше всего его устраивал такой бесславный конец — гибель в двух шагах от цели.

Он завис над *ущельем*, чтобы испытать возможности Сохранителя — тот оказался выше всяких похвал. По мере приближения корабля планета под ним изменялась, недостающий кусок сам встал на свое место, словно складывалась составная картинка-загадка. Подарок метазоа пригодился.

Стоило Ринарку поднять корабль, и у него на глазах тот же кусок опять исчез, был выдернут в континуум, где находился ранее. В таком опасном месте посадка была бы рискованной. Он увел корабль и стал медленно снижаться к участку поверхности, который, как ему казалось, должен остаться в этом континууме, когда Ринарку наступит пора вернуться.

Если суждено вернуться, поправил он себя. Зловещая активность вокруг двойной звезды нарастала, не исключено, что Призрак был уже остановлен!

Он вышел из шлюза, Аскийоль, ни слова не сказав, поднял Сохранитель и последовал за Ринарком.

Планета выглядела бесформенной массой клубящихся газов; как только ноги коснулись противоестественной ее поверхности, друзья испытали отчетливое ощущение невесомости.

Подавленные кошмарной ненадежностью планеты, пораженные и первой ее пядью, на которой они оказались невесомы, и последующими, где ноги вязли в топкой слякоти, они осторожно пробирались вперед — Ринарк шел первым.

Темную планету, казалось, окружал светящийся ореол, так что они видели далеко вокруг. Но некоторые области оставались недоступными для зрения — хотя, как ни странно, было отчетливо видно, что находится за ними! Даже когда друзья ступали по вроде бы несокрушимой скале, та будто уходила из-под ног.

Часто, когда участок планеты вокруг них трансформировался под странной властью Сохранителя, где-то в другом месте, как бы в порядке компенсации, возникало новое *ущелье*.

Чтобы не потерять из виду цель экспедиции, Ринарк непрестанно зондировал сознанием предстоящий путь; ясно ощутимые эманации, пронизывающие планету, наполняли его ужасом и благоговением.

Планета непрерывно находилась в состоянии перехода, и было невозможно предсказать, какой ее участок просуществует еще хотя бы несколько секунд. Отлученная материя, столь же хаотичная, как и бесформенное вещество мультиверсума на заре творения, вырывалась,

растекалась и набрасывалась на самое себя, словно в агонии.

Но Ринарк неумолимо пробивался вперед, и Дыра, казавшаяся то ближе, то дальше, стала их путеводной звездой, манила их обещанием истины — или гибели!

8

Наконец после дня пути, который мало назвать тяжелым, они встали над Дырой — и когда они сделали последний шаг, соседняя скала растаяла и обратилась в газ. Ринарк сказал вполголоса:

— Они там, внутри. Так что найти мы их найдем, но кем они окажутся — понятия не имею.

Усталость сковала их движения, и все же Ринарк чувствовал: никогда прежде он не был столь восприимчив к тому, что видел. Но восприятие это было пассивным, он мог лишь наблюдать непрерывно движущуюся и слепящую черную и переливающуюся мириадами цветов Дыру, пульсирующую мощью и энергией.

Долго глядели они вниз, переполненные обрушившимся на них знанием.

Наконец Аскийоль нарушил многочасовое молчание:

— Что будем делать?

— Вот врата, о которых нам говорили на Троне и Экиверше,— ответил Ринарк.— Мне остается лишь спуститься — туда, где, я хочу в это верить, мы достигнем цели!

Человечество было для него сейчас чем-то далеким, фантастичным, нереальным — и все же важным. Важнее, чем когда бы то ни было прежде.

Он решительно шагнул к самому краю Дыры и стал спускаться в ее объятия.

Аскийоль чуть выждал и последовал за ним. Они попробовали спуститься, цепляясь за стены, и бросили: они всплывали, не могли двинуться ни вверх, ни вниз, вообще ни в каком направлении — плавали где-то, и всё. Сохранитель не справлялся, хотя и продолжал работать — здесь действовали законы куда могущественнее тех, что ему приходилось сохранять.

И вдруг они вновь оказались на твердой земле, на крохотном островке в океане.

Шагнули вперед — и очутились в центре пылающего солнца, отступили назад — оказались среди голых скал. С вершины на них приветственно взирало некое создание.

Они стали подходить ближе — и внезапно очутились во мраке пещеры, взгляды их уперлись в глухие черные стены. Не сразу поняли они, что смотрят в пустоту, в пространство.

Некое создание возникло слева от них.

Казалось, оно ежесекундно исчезает и появляется вновь. Как изображение на плохо настроенном лазерном экране, подумал Ринарк, отчаянно ища что-то надежное, за что мог бы уцепиться взгляд. Он чувствовал себя отрезанным от всех привычных ему представлений.

Создание заговорило — не на земном языке. Какое-то сочетание звуковых и мозговых волн, вызывавшее отклик в сознании и теле Ринарка. Он подумал, что, вероятно, создания эти были некогда такими же, как он, но, обретя способность к пребыванию на всех уровнях мультиверсума, утратили дар обычной речи.

Он понял, что мог бы общаться с этим существом, модулируя собственную речь и мысля, насколько это возможно, зрительными образами.

— *Вам требуется* (сложный геометрический орнамент) *помощь?..*

— Да (изображение сжимающейся вселенной)...

— *Вы из* (изображение беременной женщины, быстро трансформирующееся в чрево, в котором появляется зародыш, не вполне человеческий)?..

Ринарк распознавал изображения, но долго не мог усвоить, что хочет создание выразить с их помощью. Наконец он понял.

Логика, основанная на том, что ему доводилось видеть и слышать на других планетах Призрака, привела Ринарка к недвусмысленному выводу.

— Да,— ответил он.

— *Вы должны ждать.*

— Чего?

— (Изображение бескрайней многоплоскостной вселенной, вращающейся вокруг центральной точки.) — *Пока.* (Изображение Призрака, движущегося через время, пространство и другие измерения к Центру.)

Ринарк понял, что означает изображение, ошибиться тут было невозможно. И изобразил в ответ то, что требуется,— схематически, хотя и представлял вполне детально.

Изобразил Центр Вселенной, начало начал, через который проходили все радиальные координаты Вселенной, из которого вышло все сущее. Чередующихся вселенных

в Центре не было. И когда через Центр пройдет Призрак, то что?..

А если шаарнцам удастся затормозить эту систему, прежде чем она достигнет Центра? Эту мысль пришлось отбросить. Если Призрак остановится слишком рано, то размышлять больше не о чем. Да и делать нечего.

— Что случится здесь (приблизительное изображение мультиверсума)? — спросил он.

— *Истина. Вы должны ждать здесь, пока* (Центр, и там — Призрак), *потом отправиться* (двойная звезда — звезда Призрака)...

Они должны ждать в Лимбо, пока Призрак достигнет Центра; тогда им предстоит путешествие на — да нет,— *в* солнце!

Ринарк передал леденящее душу изображение себя и Аскийоля, объятых пламенем.

— *Нет*,— сказало создание и вновь исчезло.

Когда оно возникло опять, Ринарк спросил: "Почему?"

— *Вас ждут*,— было ответом.

Поскольку времени здесь не существовало, они не могли сказать, сколько длилось ожидание. Не было и никаких привычных физических ощущений, свидетельствующих о течении времени.

Ясное дело, они же в Лимбо.

И все же, казалось, это ли создание, другое ли, похожее на него, появлялось довольно часто. Иногда ему вроде бы хотелось поделиться информацией о медленном движении Призрака, иногда — просто показаться. Както раз одновременно появилось множество таких созданий, появилось — и сразу же исчезло.

Но вот создание возникло в очередной раз, и в сознании Ринарка само собой появилось изображение Призрака, входящего в Центр мультиверсума.

С верой и предвкушением готовился Ринарк изведать *Истину.*

Выживет он или погибнет, сохранит ли разум или обретет безумие, но он сможет познать ее. Он и Аскийоль смогут быть первыми из своей расы, кому суждено *познать.*

А все остальное, как понимали они оба, теперь перестало быть важным.

Они вышли из грота.

Направились к слепящим, судорожно вспыхивающим солнцам.

Они чувствовали, что лишились физической сущности в привычном ее понимании, и тем не менее могли ощущать, что телесное их естество не расстается с ними.

Ввели свои ставшие невесомыми тела в огненный жар, в сердце звезды, и медленно подошли к Месту Родоначальников (те обитали дальше, Место это было неким компромиссом между ними и Ринарком).

И увидели Родоначальников, и глаз для этого не понадобилось.

Они общались с Родоначальниками беззвучно. Все обратилось в цвет, свет и лишилось формы. И явилось им в блеске своей сущности, в подлинной реальности.

— Итак, вы здесь,— сказали Родоначальники в унисон, словно одно существо.— Мы давно ждем вас, и терпение наше иссякает. Вы совершенствуетесь медленнее, чем мы надеялись.

От имени своей расы, понимая, что имеют в виду Родоначальники, Ринарк произнес:

— Простите меня.

— Во все времена лишь страшная угроза могла понудить вашу расу к развитию.

— Мы продолжаем существовать? — спросил Ринарк.

— Да.

— И надолго? — впервые подал голос Аскийоль.

Родоначальники не снизошли до прямого ответа. Вместо этого они сказали:

— Мы хотим, чтобы вы претерпели изменения. Мы ждем этого. Именно поэтому мы ускорили метаморфозы вашей вселенной. Вы понимаете, что, хотя ваша вселенная сжимается, она будет пока существовать в виде отдельных галактик, солнц и планет, в виде множества веществ и различных их сочетаний.

— Но человечество — что с ним?

— Нам следовало бы обречь его на смерть. Разумная органическая жизнь не может пережить невзгоды перемен. Не приди вы к нам, мы бы и обрекли его на смерть, как это ни прискорбно. Но наше правосудие справедливо. Мы дали вам знать о грядущей катастрофе, и вы употребили весь потенциал воли и способности к анализу, чтобы попасть сюда — как мы и надеялись.

Пауза; затем Родоначальники заговорили вновь:

— Подобно остальным расам мультиверсума, ваша раса способна к существованию на всех уровнях, не только на одном. И именно из-за этих звеньев, связывающих вас с остальными уровнями, вы и могли бы погибнуть — существование лишь на одном уровне для вас не вполне

естественно. Это мы разместили все расы в различных средах, что окружают их теперь. Каждая плоскость мультиверсума служила почвой, засеянной множеством рас, одна из которых могла выжить и превзойти нас. Ваша плоскость служит, выражаясь в ваших понятиях, материнским чревом. Вы наши дети, наша надежда. Но если вы окажетесь не в силах преодолеть ограничения, которые мы специально для вас установили, вам, как и нам, суждено умереть. Но вы умрете... едва успев родиться.

— Как же нам следует поступить?

— Мы внесли изменения в вашу вселенную, с тем чтобы ускорить темп вашего совершенствования, и в результате вы смогли отыскать путь к нам. Вы добились очень многого, но теперь вам следует вернуться и информировать свою расу о необходимости более быстрого, более динамичного развития. На этот раз мы подскажем вам способы эвакуации вашей вселенной. Но мы стареем, и из всех разумных рас мультиверсума именно ваша раса должна преемствовать нам. Пока вам это не по силам, вы не готовы. Либо вы подтвердите свое право первородства, либо, подобно нам, исчезнете в хаосе и распаде.

Вы доказали, что мы не ошиблись, остановив свой выбор на вас, вы *сможете* преодолеть и пределы, которыми мы вас ограничили. Но торопитесь, просим вас, торопитесь...

— Что произойдет, если мы оправдаем надежды?

— Метаморфозы обогатят вас опытом. Вскоре вы перестанете нуждаться во вселенных привычного вам типа. Все приходит к концу. Сейчас вы выбираете способ жизни,— и это важнее, чем выбор между жизнью и смертью!

Ринарк принял услышанное к сведению. На большее он был пока не способен.

— А что от нас требуется теперь?

— Исполнить свое предназначение.

Наступила долгая-долгая пауза.

Родоначальники источали симпатию и понимание, и тепло материнского чрева объяло обоих мужчин; время для них остановилось. Но Ринарк чувствовал: за этим скрывалась некая обжигающе суровая реальность. Что именно — его, Ринарка, забвение? Его смерть? Что-то подстерегало его в будущем. От него до поры скрывали нечто угрожающее.

— Вы правы, Ринарк,— сказали Родоначальники.

— Я не могу быть ни прав, ни неправ. Я понятия не имею о своей судьбе.

— Но вы, вероятно, чувствуете наше предвидение: истекает срок вашего физического существования; возможно, приходит конец и вашему сознательному существованию. Об этом трудно говорить. Вы сильны духом, Ринарк, могучий ваш дух слишком велик для сковывающей его плоти. Следует дать ему вырваться, пронизать весь мультиверсум!

— Быть по сему,— медленно проговорил Ринарк.

Аскийоль не мог ни понять слов Родоначальников, ни поверить в них. Его телесная оболочка — золотая, отсвечивающая красным, мерцала и вспыхивала, когда он обратился с вопросом:

— Ринарк, ты должен умереть?

— Нет! Нет!

Голос Ринарка ревел, как огненный смерч: он напутствовал друга.

— Когда меня не станет, ты должен повести нашу расу. Ты должен направить их навстречу судьбе или погибнуть вместе с ними. Ты понял?

— Я готов выполнить твое решение, но не понимаю его смысла. Новые знания ведут нас к безумию!

Холод в словах Родоначальников, как ледяной душ, утихомирил спорящих и привлек их внимание.

— Погодите, погодите! Еще на какое-то время вам придется сохранить свой физический облик и воспринимать мир так, как его воспринимает ваша раса. Ваши роли еще не сыграны. Теперь, когда вы постигли природу мультиверсума, вам не составит труда освоить и материальные средства эвакуации из вашей сжимающейся вселенной. Мы посвятим вас в устройство машины, способной искривлять континуум; она позволит вашему народу перебраться в другую, более безопасную галактику, где ему придется подвергнуться новым испытаниям. И этим наш план еще не ограничивается. Он предусматривает участие других представителей вашей расы, и, прежде чем вы выполните наше предначертание, вам предстоит встречаться и взаимодействовать с ними, укреплять их решимость. Эта часть миссии будет возложена на вас, Аскийоль.

— Сильнейший из нас — Ринарк,— смиренно отозвался Аскийоль.

— Поэтому дух Ринарка будет принесен в жертву, станет даром тому, кто останется из вас двоих. Такова необходимость.

— А как нам удастся убедить человечество, что исход в новую вселенную необходим? — мысленно спросил Ринарк.

— Мы сможем помочь. Мы внушим вашим соплеменникам веру в то, что скажете вы и Аскийоль. На это придется пойти — в качестве временной меры. Когда же вы покинете свою вселенную, наше вмешательство сведется к минимуму, и ваше спасение будет зависеть лишь от усилий отдельных личностей.

— Мы должны рассчитывать только на самих себя? — справился Аскийоль.

— В сущности, да.

— А какой будет новая вселенная?

— Мы не знаем; по-видимому, ваше перемещение будет случайным прыжком в *любую* иную плоскость мультиверсума. Мы не можем гарантировать вам и дружеский прием. Есть силы, противостоящие выполнению нашей задачи, порочные умы, что стремятся предотвратить эволюцию вверенных нам созданий.

— Вверенных вам? — то, чем стало тело Аскийоля, засверкало и всколыхнулось.

— Вам, нам — неважно кому. Мы, Родоначальники, именуем себя Разумными Оптимистами, поскольку видим стимул — неважно какой — к существованию. Но в этой вселенной есть и пессимисты. Не в их силах уничтожить нас, но они стремятся навредить, поскольку сами навсегда оставили надежду разорвать узы, приковывающие их к полуреальному состоянию, в коем они обретаются. И в вашей популяции вселенской расы есть их тайные сторонники.

— Понимаю.

И с этим словом они обрели *совершенство*. Наконец-то они увидели подлинную вселенную — вселенную из мириад плоскостей, несчетного множества измерений, вселенную, где пустоты нет вообще — есть лишь теснящееся щедрое бытие, которое они, не ведая того, пересекали в своих экспедициях.

Ринарк собрал свою титаническую волю, в голосе его зазвучала требовательность:

— И напоследок: *в чем* наша цель? В чем наша конечная цель?

— Существовать,— последовал простой ответ.— Пока вы по-настоящему и знать не могли, что это значит. Существование, какой бы смысл в это слово ни вкладывать, есть начало и конец. Если нам суждено умереть, прежде чем вы будете готовы занять наше место, то умрет и все сотворенное. Умрет мультиверсум. Все затопит хаос, и с нашим уходом опустится покров неопределенности, бессмыслицы, случайности.

— Мы не желаем этого! — воскликнули в один голос Аскийоль и Ринарк.

— Мы тоже. Поэтому вы и здесь. А теперь — необходимая вам информация.

Казалось, чья-то заботливая рука охватила их сознания и вкладывала в них обстоятельный курс логики, пока они не стали детально разбираться в принципе, заложенном в конструкцию космических кораблей, способных путешествовать сквозь измерения.

Этот принцип во всей его сложности было бы практически невозможно сформулировать для привычного им пространства и времени, но сейчас, применительно к мультиверсуму в целом, такая логика казалась естественной. Они были уверены, что смогут передать соответствующую информацию своей расе.

— Вы удовлетворены? — спросили Родоначальники.

— Полностью,— ответил Ринарк.— Теперь мы должны срочно возвращаться в свою вселенную. Исход следует начать как можно быстрее.

— Прощайте, Ринарк. Вероятно, когда мы встретимся вновь, вы не будете помнить о нас. Прощайте, Аскийоль. Когда *мы* встретимся вновь, будем надеяться, вы преуспеете в своем деле.

— Будем надеяться,— убежденно ответил Аскийоль.

Они отступили и устремились сквозь мультиверсум к кораблю, который все еще лежал на Росе.

9

Путник замедлил шаг у полузасыпанной песком заправочной станции. Вот и последнее творение человеческих рук, а бесконечная серая дорога ведет все дальше.

На сутулой спине громоздился внушительных размеров бесформенный рюкзак, но путник шел легко, на удлиненном, дочерна загоревшем лице пряталась улыбка, волосы и борода развевались.

Каал Йенсен, насвистывая, свернул на северную дорогу. Уже много столетий население Земли не превышало нескольких тысяч человек, что вполне устраивало такого отшельника, как он. Каал в жизни не видел снов, и этот, первый, побудил его к действиям. Дорога исчезла, вся поверхность планеты дыбилась, кружилась, бушевала. Вдруг его осенило: следует повернуть на юг. Так он и сделал и на пути присоединился к сотням семей, движущихся в том же направлении.

Боссан Глинквист, Лорд Ориона, сидел в своем офисе — части гигантского металлического города, висящего в космосе неподалеку от Центра галактики. Он достал дело Дреннера Макнира, стал перелистывать и в который раз подумал, так ли для несения его, Глинквиста, обязанностей Арбитра в Совете Лордов Галактики необходимо проводить треть сознательной жизни в столь неестественных природных условиях. Дело Макнира было трудным, оно требовало от Глинквиста полной сосредоточенности и непредвзятости. Возбудивший его человек предъявил Совету иск о нарушении закона, обвиняя Совет в ущемлении интересов небольшой группы торговцев. Из-за изменения тарифного соглашения между планетами Лэнринг и Бэйлсорн системы Клайв торговцы лишились возможности зарабатывать на жизнь и в настоящее время существовали на пожертвования граждан в одном из удаленных внешних миров. Дело серьезное. Глинквист задумчиво поднял глаза, нахмурился — и вдруг испытал мощнейшую галлюцинацию.

А чуть спустя он уже отдавал приказ, чтобы город снялся — приказ сам по себе беспрецедентный — и был направлен в систему Кассим.

И это — лишь два примера; нечто подобное происходило с каждым разумным обитателем галактики.

Все люди, будь то взрослые или дети, были охвачены одним и тем же порывом — их неудержимо влекло на определенные центральные планеты; собравшись там, они терпеливо ждали.

Немногим постоянным обитателям Земли казалось, что почва уже проседает под весом бесчисленного множества новоприбывших. В обычных условиях появление пришельцев на едва оправившемся от былых потрясений земном шаре преисполнило бы аборигенов негодованием, но теперь они ждали — ждали вместе с новичками.

И долготерпение было вознаграждено.

Они увидели его силуэт в небе. На лазерных экранах, установленных по всей планете, люди наблюдали, как он приземляется, будто пробив твердь пламени. Космический корабль — бывший полицейский корабль. В выбоинах и шрамах. На вид — старый и совсем непригодный для космических полетов.

Они наблюдали, как открывается шлюз и появляются две фигуры; в эти минуты по всей Земле стояла тишина.

Миллионы людей, щурясь и моргая, не могли сфокусировать зрение на этих фигурах, тщетно силились увидеть их *целиком*. Те, кто вышел из корабля, были подобны прозрачным хамелеонам, непрестанно меняющим цвет и яркость.

Миллионы пар глаз видели, что на явно человеческие фигуры наслаивается множество призрачных изображений, которые, казалось, уходили в другие измерения, ускользали не только из зрения — из воображения.

Посланники были подобны ангелам. Их застывшие лица просветляло знание, тела их составляла переливчатая плоть; слова их, когда они заговорили, пульсировали в такт с ритмом планеты, и слушавшие их будто внимали землетрясению, или океану, или вулкану, а то и вдруг обретшему голос солнцу!

И все же люди понимали — вестники были людьми. Но людьми настолько изменившимися, что человеческий их облик стал почти неуловимым.

И благоговейно прислушивались к словам и осознавали, пусть не сразу, что надлежит делать.

Ринарк и Аскийоль прибыли со своей последней миссией. Они поведали о том, чем грозит сжатие вселенной. Они поведали о том, как и почему оно произошло. И в завершение они поведали, как можно избежать гибели человечества.

Они говорили отчетливо, тщательно подбирая слова, наблюдая за слушателями из глубин далекого своего сознания. Их бытие более не было привязано к определенной плоскости мультиверсума, им приходилось сосредоточиваться, чтобы с неизменной отчетливостью видеть лишь единственный этот уровень.

Они говорили, ощущая переменчивую прелесть убегающих измерений, но ощущение это нельзя передать, оно невыразимо словами. И вместе с мультиверсумом, в ритмической гармонии с ним, менялась и живая материя их тел, так что слушатели подчас не могли воспринимать вестников как людей. И все же слушали.

Слушали и познавали, что мультиверсум слагает множество уровней и что их вселенная — лишь один из них, лишь фрагмент великого целого. Она конечна, хоть их сознанию недостает могущества, чтобы понять это. Они познавали, что таким сотворили мультиверсум создания, именуемые Родоначальниками. Познавали, что Родоначальники в предчувствии возможного конца сотворили мультиверсум как питательную почву для рас, дабы одна из них заняла их место. Они познавали, что самим им,

находящимся в эмбриональном состоянии отпрыскам Родоначальников, дан последний шанс стать их преемниками. Дан выбор: осознав и преодолев мнимую реальность границ времени и пространства, казавшуюся им безусловной, тем самым оправдать свое право первородства — или погибнуть!

Затем Ринарк и Аскийоль покинули планету Земля — с тем чтобы понести свою весть на вторую, третью планету...

И где бы они ни появлялись, их провожало благоговейное молчание, и каждое человеческое существо, сподобившееся услышать их, оставалось с ощущением *завершенности*, словно тому, что узнало, училось всю жизнь.

Затем многоликие вестники призвали к себе инженеров, и ученых, и философов и поведали этим людям, что им надлежит сотворить.

И вскоре по ту сторону Границы в глубинах космоса роились снабженные блоками интерконтинуального перемещения гигантские транспортные корабли, готовые унести человечество в другую вселенную.

Этот небывалый космический караван возглавлял небольшой, видавший виды полицейский корабль. В нем навсегда прощались Ринарк и Аскийоль.

Рядом Ринарка поджидал маленький космический катер.

Двое — Новые Люди — вглядывались в ежесекундно меняющиеся обличья друг друга, всматривались в них, чтобы запомнить облик пульсирующего мультиверсума. Пожали друг другу руки — без слов. То, что должно произойти, было предрешено.

С тоской наблюдал Аскийоль, как его друг восходит на борт катера и тот исчезает, уносясь обратно к Центру галактики.

Теперь ему следовало привести огромный флот в готовность. Лорды Галактики наделили его всеми властными полномочиями на любое время, какое он сочтет необходимым. Администрация, располагавшая опытом сотен лет галактического правления, оказалась на редкость эффективной и при организации огромного флота: она принимала к исполнению распоряжения Аскийоля и обеспечивала их реализацию.

"Ровно в 18.00 по Базовому времени каждому кораблю начать интерконтинуальное перемещение",— отдавался эхом одинокий голос Аскийоля в пустоте, где дрейфовал флот.

Где-то за пределами видимости Аскийоля, да и всего человечества, крохотная фигурка остановила свой космический катер, влезла в скафандр, покинула катер и зависла в пространстве; катер унесло прочь.

Человечество прорывалось сквозь измерения в убежище иной галактики, где обитала иная разумная форма жизни — кто знает, как встретят его там... На глазах у него галактики одна за другой стремительно неслись навстречу друг другу, сливаясь в единую сверкающую симфонию света.

А сжатие вселенной неожиданно ускорилось.

И дело было в Ринарке. Почему — человечеству знать не дано, да и сам Ринарк не понимал до конца. Он знал одно: необходима жертва. Был ли в этом символ веры диких его пращуров, по-своему интерпретированный Родоначальниками? Или свершение это имело некий более общий смысл? Ответа ждать не от кого.

Вселенная сжималась быстрее и быстрее, пока все сущее в ней не сжалось в шарик, который, казалось, уместился бы на ладони Ринарка. Теперь Ринарк наблюдал за последними судорогами вселенной уже не изнутри, а извне. И вот то, что было его вселенной, исчезло из зрения, хотя он все еще мог воспринимать ее, по-прежнему ощущая чудовищное уменьшение ее размера.

Он знал: есть предел, сжавшись до которого материя перестает существовать, и в конце концов предел этот был достигнут. Теперь здесь был разрыв, прореха в ткани самого мультиверсума. Здесь окончилось существование его вселенной, галактики, Земли; возможно, их поглотила вселенная более высокого уровня, перед которой пасовала даже потрясающая восприимчивость Ринарка. Может быть, один из фотонов той, большей Вселенной — это вселенная его, Ринарка. И стоило вселенной покинуть Ринарка, его переменчивое, мерцающее тело утянуло в оставленную ей пустоту, плоть его стала распадаться и исчезла.

— О Боже! — сказал он, когда исчезло все.

Голос его отдавался эхом, уносясь сквозь пустынную бездну. В этом мгновении он и остался навсегда.

10

В глубокой печали Аскийоль решился перенять дело Ринарка и довести до завершения замысел Родоначальников, касающийся человечества.

Флот продолжал почти неуправляемое спасительное погружение в ткань мультиверсума, минуя его слой за слоем.

Близился момент, когда Аскийолю придется отдать приказ остановить интерконтинуальный переход, выбрать какой-то уровень.

Какой из них выбрать, он понятия не имел. Конечно, он достаточно знал о мультиверсуме, однако кругозор его, в отличие от Ринарка, был скован традиционными ограничениями. Он и не подозревал, что может ожидать их во вселенной, в которой им в конце концов суждено остановиться.

В огромном мультиверсуме они были не более чем горстью брошенных семян — и многое придется им пережить, чтобы доказать свою всхожесть.

Мультиверсум — конечный, но сотканный из бесконечности — поворачивался, верша свое величественное движение в космосе.

Тем, кто мог наблюдать его извне, располагаясь за его пределами,— Родоначальникам — он представлялся надежной конструкцией, заполненной до предела. А пределы его заключали множество сущностей, множество разумных существ, не сознающих даже, что пребывают в мультиверсуме, поскольку каждый слой-континуум отделяли от других слоев своеобразные прокладки между слоями.

Местами могучая конструкция надламывалась; осколки ее пролетали сквозь измерения, пронизывая множество вселенных, а в месте, откуда вылетел осколок, оставался вакуум. В целом же вселенные не ведали друг о друге, не сознавали, что являются лишь частью фантастически сложной конструкции. Они не сознавали ни своего собственного предназначения, ни предназначения, ради которого и был сотворен мультиверсум.

Осознали лишь избранные — а тех понимали лишь немногие.

Так, спасаясь бегством из своей уже не существующей галактики, человечество начало великий исход в новый пространственно-временной континуум, пробило барьеры измерений и наконец вошло в новую вселенную.

Этим свершением Человек открыл новую эпоху своей истории.

Но Аскийоль Помпейский был уже не просто человеком. Он стал множеством людей и, значит, совершенством. Теперь и быть не могло лучшего командира человеческого флота, лучшего наставника, направляющего

человечество. Ибо Аскийоль стал Новым Человеком Взор его проникал во множество измерений, распространялся за непреодолимые для его сотоварищей пределы; он знал, чем может со временем стать человечество, если сделает над собой усилие.

Аскийоль Помпейский — капитан, поставленный самой судьбой, ниспровергатель границ, нашедший покой в отрешенности,— прервал печальные размышления и открыл глаза — осмотреть ведомый им флот

Он увидел на экране громадный космический караван Там были лайнеры и боевые звездолеты, катера и летающие заводы, корабли всех родов и назначений; они заключали в себе исправно функционировавший аппарат развитого общества. Там были корабли разных конструкций, замысловатых и бесхитростных, но один узел был общим для всех них — устройство интерконтинуального перемещения.

Аскийоль запретил себе размышлять, почему Ринарк решил отстать, остаться в гибнущей вселенной. Но и сейчас — как бы ему хотелось, чтобы этого не произошло! Он лишился уверенности, которую сообщали ему воля, дух, да и само присутствие Ринарка. Теперь же и Ринарк, и его воля остались в прошлом, и Аскийоль был вынужден черпать силу лишь в самом себе — или погибнуть.

А если он погибнет, перестанет быть собой, угроза гибели самого человечества непомерно возрастет Значит, заключил он, его выживание и выживание человечества связаны.

Не прошло и двадцати четырех часов относительного времени после того, как флот покинул родную вселенную, когда Аскийоль решил, что они остановятся в следующей вселенной, какой бы та ни оказалась, и отдал приказ: "В 18.00 деактивировать блоки интерконтинуального перемещения"

Ровно в 18.00 флот прервал падение в бездны измерений и оказался у одного из окраинных рукавов незнакомой галактики, не ведая, с чем там придется столкнуться и какие опасности могут их ожидать.

На борту административных кораблей обрабатывали поступающие данные

Была составлена карта новой галактики; оказалось, что по строению та совсем незначительно отличается от их собственной Это не удивило Аскийоля: каждый слой мультиверсума лишь ничтожно мало отличался от соседнего

Космовидцы обследовали ближайшие солнца и планеты; телепаты отыскивали признаки разумной жизни. В случае успеха им надлежало попытаться оценить отношение разумной жизни к беженцам — нарушителям, пересекающим в данный момент рубежи ее галактики. Методика этих исследований была одной из тех, которым научили Аскийоля шаарнцы.

На флангах флота располагались большие космические линкоры Галактической Полиции; теперь, когда флот на фантастической скорости прорывался через россыпи солнц, окаймлявших эту спиральную галактику, на полицию были возложены функции боевого охранения.

Пространство вокруг заливал неясный свет, в нем темными пятнами проплывали бесчисленные корабли флота. Дальше мрак сгущался, там слабо поблескивали звезды. Излучаемый кораблями свет был подобен кружащейся, ускользающей из зрения туманности, безостановочно движущейся к недостижимой цели.

Но Аскийоль видел не только это: он видел мультиверсум.

Да, теперь ему приходилось делать над собой усилие, чтобы сосредоточить внимание на какой-то одной плоскости, сколь бы пространна она ни была. А стоило позволить вниманию рассеяться, и он испытывал ничем не омраченное удовольствие, пребывая одновременно на всех плоскостях и чувствуя в непосредственной близости все находящееся в ныне занимаемой им области мультиверсума.

Он будто существовал там, где сам воздух изукрашен самоцветами и огранен, искрится и оживает мириадами цветов, вспыхивает, мерцает, кружится водоворотом — чем и прекрасен.

Да, мультиверсум во всей своей цельности был куда более захватывающим зрелищем. Здесь Аскийоль мог видеть не только свой флот и удаленные звезды, он видел другое: чем бы ни разделялось пространство, оно заполнено до предела. Мультиверсум плотно набит жизнью и материей: здесь не было и дюйма пустоты. Вакуум ощущался, если воспринимать слои по отдельности; когда же слои воспринимались как одно целое, не оставалось места ни для никчемного вакуума, ни для мрачного небытия. Всё было заодно — все возможности, все воплощения...

Аскийолю пришлось оторваться от своих ощущений, когда над лазерным экраном тревожно завыла сирена.

На экране появилось лицо. Отекшее и обрюзгшее, с тяжелой челюстью полицейского. Лорд Галактики, начальник Департамента полиции.

— Слушаю, Лорд Морден.

— Аскийоль...— даже теперь, когда Аскийоль получил практически неограниченную власть, Морден не мог заставить себя называть Аскийоля "князь", поскольку Галактический Совет не успел вернуть ему лишенный теперь смысла титул. Он вздохнул и встревоженно сообщил:

— Наши всевидцы и телепаты получили важную информацию. Мы нашли разумный вид, который, по-видимому, обнаружил наше вторжение в данный пространственно-временной континуум, и вступили с ним в контакт. Судя по всему, это цивилизация, достигшая стадии космических путешествий.

— Как они реагировали на наш прилет?

— Пока определенности нет — телепаты, приноравливаясь к их сознаниям, столкнулись с трудностями...

— Естественно — чтобы понять отличный от людей вид, требуется время. Когда поступят более точные сведения, дайте мне знать.

Морден поневоле щурился, глядя на изображение Аскийоля. Его будто составляли несколько наслаивавшихся изображений, каждое из которых образовывалось различными сочетаниями цветов. Выглядело это так, словно лицо Аскийоля прикрывали красочные непрозрачные маски, проложенные с обеих сторон белой бумагой. Изображение, которое Морден считал подлинным, было слегка сдвинуто в сторону относительно этих множественных изображений и казалось точнее сфокусированным. Но и по нему он отнюдь не сразу узнал бы того, кого помнил циничным, деятельным, легко поддающимся переменам настроения молодым человеком, которого он несколько лет назад лишил титула и власти. Теперь перед ним был худой угрюмый мужчина с лицом падшего ангела, ожесточившийся под бременем ответственности, с проницательным взглядом, устремленным куда-то в пространство и, казалось Мордену, мало что замечающим.

С привычным чувством облегчения Морден отключил связь и передал распоряжение Аскийоля команде космовидцев.

Аскийоль решил до поступления дальнейшей информации не напрягать сознания, пытаясь вступить в прямой контакт с новым видом. Пока было рано: надо дать ясновидцам время для сбора всех возможных данных,

и только затем придет время заняться проблемами контакта.

Он не мог забыть предупреждения Родоначальников о том, что некоторые разумные расы весьма склонны относиться к человечеству с бессмысленной враждебностью, но надеялся, что форма жизни, существующая в этой новообретенной вселенной, примет их дружелюбно и позволит осесть где бы то ни было. На случай, если разумная жизнь окажется враждебной, флот был оборудован всем необходимым для боевых действий или, если дело примет плохой оборот, бегства. Он уже распорядился разблокировать антинейтронные пушки, а это разрушительное оружие оставалось неотразимым. Насколько знал Аскийоль, потоку антинейтронов не мог противостоять ни один известный тип щитов и экранов. Флот уже изготовился к сражению. Теперь оставалось лишь ждать.

И Аскийоль переключился на обдумывание других вопросов.

Посадка на новые планеты этой галактики и их освоение были задачами куда менее трудными, чем выполнение долга преемственности, возложенного на них Родоначальниками.

Человечество казалось Аскийолю цыпленком, еще не вылупившимся из яйца. Оно благополучно существует в скорлупе, знать не зная о том, что находится за ее пределами, а пробиваясь через барьер измерений, отделяющий его вселенную от других, оно одновременно вырывается из своей тесной оболочки к пониманию мультиверсума и подлинной природы вещей...

Но едва вылупившийся цыпленок, думал Аскийоль, может считать, что главное дело своей жизни он уже сделал: скорлупа разбита, целый мир предстал перед ним во всей своей сложности. И тут он обнаруживает, что существуют и двор фермы, и деревня со всеми их бесчисленными опасностями. Обнаруживает, что он — всего-навсего птенец и, чтобы дожить до зрелости, должен учиться выживанию и соответственно действовать.

А вероятная судьба среднестатистического цыпленка, усмехнулся Аскийоль, известно какая. Он прикидывал, много ли других рас продвинулось достаточно далеко за время существования мультиверсума. Выживет в лучшем случае лишь одна, и теперь в этой роли должно выступить человечество, поскольку, если оно не докажет Родоначальникам своего первородства, их место останется незанятым. Мультиверсум вновь распадется на хаос энергий,

из которых он и был когда-то сформирован Родоначальниками.

И тогда смерть и мерзость запустения затопили бы пространство. Волны случайного смыли бы все сущее, и мультиверсум, лишенный надзора и управления, погиб бы. Погибло бы все, что Родоначальники и их творения считали разумным!

Именно эта убежденность и заставляла его неизменно следовать главной своей цели. Его раса не должна погибнуть, она должна выжить и вырасти, должна обрести свою многообещающую судьбу, удивительное свое право первородства. Его раса должна преемствовать Родоначальникам, и времени для этого оставалось совсем мало.

Достаточно ли?

Аскийоль не знал. И не знал, как узнать, когда исчезнут Родоначальники. Значит, он должен попытаться втиснуть столетия эволюции в кратчайший возможный срок. Не знал он и того, позволит ли ему человечество продолжать свою миссию, коль скоро непосредственная угроза миновала. Теперь, когда тайное воздействие Родоначальников прекратилось, человечество может упустить свое право первородства, а следовательно и лишиться всего с таким трудом достигнутого из-за одного-единственного непродуманного или продиктованного страхом решения.

Уже теперь кое-кто во флоте оспаривал его лидерство, сомневаясь в его системе взглядов и мотивах действий. Нетрудно понять: импульсом к сомнениям и подозрительности были одновременно испытываемые человеком ощущения спасения и довлеющего рока. Без них он переставал задумываться, с ними — переставал действовать. Аскийоль знал — выход в том, чтобы воспользоваться этим импульсом. Но как?

Без положенного уведомления на лазерном экране возникло лицо Мордена. Он смотрел в пустоту, предпочитая не видеть раздражающее глаза изображение Аскийоля.

— Здешняя разумная форма, очевидно, готовит нападение на нас,— с нажимом проговорил он.

Итак, случилось худшее — и угрозу надо встретить лицом к лицу.

— Что вы предприняли? — спокойно спросил Аскийоль.

— Вооруженные силы приведены в состояние боеготовности. Жизненно важная часть флота защищена энер-

гетическими экранами — корабли администрации, корабли-фермы, корабли-заводы. Я отдал приказ переместить их в центр боевого порядка, коль скоро без них нам не выжить.

Вокруг них сгруппированы пассажирские лайнеры. Третий эшелон составляют все боевые корабли, в том числе и частные, если они надлежащим образом вооружены. Операция прошла безукоризненно, если не считать нескольких неподчинившихся, с ними до сих пор трудности. Сейчас мы перестраиваемся так, чтобы со всех сторон прикрыть ваш корабль.

Аскийоль глубоко вздохнул и задумчиво произнес:

— Благодарю вас, Лорд Морден. По-видимому, вы сделали всё, что в силах человеческих.

Мордену казалось, что голос Аскийоля, как и облик, порождал какие-то внутренние, отдаленные волны-отголоски, прокатывающиеся мимо и позади него.

— Какие меры прикажете принять в отношении неподчинившихся?

— Я совещался с остальными членами Совета Галактики, и мы пришли к решению, которое представим на ваше утверждение.

— В чем оно состоит?

— Если называть вещи своими именами, в том, чтобы объявить закон о чрезвычайном положении утратившим силу и аннулировать его, коль скоро главная опасность миновала.

Вся история человечества должна бы удержать вас от силовых решений. Наделяя меня и себя диктаторскими полномочиями, вы тем самым допускаете их сохранение и тогда, когда перестали действовать обстоятельства, заставившие к ним обратиться. А ведь мы не прибегали ни к чему похожему на принуждение или силу уже несколько веков!

— Аскийоль, сейчас нет времени для дебатов!

Аскийоль помедлил. Да, сейчас важнее всего выжить...

— Что ж, ладно. Воспользуйтесь своими полномочиями, заставьте неподчинившихся выполнять приказы, но только если вы уверены, что не допускаете злоупотреблений властью, ибо это не укрепит нас, а ослабит.

— Известное дело. Спасибо.

Аскийоль, подавленный и обеспокоенный, наблюдал, как флот перестраивается в громадную сферу, в центре которой находился его видавший виды корабль — ядро в невиданно толстой скорлупе.

11

Адам Роффрей был психопатом, бунтарем против всего и вся, ненавистником государства и порядка.

Он мрачно наблюдал, как вокруг перестраивается рой кораблей, но сам не касался пульта и не отвечал на загорающиеся на экране сигналы. Массивная голова, казавшаяся еще больше в обрамлении густой черной бороды и нечесаных волос, была упрямо и дерзко вздернута. Он принципиально отказывался стронуться с места и знал: он в своем праве.

Ему не раз удавалось обходить либеральные законы своей галактики, поскольку гражданские права были разнообразны и запутанны. Его, свободного гражданина, не могли заставить участвовать в войне, даже в контакт с ним власти могли вступать лишь с его разрешения. Вот он и не сдавал позиций, и плевать хотел на настойчивые звонки.

Когда же без всякого разрешения на его лазерном экране появилась полицейская физиономия Лорда Мордена, Роффрей лишь саркастически улыбнулся. И сказал вроде бы беспечно — он всегда так говорил, независимо от серьезности заявления:

— Пустой номер, Морден. На победу нечего и надеяться. У противника фантастическое численное превосходство. Ваш Аскийоль вынуждает человечество совершить самоубийство. Будем голосовать?

— Нет,— отрезал Морден.— Не будем. На период чрезвычайного положения действие всех гражданских свобод может при необходимости приостанавливаться. Вам остается лишь подчиниться решению Аскийоля и Совета Галактики. Аскийоль лучше знает, что делать.

— Аскийоль не знает, что лучше делать мне. Единственная лошадка, на которую я когда-либо ставил,— это я сам, зарубите себе на носу!

Лорд Морден взглянул на ухмылявшегося с лазерного экрана чернобородого гиганта и нахмурился:

— Роффрей, флот не покинет ни один человек! Во-первых, это слишком опасно, во-вторых, если мы хотим выжить, нам следует сохранять сплоченность и организованность...

Последние его слова адресовались уже пустому экрану. Морден развернулся вместе с креслом и крикнул проходившему офицеру:

— Наружное охранение — в боевую готовность! Возможна попытка отлета. Пресечь ее!

— Какими средствами, Лорд Морден?

— Силой, если другого выхода не останется,— ответил Морден, чем до глубины души потряс офицера, никогда за всю свою службу не получавшего подобного приказа.

Адам Роффрей всю жизнь был антиобщественным элементом.

Его образ жизни не вписывался в рамки закона, и сейчас он отнюдь не собирался уступать требованиям общества. Не флот это, а жалкие щепки, считал он, и нечего здесь ошиваться. Ему претила дисциплина, обязательная в сложных космических сражениях; ему претило, что странные противники человечества одержат победу; ему претил сам факт его личного участия. Не в его это характере — личное участие.

Так что он отключил энергетическую блокировку антинейтронного орудия и приготовился к запуску. Но стоило ему немного отдалиться от флота, вдогонку за ним рванулись несколько канонерок ГП, поднятых по тревоге Морденом.

Роффрей поскреб заросший подбородок, почесал заросший лоб, потянулся заросшей рукой к кнопке "форсаж". И на полной мощности — ходу от догонявших кораблей, от флота, в неведомое пространство неведомой вселенной.

Он был готов воспользоваться и этим ничтожным шансом, лишь бы никто не покушался на его драгоценную свободу.

А вот диковинный его корабль — на первый взгляд неуклюжая старая громадина, космический баркас, прикидывающийся торговым кораблем, но оснащенный, как линкор,— не мог оторваться от кораблей ГП на длинной дистанции. Те уже догоняли его.

Что-то бурча себе под нос, Роффрей задумался.

Был, конечно, верный способ уйти от сиюминутной опасности, а заодно и от вражеской угрозы: на экранах уже можно было различить сферические корабли гигантской вражеской эскадры, направлявшейся из космических глубин к флоту, который покинул Роффрей.

Но хотя ему уже приходил в голову этот способ — много раньше и в иных обстоятельствах,— воспользоваться им было в высшей степени небезопасно.

Пугало единственное — воспользуйся он им, и впредь ему не увидеть ни единого человека.

А решиться на что-нибудь следовало немедленно.

Его корабль, как и все остальные в громадном космическом караване, был оборудован блоком интерконтинуального перемещения, позволявшим проходить сквозь измерения. Он давно позаботился узнать все что смог о многомерном пространстве и о том, что там находится. И внезапно он понял, куда ему нужно.

Мысль эта вынашивалась в глубинах этого мятежного сознания годами. Теперь Роффрею хотелось лишь, чтобы его вынудили ею воспользоваться.

Корабли ГП были уже близко, в динамике ревел их предупредительный сигнал. Он пробежался по клавишам компьютера, не спуская глаз с надвигающихся хищных силуэтов.

ГП подлетали все ближе, а оба построившихся в боевые порядки флота остались далеко позади. Он видел там слабые всплески странных огней на экране. Ему стало не по себе, он с удивлением отметил, что к испытываемому им удовлетворению примешивается чувство вины — он оставил поле битвы. Трусом Роффрей не был, просто у него дело поважнее.

Бросив взгляд на уравнения, горевшие на экране компьютера, он потянулся к сделанному на скорую руку пульту управления блоком интерконтинуального перемещения. Толкнул рычаг — и корабли ГП совершенно неожиданно растаяли вдали. А на их месте, будто из затемнения, появилась новая декорация — громадные слепящие солнца, на которые больно было смотреть.

Еще раз он испытал непередаваемое чувство, с которым проваливаешься сквозь измерения мультиверсума.

Стоило ему снова тронуть рычаг, растаяли и солнца, их сменил холодный вакуум, а его — непонятная мешанина алых и серых газов... Роффрей проскакивал сквозь измерения, слои, пронизывал вселенную за вселенной, испытывая лишь легкое подташнивание и свирепую решимость.

Корабли ГП за ним не последовали, вероятно, для них важнее оказалось помочь человеческому флоту.

А он мчался сквозь пространство — да и сквозь время и промежуточные измерения; он устремлялся вспять, туда, где в его родной вселенной раньше был край галактики. Он располагал всеми необходимыми пеленгами и, стоило ему пройти один уровень, мчался через остальные с безудержной скоростью.

Он знал, куда должен попасть, а вот удастся ли это, оставалось под вопросом.

Аскийоль Помпейский наблюдал на экранах за битвой с ощущением, близким к беспомощности. Он отдавал лишь главные приказы Мордену, который непосредственно руководил военными действиями.

— Все ли возможное я делаю? — терзался он.— Не слишком ли благодушен к тому, что обнаружил?

Ему не составляло труда руководить флотом; сознание его сочетало гибкость и твердость, а физический облик внушал благоговейный страх соплеменникам. И все же какая-то его частица испытывала душевный дискомфорт, как если бы он был составной картинкой-загадкой, недосчитывающейся последнего фрагмента, а потерянный кусочек совершенно недостижим, что и причиняло танталовы муки.

Он чувствовал, что фрагмент этот существует где-то в мультиверсуме — возможно, иное разумное существо, с которым он мог бы поделиться мыслями и пережитым. Аскийоль был почти уверен — существо это есть, но не здесь — и не знал, как его найти. А без него он, Аскийоль, не ощущал себя цельным. Он чувствовал, что исправно выполняет свои обязанности, но не прогрессирует. Был ли в том особый замысел Родоначальников? Или они допустили просчет?

Сначала ему казалось: дело в утрате Ринарка, это из-за нее он испытывает ощущение незавершенности. Но утрата была им осознана, он помнил о ней и по мере возможности ограждал сознание от мыслей о гибели Ринарка. Нет, не хватало чего-то другого. Так чего же?

Он склонился к экрану, наблюдая за боем.

Порядок флота расстроился после того, как из космоса внезапно обрушилась новая волна атакующих, вооруженная смертоносными энергоизлучателями.

Нападавшие не обладали защитой от антинейтронных орудий, но в целом обе стороны находились практически на одном уровне развития технологии. Чужаков было больше, а то, что они сражались на своей территории, защищая ее, удваивало их превосходство. Это-то и беспокоило Аскийоля.

Но никаких решительных действий он еще предпринять не мог. Оставалось только ждать.

И снова, пока Морден из кожи вон лез, отражая последнее нападение и организуя контратаку, Аскийоль устремил свое сознание в глубь мультиверсума, вступив в контакт с командованием чужаков. Если те не примут предложенного мира, он постарается добиться хотя бы перемирия.

К его удивлению, чужаки согласились.

Да, у войны *была* альтернатива, единственная, о которой они с удовольствием повели бы переговоры.

Какая?

Игра, ответили те. Сыграйте с нами в Игру, победителю достанется все.

Правда, у Аскийоля возникли некоторые подозрения насчет условий Игры, и он ненадолго задумался. Тут были и "за" и "против" ..

В конце концов он согласился и вскоре наблюдал, как вражеские корабли отступают назад, в пустоту.

С некоторым трепетом он сообщил Мордену о своем решении и ждал результата. Неожиданный поворот противоборства с чужаками обескуражил Лорда Мордена. Войну он понять мог, такое — нет, во всяком случае, не сразу. Все психологи, психиатры, физиологи и люди подобных профессий были в приказном порядке собраны на борту громадного корабля, переоборудование которого уже заканчивалось.

Отныне, по словам Аскийоля, сражение следовало выигрывать отсюда, силами этого единственного — и невооруженного! — корабля.

С той поры как Аскийоль лишь ему известным способом провел переговоры с командованием чужаков, он стал недоступен, разве что время от времени отдавал странные приказы.

В частности, об Игре. Что это за Игра, недоумевал лорд Морден, где в качестве Игроков требуются психологи? Что там за головоломную электронику монтируют в громадном зале, переделанном из трюма корабля-завода?

"На победу у нас один-единственный шанс,— сказал ему Аскийоль.— К тому же шаткий, но если мы научимся играть, шанс все-таки есть".

Морден вздохнул. Ладно, подготовка к Игре, на худой конец, даст им время для перегруппировки и оценки повреждений. А повреждения велики. Две трети флота выведено из строя. Корабли-фермы и корабли-заводы работали на полную мощность, снабжая флот необходимым. И все же было введено жесткое рационирование, люди получали лишь жизненно необходимый минимум. Эйфория от удачного побега сменилась у большинства мрачным отчаянием.

А Адам Роффрей уже видел цель, к которой так стремился.

Он перебросил рычаг интерконтинуального перемещения в положение "отключено" и полетел по инерции к смутно вырисовывавшейся впереди системе.

Она висела в пустоте, ее планеты с неясными очертаниями без видимого порядка выстроились вокруг величественной двойной звезды.

Легендарная эта система росла на лазерном экране, неестественное скопище миров становилось все ближе.

Эпос о том, как Ринарк и Аскийоль отправились на поиски приключений в Отлученные Миры, был наизусть выучен человечеством. Для Роффрея же эта история или, во всяком случае, часть ее имела особое значение.

Ринарк и Аскийоль оставили там двух членов своей экспедиции — Уиллоу Ковач и Пола Толфрина.

Их имена были знакомы Роффрею. Но главным для него было еще одно имя, женское,— имя женщины, поисками которой он и собирался заняться.

Если он не найдет ее на этот раз, мрачно повторял Роффрей, значит, ее все-таки нет в живых. Тогда ему останется только один выход — смерть.

Такой уж он был одержимый.

Приближаясь к Отлученным Мирам, он с интересом рассматривал их. Они изменились. Планеты располагались самым обычным образом, а не на одном расстоянии от звезды, как он предполагал. И, судя по всему, переход системы прекратился.

Тут он вспомнил фрагмент истории, быстро превратившейся просто в еще один миф для беглецов из погибшей галактики. Некая раса, похожая на собак и именующая себя шаарнцами, пыталась остановить прохождение системы сквозь измерения.

Очевидно, им это удалось.

Выяснив по картам координаты Энтропиума, он осторожно направил корабль к Призраку, где, как ему было известно, подстерегали две опасности — тронцы и безумное пространство самого Призрака.

Но когда он уже вышел на орбиту Энтропиума и попытался отыскать единственный построенный на нем город, ему так и не удалось обнаружить ни хаоса, ни врагов.

Ни города.

Правда, он нашел место, где раньше был какой-то город,— груду развалин. Посадив корабль на обширном пустыре посреди перекрученного железа и обломков бетона и сканируя окрестные руины, он заметил какие-то неясные фигуры, шнырявшие в темных воронках между

разрушенных строений. Из-за чего произошла катастрофа, было совершенно непонятно.

Наконец с замиранием сердца он влез в бронированный скафандр, пристегнул на бок антинейтронный пистолет, спустился в воздушный шлюз и ступил на поверхность планеты.

В то же мгновение в одной из воронок что-то сверкнуло, и на силовом поле его скафандра рассеялся импульс энергии. На ходу выхватив из кобуры пистолет, Роффрей рванулся назад и укрылся за посадочной опорой.

Сразу ответный огонь он не открыл; как и любой человек, Роффрей испытывал некоторый страх перед разрушительной силой антинейтронного оружия.

Он увидел фигуру чужака — высохшее тело, больше похожее на скелет, обтянутый ослепительно белой, как оплавленный пластик, кожей, длинные ноги, короткие руки; голову он разглядеть не смог — странная металлическая трубка приподнялась над краем воронки и задергалась в руках чужака, явно целясь в него.

Роффрей выстрелил.

Вопль существа еще отдавался эхом в его шлеме, а тело врага, поглотив смертоносный поток антинейтронов, рухнуло, расплавилось и исчезло.

— Сюда!

Обернувшись, Роффрей увидел какого-то грязного, одетого в немыслимые лохмотья человека — но все же человека — и побежал к нему. В воронке, которую нагроможденные по краям обломки пре ращали в некое подобие укрепления, Роффрей обнаружил горстку бедолаг, остатки человеческого населения Энтропиума.

У позвавшего его человека голова казалась черепом, обтянутым грязной, усеянной струпьями кожей. Лицо распирали кости. Руки, не находя места, бегали по телу. Не сводя с Роффрея настороженного взгляда, он прохрипел:

— Мы тут голодаем. Есть хоть какие-нибудь припасы?

— Что здесь произошло? — спросил Роффрей.

Его подташнивало от всеобщего запустения. Люди эти — просто стая, сбившаяся для защиты от таких же стай чужаков. Выжить, ясное дело, суждено лишь самым приспособленным.

Оборванец указал на обломки за собой:

— Вы об этом? Не знаем... Бац — и все...

— Почему вы не улетите отсюда?

— Нет кораблей. Почти все были разрушены.

Лицо Роффрея скривила судорога:

— Прикройте меня, пока я доберусь до корабля. Я вернусь.

Чуть спустя он уже брел обратно через развалины с ящиком в руках, скользя и оступаясь на вздыбленном грунте. Стоило Роффрею протянуть пакеты с сухим пайком, и несчастные жадно обступили его.

С этой планетой — а может, и со всей системой — случилось нечто ужасное. Он должен выяснить, что — и почему.

От группы припавших к пище людей отделилась какая-то женщина, за ней следом тащился мужчина с головой-черепом.

Она обратилась к Роффрею:

— Вы, кажется, из родной галактики. Как вы сюда попали? Что, они... разобрались в тайнах Призрака?

— Вы о Ринарке и Аскийоле?

Роффрей всматривался в женщину, но не узнавал ее. Сразу видно, что она была красавицей — да нет, и оставалась ею, если бы не грязь и лохмотья.

— Да, они добились своего. Раскопали больше, чем хотели, но добились. Всей нашей Вселенной больше не существует. А человечество или та его часть, которая унесла ноги, никак не осядет. Может, оно уже уничтожено, не знаю.

Мужчина с головой-черепом обнял женщину. Выглядели они парой оживших мертвецов.

— И тогда ты ему была не нужна, и сейчас не нужна,— сказал он женщине.

Роффрей заметил, что между ними словно кошка пробежала, но не понимал, в чем дело.

— Заткнись, Пол. Ринарк и Аскийоль в безопасности? — спросила женщина.

Роффрей покачал головой:

— Ринарк умер. Аскийоль процветает, он командует флотом. Лорды Галактики полностью передали ему власть на период чрезвычайных обстоятельств. Теперь они ему подчиняются.

— Провинциал идет в гору,— прокомментировал мужчина-скелет.

И тут Роффрей понял, что знает имена этих людей:

— Вы Пол Толфрин?

Скелет кивнул. Движением головы указал на женщину, та потупилась.

— Это Уиллоу Ковач, моя жена. Мы, некоторым образом, женаты... Аскийоль говорил о нас, так ведь? Думаю, он и послал за нами?

— Нет.

Уиллоу Ковач содрогнулась. Непохоже, что Толфрин ей так уж по душе, подумал Роффрей, в глазах у нее какая-то вялая ненависть. Если ей и нужен Толфрин, то только как защитник. А впрочем, какое ему дело.

— Что случилось с остальной частью человеческой колонии? — спросил Роффрей, пытаясь подавить тошнотворное чувство омерзения, возникающее при виде упадка и вырождения.— Все убиты?

— Вы что-нибудь заметили, когда пробирались через руины? — вопросом на вопрос ответил Толфрин.— Маленьких таких, пугливых зверьков?

Роффрей заметил — те показались ему отвратительными, хоть он и не понимал почему.

— Все эти созданьица когда-то были разумными. По какой-то причине Призрак прекратил переход. Долгое время планета вела себя совершенно безумно, потом вроде бы снова угомонилась.

Когда началась катастрофа, тела разумных существ, людей и нелюдей, стали превращаться в то, что вы видели. Кое-кто говорил, что дело в сочетании метаболических изменений и временно́го сдвига, но мне этого не понять. Я ведь не биолог, а астрогеограф. Да и то, знаете ли, самодеятельный,— он, казалось, впал в какую-то отрешенность, но вдруг поднял глаза.— Город разлетелся на куски. Зрелище было страшное. Куча народа сошла с ума. Да, наверно, Аскийоль рассказывал вам...

— Я никогда не встречался с Аскийолем,— прервал его Роффрей.— Все, что мне известно, я узнал из вторых рук. Я прибыл с конкретной целью — найти человека. Женщину, которая снабдила Рипарка информацией. Безумную женщину, Мери-путаницу. Знаете такую?

Толфрин указал наверх, в расцвеченное полосами небо.

— Умерла? — спросил Роффрей.

— Улетела,— ответил Толфрин.— Когда город стал распадаться, она успела добежать до одного из немногих кораблей и рванула в космос. Наверно, сама себя погубила. Она ведь была вроде зомби, совершенно сумасшедшая. Действовала будто по чьему-то приказу. Говорят, хотела добраться до Роса. А ведь хотеть такое — это само по себе безумие! И корабль угнала из лучших, черт ее побери! Отличный корабль, хозер седьмой модели.

— Она полетела на Рос? На эту придурочную планету?

— Я же говорил, на то она и сумасшедшая, чтобы лететь туда. Если только долетела...

— А если ей удалось, как вы думаете, есть какой-то шанс, что она до сих пор жива?

— Может быть. Сами знаете, Аскийоль и Ринарк ведь выжили.

— Спасибо за информацию,— Роффрей отвернулся.

— Постойте! — скелет вдруг ожил.— Вы не можете бросить нас здесь! Заберите нас отсюда, возьмите к людям, ради всего святого!

— Я не собираюсь возвращаться во флот. Я отправляюсь на Рос,— ответил Роффрей.

— Вот и возьмите нас с собой, хуже, чем здесь, нигде не будет! — голос Уиллоу стал назойливым и визгливым.

Роффрей помолчал, подумал: "Ладно".

По пути к кораблю маленькая чешуйчатая тварь торопливо перебежала им дорогу. Ничего подобного Роффрей не видел прежде и не хотел бы видеть впредь. Что-то гнилое таилось в Энтропиуме даже в пору расцвета, теперь же разложение правило тут открыто, стало физическим воплощением болезни духа. Нездоровое это было место, где разумные существа, как звери, царапались и грызлись в борьбе за выживание. Прогнившее от недуга, что приходит по разным причинам, и не в последнюю очередь — из-за образа мыслей...

Как хорошо, что можно вернуться на корабль!

Когда Уиллоу и Толфрин влезли в шлюз, Роффрей оглянулся на развалины, лицо его помрачнело. Он вздохнул, помог пассажирам подняться на борт, закрыл люк.

И обратился мыслями к Мери-путанице.

12

Вскоре Роффрей уже сутулился в кресле пилота, сверяясь с разложенной на пульте звездной картой. Она не соответствовала теперешнему положению Призрака, но это дело поправимое. Узнать планеты можно и по описаниям, даже если координаты их изменились.

Уиллоу с Толфрином занимались уборкой — и выглядели они уже получше. Помещение корабля было довольно запущенным, не блистало чистотой, и пахло в нем, как в мастерской,— машинным маслом, горелой резиной, немытым пластиком, старой кожей. Хозяина это вполне устраивало.

Роффрей нахмурился — не любил он общества.

— Больно уж я становлюсь уступчивым,— пробурчал он.

В последний момент он занервничал: что-то ждет их на Росе?

— Мы готовы! — сказал Толфрин.

Роффрей включил главный двигатель корабля и стартовал. Пролетая над городом, он испытывал искушение спалить его до последнего камня, но удержался. Когда корабль вышел на орбиту, он уже полностью успокоился и перебирал в голове варианты перелета на Рос. Рос занимал теперь самое удаленное от двойной звезды положение, его будто умышленно отделили от остальной системы.

Рос больше любой другой планеты Призрака противоречил самой логике космоса и существовал вопреки всем законам. Кроме того, на Росе, прозванном, как помнилось Роффрею, Рваной Жалостью, располагались немыслимые *ущелья*. Именно там двое мужчин стали сверхразумными. Но Мери, бедная Мери, что помогла им,— она обрела там лишь безумие.

Вернулась ли она туда в попытке предъявить счет за преследовавшее ее безумие? Или безумие и толкнуло ее туда? Быть может, ему удастся разобраться.

А планета вырастала с каждой минутой. Экраны заполнило изображение уродливого шара, его крапчатой атмосферы, его непрерывных переходов из света в мглу, его черных пятен и наихудшего из всего — *ущелий*. Те угадывались не по виду, скорее по невидимости. Если же что-то на месте этих жутких провалов и было, то что-то недоступное человеческому глазу.

Роффрей решительно направил корабль вниз, во взбалмошное гравитационное поле Роса, прямиком к неприветливой поверхности, дыбившейся внизу словно море расплавленной лавы, непрестанно изменявшейся и неуловимой, как адское наваждение.

Что ж, гравитация здесь, по-видимому, была не больше обычной, приборы продолжали исправно работать. Он постарался снизиться как можно более плавно, сосредоточив на этом все внимание; Уиллоу и Толфрин, устрашенные зрелищем, затаив дыхание о чем-то шептались.

Он нахмурился, соображая, что же напоминает тревожащий этот мир. И вспомнил. В тот единственный раз, когда он видел Ринарка и Аскийоля, он испытал похожее ощущение: их облик был неуловим, будто тела существовали одновременно на различных и равно недоступных человеческому глазу уровнях.

Но облик людей был прекрасным, а это место — зловещим.

Зловещим!

Это слово полностью завладело им. И вдруг, на какую-то секунду, он ощутил тепло, удовольствие, наслаждение, такие острые, но и такие преходящие, будто за эту секунду он успел прожить целую жизнь...

Непонятно, в чем дело. И разбираться не время: безумное сумасбродство гравитации Роса швыряло корабль как щепку. Роффрей вложил в пилотирование все свое мастерство, он проскальзывал почти над самым огненно-мглистым варевом поверхности, пытался — и безуспешно — вглядеться в *ущелья*; все приборы работали исправно, но лишь немногие давали разумные показания; на лазерном экране теперь не было ничего, кроме беснующейся поверхности.

Может быть, Мери, как и Ринарк, пыталась найти Родоначальников? Что влекло ее назад, в мир, превративший ее в безумную?

И тут он заметил на экранах корабль — корабль в окружении до боли раздражающей светомглы. Хозер седьмой модели, на котором улетела Мери. Судя по показаниям энергодетектора, его двигатель работал. Значит, корабль либо только что совершил посадку, либо готовился к взлету. Нужно срочно садиться!

Роффрей торопливо снизился, посадил корабль рядом с хозером, кляня невесть почему возросшую гравитацию, которую едва-едва удалось скомпенсировать. Пальцы в перчатках кинжалами вонзились в кнопки, он попытался вступить в контакт с хозером при помощи лазерной связи.

— Есть кто-нибудь на борту?

Никакого ответа.

Теперь и Уиллоу с Толфрином, склонившись за спиной Роффрея, всматривались в экран.

— Корабль, по-видимому, только что прибыл,— сказал Роффрей.

Им это мало что говорило, да и ему, как он понял, немногое. Слишком уж он полагался в своих надеждах на благоприятное стечение обстоятельств.

Он стал действовать лазерным локатором, сканируя со всей возможной тщательностью пространство. Странные изображения запрыгали на экранах, исчезая так же быстро, как и появлялись. Жестокий, нелепый, сумасшедший Рос, его тошнотворные утесы и ужасная мгла, непостижимые и противоестественные *ущелья*...

Поразительно, как здесь смогли уцелеть люди. И тем не менее смогли. Аскийоль и Мери — живые тому свидетельства. Но легко понять, как тут сходили с ума, и трудно представить, как сохраняли разум. Это был поразительный, неоформившийся, бурлящий, страшный мир, излучающий в своем непрестанном и бурном движении жестокую злобу и гибельный гнев.

Мери вполне могла исчезнуть в одном из *ущелий* или затеряться на какой-то мрачной тропе. Когда Роффрей оторвался от экрана и открыл ящик со скафандрами, губы его были плотно сжаты.

— Если мне понадобится помощь, я свяжусь с вами,— сказал он, подбирая валявшийся шлем.— Если вам понадобятся скафандры — они здесь.— Уже подходя к подъемнику, Роффрей добавил: — Я оставлю связь включенной. Увидите что-нибудь, любые следы Мери — дайте мне знать. И не отключайте сканнеры.

— Вы что, с ума сошли — выходить здесь из корабля! — не сдержался Толфрин.

— Не ваше дело,— грубо отрезал Роффрей, опуская щиток шлема.— Не встревайте. Если выяснится, что я погиб, можете распоряжаться кораблем, как сочтете нужным. Я пойду посмотрю, что там, в хозере.

Выбравшись из шлюза, он спустился прямо в яму с желтой жидкостью, а та, стоило в нее ступить, внезапно обернулась светящимся утесом. Под ногами было что-то скользкое и трясущееся.

Губы пересохли, кожа на лице вдруг сделалась хрупкой и растрескалась. В глазах все плыло, двоилось и троилось. Но более всего угнетала Роффрея тишина. Все инстинкты подсказывали ему, что жуткие изменения на поверхности Роса должны сопровождаться *шумом*. А шума не было, и это еще более усиливало ощущение кошмара.

Когда собственный его корабль уже потерялся из виду, Роффрей наконец добрался до хозера и увидел: внешний люк настежь распахнут. Оказалось, открыт и внутренний люк. По всему кораблю клубился какой-то газ, но в кабине он обнаружил, что пилот был здесь совсем недавно. В блокноте, валявшемся рядом с дисплеем, нацарапаны буквы, значки. Не понять что,— но писала их рука Мери!

Беглый осмотр всего корабля ничего не дал. Роффрей торопливо спустился в шахту воздушного шлюза и снова оказался на поверхности. В непрестанной смене пламени и мглы трудно было что-нибудь разглядеть, она выма-

тывала нервы. Но он заставил себя невидящими глазами высматривать безумную женщину, которая могла уйти куда угодно.

Из мглы внезапно выступили две фигуры и так же внезапно были поглощены ею.

Роффрей был уверен, что узнал одну из них. Окликнул — ему не ответили. Попробовал подойти — но никого больше не было в изменчивой туманной мгле.

И тут в шлемофон ворвался пронзительный крик:

— *Аскийоль! О Аскийоль!*

Роффрей был в смятении. Голос Уиллоу Ковач... Разыскивал ли Аскийоль его? Погиб ли флот? Если так, почему эти двое не отозвались на его оклик?..

— *Аскийоль, вернись! Это я, Уиллоу!*

Но Роффрей хотел разыскать Мери-путаницу, Аскийоль его не интересовал. Он бежал, продираясь сквозь сонмы галлюцинаций, сквозь призрачные тела, беззвучно обрушивающиеся на него, через бирюзовые туннели, ведущие к розовато-лиловым горам. Попадались места с ничтожной гравитацией, где он почти летел, но чаще его собственный вес казался ему неподъемным, пригибал к изменчивой поверхности. Он едва передвигал ноги, удерживать отяжелевшее тело стало почти невозможно. И тут голос — не понять, из шлемофона или нет, голос, который он узнал с замиранием сердца:

— Тепло, тепло, тепло... Где теперь? Здесь... но... дайте мне вернуться... Дайте...— голос этот принадлежал Мери.

Потрясенный, он остановился. Во рту пересохло, лицо окаменело. Он весь дрожал, ожидая, что услышит голос вновь, потом слабо спросил:

— Мери, где ты?

Это было как в страшном сне, где угрожает опасность, а скрыться нельзя, где каждый шаг словно отнимает последнюю каплю энергии и все отпущенные тебе мгновения...

— Мери! — прохрипел он опять.

Ответ пришел, но не сразу и не скоро:

— *Продолжай идти! Не останавливайся. Не останавливайся...*

Он не знал, к нему ли были обращены эти слова или нет, но решил, что им лучше последовать.

Его уже качало от усталости, он падал, казалось, на его плечи навалилась вся планета, а он обратился в Атланта, сгибающегося под ее невыносимой тяжестью.

Он крикнул.

Ворвался голос Уиллоу: *"Аскийоль! Аскийоль!"*

Что происходит? Все так перепуталось... Он не мог сосредоточиться, едва не терял сознание. В глазах прояснилось, и он увидел: несколько крохотных человечков снуют по планете, которую он держит в руках. А он становится все громаднее, громаднее, громаднее...

Крикнул снова; в ушах эхом отозвался глухой рев.

Сердце будто в бешеном ритме колотилось о ребра, он задыхался, но продолжал бороться, карабкаясь по изогнувшейся поверхности планеты, цепляясь за нее чуть ли не ногтями. Он был громадней гиганта, куда больше крохотной этой планеты — и одновременно был блохой, продирающейся сквозь сахарный сироп и вату.

Он рассмеялся, уже теряя разум.

Рассмеялся — и резко оборвал смех, пытаясь ухватиться за тонкие ниточки рассудка, сплести их воедино... Сейчас он стоял в области с малой гравитацией, и все казалось нормальным — настолько, насколько может быть нормально на Росе.

Он вгляделся в окружающую мглу и увидел — рядом стоит Мери. Побежал к ней.

— Мери!

— *Аскийоль!*

Это была Уиллоу Ковач — в старом скафандре Мери.

Он замахнулся, готовый ударить ее, но гримаса разочарования на женском лице остановила его. Прошел дальше, мимо, передумал и вернулся.

— Уиллоу, я знаю: Мери здесь...— он вдруг осознал, в чем дело.— Боже мой, конечно. Время здесь искривлено и перекручено, здесь можно увидеть все, что бы ни случилось в любой момент прошлого — или случится в будущем!

Из светомглы выступила еще одна фигура. Толфрин.

— Я не мог связаться с вами из корабля. Там какая-то женщина. Она...

— Это иллюзия, приятель. Быстро на корабль!

— Идемте со мной. Это не иллюзия. Она сама взошла на корабль!

— Показывай дорогу,— сдался Роффрей.

Уиллоу решила остаться, отказывалась тронуться с места. После долгих уговоров ее, сопротивляющуюся, пришлось нести к кораблю на руках.

Женщина, о которой говорил Толфрин, лежала на полу кабины, так и не сняв скафандра. Роффрей склонился над ней, поднял лицевой щиток.

— Мери,— сказал он негромко.— Мери, благодарение Богу!

Та открыла глаза — огромные, добрые, некогда светившиеся умом. И сейчас первые несколько мгновений они были разумны, глядели недоверчиво и понимающе. Потом это выражение исчезло, губы зашевелились, пытаясь что-то сказать, но их искривила идиотская ухмылка...

Роффрей устало выпрямился, его пошатывало. Движением левой руки подозвал Уиллоу: — Помогите ей освободиться от скафандра. Мы уложим ее на койку.

Уиллоу глядела на него с ненавистью:

— Там Аскийоль... Вы мне помешали.

— Если бы Аскийоль там и был, ты ему не нужна. Ты по-прежнему цепляешься за него, жалеешь, что в свое время не последовала за ним. А теперь слишком поздно. Зря это все, Уиллоу, он для тебя потерян навсегда!

— Стоит ему увидеть меня, я ему снова буду нужна. Он меня любил!

— Хватит, лучше помоги мне,— нетерпеливо сказал Роффрей Толфрину.

Толфрин кивнул, они стали освобождать Мери от скафандра.

— Уиллоу,— сказал Роффрей, не отрываясь от дела,— сейчас Аскийоля здесь не было. Вы видели сейчас то, что произошло когда-то давно. Другим, кого вы видели, был Ринарк, но он-то умер! Понимаете?

— Я видела его. Он слышал, как я его звала!

— Возможно. Не знаю. Успокойтесь, Уиллоу. Мы летим обратно, к человечеству — если получится и если флот еще существует. Там вы Аскийоля и увидите.

Движения, которыми Толфрин стягивал с тела Мери космическую броню, стали судорожными, он стиснул зубы, но ничего не сказал.

— Вы возвращаетесь к людям? Но вы же говорили...— не унималась Уиллоу.

Необычное у нее выражение лица, подумал Роффрей. Страсть и погруженность в себя.

— Мери нуждается в лечении. Единственное место, где она его получит, — то, откуда я прилетел. Поэтому я туда и собираюсь. Да и вас это, должно быть, устраивает.

— Устраивает,— подтвердила она.— Конечно, устраивает.

Роффрей подошел к иллюминаторам и задернул их шторками, чтобы глаза не раздражал вид поверхности Роса. Появилось ощущение некоторой безопасности.

Вдруг заговорил Толфрин:

— Что же, Уиллоу, мне делать нечего. Ты все прояснила. Впредь я тебя беспокоить не буду.

— Лучше не стоит,— она обернулась к Роффрею.— А что до вас и всех прочих мужчин, то знайте: я женщина Аскийоля, и, когда мы вернемся во флот, вы это увидите!

— Не беспокойтесь,— ухмыльнулся тот.— Вы не в моем вкусе.

Уязвленная Уиллоу вскинула голову, длинные волосы рассыпались по спине:

— Вы очень любезны.

Роффрей улыбнулся Мери — та сидела на койке, пуская слюни и тихо напевая,— и подмигнул ей.

— Вот ты в моем вкусе,— сказал он добродушно.

— Это жестоко,— резко заметила Уиллоу.

— Она — моя жена,— снова улыбнулся Роффрей, и тут Уиллоу приоткрылся краешек того, что скрывали улыбчивые глаза и усмешка.

Она отвернулась.

— Пора нам улетать,— заявил Роффрей. Теперь, собравшись с мыслями, он хотел вернуться, не теряя времени

Он понятия не имел, долго ли Мери пробыла на Росе. Может, несколько минут реального времени, может — сотню лет по меркам Роса. Да он и не позволял себе зацикливаться на этом. Запретил он себе и задумываться о глубине психического расстройства Мери: немного терпения, и психиатры флота предоставят ему всю информацию, какую сочтут нужной. Оставалось лишь ждать и наблюдать.

Он подошел к Мери. Та отпрянула, продолжая не то бормотать, не то монотонно напевать что-то, большие глаза ее были странно расширены. Бережно и нежно уложил он ее на койку, пристегнув для безопасности ремнем. Как ни больно было Роффрею, что она его не узнавала, он что-то замурлыкал под нос, с улыбкой на лице забрался в кресло пилота, дернул рычаг, кое-что подрегулировал, щелкнул нужными тумблерами — и вскоре мурлыканье его потонуло в мощном гудении двигателей.

В отблесках пламени они устремились прочь от Отлученных Миров — в глубины нематериальной пустоты. Старт был до того легким, пронеслось у Роффрея, будто корабль подталкивала дружеская рука...

Убежденный в необходимости каждого своего шага, Роффрей шел вспять сквозь слои измерений, стремясь

вернуться в то пространство и время, где он оставил флот человечества

Тем временем человеческий мозг беспомощно барахтался и все более запутывался, силясь овладеть Игрой. Разум разрушался, нервы отказывали. И все же Лорд Морден, едва ли отдавая себе отчет в сути Игры, заставлял свою команду продолжать, убеждал ее, что от победы зависят шансы человечества на выживание...

Первым ощущением Роффрея, когда он фазировал корабль из пространства и времени Призрака на следующий уровень, был некий свистящий звук.

Окружающее пространство внезапно осветили звезды; вихрь какой-то спиральной галактики иссякал к периферии, обращаясь в беспорядочную россыпь солнц. Свист сменился леденящим кровь стоном, наполнявшим корабль и заглушавшим любую речь.

Ни в чем не нуждался Адам Роффрей так остро, как в новых приборах. Даже небольшой опыт обращения с устройством континуального перемещения показал ему, что корабль может легко соскользнуть обратно, в уже пройденные пространственно-временные слои, и затеряться там.

Роффрей знал, что для регулярных путешествий такого рода приборы еще не созданы, но каждая вселенная мультиверсума имеет свои индивидуальные координаты и существующие приборы, какими бы грубыми они ни были, смогут различить их. У главного лазерного экрана Роффрей разложил карту, которая позволит ему распознать вселенную, ставшую убежищем для человечества. И все же путешествие могло быть опасным, а то и невозможным.

Шум, прежде монотонный, усилился до боли в ушах, превратился в пульсирующий, рвущий нервы скулеж. Роффрей перешел в следующий слой.

Галактика, в которой он теперь летел, оказалась бурлящим адом неоформившейся материи, расплывчатой, яркой, полной всех оттенков первозданных цветов — красного, белого, черного, желтого,— медленно и беспорядочно движущихся. Вселенная эта то ли зарождалась, то ли распадалась.

Из этого континуума в следующий Роффрей переходил в почти полной тишине. Насвистывание, которым он сопровождал все свои действия, звучало непринужденно и весело, но, услышав стоны Мери, он умолк.

На этот раз они оказались в самом центре какой-то галактики. Везде, куда ни глянь, сверкали звездные скопления. Роффрей смотрел на них, с удивлением замечая, что с каждым переходом материя, заполнявшая окружающее пространство, меняла свое расположение и чуть ли не саму свою природу.

Потом звезды исчезли; он пронизывал бурлящую массу темного газа, слагающуюся в ужасающие смутно знакомые образы, так сильно действовавшие на нервы, что Роффрей, лишь бы не смотреть на них, уставился на приборы.

То, что он увидел, заставило его вздрогнуть.

Он заблудился!

Роффрей покусывал усы, раздумывая, как быть. Пассажирам он ничего не сказал. Координаты соответствовали лежащей у экрана карте.

Если верить приборам, они находились в том же пространстве и времени, где были и Аскийоль, и флот!

Но галактика не имела ничего общего с тем, что он помнил

Сквозь клубы газа он не мог разглядеть ее звезды.

Неужели флот полностью уничтожен?

Иного объяснения не было.

Вдруг Роффрей разразился проклятьями: черный газ ожил, превратился в рычащего чудовищного зверя со множеством щупалец, темно-синего, с горящими, пышущими злобой глазами. У стоящих позади Уиллоу и Толфрина при виде замаячившего на экране чудовища перехватило дыхание. Мери пронзительно закричала, крик ее заметался по кабине. Корабль летел прямо на зверя Но как могло нечто подобное существовать в почти абсолютном вакууме?

Роффрею было не до отвлеченных размышлений. Он отключил энергетическую блокировку антинейтронного орудия; в это время кабину наполнил резкий запах, а чудовище вдруг стало из темно-синего ярко-желтым

Стволы развернулись на зверя, и Роффрей, ударив по спусковой кнопке, рывком сдал корабль назад.

Когда пушки послали в чудовище смертоносный поток антинейтронов, корабль тряхнуло. А зверь, как ни невероятно это выглядело, безболезненно проглотил лучи, и на плечах у него выросли новые головы, отвратительные, с получеловеческими лицами, что-то болтающие и выкрикивающие — крики эти были слышны в кабине! Роффрей почувствовал, как к горлу подкатывает тошнота

К нему склонился Толфрин, не отрывая глаз от экрана.

— Что это? — пытался он перекричать вопли Мери.

— Черт возьми, мне-то откуда знать? — огрызнулся Роффрей. Он выровнял корабль, снова нажал на спуск, развернулся в кресле и сказал:

— Займитесь-ка делом, Толфрин. Проверьте, действительно ли совпадают координаты на карте и на экране.

Наплывая из мглы, чудовище потянулось к кораблю, его головы, ухмыляясь, что-то бормотали. Ничего подобного просто не могло существовать, но чудовище существовало — и гадать о причинах было не время.

Роффрей тщательно прицелился в главную голову, медленно нажал на спуск.

И на этот раз чудовище исчезло!

Остались несколько струек газа в черноте — ясной черноте пространства галактики, которую Роффрей сразу же узнал.

Они были именно там, где нужно!

Но тут над ними нависла новая опасность.

Вместо чудовища появилась эскадра стремительных сферических кораблей, тех, что промелькнули перед Роффреем перед самым бегством из флота. Победители, сметающие остатки человечества, они держали курс чуть выше и южнее битой-перебитой скорлупки Роффрея — и он послал корабль в крутой вираж, чтобы встретить подлетающие вражеские звездолеты лицом к лицу.

Как ни послушен в управлении был его корабль, но кабина содрогнулась и загрохотала, когда Роффрей вознес его на столбе черного пламени, ускользая от круглых кораблей и посылая в них сокрушительной мощи заряд. Роффрею было не по себе, что-то беспокоило, не давало полностью сосредоточиться. То же, по-видимому, испытывал и Толфрин. Роффрей на секунду обернулся — Мери вопила не переставая.

Схватившись за ручку, чтобы не упасть, Толфрин крикнул:

— Координаты полностью совпадают!

— Чего ж тут удивительного? — невинно поинтересовался Роффрей.

Уиллоу подошла к Мери, попыталась успокоить ее. Та уставилась куда-то перед собой застывшими, словно стеклянными глазами, будто видела нечто невидимое остальным. Пронзительные вопли ее заполняли замкнутое пространство кабины страшным воем.

Уиллоу всмотрелась в мужчин, казавшихся в полумраке бесплотными тенями: один сидел за щитом управ-

ления, другой стоял у него за спиной; темнота их одежд выделялась на фоне брызжущих светом экранов и приборов, лица оставались в тени, руки смутно белели на панелях.

Уиллоу глянула в ближайший иллюминатор. Пустое, странно бесцветное пространство. Опять перевела взгляд на мужчин — и вдруг ее затопила дикая дисгармония цвета и звука, бесчисленные омерзительно реальные ощущения — первобытные, непристойные, устрашающие — захлестнули сознание, расстроили его, не давая разобраться в пяти своих чувствах...

В эти мгновения она уже совершенно не понимала, обоняет или слышит цвет, голову переполнило некое единое ощущение, в котором слились восприятия запаха, вида, фактуры, звука и вкуса; все сохранялось в нем, но общим ощущением этого сочетания было — мир стал кроваво-красным.

Я умерла, подумала Уиллоу.

Роффрей крикнул — еще мгновение звук оставался только звуком, а затем, и Роффрей это увидел, влился в кроваво-красный хаос. Он почувствовал: безумие наваливается и откатывает, наваливается и откатывает страшными волнами, набегающими с каждым разом чуть ближе. Тело дрожало от напряжения, рассыпало по кабине сонмы кроваво-красных образов, и он видел — нет, слышал их, они были как звук трубы с сурдинкой. Ужасало и это, а подкрадывалось и что-то еще — нечто поднимающееся из глубин памяти, то, о чем он никогда и не подозревал.

Его охватили жалость и отвращение — отвращение к себе, он внезапно почувствовал себя раздавленным.

Но было и что-то — он не знал что,— помогавшее ему преодолеть растерянность, помогавшее уверовать в исчезающие крохи своей личности, отмести хаос беспорядочных ощущений и ужасных мыслей и обрести самого себя.

И он обрел себя!

Уиллоу обнимала Мери, та застыла, как натянутая струна, но уже не вопила.

Волны стали стихать, пока не исчезли совсем, и постепенно ощущения у каждого вернулись в норму.

Тело Мери вдруг обмякло, она потеряла сознание. Толфрин рухнул на пол, Роффрей, ворча что-то, сгорбился в кресле пилота.

Он вглядывался в быстро сходящие на нет пульсации хаоса и не без удовлетворения подумал, что антинейт-

роны сделали свое дело, хотя прицелиться точно он не мог, да и целился-то в полубессознательном состоянии.

Часть кораблей спасалась бегством, остальные превратились в груды исковерканного металла, бессмысленно кружащие в пустоте. Роффрей, насвистывая, взялся за ручки управления. Потом свист оборвался, он спросил:

— Как у вас на галерке, порядок?

— Да уж конечно, супермен! — откликнулась Уиллоу.— Мери и Пол в обмороке. Мери досталось больше, чем любому из нас, она, похоже, приняла на себя главный удар. Что это было?

— Пока не знаю. Но, может, мы скоро получим ответ.

— Как это?

— Я видел наш флот!

— Благодарение Богу! — воскликнула задрожавшая Уиллоу. Она даже представить себе боялась встречу с Аскийолем.

Роффрей изменил курс — и теперь летел к флоту так же стремительно, как в свое время покидал его.

13

По сравнению с тем, каким Роффрей помнил его, флот сильно поредел. Он все еще был велик — беспорядочное скопище кораблей, разбросанное на тысячи миль, куда ни посмотришь,— и все больше походил на грандиозную свалку металлолома; патрулирующие его линкоры ГП выглядели китами, охраняющими стаю разномастных рыб.

В центре флота, вблизи от видавшего виды корабля Аскийоля (его было легко распознать по чуть расплывающимся "несфокусированным" очертаниям) располагался громадный корабль-завод, борта которого, как гербы, украшали буквы "G"*; это озадачило Роффрея.

Патруль ГП сразу же связался с ним.

К собственному удивлению, встретивший его почти сердечный прием Роффрей воспринял не без удовольствия. ГП эскортировали его к стоянке под боком у корабля-завода с буквами "G" на бортах.

Пока Роффрей встраивался в очередь кораблей, на лазерном экране возник человек в чуть мешковатом мундире, отличавшемся от униформы остальных ГП лишь

*Первая буква английского слова "Game" — "Игра"

знаками различия; его неприветливая физиономия заурядного полицейского выражала удивление. Левый рукав украшала широкая повязка с той же буквой "G".

— Привет, Лорд Морден! — сказал Роффрей с веселой дерзостью.

Уиллоу поразилась: какая же уверенность в себе, какое самообладание должны быть у этого бунтаря, чтобы он выглядел таким спокойным и безмятежным!

Лорд Морден иронически ухмыльнулся:

— Доброе утро. Значит, наш беглец надумал вернуться и помочь... И где же изволили пропадать?

— В спасательной экспедиции, выручал уцелевших на Призраке.— Роффрей являл воплощенную добродетель.

— Не верю я вам,— откровенно признался Морден.— Но это неважно. Главное, что вам удалось то, о чем никто и думать не смел. Как только мы соберем данные, я снова свяжусь с вами. В нашем деле пригодится любая помощь, даже ваша. Роффрей, мы ввязались в плохую игру и чертовски близки к поражению...— Он внезапно замолчал, видно, брал себя в руки.— Ладно, если у вас на борту есть пассажиры, следует зарегистрировать их в соответствующих службах.— Он отключился.

— Что все это значит? — спросил Толфрин.

— Понятия не имею,— сказал Роффрей,— но скоро выясним. Ясно, что Мордену что-то известно. Вероятно, флот пострадал от такого же нападения, какому подверглись и мы. Что ж, зато теперь порядка здесь вроде бы больше. А война или что там у них происходит, видно, ведется другими средствами.

Уиллоу Ковач, убаюкивающая Мери, легкими движениями стирала струйку слюны, вытекающую изо рта безумной. У Уиллоу началось сердцебиение, подвело живот, руки и ноги ослабли — теперь она очень боялась предстоящей встречи с Аскийолем, но не сомневалась: он остался ей верен.

Роффрей заблокировал рычаги управления и прошел в корму, взглянув на женщин с высоты своего роста,— чувственное бородатое лицо его осветилось легкой улыбкой. Стянул костюм, поддетый под него комбинезон и остался в простой стеганой куртке из бордовой синтекожи и некогда белых брюках, заправленных в высокие кожаные ботинки.

— Как там Мери?

— Не знаю,— сказала Уиллоу.— Она явно не в своем уме, но вот безумие у нее какого-то особого свойства... Чего-то я тут не понимаю.

— Может, доктор разберется,— сказал Роффрей, похлопывая Уиллоу по плечу.— Надо бы соединиться с главной конторой, займешься, Толфрин? Посылай общий вызов, пока не выйдешь на нее.

— Ладно,— отозвался тот.

Худшее, что было,— подумал Роффрей, глядя на распростертую жену,— это все заполнивший красный, нет, кроваво-красный цвет. Да, точно — кроваво-красный. Почему он так страшно на нас подействовал? И что сделал с Мери?

Роффрей почесал в затылке. Он не спал с тех пор, как покинул флот. Накачался стимуляторами и все равно чувствовал, что необходимо просто выспаться. Но это позже.

Стоило Толфрину связаться с кораблем регистратуры (в ее задачи входила систематизация данных обо всех участниках экспедиции, с тем чтобы облегчить управление обитателями планеты, если в конце концов удастся заселить какую-нибудь планету), как оттуда передали, что в скором времени на корабль Роффрея будет направлен чиновник.

— Нам нужно что-нибудь вроде психиатра, и срочно. Сможете помочь? — спросил Роффрей.

— Обратитесь на корабль-госпиталь, хотя вряд ли вам повезет.

Роффрей связался с кораблем-госпиталем. От дежурного врача проку не было:

— Нет, боюсь, что психиатра для жены вам не найти. Если вы нуждаетесь в медицинской помощи, мы поставим ее на очередь. Мы перегружены, с ранеными и то управиться не можем...

— Но вы обязаны ей помочь! — заорал Роффрей.

Спорить доктор не стал. Отключился, и все.

Озверевший Роффрей раскрутился в кресле. Уиллоу и Толфрин обсуждали недавнюю стычку с вражескими кораблями.

— Этих канцелярских крыс ничем не пробьешь,— чертыхался Роффрей.— Ничего, я добуду помощь для Мери, даже если придется дойти до самых верхов.

— А что вы думаете насчет наших недавних галлюцинаций? — вздохнул Толфрин.

— Думаю, мы испытали на себе силу одного из видов оружия чужаков,— ответил Роффрей.— Возможно, то, что мы перенесли на Росе, повысило нашу восприимчивость к галлюцинациям.

— Оружие... Да, конечно, это оружие.

Звякнул сигнал коммуникатора. Толфрин ответил.

— Регистрация,— зазвучал бойкий голос.— Не возражаете, если я поднимусь на борт?

Вошел веселый, очень аккуратно одетый человечек с добрыми глазами на бледном лице и с "делом" под мышкой. Его катерок заякорился у воздушного шлюза, который человечек проскочил быстрее, чем они опомнились.

— По-видимому, вы — капитан Адам Роффрей,— прошепелявил он, задрав голову и разглядывая чернобородого гиганта.

Роффрей в легком недоумении взирал на него сверху вниз:

— По-видимому, я.

— Вот и славно. И, значит, вы снялись вместе с остальным человечеством примерно две недели назад — естественно, по относительному времени. Не знаю, много ли прошло с тех пор по вашему исчислению. Не всегда удается, переходя из одного измерения в другое, сохранить обычное течение времени, хорошо бы это помнить.

— Постараюсь,— ответил Роффрей, так и не определив, является ли сказанное человечком вопросом или утверждением.

— А эти трое?..

— Мисс Уиллоу Ковач, ранее проживавшая на Мигаа...

Коротышка зацарапал что-то в блокноте; при упоминании Мигаа вид его стал куда более чопорным. В галактике, откуда они прибыли, Мигаа пользовался вполне определенной репутацией.

Остальное досказала Уиллоу; Толфрин сообщил данные о себе.

— А та дама? — поинтересовался чиновник.

— Моя жена, доктор Мери Роффрей, рожденная на Земле, в девичестве Ищенко, антрополог, исчезла с Голунда из Кольца в четыреста пятьдесят седьмом по галактическому базовому времени, отбыла из системы Призрак совсем недавно. Все подробные данные о ней вплоть до момента исчезновения вы найдете в ГП. Я передал их полиции, как только она пропала. Как обычно, там ничего не сделали.

Чиновник нахмурился, бросив быстрый взгляд на Мери:

— Состояние здоровья?

— Безумна,— спокойно ответил Роффрей.

— Излечима, нет?

— Излечима! — слово это прозвучало холодно и грубо.

Крохотный чиновник покончил со своей писаниной, всех поблагодарил и уже собирался откланяться, когда Роффрей остановил его:

— Подождите минутку. Вы не расскажете мне о том, что произошло здесь с тех пор, как я улетел?

— С удовольствием, если это не займет много времени. Не забывайте, я человек занятой и маленький,— хихикнул коротышка.

— Незадолго до того, как мы прилетели сюда,— начал Роффрей,— у нас вышла драчка с какими-то чужими кораблями, были галлюцинации и все такое. Вы знаете, в чем дело?

— Неудивительно, что леди стала безумной! Неподготовленные люди смогли противостоять такому давлению на психику, это само по себе удивительно! Увидите, я всем коллегам об этом расскажу! Вы же герои! Вы выдержали "бешеный раунд"!

— Да уж, конечно, герои хоть куда... Так что же произошло?

— Согласитесь, я всего лишь мелкий служащий, мельче и найти трудно, и все же, насколько я могу понять, вам достался "бешеный раунд". Тут дело вот в чем,— затараторил он.— Стоит кому-нибудь из наших отбиться от флота, его тут же атакуют чужаки и заставляют участвовать в, как мы это называем, "бешеном раунде", который не предусмотрен даже во встречах настоящих Игроков. Считается, что нам и подавно с ним не справиться.

— Да что же это за Игра?

— Собственно, я и сам толком не знаю. Обычные люди в Игре не участвуют, только Игроки на Игровом корабле. Знаете, на нем такая большая буква "G". Не из тех она игр, в которых я хотел бы поучаствовать. Мы называем ее Багряной Игрой: обычно чужаки так расстраивают нам мозги, что все кажется окрашенным в цвет крови. В нее играют психологи и все, кто как-то связан с психологией, их называют Игроками...

— И часто в нее играют?

— Практически все время. Неудивительно, что я превратился в комок нервов, да и все остальные тоже. Гражданские свободы временно отменены, пищевой рацион сокращен... Сейчас-то как раз перерыв, но это ненадолго. Может, чужаки приходят в себя после небольшой победы, которую вы над ними одержали.

— Кто знает Игру во всех подробностях?

— Аскийоль, конечно, но с ним почти невозможно увидеться. К шлюзу его корабля подпускают только людей из ближайшего окружения, да и тех не всегда. Вы могли бы попробовать поговорить с Лордом Морденом, но и к нему пробиться не так-то легко: он и царь, и бог, и воинский начальник, в каком-то смысле еще хуже Аскийоля.

— Морден уже проявил заинтересованность в разговоре с нами,— усмехнулся Роффрей.— Но все равно мне надо бы пообщаться с Аскийолем, а заодно расспросить его и об Игре. Ну что ж, спасибо и на этом.

— Польщен! — восторженно пискнул коротышка.

Стоило чиновнику исчезнуть, Роффрей подошел к коммуникатору и попробовал связаться с кораблем Аскийоля. Для того чтобы пробиться к нему, пришлось преодолеть чуть не дюжину чиновников.

— Я Адам Роффрей, прямо с Призрака. Можете меня принять?

В ответ прозвучало краткое согласие; на экране Аскийоль не появился.

— А меня вы с собой возьмете? — взмолилась Уиллоу.— То-то он удивится! Я ведь так долго этого ждала... Он предсказывал, что мы встретимся вновь, и был прав.

— Конечно,— кивнул Роффрей и взглянул на Толфрина.— Он ведь и ваш друг тоже. Хотите с нами?

Толфрин покачал головой:

— Я останусь и постараюсь выяснить немного подробнее, что здесь творится.— Он бросил на Уиллоу долгий, слегка театральный взгляд и отвернулся.— Пока.

— Дело ваше,— отозвался Роффрей. Подошел к аптечке, достал шприц и ампулу с транквилизатором, набрал шприц и сделал Мери укол в руку.

Затем он и Уиллоу покинули катер и на реактивных торпедах добрались до корабля Аскийоля.

Внешний шлюз ждал их, и его створки сомкнулись, как только они вошли; но внутренний люк так и не открылся. Загорелся только экран внутренней видеосвязи, и они услышали голос, вежливый и далекий, голос, отдававшийся каким-то ни на что не похожим эхом, ускользавшим от слуха.

— Говорит Аскийоль. Чем могу вам помочь?

Уиллоу, которую скафандр сделал неузнаваемой, потерянно молчала.

— Я Адам Роффрей, только что прибыл с Призрака с тремя пассажирами на борту.

— Вот как? — в голосе Аскийоля не было и следа интереса.

— Одна из этих троих — моя жена, вы знали ее как Мери-путаницу. Она помогла Ринарку на Призраке.— Роффрей сделал паузу.— Она и вас направила на Рос.

— Я благодарен ей, хоть мы и незнакомы.

— Я пытался связаться с психиатрами флота, но ничего не вышло.— Роффрею пока удавалось говорить спокойно.— Не знаю, куда они подевались, а состояние жены крайне тяжелое. Вы можете помочь?

— Они сейчас полностью задействованы в Игре. Мне очень жаль. При всей моей признательности к вашей жене главным приоритетом должно быть человечество. Мы не можем освободить никого из психиатров.

Роффрей был в бешенстве. Хоть на какой-то отклик он все-таки надеялся.

— И вы даже не посоветуете, как ей помочь?

— Нет. Вам придется довольствоваться своими силами. Возможно, удастся получить помощь от какого-нибудь врача.

Роффрей с отвращением отвернулся, собираясь уйти. Его остановил вновь зазвучавший голос Аскийоля:

— Я предлагаю вам как можно скорее связаться с Лордом Морденом.

Голос умолк окончательно.

И тут впервые заговорила Уиллоу. Смертельно бледная, она произнесла слово, так, будто это слово — последнее, что ей суждено произнести:

— *Аскийоль!*

Так, ни с чем, они и вернулись на корабль Роффрея.

Мери мирно спала под действием транквилизатора, но Толфрин исчез. Они не стали ломать себе голову, гадая, куда тот делся,— молча присели на койку Мери, подавленные, погруженные в свои мысли.

— Он стал совсем другим,— разочарованно вздохнула Уиллоу.— До него никак не достучаться. Видно, его совсем не трогает, что о нем думают остальные. Если на то пошло, он больше предан этим таинственным созданиям, с которыми вступал в контакт, чем своим друзьям, да и всему остальному человечеству...

Роффрей показал глазами на Мери:

— Его не волнует ничего, кроме своей так называемой "миссии". Этой единственной цели он готов подчинить и принести в жертву все что угодно. А я понятия не имею, насколько она оправданна. Знал бы — мог бы с ним спорить и не исключено, что согласиться.

— Может, Полу удастся с ним поговорить. Мне надо прийти в себя. Так хотелось сказать ему, кто я... Может быть, я еще наберусь храбрости.

— Пока подождите. Сначала выясним, что нужно от меня Мордену.

Роффрей потянулся к пульту управления, включил экран:

— Лорд Морден?

— Морден слушает,— и на экране появилось лицо Лорда Галактики; при виде Роффрея по нему пробежала смутная тень:

— Я как раз собирался связаться с вами. В соответствии с результатами предварительной проверки вы и Толфрин включены в состав Игроков.

— Какого черта, Морден? Мне это до лампочки! Поговорите с Толфрином, а мне о больной жене надо заботиться.

— Толфрин уже здесь,— лицо Мордена осталось невозмутимым.— Дело важное, хотя вы можете и не отдавать себе в этом отчета. Речь идет о войне не на жизнь, а на смерть, в которой мы участвуем. Я уполномочен непосредственно Аскийолем мобилизовать любого мужчину, который, на мой взгляд, поможет нам победить. Мы с вами уже достаточно намучились. Так вот, я наделен властью приговорить к высшей мере любого, виновного в нанесении урона нашей безопасности. Давайте-ка на Игровой корабль, и быстро! Если откажетесь, будете доставлены силой. Вам ясно?

Роффрей отключился, не ответив.

Демонстрируя явное неповиновение, он остался у ложа Мери. Все говорило о том, что физическое состояние ее улучшилось, но каким окажется ее сознание, когда она очнется от вызванного лекарством сна, он не представлял.

Вскоре последовало предупреждение о прибытии двух офицеров ГП, и почти сразу же их катер причалил к его кораблю. Полицейские угрожали в случае необходимости взломать шлюз и войти через пролом. Он впустил их.

— Что изменит лишняя пара рук? — спросил Роффрей.

— Любой мужчина, который может отразить вражеское нападение, будь он хоть однорукий, нужен для Игры. Вот и все, что нам известно,— ответил старший.

— Но я не...— Роффрей осекся, не он был хозяином положения.

Полицейский заговорил с подчеркнутым нетерпением:

— Вы, по-видимому, сами не понимаете, капитан Роффрей, но вам совсем недавно удалось сделать невозможное. Вы отразили комбинированную атаку, ментальную и физическую, десяти вражеских кораблей; большинство людей не смогло бы противостоять и одному.

Другой подхватил:

— Это дорогого стоит. Сами подумайте — мы чертовски близки к поражению. В первых же атаках чужаки разделали нас в пух и прах. Мы, последние остатки человечества, должны держаться плечом к плечу и сотрудничать во имя общего блага. Вот единственное, чем вы можете помочь супруге в нашем долгом полете. Неужели вам не ясно?

Нет, упрямца Роффрея это отнюдь не убедило. Им и сейчас руководил некий атавистический импульс, неизменно побуждавший его держаться подальше от стада — а заодно подальше от закона — и полагаться исключительно на собственную инициативу и сообразительность. Но у него хватило ума ограничиться легким кивком и словами:

— Что же, я подчиняюсь, но мне придется обратиться к Лорду Мордену.— Он оглянулся на Уиллоу: — Если Мери станет хоть чуть хуже, дай мне знать.

— Конечно, Адам.

— Ты побудешь с Мери, чтобы за нее можно было не беспокоиться?

— Само собой. Но пока действует транквилизатор, у меня есть еще одно дело.

— Да, я понимаю.

Он подошел к полицейским и вместе с ними направился к выходу.

14

Игровой корабль был крупнее большого линкора и выглядел более функциональным, хотя и чуть менее удобным. Да он и не пытался притворяться боевым кораблем. На борту царила сосредоточенная тишина, так что, когда они шли коридором, ведущим к каюте Лорда Мордена, перестук их шагов отдавался особенно гулко.

Вот и надпись, жирными черными буквами прямо на белой двери: "Лорд Морден, заместитель руководителя Игры. Личные апартаменты".

Полицейские, сопровождавшие Роффрея, постучали.

— Войдите!

Они оказались в каюте, сплошь заставленной приборами.

Некоторые Роффрей узнал — энцефалограф, оптиграф-проектор, аппаратура для оценки мозговой активности, способности к визуализации образов, коэффициента умственного развития и тому подобного.

За письменным столом, по другую сторону от Мордена, в удобном кресле сидел Толфрин; оба стиснули руки — Толфрин на коленях, Морден на пустой столешнице.

— Садитесь, Роффрей,— сказал Лорд Морден, будто и не слышал о пресловутом неповиновении Роффрея приказам. На первый взгляд он полностью владел собой. Пожалуй, даже слишком, подумал Роффрей и на какой-то миг посочувствовал Мордену: разве не в таком же состоянии находится он сам?

Он сел — но не раньше, чем вышли ГП, и сразу перешел к делу:

— Ну, что у вас там?

— Я как раз объяснял Толфрину, насколько важно участие вас обоих в этом проекте,— бодро сказал Морден.— Вы готовы сотрудничать с нами на первой стадии испытаний?

— Да,— Роффрей почти поддался напору Мордена.

— Отлично. Нам предстоит точно установить, какие именно качества вашей психики позволили нанести поражение флоту чужаков. Не исключено, конечно, что вам просто повезло или что благодаря неподготовленности к воздействию на ваше чувственное восприятие и непониманию его природы вы оказались психологически более подготовлены к отражению атаки. Ответ мы узнаем позже, а пока, с вашего позволения, я сначала резюмирую недавние события.

Слова Мордена зазвучали резче и быстрей:

— Как вам известно, мы вошли в эту вселенную несколько недель назад и почти сразу столкнулись с ее обитателями. Здешняя раса, как и можно было ожидать, относится к нам как к захватчикам. Это достаточно справедливо, на их месте мы, естественно, вели бы себя точно так же. Но они и не попытались оценить наш военный потенциал, вступить с нами в переговоры или по крайней мере приказать нам удалиться. Они сразу напали. Мы понятия не имеем даже о том, как эти чужаки выглядят. Вы сами видели, насколько быстро они организовали нападение на наш флот, куда раньше, чем у нас появилась хоть какая-то

возможность обратиться к ним и рассказать, почему мы тут оказались.

— А что произошло после того первого и единственного боя, который я видел?

— Еще несколько. Мы потеряли массу всевозможных кораблей. В конце концов Аскийоль доступными ему средствами вошел с ними в контакт и заверил, что мы вполне удовлетворимся, если заселим одну или несколько непригодных для них планет и будем жить в дружеском соседстве с ними. Но это их, видимо, не устроило. Тем не менее они выдвинули альтернативу открытым военным действиям.

Он вздохнул и взмахом руки указал на нагромождение приборов.

— Мы не учли господствующий здесь тип общественного сознания. Оно основано на кодексе поведения, ряд положений которого весьма труден для нашего понимания.

Смысл его, если говорить привычным нам языком, в том, что статус отдельной личности или группы определяется их способностью к военной игре, в которую в этой галактике играют веками. Мы называем ее Багряной или Кроваво-красной Игрой, поскольку один из главных их "видов оружия" — это способность так запутать наше чувственное восприятие, что мы испытываем единое сенсорное ощущение — кроваво-красного цвета. Думаю, вы с этим уже столкнулись.

Роффрей кивнул:

— Ну ладно, а для чего чужакам эта Игра, кроме того, чтобы сбить нас с толку? И как в нее играют?

— Мы думаем, чужаки пришли к выводу, что им следует положиться на более хитроумное оружие, чем энергетические пушки или что-нибудь в этом роде. Мы, если пожелаем, можем и дальше воевать с ними нашим традиционным оружием, что и делали вначале, но оно дало бы нам мало шансов на победу. Их оружие наносит, с их точки зрения, больший урон, чем смерть. Они обращают вас в безумца. Если бы вы умерли, вас просто сбросили бы со счетов. А если вы остаетесь в живых, но не годитесь как боец, то истощаете наши ресурсы и во многих отношениях становитесь обременительным. И это далеко не всё. Есть жесткие, сложные правила, с которыми вам придется ознакомиться по мере продвижения.

— А что на кону? — спросил Роффрей.

— Если мы выиграем достаточно раундов Игры, не прибегая к обычному вооружению, чужаки отдадут нам

абсолютную власть в своей галактике! Так что на кону немало, капитан Роффрей. Мы ставим жизни, они — власть.

— Должно быть, они уверены в победе.

— Аскийоль считает, дело не в этом. Ясно, что сейчас они побеждают, но они прониклись такой любовью к этой Игре, что с радостью воспринимают любое разнообразие. Видите ли, для обеих сторон Игра непроста: у тех возникают дополнительные сложности из-за незнания наших способностей, восприимчивости, психологии и так далее, и в этом мы равны. В других отношениях, скажем в опыте Игры, преимущество на их стороне.

— А мы каким боком здесь нужны?

— Мы надеемся, что вы послужите нашим главным козырем в борьбе за победу. Ваш корабль — единственный с человеческим экипажем, которому когда-либо удалось отразить этот фантастический удар. Так или иначе, есть у вас нечто необходимое нам для победы над чужаками!

— Но вы не знаете, что именно?

— Да.

— Оно, это нечто, есть у каждого из нас, или отражать атаку может только тот, кто от природы обладает соответствующей защитной способностью, в чем бы она ни состояла?

— Вот это мы и собираемся выяснить, капитан Роффрей. Потому мы подвергнем обследованию вас обоих. Хотя кораблем управляли вы, позади вас, насколько я понимаю, стоял Толфрин.

— Думаю, нам стоило бы опереться на моральный перевес над чужаками,— заговорил Толфрин.— Вопрос не в том, кто будет первым, кто вторым, а в престиже. Если мы победим, мы обретем в их глазах достаточный статус, и они примут наше правление. Если же проиграем... что тогда?

— Если мы проиграем, то будем совершенно беспомощны. Припасов у нас осталось так мало, что мы не можем рисковать и переходить в новую вселенную — слишком поздно.— Лорд Морден снова обращался только к Роффрею.— Вы это понимаете, капитан? На данный момент ваша жена — лишь одна из немногих жертв безумия во флоте. Но если мы не победим в Игре, все мы окажемся сумасшедшими — или мертвыми.

Доводы Мордена казались Роффрею логичными, и все же подозрения не оставляли его.

— Давайте подождем, что покажет тестирование. Тогда, может быть, и поймем, куда ветер дует. А уж потом я подумаю и решу.

Морден, поджав губы, чуть заметно кивнул.

— Как знаете,— сказал он, адресуясь, по-видимому, к столешнице.— Попросите зайти исследовательскую бригаду.

В загроможденную приборами каюту Мордена вошли трое.

Морден встал, чтобы представить их.

— Профессор Зелински,— сказал он.

От троицы отделился самый высокий, подошел к Роффрею и Толфрину, протянул пухлую руку, приветливо улыбнулся:

— Рад, что вы с нами. Похоже, вы и ваш друг смогли бы помочь нам справиться с кое-какими трудностями.

Пожав им руки, он со словами: "Познакомьтесь с моими ассистентами. Доктор Цунь" — указал на мрачного малорослого человека монголоидного типа,— "и доктор Манн",— на молодого блондина с наружностью героя приключенческого романа.

— Наслышан о вас, профессор,— хмыкнул Толфрин.— На Земле вы руководили кафедрой физиологии.

— Верно,— кивнул Зелински.— Мы начнем с банального энцефалографического исследования. Потом уложим вас спать и посмотрим, удастся ли нам добраться до подсознания. Полагаю, вы не станете возражать против такого обследования.— Он вопросительно посмотрел на Мордена, но ответа не последовало.

— Да,— сказал наконец Роффрей,— если только оно не предусматривает промывания мозгов.

— Сейчас, знаете ли, пятый век после войны, а не до нее,— резко парировал Зелински.

— Мне кажется, девиз Аскийоля и Лорда Мордена: "На охоту ехать — собак кормить",— проворчал Роффрей, усаживаясь в приготовленное для него доктором Цунем кресло.

На Мордена замечание не произвело никакого впечатления, наверно, он его и не слышал. Привычка Роффрея укрываться за цитатами была частью его архаичной манеры поведения. Мери как-то упрекнула его, что он сознательно затемняет свои намеки и читает старые книги единственно с целью выудить непривычную цитату и запустить ею в тех, кого не любит или презирает. Роффрей согласился и добавил: одна из граней

привлекательности Мери в том и состоит, что она хотя бы понимает смысл его слов.

Роффрею без предисловий нахлобучили на голову тесный шлем из какого-то стекловидного сплава. Он терпеть не мог такие штуковины, да и всю эту музыку на дух не выносил. Дайте срок, обещал он себе, я им покажу, что значит независимость...— с этой мыслью он и уснул.

Такие вот мысли и переживания позволили ученым добыть немало интересной информации — но, увы, абсолютно бесполезной с практической точки зрения.

Профессор Зелински, просмотрев материал, собранный во время сна Роффрея и Толфрина, остался невозмутимым.

— Все это, естественно, требует более детального анализа,— резюмировал он, пожав плечами.

— К чему вы пришли? — спросил Морден.

— Честно говоря, я не вижу однозначного объяснения, почему им удалось то, что не удавалось никому из остальных. Обоим интеллекта не занимать, а Роффрей в этом отношении — человек совершенно выдающийся, но, в сущности, они лишь незначительно отклоняются от нормы. Естественно, дело это тонкое, мы понимаем, и все же Роффрей — не единственный психопат среди человечества, да и не единственная личность с высоким коэффициентом умственного развития,— Зелински закончил тираду вздохом.

— Но у них великолепная память на чувственный опыт,— горячо добавил доктор Манн.— Они, во всяком случае, помогут усилить состав команды.

— Секундочку,— раздался скрипучий голос Цуня; он отключил электроды и раскладывал свое оборудование по ящикам.— Я согласен, что каждый Игрок, которого нам удается привлечь, необходим, но эти люди вот-вот помогут нам разобраться, как победить чужаков. На что мы и надеемся, так ведь, профессор?

Зелински ответил:

— Этот проект полностью истощает все наши силы, Цунь. Для вашего чрезмерного оптимизма нет ни малейших оснований, как нет их и у вас, Манн. Мы сможем проанализировать результаты обследования, только покончив с более срочной работой, а ее невпроворот. Тем временем,— он адресовался уже к Мордену, тот восседал в кресле, по мере сил изображая на сотканной из морщин и шрамов физиономии полицейской ищейки беспристрастность и компетентность,— полагаю, этих людей це-

лесообразно ввести в наш регулярный состав. Не стоит задерживать их, пока мы не изучили результатов. Пусть себе тренируются.

— А вы уверены, что они хорошо сработаются с остальной командой? — спросил Морден, поднимаясь из-за стола.

— А почему нет? — Зелински указал на дверь.— Вы знаете, какая там атмосфера с этим О'Хара, да и со всеми прочими... Ни один из них не является, в вашем понимании, нормальным. Каждый из наших теперешних Игроков — невротик по определению. Нормальным людям не под силу выдержать такое напряжение, и уж тем более нормальные люди не смогут дать сдачи. Участвуя в Игре, мы рассчитываем на необычные физиологические и психологические модели.

— В Толфрина я верю,— сказал Морден,— он куда более восприимчив к убеждению. А вот Роффрей — прирожденный нарушитель порядка. Я-то знаю, имел с ним дело не единожды.

— Значит, дайте ему какое-нибудь важное поручение и не вмешивайтесь,— Зелински снял датчик оптиграфа с подлокотника кресла Роффрея. Тот заворочался, но не проснулся.— Такой уж он человек, что ему всегда надо быть в действии — и знать, что на каждое свое действие он решается сам.

— Да, таких, как он, отродясь не бывало,— скривился Морден, прохаживаясь мимо Роффрея и поглядывая на своего антагониста сверху вниз.

— Вот и не указывайте ему,— чуть улыбнулся Зелински.— Речь ведь идет об особого рода эгоцентричности, что заставляет человечество прогрессировать. Это относится и к Ринарку, и к Аскийолю — информация, которой они располагают, подчас неверна, и все же они добиваются лучших результатов, чем мы с вами.

— В каком-то смысле да,— неохотно согласился Морден.

— Именно в том смысле, который нам сейчас жизненно необходим,— Зелински говорил уже на ходу, исследователи торопились уйти.— Мы прикомандируем пару человек присматривать за ними.

— Когда Роффрей заупрямится, за ним и вся наша чертова полиция не усмотрит,— обреченно вздохнул Морден.

Ему нравился Роффрей, но, как он понимал, он-то Роффрею не нравился. Поразмыслив, Лорд пришел к успокоительному выводу — Роффрею вообще никто не

нравится, кроме собственной жены. Какая жалость, что она нашлась, думал Морден.

Зелински с ассистентами не разгибаясь корпели над результатами обследования. Манна, толкового и искусного исследователя, уже стала тяготить рутинная работа. Во время перерыва за кофе он сказал Зелински:

— Профессор, у меня тут кое-что стало вырисовываться. Скорее всего смысла в этом нет, но вынести на обсуждение, пожалуй, стоило бы...

Зелински, не одобрявший склонности Манна к теоретизированию в рабочее время, нетерпеливо перебил:

— О чем вы?

— Да вот, судя по анамнезу, и Толфрин, и Роффрей были на планете, называемой ими Рос, это "решетчатая планета" в Отлученных Мирах. Отдельные ее части существуют в различных континуумах, так же как это, по-видимому, происходит с Аскийолем. Не могло ли случиться, что эта планета оказала на них некое специфическое воздействие? Или, скажем, если они выдержали испытание на Росе, сохранив разум,— а помните, жену Роффрея оно превратило в безумную,— то в результате они стали более приспособлены к борьбе с чужаками?

Зелински сделал последний глоток кофе и задумчиво приложил палец к влажным губам:

— Не исключено, в этом что-то есть. Я скажу вам, на что обратить внимание. Разберитесь досконально в свободное время и представьте мне доклад с вашими соображениями.

— Где ж его взять, свободное время! — воскликнул Манн, впрочем, польщенный: одобрение Зелински само по себе было редким событием.

— Ну, не обязательно же спать *все* отведенные на это шесть часов,— спокойно прокомментировал Цунь и, ухмыляясь, вернулся к работе.

Уиллоу Ковач чувствовала, что понемногу смирилась со своей участью. Роффрей отсутствовал уже достаточно долго, и на скорое его возвращение надежд было мало. Она спокойно наполнила шприц и в очередной раз ввела Мери транквилизатор, но сама от укола решила воздержаться. Теперь, на более спокойную голову, Уиллоу снова вернулась мыслями к Аскийолю. Она знала: ей необходимо встретиться с ним. Чем бы ни кончилась встреча, она по крайней мере будет лучше представлять, что делать.

Уиллоу не сразу разобралась, как включается коммуникатор Роффрея, но в конце концов ей удалось связаться с Морденом.

На экране возникло обрюзгшее лицо Лорда Галактики. Сгорбившись над столом, он вроде бы ничего не делал и тем не менее выглядел невероятно усталым. Наверно, держится на стимуляторах, решила Уиллоу.

Он узнал ее, кивнул и сказал:

— Мисс Ковач, если вы беспокоитесь о Роффрее и Толфрине, то зря. Они призваны в качестве Игроков и, безусловно, свяжутся с вами в свободное время.

— Спасибо,— сказала она,— у меня еще одно дело.

— Настолько важное, мисс Ковач? Как вы понимаете, я очень...

— Я хочу лично встретиться с Аскийолем.

— Пока это невозможно. Да и в любом случае, знай вы, как он выглядит, вы бы не слишком на этом настаивали. Собственно, что вы хотите ему сказать?

— Я не могу передать через третье лицо, это дело чисто личного свойства.

— Личного? А, припоминаю, у вас с ним что-то было...

— Мы были очень близки в Мигаа и в мирах Призрака. Я не сомневаюсь, что он захотел бы повидаться со мной,— последние слова прозвучали не слишком уверенно.

— В очередном докладе я передам ему ваши слова. Боюсь, это все, что я могу сделать.— Морден с любопытством разглядывал ее, но ничего не добавил.

— И когда вы ему расскажете, он встретится со мной?

— Если захочет, обязательно. А ваши слова я ему передам, обещаю.

Экран замерцал и опустел. Уиллоу выключила его и медленно вернулась к койке, где спала Мери.

— Как-то для тебя это все обернется? — сказала она.

Чего Уиллоу было не занимать — это сострадания к тем, кто попал в беду. Даже теперь, при всех своих невзгодах, о которых она и вспоминать не вспоминала, пока не оказалась здесь, она смогла подумать о Мери.

Но сейчас чистое и естественное сострадание, которое Уиллоу могла бы испытывать к любому попавшему в неприятное или затруднительное положение, быстро переродилось в менее здоровое чувство. Она начинала ощущать себя подобием Мери. Обе они — совершенно одинокие женщины; одна потеряла все и вся, попала в ловушку своего расстроенного и путаного сознания, чудом задержавшись на грани полного безумия, другой же все

больше казалось, что в тяжелую минуту все ее оставили, не только Аскийоль, но и Толфрин и Роффрей...

Она сидела у экрана в ожидании вызова от Аскийоля, словно окаменев. Каюта была безмолвна, как чернота вселенной вокруг. Уиллоу испытывала сейчас то, что и все человечество, — разочаровывающее, леденящее чувство утраты, неведения, смятения. И, как и у всего человечества, эти чувства кристаллизовались в страх.

Лишь уверенность в том, что потеря самообладания в такой момент гибельна для сознания или тела, позволяла людям уцелеть в безднах отчаяния.

...От подъема до отбоя — на стимуляторах, от отбоя до подъема — на снотворных, превыше всего — непреклонная воля Аскийоля и орудия его, Мордена: Игроки готовились к следующему раунду Игры...

15

Их рассадили по трое, каждую тройку — перед экраном, воспроизводившим то же, что было изображено на громадном экране над головами. Просторный зал затемнен, светились только шкалы приборов и экраны. Под экранами, что поменьше, располагались два ряда по шесть совсем маленьких. Морден ввел Толфрина и Роффрея в комнату и вполголоса объяснил им назначение экранов. Роффрей слушал и приглядывался к окружающему.

В трех секциях круглого зала были установлены экраны, перед ними сидели по трое операторы — бледные исхудавшие мужчины и женщины, державшиеся лишь на нервах и стимуляторах. На них были шлемы из стекла и металла, такие же, как на нем во время обследования. Когда Роффрей вошел, никто даже на поднял на него глаз.

— Экран над нами, как легко видеть, просто панорамный монитор, который позволяет нам наблюдать за окружающим нас пространством,— сказал Морден.

Каждая группа операторов — мы называем их Игроками — отвечает за определенный участок этого пространства, следит, не появились ли там признаки вторжения противника. Насколько мы понимаем, моральный кодекс чужаков предписывает им до начала раунда занять позиции в пределах дальности огня. Никаких иных предупреждений о скором начале нового раунда мы не получаем. Поэтому-то мы и ведем постоянное наблюде-

ние. Можно предположить, что в Игре между собой чужаки применяют более изысканные дебюты, а этот предложен в качестве удобного нам компромисса.

При обнаружении чужаков заметившая их команда поднимает по тревоге остальных, и все сосредоточивают внимание на опасном участке. Ряды маленьких экранов регистрируют воздействие, излучаемое нами на чужаков. Они фиксируют галлюциногенные импульсы и разбиты на секции, соответствующие различным видам чувственного восприятия, мозговым волнам различных частот, импульсам эмоций, которые мы способны у себя вызвать,— страха, гнева и тому подобных. Естественно, у нас есть проекторы, усилители и трансляторы команд, поступающих от Игроков. Но главным образом все зависит от воображения, быстроты реакции, интеллекта и способности воспроизводить эмоции — способности каждого отдельного Игрока.

— Понимаю,— кивнул Роффрей, неожиданно для самого себя заинтересовавшись.— А потом что происходит?

— Многие из наших эмоций и импульсов незнакомы чужакам и не воспринимаются ими, то же относится и к нам. По нашим предположениям, половина впечатлений и ментальных импульсов, которыми нас забрасывают, не производит желаемого чужаками действия или действует неожиданным для тех образом. Но те же трудности испытываем и мы.

Эти люди,— он показал глазами на тройки у экранов,— участвуют в Игре достаточно долго и поэтому могут распознать, эффективны посылаемые ими психоимпульсы или нет, могут защищаться от наиболее опасных для нас воздействий. Как бы то ни было, сейчас победа в Игре во многом зависит от того, в какой степени мы можем оценить и проанализировать, что работает, а что нет. То же самое, конечно, можно сказать и о чужаках. Вы, к примеру, испытали галлюцинацию в виде чудовищного зверя, которая потрясла не только ваши инстинкты, высвобождая страх, панику и так далее, но и вашу способность к логическому мышлению, поскольку вы знали, что подобный зверь не может существовать в вакууме космического пространства...

Роффрей и Толфрин кивнули.

— На такого рода эффекты чужаки и рассчитывают, хотя общее развитие последних событий научило их действовать куда более изощренно, работать непосредственно на подсознании — все, что вы испытали после того, как у них не получилось с образом зверя. Соот-

ветственно и наши психологи собирали до последней крохи информацию, которую давал им каждый раунд, пытаясь составить четкое представление, какие воздействия наиболее разрушительны для подсознания чужаков. В этом смысле, как я уже говорил, мы находимся в абсолютно равных условиях: наш мозг столь же чужд им, как и их — нам

Таким образом, главная цель в Багряной Игре — найти правильный импульс, способный разрушить то, что мы называем чувством собственного достоинства, силой характера, уверенностью в себе...

Морден тяжело вздохнул.

— О потерях можете судить сами, если я скажу, что в палатах корабля-госпиталя только мужчин и женщин, скорчившихся в позе утробного плода,— две сотни.

— Что за мерзкие методы! — содрогнулся Толфрин.

— Такие слова забудьте,— оборвал его Морден.— Стоит вам немного поучаствовать в Игре, и понятие моральных ценностей потеряет для вас всякий смысл Чужаки помогают нам осуществить то, к чему столетиями призывали наши философы и мистики. Помните,— *"Познай самого себя"*,— было дело?

Он покачал головой и окинул угрюмым взглядом Игроков, с посеревшими лицами сосредоточенно наблюдавших за экранами.

— Тут-то вы и познаете себя, да еще как! И я уверен: то, что вы узнаете, не слишком придется вам по вкусу!

— Нам, меланхолику да интроверту*, это можно бы и не объяснять,— сказал Роффрей.

— Кто бы вы ни были и как бы глубоко ни пробовали влезть в свои инстинкты, самые сокровеннейшие из них, что-нибудь отбросит вас назад — на худой конец, чувство самосохранения; с тем, что с вами могут сотворить чужаки, это ни в какое сравнение не идет,— отчеканил Морден.

— Заманчивую вы картину рисуете,— сказал Роффрей.

— Роффрей, черт вас побери, посмотрю я на вас после первого раунда! Я начинаю думать, что он может пойти вам на пользу, да еще как!

Тут к ним присоединился мужчина — высокий, худой, нервный, очевидно Игрок с некоторым стажем; они уже различали этот тип людей.

*Интроверт — человек, сосредоточенный на своем внутреннем мире.

— Федор О'Хара,— буркнул он, и не думая протянуть руку. Представились и они, тоже не церемонясь.

— Вы будете под моим попечением, пока не разберетесь как следует в Игре,— сказал О'Хара.— Будете подчиняться каждому моему приказу. Противоречить мне не советую. Чем быстрее вы обучитесь, тем скорее сможете играть самостоятельно. Я понимаю, Роффрей, вы, что называется, индивидуалист. Что ж, подчиняться вам придется, только пока не овладеете Игрой — а там ваш индивидуализм будет, безусловно, весьма полезен, от таких качеств мы все и зависим.

Наша компания почти вся состоит из специалистов в различных областях психологии, но не так уж мало и непрофессионалов вроде вас, тех, кто благодаря достаточно высокому интеллекту воспринимает требования Игры почти инстинктивно. Желаю успеха и вам.

Вы поймете, что сохранить раскованность и дееспособность собственного "я" можно лишь ценой величайшего напряжения, вот, в сущности, все, чему следует научиться на первых порах. Пока вы не узнáете достаточно, чтобы атаковать врага, вам придется придерживаться оборонительной стратегии. Пусть каждый из вас запомнит — ни физическая сила, ни отвага в этой войне не стоят ровным счетом ничего. Проигравший, возможно, остается в живых, но у него нет ни единого шанса сохранить разум.

Роффрей почесал в затылке — ему уже не терпелось:

— Тогда к делу наконец!

— Да не дергайтесь,— вмешался Морден.— Начнется очередной раунд, поймете что почем.

О'Хара провел их в свободную секцию — три кресла, обычный экран, ниже — экраны поменьше. Прямо перед ними — миниатюрные блоки управления, очевидно, для работы с сенсопроекторами и другим оборудованием.

— У нас тут сложился определенный язык, во время Игры мы будем общаться друг с другом только на нем,— сказал О'Хара, водружая на голову некое подобие ермолки.— К примеру, "дай звук" означает, что в какой-то момент, когда вы сосредоточены на передаче вкусовых ощущений, я решил, что более действенным оружием против врага окажется звук. Если скажу "дай вкус", вы будете посылать вкусовые ощущения. Проще некуда, понимаете?

Кивнув, они расселись в ожидании своего первого — а возможно, и последнего — раунда Багряной Игры.

Аскийоля мало беспокоило, согласуются ли с моралью действия человечества, вторгшегося в эту вселенную и пытающегося отвоевать господство в ней у коренной расы.

— Какие там права! — ответил он Мордену, когда Лорд Галактики сообщил ему о некоторых сомнениях, тревожащих иных переселенцев.— Какие права у них? Какие права у нас? Если чужаки существуют здесь, это не значит, что у них есть какое-то особое право здесь существовать. Пусть они — или мы — докажут свои права. Посмотрим, кто победит в Игре.

Аскийоля волновало нечто более глобальное, чем конфликт из-за права собственности, как бы страшно этот конфликт ни обернулся для человечества.

У Человека была последняя возможность вступить в свое право первородства — сам Аскийоль, способный одновременно чувствовать целую вселенную, в него почти вступил,— перенять его у Родоначальников.

Он, Аскийоль, должен каким-то образом научить свою расу реализовать ее потенциал. И для этого, пожалуй, пригодятся Игроки, вернее, те из них, кто сможет выжить.

Его расе следовало перейти к следующему этапу эволюции, и переход этот должен быть настолько внезапным и резким, что правильнее было бы говорить о революции.

И ко всему — хоть это и его личное дело — ощущение собственной незавершенности; он испытывал мучительную неудовлетворенность, зная, что недостающая его часть, та, что смогла бы сделать его цельным, совсем рядом — это-то он чувствовал,— чуть не на расстоянии вытянутой руки. Но что она из себя представляет?

Печальные мысли не покидали Аскийоля.

Даже он не мог предугадать развитие событий в случае победы его расы в Игре. Конечно, он мог охватить их ход лучше, чем все остальное человечество, но в определенном смысле он пребывал в таком же временно́м вакууме, как и оно, и так же был совершенно не способен соотнести прошлый свой опыт с теперешним, а теперешний — с предвидимым будущим...

Да, он существовал в каждом из множества измерений мультиверсума и все же, почти как любой другой, был скован единым для всего мультиверсума измерением — Временем. Он может сбросить цепи пространства, но, как, вероятно, и все когда бы то ни было обитавшие в мультиверсуме, не избавится от иных оков — от размеренной, непреклонной, вкрадчивой поступи Времени, ибо

Время не знает остановок и не терпит вмешательства, равно направленного на ускорение или замедление его.

Время изменяет все, но самое его изменить нельзя. Пространство, материальную среду завоевать, пожалуй, можно, Время — никогда. Оно несет тайну Первопричины, тайну, неизвестную даже Родоначальникам, выстроившим огромный и все же конечный мультиверсум — питательную почву, лоно для своих преемников. А должно ли человечество переживать родовые муки и наследовать Родоначальникам или нет — ключ к тайне не в этом, чувствовал Аскийоль.

Быть может, через много поколений, если каждое из них сумеет стать этапом эволюции Человека, ключ и будет найден. Только во благо ли разгадка такой тайны? Не только современники Аскийоля, но, возможно, и их праправнуки не смогут усвоить и сохранить это Знание. Ибо стоит им сменить Родоначальников, и ляжет на них долг подготовить *своих* преемников. Так, вероятно, и будет продолжаться, возможно, до *бесконечности*, но во имя какой, более великой цели?

Тут Аскийоль отбросил бесплодные мысли. Он был в определенном смысле прагматиком и не позволял себе тратить время на абстрактные размышления.

Сейчас в Игре наступило временное затишье. Возвращение корабля Роффрея и отпор, который он дал чужакам, на какое-то время привели тех в замешательство. Но у Роффрея пока не было опыта настоящего противоборства сознаний — сознаний, тому обученных, способных на самое разнузданное из вообразимых надругательств — на разрушение индивидуальности, "эго", тех самых качеств, что ставят человека над прочими животными.

На миг он подумал о Толфрине, но тут же оборвал себя — а цепочка мыслей подводила его еще к одному мучительному вопросу.

Он позволил себе на миг расслабиться, насладиться той щедрой поддержкой, что давало ему ощущение одновременного пребывания на всех плоскостях мультиверсума. Он думал: "Я подобен младенцу во чреве матери, с той лишь разницей, что знаю — я во чреве. Да и с той еще, что я младенец без некоей части и это чувствую. Что она такое? *Что* сделает меня цельным, довершит? Кажется, часть эта, довершив меня, тем самым довершит и себя..."

Тут, как случалось все чаще, резкий сигнал коммуникатора прервал его размышления.

Он наклонился к аппарату, не вставая с кресла, и вокруг заплясали диковинные тени, странные, полуреальные образы. Область пространства, что была заключена между ним и коммуникатором, казалось, разбрызгивалась, истекала, двигаясь судорожно и аритмично, будто вода, взбудораженная вторжением постороннего тела. Так было при любом его движении, хотя сам он полностью отдавал отчет лишь в одном — что рука его способна проходить сквозь множество предметов, почти не ощущая их.

Он мог не только видеть мультиверсум, но и чувствовать его, обонять, ощущать его вкус. Правда, в делах с чужаками прок от этого невелик: понять подлинную психологию нападающих на них нелюдей ему было почти столь же трудно, как и остальному человечеству.

Экран коммуникатора ожил.

— Слушаю,— сказал Аскийоль.

И опять Морден смотрел в сторону, чтобы избавить себя от утомительного для глаз зрелища мерцающего тела собеседника.

— Несколько сообщений,— сбивчиво заговорил Морден.— Исчез корабль-госпиталь ОР-8. Оттуда передали, что поле интерконтинуального перемещения стало неустойчивым, занялись ремонтом и вдрут... вообще исчезли. Будут указания?

— Я видел, как это случилось. Там, где они находятся сейчас, они в безопасности. Если им удастся подрегулировать свое поле, при некотором везении они смогут присоединиться к флоту.

— Роффрей и Толфрин, те двое, что так успешно отразили нападение, прошли у профессора Зелински полный цикл обследования, сейчас он обрабатывает результаты. Тем временем они обучаются Игре.

— Что еще? — Аскийоль видел, что Морден чем-то обеспокоен.

— На корабле Роффрея были две женщины. Одна из них — безумная Мери Роффрей. Другая именует себя Уиллоу Ковач. Я уже доводил до вашего сведения эту информацию.

— Да. Это все?

— Мисс Ковач просила меня кое-что передать вам. Она утверждает, что поддерживала с вами личное знакомство на Мигаа и, похоже, на Призраке. Она хотела бы, чтобы вы, если выберете время, связались с ней. Для конфиденциальных переговоров на ее корабле зарезервирована волна 50 м.

— Спасибо.

Аскийоль отключил связь, откинулся в кресле. Какая-то часть сильного чувства, которое он некогда испытывал к Уиллоу, все еще жила в нем, хотя Аскийолю и приходилось дважды изгонять его. Сначала, когда Уиллоу отказалась последовать за ним на Рос, и потом, после встречи с Родоначальниками. Теперь образ ее казался чуть расплывшимся, столько с тех пор всего произошло.

Взяв на себя управление флотом, он был вынужден отказаться от многих приятных эмоций. Не из честолюбия, нет, и не из жажды власти. Просто в его положении сознание должно быть максимально управляемым, а значит, эмоциями, которые не приносят непосредственной пользы делу, следовало пожертвовать. Он стал с точки зрения привычных человеческих взаимоотношений очень одиноким человеком.

Восприятие мультиверсума с лихвой компенсировало вынужденный разрыв человеческих контактов, и все же он предпочел бы, чтобы на разрыв идти не пришлось.

Обычно он никогда не действовал по первому побуждению, но сейчас с удивлением обнаружил, что настраивает коммуникатор на волну 50 м. И делает это с нетерпением, чуть не нервничает.

Уиллоу заметила, что экран воспрял к жизни, и стала торопливо настраивать аппаратуру. Спешила, волновалась,— а то, что в результате увидела, заставило ее на миг оцепенеть.

Потом Уиллоу немного пришла в себя, но движения стали медленнее, она как зачарованная не сводила глаз с экрана.

— Аскийоль? — голос у нее срывался.

— Привет, Уиллоу.

В лице этого человека еще проглядывали черты прежнего Аскийоля, того, что некогда с хохотом бесчинствовал по всей галактике, оставляя за собой хаос.

Она помнила беззаботного, легко поддающегося переменам настроения юношу, которого тогда любила. А тут... восседал воплощенный Люцифер, некое подобие падшего ангела; это мерцающее золотом изображение не имело никакого отношения к тому, кого она помнила.

— Аскийоль?

— Увы...— сказал он и улыбнулся; да, это был грустный и усталый падший ангел. На лице Уиллоу вспыхивала непередаваемая пляска цвета, отсветы бесчисленных изображений Аскийоля. Она отступила от экрана,

плечи ее поникли. Теперь у нее осталась только память о любви.

— Не надо было мне упускать свой шанс,— прошептала она.

— Боюсь, он был единственным. Знай я это тогда, я бы, вероятно, попробовал уговорить тебя отправиться с нами. Но я не хотел подвергать твою жизнь опасности.

— Понимаю...— сказала она.— Не сговоримся, да?

Вместо ответа он стал вглядываться куда-то вдаль.

— Я отключаюсь, противник начал новый раунд Игры. Всего хорошего, Уиллоу. Возможно, нам удастся еще поговорить — если победим.

Сверкающее золото изображения уже исчезло с экрана, а она так и не нашлась, что сказать.

16

О'Хара обернулся к партнерам.

— Вот вам и проба,— сказал он.— Готовьтесь.

В огромном круглом зале послышалось едва уловимое гудение.

О'Хара подстроил экран — и они увидели, как корабли чужаков бороздят космос, подбираясь к их флоту. Всего в нескольких милях от флота они притормозили, сохраняя этот интервал.

Роффрей неожиданно поймал себя на мыслях о детстве, о матери, о том, как он завидовал брату и каким ему казался отец. С чего это он вдруг решил?.. Он поспешил отогнать странную задумчивость, но в сознание вползла еще какая-то шальная мысль, вызывающая легкую тошноту. Знакомое ощущение, он когда-то испытал его, но сейчас оно было куда сильнее.

— Роффрей, будьте внимательны — это начало,— спокойно сообщил О'Хара.

Нет, не начало даже — так, разминка в сравнении с тем, что последовало.

Чужаки пускали в дело все, чему их научило человеческое подсознание. Роффрей и вообразить не мог, что они накопили такой чудовищный объем информации, хотя люди-психиатры были готовы обратить против своих врагов не менее мощный арсенал подобного оружия.

Оборудование чужаков вылавливало каждую постыдную мысль и каждую нездоровую прихоть, каждое мерзкое желание, когда бы ни случились они в жизни Игро-

ков, и, усилив стократ, вдалбливало их в сознание противника.

Контрприем, как инструктировал О'Хара, состоял в том, чтобы забыть о понятиях добра и зла, права и произвола и принимать внушаемые впечатления за то, чем они, в сущности, и являлись,— за желания и мысли, которые в определенной мере присущи любому.

Но Роффрею это давалось с трудом.

И это не всё. Используемые чужаками изощренные и мощные средства внушения делали передаваемые мысли еще и невероятно впечатляющими — настолько, что разрушалось сознание...

Теперь Роффрей едва мог разграничить зрительные и обонятельные, вкусовые или звуковые ощущения.

И болезненной сущностью каждого из них был всепроникающий, кружащийся и взвихренный, крикливый и дребезжащий, вонючий и липкий, мучительный цвет, воспринимаемый как кроваво-красный.

Сознание словно взрывалось. Содержимое его свернулось в сгустки, а те затопила кровь и агония оголенных мыслей, с которых сорвали привычные одежды предубеждения и самообмана. В мире, где внезапно очутился Роффрей, не было покоя, не было там и облегчения, передышки, надежды или спасения. Сенсорные проекторы чужаков заталкивали Роффрея во все более потаенные глубины его собственного сознания, подтасовывали то, что там было, если оно не отвечало их целям, придавая фальшивке видимость подлинника. Все его сознательные мысли были взболтаны, превращены в нечто аморфное, переиначены. Все его подсознательные ощущения маячили перед ним, как повешенные на виселице, а ледяная воля извне не позволяла отвести взгляд.

Но в глубине его сознания теплилась искорка здравомыслия, она внушала ему вновь и вновь: "Будь разумным! Будь разумным! Не поддавайся на обман! Все в порядке!" А ему к тому времени уже и в собственном голосе чудились десятки других голосов, будто он плакал, как младенец, и выл, как собака.

И все же вопреки всему, что обрушилось на него и его команду, вопреки отвращению, которое он начинал испытывать к себе и своим партнерам, искорка эта теплилась, оберегая его разум.

Именно на нее нацеливали основные свои силы чужаки,— и точно так же более искушенные по человеческим меркам Игроки стремились загасить крохотную искорку здравомыслия, еще сохранившуюся в сознании чужаков.

Никогда за всю свою историю человечество не сражалось в столь безжалостной битве, где воюющие стороны казались скорее порочными демонами, чем материальными созданиями.

Все, что мог Роффрей, — не дать погасить эту искорку, пока он, обливаясь потом, отражал боевые колонны звука, огромную гудящую волну запахов в стонущем неспокое цвета.

И в такт с происходившим на поле боя кроваво-красное месиво восприятия наплывало и откатывалось, содрогалось и вздымалось во всем замученном естестве Роффрея; оно броском проскакивало нервные волокна, походя оскверняло клетки коры мозга, терзало синапсы, перемалывало тело и мозг в бесформенную, никчемную, желеобразную массу навязанных извне ощущений.

Кроваво-красное... Теперь не существовало ничего, кроме кроваво-красного визга, текучего, ледяного, зловонного вкуса и парализующего чувства предельного отвращения к себе, которое прокрадывалось повсюду, в каждую трещинку и закоулок его сознания и индивидуальности,— и ничего так не хотелось Роффрею, как отряхнуть все это, бежать куда глаза глядят.

Но он уже попался в кроваво-красную западню, и для побега ему был оставлен единственный путь — отступать коридорами времени, чтобы удобно свернуться калачиком во чреве...

Искорка вспыхнула, на момент к Роффрею полностью вернулся рассудок. Он увидел обливающиеся потом, сведенные напряжением лица коллег-операторов. Увидел искаженное судорогой лицо Толфрина и услышал его стон, увидел худую руку О'Хара на своем плече и проворчал что-то в знак благодарности. Взглянул мельком на крошечный экран, мерцающий от пляски графиков и пульсаций света.

Рука его потянулась вперед, к блоку управления, бородатое лицо породило некое подобие кривой улыбки, он заорал:

— Кошки...

...Карабкаются по вашим хребтам, рвут когтями нервы...

...Прут валы грязи. На дно, твари. Тоните!

Сами по себе слова не играли большой роли, да это от них и не требовалось, они высвобождали эмоции и впечатления собственного сознания Роффрея.

Теперь нападал уже он. И оружием были те же эмоции и впечатления, которые посылали враги. Он уже

кое-что понимал в их возможной реакции: несколько впечатлений, внушенных чужаками в их атаке, были лишены смысла в сенсуальном мире Роффрея. Их он и отбрасывал силой воли назад, в чужаков, и одновременно, в страшном ритме бешено работающего сознания, занялся возведением собственной надежной защиты.

Для начала он отослал назад ощущения кроваво-красного: они, очевидно, соответствовали своеобразной разведке боем и служили основой для собственно Игры. Почему так заведено, он пока не понимал, но обучался Роффрей быстро. Чему-то он уже научился — в частности, понял, что в ходе Игры роль рассудка невелика, что оружием должен служить инстинкт. А копаться в результатах сейчас не время, позже ими займутся эксперты.

И вдруг он почувствовал, что истерия спала и в помещении стоит тишина.

— Стоп! Стоп, Роффрей! Раунд окончен, они победили. Боже, у нас и надежды не осталось!

— Победили? Я не закончил...

— Взгляните сюда.

Несколько Игроков, лишившихся разума, ползали по полу, мяукая и пуская слюни. Остальные скрючились в позе утробного плода. К ним на помощь бежали медики.

— Мы потеряли семерых. Значит, победили чужаки. Мы выбили, по-видимому, пятерых. Не так уж худо. Вы почти дожали соперника, Роффрей, но они вовремя отступили. Возможно, вам еще представится случай. Для дебютанта вы выступили исключительно удачно.

Они обернулись к Толфрину; тот был без сознания, но это не беспокоило О'Хара:

— Дешево отделался. Похоже, вырубился на минутку, всего-то и дел. Думаю, теперь, когда он побывал в Игре, на раунд-другой сил у него вполне хватит.

— Это было... мерзко,— сказал Роффрей.

Его тело было сведено напряжением, нервы расстроены, голова раскалывалась, сердце выскакивало из груди. Даже О'Хара ускользал у него из фокуса зрения.

Выглядит неважно, решил О'Хара, достал из кармана коробочку со шприцем и вкатил Роффрею укол, прежде чем тот успел запротестовать.

И Роффрей стал отходить. Усталость еще чувствовалась, но тело понемногу расслаблялось, да и головная боль стала более терпимой.

— Такая она, значит, эта Кроваво-красная Игра,— заключил он минуту спустя.

— Какая есть,— сказал О'Хара.

Зелински просматривал материалы, представленные ему Манном.

— В этом определенно что-то есть,— сказал он.— Не исключено, что Призрак особым образом влияет на сознание людей, приспосабливая его к отпору атакам чужаков.

Он оторвался от бумаг и поискал глазами Цуня, колдовавшего с оборудованием где-то в углу лаборатории:

— Вы говорили, что первый раунд лучше других перенес Роффрей?

— Точно,— подтвердил миниатюрный монголоид.— И главное, по собственной инициативе перешел в атаку. Такое не часто бывает.

— Да, есть ли у него какие-то особенности, нет ли, человек он ценный,— согласился Зелински.

— Так что вы думаете о моих соображениях? — Манну не терпелось получить "добро" на развитие собственного направления исследований.

— Занятно,— ответил Зелински,— и все же недостаточно конкретно для обсуждения. Пожалуй, стоит договориться о встрече с Роффреем и Толфрином и расспросить подробнее, что с ними происходило на Призраке.

— Попросить их зайти? — осведомился Цунь.

— Уж не сочтите за труд! — после знакомства с записками Манна Зелински явно помрачнел.

...Мери выплывала из хаоса, беспорядка, сумятицы — и хаосом этим было ее обращенное в руины сознание. Сама того боясь — в минуты просветления ее всегда мучила мысль о собственном безумии, — она попыталась задержаться на этом островке здравого рассудка.

И вдруг смятение прошло. Она лежала, и перед глазами не было ничего — ни зрелища взбаламученного мироздания, ни кошмарных тварей, ни опасности. И слышала она только тихий звук шагов совсем рядом.

Очень осторожно стала она возвращаться мыслями к прошлому. Извлечь из хаоса памяти представление о времени удавалось с трудом, казалось, чуть не всю жизнь она прожила в каком-то водовороте, заполненном бессмысленными действиями,— пилотировала корабль, открывала воздушные шлюзы, писала в блокноте уравнения — а те куда-то уносились и бесследно пропадали.

Там были периоды, когда хаос водоворота стихал, периоды здравомыслия, когда она хоть и подходила к самой границе безумия, но не переступала ее.

Там был первый ее визит на Призрак, куда она отправилась, понадеявшись на приобретенные в Голунде знания. Там была посадка в Энтропиуме, а после — сумбурный полет в пространстве, где вместо законов — непостоянство и непоследовательность; никчемная посадка, находок никаких; она еще контролирует свой разум, но он вот-вот сдаст; и, наконец, полет на Рос, где сознание окончательно покинуло ее. Только тепло, беззлобное, бесплотное тепло... Потом прочь с Роса — как это было, ей никогда не удавалось вспомнить, назад, в Энтропиум; там какой-то человек расспрашивал ее — человек, назвавшийся Ринарком,— а кошмар полубезумия был в конце концов сметен катаклизмом, обратившим Энтропиум в руины; рывок к хозеру, аварийная посадка на мирной планете — Экиверше, кажется? — там передышка, отдых, затем на Рос... и там хаос... тепло... хаос...

Почему?

Что заставляло ее вновь и вновь возвращаться на Рос, ведь с каждым разом она по капле расточала рассудок? Нет, последний раз был особым, стал для нее поворотной точкой — она, как бы завершая полный цикл, пустилась в *обратный* путь, к разуму. Там, на Росе, она встречалась с бестелесными светящимися созданиями, они говорили с ней. Нет, это, пожалуй, была галлюцинация...

Со вздохом облегчения она открыла глаза. Над ней склонилась Уиллоу Ковач. Мери узнала женщину, которая ухаживала за ней, и улыбнулась.

— Где мой муж? — спокойно спросила она; черты ее лица разгладились.

— Ну как сейчас, получше? — Улыбка Уиллоу была грустной, но Мери знала: Уиллоу расстроена не из-за нее.

— Намного. А Адам?..

— Его забрали участвовать в Игре,— Уиллоу в двух словах рассказала обо всем, что ей было известно.— Он собирался вскоре связаться с нами.

Мери кивнула. Она чувствовала себя отдохнувшей, умиротворенной, ужас ее безумия стал уже смутным воспоминанием, которое она отгоняла все дальше и дальше. Больше не повторится, думала она. Так было, но теперь я здорова. И так было в последний раз. Ее клонило в сон, глубокий сон здорового человека.

Роффрей и Толфрин вошли в лабораторию Зелински.

Смоляная борода Роффрея воинственно топорщилась от переизбытка жизненных сил, когда он спрашивал:

— Пообследуемся еще, профессор?

— Нет, капитан. Просто появились один-два вопроса. По правде говоря, ни у одного из вас мы не нашли каких-то ярких особенностей, которые могли бы объяснить вашу победу над многочисленным противником. По нашим данным, фактор, позволивший вам со столь несомненной легкостью разгромить корабли чужаков — а ведь поражение потерпел *каждый* из их Игроков,— это сокрушительное воздействие такой мощности, что оно может передаваться через пространство без помощи трансляционного оборудования. Приемники чужаков обратили эти эманации в силу, полностью разрушившую их сознание. Но мощность ваших ментальных импульсов недостаточна, они не могли бы привести к такому результату. Получается, что вы должны были пользоваться... чем-то вроде своеобразного усилителя. Вы не могли бы это разъяснить?

Роффрей покачал головой.

А насупившийся Толфрин сначала никак не отреагировал — он глубоко задумался. Наконец он внятно и медленно произнес:

— А как насчет Мери?

— Да, вполне может быть,— оторвался от записей Цунь.

— Не может,— угрюмо сказал Роффрей.

— И все-таки она,— вклинился Толфрин.— Ваша жена, Роффрей. В Энтропиуме она была совершенно безумной. Она путешествовала между планетами Призрака, когда пространство было бешеным и хаотичным. Должно быть, где-то в ней заложены потрясающие резервы самообладания, раз она смогла пережить то, что ей довелось. Она могла столкнуться со всевозможными необычными впечатлениями, воздействовавшими на ее мозг. Точно, это она. Она и была нашим усилителем!

— Так что из этого? — Роффрей резко обернулся и в упор поглядел на троицу: выказывавшие явное нетерпение ученые казались стервятниками, высмотревшими умирающего путешественника.

Зелински вздохнул.

— Думаю, мы правы,— сказал он.

Мери засмотрелась на неясные огни флота, проваливающегося в темноту, к далеким звездам, мерцающим, как свет невероятно длинного туннеля.

— Адам Роффрей,— неожиданно для себя произнесла она и задумалась, что́ почувствует, увидев его.

— Как вы попали на Призрак? — спросила Уиллоу.

— Я сбежала от Адама. Устала от его неугомонности, неутомимой ненависти к цивилизации и организованному обществу. Меня утомляли даже его консерватизм и его шутки.

Я все же любила его. До сих пор люблю. По профессии я антрополог, путешествия Адама во внешние миры были полезны и мне, помогали сохранять квалификацию. Как-то мы сели на Голунде; по некоторым признакам эту планету посещала раса из другой галактики. Я обшарила всю планету, но полезной информации обнаружила совсем мало. Там я и бросила Адама и, когда в нашем пространстве и времени материализовался Призрак, отправилась на него, надеясь найти там какие-то ответы. Обрыскала всю эту систему, обшарила ее, и разум мой висел уже на волоске. А Рос стал последней каплей. Рос меня доконал.

Она обернулась к Уиллоу:

— Но сейчас, чувствую, благоразумия у меня как никогда — думаю, пора угомониться. Если смогу, конечно. Стану Адаму примерной женушкой. Что скажете, Уиллоу? — она улыбнулась, но глаза оставались серьезными.

— Скажу, что дурочка вы,— без затей выдала Уиллоу.— Не продавайтесь вы за легкую жизнь. Да хоть меня взять...

— Мне ведь тяжело пришлось,— Мери перевела взгляд куда-то под ноги.— Непосильно тяжело, Уиллоу.

— Знаю,— ответила та.

Зазвенел вызов коммуникатора. Мери подошла, тронула клавишу.

Вызывал Роффрей.

— Привет, Адам,— сказала она. Горло перехватило, она непроизвольно положила на него руку.

— Слава Богу,— сказал он; его усталое лицо ничего не выражало.

Она знала, что еще любит его. Только это и утешало.

— Значит, дождалась врача? — спросил он.

— Нет,— ответила она с улыбкой.— Не спрашивай почему, просто знай: я в своем уме. Что подействовало — бой ли с чужаками, что-то на Росе, забота Уиллоу,— я не знаю. Просто чувствую себя другим человеком.

Напряжение чуть отпустило Роффрея, взгляд стал мягче. Он усмехнулся.

— Ладно, я тороплюсь,— сказал он.— Вы с Уиллоу можете прямо сейчас прибыть на Игровой корабль? Поэтому я и вызвал вас, еще ничего не зная.

— Конечно, только зачем?

— Здешняя публика думает, что мы все, вчетвером, сформируем нечто вроде команды, которая ухитрится отразить чувственные впечатления при атаке чужаков. Они хотят, чтобы вы с Уиллоу прошли небольшое обследование. Договорились?

— Отлично,— сказала она.— Высылай за нами катер, мы будем с вами.

Он сразу отключился, и все же Мери успела заметить, что лицо его помрачнело.

Прошло немало времени. На усталом лице Зелински проступили морщины; он то и дело проводил по лбу рукой, энергично тряс головой — верный способ прочистить мозги — и не сводил глаз с двух женщин, что спали под воздействием успокаивающих средств в креслах для обследования.

— В этом определенно что-то есть,— сказал он, рассеянно катая между ладонями крохотную лампочку.— И кто нам не давал сразу обследовать всю вашу четверку? Вот ведь глупость! — Он взглянул на хронометр в перстне на указательном пальце правой руки.— Не знаю, в чем дело, но скоро Аскийоль должен обратиться ко всему флоту. По поводу Игры, я думаю. Надеюсь, новости хорошие — стоит немного потерпеть.

Роффрею было не по себе, он погрузился в невеселые размышления и почти не обращал внимания на ученого. Опустил глаза на Мери и внезапно ощутил себя слабаком и неудачником; не может он больше играть никакой роли в ее жизни, он и своей-то не может толком распорядиться. Ощущение непривычное, и связано оно, вероятно, с тем, какой оборот в последнее время принимают события...

А Мери вспоминала. Физически она спала, но сознание ее бодрствовало. Она вспомнила посадку на Росе — свой промах у самой поверхности, падение в бездну первозданного хаоса, которая вытолкнула ее наверх; что-то необычное, теплое, вошедшее в мозг... Ей удавалось все это вспоминать, потому что она чувствовала: совсем близко находится нечто подобное ей самой. Она силилась дотянуться, вступить с ним в контакт — не вышло, ничего не вышло. Будто альпинист на откосе: стремится к руке, протянутой

сверху ведущим, старательно, отчаянно вытягивает пальцы — и не коснуться.

За пределами каюты был кто-то — кто-то похожий на нее, более похожий, чем она сама. Да, она уверена. Кто — или что — это? Человек ли в том смысле, в каком она привыкла понимать это слово, или нечто иное?

Адам? Нет, не Адам. И тут она осознала, что произнесла его имя вслух.

— Я здесь,— он, улыбаясь, склонился над ней. Мери почувствовала ободряющее пожатие, огромная ручища крепко охватила ее пальцы.

— Адам... есть здесь что-то такое... не знаю...

Рядом с мужем возник Зелински:

— Как вы себя чувствуете?

— Физически прекрасно. Только вот не могу понять...— Она уселась в кресле, свесила ноги, стараясь достать до пола.— Удалось что-нибудь выяснить?

— Пока немного,— ответил тот.— Но вы нам понадобитесь. Хотите многим рискнуть и помочь нам в Игре?

А Мери ломала голову: почему так спокоен ее муж?

17

На этот раз, думал Аскийоль, ему следовало бы лично посетить Игровой корабль, ибо наступил момент, которого он боялся.

Чужаки практически победили в Кроваво-красной Игре. Вокруг простирался изукрашенный самоцветами мультиверсум, до краев наполненный жизнью, изобилующий пульсациями энергий, но и это не радовало его; он был близок к отчаянию. А тут еще и странная боль внутри, боль из-за недостающей части, которая, казалось, находится совсем близко; да, отчаяние уже всерьез грозило овладеть им.

Он до сих пор не мог найти источник этого ощущения, но знал: тот близко. Нечто подобное ему, но стоящее на более низкой ступени развития находилось в постоянном контакте с ним, почти как мультиверсум. И он простер свое ментальное поле, зондируя мультиверсум.

Но разум заставил его оторваться от зондирования и в очередной раз сосредоточиться на неотложных проблемах. Как не раз случалось в прошлом, он установил связь с руководством чужаков. Теперь они с трудом скрывали ликование: исход Игры стал предопределенным.

Чужаки побеждали. Несмотря на неудачу с кораблем

Роффрея, количество набранных ими очков катастрофически росло.

Аскийолю и сейчас было трудно разобраться в их принципе подсчета очков, но он им доверял. Мошенничество было для них немыслимо.

Он связывался с ними способом, которому его и Ринарка научили Родоначальники. В отличие от телепатии, он не основывался на чисто человеческих восприятиях — общение происходило с помощью энергетических волн; ощущать и использовать их мог только тот, кто полностью воспринимал мультиверсум. Тут не было нужды в словах, в ход шли изображения и символы. Именно в результате анализа некоторых таких символов, переданных Аскийолем психиатрам, те ухитрились изобрести "оружие" для борьбы с чужаками.

Аскийоль до сих пор не знал самоназвания чужаков, не имел даже четкого представления об их физическом облике. Но разобраться в их посланиях было достаточно легко, и это лишний раз подтверждало: в своем развитии человечество достигло критической точки.

Впереди — один-единственный раунд Игры; он и должен решить ее исход!

И тогда, если человечество откажется выполнить обусловленное решение и опять начнет активные боевые действия, оно обречено. Аскийоль знал: у его ослабленного флота нет никаких шансов выстоять.

Последние известия ничего в этом смысле не меняли. Несколько кораблей-ферм было выведено из строя, другие полностью уничтожены или разрушены еще в первых боевых столкновениях с чужаками. Во всем флоте не оставалось и двух тысяч кораблей — караван, по обычным меркам, достаточно солидный, но ведь на момент отлета из родной вселенной кораблей было около четверти миллиона!

В настроении, близком к безнадежности, он мерцающей рукой настроил коммуникатор на волну общего вещания — пора информировать свою расу о том, что он узнал и понял. С тех пор как непосредственное общение с людьми стало приносить все меньше результатов, Аскийоль прибегал к нему редко. Он начал:

— Говорит Аскийоль. Пожалуйста, выслушайте меня внимательно. Во время последнего контакта с нападающими они информировали меня: насколько они понимают, Игра практически решена, и они убеждены, что станут победителями, следовательно, наше положение весьма близко к безнадежному.

Наличных припасов хватит не более чем на месяц. Если нам вскоре не удастся высадиться в каком-нибудь пригодном для обитания мире, все вы будете мертвы.

У нас есть единственная возможность выжить, и заключается она в победе, причем решительной, в последнем раунде Игры. Чужаки уже обладают значительным преимуществом над нами и считают, что в следующем раунде смогут обеспечить себе победу.

Наши Игроки устали, больше призывать нам некого. Мы истощили не только ресурсы, мы истощили таланты. Наши ученые продолжают трудиться над разработкой новой стратегии противоборства с чужаками, но, должен вам сказать, времени осталось в обрез. Тем из вас, кто не принимает непосредственного участия в Игре и строит какие-то планы, следует скорректировать их с учетом того, что они сейчас услышали.

Игроки и все члены экипажа Игрового корабля! Я знаю, что уже много дней вы полностью отдаете себя Игре, и могу лишь просить вас: соберите последние силы! Помните, в случае победы мы выигрываем *всё* ! Помните, в случае поражения мы *всё* теряем!..

Аскийоль откинулся в кресле, так и не завершив обращения, и словно вдохнул экзотические запахи мультиверсума; он увидел идеально четкие очертания своего корабля на фоне невообразимо прекрасного и полного жизни пространства; вновь ощутил ни с чем не сравнимое чувство идентичности с другим созданием. Где оно? В этой ли вселенной, в другой ли?..

И продолжил:

— Сам по себе исход Игры мне безразличен, что бы ни думали многие из вас. Тем не менее я вовсе не безразличен к своему долгу — повести мой народ сначала в безопасное место, а затем — на более высокую ступень развития. Некоторые из вас спрашивают, что сталось с моим другом, Ринарком. Вас удивляет, почему он отстал от нас, остался в сжимающейся вселенной. Я не могу ответить однозначно, поскольку ни ему, ни мне Родоначальники не дали четкого представления, зачем это необходимо. Возможно, то, что было его могучим духом, распределено теперь между нами, чтобы придать каждому из нас жизнеспособности — качества, в котором мы так нуждаемся. Может быть, Ринарк чувствовал: его роль подходит к концу, а моя только начинается, хотя это предположение может оказаться слишком самонадеянным.

Ринарк был смельчаком и мечтателем. Он верил, что ценой собственных усилий человечество сможет выжить,

избежав любой опасности или устранив ее. Он верил, что Воля Человека может преодолеть все преграды — физические, интеллектуальные и метафизические. В этом отношении, возможно, он был наивен. Но без такого рода идеализма и наивности наша раса не могла бы выжить.

Однако то, что спасло нас от одной опасности, может не спасти от другой. Различные проблемы надо и решать по-разному. Для победы в Кроваво-красной Игре одной воли недостаточно. Нужно помнить, что с теперешними трудностями мы сталкиваемся в куда более сложных обстоятельствах, чем те, в которых мы с Ринарком приступили к своей миссии.

И теперь мы должны быть абсолютно безжалостны. Мы должны быть сильны и отважны. Но сверх того мы должны быть предусмотрительны и изворотливы, мы должны принести в жертву идеализм, который и подвигнул нас начать исход. Это жертва во имя выживания — выживания более высокого идеала...

Аскийоль подумал, стоит ли продолжать. Нет, решил он, сказанного достаточно.

И вновь позволил себе ощутить полное единение с мультиверсумом.

— Где ты? — спросил он вполголоса.— Кто ты?

Он мучительно ощущал свою незавершенность — та не давала ему сосредоточиться, отвлекала внимание от проблемы, которая должна бы занимать все его сознание.

Аскийоль уже связался с Игровым кораблем и теперь с нетерпением ждал сигнала с катера, который его туда доставит. Он встал, прошелся по тесной каюте — свет мерцал и распадался сияющими голубыми, серебристыми и золотыми лучами, вокруг Аскийоля трепетали тени, и казалось, что в каюте одновременно находятся несколько призрачных Аскийолей.

Наконец к борту его корабля пришвартовался катер. Аскийоль прошел через воздушный шлюз в крохотную кабину. Катер быстро долетел до Игрового корабля и, осторожно маневрируя, встал в приемном ангаре. Громадные створки наружного люка захлопнулись, и, не успел Аскийоль выйти, его уже приветствовал Морден.

— Может быть,— начал тот,— с вашей помощью, Аскийоль...

Аскийоль оборвал его, покачав светящейся, как радуга, головой:

— Никаких особых способностей у меня нет. Я могу лишь надеяться, что моя помощь позволит Игрокам продержаться чуть дольше.

— Тогда вот еще что. Зелински хотел бы повидаться с вами. Как выяснилось, каждый из прибывшей с Призрака четверки людей обладает некими специфическими возможностями...

Они торопливо зашагали по коридорам, стуча ботинками по металлу.

— Я сейчас же поговорю с Зелински,— сказал Аскийоль.

Он остановился, когда Морден замедлил шаг у одной из дверей.

— Вот лаборатория Зелински.

— Он у себя?

Вместо ответа Морден повернул ручку и вошел. Зелински поднял глаза, заморгал, когда следом за Морденом вошел Аскийоль.

— Что за честь...— начал он полуиронически.

— Профессор, Лорд Морден сообщил мне, что вы пришли к новым выводам?

— Да, верно, верно. Речь идет об этой женщине, Мери Роффрей. Теперь она не только разумна, она — как бы выразиться... сверхразумна! На Росе что-то произошло с ее сознанием, изменилась сама его природа. Сейчас оно весьма отличается от сознания любого человека, кроме, может быть...

— Меня? — Аскийоль почувствовал вдруг непривычное волнение.— Значит ли это, что она похожа на меня — такого, каким вы меня видите?

Зелински покачал головой:

— Она выглядит совершенно нормальной во всех отношениях, пока не начинаешь анализировать структуру ее мозга. Эта женщина — как раз то, что нам нужно.

И опять Аскийоль задумался о составной картинке-мозаике. Была ли эта женщина той частью, которой так не хватало его сущности? Не воздействовали ли Родоначальники на ее мозг специально, с целью превратить ее в то, чем она стала,— в потенциальное оружие? Он мог только гадать.

Зелински сказал:

— Нападение чужаков на нее вообще не повлияло, да и вызывающие безумие галлюцинации на Росе сами по себе не привели бы к такому результату. Нечто или некто действительно манипулировало ее мозгом. Равновесие его предельно хрупко — с подобным мне никогда не доводилось сталкиваться.

— Что вы имеете в виду? — спросил Аскийоль.

— Ее мозг может находиться лишь в двух состояниях — либо полного безумия, либо невероятного разума,— Зелински помрачнел.— Не хотел бы я оказаться на ее месте. Мы только что направили ее к О'Хара на ускоренный курс обучения. Но участие в Игре может необратимо разрушить ее сознание, сбить равновесие раз и навсегда.

— Вы хотите сказать, что она может стать совершенно безумной?

— Да.

Аскийоль задумался.

— Мы должны использовать ее,— сказал он наконец.— Слишком высока ставка.

— Муж Мери, Роффрей, возражает против этой идеи, но сама она, кажется, с радостью принимает ее.

— От него одни неприятности, от этого Роффрея,— вмешался Морден.

— От него и в этом деле будут неприятности?

— Он выглядит смирившимся, что ему несвойственно. Участие в Игре, по-видимому, изменило его. Неудивительно...

— Я должен повидаться с ней,— перебил его Аскийоль, давая понять, что разговор окончен, и повернулся к выходу.

До чего же долгим был переход к Игровому залу! Теперь Аскийолю не терпелось увидеть Мери,-не терпелось отчаянно. Он почти бежал.

С тех пор как он и Ринарк отправились на Призрак, их с Мери пути, пусть косвенно, пересекались. Аскийоль никогда не встречался с ней, и все же именно она предоставила Ринарку массу информации, без которой им никогда бы не добраться до Родоначальников. Кем она была — просто марионеткой Родоначальников, которой те воспользовались для помощи его расе, или чем-то большим, чем марионетка?

По-видимому, она не находится в непосредственном контакте с мультиверсумом, и все же именно она должна быть недостающим фрагментом в его мозаике. Ее дар позволил отразить атаку чужаков; сам он подобным даром не обладал. Кое-что его с ней связывало, кое-что разделяло. Дело обстояло так, что каждый из них олицетворял определенные способности, которые мог бы развить в себе Человек. У нее было что-то, чего не было у *него*, у него — что-то отсутствующее у *нее*. Насколько же они похожи?

Вероятно, он выяснит это в ближайшие минуты.

Аскийоль мысленно перебирал имеющуюся информацию. В "бешеном раунде" Игры чужаки были сбиты с толку, и главную роль здесь сыграло сознание Мери: она как бы дирижировала остальными. Все они побывали на Росе и, вероятно, поэтому оказались куда более приспособленными к бою с чужаками, чем любой другой из людей. Следовательно, помимо Мери к Игре надо подключить и тройку остальных.

Но главным в сознании Аскийоля были недавние слова Зелински.

Напряжение последнего раунда либо сделает сознание Мери более совершенным, либо непоправимо разрушит его.

Аскийоль знал, как ему следовало бы поступить, но принять решение было совсем не легко. И пока он размышлял так, исходивший от него свет казался более приглушенным, холодным и менее переменчивым. Лишь раз испытывал он прежде столь глубокую печаль и не думал тогда, что ее суждено изведать вновь.

Не исключено, что он, в сущности, должен обречь на смерть женщину — и лишить себя дара, которым та обладает. Дара, который есть часть его, Аскийоля,— в той же степени, как и ее.

А времени не оставалось, не оставалось ни для чего, кроме немедленных действий. Неумолимо приближался последний раунд.

Они подходили к дверям Игрового зала.

18

В Игровом зале Мери и сидевшая за ней Уиллоу слушали краткий инструктаж, остальные Игроки углубились в самоподготовку к последнему раунду. Им было явно не по себе, выглядели они бесконечно уставшими. Многие даже не подняли глаз, когда Аскийоль резко распахнул дверь и, не закрыв ее, устремился по огромному залу. Тело его казалось составленным из множества светящихся граней — Аскийоль шел, с них срывался свет и струился за ним. Мери обернулась.

— Это вы! — просто сказала она.

На лице Аскийоля отразилось замешательство:

— Разве мы встречались? Я не припоминаю.

— Я видела вас с Ринарком, и не раз, на Росе.

— Но ведь мы к тому времени давно улетели оттуда!

— Я знаю, но Рос необычная планета. Времени там не существует. Да дело и не только в этом.

— А как же еще вы смогли узнать меня?

— Я все время чувствовала, что вы здесь. Пожалуй, даже раньше, чем мы добрались до флота.

— Но, судя по всему, вы в отличие от меня не существуете во всем мультиверсуме. Вот я и думаю: что же могло служить связующим звеном? — Он улыбнулся.— Объяснить такое было бы по силам разве что нашим общим друзьям, Родоначальникам.

— Вероятно, дело обстоит проще,— ответила Мери. Сейчас чувство сопереживания с Аскийолем было сильнее всех чувств, что ей доводилось испытывать.— Мы оба виделись с ними и обрели в результате этого контакта нечто позволяющее нам распознать друг друга.

— Похоже, что так.— Аскийоль кивнул и тут вдруг заметил, что Уиллоу не отрывает от него глаз, полных слез. Он взял себя в руки и напористо заговорил:

— Что ж, мы должны быть в полной готовности. Я намерен руководить данным проектом. Вы, Мери, будете работать под моим началом, используя в силу их возможностей трех остальных — Роффрея, Толфрина и Уиллоу. Попросту говоря, вы будете ведущим Игроком.

Мери посмотрела на партнеров; те уже были на пути в лабораторию, где Зелински и его бригада разрабатывали тактику:

— Вы слышали?

Адам бросил на Мери взгляд страдающего бессловесного животного и опустил глаза:

— Слышали. Всё слышали.

Она посмотрела на Аскийоля, словно обращаясь за советом, но здесь он помочь не мог. Сейчас оба они были в одинаковом положении — Мери по отношению к Роффрею, Аскийоль по отношению к Уиллоу.

Мери чувствовала: близится время, когда ей придется порвать узы, связывавшие ее с мужем.

Аскийоль думал: прошло время, когда его и Уиллоу могло связать то общее, что есть у него с Мери...

Обменявшись взглядами, они, казалось, сообщили это друг другу, не прибегая к словам.

И тут вмешался Зелински:

— Общая готовность! Помните, в предстоящем раунде нам нужна ошеломляющая победа! Этот раунд будет последним, и победа в нем должна быть решающей!

Пятеро во главе с Аскийолем и Мери двинулись к специально подготовленному пульту.

Миссия Зелински и его бригады была окончена, они отошли в сторону.

Пятерка успокаивалась перед Игрой.

Уиллоу и Адаму Роффрею это удавалось с трудом — оба боялись, но боялись разного. Уиллоу боялась, что, выдержав испытание, Мери может обрести сверхразум. Роффрей боялся, что Мери станет безумной, но для него был неприемлем и противоположный исход — он разрушил бы их отношения, прежде чем появилась бы хоть какая-то возможность восстановить их.

Роффрей видел: теперь Аскийоль стал его соперником. Сам Аскийоль вряд ли это сознавал.

Только Толфрина не пугал ни один возможный исход. Он чувствовал, что в любом случае рассчитывает на победу, коль скоро в борьбе за нее Игроки получат столь эффективную поддержку Мери.

Аскийоль, наклонившись к Мери, прошептал: — Помните: я нахожусь в неразрывном контакте с вами, а вы — со мной. Как бы близко вы ни подходили к безумию, не паникуйте. Я позабочусь, чтобы с вами ничего не произошло.

— Спасибо,— улыбнулась Мери.

Они ждали, и напряжение становилось почти невыносимым.

Едва уловимое ощущение, как первое прикосновение скальпеля: чужаки начали зондирование.

— Не ждите их! В атаку! В атаку! — закричал О'Хара.

И вошедший в контакт с Мери Аскийоль стал тут же вычерпывать, выводить на поверхность воспоминания Мери, упрятанные в самых глубоких тайниках ее подсознания; он поступал с ней так, как мог бы поступить разве что смертельный враг.

Но и соскальзывая в головокружительный, тошнотворный водоворот безумия, она понимала: Аскийоль не враг, злоба ему вообще незнакома. Лишь фантастическое самообладание могло заставить его продолжать это занятие — но он продолжал. Он воздействовал на ее сознание, подгонял его, тащил, разбирал на части — и делал это, полностью отдавая себе отчет: в конечном счете может оказаться, что он совершает тягчайшее преступление.

Рядом с Аскийолем обливались потом трое остальных мужчин: они снабжали Мери энергией, которую Аскийоль концентрировал, направляя на атакующих чужаков.

— Вот они, Мери, вы их можете видеть!

Мери подняла остекленевшие глаза на экран.

Да, она их увидела.

И внезапно всю ее словно затопил вал отвратительной тьмы. Докрасна раскаленные иглы впивались в серое вещество ее мозга. Оно напряглось, как струна, но продолжало сжиматься и будет сжиматься, пока она окончательно не сломится. Она больше не могла... Не могла...

Она рассмеялась. Это ведь шутка, просто затянувшаяся. Они там, наверно, все со смеху покатываются.

Она вопила и мяукала, отгоняя бесконечную вереницу демонов и вампиров, с шутовской важностью вступающих в ее разум и проваливающихся в его бесконечных коридорах. Они блудливо хихикали и идиотски скалились, они разворовывали ее интеллект и плоть, они таскали ее взад-вперед за нервы и разнообразили свои забавы, лаская похищенные части тела...

Она перешла в контратаку, как только все поле заполнилось кроваво-красным ощущением — тем же, что и всегда. Его-то она узнала. С ним она была хорошо знакома и ненавидела его пуще всего на свете.

Конец эмоциям — конец жалости к себе — конец любви — конец тоске, и ревности, и бессильной грусти. Сомкнувшаяся, слившаяся в одно целое тройка наделяла своей энергией Мери. Все, что чувствовала она, чувствовали и они. Все, что видела и делала она, видели и делали они. Временами же единение всех пятерых было столь слитным, что все видели то же, что Аскийоль; это придавало им энергии, и всю ее они передавали Мери.

Они атаковали снова и снова, преследуя ненавистного противника, всей мощью объединенного мозга отсылая врагу впечатление за впечатлением.

Участвующие в Игре чужаки реагировали на происходящее так, как если бы в войне, где до сих пор единственным оружием был меч, их вдруг обстреляли из атомной пушки. Они дрогнули под напором атакующих. Дрогнули, изумились и, по непостижимым своим обычаям, восхитились. Но, оправившись от первого потрясения, ответили еще более жесткой контратакой, играя расчетливо и безжалостно.

Откуда-то извне донесся голос, и Роффрей прервал контакт. Кричал О'Хара: "Мы побеждаем, психологи были правы. Она знает алгоритм выигрышной стратегии, каким-то образом она заставляет сознание отсылать обратно именно те воздействия чужаков, которые им наиболее антипатичны. В рамках человеческого опыта такой подход неосуществим. А у нее это выходит!"

Роффрей с искаженным гримасой лицом мельком взглянул на него и опять подключился к Игре. О'Ха-

ра, прежде чем сосредоточиться на Игре, решил немного понаблюдать за ним. Их перевес пусть медленно, но рос — казалось, воодушевление Мери вдохновляет остальных Игроков выкладываться до последнего.

— Вот и пришел наш час,— хрипло сказал О'Хара.— Наш звездный час.

Он взглянул на Мери: страшную маску ее лица, сплошь залитую потом и слюной, окутывали те же мерцающие образы, что окружали сосредоточенное лицо Аскийоля.

Теперь она знала, что выигрывает, *теперь* могла убедиться: чужаки отступают, *теперь* знала: победа в ее руках. И каким бы неистовым и всепоглощающим ни было безумие, как бы ни болели в невыносимой муке ее сознание и тело, присутствие Аскийоля давало ей веру в себя, и она продолжала теснить противника.

И вдруг — обморок, и сразу — голос откуда-то издалека:

— Мери! Мери!

Продолжать было трудно — Аскийоль понимал, что не без его помощи дошла она до такого состояния,— но необходимо. Он положил ладонь на влажные от пота волосы Мери, запрокинул голову, вглядываясь в ничего не выражающие глаза.

— Мери, ты *можешь* отбросить их. Ты *можешь!* — он стал воздействовать на ее сознание, заставляя смотреть на экраны.

Она замолотила кулаками по креслу и вдруг взглянула на Аскийоля,— к его облегчению, разумными глазами.

— Аскийоль,— сказала она,— и как мы жили раньше?

— Мы можем быть одним целым, Мери, прямо сейчас!

Не успел он договорить, как она разразилась воем — нет, хохотом — Аскийоля будто булыжником били по голове. Заслониться бы, сбежать, спастись от того, что сам сотворил, — и все же он опять повернул ее голову к экранам.

Исстрадавшийся Роффрей не сводил с них глаз, но не вмешивался.

Мери стала рычать и царапаться, Аскийолю не удавалось восстановить с ней контакт. Взмахнув рукой, как цепом, она впилась ногтями ему в лицо. Роффрей с некоторым изумлением заметил, что пошла кровь. Он забыл, что во многих отношениях Аскийоль такой же смертный, как и он сам, — во всяком случае, Аскийоль что-то потерял в его глазах.

А тот силился обуздать свою ярость, обратить ее против чужаков, бился над возобновлением контакта с Мери.

Мери беспокойно ворочалась: ее имя обрело самостоятельное существование, замельтешило и унеслось во тьму; и она потянулась за ним.

В остальных секциях зала уже немало Игроков было выбито силой посылаемых чужаками впечатлений. Искаженные чувственные восприятия, которыми их забрасывали, накатывали девятым валом, и даже сильнейшим нелегко было выстоять, уберечь искорку здравомыслия, отплатить чужакам тем же оружием.

Аскийоль попробовал наконец пробиться к сознанию Мери тем способом, который позволял ему устанавливать контакт с чужаками и вести с ними переговоры. Он внедрял в ее сознание впечатления и зрительные образы, заимствованные из собственной памяти. И они представлялись настолько реально, настолько тесно было его сопереживание с этой женщиной, что он почувствовал: собственный разум куда-то ускользает от него. Но он был капитаном команды, он должен был сохранять рассудок — и держался, пока хватало сил; потом распрямился и замер, тяжело дыша.

Те, кто смотрел на него в эти секунды, увидели, как окружающее его свечение беспорядочно замигало и поблекло. Нет, разгорелось опять, стало ярким, как вспышка взрыва...

...И СВЕЧЕНИЕ ЭТО ПОТЯНУЛОСЬ К МЕРИ, КОСНУЛОСЬ ЕЕ. ТАКОЕ ЖЕ СВЕЧЕНИЕ ОБЛЕКЛО ЕЕ ТЕЛО. ВИДИМЫЙ ОБРАЗ МЕРИ РАСЩЕПИЛСЯ, СТАЛ МНОЖЕСТВОМ ОБРАЗОВ.

Аскийоль! АСКИЙОЛЬ! АСКИЙОЛЬ!

Здравствуй, Мери.

Что это?

Возрождение. Теперь ты цельная.

Это конец?

Ни в коем случае!

Где мы, Аскийоль?

На корабле.

Но он...

Другой, я знаю. Смотри!

Она оглядела, фокусируясь на разных плоскостях, своего мужа, девушку, другого мужчину, а те изумленно вглядывались в нее. Все окружавшее их пространство заполнили угловатые, темные образы.

— Адам,— сказала она,— мне так жаль...

— А мне нет, Мери... Так и должно быть. Это удача, поверь мне! — И верно, он улыбался.

В фокусе ее зрения всплыло новое изображение — отчаянно жестикулирующий О'Хара.

— Не знаю, что там с этой женщиной, да мне и дела нет до нее. Все внимание к Игре, иначе мы ее упустим!

Мери включилась в Игру, и сразу же к ней вернулись омерзительные ощущения, но уже как бы пропущенные сквозь фильтр, снимавший их воздействие на сознание.

Понемногу она овладевала ситуацией. Она чувствовала: за ней стоит Аскийоль, ощущала тепло его поддержки. И ринулась в атаку с ничем не сдерживаемой, разнузданной яростью, поражая уязвимые места чужаков, разнося вдребезги сознание противника. Ее направлял Аскийоль, она не могла не чувствовать этого. Толфрин, Уиллоу и Адам сообщали ей энергию, снабжали дополнительными ощущениями, которые она, восприняв и исковеркав, обрушивала на чужаков.

Все больше Игроков выпадало из Игры, медики сбились с ног, вынося их из зала. Теперь оставалось всего пять укомплектованных команд.

Но это было победой! Мери и Аскийоль чувствовали ее с первой же секунды, когда забыли обо всем остальном во имя разгрома врага. Им с самого начала казалось, что они знают о противнике все, знают до такой степени, что боятся уступить ему из жалости.

Они развивали успех, накатывали победным валом, и вскоре со всеми Игроками противника было покончено. Всё, отбой; можно осмотреться.

— Аскийоль, что случилось?

Аскийоль и Мери встретились взглядами с Уиллоу, улыбнулись ей и сказали:

— Таков был план Родоначальников, Уиллоу. Видимо, они, не учитывая в должной мере человеческих слабостей, не отдавали себе отчета и в силе человеческого духа. Уиллоу, вам не из-за чего переживать. Вы сегодня сделали для человечества больше, чем могли когда-либо сделать для любого отдельного человека.

Они повернулись, чтобы воздать должное остальным.

— То же относится и к вам, Роффрей, и к вам, Толфрин. Без вашей помощи нам вряд ли удалось бы одержать верх над разумом чужаков. Сейчас все внезапно сложилось в четкую картину. Был, возможно, определенный замысел в том, что Уиллоу и Толфрин отстали и остались. Был определенный замысел и в решении Роф-

фрея отправиться на Призрак. Если бы не это, мы упустили бы свой единственный шанс.

— Так что все-таки случилось? — вмешался Лорд Морден.— Вы стали единым существом или нет?

— Нет,— Аскийоль с трудом подбирал слова.— Просто дело в том, что, существуя на уровне мультиверсума, мы обретаем способность связывать сознание в некое единое и более мощное образование. Именно так мы и добили противника.

— Очевидно, и это входило составной частью в план Родоначальников. Но они никогда и ни в чем не помогали нам напрямую, в лучшем случае подбрасывали на наши пути некое вспомоществование. Удавалось нам им воспользоваться — а для этого его надо было еще распознать,— тем лучше для нас, не удавалось — мы же и страдали. Здесь мы оказались на грани полного поражения. Если бы мы не обратили внимания на то немногое, что говорило об особых способностях Мери, план ни к чему бы не привел. Но мы ничего не упустили и добились успеха.

— Должно быть, Родоначальники присматривали за мной с самого начала, даже до встречи с тобой,— сказала Мери.

— Родоначальники сознательно усложняли положение людей, которые, по их замыслу, должны были стать исходным материалом для создания новой расы — расы мультиверсума. И ясно для чего: чтобы выжили лишь наиболее приспособленные,— продолжил Аскийоль.

— Как быть с чужаками? Не пора ли сообщить им наши условия? Надо спешить... корабли-заводы...— при всей почтительности Лорда Мордена ему явно не терпелось.

— Конечно,— согласился Аскийоль.— Мери и я вернемся на мой корабль и оттуда свяжемся с ними.

Мери и Аскийоль направились к выходу и удалились, окинув прощальным взглядом тройку партнеров.

— Что, к черту, вы тут видите смешного, Роффрей? — осуждающе сказал Толфрин.

А Роффрей чувствовал полное умиротворение. Такое могло быть от утомления, но, подумал он, причина в другом. Не было в нем больше ни страдания, ни ревности, ни ненависти. Он отошел к большому экрану, теперь опустевшему, и рассеянно уставился на него. Зал неожиданно залил яркий свет — служители, включив все светильники, выносили тела мертвых Игроков.

— Всё, эта Игра не для меня,— покачал головой потрясенный Толфрин.

— Вот ведь беда,— сказала Уиллоу.— Столько наших погибло, как мы-то уцелели?

Эпилог

Аскийоль Помпейский вернулся с Мери-путаницей к себе. Там они чувствовали себя лучше, корабль Аскийоля был более приспособлен к особенностям их обмена веществ.

Здесь Аскийоль снова стал руководить Мери. Сначала они, объединив свои способности, созерцали окружающий их лучезарный мультиверсум.

Затем приступили к зондированию — обнаружению мыслящей материи в уже знакомых слоях мультиверсума,— разыскивая сознания чужаков.

И контакт был достигнут!

Когда вожди чужаков прибыли к ним на корабль, Мери от изумления заговорила человеческим языком: "Боже, до чего же они красивы!"

Изящные, с прозрачной кожей, громадными золотистыми глазами, грациозными движениями, они и впрямь были красивы. И при всем том производили впечатление порочности и крайнего упадка. Вроде больших испорченных детей.

— Родоначальники предупреждали, чтобы я остерегался рас, именуемых ими пессимистами,— сказал Аскийоль,— рас, отчаявшихся когда-нибудь достичь полного осознания мультиверсума, настолько утративших стимул к преодолению своих несовершенств, что и до того ничтожная суть их бытия за тысячелетия разрушилась почти окончательно. Безусловно, это было сказано и о расе чужаков.

Особым своим способом общения они снова вступили в переговоры с чужаками и были изумлены безысходной подавленностью, безусловным признанием права победителей диктовать любые условия.

Чужаки утратили стимул к возвышению над физической ограниченностью и в результате проиграли предмет своей гордости, а с ним и саму гордость.

"Полный разгром — утрата боевого духа — абсолютная безнадежность — заранее уступаем все права, в которые вы желаете вступить..."

Это настроение чуть не явилось последней каплей для и без того утомленных победителей; переполненные состраданием, сообщили они побежденным свои условия.

"Условия принимаем — любые условия приемлемы — у нас нет прав — все ваше — мы никто, лишь ваши послушные орудия..."

Чужаки были настолько привержены правилам Игры, в которую играли веками, а возможно, и тысячелетиями, что могли позволить неведомому противнику делать все, что тому заблагорассудится. Они исповедовали безусловное подчинение победителю. Они не могли оспаривать права победителя. Они настолько остро испытывали позор, что могли умереть от него, и в то же время — ни следа ожесточенности, ни следа обиды или оскорбленного достоинства...

Аскийоль и Мери решили по возможности облегчить их участь.

Чужаки удалялись.

Суждено ли когда-нибудь увидеть их снова? Когда темные сферы их кораблей уносились вдаль, Аскийоль и Мери отправили чужакам любезное мысленное послание, в котором превозносили их мастерство и отвагу, но ответа не получили. Те знали, что разбиты, и никакие восхваления дела не меняли. Они передали победителям координаты планет, пригодных для заселения людьми,— при этом совершенно не заботясь о себе — и с тем исчезли.

Они не собирались таить злобу, да и не было у них ее. Не планировали втайне возмездие, такое было бы для них немыслимым. Все, что они хотели,— исчезнуть и явиться вновь лишь по требованию своих победителей.

Странный это был народ, у которого надуманный кодекс поведения полностью подменял природные инстинкты.

Когда корабли чужаков исчезли, Аскийоль и Мери прервали контакт с их вождями.

— Надо бы информировать Мордена. Он-то, во всяком случае, будет в восторге,— Аскийоль включил коммуникатор и сообщил Лорду Галактики о своей встрече.

— Я начну отправлять флот на некоторые из пригодных для обитания планет сразу же. Дайте мне на это час,— устало улыбнулся Морден.— Наша взяла, князь Аскийоль. Должен сказать, я был почти готов признать поражение.

— Как и мы все,— улыбнулся в ответ Аскийоль.— Что там с тремя остальными?

— Они вернулись на корабль Роффрея. Думаю, с ними все в порядке. Странное дело, Роффрей и та девушка выглядят совершенно счастливыми. Хотите, я послежу за ними?

— Нет,— Аскийоль отрицательно покачал головой, при этом свечение вокруг нее рассеивалось, изображения разбивались и сливались. На мгновение Аскийоль задержал взгляд на усталом лице Мордена, и тот беспокойно заерзал.

— Мне бы немного поспать по-человечески,— пробормотал он наконец,— но сначала надо проинструктировать флот. Будут какие-нибудь указания?

— Никаких,— Аскийоль отключился.

Когда он и Мери наблюдали в один из иллюминаторов за маневрами флота, победное настроение уже улетучилось.

— Мери, главные дела еще впереди,— сказал Аскийоль,— это, по существу, только начало. Я как-то сравнил человеческую расу с цыпленком, вылупившимся из яйца. Сравнение остается в силе. Мы разбили скорлупу. Мы выжили в мультиверсуме на первом этапе, но переживем ли второй и третий? А ну как где-то здесь некий космический фермер с топором только и ждет, чтобы пустить нас на обед, когда мы нагуляем достаточно мяса?

— Ты смертельно устал,— улыбнулась она.— Я тоже. Не торопись, подумай как следует. Пока у тебя просто депрессия, естественная реакция. Но такого рода эмоции могут нанести ущерб огромной работе, которая нам предстоит.

Аскийоль смотрел на нее с удивлением. Он еще не привык к тому, что у него появился кто-то понимающий его чувства и взгляды.

— Что же делать? — опять заговорил он.— Нам нужен тщательно продуманный план действий. Как только мы совершим посадку на какой-нибудь планете, следует восстановить действие всех гражданских свобод.

Надо основательно пересмотреть Галактический Кодекс. Люди вроде Лорда Мордена благодаря их прагматизму были совершенно необходимы в прошлом, но им никогда не удастся привить нужное нам мировоззрение — таких придется отстранить от власти. В последнее время мы стали жестокой расой — по необходимости. Мери, если мы пустим все на самотек, раса может легко выродиться в нечто худшее, чем она была до исхода. Случись такое, нашей расе уже никогда не помочь. А времени у нас немного. Родоначальники ясно дали понять это, когда Ринарк и я впервые встретились с ними.

Он вздохнул.

— Я помогу тебе,— сказала Мери.— Я знаю, что будет еще трудней, но ведь нас теперь двое. Ты заметил,

как в нашей общей Игре наносили ответные удары Адам и Уиллоу? Среди человечества, должно быть, найдутся десятки таких, как мы, в принципе способных присоединиться к нам. Скоро, возможно всего за несколько поколений, здесь возникнет раса подобных нам, да и сейчас их достаточно, чтобы занять место Родоначальников.

— Их не так много,— возразил Аскийоль.— Большинство людей вполне устраивает существующее положение. И кто может их осудить? Ведь предстоит восхождение по отвесному склону.

— Что ж, это лучший путь к вершине,— улыбнулась Мери.— И помни о чужаках, помни о впечатлении, которое они на нас произвели. Теперь у нас есть пример, до какой степени могли бы мы выродиться. Возможно, было предрешено, что мы должны встретить эту расу, и встреча эта послужит нам напоминанием и предупреждением. Уж с таким-то напоминанием мы вряд ли не оправдаем надежд.

Они сидели, размышляя, а вокруг искрился мультиверсум, такой близкий и надежный. И все это могло стать наследием их расы.

Аскийоль тихонько засмеялся:

— Знаешь, в "Генрихе IV" есть сцена, в которой Фальстаф узнаёт, что принц Хел, его старый собутыльник, стал королем. Он призывает к себе друзей и говорит им: настали добрые времена, недаром он "наместник фортуны", король будет чтить их и позволит им безнаказанно вытворять что угодно. Но вместо этого король изгоняет Фальстафа как шута и смутьяна*. Фальстаф осознаёт, что дела повернулись не к лучшему, а к худшему. Я подчас задумываюсь, уж не такой ли и я "наместник фортуны" — веду целую расу, обещая то, что не могу гарантировать...

Многоликое лицо Мери ободряюще улыбнулось.

— Пока еще живы Родоначальники. Но и не будь их, Человеку, когда бы он ни приступал к долгому восхождению, неизменно приходилось действовать, не зная возможного исхода своих действий. Ему свойственны колебания, он должен постоянно убеждать себя, что достигнет результатов, даже не представляя, достижимы ли они. И

*Аскийоль не вполне точен. У Шекспира: "Старик, с тобой я не знаком. Покайся! — Седины вовсе не к лицу шутам.— Мне долго снился человек такой — Раздувшийся от пьянства, пьяный, грубый; но я проснулся, и мне сон тот мерзок" ("Генрих IV", часть II, акт V, сцена 5, пер. под ред. А.А.Смирнова) — прим. перев.

тем не менее он на редкость часто добивается успеха. Аскийоль, нам предстоит долгий путь, прежде чем удастся достоверно предсказать исход наших действий. А тем временем надо идти.

— Мы, вероятно, самая оптимистическая раса в мультиверсуме!

Они рассмеялись. И дух Ринарка, который рассеялся среди людей, дабы стать объединяющей силой, казалось, разделяет их радость.

Мультиверсум — волнующийся, вихрящийся, пульсирующий — доставлял им наслаждение изобилием цвета и неоднозначностью. В нем существовали все возможности.

И весь он был — обещание, весь — надежда.

Кит ЛОМЕР

ИСПЫТАНИЕ НА РАЗРУШЕНИЕ

повесть

Keith Laumer

TEST TO DESTRUCTION

ОДИН

Ветер, как и положено в конце октября, хлестал лицо ледяным дождем; Мэллори, подняв воротник, прятался в полумраке поворота на узкую улочку.

— Вот ведь ирония судьбы, Джонни,— проворчал стоявший рядом с ним невысокий человек с мрачным лицом.— Ты, тот самый, кто этим вечером должен был стать Премьер-министром Планеты, крадешься по закоулкам, а Косло со своими громилами пьет шампанское во Дворце Администрации.

— Это-то неплохо, Поль,— сказал Мэллори.— Может, он настолько увлечется празднованием победы, что до меня руки не дойдут.

— А может, и нет,— сказал невысокий.— Пока ему известно, что ты жив и представляешь для него опасность, он не успокоится.

— Дело всего нескольких часов, Поль. К завтраку Косло будет знать, что махинация с его избранием не прошла.

— Но если до того, Джонни, он успеет тебя схватить, всему конец. А без тебя все восстание лопнет как мыльный пузырь.

— Из города я бежать не собираюсь,— отрезал Мэллори.— Да, оставаться здесь в известной мере рискованно, но, чтобы свергнуть диктатора, иной раз приходится идти на риск.

— Но не в *этот* раз. Не следовало тебе самому встречать Крэндолла.

— Если он увидит меня и будет знать, что я неотлучно здесь, это поможет делу.

Не говоря больше ни слова, они ждали появления третьего заговорщика.

ДВА

Составной разум Ри обследовал далекую Солнечную Систему с борта межзвездного дредноута, крейсировавшего в полупарсеке от Земли.

— *Излучение в широком диапазоне длин волн от тела номер три*,— такой импульс направили Воспри-

нимающие клетки 6934 блокам, составляющим сегментированный мозг, управлявший кораблем.— *Модуляции спектров умонастроения с сорок девятого по девяносто первый.*

— *Некоторые параметры бытия на обследуемом теле характерны для экзокосмического манипуляционного разума,*— сделали свой прогноз на основе этих данных Анализирующие.— *Прочие показатели варьируют в общей сложности в интервале от первого уровня по двадцать шестой включительно.*

— *Такая ситуация аномальна,*— размышляли Вспоминающие.— *Суть природы Высшего Разума состоит в уничтожении всех уступающих по развитию конкурирующих мыслящих форм, почему я-мы и систематически истребляем тех, с кем я-мы сталкиваемся в моих-наших исследованиях данного ответвления Галактики.*

— *До перехода к акции необходимо внесение ясности в этот феномен,*— указали Истолковывающие.— *Для извлечения и анализа образца мыслящей единицы потребуется сближение до расстояния, не превышающего одной световой секунды.*

— *В этом случае уровень риска поднимется до Предельной Категории,*— бесстрастно объявили Анализирующие.

— УРОВНИ РИСКА ВПРЕДЬ НЕ ПРИНИМАЮТСЯ ВО ВНИМАНИЕ,— положил конец дискуссии мощный мыслеимпульс Эгона.— СЕЙЧАС НАШИ КОРАБЛИ ВХОДЯТ В НОВОЕ ПРОСТРАНСТВО В ПОИСКАХ ОБЛАСТИ ЭКСПАНСИИ ДЛЯ ВЕЛИКОЙ РАСЫ. НЕУКОСНИТЕЛЬНЫЙ ПРИКАЗ ТОГО-КТО-ВЫШЕ-ВСЕГО ПРЕДПИСЫВАЕТ МОЕЙ-НАШЕЙ АВТОМАТИЧЕСКОЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ СТАНЦИИ ВЫЙТИ НА ПРЕДЕЛ ВОЗМОЖНОСТЕЙ РИ ВО ИСПЫТАНИЕ МОЕЙ-НАШЕЙ СПОСОБНОСТИ К ВЫЖИВАНИЮ И ДОМИНИРОВАНИЮ. ОПАСЕНИЯ НЕДОПУСТИМЫ, ПРОВАЛ НЕПРОСТИТЕЛЕН. А ТЕПЕРЬ Я-МЫ РЕШАЕМСЯ НА ОРБИТУ БЛИЖНЕГО НАБЛЮДЕНИЯ!

В абсолютном молчании, на скорости, уступающей лишь долю километра скорости света, дредноут Ри рванулся к Земле.

ТРИ

Мэллори подобрался — в квартале от них под мертвенным светом фонаря появилась темная фигура.

— Вон наконец и Крэндолл,— зашептал невысокий.— Я рад...— и смолк: вдоль пустынного проспекта понесся рев мощного турбодвигателя. Из боковой улицы вырвался полицейский мобиль и, взвизгнув гироскопами, заложил вираж. Человек под фонарем ринулся бежать — машина подмигнула ослепительно-голубым свирепым глазом автомата. Очередь пуль со смещенным центром тяжести настигла беглеца, отбросила его на кирпичную стену, сбила с ног, прокатила, и тут до ушей Мэллори донесся грохот других автоматов.

— Боже! Они убили Тони! — вырвалось у невысокого.— Нам надо убираться!

Мэллори отбежал на несколько шагов в глубь улочки и замер: в дальнем ее конце появились огни. Он услышал топот сапог по мостовой и хриплый голос, рявкнувший какую-то команду.

— Мы в ловушке!— вскрикнул он.

В шести футах от него оказалась грубо сколоченная деревянная дверь. Он бросился к ней, обрушился всем своим весом. Держится. Отступил, с разгону вышиб ее, втолкнул спутника и ввалился за ним в темноту, пропахшую заплесневелой мешковиной и крысиным пометом. Оступаясь, Мэллори на ощупь преодолел бесконечные просторы захламленного пола, прошел вдоль стены, ткнулся в повисшую на единственной петле дверь. Протиснулся в коридор; скудный свет, сочащийся из полукруглого окна над очередной дверью, на сей раз массивной и запертой, освещал лохмы линолеума на полу. Мэллори помедлил и устремился к двери поменьше в дальнем конце коридора. До нее оставалось футов десять, когда она лопнула прямо посередине, обрушив на Мэллори град щепок, словно когтями располосовавших его пальто. Позади раздался странный звук, будто кто-то давился, и Мэллори, обернувшись, успел заметить, как Поль шмякнулся спиной о стену и свалился с развороченной грудью и выпотрошенным животом — тысяча пуль из полицейского автомата потрудилась как могла.

Сквозь разбитую дверь просунулась рука, зашарила в поисках засова. Мэллори подскочил, ухватился за запястье и, выворачивая его, навалился всем весом, пока не почувствовал, как крошится локтевой сустав. Вопль искалеченного полицейского заглушила новая очередь, но Мэллори уже отпрыгнул и, цепляясь за перила, понесся по лестнице — вверх, прочь. Он перескакивал через пять ступенек, проскочил площадку, заваленную битым стеклом и пустыми бутылками, и оказался в заросшем

паутиной коридоре с покосившимися дверями. Снизу — топот ног, разъяренные выкрики. Мэллори распахнул ближайшую дверь, прижался спиной к стене, замер. По ступенькам бухали тяжелые сапоги; приостановились, пошли дальше — его путем.

Мэллори изготовился и, стоило полицейскому появиться в проеме, рванулся и ребром ладони нанес сильнейший удар, целясь туда, где спина полицейского переходила в шею. Тот удивленно хрюкнул и словно нырнул вперед. Мэллори в прыжке поймал оружие, прежде чем оно ударилось об пол, отступил на пару шагов и выпустил весь магазин в лестничный колодец. Повернулся, чтобы бежать в дальний конец коридора,— снизу загремел ответный огонь.

Занесенная исполином дубина огрела его по боку, вышибла воздух из легких, швырнула о стену. Он пришел в себя, рука нашарила глубокую, обильно кровоточащую царапину. Пуля едва задела его.

Добрался до двери на лестницу черного хода и отпрянул в диком ужасе: из темноты на него с воплем прыгнуло нечто грязно-серое — за мгновение до того, как сверкнула вспышка, в темном пространстве загрохотал выстрел, а штукатурка со стены над головой Мэллори пылью осыпалась на площадку. Плотный мужчина в черной форме Полиции Безопасности одним махом взлетел по лестнице и ошеломленно замер, увидев оружие в руках Мэллори. Прежде чем тот успел прийти в себя, Мэллори обрушил на него разряженный автомат. Полицейский, пересчитав ступеньки, покатился вниз. Кот, спасший жизнь Мэллори, огромный, покрытый боевыми шрамами котяра, простерся на полу; выстрел, который он принял на себя, снес ему полголовы. Единственный оставшийся желтый глаз уставился на Мэллори, когти впились в пол, он и мертвый будто готовился к атаке. Перепрыгнув через сраженного зверя, Мэллори побежал вверх по лестнице. Три пролета, и лестница привела на чердак, заваленный связками газет и прогнившими коробками, из которых при его приближении порскнули мыши. Единственное окно, непрозрачное от грязи. Мэллори отшвырнул уже бесполезное оружие, осмотрелся в поисках аварийного люка — ничего похожего. Невыносимо болел бок.

За дверью послышались неумолимые шаги. Мэллори попятился в угол, и снова раздался визжащий грохот автомата, непрочная дверь вздыбилась и разлетелась на куски. Мгновение тишины и:

— Мэллори, руки вверх и на выход! — прорычал наглый голос.

Во мраке бледное пламя лизало пачки бумаг, занявшихся от града неконвенционных* пуль со стальной оболочкой.

— Выходи, пока не поджарился! — добавил тот же голос.

— Давай-ка сами отойдем,— рявкнул кто-то другой.— Это барахло разгорится, как сушняк.

— Последний шанс, Мэллори! — проорал первый, и тут же объявшее сухую бумагу пламя взревело и взвилось до потолка. Мэллори пробрался вдоль стены к окну, сорвал скрученную занавеску, потряс раму. Не поддалась. Выбив ногой стекло, перешагнул подоконник, ступил на проржавевшую пожарную лестницу. Пятью этажами ниже свет разливался по грязному бетону, выхватывал белые пятна запрокинутых лиц и с полдюжины полицейских мобилей, блокировавших мокрую от дождя улицу. Мэллори оперся спиной о перила, глянул вверх. Пожарная лестница поднималась еще на три, может, на четыре этажа. Он прижал руку к лицу, защищаясь от вала пламени, заставил мучительно ноющие ноги перешагивать сразу через две железные ступени, нести его вверх.

В шести футах над верхней площадкой лестницы нависал карниз. Мэллори встал на перила, ухватился обеими руками за край резного каменного украшения, повис. С секунду раскачивался в девяноста футах над мостовой, затем подтянулся, забросил ногу за ограждение, перекатился на крышу.

Распластавшись, Мэллори всмотрелся в окружавшую его темноту. Над плоской поверхностью торчали только вентиляционная труба и какая-то будка, венчавшая то ли лестницу, то ли шахту лифта. Мэллори отправился на разведку и выяснил, что угол здания занимает гостиница, а к ней примыкает автостоянка. Десятью футами ниже и в шестнадцати футах поодаль — крыша соседнего по улочке дома. Пока Мэллори разглядывал ее, крыша под ногами содрогнулась от тяжкого грохота: один из этажей ветхого строения обрушился,— видимо, огонь пожрал опоры.

Теперь все вокруг было затянуто дымом, со стороны автостоянки над Мэллори взмывали тридцатифутовые

*Не соответствующих Женевской конвенции по "негуманному" оружию — с большой вероятностью смертельного поражения.

языки темного пламени, оставляя в сочившемся дождем ночном небе перевернутый водопад искр. Мэллори подобрался к будке. Металлическая дверь заперта, к стене прикреплена ржавая раздвижная лестница. Он отодрал ее, донес до края крыши, обращенного к улочке. Чтобы разогнуть проржавевшие крепления и полностью раздвинуть лестницу, Мэллори понадобилась вся его сила. Двадцать футов, прикинул он. Может, и хватит.

С трудом удерживая лестницу, Мэллори опустил ее дальний конец на соседнюю крышу. Стоило забраться на хлипкий мостик, как тот сразу же просел. Мэллори лез как мог осторожно; ненадежная опора ходила ходуном, но это его не остановило. До цели оставалось шесть футов, когда он почувствовал, что прогнивший металл сминается под ним, и в неистовом прыжке рванулся вперед. Спасло его только то, что соседняя крыша была ниже. Он ухватился за водосточную трубу и услышал крики, поднявшиеся внизу, когда лестница грохнулась на брусчатку улочки.

— *Скверно,*— подумал он.— *Теперь известно, где я...*

В будке на этой крыше дверь была не заперта. Мэллори открыл ее, спустился по стальной лестнице в темноту, оказался в коридоре, прошел по нему до лестничной клетки. Снизу доносились какие-то слабые звуки.

Когда он спустился до четвертого этажа, внизу показались огни, послышались голоса, топот. Спустился до третьего, там прокрался через холл, вошел в какую-то заброшенную контору; по выцветшим стенам бегали косые тени от установленных внизу прожекторов. Через смежную дверь прошел в комнату, выходящую на улочку. Из лишенного стекол окна тянуло холодным сквозняком, припахивающим дымом. Узкий проход внизу казался безлюдным. Тело Крэндолла исчезло. Поломанная лестница валялась там, куда и упала. До брусчатки, прикинул он, лететь футов двадцать: даже если он повиснет на вытянутых руках и спрыгнет, перелом...

Внизу что-то шевельнулось. Точно под окном, вжавшись спиной в стену, стоял полицейский в униформе. Лицо Мэллори исказилось в волчьем оскале. Одним движением он перебросил тело через подоконник, на секунду повис, полюбовался обращенным к нему испуганным лицом, открытым для крика ртом...

И упал, врезавшись ногами в спину полицейского, чем смягчил падение, откатился, сел, еще не вполне придя в себя. Полицейский распростерся ничком, спина его была как-то неуклюже вывернута.

Мэллори поднялся на ноги — и чуть не свалился от внезапной боли, пронзившей правую лодыжку. Растяжение, а то и перелом. Стиснув зубы от боли, он пошел, держась за стену. Ледяная дождевая вода, переполнив водосточный желоб, кружилась водоворотом у щиколоток. Поскользнувшись, он едва не упал на осклизлую брусчатку. Впереди мрак был не таким густым, должно быть, там примыкающая к зданию автостоянка. Если он сумеет пробраться через нее незамеченным, тогда, может, и не все еще потеряно. Он обязан выиграть — ради Моники, ради ребенка, ради будущего этой планеты.

Еще шаг и еще. В лодыжку будто вонзался стальной шип. От раны в боку при каждом вздохе охватывала нестерпимая боль. Пропитавшиеся кровью рубашка и штанина, холодные как лед, прилипли к телу. Еще футов десять, а там и...

Двое в черных мундирах Полиции Государственной Безопасности заступили ему дорогу, встали, нацелив смертельное оружие ему в грудь. Мэллори оттолкнулся от стены, приготовился принять очередь, которая оборвет его жизнь. Вместо этого туман и дождь пронзил ослепительный луч, направленный прямо в лицо.

— Следуйте за нами, мистер Мэллори.

ЧЕТЫРЕ

— *Контакта до сих пор нет,*— доложили Воспринимающие.— *Сознаниям высшего уровня, что находятся под нами, недостает сплоченности — они трепещут и устремляются прочь, стоит мне-нам их коснуться.*

Инициирующие выдвинули предложение:

— *Используя присущие тем гармоники, можно было бы установить резонансное поле, которое укрепит какое-нибудь из туземных сознаний, функционирующих в аналогичном ритме.*

Я-мы считаем, что наиболее подходящей будет модель следующего типа...— Далее была продемонстрирована сложная символика.

— НЕУКОСНИТЕЛЬНО ПРИДЕРЖИВАТЬСЯ ПРЕДПИСАННОГО ОБРАЗА ДЕЙСТВИЙ,— скомандовал Эгон.— ВСЕ НЕ ОТНОСЯЩИЕСЯ К ДЕЛУ ФУНКЦИИ ПРИОСТАНАВЛИВАЮТСЯ ВПЛОТЬ ДО ДОСТИЖЕНИЯ УСПЕХА.

На темном и неподвижном корабле предельно целе-

устремленные сенсоры Ри приступили к дистанционному обследованию в поисках восприимчивого человеческого разума.

ПЯТЬ

Камера Допросов оказалась совершенно пустым кубом с покрытием из белой эмали. В ее геометрическом центре под слепяще-белой светящейся панелью стояло, отбрасывая фиолетово-черную тень, массивное кресло из полированной стали. С минуту длилась тишина, потом в коридоре застучали каблуки. Дверь отворилась, вошел высокий человек в простом темном мундире без знаков различия, остановился, изучая своего пленника. Широкое обрюзгшее лицо его было серым и мрачным, как надгробный камень.

— Я ведь предупреждал вас, Мэллори,— загрохотал его бас.

— Вы делаете ошибку, Косло,— сказал Мэллори.

— Открыто арестовав народного героя, вы об этом? — Косло скривил пухлые серые губы; так бы улыбался череп.— Не морочьте сами себя. Оппозиционеры без своего лидера не смогут сделать ничего.

— Вы уверены, что в состоянии уже сейчас подвергнуть свой режим такому испытанию?

— А что, ждать, пока ваша партия соберет силы? Я предпочел форсировать события. По способности выжидать мне всегда было далеко до вас, Мэллори.

— Что ж, к утру вы кое-что узнаете.

— И ждать недолго, так ведь? — Почти сомкнув набухшие веки, Косло прищурился на сверкающую панель. Хмыкнул.— К утру я многое узнаю. Вы понимаете, что лично вам надеяться не на что? — Он перевел глаза на кресло.

— Иными словами, я теперь должен расколоться перед вами в обмен на... на что? На очередные ваши посулы?

— В противном случае — вот это кресло,— обыденно сказал Косло.

— Вы очень уж верите в машины, Косло,— больше, чем в людей. В этом ваш главный недостаток.

Рука Косло потянулась приласкать гладкий металл кресла.

— Это исследовательская установка, сконструированная для того, чтобы я мог с минимальными трудностями решать некие специфические задачи. Она приводит нервную систему человека в состояние, способствующее тому, что он все вспоминает; одновременно она усиливает

склонность к подсознательным проговоркам, сопровождающим все виды интенсивной деятельности головного мозга. Кроме того, субъект послушно следует всем словесным сигналам,— он сделал паузу.— Если вы станете сопротивляться, машина разрушит ваше сознание — но не прежде, чем вы выложите мне всё: имена, явки, даты, структуру организации, планы операций — всё. Для нас обоих будет проще, если вы смиритесь с неизбежностью и по доброй воле расскажете то, что мне требуется знать.

— А после того как вы получите эти сведения?..

— Вы же знаете, что мой режим не может мириться с оппозицией. Чем более полной окажется моя информация, тем меньше будет необходимое кровопролитие.

Мэллори покачал головой.

— Нет,— сказал он резко.

— Не валяйте дурака, Мэллори! Это ведь не испытание на вашу человечность!

— А может, оно самое: человек, противостоящий машине.

Косло оценивающе посмотрел на него и кивнул:

— Привязать.

Усевшись в кресло, Мэллори почувствовал, как холодный металл высасывает тепло из тела. Его руки, ноги, торс стянули ремнями. Широкое кольцо, сплетенное из проволоки и пластика, плотно вжало череп во впадину подголовника. От стены камеры за ним наблюдал Фей Косло.

— Готово, ваше превосходительство,— доложил оператор.

— Приступайте.

Мэллори напрягся. Болезненное возбуждение свело кишки. Он слышал об этом кресле, о его способности начисто выскоблить разум, превращая человека в бессмысленно бормочущую куклу.

— *Только свободное общество,*— подумал он,— *способно производить технику, делающую возможной тиранию...*

Мэллори смотрел, как приближается оператор в белом халате, как протягивает руки к панели управления. Оставалась лишь одна надежда: если ему удалось бы побороться с мощью машины, затянуть допрос, задержать Косло до рассвета...

Тысячи игл вонзились в виски Мэллори. Сознание моментально заполнили лихорадочно кружащие образы. Он почувствовал, как горло зашлось в перехваченном крике. Неимоверной силы пальцы вонзились в мозг, выбивая забытые воспоминания, вспарывая залеченные временем

раны. Непонятно каким образом он ясно сознавал, что есть некий голос, задающий вопросы. В горле Мэллори трепетали слова, им не терпелось быть выкрикнутыми.

— *Я должен сопротивляться!* — эта мысль вспыхнула в его сознании и исчезла, увлеченная приливом зондирующих импульсов, несущихся сквозь мозг.— *Я должен продержаться... достаточно долго... чтобы дать шанс другим...*

ШЕСТЬ

На борту корабля Ри панель, окружавшая управляющий центр, мерцала и подмигивала неяркими огнями.

— *Я-мы ощущаем новое сознание, излучающее громадную энергию,*— неожиданно заявили Воспринимающие.— *Но образы в нем перепутаны. Я-мы ощущаем борьбу, сопротивление...*

— ВЗЯТЬ ПОД ЖЕСТКИЙ КОНТРОЛЬ,— приказал Эгон.— ПЕРЕЙТИ НА ОСТРУЮ ФОКУСИРОВКУ И ОТОБРАТЬ РЕПРЕЗЕНТАТИВНУЮ ПРОБУ ЛИЧНОСТИ!

— *Это затруднительно; я-мы ощущаем мощные нервные токи, превосходящие базисные ритмы мозга.*

— БОРОТЬСЯ С НИМИ!

И вновь потянулся разум Ри, незаметно проникая в сложной конфигурации поле, каким было теперь сознание Мэллори, и начало усердно высматривать и усиливать его исходную соразмерность, стимулируя проявление естественной эгомозаики, не подверженной искажающему воздействию контримпульсов.

СЕМЬ

Лицо оператора стало белее мела, когда тело Мэллори недвижно застыло в ремнях.

— Идиот! — розгой хлестнул его голос Косло.— Если он умрет, так и не заговорив...

— Он... отчаянно борется, ваше превосходительство.— Глаза оператора оглядели шкалы приборов.— Ритмы от альфа по дельта включительно в норме, хоть и гипертрофированы,— пробормотал он.— Метаболический индекс 0,99...

Тело Мэллори содрогнулось. Он открыл и вновь закрыл глаза. Пошевелил губами.

— Почему он не говорит? — рявкнул Косло.

— Ваше превосходительство, возможно, потребуется несколько минут на подстройку энергопотоков для обеспечения десятиточечного резонанса...

— Ну так поторопись с этим, парень! Слишком многим я рисковал, арестовывая этого человека, чтобы теперь потерять его!

ВОСЕМЬ

Раскаленные добела неистовой силы пальцы, выросшие из кресла, перешли в атаку по всей длине нервных путей мозга Мэллори — и встретили несокрушимое сопротивление зонда Ри. В этом противоборстве измочаленное самосознание Мэллори швыряло, как лист в бурю.

— *Сопротивляйся!* — Клочок его разума, сохранивший активность, подобрался для отпора и был схвачен, заключен в оболочку, взметен, сметен. Мэллори сознавал, что несется сквозь туман вихрящегося белого свечения, пронзаемый вспышками красных, синих, фиолетовых молний. Ощущал, что громадные силы давили на него, швыряли взад-вперед, растягивали его сознание, как пластичную проволоку, пока оно не протянулось нитью через всю Галактику. Нить стала расширяться, разрослась в мембрану, рассекшую Вселенную надвое. Плоскость мембраны обрела толщину, стала разбухать, поглощая все пространство-время. И еще ощущение, едва уловимое: где-то очень далеко отсюда рыщут в поисках добычи неуемные потоки энергии, стремясь пробиться сквозь непроницаемую силовую оболочку...

Заключающая его сфера ссыхалась, сдавливалась, заставляя сознание сфокусироваться в точку. Он понимал — не понимая, как понимал,— что замкнут в запечатанной душной камере, давящей, пугающей замкнутостью пространства, камере, отсекающей все звуки и ощущения. Набрал воздуха, чтобы крикнуть...

Но дыхание не пришло, лишь слабо запульсировал ужас, да и эта пульсация быстро угасла, будто задавленная чьей-то рукой. Один на один с тьмой, Мэллори ждал, мобилизовав все чувства, следя за окружающей пустотой...

ДЕВЯТЬ

— *Он мой-наш!* — передали Воспринимающие и стихли. В центре камеры запульсировала потоками энер-

гий психоловушка, заточающая и контролирующая плененный образец мозга.

— ИСПЫТАНИЕ НАЧНЕТСЯ СЕЙЧАС ЖЕ,— отмахнулся Эгон от импульсов-вопросов сегментов, углубившихся в теоретизирование.— БУДУТ ЗАДЕЙСТВОВАНЫ ПЕРВИЧНЫЕ РАЗДРАЖИТЕЛИ И ЗАФИКСИРОВАНЫ РЕЗУЛЬТАТЫ. ПРИСТУПИТЬ!

ДЕСЯТЬ

...В другом конце комнаты едва заметно мерцал свет... свет из окна. Он проморгался, приподнялся на локте, под ним заскрипели пружины. Принюхался. В спертом воздухе повис едкий запах дыма. Вроде бы номер дешевой гостиницы. Как он здесь очутился, он не помнил. Сбросил колючее шерстяное одеяло, почувствовал под ногами неровный дощатый пол...

Доски были горячими. Вскочил, подошел к двери, взялся за металлическую ручку — и зашипел от боли. Ладонь пошла волдырями.

Бросился к окну, содрал задубевшие от грязи марлевые занавески, щелкнул шпингалетом, рванул раму. Не поддалась. Отступил, выбил стекло. В пробоину мгновенно вплыл клуб дыма. Обмотав ладонь занавеской, он снес торчавшие осколки, перекинул ногу через подоконник, нашарил пожарную лестницу. Проржавевший металл резал босые ступни. Он спустился ощупью на полдюжины шагов — и отпрянул: внизу дыбилась огненная стена.

Поверх перил он видел улицу, десятью этажами ниже — огни, расплывающиеся по перепачканному сажей бетону, светлые пятнышки запрокинутых бледных лиц. В сотне футов от него покачивалась выдвижная лестница, поднятая к противоположному крылу объятого пламенем здания: заботились не о нем. Он был брошен, отвергнут. Ничто его не спасет. Ибо сорока футами ниже железная лестница, на которой он стоял, становилась адом.

И легче, и быстрее было бы броситься через перила — избежать боли, умереть сразу,— вошла в его сознание ужасающе ясная мысль.

Звяканье, треск — над ним лопнуло окно. Спину обдавал дождь раскаленных угольков. Ступни жгло железо. Он набрал воздуха, прикрыл лицо рукой и ринулся вниз по лестнице сквозь хлещущее пламя...

Он полз, падая на безжалостные стойки и поперечины

ступеней. Боль — по всему лицу, всей спине, рукам,— будто приложили и оставили докрасна раскаленное железо. Краем глаза он видел свою руку, освежеванную, кровоточащую, обугленную...

Ладони и ступни больше ему не принадлежали. Он полз на коленях и локтях, переваливаясь через ребро очередной ступеньки, сползая до следующей лестничной площадки. Лица стали ближе, руки тянулись ему навстречу. Он нащупал перила, встал на ноги, почувствовал, как плавно подается под его весом последний пролет лестницы. Глаза застлала красная пелена. Он чувствовал: с покрытых волдырями бедер слезает кожа. Завопила женщина.

— ...Боже мой, заживо сгорел и все с', с идет! — каркнул чей-то тонкий голос.

— ...бедняга...

— ...руки у него... без пальцев...

Что-то разрасталось, готовое обрушиться на него; удар — или померещилось? — и наступила темнота.

ОДИННАДЦАТЬ

— *Реакция существа оказалась аномальной,*— сообщили Анализирующие.— *Оно чудовищно цепляется за жизнь! Столкнувшись с очевидно неминуемым физическим уничтожением, оно избрало агонию и увечья лишь для того, чтобы несущественно продлить выживание.*

— *Возможно, такая реакция характеризует лишь непривычное проявление бессознательного механизма,*— указали Анализирующие.

— *Если так, существо может оказаться опасным. По данному вопросу требуются дополнительные данные.*

— Я-МЫ ПОВТОРНО ВОЗДЕЙСТВУЕМ НА ОБЪЕКТ,— приказал Эгон.— ПАРАМЕТРЫ СТРЕМЛЕНИЯ К ВЫЖИВАНИЮ ДОЛЖНЫ БЫТЬ ОЦЕНЕНЫ ТОЧНО. ПРОДОЛЖИТЬ ИСПЫТАНИЕ!

ДВЕНАДЦАТЬ

Мэллори скорчился от боли и обмяк в кресле.

— Он что?..

— Жив, ваше превосходительство! Но что-то тут не

так. Я не могу вывести его на уровень дачи показаний! Он одолевает меня с помощью чего-то вроде комплекса собственных фантазий!

— Так избавь его от этого комплекса!

— Я пробовал, ваше превосходительство. Я не могу влиять на него! Выглядит так, будто он перехватывает энергетические ресурсы кресла и использует их для укрепления собственного защитного механизма!

— Пересиль его!

— Попробую — но его мощность фантастична!

— Значит, и мы увеличим мощность!

— Это... опасно, ваше превосходительство.

— Не опасней, чем неудача!

Помрачнев, оператор переключил тумблеры на панели, выводя на более высокую ступень энергопотоки, пронизывающие мозг Мэллори.

ТРИНАДЦАТЬ

— *Объект не неподвижен!* — воскликнули Воспринимающие.— *Мощный поток новых энергий в поле сознания! Моя-наша хватка слабеет...*

— УДЕРЖАТЬ ОБЪЕКТ! НЕМЕДЛЕННО ПРИМЕНИТЬ РАЗДРАЖИТЕЛЬ МАКСИМАЛЬНОЙ УГРОЖАЕМОСТИ!

Пока пленник, вздымаясь, бился с тем, что его сковывало, сегментированный мозг пришельца, собрав все свои силы, метнул новый раздражитель во взбаламученное сознание пленника.

ЧЕТЫРНАДЦАТЬ*

...Жаркое солнце палило спину. На склоне, где укрылся подраненный лев, ветерок играл высокой травой. Путь котяры размечали предательские капли темно-багровой крови, прильнувшие к высоким стеблям. Повыше, пожалуй, под той вот купой колючих деревьев; припал к земле, в щелочках желтых глаз — борьба с мучительной болью от засевшей в груди пули калибра 0,375**; ждет, надеется — вот-вот приблизится мучитель...

*Этот раздел — во многом аллюзия на тему рассказа Э. Хемингуэя "Недолгое счастье Френсиса Макомбера" (1939).

**9 мм.

Сердце его бешено заколотилось под влажной рубашкой цвета хаки. Тяжелая винтовка в руках казалась игрушкой — чего стоит бесполезная эта погремушка в сравнении с первозданной яростью зверя. После первого шага губы его скривились в иронической гримасе. Что он хочет доказать? Если он сочтет за благо отойти назад, сесть под деревом, неторопливо и основательно приложиться к фляжке, скоротать часок-другой, пока котяра не загнется от потери крови, и тогда приступить к поиску тела — кто здесь об этом узнает? Сделал еще шаг — и пошел вперед, более не останавливаясь. Ветерок холодил лоб. Ноги шагали легко, уверенно. Он сделал глубокий вдох, наслаждаясь свежим запахом весеннего воздуха. Никогда жизнь не была так хороша...

И — надрывный астматический кашель — громадный зверь, вырвавшийся из тени, желтые клыки оскалены, под серовато-бурой шкурой ритмично ходят мышцы, вдоль бока — отсвечивающая темно-кровавым чернота...

Он расставил ноги, вскинул винтовку, изготовился — а тот несся в атаку вниз по склону.

— *Далее по правилам,*— сардонически подумал он.— *Целя над самой грудиной, держите на мушке, пока не уверитесь...*

Выстрелил с сотни футов — и в тот же миг зверь резко взял влево. Посланная без упреждения пуля с чмокающим звуком прошла вдоль ребер цели. Зверь прервал побежку. Снова дернулась и пролаяла винтовка, рычащая морда превратилась в окровавленный охотничий трофей с разинутой пастью. Но подыхающее это плотоядное наступало! Он сморгнул застилающий глаза пот, прицелился в нужную точку на плече...

Спусковой крючок заклинило напрочь. Глянул — зажало стреляную гильзу. Попробовал выдернуть ее, не сходя с огневой позиции,— без толку. В последний момент он отпрыгнул в сторону, и чудовище пролетело мимо, замертво грохнувшись в пыль. И внезапно его осенило: если Моника, так и не вышедшая из машины у подножия холма, видела это,— на сей раз она не смеялась над ним.

ПЯТНАДЦАТЬ

— *Реактивный синдром вновь дисгармонирует с любой из известных мне-нам по опыту концепций рационального поведения,*— так Вспоминающие клетки сформулировали парадокс, преподнесенный пленным

сознанием разуму Ри.— *Налицо существо, с беспрецедентной свирепостью цепляющееся за личное выживание — и тем не менее без необходимости подвергающее себя опасностям Чрезвычайной Категории, с тем чтобы соответствовать требованиям некоего абстрактного кодекса сбалансированного поведения.*

— *Я-мы постулируем, что отобранный фрагмент личности в действительности не характеризует того, что является для данного объекта аналогом Эго-на,*— предложили свою версию Размышляющие.— *Очевидно, что фрагмент некомплектен, нежизнеспособен.*

— *Мне-нам следует получить санкцию на выборочное снятие контроля с периферийных областей его поля сознания,*— предложили Инициирующие,— *что позволило бы воздействию раздражителя в большей мере сконцентрироваться на центральной области.*

— *Противопоставив пленному разуму соответствующие энергии, удалось бы выявить его ритмы и подобрать ключ к тотальному контролю над ним,*— быстро оценили Вычисляющие.

— *Этот подход влечет за собой риск разрыва биологических тканей и разрушения данного образца.*

— РИСК ПРИНЯТЬ.

Разум Ри с предельной аккуратностью стал сокращать область зондирования, подгонять ее очертания к форме готового к отпору мозга Мэллори, приводя себя в точное соответствие мощным потокам энергии, истекающим из Дознавательного кресла.

— *Равновесие,*— наконец-то доложили Воспринимающие.— *Однако ба́ланс неустойчив.*

— *Следующее испытание должно быть нацелено на выявление новых аспектов присущего объекту синдрома выживания,*— указали Анализирующие.

Далее была предложена и одобрена модель раздражителя. С борта находящегося на окололунной орбите корабля вновь устремился мыслелуч Ри — с тем чтобы коснуться восприимчивого мозга Мэллори...

...Темнота уступила место смутному свету. Камни под ногами сотрясались от низкого грохочущего звука. За круговертью брызг он разглядел плот и прильнувшую к бревнам фигурку: ребенок, маленькая девочка лет, пожалуй, девяти, сжавшись от страха в комочек, смотрит в его сторону.

"Папа!" — тонким, слабым голоском, полным ужаса. Неистовое течение швыряло плот из стороны в сторону,

ставило на дыбы. Он шагнул, поскользнулся, чуть не упал на осклизлые камни. Ледяная вода кружила водоворотом у колен. В сотне футов ниже по течению река отблескивала металлически-серым, изгибалась вверх и вниз, прикрывая вуалью водяной пыли свое оглушительное падение. Он повернулся к берегу, снова вскарабкался наверх, побежал вдоль реки. Там, впереди, выступала вершина скалы. Может...

Плот подскакивал, кружился в пятидесяти футах. Слишком далеко. Он видел побелевшее личико, умоляющие глаза. Его объял страх, липкий, тошнотворный. Всплыли видения смерти, собственное тело, сброшенное водопадом... мертвенно-белое, на какой-то плите... напудренное, неестественное, покоящееся в подбитом атласом гробу... гниющее в спертом мраке могилы...

Трепеща, он шагнул назад.

На миг его охватило странное, нереальное ощущение: он вспомнил тьму, чувство катастрофической боязни замкнутого пространства — и какую-то белую комнату, у самого своего лица — чье-то лицо...

Он прищурился — и за водяной пылью стремнины его глаза встретились с глазами обреченного ребенка. Жалость обрушилась на него, как дубина. Он застонал, чувствуя очистительное белое пламя гнева, обращенного на самого себя, омерзения к собственному страху. Закрыл глаза и прыгнул как можно дальше, рассек воду, поплыл в глубине, вынырнул, задыхаясь. С каждым гребком плот становился ближе. Почувствовал сильный удар, когда поток швырнул его о камень, задохнулся, когда брызги захлестали по лицу. И подумал: сломаны ли ребра, нечем ли дышать — теперь это не важно. Только бы доплыть до плота прежде чем тот доплывет до кромки водопада, чтобы перепуганный этот человечек смог сойти в необъятную тьму не один...

Его руки вцепились в корявое бревно. Собрав последние силы, он влез, прижал к себе маленькое тельце — и мира не стало, а несущийся навстречу грохот стал оглушительным...

— Ваше превосходительство! Мне нужна помощь! — воззвал оператор к мрачному диктатору.— Энергии, которую я прогнал через его мозг, хватило бы, чтобы убить двух обычных людей,— а он до сих пор сопротивляется! Клянусь — только что он на секунду открыл глаза и будто видел меня насквозь! Я не могу взять на себя ответственность...

— Так сбавь мощность, идиот безмозглый!

— Я не рискну! Сброс убьет его!

— Он... должен... заговорить! — проскрежетал Косло.— Не выпускай его! Сломай его сопротивление! Иначе обещаю тебе долгую и жуткую смерть!

Оператор, дрожа, подкрутил ручки. Мэллори больше не бился в ремнях — он напряженно застыл в кресле, будто человек, полностью ушедший в свои мысли. В самом верху лба, там, где начинают расти волосы, сочился пот, тонкими струйками стекал по лицу.

ШЕСТНАДЦАТЬ

— *В пленном разуме движутся новые потоки,*— встревожились Воспринимающие.— *Ресурсы этого существа ошеломляют!*

— СКОМПЕНСИРОВАТЬ! — приказал Эгон.

— *Мои-наши энергетические ресурсы уже перенапряжены!* — вставили Вычисляющие.

— ПЕРЕБРОСИТЬ ЭНЕРГИЮ ОТ ВСЕХ ПЕРИФЕРИЙНЫХ ФУНКЦИЙ! ДЛЯ МЕНЯ-НАС НАСТАЛ МОМЕНТ ЭКСТРЕМАЛЬНОГО ИСПЫТАНИЯ!

Разум Ри выполнил требование — мгновенно.

— *Пленник удержан,*— известили Вычисляющие.— *Но я-мы указываем, что данная связь ныне стала каналом уязвимости при возможном нападении.*

— РИСК ПРИНЯТ.

— *Даже теперь данный разум старается высвободиться из-под моего-нашего контроля!*

— УДЕРЖАТЬ ЛЮБОЙ ЦЕНОЙ!

Разум Ри бился за восстановление контроля над мозгом Мэллори — беспощадно.

СЕМНАДЦАТЬ

На миг его не стало. В следующее мгновение он уже существовал.

— *Мэллори,*— подумал он.— *Это символ, обозначающий меня-нас...*

Чужая мысль исчезала. Он ухватился за нее, удержал этот символ. *Мэллори.* Он припомнил очертания своего тела, осязательное ощущение от черепа, заключавшего его мозг, ощущения света, звука, тепла,— но здесь-то не было ни звука, ни света. Только всеобъемлющая тьма, непроницаемая, вечная, неизменная...

Но где *"здесь"*?

Он вспомнил белую комнату, грубый голос Косло, стальное кресло...

И могучий рев несущихся на него вод...

И нацеленные на него когти гигантского кота...

И палящую, мучительную боль от пламени, облизывающего все его тело...

Но теперь не было ни боли, ни дискомфорта — вообще никаких ощущений. Значит, это — смерть? Он сразу же отверг эту мысль, сочтя ее нонсенсом.

Cogito ergo sum*. Я — заключен. Где?

Его чувства путались, восставали против пустоты, отсутствия ощущений. Он просочился наружу — и услышал звук: голоса́, умоляющий и требовательный. Они окрепли, отдаваясь эхом в беспредельности.

"...Говори, черт тебя побери! Кто твои главные сообщники? Какой поддержки ожидаешь от армии? Кто из генералов на твоей стороне? Вооружение?.. Структура организации?.. Объекты первых ударов?.."

На фоне этих слов возник слепящий разряд, заполнил Вселенную, стал меркнуть. В течение этого мига Мэллори знал о ремнях, врезающихся в измученное тело, о боли от обруча, стискивающего ему голову, о страдании от судороги в мускулах...

...о невесомом скольжении в море мельканий и проблесков энергии. Голова кружилась все сильнее; он неистово отстаивал стабильность в море хаоса. В коловращении тьмы он нашарил строго ориентированную матрицу, неуловимую — и тем не менее служащую ориентирующей энергетической системой на фоне переменчивых потоков энергии. Он дотянулся до нее, ухватился...

ВОСЕМНАДЦАТЬ

— *Задействовать все аварийные ресурсы!* — такую команду прогнали Воспринимающие через все 6934 сегмента разума Ри и отпрянули, потрясенные.— *Пленное сознание прицепилось к области контакта! Мы не можем освободиться!*

Излучая импульсы чудовищного потрясения от неожиданной выходки узника, пришелец передохнул — не-

*Я мыслю, следовательно, существую (лат.).

долго, наносекунду, необходимую для восстановления межсегментного баланса.

— *Как ни беспрецедентно велика мощь врага, она все же недостаточна, чтобы повредить целостности поля моего-нашего бытия,*— сдерживая волнение, заявили Анализирующие.— *Но мне-нам следует немедленно отступить!*

— НЕТ! Я-МЫ НЕ РАСПОЛАГАЕМ ДОСТАТОЧНЫМ КОЛИЧЕСТВОМ ДАННЫХ, ЧТОБЫ ОПРАВДАТЬ СВОРАЧИВАНИЕ ПЕРВОГО ЭТАПА,— отдал контрприказ Эгон.— ПЕРЕД НАМИ СОЗНАНИЕ, НАПРАВЛЯЕМОЕ ВЗАИМОКОНФЛИКТУЮЩИМИ СТИМУЛАМИ ОГРОМНОЙ МОЩНОСТИ. КОТОРЫЙ ПЕРВОСТЕПЕНЕН? ВОТ В ЧЕМ КЛЮЧ К ЕГО ПОРАЖЕНИЮ.

Составной разум торопливо сканировал сознание Мэллори, выискивая символы, из которых можно было бы составить требуемую гештальтформу*; утекали драгоценные микросекунды.

— *Готово,*— объявили Интегрирующие.— *Но надо указать, что нет сознания, способного долго оставаться неповрежденным в условиях прямого столкновения антагонистических императивов. Следует ли воздействовать данным раздражителем вплоть до точки невозврата?*

— ОТВЕЧАЮ УТВЕРДИТЕЛЬНО.— Интонация Эгона была интонацией предельно решительной.— ИСПЫТАНИЕ НА РАЗРУШЕНИЕ.

ДЕВЯТНАДЦАТЬ

— *Иллюзии это,*— сказал себе Мэллори.— *Меня донимают иллюзиями.*

...Он почувствовал приближение новой мощной волны, надвигающейся на него подобно тихоокеанскому валу. Угрюмо вцепился в свой неприметный ориентир — но обрушившийся удар ввинтил его во тьму.

Очень далеко Инквизитор в маске смотрел ему в лицо.

"Боль на вас не подействовала,— сказал приглушенный голос.— Угроза смерти не тронула. И все же есть один способ..."

*Гештальт — психическая структура, целостное образование, являющееся первичным и основным элементом психики (согласно возникшей в 20-е гг. школе гештальтпсихологии).

Занавес раздвинулся — там стояла Моника, высокая, стройная, трепетно-живая, прекрасная, как лань. И рядом с нею — дитя.

"Нет",— сказал он и рванулся к ним, но узы удержали его. Он беспомощно наблюдал, как грубые руки завладели женщиной, небрежно и бесстыдно прошлись по ее телу. Другие руки стиснули дитя. Он увидел страх на маленьком личике, страх в глазах...

Страх, который ему уже приходилось видеть.

Да, конечно, он уже видел ее. Дитя было его дочерью, драгоценной частью его и этой стройной женщины...

Моники, поправил он себя.

...Видел эти глаза сквозь круговерть брызг, нависшую над водопадом...

Нет. То был сон. Сон, в котором он погибал. И был еще второй сон, с напавшим на него раненым львом...

"Вы останетесь невредимы! — Голос Инквизитора, казалось, доносится откуда-то издалека.— Но навечно унесете с собой воспоминание о том, как их расчленяли заживо..."

Его внимание судорожно вернулось к женщине и ребенку. Он увидел, как обнажают гибкое, загорелое тело Моники. Она стояла гордо, отнюдь не сжималась от страха. Но что теперь ее храбрость? Наручники на ее запястьях приклепаны к крюку, вмурованному в сочащуюся влагой каменную стену. К побелевшей плоти приближалось докрасна раскаленное железо. Он видел, как потемнела и пошла волдырями кожа. Железо вошло до отказа. Сведенная судорогой женщина закричала...

Закричала какая-то женщина.

— Боже мой, заживо сгорел и все еще идет! — каркнул чей-то тонкий голос.

Он опустил глаза. Ни раны, ни шрама. И кожа цела. Откуда же пришло мимолетное и неясное воспоминание о потрескивающих языках пламени, опалявших белого каления болью, когда он втягивал их в легкие...

— Сон, и все,— произнес он вслух.— Я сплю. Мне нужно проснуться!

Он закрыл глаза, затряс головой...

ДВАДЦАТЬ

— Он затряс головой,— задохнулся оператор.— Ваше превосходительство, происходит невозможное — клянусь, этот человек высвобождается из-под контроля машины!

Косло грубо оттолкнул его в сторону. Схватил рычаг управления, отжал его вперед. Мэллори оцепенел в кресле. Хрипло, неровно задышал.

— Ваше превосходительство, этот человек умрет!

— И пусть умрет! Неповиновение мне не сходит с рук никому!

ДВАДЦАТЬ ОДИН

— *Острее фокус!* — такую команду передали Воспринимающие шестидесяти девяти сотням и тридцати четырем энергопроизводящим сегментам разума Ри.— *Соперничество не может длиться долго! Ибо раз мы уже почти упустили пленника!*

Луч зонда сузился, вонзился кинжалом в бьющееся сердце мозга Мэллори, навязывая избранные Ри образы...

ДВАДЦАТЬ ДВА

...девочка захныкала, когда футовой длины клинок приблизился к слабой груди. Державшая нож ручища почти любовно чиркнула им поперек, по испещренной голубыми венами коже. Неглубокая рана засочилась алой кровью.

— Если вы выдадите мне тайны Братства, умрут ваши верные товарищи по оружию,— раздался безликий и монотонный голос Инквизитора.— Но если вы, упорствуя, откажетесь, вашей женщине и вашему ребенку придется выстрадать все, что подскажет моя изобретательность.

Цепи на нем натянулись.

— Не могу я вам рассказать,— прохрипел он.— Как вы не поймете, на этот ужас не стоит идти ни за что на свете! Ни за что...

Что бы он ни сделал, спасти ее не удалось бы. Обреченная, она в страхе припала к плоту. Но он смог присоединиться к ней...

Но на этот раз — нет. На этот раз его не пускали к ней стальные цепи. Он метался в оковах, слезы застилали ему глаза...

Дым застилал ему глаза. Он опустил взгляд, увидел внизу запрокинутые лица. Конечно, легкая смерть предпочтительнее, чем жертвоприношение заживо. Но он прикрыл лицо руками и двинулся вниз...

— Никогда не предавай то, во что веришь! — донесся через тесную темницу звонкий, как труба, голос женщины.

— *Папа! — вскрикнул ребенок.*

— Умираем только раз! — воззвала женщина.

Плот понесся вниз, в кипящий хаос.

— Говори, будь ты проклят! — в голосе Инквизитора зазвучала новая интонация.— Мне нужны фамилии, адреса! Кто твои сообщники? Каковы планы? Когда начнется восстание? Какого сигнала ждут? Где?.. Когда?..

Мэллори открыл глаза. Слепяще-белый свет, впереди — расплывчато-искаженное лицо с вытаращенными глазами.

— Ваше превосходительство! Он очнулся! Он прорвался сквозь...

— Всю энергию в него! Заставь его, малый! Заставь говорить!

— Я... я боюсь, ваше превосходительство! Мы копаемся в могущественнейшем приборе Вселенной — в человеческом мозге! Кто знает, что мы можем вызвать?..

Косло отшвырнул оператора и отжал рычаг управления вперед — до упора.

ДВАДЦАТЬ ТРИ

...Тьма взорвалась ослепительным блеском, а тот преобразился в контуры комнаты. Перед ним какой-то просвечивающий силуэт... да, это Косло. Он следил за тем, как перекошенное лицо диктатора поворачивается к нему.

— Говори же, будь ты проклят!

Голос звучал странно, как-то призрачно, будто принадлежал лишь одному уровню реальности.

— Да,— отчетливо произнес Мэллори.— Я буду говорить.

— И если соврешь,— Косло выхватил из кармана скромного кителя тяжелый автоматический пистолет,— я сам всажу тебе пулю в мозг.

— Мои главные сообщники по заговору,— начал Мэллори,— это...

Он говорил, а тем временем осторожно *отсоединялся* — именно это слово пришло ему на ум — от окружавшего его места действия. Он был осведомлен о происходящем на том уровне реальности, где звучал его голос, выпаливая факты, которых так явно жаждал тот,

другой, человек. И одновременно тянулся, направляя в определенное русло энергию, изливающуюся в него из кресла... перекрывая неизмеримые расстояния, ныне спрессованные в необъятную плоскость. Осторожно обследовал всё более далекие области, вошел в искусно сплетенную сеть живущих энергий. Жал на нее, выискивал слабые места, подбавлял в них энергии...

И выпрыгнул в кошмарное видение какого-то круглого помещения. Вокруг мерцающие и сверкающие шеренги огней. Из тысяч выстроенных в ряды клеток тыкались скругленными безглазыми головами белые червеобразные...

— ОН ЗДЕСЬ! — предостерегающе крикнул Эгон и метнул в контактный канал молнию чистой мыслесилы — и встретил противозалп энергии, опаливший его изнутри, заставивший почернеть и обуглиться замысловатую электрическую схему, организующую его мозг, и оставивший дымящуюся нишу в массе клеток. Мэллори чуть передохнул, ощутил потрясение и замешательство, пронесшиеся по оставшимся без вождя сегментам разума Ри. Почувствовал тягу к смерти, автоматически охватившую их, когда они осознали, что направляющей сверхмощи Эгона не стало. Заметил, как съежился и угас один блок. Потом другой...

— Прекратить! — скомандовал Мэллори.— Принимаю управление комплексом сознания на себя! Сегментам связаться со мной!

Безвольные фрагменты разума Ри подчинились — покорно.

— Сменить курс,— приказал Мэллори. Дал необходимые инструкции и ретировался по контактному каналу.

ДВАДЦАТЬ ЧЕТЫРЕ

— Итак... великий Мэллори раскололся.— Косло раскачивался на каблуках перед плененным врагом. Засмеялся: — На подъем ты был тяжел, но уж когда запел, разливался соловьем. Теперь я отдам приказы, и к рассвету от твоего опереточного мятежа останется разве что гора обугленных трупов, наваленных на площади в назидание остальным!

Он поднял пистолет.

— Это еще не все,— сказал Мэллори.— Заговор пустил более глубокие корни, чем вы, Косло, думаете.

Диктатор провел ладонью по серому лицу. Глаза его выдавали страшное напряжение последних часов.

— Ну так говори,— проворчал он.— Говори сейчас же!

...Произнося эти реплики, Мэллори главное свое внимание уделял другому: он вошел в резонанс с покоренным разумом Ри. Сенсорами корабля он увидел, как прямо по курсу растет бело-голубая планета, та самая. Сбросил скорость корабля, вывел его на протяженную параболическую траекторию, касательную к стратосфере. В семидесяти милях над Атлантикой повторно сбросил скорость, почувствовав — корабль разогревается.

Нырнув под облака, он направил корабль в глубь побережья, полетел над самыми вершинами деревьев, сканируя то, что внизу, чувствительными элементами обшивки...

Бесконечное мгновение он изучал ландшафт под кораблем. И вдруг понял...

ДВАДЦАТЬ ПЯТЬ

— Чего ради ты разулыбался, Мэллори? — зазвучал суровый голос Косло; в голову вопрошаемого был нацелен пистолет.— Поделись шуткой, вызывающей смех у того, кто сидит в кресле смертника, где и место предателям.

— Чуть погодя узнаете...— Мэллори осекся: откуда-то снаружи донесся грохочущий звук. Пол содрогнулся, заходил ходуном, Косло едва удержался на ногах. Послышалось далекое эхо канонады. Настежь распахнулась дверь:

— Ваше превосходительство! Столицу штурмуют! — выкрикнул охранник и рухнул ничком; в спине у него зияла огромная рана. Косло бросился к Мэллори...

Одна из стен камеры прогнулась внутрь и рухнула — будто гром прокатился. В проломе появилось сверкающее торпедообразное тело; сияющая головоломная конструкция из полированного металла стремительно неслась, испуская расходящийся пучок белого с голубизной света. Зажатый в руке диктатора пистолет дернулся, по тесному помещению пронесся оглушительный грохот. Из носа пришельца сверкнул розовый свет. Косло завертелся волчком и всей тяжестью грохнулся на пол.

Семидесятисантиметровый дредноут Ри притормозил перед Мэллори. Выпустил игольно-тонкий луч, прожегший панель управления. С Мэллори спали узы.

— *Я-мы ждем ваших-наших дальнейших распоряжений,*— беззвучно произнес разум Ри в леденящей тишине.

ДВАДЦАТЬ ШЕСТЬ

Со времени референдума, который позволил Джону Мэллори занять кабинет Премьера Первой Всепланетной Республики, прошло три месяца. Мэллори стоял в одном из помещений своих просторных апартаментов во Дворце Администрации и хмуро смотрел на стройную черноволосую женщину, убеждавшую его:

— Джон, я боюсь этой... адской машины, вечно болтающейся неподалеку в ожидании твоих распоряжений.

— Почему же, Моника? Эта адская машина, как ты ее называешь,— именно то, благодаря чему стали возможны свободные выборы, да и сейчас только она сдерживает остатки отрядов Косло.

— Джон...— Она коснулась его пальцев.— С этой... штуковиной, которая всегда у тебя под рукой, ты можешь контролировать все и вся на Земле. Против тебя не выстоять никакой оппозиции!

Она посмотрела ему прямо в глаза:

— Не дело кому бы то ни было иметь такую власть, Джон. Даже тебе. Ни одного человека не следует подвергать такому испытанию!

Его лицо стало каменным:

— Я злоупотребил властью?

— Пока нет. Потому-то и...

— Ты считаешь, что собираюсь?

— Ты — человек с положенными человеку слабостями.

— Я предлагаю только то, что во благо населению Земли,— сказал он резко.— Ты хочешь, чтобы я по своей воле вышвырнул единственное оружие, которое способно защитить нашу дорого доставшуюся свободу?

— Но Джон, кто ты такой, чтобы единолично судить, что во благо населению Земли?

— Я — Председатель Республики...

— Но еще и человек. Остановись — пока ты еще человек!

Он изучал ее лицо:

— Тебе не по нутру мой успех? Чего ты от меня хочешь? Отставки?

— Хочу, чтобы ты отослал машину обратно, откуда бы она ни взялась.

Он коротко хохотнул:

— Ты с ума сошла? Я еще и не начинал извлекать технологические секреты, заложенные в корабле Ри.

— Не готовы мы к этим секретам, Джон. Человечество не готово. Корабль уже изменил тебя. Все, что он может сделать в конечном итоге,— это убить в тебе человека.

— Чепуха. Я полностью его контролирую. Он как бы продолжение моего сознания...

— Джон, ну пожалуйста. Пусть не ради меня или тебя самого — из-за Дианы.

— А ребенок-то здесь при чем?

— Она — твоя дочь. И видит тебя едва ли раз в неделю.

— Такова цена, которую ей приходится платить за то, чтобы быть наследницей величайшего из людей... я к тому, что... черт возьми, Моника, в конце концов с моими обязанностями мне не до соблюдения мещанских приличий.

— Джон...— Ее голос превратился в болезненно громкий шепот.— Отошли его.

— Нет. Я его не отошлю.

Ее лицо побелело.

— Что ж, Джон. Как хочешь.

— Именно. Как хочу.

Она вышла, а Мэллори еще долго стоял у высокого окна, не сводя глаз с крошечного корабля, в молчаливой готовности парящего в воздушной голубизне на расстоянии пятидесяти футов...

— *Разум Ри,*— послал он вызов.— *Прозондировать квартиру этой женщины, Моники. У меня есть основания подозревать, что она замыслила государственную измену.*

Мервин ПИК

МАЛЬЧИК И ТЬМА

повесть

Mervyn Peake

BOY IN DARKNESS

На сегодня торжества закончились. Мальчик чувствовал себя как выжатый лимон. Колесами бесчувственной колесницы ритуал проехал по естественному течению дня и весь его сломал и скомкал.

Хотя Мальчик и был владыкой всех этих гор и долин, пока что у него не оставалось другого выбора, как следовать советам и наставлениям своих сановников. Они водили его по запутанным лабиринтам этого непонятного дома. По их, а не по его воле проводились и все эти странные торжества, изначальное значение которых было давно забыто.

Традиционные подарки ко Дню Рождения были преподнесены Мальчику на столь же традиционном золотом подносе Главным Церемониймейстером. Бесконечной чередой, по колено в воде шествовали перед ним жрецы разных рангов. А он час за часом неподвижно сидел на берегу озера, укрытого, как пологом, тучами комаров и мошек. Все это могло бы стать серьезным испытанием и для взрослого мужчины, для ребенка же это был ад.

Сегодняшний день, День Рождения Мальчика, был вторым из двух самых тяжелых дней в году. Накануне он долго карабкался по крутым склонам горы, чтобы добраться до священной рощи, где ему предстояло посадить четырнадцатый ясень, ибо сегодня ему исполнялось четырнадцать лет. И это была далеко не простая формальность, так как ему пришлось работать совсем одному, одетому лишь в длинный серый плащ и шляпу, больше похожую на шутовской колпак. Спуск вниз оказался еще труднее — он постоянно спотыкался и падал, разбив себе все колени и исцарапав руки, так что к тому времени, когда он остался наконец один в своей маленькой комнате с окнами, выходящими на вымощенную красным камнем площадь, его разбирала какая-то первобытная злоба.

Но сейчас, вечером второго дня, Дня его Рождения (заполненного столь несметным количеством идиотских церемоний, что все в нем трепетало: мозг — от нахлынувших на него нелепых образов, а тело — от усталости), он просто лежал на кровати, закрыв глаза.

Но отдохнуть как следует ему не удалось. А разбудил его и заставил открыть один глаз какой-то посторонний звук, как если бы мотылек бился об оконное стекло. Однако за окном ничего не оказалось, и он совсем было уже опять закрыл глаза, когда его внимание привлекло знакомое пятно плесени на потолке, напоминающее очертаниями остров.

Он рассматривал этот остров с его фиордами и заливами, его бухтами и длинным перешейком, соединяющим северную и южную его половины, несчетное количество раз. Он помнил наизусть контуры полуострова, заканчивающегося цепочкой крошечных островков, похожих на бесцветные бусинки. Он знал все его реки и озера, не раз ставил на якоря свои воображаемые корабли в его безопасных гаванях или, наоборот, уводил их в открытое море во время отливов, обнажавших ужасные рифы, прокладывал курс к новым землям.

Но сегодня он был не в том настроении, чтобы играть в детские игры, и единственное, что занимало его, была муха, медленно ползущая поперек острова. "Ты смотри, какой бесстрашный исследователь",— пробормотал Мальчик себе под нос, и в тот же момент перед его глазами возникли ненавистная гора, и четырнадцать глупейших ясеней, и все эти дурацкие подарки, преподнесенные ему на золотом подносе (затем только, чтобы через двенадцать часов вновь оказаться в сокровищницах дворца), и сотни знакомых лиц, каждое из которых напоминало ему о какой-нибудь обязанности — обязанности, которую необходимо было исполнить в соответствии с ритуалом, так что он забил руками по постели, крича: "Нет! Нет! Нет!", и плакал до тех пор, пока муха не пересекла весь остров с востока на запад. Потом она поползла вдоль береговой линии, не испытывая, по-видимому, никакого желания пускаться в опасное плавание по морю-потолку.

Хотя только крохотная часть его сознания была занята наблюдением за мухой, но Мальчик вдруг понял, что видит себя этим насекомым, что исследование становится для него чем-то бóльшим, чем просто слово, чем-то неотделимым от опасностей и одиночества. И тут его полностью захватила мысль о восстании — восстании не против какой-то конкретной личности, а против мертвого круга символов.

Он страстно желал (теперь он понял это) обратить свой гнев в какое-то действие — вырваться из замкнутого круга заранее обусловленных поступков, попытаться получить если не окончательную свободу, то свободу

хотя бы на день. На день... На один восхитительный день восстания!

Восстание! На меньшее он был не согласен.

И вправду ли он грезил столь смелым шагом? Разве он забыл все обещания, которые давал еще давно, совсем маленьким, да и потом, по всяким подходящим случаям? Все торжественные клятвы, которые привязывали его невидимыми нитями к этому дворцу?

И тут где-то между лопатками у него забегали мурашки, словно там отрастали крылья, и он услышал шепот, становящийся все громче и настойчивее: "Ведь это совсем ненадолго. В конце концов ты всего лишь мальчик. Какие радости ты видел в жизни?" Он приподнялся на кровати и не сдержал громкого крика:

— О, будь проклят этот замок! Будь прокляты эти законы! Будь проклято все! — Он увидел себя сидящим на краю постели, и сердце его бешено колотилось. Мягкий золотистый свет пробивался в комнату через окно, сгущаясь в некую дымку, и сквозь эту дымку угадывался двойной ряд знамен, колышущихся на крышах в его честь.

Мальчик глубоко вздохнул, обвел взглядом комнату, и этот взгляд остановился на чьем-то лице с горящими глазами. Совсем молодом лице, хотя лоб уже был изрезан глубокими морщинами. На шее висел пучок индюшачьих перьев.

Собственно, по этим перьям он понял, что смотрит на самого себя, и, отворачиваясь от зеркала, сорвал с шеи нелепый амулет. Он должен был всю ночь проходить с этими перьями — с тем чтобы на следующее утро вернуть их Наследному Перьехранителю. Соскочив с кровати, Мальчик долго топтал ногами рассыпавшуюся в труху реликвию, а затем пинком загнал ее в дальний угол.

И снова на него накатили жажда действия и мысли о побеге. О побеге куда? И когда? Когда? "Черт возьми, да сейчас! Сейчас! Сейчас! — уговаривал голос.— Вставай и уходи. Чего ты ждешь?"

Но у Мальчика, так рвавшегося уйти подальше отсюда, что всего его трясло, был холодный ум, совсем не детский. Сейчас перед ним стоял вопрос, который было нелегко решить: уходить немедленно, днем, или дождаться темноты? На первый взгляд стоило подождать захода солнца и взять в союзники ночь, чтобы под ее покровом пробраться лабиринтами замка, которые он изучил так хорошо, на улицу, освещенную только светом звезд, и идти... идти.

Но, несмотря на явные выгоды ночного бегства, оставалась опасность заблудиться или угодить в руки стражи.

Хотя ему едва исполнилось четырнадцать лет, у него было достаточно возможностей испытать свою смелость в этом страшном замке, и не раз его охватывал ужас, рожденный не одним лишь молчанием и мраком ночи, но и ощущением, что за ним следят, как будто сам замок или дух этого старинного места шел за ним туда, куда шел он, и останавливался, когда останавливался он; Мальчик всегда чувствовал его дыхание за своей спиной, чувствовал, как кто-то невидимый наблюдает за каждым его движением.

Вспоминая сейчас свои блуждания, он слишком хорошо понимал, насколько страшнее будет для него остаться одному во мраке — на земле, чуждой самой его жизни, в местах, далеких от замка, в котором он все же, хотя и не любил многих его обитателей, всегда был среди своих. Ну что же, во все времена существовали ненавистные вещи, те, что ненавидели — и любили. Так ребенок тянется к тому, что ему незнакомо, привлеченный самим процессом узнавания. Но оказаться в полном одиночестве там, где не знакомо ничто,— этого он боялся и к этому стремился. Что же за восстание без риска?!

Нет. Он не начнет побег во мраке. Это было бы безумием. Бежать надо перед самым рассветом, когда весь замок спит, бежать в предрассветных сумерках, наперегонки с солнцем — Мальчик на земле, а солнце в небесах,— только они вдвоем...

Но как вытерпеть свой характер, медленно ползущую ночь, бесконечную ночь, лежащую впереди? Спать казалось невозможным, хотя поспать было надо. Мальчик выскользнул из постели и решительно подошел к окну. Солнце еще стояло над зубчатым горизонтом, и все вокруг плавало в белесом тумане. Но так продолжалось недолго. Недвижимая картина вдруг стала совсем другой. Башни, еще мгновение назад казавшиеся легкими, почти бесплотными, парящими в золотистом воздухе, теперь, когда погасли последние лучи солнца, стали похожими на черные гнилые зубы.

Дрожь пронеслась над окутанной мраком землей. Вылетели на охоту первые совы. Снизу донесся крик. Слов было не разобрать, но голос звучал сердито. Ему ответил другой. Мальчик высунулся из окна и посмотрел вниз. С такой высоты спорящие казались не больше подсолнечного семени. Раздался удар колокола, затем второй, и вот уже звонило множество колоколов. Их голоса были

разными — суровыми и мелодичными, в одних явственно слышался металл, в других — усталость, тут были колокола страха и колокола гнева, веселые и печальные, грубые и нежные, ликующие и унылые. На малое время они заполнили пространство своим гулом, опустившимся на громаду замка металлической вуалью. Потом звон начал стихать, колокола один за другим замолкали, пока не стало ничего, кроме беспокойной тишины, посреди которой над крышами прошелестел бесконечно далекий неспешный и хриплый голос, и Мальчик у окна услышал, как последние низкие ноты умерли в тишине.

На мгновение Мальчика захватило знакомое величие происходящего. Колокола ему никогда не надоедали. Но тут же, когда он хотел отойти от окна, все они зазвонили вновь, да с такой силой, что заставили его нахмуриться,— Мальчик не мог понять, что это значит. Затем они ударили еще раз, и еще, и только когда затих последний, четырнадцатый удар, стало ясно, что колокола звонят в его честь. На время он совсем забыл о своем особом положении в этом мире, и колокольный звон стал ему напоминанием. Господи, куда деться от этого Дня Рождения?! Казалось бы, любому мальчишке должны быть приятны знаки внимания, которые ему оказывают. Но только не молодому эрлу. Вся его жизнь была отравлена различного рода торжествами, и счастливейшими мгновениями в ней были те, когда он мог остаться один.

Один. Один? Значит — не здесь, но, тогда где? Это лежало за пределами его воображения.

Ночь за окном налилась тяжестью собственной тьмы, прорезаемой лишь крохотными огоньками, мерцающими на склонах тех самых гор, по которым он карабкался вчера, чтобы посадить свой четырнадцатый ясень. Эти далекие искорки как угольки вспыхивали не только на горах — по всей огромной котловине,— но, не внимая этим манящим огням, толпы людей начали заполнять внутренние дворики замка.

Потому что сегодняшняя ночь была Ночью зажаренных быков. Очень скоро вереницы священнослужителей спустятся в гигантскую котловину, а за ними потянутся тысячи людей — верхом на лошадях или мулах, пешком или в повозках,— и станет пуст замок. Пока же по дворам замка в предвкушении праздника с визгом и воплями носились толпы мальчишек.

Эти крики, наполненные восторгом детства, вмиг поломали все планы, которые только что строил Мальчик. Внезапно и без тени сомнения он решился — бежать надо

сейчас, в неразберихе и суматохе происходящего у подножия замка. Сейчас, когда праздник гремит колоколами и полыхает кострами, сейчас, на взлете отваги. Подскочив к двери, Мальчик рывком распахнул ее и побежал. Он торопился, он должен был спешить — избранный им путь был очень рискованным. Ему предстояло не просто пробежать по длинным лестничным маршам. Все нужно было сделать гораздо быстрее и незаметнее.

Вот уже много лет любопытство подталкивало его исследовать все уголки огромного замка, бесконечную череду его пыльных комнат и залов, и в конце концов он нашел не меньше дюжины способов выбраться отсюда, избегая лестниц и оставаясь незамеченным. Пришло время воспользоваться своими познаниями. Поэтому в конце длинного раздваивающегося коридора он не повернул ни направо, на северную лестницу, ни налево — к южной, по которым можно было бы долго-долго спускаться вниз, спотыкаясь на покосившихся, изъеденных червями ступенях, а, ухватившись за обрывок веревки, привязанный к раме крохотного оконца высоко над головой, подтянулся на руках и влез на выступ стены...

Перед ним открылся длинный чердак, балки которого нависли столь низко, что по нему не то что выпрямившись, но и согнувшись было не пройти. Оставалось только пробираться ползком. Дело это было непростое, так как чердак казался бесконечным, но у Мальчика был длительный опыт, приобретенный за многие дни исследований замка.

В противоположном конце чердака он уже давно обнаружил потайной люк, пробравшись через который надо было спрыгнуть вниз на растянутое наподобие гамака одеяло, чуть-чуть не достававшее до пола.

В несколько секунд он пробрался через люк и спрыгнул с одеяла на пол, как заправский акробат. Когда-то за этой комнатой следили — здесь и теперь осталось нечто от былой изысканности, но все в ней уже дышало забвением и мрачностью.

Если бы не распахнутое в ночь окно, делавшее абсолютную темноту комнаты не такой непроглядной, Мальчик не смог бы разглядеть даже своих рук в нескольких дюймах от глаз.

Пробравшись к этому темно-серому прямоугольнику, он быстро вылез через подоконник на улицу и, ухватившись за свисавший из окна канат, начал спуск в никуда.

Очень не скоро он добрался до другого окошка в толстенной стене и, протиснувшись в него, оказался на

лестнице, спускаясь по которой пролет за пролетом он в конце концов очутился в заброшенном зале.

Его появление потревожило сотни крыс, с писком и шорохом бросившихся к своим норам.

Пол в этом когда-то парадном зале уже не был полом в истинном смысле слова, ибо роскошный паркет давно сгнил, все вокруг буйно заросло какими-то блеклыми травами, а проглядывавшая из-под них земля была покрыта множеством холмиков, нарытых кротами, так что все, вместе взятое, напоминало заброшенное кладбище.

Несколько мгновений, сам не зная зачем, он стоял неподвижно и прислушивался. Это было не то место, где хотелось бегать. В окружавшем его запустении и безмолвии присутствовала какая-то смутная тень былого величия, заставлявшая замедлять шаги.

Когда он остановился, вокруг осталась лишь тишина, но постепенно, как будто из другого мира, его слуха достигли далекие голоса детей, столь тихие, что сначала он принял их за жужжание какого-то насекомого.

Он повернул налево, где когда-то была дверь, и в конце длинного коридора увидел крошечный квадрат света размером с ноготь. В этом коридоре его захватило совсем другое чувство — радостное безумие свободного полета покинуло его, теперь он шел крадучись. Потому что в конце коридора был свет. Тусклый красный свет, наводивший на мысли о закате. Он не знал, что это могло быть. Ведь солнце давно село.

До него вновь донеслись голоса, на этот раз громче, хотя слов по-прежнему нельзя было разобрать. И тут он понял.

В замке перекликались дети. Это была их ночь — ночь, заполненная светом факелов. Чем ближе подходил Мальчик, тем их голоса становились громче, и вот он увидел их в дверном проеме: дикая орда маленьких бесенят затопила все вокруг, и ему ничего не стоило незамеченным присоединиться к ним. В наполненной голосами ночи тускло горели факелы, и их дымные отблески отражались на потных лбах и сверкали в горящих глазах. Мальчик долго шел среди них, пока не сообразил, что по древней традиции их путь лежит к Горе Факелов. Тогда он замедлил шаг и, улучив момент, нырнул в переулок, укрытый деревьями, разросшимися вдоль высоких каменных стен. Мальчик опять был один.

К этому времени он удалился от замка на несколько миль, и местность вокруг была ему совсем незнакома. Незнакома, но узнаваема уголком сознания по так опос-

тылевшим ему камням и металлу тянущихся вдоль переулка оград.

Он шел и шел вперед, схватывая краем глаза полузнакомые, полузабытые очертания и формы, останавливавшие на себе взгляд своей необычностью: то пятно на дороге в виде трехпалой лапы, то закрученная в спираль ветка над головой, пока все это не отдалилось от него в небытие и он не остался в полном одиночестве, и не было больше следа или знака, которые могли бы указать ему путь.

Охваченный холодной волной страха, он бросился бежать, но отсвет его факела выхватывал из мрака только обрывки паутины и неподвижных ящериц, застывших на увитых плющом каменных уступах. Не было вокруг ни души, и мертвую тишину нарушали только звуки редких капель да шелест плюща.

Мальчик все время помнил — очутился он здесь потому, что ему опостылело быть узником в собственном замке, пленником бесконечных торжеств, помнил свой гнев и решимость преступить священные законы своего рода и своего королевства... и бессильно топнул ногой. Потому что уже страшился того, что сделал, страшился ночи. И опять он пустился бежать, его шаги гулко отдавались в камне, пока не заглохли на глинистой земле небольшой долины с редкими деревьями, раскинувшими ветви словно в отчаянии. Из-за туч выглянула луна, и Мальчик увидел, что прямо перед ним течет река.

Река. Но какая! Около его замка тоже протекала река, но эта была совсем иной — широкий неторопливый поток без единого деревца по берегам, вяло несущий свои воды, освещаемые угрюмой луной.

Мальчик стоял, разглядывая реку, и вдруг почувствовал за спиной приближение чего-то темного. Он обернулся и увидел псов.

Явившись словно из ниоткуда, они стояли за его спиной сплошной массой. Никогда в своей жизни Мальчик не видел столько их сразу. Конечно, ему случалось встречать в замке бродячих собак, с оскаленными клыками пробиравшихся вдоль стен,— он помнил какие-то смутные тени, изредка поднимавшийся лай, визг и драки. Но эти псы были не такими. Они казались порождением дня и ночи, спокойные, уверенные, с высоко поднятыми хищными длинными мордами, пришедшие из другого, незнакомого мира, где обитали в покинутых домах и заброшенных монастырях, и было их так много, что они покрывали землю, как опавшие листья.

Их вызвала из небытия ущербная луна. Влекомые ею к реке, они и его принуждали идти туда же.

Все в них дышало свирепостью. И хотя ни один из них даже не коснулся Мальчика, ему пришлось дюйм за дюймом отступать к берегу, где дожидалась его утлая лодчонка. Теснимый псами, он забрался в нее, трясущимися руками отвязал цепь и, оттолкнувшись шестом, предоставил суденышко воле волн. Но псы не оставили его в покое. Тут же очутившись в реке, они окружили его лодку, и скоро на освещенных луной волнах качалась целая флотилия — собачьи головы с навостренными ушами и белыми ножами клыков. Но самым страшным казались их глаза — мерцающие, ядовито-желтые без оттенков и, если цвет возможно выразить в моральных категориях, неискоренимо грешные.

Удивленный и напуганный этим странным окружением, Мальчик все-таки чувствовал себя с этой сворой в большей безопасности, чем когда был один. Псы стали его нечаянными попутчиками, и они, в отличие от камня и железа, были живыми. Жизнь ощущалась в них, жизнь, которую Мальчик ощущал и в себе. И он вознес благодарственную молитву, упираясь шестом в илистое дно реки.

Он смертельно устал и очень хотел спать, но не позволял глазам закрыться. Наконец он достиг противоположного берега и, переступив через борт, шагнул в теплую, залитую луной воду. В тот же миг псы развернулись и, подобные темному ковру, уплыли в ночь.

Так он опять остался один, и вместе с одиночеством страх наверняка вновь вернулся бы к нему, не будь Мальчик так измучен. Измучен до того, что, с трудом одолев полосу мелководья, он, едва выбравшись на берег, тут же повалился на траву и уснул мертвым сном.

Мальчик не смог бы сказать, сколь долго проспал, но, когда он пробудился, солнце стояло уже высоко, и все было плохо. Это был чужой воздух. И все здесь было чужим. Еще ночью он понял, что заблудился, но теперь пришло чувство не просто оторванности от родного дома, но чего-то непонятного и чуждого, вставшего между ним и его прошлым. Он не только всем сердцем рвался вернуться — это само собой, но еще больше ему хотелось избежать встречи с тем неведомым, что ждало его впереди. Хотя что именно ждет его там, он не имел ни малейшего представления. Мальчик понимал только, что это будет другим. Все чувства его обострились до предела: зрение стало более острым, будто с глаз спала пелена, вдруг стали доступны неведомые ранее запахи,

которые, хотя и не были неприятными, несли с собой какую-то угрозу.

Пока он спал, лодку его унесло течением, и не оставалось ничего другого, как, повернувшись спиной к реке, устремить стопы к длинной гряде пологих холмов у самого горизонта.

Но каким же зловещим предстало ему все вокруг! Перед глазами мелькали отвратительные серовато-зеленые пятна, напоминавшие слизь, оставленную проползшей гигантской улиткой. Эти пятна были повсюду — на разбросанных там и здесь камнях, на редких островках травы, на земле,— поблескивая в солнечных лучах, как кожа прокаженного.

Не в силах больше выносить этого зрелища, Мальчик обернулся, чтобы бросить прощальный взгляд на реку — она была уже в прошлом, а прошлое не могло причинить вреда. Да и сама река теперь не казалась ему опасной. Что до собак, то ведь и они не сделали ему ничего дурного, разве только вид их, особенно эти глаза, оставил малоприятные воспоминания.

Но взгляд в прошлое не принес ему желанного облегчения. Река изменилась. Теперь она была чем угодно, но никак не другом. Как тяжело больная, с трудом катила она свои воды, скорее напоминавшие сейчас касторовое масло. И Мальчик бросился от нее прочь, как от какой-то отвратительной твари; не оборачиваясь больше и стараясь не смотреть по сторонам, он устремился к манящей взгляд строгой гряде холмов, поросших лесом.

В последний раз Мальчик ел много часов назад, и чувство голода становилось почти непереносимым.

Все вокруг покрывал толстый слой пыли.

Эта мягкая белесая пыль делала звук шагов неслышным. Во всяком случае, до последней минуты Мальчик не имел ни малейшего понятия, что кто-то подбирается к нему. И только когда его коснулась струя зловонного дыхания, он вздрогнул и, отшатнувшись, со страхом воззрился на пришельца.

Такого лица Мальчик не видел никогда в жизни. Оно было слишком большим. Слишком волосатым. Слишком тяжелым. Все в этом лице было слишком, даже до неприличия, как бы напоминая о том, что есть такие уродства, которые лучше не выставлять на публичное обозрение.

Держался незнакомец прямо, даже как бы откинувшись назад, словно готовясь в любой момент отпрянуть. Всю его одежду составлял темный и до нелепости просторный сюртук. Накрахмаленные манжеты, некогда, ви-

димо, белые, были такой длины, что полностью скрывали руки.

Шляпы незнакомец не носил, но ее отсутствие полностью возмещалось массой вьющихся волос, цвет которых Мальчик не мог определить из-за толстого слоя покрывавшей их пыли.

Острые уши существа торчали из-под шапки волос наподобие рожек. Дополняли картину пустые, остекленевшие глаза ужасного мертвенно-белого цвета с такими крошечными зрачками, что казалось, будто их и вообще нет.

Мальчик не мог рассмотреть всё сразу, но одно он знал наверняка: в своем замке ему не приходилось сталкиваться ни с чем похожим. Это было существо какого-то другого порядка. Но что же делало его другим? Вьющиеся волосы, покрытые пылью? Да, они оставляли неприятное впечатление, но ничего чудовищного в них не было. Огромная вытянутая голова? Но почему это само по себе должно казаться отталкивающим или невозможным? Блеклые глаза, почти лишенные зрачков? Ну и что? Зрачки-то ведь все-таки были, хотя и крохотные, но, может, ему больших и не надо?

С какой-то отвратительной неторопливостью существо принялось почесывать одной ногой другую, при этом, правда, доставая чуть ли не до бедра. Но и тут не было ничего плохого.

И все-таки все было плохо. Все было по-другому, и Мальчик посматривал на него с опаской, стараясь утихомирить колотящееся сердце.

Тут пришелец склонил длинную лохматую голову и покачал ею из стороны в сторону.

— Что вам угодно? — спросил Мальчик.— Кто вы?

Существо перестало трясти головой и, пристально глядя на Мальчика, обнажило в усмешке зубы.

— Кто вы? — повторил Мальчик.— Как вас зовут?

Облаченная в черный сюртук фигура откинулась назад, что придало ей необычайно напыщенный вид, и, продолжая сиять улыбкой, ответила:

— Я Козел,— причем таким густым голосом, что звук его, казалось, с трудом пробивался через сверкающие зубы.— Я пришел, чтобы приветствовать тебя, мое дитя. Да-да, приветствовать.

При этом тот, кто назвал себя Козлом, шагнул к Мальчику, но как-то странно, вроде бы вперед, но в то же время и вбок, и стало ясно видно, что его ноги обуты в какие-то копытообразные башмаки, раздвоенные у носка. Мальчик невольно отпрянул назад, не в силах ото-

рвать взгляд от странной ноги пришельца, выделывавшей в пыли какие-то немыслимые движения, замиравшей на время, чтобы дать пыли ссыпаться через раздвоенный носок, и опять принимавшейся шаркать.

— Дитя,— повторил он, не переставая перетряхивать пыль,— не надо меня бояться. Хочешь, я понесу тебя?

— Нет! — крик Мальчика был так пронзителен и громок, что улыбка моментально исчезла с лица Козла, правда всего лишь на мгновение.

— Очень хорошо,— ответил он.— Но тогда тебе придется идти самому.

— Куда идти? Зачем? Мне надо домой,— торопливо повторил Мальчик.

— Именно туда мы и пойдем, дитя,— сказал Козел и как бы в раздумье повторил: — Именно туда мы и пойдем.

— В замок? — спросил Мальчик.— В мою комнату? Где я смогу отдохнуть?

— О нет, не туда,— сказал Козел.— Какой может быть замок?

— Но я хочу отдохнуть,— настаивал Мальчик,— и хочу есть. Я умираю от голода.— Он топнул ногой и пошел на облаченного в сюртук длинноголового, продолжая кричать: — Хочу есть! Хочу есть!

— Для тебя уже накрыты пиршественные столы,— отвечал Козел.— В Железной Зале будет званый обед, и ты первый на нем.

— Первый что?

— Первый гость. Мы так долго ждали тебя. Не хочешь ли погладить мою бороду?

— Ну нет,— сказал Мальчик.— И вообще, не приставайте ко мне.

— О, как жестоко с твоей стороны говорить мне подобные вещи,— сокрушенно проговорил Козел,— мне, самому доброму из всех. Вот подожди, увидишь остальных. Ты как раз то, что им нужно!

Тут Козел принялся хохотать, хлопая себя руками по бокам, так что его широкие белые манжеты метались как птицы.

— Послушай-ка,— давясь густым хохотом, сказал он.— Давай договоримся. Если ты мне кое-что расскажешь, я тебе тоже кое-что скажу. Согласен? — Козел нагнулся и вперил в Мальчика взгляд своих бессмысленных глаз.

— Я не знаю, о чем вы говорите,— прошептал Мальчик,— но если вы не найдете мне какой-нибудь еды, я

никогда в жизни ничего для вас делать не буду. Я возненавижу вас, больше того, я убью вас, да-да, убью, так я голоден. Найдите мне какой-нибудь еды! Найдите хотя бы хлеба.

— Фи! Разве хлеб — это достойная тебя еда? — удивился Козел.— О, дорогой, ни в коем случае. Тебе пристало вкушать инжир, финики, сладкий тростник...— он склонился над Мальчиком, и от его сюртука ощутимо повеяло мочой.— И еще тебе наверняка понравится...

Он не договорил, так как в этот момент у Мальчика подкосились ноги, и он распростерся на земле в глубоком обмороке.

От неожиданности у Козла отвалилась челюсть. Он упал на колени и с самым глупейшим видом затряс всклокоченной головой, с которой при этом поднялось целое облако пыли, долго висевшее под лучами безжизненного солнца. Простояв так некоторое время, он поднялся на ноги и своим обычным манером, вперед и как бы в сторону, отошел на два или три десятка шагов, поминутно оглядываясь, чтобы убедиться, нет ли тут какой ошибки. Но нет. Мальчик лежал там, где он его оставил, все такой же недвижимый. Тогда Козел перевел взгляд на гряду покрытых лесом холмов, почти слившихся с горизонтом. Там что-то двигалось, размером не больше муравья, по большей части на четвереньках, хотя иногда принимая и почти вертикальное положение. Эффект увиденное произвело мгновенный.

Мрачный огонь — одновременно испуга и ненависти — зажегся на мгновение в пустых глазах Козла, и он принялся рыть копытом землю, поднимая целые облака белесой пыли. Затем рысью вернулся туда, где лежал Мальчик, подхватил его на руки с легкостью, заставляющей предположить, что под просторным сюртуком скрывается тело, налитое могучей силой, перекинул как мешок через плечо и припустил к далекому горизонту своей нелепой косой побежкой.

На ходу Козел бормотал себе под нос:

— Прежде всего наш Белоголовый Повелитель, наш несравненный Агнец, единственный во всем свете Агнец, средоточие жизни и любви, и это воистину так, ибо он сам говорит нам так, значит, прежде всего я доберусь до него через все препятствия, чтобы он принял меня, и наградой мне будет ласка в его голосе, и это тоже правда, потому что он сам говорил мне, но это большой секрет, и Гиена не должен знать об этом, Гиена не должен знать... ведь это я, только я нашел его... И Гиена не

должен увидеть ни меня, ни это существо... голодное существо... которое мы ждали так долго... мой подарок Агнцу... Агнцу, нашему господину... белолицему богу, неподражаемому Агнцу...

Так он бежал и бежал бочком, продолжая изливать свои мысли, беспорядочно мелькавшие в затуманенном мозгу. Его неутомимость, казалось, не имела границ. Он не хватал ртом воздух, он даже не запыхался. Только раз Козел прервал свой бег — да и то лишь для того, чтобы почесать голову, нестерпимо зудящую от пыли и расплодившихся паразитов. При этом ему пришлось опустить Мальчика на землю. Поросшие лесом холмы были теперь заметно ближе, и пока Козел скреб голову, поднимая в воздух целые тучи пыли, мелькнувшее прежде вдали существо появилось опять.

Но голова Козла в это время была повернута в другую сторону, и именно несшийся вскачь Гиена увидел его первым. Он тут же остановился как вкопанный и навострил уши. Его взгляд впился в Козла и... что там было еще? Что-то непонятное, лежащее в пыли у козлиных ног.

Поначалу, несмотря на острейшее зрение, он не мог ничего разглядеть, но потом, когда Козел повернулся к Мальчику и поднял того на руки, Гиена рассмотрел человеческое лицо. Это зрелище заставило его с такой силой затрястись от возбуждения, что даже на таком расстоянии Козел что-то почувствовал и начал оглядываться, ища, что же его смутило.

Чувствуя, как что-то вокруг изменилось, но не понимая, что именно,— ничего не было ни видно, ни слышно, Козел опять припустился бежать, по-прежнему неся Мальчика на плече.

Гиена удвоил внимание, так как теперь Козел был не дальше нескольких сотен ярдов от края леса, под пологом которого одинаково трудно выслеживать врага и искать друга.

Но хотя он и внимательно следил за приближением Козла, в общем-то ему было уже понятно, куда именно тот направляется. Гиена знал льстивый и трусливый нрав Козла, никогда в жизни не осмелившегося бы вызвать гнев Агнца. Да, он может держать путь только туда, в самое сердце их страны, туда, где в мертвом молчании застыли Копи.

Так что Гиена преспокойно ждал, не забывая меж тем грызть косточку. Большой любитель лакомого мозга, он всегда имел в кармане запас костей. Челюсти его легко сокрушали любую из них — только за ушами тре-

щало и ходуном ходили желваки. Гиена, в отличие от Козла, считал себя в некотором роде джентльменом и по сему случаю брился чуть ли не по пять раз в день, тем более что щетина на его подбородке и щеках росла быстро и густо. Другим предметом его гордости были длиннейшие руки, сплошь покрытые пятнистой растительностью,— чтобы не скрывать такой красоты, Гиена никогда не носил сюртука, а рубашки выбирал с возможно более короткими рукавами. Но самым примечательным в его облике, несомненно, была грива, волнами ниспадавшая на спину через специальный вырез в рубашке. Хуже было то, что даже брюки не могли скрыть кривизны и коротковатости ног — обстоятельства, которое заставляло Гиену передвигаться скрючившись, а иной раз и вовсе на четвереньках.

Во всем его облике было что-то отталкивающее, причем, как и у Козла, трудно было определить, чем именно вызывалось такое впечатление,— все в них было противно, что по частям, что вместе.

Но у Гиены к общей для этой парочки омерзительности добавлялось еще и явно ощущаемое чувство исходившей от него угрозы. Не столь елейный, не такой тупой, не настолько грязный, как Козел, Гиена был гораздо жестче, кровь быстрее бежала в его жилах, и если в легкости, с которой Козел нес Мальчика на плечах, чувствовалась просто сила, то в Гиене была сила совсем другого рода — животная, скотская. Белоснежная рубашка Гиены, распахнутая на груди, обнажала саму его суть — темную и жестокую. В вырезе ворота горел кроваво-красный рубин, подвешенный на золотой цепи.

Сейчас, в полдень, Гиена стоял на краю леса, не сводя глаз с Козла с Мальчиком на плечах. Мотнув головой, он неторопливо полез в карман и вытащил очередную мозговую кость размером с кулак, на вид совершенно несъедобную, которую тут же и разгрыз своими мощными челюстями с такой легкостью, как если бы это была яичная скорлупа.

Затем, по-прежнему не выпуская Козла из виду, он натянул пару желтых перчаток, снял с сучка над головой трость и, неожиданно резко повернувшись, скрылся между деревьями, стоявшими в полном безмолвии как некий зловещий занавес.

Здесь Гиена сунул трость в свою густую косматую гриву и, опустившись на четвереньки, помчался вперед в одному ему известном направлении. При этом он смеялся, но смех этот был мрачен и вызывал ужас.

Бывает смех, который леденит душу, который звучит как стон и заставляет звонить колокола в соседних городках. Смех, откровенный в своем невежестве и своей жестокости. Сатанинский смех, попирающий святыни и заставляющий свет меркнуть в глазах. Он грохочет, вопит, бредит. И он холоден как лед. В нем нет ни капли добра или радости. Это чистый шум и чистая злоба. Таков был и смех Гиены.

Гиена нес в себе такой заряд звериной силы и грубого возбуждения, что, пока он несся через травы и папоротники, вместе с ним неслось явственно ощутимое волнение. Что-то вроде бы даже слышимое в окружавшей его абсолютной тишине леса, которую не мог нарушить даже этот идиотский и чудовищный хохот, в тишине более мертвой, чем безмолвие преисподней, в тишине, для которой каждый новый взрыв этого хохота был как удар ножа, рассекающий ничтожность молчания.

Но постепенно смех становился все тише, а приблизившись к широкой поляне, Гиена и вовсе заставил себя замолчать. Он бежал очень быстро и не удивился, что ему удалось обогнать Козла на пути того (в чем Гиена не сомневался) к Копям. Уверенный, что ждать осталось недолго, Гиена уселся на валун и принялся приводить в порядок свою одежду, бросая время от времени взгляд в просвет между деревьями.

Ожидание явно затягивалось, и от нечего делать Гиена вновь принялся разглядывать свои длинные, ненормально мускулистые и покрытые пятнами руки. Это занятие всегда доставляло ему удовольствие, что выразилось теперь в некоем подобии ухмылки. Мгновением позже затрещали ломаемые ветви, и на поляне появился Козел.

Мальчик, по-прежнему без сознания, покоился на его плече. Какое-то время Козел стоял неподвижно, но не потому что увидел Гиену, а потому что эта прогалина была приметным местом на дороге к Копям, и он невольно остановился передохнуть. Солнечные лучи падали на его бугристый лоб. Грязно-белые манжеты болтались из стороны в сторону, все так же скрывая пальцы. Его сюртук, казавшийся таким черным в полумраке, сейчас на свету приобрел зеленоватый оттенок плесени.

Гиена, до той поры восседавший на валуне, теперь вскочил на ноги, и каждое его движение вновь говорило лишь о животной силе. Занятый перекладыванием Мальчика на другое плечо, Козел не замечал Гиену, пока резкий звук, похожий на выстрел, не заставил его кру-

тануться на каблуке своего раздвоенного ботинка и в испуге выронить драгоценную ношу.

Этот звук, звук-выстрел, звук — щелканье бича, Козел узнал сразу,— вместе с сопением и чавканьем он был такой же неотъемлемой частью Гиены, как его пятнистая шкура.

— Глупец из глупцов! — вскричал Гиена.— Болван! Деревенщина! Проклятый Козел! Поди сюда, пока я не поставил на твоем грязном лбу еще одну шишку! И тащи с собой что ты нес,— приказал он, указывая на то, что лежало на траве поляны. Ни он, ни Козел не заметили, что Мальчик пришел в себя и разглядывает их сквозь прикрытые веки.

— Гиена, дорогой,— заегозил Козел.— Как прекрасно ты выглядишь, ну прямо как в старые добрые времена... А эти длинные руки, а твоя роскошная грива...

— Оставь в покое мои руки, Козел. Тащи добычу.

— Конечно, конечно. Так я и сделаю,— поспешно согласился тот.— Сейчас и немедленно.— При этом Козел запахнул полы своего сюртука, словно ему сделалось холодно, и бочком двинулся туда, гле неподвижно лежал Мальчик.

— Он сдох, что ли? — поинтересовался Гиена.— Если так, я тебе все ноги переломаю. Мы должны приволочь его живым.

— Мы должны? Так ты сказал? — удивился Козел, нажимая на "мы".— Клянусь всем блеском твоей гривы, Гиена, дорогой, ты обижаешь меня! Это я нашел его, я, Козерог, Козел... Прошу прощения, но и до места доставлю его я!

Гиена словно взбесился. Одним прыжком он достиг Козла и опрокинул его наземь. Волна абсолютной, сильнее его самого, дикой злобы трясла Гиену так, что всего его корчило. Удерживая Козла своими ручищами на земле, он долго топтал его ногами.

Все это время Мальчик лежал не шевелясь, наблюдая за дикой сценой. Душа его трепетала, и он едва сдерживался, чтобы не вскочить и не убежать. Но он понимал, что шансов на спасение у него не было. Даже будь он сыт и здоров, что он мог сделать против Гиены, налитого сатанинской силой и злобой?

А сейчас, когда он лежал на земле чужого мира, не в силах шевельнуться, сама мысль о бегстве казалась смехотворной.

Но все происходящее не минуло без следа. Из отрывочных фраз Мальчик понял, что помимо этих двоих есть

еще и кто-то Другой. Какое-то другое существо — таинственное и непонятное, но явно обладающее некоей властью — не только над кем-то еще...

Между тем Козел, безуспешно попробовав свою силу, сдался на милость Гиены. Он давно изучил эту пятнистую скотину и прекрасно знал, когда можно дать отпор, а когда полезно и смириться. Так что теперь Гиена оставил поверженного Козла и с важным видом принялся разглаживать полы своей белой рубашки. Глаза на его длинном и тощем лице сверкали как-то по-особому мерзко.

— Ну что, хватит с тебя, а? Смотреть противно. И почему он терпит тебя, понять не могу...

— Потому что он слеп,— прошептал Козел.— Ты же знаешь это, Гиена, дорогой. Увы мне, как ты груб.

— Груб? Да я тебя, можно сказать, пальцем не тронул! Конечно, если хочешь...

— Нет, нет, дорогой мой, не надо. Я знаю, ты гораздо сильнее. Я мало что могу против тебя...

— Ты вообще ничего не можешь,— прорычал Гиена.— А ну, повтори, что я сказал.

— Что? — спросил Козел, к этому времени нашедший в себе силы сесть.— Я не совсем тебя понял, Гиена, любовь моя...

— Если ты еще раз назовешь меня своей любовью, я спущу с тебя шкуру,— прорычал Гиена, вытаскивая длинную темную бритву, ярко блеснувшую в солнечных лучах.

— Да... ох... Я знаю. Я видел, как это делается,— сказал Козел.— В конце концов ты мучаешь меня уже много лет, ведь правда? — и он подарил Гиене самую противную из своих улыбок. Затем отвернулся и направился было к тому месту, где лежал Мальчик, но вдруг остановился и крикнул:

— Но это же позор! Ведь это я нашел его, нашел лежащим в белой пыли, это я подкрался к нему и застиг врасплох! Все это сделал я, а теперь должен делиться с кем-то. О Гиена, Гиена! Но ты крут, не то что я, и поступаешь как хочешь.

— И собираюсь поступать так и впредь, не беспокойся,— подтвердил Гиена, кроша зубами новую кость и отфыркиваясь целым облаком белой пыли.

— О, это такая честь для меня,— залебезил Козел,— такая честь!

— И,— добавил Гиена,— будь доволен, что я вообще разрешаю тебе ходить, балбесу этакому.

Последнее замечание заставило Козла почесаться с такой силой, что пыль, взбитая этим действием, на какое-то время совершенно скрыла его из виду. Затем он бросил злобный взгляд на пятнистого компаньона и продолжил свой путь к Мальчику, но, прежде чем он добрался до распростертого тела, Гиена каким-то непостижимым образом — уж не по воздуху ли? — перелетел к лежащему Мальчику и оказался сидящим рядом с ним.

— Видишь мою гриву, ты, насекомое?

— Конечно,— ответил Козел,— ее не мешало бы умастить.

— Замолкни и делай то, что я тебе говорю.

— Что же я должен делать, Гиена, радость моя?

— Заплетай ее!

— О нет,— вскричал Козел,— не сейчас...

— Заплетай гриву!

— Но для чего же, Гиена?

— Заплетай шесть косичек!

— Для чего, мой дорогой?

— Чтобы привязать его мне на спину. Я понесу добычу к Агнцу, и это понравится ему. Так что давай заплетай гриву и привязывай мальчишку. Тогда я смогу бежать, ты, вонючка! Бежать так быстро, как умею только я. Я помчусь быстрее ветра, черного ветра пустыни! Я самый быстрый в мире, быстрее самого быстрого своего врага. А как силен я — самому свирепому льву становится плохо при виде меня, и он уползает прочь на брюхе. У кого еще есть такие руки? Даже великий Агнец когда-то восхищался ими... когда он еще мог видеть. О глупец из глупцов, ты раздражаешь меня. Заплетай гриву! Мою черную гриву! Чего ты ждешь?

— Это я нашел его в пыли, а теперь ты...

Но речь Козла была прервана неким движением, и, повернув голову, Козел увидел, что Мальчик поднимается на ноги. В тот же миг Гиена прекратил глодать свою кость, и на несколько секунд все трое замерли без движения. Вокруг них беззвучно трепетали листья на деревьях. Птиц не было. И вообще казалось, что вокруг нет ничего живого. Сама земля несла на себе печать смерти. Ни одно насекомое не перелетало с травинки на травинку, не ползло с камня на камень. Только солнце лило на землю свой мертвенный жар.

Тем временем Мальчик, несмотря на слабость и испуг, внимательно слушавший спор Козла и Гиены, смог собраться с мыслями.

— Во имя Слепого Агнца,— крикнул он,— приветствую вас обоих! — Он повернулся к Гиене.— Пусть пятна на ваших чудесных руках никогда не поблекнут от зимних дождей и не почернеют под летним солнцем!

Мальчик передохнул, пока сердце его чуть не вырывалось из груди. Его била дрожь от напряжения, но он чувствовал, как внимательно эти двое слушали его.

Он знал, что должен продолжать.

— А какая грива! Сколь блестящи и красивы волосы в ней! С какой черной силой и напором они вырываются из-под снежно-белой рубашки! Пусть ничто не нарушит красоты этой яростной гривы, достойной расчесывания только при лунном свете, когда на охоту вылетают совы. О прекрасное создание! А какие челюсти! Поистине вы должны гордиться их несравненной мощью!

Мальчик повернул голову в сторону Козла и глубоко вздохнул.

— О Козел,— сказал он.— Мы встречались раньше. Я так хорошо помню вас. Было ли это в этом мире или предыдущем? Я помню широту вашей улыбки и ясную отрешенность взора, но что же такое было с вашей походкой? Что-то ведь было? Что-то очень личное. Не пройдетесь ли вы для меня, мистер Козел? От щедрот вашего сердца? Будьте добры, пройдитесь вон до того дерева и обратно. Чтобы я мог вспомнить.

Какое-то время в воздухе висело молчание. Казалось, что Гиена и Козел приросли к месту. Никогда прежде не выливалось на них такое красноречие, никогда прежде не были они так удивлены. Это слабенькое существо, над распростертым телом которого они спорили недавно, теперь стояло между ними.

Затем раздался хохот, страшный и печальный, заполнивший собой все вокруг,— то хохотал Гиена, его тело содрогалось, голова запрокинулась, на шее набухли жилы. Так же неожиданно, как возник, смех оборвался. Свирепая голова опустилась на обтянутые белой рубашкой плечи.

Но повернулась она не к Мальчику, а к Козлу.

— Делай, что тебе говорят! — закричал Гиена.— Ты, пыльный мешок, олух, грязный кретин! Делай, что тебе говорят, пока я не свернул тебе шею! — Гиена повернулся к Мальчику: — Он туп, как лошадиное копыто. Ты только посмотри на него!

— О каком дереве ты говорил?

— О ближайшем, мистер Козел. Как же это вы ходите, не могу вспомнить... А, вот оно, вот оно! Немно-

жечко боком, подобно кораблю при боковом ветре, боком и покачиваясь. О, мистер Козел, истинно странен и привлекателен способ, которым вы передвигаетесь по пескам земли. Бесспорно, оба вы чрезвычайно необычны, и я приветствую вас во имя Слепого Агнца.

— Слепого Агнца,— эхом откликнулась парочка.— Во имя Слепого Агнца.

— А еще во имя его,— продолжал Мальчик,— будьте милосердны — я так проголодался! То, что вы подумали о своей гриве как колыбели для меня, говорит о вашей исключительности. Но я мог бы умереть от такой близости к вам, я не выдержал бы работы ваших мускулов. Ваша чудесная грива слишком густа для меня, биение вашего сердца оставляло бы на мне синяки. Я слишком слаб, но вы так чудесны... так прекрасны... ваша исключительность... не подсказывает ли она вам мысль сделать носилки из веток, в которых вы могли бы понести меня... О, куда же вы хотели понести меня?

— Ветки, ветки! — вскричал Гиена, пропуская вопрос мимо ушей.— Чего ты ждешь? — он наградил Козла тумаком, и оба они принялись обрывать ветки с ближайших деревьев и плести из них носилки. В неподвижном воздухе треск ломаемых ветвей звучал особенно громко и страшно. Мальчик присел рядом, наблюдая за двумя зловещими существами и размышляя, когда и как он сможет удрать от них.

Удрать от них сейчас значило бы обречь себя на голодную смерть. А у того, к кому они хотели отнести его, наверняка есть хотя бы вода и хлеб.

Вдруг Гиена бросил трудиться над носилками и поспешил туда, где сидел Мальчик. Рот его конвульсивно дергался, но членораздельно говорить Гиена не мог. Наконец дар речи вернулся к нему.

— Ты,— вскричал он,— что знаешь ты об Агнце?! О таинственном Агнце? Как ты осмеливаешься говорить об Агнце... Слепом Агнце, для которого мы живем. Мы — это все, что осталось от них... от всех существ, которые населяли землю, от всех насекомых и всех птиц, от рыб соленого океана и животных... Это он изменил их сущность, и все они умерли. Но мы не умерли. Мы стали тем, что мы есть, благодаря силе Агнца и его искусству. Что можешь ты знать о нем, ты, живущий в белой пустыне? Послушай, ты ведь несмышленое дитя! Что можешь ты знать о нем?

— О, я всего лишь иллюзия, порождение его мысли,— отвечал Мальчик.— В действительности меня здесь нет.

Я неподвластен своей воле. Я здесь лишь потому, что он создал меня в своем воображении, но отверг — и я покинул его великий мозг. Он не желал больше владеть мной. Так что отнесите меня куда-нибудь, где можно попить и поесть, и дайте затем идти своим путем.

Тем временем вернулся и Козел.

— Он голоден...— начал было Козел, но тут его бессмысленная улыбка превратилась в гримасу ужаса, ибо откуда-то издалека пришел звук — звук, который, казалось, исходит из невообразимой бездны. Звук тонкий и чистый, как перезвон льдинок. Слабый, далекий и чистый.

На Гиену он подействовал так же, как на Козла. Уши его навострились, шея вытянулась, щеки, которые он так тщательно выбривал каждое утро, смертельно побледнели.

Мальчик, услышавший то же, что и другие, не мог понять, почему столь мягкий и нежный звук вызвал такие неожиданные следствия.

— Что это? — спросил он.— Почему вы так испугались?

После долгого молчания Гиена и Козел ответили в один голос:

— Это проблеял наш хозяин.

...Надежно укрытая от всех, кто мог искать ее, в безжизненной пустыне, где время словно замерло в таинственности и удушье ночи, лежит земля полной неподвижности — неподвижности задержанного дыхания, мрачных предчувствий и ужасных подозрений.

В самом сердце этой земли, там, где не растут деревья и не поют птицы, раскинулась серая пустошь, отливающая металлическим блеском.

Незаметно опускаясь со всех четырех сторон, эта широкая полоса земли как бы понижается к центру, переходя, сначала почти неразличимо, в широкие безжизненные террасы, становящиеся по мере удаления от поверхности все более пологими и широкими, чтобы там, где, казалось бы, должен лежать их центр, превратиться в площадку голого камня. Вся она изрыта чем-то, равно похожим на кратеры вулканов и на шахтные колодцы старых копей, повсюду в беспорядке валяются металлические балки и цепи. И все это нестерпимо сияет в лучах яростного солнца.

И хотя в этом огромном амфитеатре нет ни малейшего движения, все-таки что-то здесь шевелится, глубоко, о, так глубоко под землей. Что-то живое и одинокое, улы-

бающееся само себе, восседающее на троне в громадном склепе, освещенном множеством свечей.

Но, несмотря на их сияние, почти весь склеп погружен в темноту. И контраст между мертвым слепящим светом внешнего мира и полумраком подземного склепа был настолько ошеломляюще резким, что даже такие бесчувственные существа, как Козел и Гиена, всегда замечали его.

Точно так же, хотя они напрочь были лишены чувства прекрасного, при входе в склеп их всегда охватывало изумление и восхищение.

Проводя бóльшую часть своего существования в темных и сырых норах, не позволяя себе зажечь лишнюю свечку, Гиена и Козел однажды взбунтовались. Они никак не могли взять в толк, почему это они не должны пользоваться теми же благами жизни, что и их Повелитель. Но бунт был очень давно, и после этого они навсегда запомнили, что их происхождение несравнимо ниже и что повиновение уже само по себе служит для них наградой. Да и как они смогут выжить без светлого разума Агнца?

Разве не стоит всех испытаний подземного мира сама возможность хотя бы изредка сидеть за одним столом с их императором, смотреть, как он пьет вино, и получать время от времени кость в награду? Или даже высосать из нее немного костного мозга?

При всей грубой и животной силе Гиены в присутствии своего Повелителя он становился слабым и раболепным. Козел же, полностью подчинившийся воле Гиены наверху, в других обстоятельствах мог стать совсем другим существом. Гримаса, заменявшая ему улыбку, почти постоянно блуждала на его длинной физиономии. Его скособоченная походка становилась почти вызывающей, а сам Козел вольно размахивал руками, считая, видимо, что чем дальше из рукавов высовываются манжеты, тем благороднее выглядит их обладатель.

Но эта небрежность в манерах проявлялась не часто, ибо почти всегда они чувствовали зловещее присутствие своего незрячего владыки.

Белый. Белый, как морская пена в лунном свете, как белки ребенка или чело мертвеца, белый, как призрак... белый... как шерсть. Сверкающая шерсть... шерсть!.. в множестве завитков, мягкая и чистая, как у серафима,— вот облик Агнца.

И все это плавало в полумраке, рожденном колеблющимся светом свечей. Размеры склепа были столь вели-

чественны, был он столь погружен в тишину, что даже мерцание огней создавало впечатление шепота.

Но, увы, здесь не было ни зверей, ни птиц, ни даже растений, которые могли бы производить хоть какой-нибудь звук, ничего вообще, кроме Повелителя Копей, Властелина заброшенных штреков и всего мира, погруженного в глубь земли. Но он не производил никакого шума. Он восседал на своем троне недвижен и спокоен. Прямо перед ним стоял стол, покрытый скатертью с искуснейшей вышивкой, а пол был устлан кроваво-красным ковром с необычайно густым и мягким ворсом. Здесь, в этом адском мраке, то, что было блеклым и тусклым на поверхности земли, оборачивалось не просто полным отсутствием цвета, но превращалось в свою противоположность, в буйство красок, причем благодаря свечам и лампадам они оживали, словно все, к чему прикасалось мерцание огней, вспыхивало, излучая свет.

Но вся эта игра красок не трогала Агнца, чьи руки купались в собственном сиянии, еще более заметном из-за мертвенности его глаз, скрытых за пеленой тускло-голубой пленки. В ее голубизне не было безобразия благодаря ангельски-белому цвету лица Повелителя. На этой изящной голове глаза просто казались подернутыми голубоватой дымкой.

Агнец сидел абсолютно прямо, сложив на коленях белые тонкие руки — руки ребенка, одновременно тонкие и пухлые.

Трудно даже вообразить, сколько тысячелетий прошло над этими сложенными руками, как бы ласкающими друг друга, никогда не сжимающимися в порывах страсти, опасающимися не только причинить самим себе боль, но даже чуть сильнее нажать одна на другую.

Грудь Агнца напоминала миниатюрное море — море густых завитков или, скорее, поле белого мягкого ковыля в лунном свете, белого как смерть, неподвижного для глаза, но легко движимого рукой — и смертоносного, потому что прикосновение к груди Агнца не обнаружило бы там, кроме завитков, ничего сущего, ни ребер, ни внутренних органов, только бесконечную, ужасную податливость руна.

В груди его не было сердца. Ухо, приложенное к ней, уловило бы лишь великую тишину, дикость отсутствия, бесконечность пустоты. И в этой полной тишине две руки чуть раздвинулись, и кончики пальцев сошлись в каком-то пасторском жесте, но только на мгновение, чтобы потом опять лечь друг на друга, произведя при этом звук, похожий на отдаленный вздох.

Этот ничтожный звук породил тем не менее в тишине, окружавшей Агнца, десятки отзвуков, разбежавшихся по самым дальним уголкам пустынных галерей и штреков, чтобы там, среди огромных балок и спиральных лестниц, встретиться опять, разбиться еще на сотни маленьких отголосков и в конце концов заполнить неслыханными звуками все это подземное царство. Место запустения и покинутости. Казалось, что от берегов, некогда кипевших жизнью, навсегда ушла животворная влага.

Было время, когда пустынные и уединенные места полнились надеждой, волнением, разного рода предположениями о том, как изменить мир. Но времена эти канули в прошлое, а то, что осталось, напоминало обломки кораблекрушения. Вокруг был искореженный металл — закрученный в спирали, вздымающийся могучими арками, поднимающийся ярус за ярусом, ниспадающий в громадные темные колодцы, вырастающий гигантскими лестницами, ведущими из ниоткуда в никуда. Он был везде, бесконечные пространства брошенного металла, умирающего, застывшего в тысячах проявлений смерти. И не было здесь ни крысы, ни мыши, здесь не свисали вниз головами крыланы и не плели паутины пауки. Здесь был только Агнец, восседавший на своем троне со слабой улыбкой на устах, одинокий в роскоши своего склепа с ковром цвета крови и со стенами, уставленными книгами, которые поднимались все выше и выше — том за томом, и верхние их ряды прятались во мраке.

Но Агнец не был счастлив, потому что, хотя ум его был холоден как лед, душа его или, вернее, то место, где ей следовало быть, страдала. Он помнил все и мог вызвать из небытия время, когда эту погруженную в вечный полумрак преисподнюю заполняли его подданные самых разных форм и размеров, находящиеся на различных стадиях мутации, уже повлекшей ужасающие изменения, но все — со своими характерами, что складывались веками, со своими особыми жестами, осанкой, обликом, своими костными выростами, кожей, шевелюрами или бородами; пятнистые, полосатые, пегие или наоборот — безликие. Он знал их всех. Они сбегались, послушные его воле,— в те счастливые дни мир был полон живых существ, и ему нужно было только позвать, чтобы все они собрались у подножия его трона.

Но те годы процветания давно ушли, и все его подданные столь же давно умерли один за другим в этом невозможном эксперименте. И то, что Агнец все еще мог продолжать свои дьявольские игры, несмотря на слепоту

и мрак, уже само по себе говорило о неугасимой силе его злобы. Нет, дело было не в том, что его глаза закрылись непрозрачной пленкой,— множество смертей было вызвано совсем другой причиной — он хотел превратить людей в животных, а животных в людей. Он и сейчас умел это делать, сохранив способность чувствовать и определять по форме головы человека, какое животное скрывается за его еще человеческим обликом.

Гиена со своей изогнутой спиной, длинными руками, всегда чисто выбритым подбородком, со своей белоснежной рубашкой и ужасной ухмылкой когда-то тоже был человеком — человеком, где-то глубоко в котором были запрятаны те самые свойства, которые сейчас в нем возобладали.

И Козел, который сейчас бочком, бочком все ближе подходил серыми кустами к вызывающим у него дрожь проходам, ведущим в подземное царство, тоже когда-то был человеком.

Потому что величайшим удовольствием для Агнца было унизить чье-то достоинство. Сплетя в один узел страх и самую низкопробную лесть, он принуждал неосторожные жертвы утрачивать волю, а вместе с ней и физическую сущность. Вот тогда-то он и заполучал над ними свою дьявольскую власть, данную ему знанием человеческой природы (...о эти маленькие белые пальцы, как бы порхавшие по костям столь многих трясущихся голов...). Тогда-то они и начинали желать того, что Агнец хотел, чтобы они желали, и становились тем, чем он хотел. Постепенно облик и нрав тех животных, которых они когда-то напоминали, проявлялись все явственней, а с ними возникали и маленькие специфические черточки — интонации в голосе, которых раньше не было, или манера вскидывать голову, как олень, или опускать ее, как курица, бегущая к зерну...

Но Агнец, при всем могуществе своего ума, даже гениальности, не мог долго поддерживать в них жизнь. В большинстве случаев это не играло особой роли, но некоторые из подпавших под его воистину ужасное покровительство превращались в существа с невыразимо идиотскими пропорциями. Но даже не это, а постоянно протекавшая в них борьба между человеческой и скотской сущностью доставляла ему сардоническое наслаждение, сходное с тем, какое доставляют карлики королю. Но ненадолго. Самыми первыми погибли как раз наиболее уродливые, хотя даже сам Агнец не мог сказать, что убивало их или, наоборот, оставляло жить, настолько сложен был процесс превращения.

Никто не знал, какой адский огонь сжигал Агнца, но один только вид человеческого существа заставлял его бледнеть. Так что это было для него не просто развлечением — погубить человеческую душу, подобрать ей ее эквивалент и ее двойника среди всех масок мира,— но и ненависть тоже, глубокая и всепоглощающая ненависть ко всему роду людскому.

Много лет уже прошло со времени последней смерти. Тогда Человек-Паук взывал о помощи, извивался, усыхал на глазах Агнца и Козла и вдруг рассыпался в прах. Для Агнца он был своего рода напоминанием — в тех редких случаях, когда Агнец нуждался в обществе. Паук сохранил остроту ума и время от времени сиживал напротив Агнца за маленьким столиком слоновой кости, ведя интеллектуальные битвы, отдаленно схожие с шахматными баталиями.

Но бедное существо умерло, и весь некогда роскошный двор состоял теперь лишь из Козла и Гиены.

Ничто оказалось не властно над этой парочкой — они жили и жили. Агнец иногда надолго застывал, устремив взгляд в их сторону, и хотя он не видел ничего, но слышал все. Его слух и обоняние были столь остры, что и сейчас, хотя два существа и Мальчик были еще на расстоянии многих миль от него, белый властелин, сидевший абсолютно прямо, со сложенными на коленях руками, слышал шум их шагов и ощущал исходившие от них запахи.

Но что это за едва уловимый и незнакомый дух, достигший Копей вместе с едкими запахами Гиены и Козла? Агнец оставался недвижим, только голова его едва заметно откинулась назад. Молочно-белые уши навострились, а тончайшие ноздри затрепетали со скоростью змеиного языка или крылышек пчелы, садящейся на цветок. Глаза были невидяще устремлены в окружающий мрак. Все вокруг него — и самые темные углы, и корешки книг его библиотеки, на которых плясал свет свечей,— все вокруг стало другим.

Непоколебимый Агнец, никогда не проявлявший своих чувств, неожиданно изменил собственной натуре, не только подняв голову и нарушив тем самым совершенство своей позы, но и, сколь ни казалось это невероятным, чуть заметно вздрогнув.

Причиной тому был запах жизни, становившийся все явственнее, хотя расстояние между Копями и пробиравшейся к ним троицей измерялось многими милями.

А тем временем эти трое, ведомые Гиеной, оставили позади уже немалое расстояние. Безмолвный лес кончил-

ся, и теперь они продирались сквозь заросли какого-то иссохшего кустарника. Жара начала спадать, но это не принесло облегчения Мальчику, плакавшему от голода.

— Что это делают его глаза, мой дорогой? — заинтересовался Козел, вытягивая к Мальчику руку, лишенную, казалось, кисти, столь длинными были его манжеты.— Остановись на минуточку, Гиена. То, что он делает, о чем-то мне напоминает...

— Ну конечно, напоминает тебе, порождение вонючки. О чем бы это?

— Оглянись и посмотри сам своими чудесными умными глазами. Видишь, о чем я говорю? Мальчик, повернись ко мне, чтобы наставники могли насладиться твоим ликом. Взгляни, Гиена, дорогой, разве я не прав? Его глаза полны осколков стекла. Пощупай их, Гиена, пощупай! Они мокрые и теплые — и посмотри, по щекам его течет вода. Это о чем-то мне напоминает. Что это?

— Откуда мне знать? — раздраженно огрызнулся Гиена.

— Смотри,— продолжал Козел,— вот я глажу его веки... Сколь радостно будет Белому Повелителю переделать его!

Необъяснимый смутный страх охватил Мальчика, хотя он и не знал, что Козел имел в виду под словом "переделать". Не понимая толком, что делает, он ударил Козла, но из-за слабости и усталости удар, пришедшийся тому в плечо, был настолько легок, что Козел ничего не почувствовал.

— Гиена, дорогой!

— Ну что тебе, козлиная голова?

— Ты помнишь старые времена?

— Какие еще старые времена? — проворчал Гиена, не переставая работать челюстями.

— Старые-престарые времена, любовь моя,— прошептал Козел, почесываясь с таким остервенением, что пыль повалила с его шкуры, как дым из трубы.— Старые-престарые времена,— повторил он.

Гиена в раздражении потряс гривой:

— Ну и что было в эти старые-престарые времена, ты, дубина?

— Много-много лет назад, десятилетий, веков. Неужели ты не помнишь... еще до того, как нас изменили, еще когда мы не были животными... Ты знаешь, любезный Гиена, мы ведь были, были когда-то...

— Чем мы были? Говори, чертов Козел, или я все кости тебе переломаю!

— Мы были когда-то другими. На твоей изогнутой спине не было гривы. Она очень красива, но когда-то ее не было. А твои длинные руки...

— Что еще с моими руками?

— Ну, они не всегда были пятнистыми, не так ли, дорогой?

Гиена выплюнул сквозь зубы облако костной пыли и вдруг прыгнул на своего товарища, сбив его с ног.

— Замолкни! — прокричал он голосом, который в любой миг мог сорваться в ужасный скорбный плач, что столь же неожиданно переходит в дьявольский смех помешанного.

Наступив одной ногой на Козла и вдавливая того в землю, Гиена опять крикнул:

— Замолкни! Я не хочу помнить.

— И я тоже не хочу,— отвечал Козел.— Но мне невольно вспоминаются всякие мелочи, любопытные мелочи, приключившиеся с нами до того, как нас изменили...

— Я сказал, замолчи,— повторил Гиена, но на этот раз в его голосе были нотки сомнения.

— Ты поломаешь мне ребра,— сказал Козел.— Будь же милосерден, мой дорогой. Ты и так слишком суров со своими друзьями. О, благодарю тебя, любовь моя. Поверь мне, у тебя прекрасная... Смотри, смотри — мальчишка!

— Тащи его назад,— приказал Гиена.— Я с него шкуру спущу.

— Он предназначен нашему Белому Повелителю. Лучше я его отшлепаю.

Мальчик и правда попытался убежать, но был настигнут через несколько шагов. От тычка Козла он повалился на колени, как подрубленное деревце.

— А я много чего помню,— продолжал Козел, вернувшись к Гиене.— Я помню те времена, когда мое лицо было чистым и гладким.

— Кого это волнует? — заорал Гиена в новом приступе гнева.— Кого волнует твоя морда?

— Я тебе еще кое-что скажу,— не унимался Козел.

— Что ты мне скажешь?

— А вот о мальчишке.

— Ну и что с ним?

— Он не должен умереть до того, как его увидит Белый Повелитель. Посмотри на него. Нет-нет, Гиена, дорогой, пихать его бесполезно. Он, наверное, умирает. Подними его лучше, Гиена. Ты прекрасен, ты могуч. Подними его и неси к Копям. К Копям, а я побегу вперед.

— Это еще зачем?

— Приготовить ужин. Надо же его покормить.

Бросив искоса многозначительный взгляд на Козла, Гиена повернулся к Мальчику и подхватил его на руки как пушинку.

Они опять припустились бежать, причем Козел пытался вырваться вперед, но недооценил силы своего соперника — Гиена мчался длинными прыжками, так что его белая рубашка вздулась на спине парусом. Временами они обгоняли друг друга, но больше бежали бок о бок.

Мальчик, почти лишившийся чувств от истощения и не находивший сил понять, что происходит, даже не осознавал, что лежит на руках Гиены в некоей жертвенной позе. Единственным преимуществом этой скачки было то, что ноздрей Мальчика теперь не достигал тяжелый запах, исходивший от этих полуживотных-полулюдей, хотя вряд ли в том состоянии, в каком он теперь пребывал, Мальчик мог этому порадоваться.

Так они бежали миля за милей. Пустоши, заросшие кустарником, сменились отливавшим серебром нагорьем, по ровной поверхности которого Козел и Гиена помчались столь быстро, что казались теперь персонажами какой-то старинной легенды. Солнце почти скрылось за горизонтом и, превратившись в пятно неопределенного цвета, отбрасывало за их спины бесконечные тени. Внезапно, когда уже начало темнеть, они почувствовали, что почва впереди чуть заметно опускается, и, значит, они достигли величественных террас, ведущих к Копям. И вот их глазам открылось широко раскинувшееся переплетение древних труб и балок, изгибы которых блестели в лунном свете.

Козел и Гиена остановились как вкопанные. Повсюду здесь присутствие Агнца ощущалось столь явственно, как будто они уже стояли перед ним. С этого момента каждый звук, каждый шорох достигали ушей их властелина.

Оба они знали это по горькому опыту: когда-то давно вместе с еще одним получеловеком они уже допустили ошибку, заговорив шепотом друг с другом и не подозревая, что даже шелест вздоха передавался по трубам и вытяжкам вниз, в самую глубину Копей, где, бесчисленное множество раз отразившись, попадал туда, где, навострив уши и раздув ноздри, в полной тишине сидел Агнец.

Давно постигнув и язык глухонемых, и искусство чтения по губам, они выбрали последнее, так как свисающие манжеты Козла скрывали его пальцы. Уставившись друг на друга, они беззвучно зашевелили губами.

— Он... знает... что... мы... здесь... Гиена... дорогой.

— Он... уже... чует... нас...

— И... мальчишку... тоже...

— Конечно... конечно... Мой... желудок... выворачивается... наизнанку...

— Я... пойду... первым... с... мальчишкой... и... приготовлю... для... него... что-нибудь... поесть... и... постель...

— Никуда... ты... не... пойдешь... козлиная... голова... оставь... его... мне... или... я... изуродую... тебя...

— Тогда... я... пойду... один...

— Иди... пыльная... тряпка...

— Вечером... его... надо... будет... помыть... и... накормить... и... дать... ему... воды... Всем... этим... придется... заняться... тебе... коль... ты... настаиваешь... А... я... пойду... подготовлю... нашего... хозяина.... Ох... моя... поясница... моя... поясница... моя... натруженная... поясница...

Они отвернулись друг от друга и разошлись, перестав шевелить губами, но в тот момент, когда по окончании беседы их губы сомкнулись, Белый Агнец догадался в своем уединении о конце разговора по этому звуку — слабому, как звук упавшей на пол паутины, или шорох пушинки под лапкой мыши.

Гиена отправился дальше один, неся Мальчика на вытянутых руках. Он шел так, пока не достиг края громадной шахты, больше похожей на пропасть, чем на творение рук человеческих. И здесь, на краю этого заполненного мраком колодца, он опустился на колени и, сложив руки, прошептал:

— Белый Повелитель Ночи, приветствую тебя!

Пять слов почти ощутимо упали в эту лишенную всякой жизни шахту, рассыпавшись множеством отголосков на своем пути вниз, туда, где наконец достигли слуха Агнца.

— Это Гиена, мой Повелитель, Гиена, которого ты спас из пустоты наверху! Гиена, который пришел, чтобы любить тебя и служить тебе. Приветствую тебя!

Ему ответил голос из мрака пропасти. Голос, схожий с мелодичным звоном колокольчиков, голос самой святой красоты, похожий на лепет младенца или... на блеяние самого Агнца.

— Насколько я понимаю, ты не один?

Тихий голос трелями разливался в темноте.

Повышать его не было никакой необходимости: он с такой же легкостью достигал самых потаенных уголков подземного царства, с какой игла проходит сквозь марлю.

Он был слышен даже в дальних западных штреках, никогда не видевших света, сплошь покрытых фиолетовыми грибами, столь же мертвыми, как и земля, некогда давшая им жизнь. Достаточно было малейшего прикосновения, чтобы они рассыпались в пыль, но уже много столетий там не ступала нога человека, туда не проникал свежий ветер, уже много столетий ничто не нарушало мертвого покоя этих мест.

И только голос Агнца изредка добирался туда. Сейчас он раздался вновь:

— Я жду ответа... и жду тебя.

И затем, после легкого вздоха, похожего на взмах косы:

— Что ты принес с собой из этого отвратительного солнечного мира? Что ты приготовил для своего Повелителя? Я жду...

— Мы принесли мальчишку.

— Мальчишку?

— Мальчишку — в целости и сохранности.

Последовало длительное молчание, и Гиене показалось, что до него донеслось нечто прежде не слышанное — что-то вроде трепета или, может быть, дрожи.

Но голос Агнца был все так же чист и сладок, как журчание родника, и полностью лишен эмоций:

— Где Козел?

— Козел,— отвечал Гиена,— сделал все, чтобы помешать мне. Могу я спуститься, мой господин?

— Кажется, я спросил: "Где Козел?" Меня не интересует, кто кому мешает. Меня интересует, где находится Козел. Постой! Уж не в южной ли он галерее?

— Да, хозяин,— сказал Гиена и нагнулся над пропастью так низко, что любому незнакомому с его удивительным чувством равновесия и способностью ориентироваться в темноте, это показалось бы шагом навстречу смерти.— Да, хозяин. Козел спускается по железной лестнице. Он ушел, чтобы приготовить мальчишке поесть. Это лишенное шерсти существо недавно хлопнулось в обморок. Ты же не пожелаешь лицезреть его, мой Белый Господин, пока его не вымоют и не накормят? Думаю, что и Козла, этого безмозглого тупицу, тебе видеть незачем. Я не позволю ему надоедать тебе без нужды.

— Ты удивительно добр сегодня,— донесся из бездны приторный голос.— Ну так вот, я надеюсь, ты просто будешь делать то, что тебе скажут. Иначе я спалю твою роскошную черную гриву. Сей же момент иди сюда вместе со своим умирающим от истощения приятелем, чтобы

я мог прикоснуться к нему. До меня доходит его запах, и это подобно глотку свежего воздуха... Ну, ты идешь? Я что-то не слышу,— показал Агнец свои перламутровые зубки.

— Иду, Господин, иду...— прокричал Гиена, трясясь от страха, ибо он знал все оттенки в голосе Агнца, и сейчас голос этот был кинжалом в парчовых ножнах.— Сейчас он будет у тебя и станет твоим навеки...— тут Гиена, руки и ноги которого ходуном ходили, и вовсе не от усталости, устремился вниз, подхватив Мальчика. Путь их лежал по краю шахты, туда, где в лунном свете слабо мерцала длинная цепь.

Чтобы освободить руки для спуска, Гиене пришлось перекинуть Мальчика, который слабо застонал, через плечо.

Но Гиену это обстоятельство не слишком взволновало. Его гораздо больше занимали те изменения в голосе Агнца, которые он мог уловить. Голос звучал по-прежнему кротко, столь же ужасающе кротко, как раньше, но что-то в нем изменилось. Что именно, Гиена не знал, но чувствовал изменение, чувствовал, как в голосе этом зазвучала какая-то скрытая страсть.

Еще бы! Тому были причины. Любое другое существо на месте Агнца вообще уже было бы не в состоянии сдерживаться. Уже больше десяти лет прошло с тех пор, как рядом за столом сидел последний его гость, знающий, что, пока он сидит и смотрит, душа его расстается с ним. Но он умер, как и все предыдущие: душа стремительно покидала тело, или, наоборот, тело, как лягушка, прыгало в поисках души, бессильное отыскать ее, и, подобно ржавым машинам Копей, душа и тело умирали порознь, в молчании и пустоте.

Но даже Агнец не знал, что удерживало жизнь в последних двух его подданных. Что-то в их природе или в устройстве их тел сообщало Гиене и Козлу некий иммунитет — по-видимому, как-то связанный с огрубелостью как их душ, так и внешних оболочек. Они пережили сотни других существ, чьи метаморфозы в конечном итоге погубили их изнутри.

Всего сто лет назад закончил свое существование Лев, пребывавший в видимости могущества. Его голова поникла, из янтарных глаз катились слезы, прокладывая себе скорбный путь по золотистой морде. Это было великое и страшное крушение, но оно было и своего рода милосердием: всемогущий когда-то царь животного мира, подпав под ужасную власть Агнца, постепенно дегради-

ровал, словно из огромной золотистой кошки капля за каплей высасывали кровь, и не было в мире злодейства отвратительнее.

Упав с диким рыком, Лев, казалось, задернул за собой ночь как занавес, и когда вновь зажгли свечи, оказалось, что от него остались лишь мантия, нагрудник кирасы, усыпанный драгоценностями кинжал, да еще бывшая грива бывшего полузверя-получеловека, подобно дуновению ветерка уплывавшего теперь в невообразимую тьму западных катакомб.

И был когда-то человек, изысканный и утонченный, ловкий в движениях, по лицу которого Агнец провел пальцем, зная наперед в своей слепоте, что тому на роду написано быть газелью. Но и он умер сотни лет назад — в изящном прыжке, и глаза его стекленели на лету.

И были когда-то Человек-Богомол, Человек-Свинья, множество Собак, Крокодил, Ворон, невиданные Рыбы, певшие как птицы. Все они давно умерли в тот или иной момент своих превращений из-за отсутствия чего-то важного, какой-то необходимой составляющей, а может быть, просто желания жить, то есть того, что почему-то наличествовало в Гиене и Козле.

Агнцу было даже досадно, что из всех столь разнообразных существ, прошедших через его миниатюрные снежно-белые ручки, существ всех форм и размеров, столь различных по знаниям и талантам, при нем остались в конце концов эти два полуидиота — трус и хвастун Гиена и лизоблюд Козел. А ведь было время, когда потаенный Склеп с его богатыми коврами, золотыми подсвечниками, курящимся в бесценных чашах фимиамом, чей дым сплетался с легчайшим дуновением из вентиляционных шахт, когда эта святая святых полнилась толпами смиренных подданных, охваченных благоговейным трепетом при виде столь великолепного убранства, поглядывающих из-за плеч друг друга (плеч, покрытых когда мехом, когда щетиной, когда просто кожей, когда чешуей, когда перьями) на своего Повелителя, а он, Агнец, их создатель, создатель нового царства, восседал на своем троне с высокой спинкой; глаза затянуты тусклой голубоватой пленкой, роскошная грудь с бесподобными завитками шерсти, руки сложены на коленях, легко очерченные губы нежнейшего розовато-лилового оттенка, и на голове, надеваемая очень редко, корона из изящных костей, искусно переплетенных между собой и выбеленных настолько, что своей белизной они могли поспорить с белоснежной шерстью, составлявшей все его одеяние.

Корона была сделана из тончайших косточек горностая, и временами казалось, что в ней обитает сам дух этого необычайно быстрого, шустрого зверька. Это впечатление усиливалось, когда Агнец демонстрировал свою дьявольскую силу на очередной жертве, заставляя ее прирастать к месту, заставляя кровь кипеть в жилах, заставляя сердце рваться из груди,— тогда корона становилась похожей на принявшего боевую стойку горностая, поднявшего голову и готового нанести смертельный укус.

И Козел, и Гиена не раз видели Агнца в этой боевой стойке, запомнили высоко поднятую голову, но пока до смертельного укуса дело не доходило. Белого Агнца не интересовали трупы (хотя их костями были завалены все Копи), ему были нужны игрушки.

Но все, что у него осталось,— это Гиена и Козел. И тем не менее Агнец продолжал держать двор. Он все еще оставался Повелителем Копей, хотя прошло уже очень много времени с тех пор, когда Повелитель последний раз надевал корону,— и он почти распрощался с надеждой заполучить новую жертву.

Год за годом, столетие за столетием в этом подземном мире тишины и смерти ничто не шевелилось, ничто не двигалось, даже пыль; лишь изредка раздавались здесь голоса Гиены и Козла, отчитывавшихся перед Агнцем в своих каждодневных поисках. Поисках... Вечных бесполезных поисках. Поиски стали проклятием жизни обоих. Но таково было их предназначение. Найти хотя бы еще одно человеческое существо, чтобы позволить Агнцу вновь продемонстрировать свои таланты. Без этого их господин чувствовал себя пианистом, сидящим перед открытой клавиатурой, но с кандалами на руках, или изголодавшимся гурманом, озирающим стол, накрытый изысканными яствами, и лишенным возможности попробовать их.

Но теперь все это осталось позади, и Агнец, хотя он ничем себя не выдал и голос его оставался таким же ровным, как всегда, был весь поглощен предстоящим.

Он явственно различал два источника шума — один находился в гигантской вытяжной трубе к северу от его покоев, а другой на востоке, милей дальше, гораздо более слабый, но достаточно ощутимый — что-то вроде рабо-лепного расшаркивания.

Этот другой шум постепенно приближался и шел, конечно, из ближней шахты, по которой во мраке спускался Гиена с Мальчиком, перекинутым через косматое плечо. Он спускался, и впереди него бежали три звука: скрип и лязг звеньев цепи, тяжелое дыхание, вырываю-

щееся из могучей груди Гиены, и хруст разгрызаемых костей.

Агнец в своем святилище, по-прежнему одинокий, если не считать спешившего к нему подданного, сидел абсолютно прямо. Хотя его глаза были слепы, все лицо выдавало нетерпеливое внимание. Голова его не склонилась набок, уши не навострились, ни малейшей дрожи не пробегало по телу, в его позе не ощущалось волнения, и все-таки трудно было бы найти существо, пребывающее в таком же напряжении, столь злонамеренное, столь алчущее крови. Холодный ужас наполнял святилище — трепетный ужас желания. Ибо запах, достигавший ноздрей Агнца, был тем единственным запахом... Теперь уже не оставалось сомнений, чего коснутся мягкие белые руки Агнца через несколько секунд. Это будет не что иное, как плоть живого человека.

Он не различал пока таких тонкостей, как возраст пленника, их заглушали исходившие со всех сторон запах старого железа и запах сырой земли, через которую проходил весь ствол шахты, не говоря уже о неописуемом аромате, распространяемом вокруг себя Гиеной, и сотне других запахов.

Но с каждым метром, приближавшим Гиену с его ношей к Повелителю, все эти столь разные запахи разъединялись, и настал момент, когда Агнец мог точно сказать, что в шахте находится Мальчик.

Мальчик в шахте. Мальчик из Другого Мира... он приближается... спускается все ниже... Одного этого достаточно, чтобы заставить все балки и фермы Копей скрутиться спиралью и рассыпаться в прах красной ржавчиной. Чтобы вызвать лихорадочное эхо. Возникающее само по себе. Орущее на все лады дьявольскими голосами. Эхо ужаса. Эхо безумия. Эхо варварства. Эхо торжества.

Когда-то жизнь ушла из Копей, и время в них остановилось. Теперь жизнь возвращалась. Для вселенной покинутых Копей это была целая планета. Человеческое существо. Мальчик. Нечто, что можно сломать... или размять в пальцах, как кусок сырой глины... и слепить что-то совершенно иное.

Меж тем, пока бежали мгновения и Гиена с Мальчиком на плече подбирался все ближе и ближе к великолепному Склепу, где восседал недвижный как статуя Агнец, чью принадлежность к живым выдавал только легкий трепет ноздрей, далеко на западе Козел добрался наконец до просторного и абсолютно пустого дна Копей и побрел

по нему своей безобразной походкой, бочком, так что одно его плечо всегда оказывалось впереди прочих частей тела.

На ходу он не умолкая бормотал себе под нос, тем более что сейчас пребывал в состоянии крайней обиды. Какое право имел Гиена присваивать себе все заслуги? Почему это именно Гиена преподнесет подарок Агнцу? Ведь это он, Козел, нашел человеческое существо! Горькая обида переполняла его, злоба жгла изнутри и заставляла трястись даже рукава его сюртука, губы кривились то ли в яростной усмешке, то ли в неприкрытой угрозе.

Но это все-таки была усмешка — сожаления, крушения надежд, усмешка ненависти, мучительной ненависти, ибо такой случай не представляется дважды. Они упустили момент, столь важный для всех троих, что всевозможные споры о первенстве делались просто смешны.

Разве не могли они пойти к своему Повелителю, Агнцу, вместе? Что мешало им стоять по обе стороны мальчишки, и поклониться вместе, и предложить Господину свой дар тоже вместе? О, это было бы справедливо! И Козел не переставая хлопал себя по бокам, а пот градом катился по его вытянутой физиономии, пробиваясь сквозь унылую щетину, из которой выглядывали желтые глаза, похожие на два истертых медяка.

Переживания Козла были так сильны, что он незаметно для себя начал считать Мальчика товарищем по несчастью, чье отвращение к Гиене — оно чувствовалось с самого начала! — само по себе переводило его в разряд союзников.

Но в нынешнем своем положении Козел не мог предпринять ничего, кроме как кратчайшим путем добраться до Склепа и приготовить для Мальчика в своем промозглом углу собственную постель, утолить его голод и жажду — и это будет для Гиены хорошей пощечиной.

Ведь ясно же, что сон и пища необходимы Мальчику больше всего на свете — какой может быть Агнцу прок от зрелища столь долгожданного подарка, если этот подарок будет при смерти?

Ему нужна живая и способная чувствовать жертва,— пришел к выводу Козел, и с этого момента все его помыслы были направлены на осуществление некоего плана.

Чем быстрее это будет сделано, тем лучше, значит, надо как можно скорее попасть в святилище Агнца. И Козел помчался так, как не бегал никогда в жизни.

Вокруг него, наверху, а иногда и внизу, раскинулся хаос брошенного, всеми забытого железа. Закрученные

гигантскими кольцами, спиралями ведущих в никуда лестниц, эти обломки прошедших веков раскрывали свои железные объятия несущемуся гигантскими скачками Козлу.

Вокруг царил непроглядный мрак, но он так давно изучил дорогу, что ни разу не оступился и даже не задел валявшийся повсюду хлам. Он знал этот путь, как индеец знает все тропы в лесу, и, как индейца, его ничуть не интересовало, что находится по сторонам.

Постепенно пол начал чуть заметно опускаться, и Козел, несшийся так, будто за ним гнались все черти преисподней, понял, что он приближается к сердцу этого великого хаоса, к Склепу, где сидел и ждал Белый Агнец...

Даже для стальных мускулов Гиены такой спуск представлял серьезное испытание, но теперь Гиена был всего в нескольких метрах от дна Копей. Каждый звук здесь многократно усиливался, и от стены к стене гуляло эхо.

Мальчик очнулся, голова его была ясной, но чувство голода стало еще острее, из рук и ног ушла сила. Несколько раз он пытался привстать и тут же в изнеможении опускался на плечи получеловека-полузверя, хотя грива, на которой он лежал, была, сколько бы Гиена ни умащивал ее благовониями, колючей, как стерня на сжатом поле.

Как только Гиена достиг дна, он отвернулся от раскачивающейся цепи и обратил свой взгляд на стену Склепа.

Если бы он взглянул вверх, на горловину старой шахты, то увидел бы, благо глаза его обладали орлиной зоркостью, кроваво-красное пятнышко размером с булавочную головку. Это было все, что осталось от внешнего мира, где еще садилось солнце. Но Гиену не интересовали такие мелочи, особенно сейчас, когда он был в каких-нибудь нескольких десятках шагов от Агнца.

Он знал, что загадочный Повелитель слышит даже его дыхание, и уже приготовился сделать первый шаг, когда слева от него послышался топот, из-за поворота вывернулось некое пыльное существо в черном сюртуке и остановилось в метре от Гиены. Конечно же, это был Козел, с головой как пыльный мешок и, к удивлению Гиены, с усмешкой на лице. Да-да, это была именно усмешка, а не просто оскаленные зубы. Очень скоро Гиена узнал причину, заставившую Козла ухмыляться, и, не достигай с этого места любой звук ушей Агнца, Козел получил бы хорошую взбучку, если только беспощадный Гиена вообще не пришиб бы коллегу на месте.

Дело в том, что на последних метрах отчаянного броска сквозь дебри галерей, балок и ферм Козла осенила

идея, подсказанная ненавистью к Гиене, столь гнусно лишившему его такого прекрасного шанса доставить радость Агнцу.

Гиена, хотя и не понял смысла усмешки Козла, слишком хорошо знал, что ничего хорошего за ней последовать не может. Его так и затрясло от сдерживаемого бешенства, и он бросил на своего заклятого врага убийственный взгляд. Опустив Мальчика на землю, Гиена воспользовался языком глухонемых, так как самый тихий шепот прозвучал бы в ушах Агнца как треск и гул лесного пожара. Его яростное жестикулирование подвигало к единственному выводу, что при первой возможности Козел свое получит.

В ответ Козел, шевеля фиолетовыми губами, но не издавая при этом ни звука, посоветовал своему конкуренту дать страшную клятву, что тот никогда ничего подобного не сделает, а затем, к великому изумлению Гиены, отвернулся от него и, уставившись на внешнюю стену Склепа, заговорил противным слащавым голосом:

— Повелитель и господин, великий Слепой Агнец! О ты, во имя которого мы живем, дышим и существуем! Сын тьмы ада! Внемли! Ибо я нашел его!

В темноте явственно раздался хрип, как будто кого-то душили. Это Гиена, вздернув голову, рвался с невидимого поводка. Кровь ударила ему в голову, глаза метали молнии.

Агнец не отзывался, и Козел продолжил:

— Я нашел его для тебя на песчаных пустошах. Я укротил его, поставил на колени, выхватил у него из-за пояса кинжал и отшвырнул в сторону, где тот утонул в песках, как тонет в воде камень. Я связал его и принес к Копям. Здесь на солнышке прохлаждался Гиена, глупый Гиена...

— Ложь, ложь! Ты, пресмыкающаяся тупица! Все ложь, мой Повелитель! Он никогда даже...

И тут из мрака донеслось блеяние, звук которого был приятен, как апрельское солнышко:

— Успокойтесь, дети мои. Где человеческий детеныш?

Пока Гиена собирался сказать Агнцу, что Мальчик лежит у его ног, с ответом выскочил Козел:

— Он с нами, господин, лежит на полу. Осмелюсь предложить накормить и напоить его, а затем отправить спать. Я приготовлю для него свою постель, если ты не возражаешь. Ложе Гиены полно грязной щетины, волос с его пятнистых рук и сплошь засыпано огрызками — он только и знает, что грызть кости целыми днями. Маль-

чишка не сможет заснуть в таком месте. И у Гиены наверняка нет даже хлеба. Он такой грубый, мой прекрасный господин, такой отвратительный...

Тут Козел явно зарвался и потому моментально оказался сбитым с копыт. Над ним нависла тень дрожащего от ярости Гиены. Разинутая пасть, усаженная острыми зубами, уже готова была захлопнуться с беспощадностью стального капкана, но была остановлена на полпути вновь зазвучавшим медовым голосом Агнца:

— Поднесите детеныша ко мне, чтобы я мог пощупать, как бьется его сердце. Он в сознании?

Гиена опустился на колени, взглянул на Мальчика и кивнул. Он еще не оправился от гнева, вызванного наветами Козла, и с трудом мог владеть собой.

Мальчик, полностью очнувшийся, почувствовал себя безнадежно больным.

Сейчас он знал одно — нужно притвориться потерявшим сознание, нет, еще лучше — мертвым. И когда Козел тоже встал на колени, чтобы лучше его видеть, Мальчик старательно задержал дыхание. Вблизи Козел казался еще более отвратительным, но наконец он поднялся на ноги и самым мягким голосом, на какой только был способен, возвестил темноте:

— Он без сознания, о великий Агнец. Бесчувствен, как мое копыто.

— Тогда несите его сюда, мои милые спорщики, и забудьте свои мелкие разногласия. Не вы и не производимые вами звуки интересуют меня, а человеческий детеныш. Я очень стар и чувствую, что его молодость обращена против меня, но я достаточно молод, чтобы чувствовать родство наших душ. Немедленно несите его ко мне, потом будете его мыть, одевать, кормить и поить. Несите, у меня чешутся руки.

И тут неожиданно Агнец испустил столь пронзительный вопль, что, если бы Гиена и Козел смотрели сейчас на Мальчика, они не смогли бы не заметить, как он вздрогнул, будто его укололи. Крик был столь пронзителен и столь внезапен, что Козел и Гиена прижались друг к другу, забыв о былой вражде. Никогда за многие века не слышали они от своего повелителя ничего подобного. Воистину, несмотря на все умение владеть собой, Агнец на этот раз не сдержал эмоций, захлестнувших его белое тело,— и тьму прорезал этот дикий вопль.

И долго еще высокоголосое эхо гуляло по самым дальним уголкам Копей, пока не замерло вдали и вокруг вновь не воцарилась тишина бездны.

Но дело было не только в том, что крик прозвучал пронзительно и внезапно,— было в нем еще что-то особенное. Его породили не только сила легких и мощь голосовых связок. Он рвался из глубины ада — как наконечник копья, как предвестник ужасных несчастий. Все, что Агнец столетиями таил в себе, вырвалось из тьмы на свет Божий.

Но внешне Агнец остался прежним — теперь он сидел даже прямее, чем прежде, и только руки его не были больше сложены на коленях. Они поднялись как бы в немой мольбе. Так держит их любящая мать, убаюкивая хнычущего ребенка, и лишь указательные пальцы чуть подрагивали в призывном жесте. Голова Агнца слегка откинулась назад, и всякий, кто сейчас взглянул бы на нее, понял, что в любой момент она, как кобра, готова нанести разящий удар; невидящие глаза, затянутые голубоватой пленкой, казалось, озирали из-под нее Склеп. Гиена и Козел шагнули вперед, поддерживая Мальчика под локти.

Шаг за шагом они приближались к Агнцу, пока не подошли вплотную к стене, окружавшей внутреннее святилище, и когда их отделяло от тяжелых занавесей, скрывавших вход, немногим больше метра, вновь послышалось блеяние, такое слабое, такое далекое, как сама непорочность или песня любви с зеленых пастбищ чудесного апреля.

О, этот звук Гиена и Козел знали хорошо, так хорошо, что даже содрогнулись, ибо он нес в себе не больше любви, чем кровавый оскал вампира.

— После того как я проведу пальцами по лицу детеныша от бровей к подбородку, можете забирать его. Кормите его, кладите спать. Я чувствую его усталость. Но если вы потеряете его в лабиринтах Копей,— (и все это голосом сладким, как мед и легким, как птичья трель),— я заставлю вас съесть друг друга.

Гиена под своей роскошной гривой стал белым, как те кости, которые он так любил грызть, а Козла чуть не стошнило.

— Входите, мои дорогие, и вносите ваше сокровище.

— Я иду, хозяин! — хрипло вскричал Гиена.— Я иду, о мой император!

— Я нашел его для тебя,— эхом вторил ему Козел, не желая отставать.

Когда они раздвинули занавес, Мальчик, не в силах противиться вдруг возникшему желанию, на мгновение приоткрыл глаза. Все, что он смог рассмотреть за этот

короткий миг,— это то, что обиталище Белого Агнца освещено множеством свечей.

— Почему вы заставляете меня ждать, джентльмены? — преувеличенно сладкий голос шел сверху, ибо трон, на котором восседал Агнец, являл собой весьма высокое сооружение, во всяком случае, он был гораздо выше обычного кресла.— Я что, должен разложить вас на полу и высечь? Ну... ну!.. Где же он? Подайте же мне этого смертного.

Это был самый тягостный момент во всей длинной эпопее Мальчика: тупая боль, наполнявшая до того все его существо, казалось, отползла куда-то в глубь тела, и ей на смену пришла боль новая, не телесная, но столь мучительная, столь ужасная, что, если бы ему сейчас представилась возможность умереть, Мальчик без колебаний воспользовался бы ею.

Ибо все меньшее расстояние отделяло его от ледяной ауры, окружавшей лик Агнца. Ауры смерти, леденящей и ужасной, однако живой и страшной именно своей жизненной силой, хотя все это было скрыто за неподвижностью черт загадочного лица, выражение которого не изменилось, даже когда Агнец испустил свой ужасный вопль, так что можно было подумать, что голова его и голос существуют отдельно друг от друга.

Сейчас это длинное лицо, источавшее одновременно лед и пламень, было совсем близко от Мальчика, не смеющего даже поднять глаз, хотя он и знал, что Агнец слеп. Затем наступил момент, когда маленький палец левой руки Агнца, похожий на белую женщину, двинулся вперед, на секунду задержался у лба жертвы и наконец опустился. Мальчик почувствовал это прикосновение, и ему показалось, что его касается своими щупальцами спрут. Это ощущение стало почти непереносимым, когда пальцы Агнца поползли вниз по лицу Мальчика, оставляя за собой влажный след, настолько холодный, что Мальчик сморщился от боли.

Этих быстрых прикосновений хватило Агнцу, чтобы узнать все, что он хотел узнать. Одним взмахом руки он установил, что во мгле перед ним стоит существо, познавшее чувство собственного достоинства, молодое, но уже имеющее свой взгляд на вещи, не лишенное гордости, существо смертное — человек.

Все это произвело должное впечатление на Агнца, и хотя внешне это никак не проявлялось, когда Агнец поднялся на ноги, запрокинув незрячее лицо к темному потолку, по всему его телу с головы до ног пробежала

дрожь жгучего нетерпения, потревожившая завитки молочно-белой шерсти.

— Забирайте его немедленно,— прошептал Агнец,— а когда он очнется, поест и наберется сил, приведите его назад. Ибо это то, чего хочет ваш Белый Повелитель. Сами его кости вопиют о перевоплощении. Его плоть должна изменить форму, сердце иссохнуть, а душа наполниться страхом.

Агнец все еще стоял. Он воздел руки подобно оракулу, и пальцы его трепетали как крылья.

— Забирайте его. И готовьте пир. Не забудьте ничего. Мою корону. Золотые доспехи. Бутылочки с ядом. Благовония. Лавровые венки и мясо с кровью. Специи. Корзины свежей зелени. Черепа и кости. Ребра и лопатки. Не забудьте ничего, или, клянусь моими слепыми глазницами, я вырву вам сердца. Забирайте его...

Не медля ни секунды, Гиена и Козел неуклюже попятились задом, словно сгустившееся вокруг сияние свечей выдавливало их прочь, и тяжелые занавеси упали за ними.

Как обычно, после свидания со своим ужасным Повелителем двое полулюдей-полуживотных должны были постоять у сомкнувшихся за ними занавесей, привалясь друг к другу, чтобы прийти в себя, и это стало еще одним испытанием для Мальчика, оказавшегося зажатым между их взмокших от пота тел.

Междоусобная вражда была на время забыта — ведь им предстояло присутствовать при истинно великом событии: стать свидетелями превращения. Вместе они уложили Мальчика в постель (если достойна названия постели полуразвалившаяся кушетка), вместе накормили его из какого-то старого горшка размоченным в воде хлебом. В той сосредоточенности, с которой они наблюдали, как он подносит ко рту деревянную ложку, было что-то детское и, пожалуй, даже привлекательное.

За мгновение до того как заснуть, Мальчик взглянул на двух своих странных нянек, и ему вдруг пришла мысль, что, если понадобится, он запросто перехитрит их.

Затем он повернулся на другой бок и провалился в сон, тягостный сон без сновидений. Козел остался сидеть рядом с ним, время от времени почесывая свою пыльную голову, а Гиена, зажав в руках очередную кость, громко чавкал где-то в темноте.

Просидев у постели спавшего мертвым сном Мальчика часов пять, оба стража покинули свой пост и отправились в Склеп. Не получив ответа на вопрос Гиены:

"Позволит ли Великий Повелитель войти?", они осторожно раздвинули занавеси и заглянули внутрь. Сначала Гиене и Козлу не открылось ничего особенного. Все так же мягко мерцали в свете бесчисленных свечей корешки книг, скрывавших одну из стен. Роскошный красный ковер по-прежнему покрывал пол. Но высокий трон, трон Белого Повелителя, был пуст. Где же Агнец?

И тут они увидели его. Он стоял к ним спиной, позади двух шандалов со свечами, и игра света и тени делала его почти неразличимым; но вот он сделал шаг в сторону, и они увидели его руки.

Но в то же время они почти не видели их, так быстро двигались эти руки, описывая круги, расходясь и сходясь, а пальцы выделывали что-то настолько немыслимое, что сливались в сплошной опалесцирующий диск, который то поднимался, то опускался, то замирал на уровне груди Белого Агнца. Что здесь происходило? Что делал он, Агнец? Гиена скосил глаза на своего компаньона, но встретил ответный непонимающий взгляд. Откуда было им знать, что мыслительные процессы в мозгу Агнца могли происходить только с помощью тела; что бывали моменты, когда его разум, продираясь сквозь скопища догадок, предположений и мыслей, оказывался на грани окончательной потери самого себя в мирах, из которых не было возврата. Поэтому тело всегда было готово сразиться с мозгом и удержать его на грани сознания. Свидетелями этого таинства и стали сейчас Гиена и Козел. Мозговое возбуждение, вызванное Мальчиком у Белого Агнца, было столь сильно, что в битву за срывающийся в безумие разум пришлось вступить маленьким белым пальцам.

И хотя два невольных свидетеля ничего не поняли, у них хватило ума сообразить, что сейчас не нужно беспокоить их Повелителя. Они не знали, что́ он делает, зато очень хорошо знали, что лучше не вмешиваться. А посему тихонько покинули покои Агнца и направились в кухни и арсеналы, к корзинам свежей зелени и всего прочего, необходимого для пира,— и, хотя времени у них было еще достаточно, занялись надраиванием до блеска короны, лат и кирасы.

Вскоре и Агнцу удалось замедлить бег своих мыслей — теперь он спокойно сидел, накинув черное покрывало и молитвенно сложив руки.

А Мальчик все спал и спал, неспешно текло время, и сама тишина огромных подземных Копей становилась осязаемой и даже слышимой — как гудение пчелиного

роя в дупле. Проснулся Мальчик как раз в тот момент, когда Гиена и Козел, утомясь от нелегких трудов, присели у его ложа, чтобы еще раз взглянуть на пленника. И первое, что он услышал, пробудившись,— это как Гиена встал и выплюнул очередную порцию костяной муки. Затем Гиена бросил искоса злобный взгляд на Козла и неожиданно треснул его по голове.

Удар, способный убить человека на месте, для Козла оказался совсем не таким уж смертельным. Он просто оскалил зубы, полуискательно-полуугрожающе, чтобы его компаньону не сразу пришло в голову повторить свою шутку. Правда, разглядеть этот оскал было трудновато за густым облаком пыли, поднявшимся с головы Козла.

Мальчик чуть приоткрыл глаза и увидел прямо перед собой Гиену...

— Зачем ты стукнул меня, Гиена, дорогой?

— Затем, что мне так захотелось.

— А...

— Я терпеть не могу твои отвислые фиолетовые губы.

— А...

— И твое волосатое брюхо.

— Мне так жаль, что они раздражают тебя, дорогой.

— Послушай-ка!

— Да, любовь моя.

— Интересно, что Белый Агнец сделает из него? А, балбес? Во что он превратится? А?

— О Гиена, дорогой, я думаю, что это будет...

— Что?

— Заяц!

— Нет! Нет! Нет!

— Но почему же нет, дорогой?

— Заткнись, болван! Это будет петух!

— Ну нет, дорогой!

— Ты еще споришь? Я сказал — петух!

— А может быть — кролик?

— Нет! Нет! Нет!

— Или морская свинка? У него такая нежная кожа.

— И у тебя была такая, пока не выросла щетина. Нет, Агнец сотворит из его косточек шустрого петушка.

— Об этом может знать только наш Повелитель Агнец.

— Наш Повелитель превратит его в какое-нибудь животное.

— И тогда нас станет здесь трое.

— Четверо, кретин! Четверо!

— Ты думаешь, что Агнец?..

— Он один из нас. Он...

— Он не один из нас...

Чей это был голос? Чей? Не их и не Агнца!

Два получеловека вскочили на ноги и принялись судорожно озираться вокруг, пока их взгляды на остановились на Мальчике. Глаза его были широко открыты и в полумраке казались внимательными и настороженными, как глаза охотника, подстерегающего добычу. Но хотя на его лице не дрогнул ни один мускул, от страха у него подвело живот.

С того самого момента, как на него набрел Козел, он постепенно, кусочек за кусочком, составлял для себя эту дурную, фантастическую и противную Божьим помыслам картину. Все здесь было пропитано ужасом, но, как он теперь понял, пока все случившееся с ним было только прелюдией к ужасному преступлению. Недоговоренная фраза, слово здесь, жест там, сложившись в целое, совершенно ясно сказали ему, что он будет принесен в жертву.

В сердце Мальчика, бесспорно, была некая частичка гранита, придававшая ему силу духа. И кое-что было в голове — совсем неплохие мысли.

Конечно, нелегко соображать, когда руки трясутся от страха и от страха же тебя едва не выворачивает наизнанку. Но с непостижимым упорством Мальчик повторил еще раз: "Он не один из нас".

Губы Гиены растянулись в недоуменной улыбке. Все его могучее тело, обтянутое белой рубашкой, тряслось как в лихорадке. Руки намертво вцепились друг в друга.

Что до Козла, то он отошел в сторонку и оттуда косил на Мальчика своим лимонно-желтым глазом.

— Один из нас? Это же смешно, джентльмены. Разве можно равнять с собой какого-то блеющего Агнца?

Мальчик подошел к парочке вплотную, приложил палец к губам и беззвучно зашевелил ими.

— У меня для вас потрясающая весть,— говорил он.— Внимательно смотрите на мои губы... Не сомневаюсь, вам на роду написано быть королями. Вы же личности, джентльмены, личности на свой лад. У вас все в порядке с головой, да и силой вас Бог не обидел. Да вы сами еще не знаете, на что способны. И что самое главное, у вас есть желание обрести...

— Желание обрести что? — спросил Гиена, выплескивая облачко пыли, тут же растворившееся во мраке.

— Желание обрести свободу. Свободу быть королями,— сказал Мальчик.— И есть кое-что еще, что делает вас избранными, джентльмены.

— Что именно? — спросил Козел.

— Ну конечно же, ваша красота!

За этим последовало длительное молчание, в продолжение которого двое существ, прищурившись, разглядывали Мальчика с омерзительным блеском в глазах.

Мальчик вскочил.

— Да, вы очень красивы,— повторил он.— Вот вы, Гиена. Взгляните на свои руки — пятнистые и длинные, как хорошие весла. Взгляните на свою царственно выгнутую спину. Она подобна вздымающейся в шторм волне. Взгляните на свои чудесно выбритые щеки и эти несущие смерть челюсти. А ваше чуть удлиненное лицо — о джентльмены, разве оно не привлекательно? Взгляните на свою белоснежную рубашку и черную как ночь гриву. Взгляните...

— Почему бы не взглянуть и на меня? — обиделся Козел.— Как насчет моих желтых глаз?

— К чертям собачьим твои желтые глаза,— прорычал Гиена беззвучно и повернулся к Мальчику.— Что ты там говорил о королях?

— Всему свое время,— отвечал Мальчик.— Нужно быть терпеливыми. Сегодня день упований и яростного мщения. Не перебивайте меня. Я — посланник другого мира. Я принес вам слово надежды.

Слушайте,— продолжал он.— Там, откуда я пришел, больше нет страха. Зато есть тучные стада, мычащие и блеющие, есть вдоволь костей, которые так сладко с треском разгрызть. Есть там и тишина и покой, там можно просто посидеть на своих тронах, пока покорные рабы выказывают вам всевозможные знаки преданности.

Гиена и Козел невольно оглянулись на скрытый занавесями вход в святилище Агнца. Они явно были в смятении, смущенные и возбужденные грубой лестью Мальчика, хотя, если б их спросили, что́ именно тот имел в виду, они вряд ли бы ответили.

— Задумайтесь, джентльмены, где вы живете! — говорил Мальчик.— Это место годно для дождевых червей, но не приличествует сынам человеческим. Хотя даже черви, даже летучие мыши и пауки избегают забираться сюда. Здесь могут жить только лизоблюды и рабы. Вас же достойно только что-нибудь просторное, что-нибудь прекрасное, где вы, сэр (он повернулся к Козлу), могли бы преклонить голову в мягкой белой пыли, а вы (он слегка поклонился Гиене) могли бы вырезать себе чудесную дубинку и пользоваться ею как заблагорассудит-

ся. И — да-да! — мозговые косточки для ваших могучих челюстей — несчетное множество мозговых косточек!

Я пришел указать вам путь.

При этих словах охваченные непонятным им самим волнением Козел и Гиена вновь оглянулись на занавеси, за которыми, подобно белому изваянию, сидел Агнец с глазами, скрытыми непроницаемой пленкой.

...Нет, вовсе не легко было сломать рожденную многими столетиями привычку; и пока Мальчик со всеми подробностями не рассказал, куда он собирается увести их, и где они будут жить, и каковы будут их позолоченные троны, и сколько у них будет рабов, и тысячу других вещей, они не осмеливались говорить об Агнце, а если наконец заговорили, то только потому, что Мальчик, незнакомый им, загнал их в ловушку страха. Он не дал им ни секунды передышки, задавая вопрос за вопросом, пока не разбудил в них дух противоречия, благо они так много натерпелись от Агнца, что только страх держал их около него.

— Джентльмены,— заявил Мальчик,— вы можете помочь мне, а я могу помочь вам. При свете солнца я верну вам вашу силу. Я вручу вам пустыни и луга. Я верну вам то, что некогда принадлежало вам, то, чего он лишил вас вашим перевоплощением.

— И какова же будет цена, если нам позволительно спросить? — с этими словами внезапно озлобившийся Гиена подскочил к Мальчику, приблизив к нему свое бритое лицо. В его левом глазу Мальчик увидел свое отражение, и это отражение тряслось от страха.

— Что мы можем предложить тебе? — прочитал по губам Гиены Мальчик, а на губах Козла обозначился вопрос:

— Что это будет, милый? Скажи нам свою...

Но Козлу не суждено было закончить фразу, ибо все вокруг них наполнилось вдруг звуками голоса Агнца, и в раздвинувшихся занавесях возникло нечто необыкновенно белое.

Продолжительное блеяние заставило встать дыбом волосы на спине и руках Гиены, а Козел — тот просто прирос к месту. В этом кажущемся невинным звуке таилась угроза — непонятная для Мальчика, ибо он не мог и представить тех страданий, которые она влечет за собой. Но Козел и Гиена представляли. Они помнили. Они знали.

Теперь Мальчику стало ясно, что два получеловека, преисполненных благоговейного ужаса, бесполезны для

него. Но в равной степени они бесполезны и для своего хозяина.

Он не мог и помыслить, что гневная нотка в блеянии Агнца была вызвана всего-навсего пустым столом. Где пир? Пир, во время которого Агнец надеялся начать покорение человеческого существа? И где эти негодные прислужники?

Теперь, когда он, Агнец, вышел из-за занавесей с высоко поднятой головой и искрящимся, как иней, телом, уши его были навострены и ноздри раздувались. Он сразу же уловил запах Гиены.

С легкостью и изяществом танцовщика Белый Агнец устремился к ним.

Решительный момент наступил. Не раздумывая Мальчик скинул сандалии и, стараясь не шуметь, отступил во мрак подземелья. При этом он случайно толкнул Гиену и вдруг заметил у того кинжал: длинный, тонкий, острый как бритва. Выхватить его у Гиены из-за пояса без шума не удалось, и незрячий взгляд Белого Агнца упал на Мальчика.

Хотя тот отбегал на цыпочках и совсем-совсем тихо, Агнец, казалось, видел каждое движение Мальчика. Но вдруг он утратил к нему всякий интерес и обратил свое внимание на двух полуживотных-полулюдей, принявшись с важным видом расхаживать вокруг них, что повергло последних в состояние, близкое к столбняку. Они и раньше-то были карикатурами на живые существа, а теперь это были и вовсе какие-то жалкие обрывки бывших карикатур.

Волей их полностью завладела воля семенившего кругами Агнца, а взгляды молили о смерти.

— Когда я вас поцелую,— проворковал Агнец сладчайшим из голосов мира,— вы еще не умрете. Смерть — это слишком легко, смерти можно позавидовать, смерть — это подарок. Нет, вас ждет бесконечная боль. Ибо вы говорили с Мальчиком, а говорить с ним могу только я. Вы дотрагивались до него, а трогать его могу только я. Вы говорили обо мне, больше того, дерзнули говорить обо мне в присутствии Мальчика, а это худшее из предательств. Вы не подготовили пир. За все это вас ждет боль. Подойдите под поцелуй, и боль придет к вам. Идите ко мне... идите.

От вида двух несчастных существ, распластавшихся на полу, Мальчика затошнило в прямом и переносном смысле. Подняв над головой свое оружие, он пошел на Агнца.

Но преодолеть смог всего несколько метров — Агнец прекратил свои хождения и, склонив голову набок, замер в позе наивысшей сосредоточенности. Мальчик затаил дыхание; в окружавшей их ватной тишине он не мог уловить ни звука. Но Агнец слышал, как бьются сердца. И сейчас вслушивался в биение только одного сердца — сердца Мальчика.

— Не воображай, будто ты можешь что-то сделать,— раздался голос, похожий на перезвон колокольчиков,— ты уже теряешь силу... То, что было тобой, уходит из тебя... ты становишься моим.

— Нет! — вскричал Мальчик.— Нет! Нет, ты, сладкоречивый дьявол!

— Крик тебе не поможет,— сказал Агнец.— Мои владения глухи и пустынны, здесь не надо кричать. Лучше взгляни на свою руку.

С трудом отведя глаза от сверкающего упыря, Мальчик в ужасе охнул, обнаружив, что пальцы его как-то неестественно скрючились, а вся рука болтается из стороны в сторону как чужая.

Он попробовал шевельнуть ею, но из этого ничего не вышло, а в своем испуганном крике он различил незнакомые нотки.

Устремленный на него невидящий взгляд давил, как реальная тяжесть. Он попытался отступить назад, но ноги не слушались. Только голова оставалась ясной и холодной. И Мальчик вдруг понял, что единственным способом, которым он мог развеять наваждение, было совершить что-нибудь неожиданное. С этой мыслью он спокойно нагнулся, положил кинжал на каменный пол и ощупал карманы еще повиновавшейся ему правой рукой в поисках монетки или ключа. На его счастье, там завалялось несколько монет, и, выудив пару, он подбросил их к потолку. Прежде чем они упали на пол позади Агнца, Мальчик опять схватил свой кинжал здоровой рукой.

Со звоном, показавшимся в тишине ужасным, монеты стукнулись об пол прямо за Агнцем — на какую-то долю мгновения внимание чудовища было отвлечено, и наполнявшее все вокруг напряжение отступило.

Это было только мгновение — мгновение, за которое надо было сделать все, прежде чем вернется дьявольское наваждение.

Всего лишь на доли секунды силы вернулись к его непослушным ногам и повисшей кисти.

И в эти доли секунды Мальчик успел прыгнуть вперед, уверенный — ничто его не остановит. И правда, воз-

дух как бы расступился перед ним и его занесенным для удара кинжалом. Удар пришелся по голове Агнца, и она раскололась надвое, как гнилой орех. Не было крови, и, что еще более удивительно, в голове не было мозга.

Следующие удары Мальчика пришлись в грудь, в руки Агнца, и повторилось прежнее: острие кинжала не находило ни внутренностей, ни костей. Только во все стороны разлеталась белыми завитками шерсть.

Мальчик опустился на колени рядом с тем, что мгновения назад было белым чудовищем. Все вокруг было завалено белоснежной шерстью, как будто он не заколол Агнца, а остриг его.

Из густого мрака, где, распростершись ниц перед своим господином, только что лежали Гиена и Козел, на свет выбрались два древних старца. Один был горбат, другой передвигался боком. Они не заговорили ни друг с другом, ни с Мальчиком, промолчал и он. Так в молчании шли они по ледяным галереям, под нависающими арками, в молчании выбрались из Копей и молча же разошлись в разные стороны.

Мальчик долго шел куда глаза глядят и так, бредя в полусне, вышел вдруг на берег широкой реки, где его поджидала неисчислимая свора псов. Он сел в маленькую лодчонку и, сопровождаемый псами, перебрался на противоположный берег. А когда нос лодчонки ткнулся в прибрежный песок, все, что с ним было, исчезло из памяти Мальчика. Вскоре на него, опять заблудившегося и смертельно усталого, наткнулись те, кто был выслан на поиски, и отнесли домой.

Урсула ЛЕ ГУИН

БЕЗБРЕЖНЕЙ И МЕДЛИТЕЛЬНЕЙ ИМПЕРИЙ...

повесть

Ursula K. Le Guin

VASTER THAN EMPIRES AND MORE SLOW

В первые десятилетия Лиги, и только тогда, Земля посылала корабли в чудовищно долгие экспедиции по ту сторону пределов — дальше, куда дальше звезд. На поиск миров, не засеянных и не колонизированных Основателями с Хайна, по-настоящему чужих миров. Все Ведомые Миры восходили к Хайнскому Первоначалу, и землян, не только созданных, но еще и спасенных хайнианами, это уязвляло. Хотелось отделиться от семьи. Хотелось найти что-то новенькое. Хайниане, будто до противности всепонимающие родители, поддерживали такого рода изыскания и вместе с еще несколькими мирами Лиги предоставляли для них корабли и добровольцев.

Всех этих добровольцев, завербовавшихся в бригады Особой Инспекции, объединяла одна особинка — нездоровая психика.

Да и кто, будучи в своем уме, отправился бы на поиск информации, которой предстоит идти по назначению более пяти, а то и десяти столетий? На работе ансибля тогда еще сказывались помехи от космических масс, устранить их не удавалось, так что мгновенная связь была возможна лишь в радиусе 120 световых лет. Далее исследователи оказывались в полной изоляции. И само собой, они и понятия не имели, куда бы вернулись, если вернулись бы. Ни одно нормальное человеческое существо, испытавшее временной скачок всего-то в несколько десятилетий, путешествуя между мирами Лиги, не отправилось бы по своей воле в экспедицию с возвращением через столетия. Инспекторами становились эскаписты, люди, негодные для нормальной жизни. Инспекторами становились психи.

Десятеро таких и поднялись в порту Смеминг на борт челнока, и те трое суток, пока челнок добирался до их

В качестве названия дана строка из стихотворения английского поэта Эндрю Марвелла (1621–1678) "Застенчивой возлюбленной", герой которого говорит, как росло бы его чувство к возлюбленной, "будь времени в достатке и пространства".

корабля, всяк по-своему нескладно пытались узнать друг друга. Корабль их назывался "Гам" — тау-китянское уменьшительное словечко, что-то вроде "детка" или "дружок". Тау-китянцев в команде оказалось двое, двое хайниан, одна белденка и пятеро землян; корабль тау-китянской постройки был зафрахтован правительством Земли. Разношерстные члены его экипажа с хихиканьем один за другим пролезли на борт по стыковочной трубе, словно смекалистые сперматозоиды, вознамерившиеся оплодотворить Вселенную. Челнок отбыл, и навигатор отправил "Гама" в путь. Тот попорхал сколько-то там часов на границе космоса в нескольких сотнях миллионов миль от порта Смеминг, и вдруг его не стало.

Когда через 29 минут по корабельным часам — или через 256 лет — "Гам" снова объявился в нормальном пространстве, он находился в окрестностях звезды КГ-Е-96651,— по расчетам. Достаточно надежным, надо сказать: действительно, была там золотая булавочная головка этой звезды. Где-то здесь же, внутри сферы радиусом в четыреста миллионов километров, по данным тау-китянских картографов, была еще и некая зеленоватая планетка — Мир 4470. Далее кораблю предстояло найти эту планету. Что довольно просто на словах, но несколько сложнее на деле, ибо речь идет о том, чтобы переворошить стог сена размером в четыреста миллионов километров. И "Гам" не мог носиться в пространстве системы на околосветовой скорости: попытайся он это сделать, и любое возможное столкновение положило бы конец и ему, и звезде КГ-Е-96651, и Миру 4470. Приходилось по-черепашьи ползти на ракетных двигателях, делая считанные сотни тысяч миль в час. Аснанифойл, Математик-Навигатор, определил точные координаты планеты и считал, что им удастся добраться до нее за десять стандартных дней. Тем временем члены Инспекционной бригады малопомалу узнавали друг друга лучше и лучше.

— Я его на дух не выношу,— сказал Порлок, Специалист по Точным Наукам (химия плюс физика, астрономия, геология и т.д.), и на усах его запузырилась слюна.— Этот человек безумен. Понять не могу, кто додумался включить его в Инспекционную бригаду! Разве что здесь сознательно проводят задуманный Властями эксперимент на совместимость, а нам в нем отведена роль морских свинок.

— Мы обычно используем хомяков и хайнских голи, а не морских свинок,— вежливо ответил Мэннон, Специалист по Естественным Наукам (психология плюс пси-

хиатрия, антропология, экология и т.д.); он был одним из хайниан.— Как вам известно, мистер Осден — случай действительно весьма редкий. Строго говоря, он первый пациент, полностью излеченный от синдрома Рендера, одной из разновидностей детского аутизма*, считавшейся неизлечимой. Великий земной психоаналитик Хаммергельд доказал, что в данном случае причиной аутического состояния является гипернормальная эмпатия**, и разработал соответствующий курс лечения. Мистер Осден — первый пациент, прошедший этот курс, он до восемнадцати лет, по существу, жил у доктора Хаммергельда. Лечение оказалось вполне успешным.

— Успешным?!

— Ну конечно же. Он абсолютно не аутичен.

— Но он же невыносим!

— Понимаете ли,— сказал Мэннон, кротко разглядывая капельки слюны на усах Порлока,— существует нормальная защитно-агрессивная реакция, возникающая при встрече незнакомых людей, скажем вас и мистера Осдена — это я просто для примера,— в которой вы вряд ли отдаете себе отчет; в силу обычая, правил поведения, да и невнимательности она проходит мимо вас; вы научились игнорировать ее до такой степени, что смогли бы даже отрицать ее существование. А вот мистер Осден, будучи эмпатом, ее чувствует. Чувствует свои ощущения и ваши тоже, и едва ли может разобрать, где какие. Скажем, когда вы встречаетесь с ним, в вашей эмоциональной реакции на него присутствует нормальный элемент враждебности, испытываемой к любому незнакомцу, да плюс к тому непроизвольная неприязнь к тому, как он выглядит, или одевается, или пожимает руку — неважно, к чему. Он ощущает эту неприязнь. Поскольку от аутической защиты он был отучен, он вынужден прибегнуть к агрессивно-защитному механизму в качестве ответа на агрессивность, которую вы невольно спроецировали на него...— Мэннон распространялся еще довольно долго.

— Ничто не дает человеку права быть таким ублюдком,— подытожил Порлок.

— А не внесет ли он разлад в команду?— спросил Харфекс, Биолог, второй хайнианин.

---

*Состояние психики, характеризующееся преобладанием замкнутой внутренней жизни и активным отстранением от внешнего мира.

** Способность к сопереживанию.

— Это вроде слуха,— сказала Оллеру, Ассистент Специалиста по Точным Наукам, сосредоточенно покрывая ногти флюоресцентным лаком.— На ушах нет век, а у эмпатии нет кнопки отключения. Он слышит наши чувства, хочет он того или нет.

— А он знает, о чем мы сейчас *думаем*? — спросил Эскуана, Инженер, опасливо поглядывая на остальных.

— Нет,— резко перебил его Порлок.— Эмпатия — не телепатия! Телепатия недоступна никому.

— Пока,— уточнил Мэннон, как всегда, чуть улыбаясь.— Как раз перед моим отлетом с Хайна туда поступил в высшей степени интересный отчет с одного заново открытого мира; Роканнон, специалист по врасу*, сообщает, что, как обнаружилось, у подвергшейся мутации расы гуманоидов существует телепатическая техника, которой можно научиться. Я видел только резюме в "Бюллетене ВРС", но...— ну и пошло-поехало.

Остальные уже усвоили, что, пока разглагольствует Мэннон, можно говорить и им; ему это, по-видимому, не мешало, более того, он не упускал многого из сказанного другими.

— Так почему же он нас ненавидит? — спросил Эскуана.

— Андер, лапочка, да кто же вас ненавидит,— промурлыкала Оллеру и мазнула ему по ногтю левого большого пальца флюоресцентно-розовым. Инженер залился краской и смущенно ухмыльнулся.

— Он ведет себя так, будто ненавидит нас,— сказала Хаито, Координатор. Хрупкая, миниатюрная женщина чисто азиатских кровей с удивительным голосом — хриплым, глубоким и мягким, как у молодой лягушки-быка**.— Если он страдает от нашего враждебного отношения, так зачем же он нагнетает его своими выходками и оскорблениями? Мэннон, я не слишком высокого мнения о терапии доктора Хаммергельда: возможно, аутизм был бы предпочтительнее, чем...

Она замолчала — в общую каюту вошел Осден.

Выглядел он так, будто его только что освежевали. Неестественно белая и тонкая кожа выставляла напоказ

*Врасу (ВРС) — высокоразумные существа. Мэннон использует официальный термин Лиги.

**Крупная североамериканская лягушка, обладающая самым сильным голосом среди земноводных — ее низкий, хриплый голос слышен на расстоянии нескольких километров.

кровеносные сосуды, некое подобие выцветшей дорожной карты, выполненной в красной и голубой красках. Адамово яблоко, мускулы рта, кости и сухожилия запястий и кистей проступали так отчетливо, словно демонстрировались для урока анатомии. Волосы у него были цвета давно запекшейся крови, тускло-рыжие. Были и брови, и ресницы, но разглядеть их удавалось лишь при определенном освещении, зато каждый мог видеть кости глазниц, сеть сосудов в веках и лишенные цвета глаза. Не красные — Осден не был собственно альбиносом,— но и не голубые и не серые: цвет, какой бы то ни было, категорически отсутствовал в глазах Осдена, оставались ясность, как у холодных вод, и беспредельная прозрачность. Он никогда и ни на кого не смотрел прямо. На лице его было не больше выражения, чем на рисунке из анатомического атласа или у любого лица, с которого содрали кожу.

— Согласен,— заговорил он высоким металлическим тенором,— что даже аутизм, возможно, был бы предпочтительнее, чем смог дешевых потасканных эмоций, которым вы, люди, окружаете меня. С чего это вы на сей раз источаете ненависть, Порлок? Вида моего вынести не можете? Ну так пойдите да поонанируйте малость, тем же манером, что этой ночью, глядишь, дрожь и уляжется. Что за сволочь переложила сюда мои пленки? Чтобы никто из вас не касался моих вещей, я этого терпеть не намерен!

— Осден,— раздался мощный неторопливый голос Аснанифойла,— и все же почему вы такой ублюдок?

Перепуганный Андер Эскуана сжался и спрятал лицо в ладонях.

Ссоры приводили его в ужас. Оллеру подняла глаза, в ее взгляде завзятой любительницы происшествий странным образом сочетались отрешенность и нетерпение.

— А как мне им не быть? — ответил Осден, не глядя на Аснанифойла и стараясь отодвинуться от него настолько далеко, насколько это было возможно в переполненной каюте.— Вы же сами не даете мне повода изменить поведение, никто из вас не дает.

Заговорил Харфекс, человек сдержанный и терпеливый:

— Повод тот, что нам предстоит провести вместе несколько лет. Всем нам будет жить легче, если...

— Да как вы не можете понять, что все вы для меня — пустое место? — оскалился Осден, забрал свои кассеты с микропленками и вышел. Эскуаны уже не было, его вдруг

потянуло ко сну. Аснанифойл рассекал пальцем воздух, бормоча Ритуальные стихи.

— Его включение в команду можно объяснить только интригами в правительстве Земли. Я это сразу понял,— шептал Координатору, оглядываясь через плечо, Харфекс.

Порлок машинально вертел пуговицу, в глазах его стояли слезы:

— Говорил же я вам — все они сумасшедшие, а вы думали, я преувеличиваю.

И все же "им" можно было найти оправдание. Особые Инспекторы рассчитывали, что сотоварищи по бригаде окажутся людьми умными, воспитанными, способными к адаптации и достаточно симпатичными; им приходилось работать бок о бок в тесноте и опасности, и они были вправе ожидать друг от друга, что проявления паранойи, депрессий, маний, фобий и неумеренной властности не выйдут за определенные рамки и личные взаимоотношения будут оставаться хорошими, во всяком случае бóльшую часть времени. Умным, возможно, Осден и был, но воспитанным — чисто поверхностно, а характером — просто невозможен. Его послали лишь из-за уникального дара — способности к эмпатии, или, точнее говоря, широкодиапазонной биоэмпатической восприимчивости. Его талант не ограничивался определенными видами существ, он мог перехватить эмоции или ощущения от любого что чувствует. Мог разделить похоть белой мыши, боль раздавленного таракана, светобоязнь ночной бабочки. В чужом мире, как решили Власти, было бы полезно вовремя обнаружить, есть ли рядом нечто способное чувствовать, и если есть, то что оно испытывает по отношению к людям. Для Осдена ввели новую должность: он был Сенсором экспедиции.

— Что такое эмоция, Осден? — как-то спросила его в общей каюте Хаито Томико, пытаясь хоть раз установить с ним нечто вроде взаимопонимания.— Что именно вы улавливаете с помощью своей эмпатической чувствительности?

— Дерьмо,— ответил тот высоким, раздраженным голосом.— Психические испражнения царства животных. Бреду по колено в ваших экскрементах.

— Я просто хотела уточнить кое-какие обстоятельства,— сказала она, как ей казалось, на редкость спокойным тоном.

— Да не обстоятельства вам были нужны. Вы меня хотели понять. Не без страха, не без любопытства и с

громадным отвращением. Так, будто ковыряете дохлую собаку, чтобы посмотреть, как копошатся черви. Усвойте вы раз и навсегда: не хочу я, чтобы меня понимали, хочу, чтобы меня оставили одного! — Его кожа пошла красными и фиолетовыми пятнами, голос стал еще выше.— В собственном дерьме валяйся, сука желтая!

— Успокойтесь,— сказала она по-прежнему тихо, но тут же ушла в свою каюту. Конечно, он не ошибся в ее мотивах; вопрос был в значительной мере предлогом, просто попыткой вызвать интерес. Но что в том плохого? Разве не предполагает такая попытка уважения к другому? Задавая свой вопрос, она меньше всего испытывала отвращение к Осдену; больше жалела его, несчастного, высокомерного и злобного ублюдка, Мистера Без Кожи, как прозвала его Оллеру. А на что он, собственно, рассчитывал, при своем-то поведении? На любовь?

— Просто для него невыносим любой, кто чувствует к нему жалость,— сказала Оллеру; она лежала на нижней койке, покрывая соски позолотой.

— В таком случае у него ни с кем не будет человеческих отношений. Все, что сделал этот его доктор Хаммергельд,— вывернул аутизм наизнанку.

— Вот бедняжка,— сказала Оллеру.— Томико, ты не возражаешь, если ночью сюда зайдет Харфекс?

— А самой пойти к Харфексу никак нельзя? Вечно мне приходится восседать в Общей с этой проклятой очищенной репой. Меня уже тошнит от него!

— Ты ведь ненавидишь его, верно? Видимо, он это чувствует. Но я спала с Харфексом и прошлой ночью, и Аснанифойл может возревновать, у них же общая каюта. Здесь было бы приличнее.

— Обслужи их обоих,— сказала Томико со всей грубостью оскорбленной благопристойности. Земная субкультура, к которой она принадлежала, восточноазиатская, была пуританской, и Томико хранила целомудрие.

— Но я хочу только одного за ночь,— с невинной безмятежностью ответила Оллеру. На Белдене, Планете-Саде, так и не изобрели ни колеса, ни целомудрия.

— Так попробуй Осдена,— фыркнула Томико. Нестабильность ее личности редко бывала столь явной, как сейчас; абсолютное неверие в себя проявлялось в деструктивной активности. Она потому и согласилась участвовать в этом деле, что, по всей вероятности, оно не имело никаких надежд на успех.

Маленькая белденка подняла расширившиеся глаза, застыла с кисточкой в руке:

— Томико, так говорить неприлично.

— Почему?

— Это было бы мерзко! Меня не влечет к Осдену!

— Вот уж не знала, что для тебя это так важно,— с деланным безразличием сказала Томико, хотя прекрасно все знала. Она собрала кое-какие бумаги и вышла из каюты, бросив: — Надеюсь, ты проделываешь это с Харфексом или на ком ты там остановишься, в последний раз. Мне надоело.

Оллеру заплакала, по маленьким позолоченным соскам полились слезы. Этой бы только пореветь. Сама Томико не плакала с тех пор, как ей исполнилось десять лет.

Так что корабль не был счастливой обителью, однако дело повернулось к лучшему, когда Аснанифойл со своими компьютерами добрался до Мира 4470. Вот он, темно-зеленый самоцвет, открывшийся, словно истина, на дне гравитационного колодца. Рос жадеитовый* диск, с которого они не сводили глаз, росло и чувство общности между ними. Теперь эгоизм и расчетливая жестокость Осдена работали на то, чтобы свести остальных воедино. "Может быть,— сказал Мэннон,— он послан в качестве грона для битья. Того, что земляне называют козлом отпущения. Может, по большому счету его присутствие будет полезным для всех".— И никто не возразил — настолько все они хотели сейчас быть добрыми друг к другу.

Они вышли на орбиту. На ночной стороне планеты не было огней, на континентах — линий или выступов, выдававших присутствие живых существ, способных к строительству.

— Людей здесь нет,— прошептал Харфекс.

— Само собой,— буркнул Осден; он отвернулся вместе со своим обзорным экраном и всунул голову в политеновый пакет. Пластик, по его утверждению, отсекал эмпатический шум, доносящийся от коллег.— Мы в двух световых веках от пределов Хайнского Пространства, а вне его людей нет. Не думаете же вы, что Мироздание способно совершить одну и ту же чудовищную ошибку дважды?

Но всем остальным было не до него — они любовно разглядывали расстилавшуюся внизу жадеитовую необъятность, где есть жизнь, но жизнь без людей. Для них, не приспособленных к жизни в человеческом обществе,

*Жадеит — минерал яблочно-зеленого цвета, поделочный камень.

то, что открывалось их глазам, означало не изолированность, но покой. Да и Осден выглядел не столь безразличным, как всегда. Он хмурился.

Спуск в языках пламени к морю, воздушная разведка, посадка. Равнина с чем-то вроде травы с толстыми зелеными гибкими стеблями окружила корабль, задевая выдвинутые видеокамеры, марая объективы крохотными частицами пыльцы.

— Похоже, чистой воды фитосфера,— высказался Харфекс.— Осден, вы поймали что-нибудь чувствующее?

Все обернулись к Сенсору. Тот, потеряв интерес к экрану, готовил себе чай. Он не ответил. Он вообще редко отвечал на задаваемые вопросы.

Жесткая, как хитин, военная дисциплина была совершенно неприменима к таким вот экипажам сумасшедших ученых; принятая в них система отдачи распоряжений занимала некое промежуточное положение между парламентской процедурой и "порядком целования"* и могла бы свести с ума любого кадрового офицера. Однако по непостижимой логике Властей звание Координатора было присвоено доктору Хаито Томико, и теперь она впервые воспользовалась своими прерогативами.

— Сенсор Осден,— распорядилась она,— пожалуйста, ответьте Биологу Харфексу.

— Как я могу "поймать" что-то извне,— сказал, не оборачиваясь, Осден,— если эмоции девяти невротических гуманоидов кишат вокруг меня, как черви в банке? Когда у меня будет что сказать вам, я скажу. Я знаю, что обязан делать в качестве Сенсора. А вот если вы, Координатор Хаито, позволите себе вновь отдать мне приказ, я буду считать свои обязательства утратившими силу.

— Вот и хорошо, мистер Сенсор. Я полагаю, что впредь к приказам прибегать не придется.

Ее лягушачий голос звучал спокойно, но сидевший спиной к ней Осден, казалось, слегка содрогнулся от боли, будто волна потаенной злобы Томико была физическим телом, нанесшим ему удар.

Первое впечатление Биолога подтвердилось. Приступив к полевым работам, они не обнаружили животных даже среди микробиоты**. Здесь никто никого не ел. Все

*Шутливое название общественного строя, предусматривающего деление населения на группы, расположенные в строгой иерархии.

**Биота — совокупность флоры и фауны данного района.

формы живого были фотосинтезирующими либо сапрофагами*, жили за счет света или смерти, но не за счет жизни. Растения, бесчисленные растения, и ни единого вида, известного экскурсантам из обители Человечества. Бесчисленные молчания. Разве что ветерок повеет, покачивая листья и ветви, теплый, шелестящий, насыщенный спорами и пыльцой, взметнет сладкую блекло-зеленую пыль над заросшими высокой травой прериями, пустошами без привычного вереска, нехоженными и невиданными лесами. Теплый печальный мир, печальный и безмятежный. Инспекторы, будто на пикнике, бродили по солнечным долинам, поросшим лиловыми папоротниками, тихо беседовали друг с другом. Они знали: их голоса нарушают молчание, длившееся тысячу миллионов лет, молчание ветра и листьев, листьев и ветра, что задует и уляжется и задует вновь. Они говорили тихо и все же говорили, на то они и люди.

— Бедный старина Осден,— сказала Дженни Чонь, Техник-Биолог, пилотируя гелиджет** в плановом маршруте в район Северного Полюса.— Аппаратура в мозгу — просто класс, а принимать нечего. Вот ведь невезуха.

— Он признался мне, что ненавидит растения,— хихикнула Оллеру.

— А ты думала, он полюбит их уже за то, что они, не в пример нам, не раздражают его?

— Не скажу, что я сам без ума от этих растений,— заявил Порлок, глядя вниз, на пурпурные волны Северного Полярного Леса.— Везде одно и то же. Ничего мыслящего. Ничего меняющегося. Человек, окажись он здесь один, свихнуться может.

— Но все это — живое,— сказала Дженни Чонь.— А все, что живет, Осден ненавидит.

— Ну, вообще-то он не такой уж и противный,— великодушно заметила Оллеру.

— Доводилось спать с ним, да, Оллеру? — покосился на нее Порлок.

— Похабники вы, земляне! — вскрикнула Оллеру, залившись слезами.

— Ей-то не доводилось,— не замедлила вступиться Дженни Чонь.— А вам, Порлок?

Химик натужно рассмеялся: "Ха-ха-ха!" На усах появились росинки слюны.

*Растения, питающиеся растительными остатками.

**Аббревиатура от англ. "helicopter jet" — "реактивный вертолет"

— Осден не может вынести прикосновения,— всхлипнула Оллеру.— Я однажды чуть дотронулась до него, просто случайно, а он отмахнулся от меня, будто я какая-то грязная... вещь. Все мы для него просто вещи.

— Он — сущее зло,— сказал Порлок странно изменившимся голосом, от которого обе женщины вздрогнули.— Дело кончится тем, что он перессорит нашу команду либо провалит ее работу — не одно, так другое. Запомните мои слова. Он не способен сосуществовать с другими людьми!

Они сели на Северном Полюсе. Над низкими холмами тлело полночное солнце. Невысокая сухая зеленовато-розовая мохоподобная трава разбегалась до горизонта во всех направлениях, и каждое из них было одним и тем же — южным. Подавленные невероятной тишиной, трое Инспекторов установили приборы и занялись делом — три судорожно копошащихся вируса на коже недвижного гиганта.

Никто не звал Осдена с собой ни пилотом, ни фотографом, ни регистратором, а сам он своих услуг никогда не предлагал, так что редко покидал базовый лагерь. Он обрабатывал на бортовых компьютерах данные Харфекса по ботанической таксономии* и помогал Эскуане, чья работа здесь сводилась к ремонту и профилактическому обслуживанию систем. Эскуана стал подолгу спать, по двадцать пять и более часов за тридцатидвухчасовые сутки, внезапно отключаясь за ремонтом радиооборудования или проверкой цепей управления гелиджета. Однажды Координатор специально осталась на базе посмотреть, что к чему. Больше никого не было, кроме подверженной эпилептическим припадкам Посуэт То — в этот день Мэннон начал курс лечения, погрузив ее в состояние превентивной кататонии. Томико вводила отчеты в банки данных и присматривала за Осденом и Эскуаной. Прошло два часа.

— Это соединение вы могли бы при желании паять припоем 860,— тихо и нерешительно сказал Эскуана.

— Ясное дело!

— Извините. Я просто посмотрел, вижу, у вас там 840-й...

— Уберу его, когда достану 860-й. Инженер, когда я не буду знать, как действовать, я сам обращусь к вам за советом.

---

*Классификации и систематизации.

Через минуту Томико оглянулась. Сомнений быть не могло: Эскуана спал глубоким сном — голова на столе, большой палец во рту.

— Осден!

Тот не ответил и не повернул мертвенно-бледного лица, только нетерпеливо передернулся.

— Вы не могли не знать о ранимости Эскуаны.

— Я не отвечаю за его психопатические реакции.

— Но за свои отвечаете. В том, чем мы здесь занимаемся, Эскуана — главная фигура, а вы нет. Раз вы не в состоянии справиться со своей враждебностью, вам следует избегать общения с ним.

Осден положил инструменты и встал.

— С радостью! — воскликнул он злым скрипучим голосом.— Вам-то, наверно, и вообразить не дано, каково это — переживать безотчетный ужас Эскуаны. Быть вынужденным разделять его жуткую трусость, съеживаться вместе с ним от страха перед всем на свете!

— Вы что, пытаетесь оправдать свою жестокость к нему? Я думала, у вас больше чувства собственного достоинства! — До Томико дошло, что ее трясет от злости.— Если ваша способность к эмпатии в самом деле вынуждает вас делить с Андером его страдания, почему же она никогда не вызывает в вас ни капли сострадания?

— Сострадание...— сказал Осден.— Сострадание... Что вы знаете о сострадании?

Она не сводила с него глаз, но он на нее смотреть не хотел.

— Не угодно ли, чтобы я описал словами ваши теперешние чувства по отношению ко мне? — спросил он.— Я смогу это сделать точнее, чем вы сами. Меня научили анализировать такие реакции по мере их приема. А я ведь и в самом деле принимаю их.

— Но как вы можете рассчитывать на теплые чувства с моей стороны, если ведете себя подобным образом?

— Да какую роль играет то, как я себя веду, курица ты безмозглая, думаешь, от этого что-нибудь меняется? Думаешь, средний человек — кладезь любви и благости? Весь мой выбор — быть ненавидимым или быть презираемым. Я не женщина и не трус и предпочитаю, чтобы меня ненавидели.

— Вздор это. Самоуничижение. У каждого человека есть...

— А я не каждый,— сказал Осден.— Есть все вы. И есть я. Я — *один*.

Пораженная этой внезапно открывшейся бездной солипсизма*, она некоторое время молчала; наконец, уже без злости и жалости, будто ставя диагноз, произнесла:

— Вы можете себя убить, Осден.

— Недурной для вас выход, да, Хаито? — глумливо ухмыльнулся он.— Я депрессиям не подвержен, и сепппуку не мой удел. Так что вы мне предлагаете делать?

— Уйти. Пожалеть самого себя и нас. Возьмите аэрокар, портативный компьютер и отправляйтесь на подсчет разновидностей. В лес. За лес Харфекс еще даже не принимался. Выберите облесенный участок в сто квадратных метров, где-нибудь в пределах дальности радиосвязи. Но за пределами эмпатического приема. Докладывайте ежедневно в 8 и 24 часа.

Осден отбыл и пять дней подряд напоминал о себе только поступавшими дважды в сутки короткими сообщениями о том, что все нормально. Настроение в базовом лагере сменилось с быстротой театральных декораций. Эскуана бодрствовал по восемнадцать часов в сутки. Посуэт То взялась за свою небесную лютню и погрузилась в астральные созвучия (Осдена музыка доводила до бешенства). Мэннон, Харфекс, Дженни Чонь и Томико, все как один, отказались от транквилизаторов. Порлок в своей лаборатории перегонял нечто и сам же все выпивал, привычно страдая похмельем. Аснанифойл и Посуэт То отслужили всенощное Численное Богоявление, мистическую оргию высшей математики — высшее наслаждение для религиозной сетианской души. Оллеру переспала с каждым. Работа двигалась.

Специалист по Точным Наукам вернулся на базу бегом, с трудом продираясь сквозь мясистые стебли травообразных.

— Там, в лесу... что-то...— глаза его вылезали из орбит, он задыхался, пальцы и усы дрожали,— что-то большое. Движущееся, сзади. Я вводил данные, наклонился пониже. Оно на меня напало. Будто с дерева спрыгнуло. Сзади.— Он бессмысленно уставился на слушателей глазами, помутневшими не то от ужаса, не то от усталости.

— Сядьте, Порлок. Успокойтесь. А теперь по порядку, все сначала. Вы *увидели* что-то...

*Крайний эгоизм, эгоцентризм.

— Неясно. Только движение. Целенаправленное. Он... оно... не знаю, что бы это могло быть. Что-то самостоятельно перемещающееся. В этих деревьях или древовидных, называйте как хотите. На опушке леса.

Харфекс, похоже, был неумолим.

— Здесь нет ничего, что могло бы напасть на вас, Порлок. Здесь нет даже микробов. Здесь *не может* быть большого животного. Возможно, это просто упал какой-то эпифит, какая-то отцепившаяся у вас за спиной лиана?..

— Нет,— сказал Порлок.— Оно спускалось прямо на меня, по веткам, быстро. Когда я повернулся, оно опять взлетело, вверх и от меня. Один Бог ведает, что это могло быть. Большое такое, с человека, не меньше. Кажется, красноватого цвета. Нет, не уверен, не разглядел.

— Это был Осден, вообразивший себя Тарзаном,— заявила Дженни Чонь и нервно хихикнула.

Томико подавила смех, беспомощный и безумный. Но Харфекс и не улыбнулся.

— Под древовидными становится не по себе,— сказал он, как обычно, вежливо и тихо,— я это уже замечал. Возможно, именно потому я и откладывал работу в лесах. В цвете и расстановке стволов и ветвей, особенно расположенных по спирали, вообще есть нечто гипнотическое, а эти споровые растут, располагаясь до неестественности упорядоченно. Если говорить о субъективном ощущении, меня лично они угнетают. Не исключено, что более сильное воздействие такого рода могло породить галлюцинации.

Порлок покачал головой. Облизал губы.

— Оно там *было*,— сказал он.— Что-то. Целенаправленно двигавшееся. Пытавшееся напасть на меня со спины.

Когда этим вечером Осден, как всегда пунктуальный, вышел в 24 часа на связь, Харфекс пересказал ему сообщение Порлока.

— Встречалось ли вам, мистер Осден, что бы то ни было, могущее подтвердить впечатления мистера Порлока о наличии в лесу подвижной и чувствующей формы жизни?

Ответом был сардонический свист, затем послышался противный голос Осдена:

— Нет. Дерьмо цена его впечатлениям.

— Вы пробыли в лесу дольше любого из нас,— вежливость Харфекса была непоколебима.— Согласны ли вы с моим впечатлением, что пребывание в лесу оказывает

довольно гнетущее, а возможно, и галлюциногенное воздействие на восприятие?

Снова свист, потом голос Осдена:

— Согласен, восприятие Порлока потревожить легко. Вот пусть и не высовывается из своей лаборатории, меньше вреда от него будет. Еще что-нибудь?

— На данный момент все,— сказал Харфекс, и Осден отключился.

Никто не мог поверить в историю Порлока, и никто не мог опровергнуть ее. Сам он был уверен: нечто — нечто большое — пыталось внезапно атаковать его. Отвергнуть это было трудно, ибо они находились в чуждом мире и любого, кто бы ни вошел в лес, под "деревьями" бил озноб и преследовали дурные предчувствия. ("Конечно, будем называть их "деревья",— сказал Харфекс.— В сущности, они деревья и есть, только, естественно, не имеют с ними ничего общего".) Все сходились на том, что испытывали тревогу или чувство, что сзади за ними кто-то наблюдает.

— Мы должны с этим разобраться,— сказал Порлок и попросил, чтобы его, как и Осдена, послали в лес в качестве помощника Биолога — изучать, наблюдать. Попросились и Оллеру с Дженни Чонь, при условии, что они смогут работать в паре. Харфекс направил всех их в лес, поблизости от которого была расположена база: необъятные леса покрывали четыре пятых континента Д. Личное оружие брать было запрещено. Не разрешалось выходить из полукруглого пятидесятимильного участка, в пределах которого в данный момент находился и Осден. Все они дважды в день связывались с базой на протяжении трех суток. Порлок доложил о мельком замеченной крупной полупрямоходящей фигуре, пробиравшейся по деревьям на другую сторону реки; Оллеру была уверена, что на вторую ночь слышала, как что-то движется около палатки.

— На этой планете животных нет,— упорно твердил Харфекс.

И тут Осден не вышел на утренний сеанс связи.

Томико прождала еще около часа и вместе с Харфексом вылетела в район, где Осден находился накануне вечером. Но стоило гелиджету приблизиться к безбрежному, непроницаемому морю отливающих пурпуром листьев, как она почувствовала паническое отчаяние:

— Да разве сможем мы его здесь отыскать?

— Он докладывал, что высадился на берегу реки. Найдем аэрокар, лагерь будет неподалеку, а далеко от

лагеря он забраться не мог. Подсчет разновидностей — занятие медленное. Так, река вот.

— А вот его кар,— сказала Томико, высмотрев среди красок и теней растительности яркий инородный блеск.— Ну что ж, приступаем!

Она перевела аппарат в режим зависания, выбросила лестницу и спустилась вслед за Харфексом. Живое море сомкнулось над их головами.

Едва почувствовав под ногами дерн, Томико расстегнула кобуру, однако, покосившись на безоружного Харфекса, так и не достала оружия. Но рука ее была готова в любой момент вернуться к пистолету. Всего несколько метров отделяло их от медленной коричневой реки, вокруг царил полумрак, не слышалось ни единого звука. Громадные стволы возвышались довольно далеко друг от друга, в неестественном порядке, почти одинаковые; были среди них покрытые чем-то мягким, гладким на вид и другие, губчатые — седые, зеленовато-бурые и коричневые, обвитые канатами лиан и увешанные гирляндами эпифитов — они топорщились охапками жестких блюдцеобразных листьев, составляющих кровлю двадцатитридцатиметровой толщины. Грунт под ногами пружинил, как матрац, каждый его дюйм был пронизан корнями и усыпан крохотной порослью с мясистыми листками.

— Вот его палатка,— сказала Томико и устрашилась тому, как звучит ее голос в этом гигантском сообществе безгласных. В палатке оказались спальный мешок Осдена, пара книг, ящик с провиантом. Надо бы нам покричать, позвать его, подумала она, но даже не предложила этого; не предложил и Харфекс. Они стали обходить палатку все более широкими кругами, боясь потерять друг друга из виду в обступающем частоколе стволов и гнетущей тьме. Томико наткнулась на Осдена метрах в тридцати от палатки, привлеченная слабым отсветом оброненной им записной книжки. Осден лежал ничком меж двух деревьев с огромными корнями. Голову и руки покрывала кровь, местами запекшаяся, местами еще сочащаяся, красная.

Рядом с ней возник Харфекс, его бледное хайнское лицо в сумраке казалось ярко-зеленым.

— Мертв?

— Нет. Избит. Его ударили. Сзади.— Пальцы Томико ощупывали окровавленный череп, виски, затылок.— Каким-то оружием или орудием... Трещин я не нахожу.

Когда она перевернула тело вверх лицом, готовясь поднять его, глаза Осдена приоткрылись. Она поддержа-

ла его, склонилась к самому лицу. Бескровные губы Осдена искривились, и смертельный страх вошел в нее. Она громко вскрикнула раза три или четыре и попыталась сбежать в ужасающие сумерки — спотыкаясь, на непослушных ногах. Харфекс перехватил ее, и от прикосновения, от звука его голоса панический ужас отступил.

— В чем дело? В чем дело? — спросил он.

— Не знаю,— всхлипнула она. Ее все еще трясло от волнения, в глазах плыло.— Страх или... Я испугалась. Когда увидела его глаза.

— Оба мы нервные. Не понимаю, что...

— Я уже в порядке. Быстрее, нам надо доставить его на базу.

Вдвоем, действуя с бессознательной торопливостью, они оттащили Осдена на берег реки и подняли, обвязав канатом под мышками. Тот висел мешком, чуть покачиваясь над клейким темным морем листьев. Они втащили его в гелиджет и снялись. Минуту спустя они были над просторами прерии. Томико установила курс на радиомаяк базы. Глубоко вздохнула и встретилась глазами с Харфексом.

— Я испытала такой ужас, что едва не потеряла сознание. Никогда со мной этого не бывало.

— Я... тоже слишком испугался,— сказал хайнианин; и верно, он выглядел потрясенным и постаревшим.— Не так сильно, как вы. Но тоже слишком.

— Это случилось, когда я находилась в контакте с ним, поддерживая его. Мне показалось, что он на миг пришел в себя.

— Эмпатия?.. Будем надеяться, он сможет сказать нам, что́ на него напало.

Осден, как поломанная кукла, перепачканная кровью и грязью, все так же полулежал на заднем сиденье, куда они второпях швырнули его, желая только как можно скорее унести ноги из леса.

Их прибытие на базу прибавило паники. Зловещее, неумело жестокое нападение было необъяснимо. Поскольку Харфекс упрямо отрицал какую бы то ни было возможность животной жизни, начались рассуждения о мыслящих растениях, растительных монстрах и психопроекциях. Фобия Дженни Чонь перешла из латентной стадии в активную, и та не могла говорить ни о чем, кроме Темных Эго, что следуют за спиной у окружающих. Ее, и Оллеру, и Порлока отозвали обратно на базу, покинуть которую никто особенно не стремился.

За три или четыре часа, которые Осден пролежал в одиночестве, он потерял немало крови, а удар и несколько ушибов привели его в шок, почти в кому. Стоило Осдену выйти из этого состояния, как началась изнуряющая лихорадка: он несколько раз звал "доктора", жалобно стонал: "Доктор Хаммергельд..." Через два томительно долгих дня он полностью обрел сознание; тогда Томико пригласила к нему в бокс Харфекса.

— Осден, я спрашиваю: вы можете сказать нам, что напало на вас?

Бесцветные глаза смотрели мимо Харфекса.

— На вас было совершено нападение,— мягко сказала Томико. Этот тусклый взгляд был ей привычно ненавистен, но сейчас говорил врач, защитник страдающих.— Возможно, вы еще не вспомнили. Что-то напало на вас. Вы были в лесу.

— Да! — выкрикнул он с вспыхнувшими вдруг глазами и искаженным лицом.— Лес... В лесу...

— Что в лесу?

У него перехватило дыхание. По лицу было видно: он вспоминает все яснее. Ответил он не сразу, и ответ был:

— Не знаю.

— Вы видели, что напало на вас? — спросил Харфекс.

— Не знаю.

— Вы же сейчас вспомнили.

— Не знаю.

— Возможно, от этого зависит жизнь всех нас. Вы обязаны рассказать нам, что видели!

— Не знаю,— сказал Осден, всхлипывая от слабости. Слабость не позволяла ему скрыть, что ответ он скрывает, а отвечать он не хотел. У бокса покусывал сивые усы Порлок, стараясь подслушать, что происходит внутри. Харфекс, наклонившись над Осденом, начал было: "Нет, вы расскажете нам..."— но Томико сочла необходимым остановить его.

Больно было видеть, с каким трудом удалось Харфексу сохранить самообладание. Он молча ушел в свой бокс — конечно же, за двойной или тройной дозой транквилизатора. Прочие мужчины и женщины разбрелись по всему большому и непрочному зданию с его длинным общим холлом и десятком спальных боксов; они ничего не говорили, но выглядели подавленными и раздраженными. Даже теперь, как и всегда, Осден держал всех их в своей власти. Томико, склонившись, смотрела на него, и под-

ступившая ненависть желчью жгла ей горло. Столь чудовищный эготизм*, питающий себя чувствами других людей, столь абсолютный эгоизм хуже самого отвратительного физического уродства. Как и любому врожденному уродцу, ему не следовало жить. Не следовало оставаться в живых. Следовало умереть. И почему голова его не раскололась?

А тот лежал, безжизненный и белый, беспомощно раскинув руки; из уголков лишенных цвета широко открытых глаз бежали слезы. Попробовал уклониться от нее. Сказал слабо и хрипло: "Не надо!" — попытался поднять руки и закрыть голову.— "Не надо!"

Она присела на складной стул рядом с койкой и, выждав какое-то время, накрыла его ладонь своей. Он попробовал выдернуть руку, но ему не хватило сил.

Их надолго разделило молчание.

— Осден,— зашептала она,— я сожалею. Глубоко сожалею. Я желаю вам добра. Позвольте мне желать вам добра. Я не хочу причинить вам боль. Послушайте, теперь я знаю. "Что-то" было одним из нас. Именно так, да. Не отвечайте, только скажите, если я ошибаюсь — но я не ошибаюсь... Конечно же, на этой планете есть животные. Целый десяток. И неважно, кто именно был там. Не играет роли, кто это сделал. Могла быть и я, вполне могла. Я не понимала, откуда это берется, Осден. Вам не дано знать, как нам трудно понять такое... Но послушайте. Что, если бы это было не ненавистью и страхом, а любовью... А любовью это никогда не бывает?

— Нет.

— Почему нет? Почему? Неужели человеческие существа настолько слабы, все до единого? Страшно подумать. Ну неважно, неважно, не волнуйтесь. Не шевелитесь. Сейчас хотя бы это не ненависть, верно? По меньшей мере симпатия, участие, доброжелательность. Вы не можете не чувствовать этого. Осден, вы *это* чувствуете?

— И... другое,— произнес он почти неслышно.

— Вероятно, шум от моего подсознания. Да и всех остальных. Знаете, когда мы нашли вас в лесу и я пыталась вас перевернуть, к вам отчасти вернулось сознание, и я ощутила ужас перед вами. На минуту я обезумела от страха. Я ощущала ваш страх передо мной?

— Нет.

*Самомнение, самовлюбленность.

Ее ладонь все еще лежала на его руке; напряжение его заметно спало, он погружался в сон — сон измученного человека, наконец избавленного от страданий. "Лес,— прошептал он, ей едва удалось разобрать, что́ он говорит.— Боюсь".

Она не пыталась выжать из него что-то еще, просто держала ладонь на его руке и смотрела, как он засыпает... Хаито знала, что чувствует она, а значит, и то, что должен чувствовать он. Она была уверена: есть лишь одна эмоция или состояние существа, что может вот так, за один момент, обратиться в свою противоположность, инвертироваться. В великохайнском языке одно и то же слово, *онта́*, означает и любовь, и ненависть. Конечно же, она не влюблена в Осдена, здесь другая история. То, что она испытывает к нему,— онта, инвертированная ненависть. Она держала его руку в своей, и между ними тек ток, ужасающее электричество, что возникает от прикосновения — прикосновения, которого он всегда страшился. Когда он засыпал, мышцы, окольцовывавшие, как на анатомическом рисунке, его рот, расслабились, и Томико увидела на этом лице то, что никому из них никогда не доводилось видеть,— улыбку, пусть едва заметную. Улыбка померкла. Осден уснул.

Он оказался крепким — на следующий день уже сидел и хотел есть. Харфекс собирался допросить его, но Томико не позволила. Она завесила дверной проем бокса листом политена, как часто делал сам Осден.

— Пластик в самом деле отсекает ваше эмпатическое восприятие?

— Нет,— ответил Осден сухо и осторожно, тоном, который был теперь принят у них в разговорах между собой.

— Значит, просто в качестве предупредительного знака?

— Отчасти. Скорее для исцеления верой*. Доктор Хаммергельд думал, что это поможет... Может, и помогает немного.

И все же любовь была, единственная. Испуганный ребенок, захлебывающийся в приливно-отливном напоре и дубасящий взрослых их же непомерными для него эмоциями, тонущий мальчик, спасенный неким мужчиной. Обученный дышать и жить тем же мужчиной. Получивший все — и защиту, и любовь от того же мужчины. От того, кто стал Отцом-Матерью-Богом, ни от кого другого.

*Метод лечения болезней молитвой и верой.

— Он еще жив? — спросила Томико, размышляя над невероятным одиночеством Осдена и странной жестокостью великих медиков. И вздрогнула, услышав деланный, резкий, металлический смех:

— Он умер по меньшей мере два с половиной века назад,— ответил Осден.— Вы что, забыли, где мы, Координатор? Все мы, вырвавшись вперед, потеряли свои семейки...

А по ту сторону политеновой завесы находились в прострации остальные восемь человеческих существ, обитающих в Мире 4470. Их голоса звучали сдавленно и принужденно. Эскуана спал; Посуэт То была на излечении; Дженни Чонь пыталась расположить светильники у себя в боксе так, чтобы не отбрасывать тени.

— Все они перепуганы,— сказала Томико, перепуганная не меньше.— У каждого есть соображения о том, что напало на вас. Что-то вроде обезьянокартофеля, гигантский клыкастый шпинат, уж не знаю, что еще... Возможно, вы правы, не стоит толкать их к прозрению. Это было бы еще хуже — утратить доверие друг к другу. Но почему все мы так не уверены в себе, не способны взглянуть правде в глаза, так легко теряем голову от страха? Мы действительно все безумны?

— То ли еще скоро с нами будет!

— Почему?

— Потому что "что-то" *есть*,— он стиснул рот так, что рельефно выступили мышцы губ.

— Что-то чувствующее?

— Способность чувствовать.

— В лесу?

Он кивнул.

— А тогда что же?..

— Страх...— Его лицо снова стало искажаться, он беспокойно заерзал.— Знаете, когда я там упал, я не сразу потерял сознание. А может, сразу же пришел в себя. Не знаю. Больше всего это было похоже на паралич.

— Вы просто лежали.

— Лежал на земле. Не мог подняться. Лицом в грязи; в мягкой такой лиственной плесени. Она и в ноздрях, и в глазах. Я не мог двинуться. Не мог видеть. Я будто был внутри земли. Проникнув в нее, став ее частью. Знал, что я между двух деревьев — даже если бы никогда не видел их. Думаю, что мог чувствовать корни. Те, что в земле подо мной, глубоко под землей. Руки были в крови, я мог чувствовать это, как и то, что именно из-за крови грязь, лицом в которой я лежал, теплая и влажная.

Я чувствовал страх. Он нарастал. Как будто бы они наперед *знали*, что я буду там, буду лежать там, на них, под ними, среди них; я — то самое, чего они страшились, но, кроме того, и часть самого их страха. Я не мог не отсылать страх туда, откуда он пришел, и он рос и рос, а я не мог двинуться, не мог уйти. Думаю, я начинал терять сознание, но страх тут же вновь возвращал мне его, и я все так же не мог двинуться. Ничуть не больше, чем они.

Томико почувствовала, как слегка зашевелились волосы на голове — заработал орган ужаса.

— Они... Кто они, Осден?

— Они, оно... Не знаю. Страх.

— О чем он теперь болтает? — требовательно спросил Харфекс, когда Томико изложила ему эту беседу. Она чувствовала, что должна защитить Осдена от бешеной атаки могучих эмоций, которым хайнианин не давал вырваться наружу, и не хотела, чтобы Харфекс до поры допрашивал Осдена. К несчастью, тем самым она раздула костер параноидальной тревоги, вяло тлевшей в бедняге, и Харфекс вообразил, что она и Осден вступили в союз и утаивают от остальных нечто особенно важное или опасное.

— Это походило на попытку слепого описать слона. Осден видел или слышал эту... чувствительность не больше нас.

— Но он ведь почувствовал ее, дорогая моя Хаито,— сказал Харфекс с едва сдерживаемой яростью.— Не эмпатически. На собственном черепе. Она явилась, и сбила его с ног, и ударила его тупым орудием. А он и краешком глаза ее не увидел?

— А что бы он мог увидеть, Харфекс? — спросила Томико, но тот будто не слышал ее многозначительного вопроса, ведь именно он набросал другую версию: страх испытывают от чужого. Убийца пришел извне, он чужестранец, не один из нас. Зло — не во мне!

— Первый удар завалил его так основательно,— устало продолжала Томико,— что видеть он ничего не мог. Но когда он пришел в себя, один в лесу, то почувствовал ужас. Не собственный, а эмпатически воспринятый. Он уверен в этом. Как и в том, что ничего не улавливал ни от кого из нас. Отсюда очевидно, что коренные формы жизни не совсем бесчувственные.

Харфекс бросил на нее мрачный взгляд:

— Хаито, вы пытаетесь меня запугать. Не понимаю, зачем вам это,— встал и пошел к своему лабораторному

столу, такой медлительный и чопорный, будто ему не сорок лет, а все восемьдесят.

Она оглядела остальных — впору было впасть в отчаяние. Взаимопонимание с Осденом, недавнее, непрочное, но глубокое, придало ей сил. Но кто из остальных смог бы сохранить присутствие духа, если это не удавалось даже Харфексу? Порлок и Эскуана заперлись в своих боксах, остальные занимались работой или кто чем. Что-то странное было в их позах. Координатор не могла бы сразу сказать, что именно, потом поняла: все они сидели лицом к недалекому лесу. Оллеру, играя в шахматы с Аснанифойлом, постепенно передвигала свой стул по кругу, пока не оказалась почти бок о бок с партнером.

Томико зашла к Мэннону, изучавшему срезы спутанных паукообразных бурых корней, и предложила ему взглянуть на эту головоломку. Тот сразу же понял, о чем она, и с непривычной для него лаконичностью сформулировал:

— Слежение за врагом.

— Каким врагом? Вы-то что чувствуете, Мэннон? — у нее вдруг появилась надежда, что в темной этой области намеков и эмпатий, где заблудились биологи, разберется психолог.

— Я чувствую сильную тревогу определенной пространственной ориентации. Но я не эмпат. Следовательно, тревога объяснима в терминах частной стрессовой ситуации, то есть происшедшего в лесу нападения на одного из членов бригады, равно как и в терминах общей стрессовой ситуации, то есть факта моего присутствия в тотально чужом окружении, неизбежно воспринимаемом метафорически в духе архетипических* коннотаций** слова "лес"...

Несколькими часами позже Томико разбудили крики Осдена. Тому снились кошмары. Мэннон успокоил его, и она вновь погрузилась в персональную тьму запутанных, не поддающихся толкованию сновидений. Наутро не встал Эскуана. Не удалось разбудить его и с помощью

*Архетип (психол.) — изначальные, врожденные психические образы, составляющие содержание т.н. коллективного бессознательного и лежащие в основе общечеловеческой символики сновидений, мифов и т.д.

**Дополнительное, сопутствующее значение языковой единицы.

стимуляторов. Он цеплялся за сон, время от времени что-то тихо бормотал, соскальзывая все дальше и дальше назад, пока не достиг исходных позиций — свернулся калачиком на боку, прижал большой палец к губам и отключился.

— Двое суток, и двое слегли. Десять негритят... девять негритят*...

Это сказал Порлок.

— А следующий негритенок, конечно же, вы,— огрызнулась Дженни Чонь.— Ваше дело — анализировать мочу, ею и занимайтесь.

— Он нас всех сведет с ума,— сказал Порлок, уже стоя и указывая в "его" направлении левой рукой.— Неужели вы не чувствуете этого? Да вы что, совсем оглохли и ослепли? Неужели вы не чувствуете, что́ он творит, эманации эти? Все они — от него, оттуда, из его комнаты, из его сознания. Он нас всех сведет с ума — страхом!

— Кто "он"? — спросил Аснанифойл, угрожающе нависнув над низеньким землянином.

— Что, я еще должен назвать его по имени? Да пожалуйста — Осден. Осден! Осден! Почему, вы думаете, я попытался его убить? В порядке самозащиты! Во спасение всех нас! Потому что вы не хотите понять, что он с нами вытворяет. Он провалил нашу миссию, заставляя нас ссориться, а теперь собирается свести всех нас с ума, проецируя на нас страх, так что мы не можем ни спать, ни думать: он будто громадный приемник, который сам никаких звуков не производит, но транслирует круглосуточно, а в результате ты не можешь спать, не можешь думать. Хаито и Харфекс уже у него под контролем, но остальных еще можно спасти. Я должен был это сделать!

— И сделали это не вполне удачно! — Осден, полуголый, ребра да бинты, стоял в дверном проеме своего бокса.— Я сам и то уделал бы себя лучше. Черт побери, да не во мне причина, что вы с испугу теряете рассудок, она не здесь, а там, в лесах!

Наброситься на Осдена Порлоку не удалось — Аснанифойл обхватил его сзади и без всяких усилий держал, пока Мэннон вкалывал тому успокаивающее. Когда его уводили, он еще выкрикивал что-то о гигантских при-

*Имеется в виду детский стишок "Десять негритят пошли купаться в море..." в каждой строфе которого погибает один из героев.

емниках, но через минуту лекарство подействовало, и он присоединился к мирному молчанию Эскуаны.

— Порядок,— заключил Харфекс.— А теперь, Осден, расскажите, что вам известно, и без утаек.

— Ничего мне не известно,— сказал Осден.

Он выглядел измученным и едва держался на ногах. Прежде чем он заговорил, Томико заставила его сесть.

— После трехдневного пребывания в лесу мне показалось, что я время от времени воспринимаю какие-то специфические аффекты.

— Почему же вы не доложили об этом?

— Думал, что свихнулся, как и вы все.

— В равной степени следовало доложить и об этом.

— Вы могли отозвать меня обратно на базу. Я бы этого не вынес. Вы же понимаете, что включение меня в состав экспедиции было серьезной ошибкой. Я не могу сосуществовать с девятью другими невротическими личностями в одном закрытом помещении. Я ошибался, поступая добровольцем в Особую Инспекцию, а Власти ошибались, зачисляя меня.

Никто ни слова не сказал, но Томико увидела, на этот раз совершенно определенно, как содрогнулись плечи и окаменело лицо Осдена, когда он улавливал мучительное для себя подтверждение.

— Да, помимо всего прочего, мне бы не дало вернуться на базу любопытство. Ладно, пусть у меня крыша поехала, но я бы не мог принимать эмпатические аффекты, не будь существа, от которого они исходят. И скверными они не были — тогда. Очень слабые. Едва уловимые, будто сквознячок в закрытой комнате, мерцание, подсмотренное краем глаза. Ничего определенного.

В эту минуту Осдена подбадривало внимание остальных: как его слушали, так он и говорил. Он находился в полной их власти. К нему проявляли антипатию — и ему приходилось быть отвратительным, над ним насмехались — и он становился нелепым, к нему прислушивались — и он превращался в оратора. Он беспомощно подчинялся тому, чего требовали эмоции, реакции, настроения других. А "других" здесь было семеро — слишком много, чтобы охватить всех сразу, приходилось постоянно переключаться с одной прихоти на другую. Он не мог войти в зацепление. Даже когда его вроде бы слушали, чье-то внимание блуждало: Оллеру, возможно, думала, что он некрасив, Харфекс выискивал скрытые мотивы его слов, сознание Аснанифойла, которое не могло подолгу концентрироваться на конкретном, уплывало

к вечному миру чисел, а Томико безумела от жалости и страха. Осден стал запинаться. Он терял нить.

— Я... Думаю, дело в деревьях, не иначе,— сказал он и умолк.

— Дело не в деревьях,— отозвался Харфекс.— У них нервная система развита не больше, чем у растений, появившихся на Земле с Хайнским Пришествием.

— Как говорят на Земле, вы за деревьями леса не видите,— вставил, проказливо улыбаясь, Мэннон; Харфекс уставился на него.— Что вы скажете о корневых узлах, над которыми мы уже дней двадцать ломаем голову, ну-ка?

— А что о них говорить?

— Они, безусловно, являются соединениями. Соединениями между деревьями. Верно? Теперь давайте представим совершенно невероятное — вы ничего не знаете о строении мозга животного. И получили на исследование один аксон* или одну изолированную глиальную клетку. Смогли бы вы разобраться, что она из себя представляет? Поняли бы, что клетка обладает чувствительностью?

— Нет. Потому что она не обладает. Изолированная клетка способна к механистической реакции на раздражитель. И не более того. А согласно вашей, Мэннон, гипотезе, индивидуальные древовидные являются "клетками" своеобразного мозга, так?

— Не совсем так. Я просто обращаю ваше внимание на то, что все они соединены друг с другом как корневыми узлами, так и через зеленые эпифиты на ветвях. Связью невообразимой сложности и протяженности. Ведь корневые узлы есть даже у травовидных из прерий, верно? Я знаю, что способность чувствовать, как и разумность, нематериальна, ее не увидеть в клетках мозга и не извлечь оттуда методами анализа. Это некоторая функция связанных клеток. Это в каком-то смысле определенный вид соединения: соединенность. Материально она не существует. Я и не пытаюсь утверждать, что она существует. Я только полагаю, что Осдену, возможно, удалось бы описать ее.

И Осден прервал его заговорив, словно в трансе:

— Чувствительность без чувств. Незрячая, глухая, вялая, недвижная. С некоторой восприимчивостью к раздражению, реакцией на прикосновение. С реакцией на

*Отросток нервной клетки, проводящий нервные импульсы от тела клетки к иннервируемым органам или другим нервным клеткам

солнце, на свет, на воду, на вещества, содержащиеся в земле у корней. Непостижимая для сознания животного. Бессознательное пребывание. Осознание бытия без выделения объектов и субъектов. Нирвана.

— Тогда почему же вы принимаете страх? — тихо спросила Томико.

— Не знаю. Не могу понять, откуда бы взяться осведомленности об объектах, о *других*, какая-то непостижимая реакция... Но сначала была тревога, несколько дней. А потом, когда я лежал между теми двумя деревьями, и на их корнях была моя кровь...— Лицо Осдена заблестело от пота.— Она стала страхом,— сказал он пронзительным голосом,— только страхом.

— Если подобная функция существовала бы,— сказал Харфекс,— она была бы не в состоянии постичь самодвижущееся материальное существо, отреагировать на него. Она не в большей степени могла бы постичь нас, чем мы можем "постичь" Бесконечность.

— "Молчание этих бесконечных пространств ужасает меня",— прошептала Томико.— Паскаль постиг бесконечность. Через страх.

— Лесу мы могли показаться лесными пожарами,— сказал Мэннон.— Ураганами. Опасностями. Неукорененность должна представляться ему чуждой, страшной. И если он и есть сознание, то кажется более чем вероятным, что он мог узнать о присутствии Осдена, сознание которого — если только он не в обмороке — постоянно открыто для связи со всеми другими; Осдена, распростертого в страданиях и в испуге внутри него, а в сущности — в нутре его. Неудивительно, что им овладел испуг...

— Не "им",— сказал Харфекс.— Здесь не существо, не громадное создание, не субъект. Здесь в лучшем случае может быть только функция...

— Здесь есть только страх,— сказал Осден.

Какое-то время они молчали, вслушиваясь в обступившее их безмолвие.

— Вы о том вырастающем у меня за спиной, которое я все время чувствую? — спросила подавленная Дженни Чонь.

Осден кивнул:

— Все вы чувствуете его, как бы глухи ни были. Эскуане хуже всех, у него ведь действительно есть определенные эмпатические способности. Он мог бы и передавать, если бы обучился, но уж слишком он слаб — он навсегда останется только медиумом, и ничем другим.

— Послушайте, Осден,— сказала Томико,— но вы-то можете передавать. Вот и передайте ему — лесу, страху вокруг нас,— передайте, что мы не причиним зла. И коль скоро он обладает или сам является неким аффектом, который в переводе на наши ощущения воспринимается как эмоция, не могли бы вы сделать обратный перевод? Отправьте сообщение: "Мы безвредны, мы настроены дружественно".

— Вам следует знать, Хаито, что никто не может отправить ложное эмпатическое сообщение. Нельзя послать то, чего нет.

— Но мы и в самом деле не злонамеренны и настроены дружественно.

— Так ли? В лесу, когда вы меня подобрали, вы испытывали дружелюбные чувства?

— Нет. Страх. Но страх — его, леса, этих растений, не мой собственный, верно?

— Какая разница? Это всё, что вы чувствовали. Да как вы не поймете,— Осден уже кричал,— почему я не выношу вас, а вы все — меня? Как вы не поймете, что я ретранслирую любую негативную или агрессивную эмоцию, которую вы испытываете ко мне, с первых же минут нашего знакомства? С благодарностью возвращаю вашу же враждебность. В порядке самозащиты. Вроде Порлока. Но у меня-то это действительно самозащита, автоматическая реакция, отработанная мной единственно для того, чтобы заместить первоначальную мою защиту, тотальный уход от окружающих. Проклятый замкнутый цикл, самоподдерживающийся и самоусиливающийся. Вашей исходной реакцией на меня была естественная неприязнь к калеке, теперь это, конечно же,— ненависть. Вы и сейчас не можете понять, о чем я? Этот лес-сознание передает теперь только ужас, а значит, единственное сообщение, которое я могу отправить,— ужас, ибо, подвергаясь воздействию ужаса, я ничего иного испытывать не могу!

— Что же нам тогда делать? — спросила Томико.

— Перенести лагерь,— не задумываясь, подсказал Мэннон.— На другой континент. Если растения-сознания есть и там, они заметят нас позже, чем заметил лес, а может быть, и вовсе не заметят.

— Что могло бы явиться существенным облегчением,— чопорно заметил Осден.

Остальные смотрели на него с вновь возникшим любопытством. Он раскрылся, они увидели его таким, каким он был,— беспомощным человеком, попавшим в ловушку. Может быть, они, подобно Томико, поняли, что ло-

вушку эту, его бесцеремонный и жестокий эгоизм, соорудил не Осден, а они сами. Это они построили клетку и заперли его там, а он, как обезьяна в зверинце, швырялся из-за прутьев отбросами. Кто знает, каким бы он предстал теперь перед ними, прояви они при встрече с ним доверие, найди в себе достаточно сил, чтобы попытаться полюбить его.

Никто из них не оказался на это способен, а теперь уже слишком поздно. Будь у нее время и возможность уединиться с Осденом, Томико могла бы исподволь выпестовать неспешное созвучие чувств, основанные на доверии согласие, гармонию; но времени не было, они должны были выполнять свою работу. Да и пространства не было — достаточного, чтобы сотворить такую-то громаду, вот и приходилось обманываться симпатией, жалостью — убогими заменителями любви. Ей даже и это заметно прибавляло сил, но ему было слишком мало. А ведь могла бы она прочесть на этом освежеванном лице, в какое бешеное возмущение приводит его не только любопытство остальных, но и ее, Томико, жалость.

— Пойдите прилягте, рана опять кровоточит,— сказала она, и он послушался.

На следующее утро они уложились, расплавили каркасный склад и жилой купол, подняли "Гам" на механической тяге и пролетели на нем полвитка над Миром 4470, над красными и зелеными землями, над множеством теплых зеленых морей. Выбрали подходящее место на континенте "Г": прерия, двадцать тысяч квадратных километров колышущихся под ветром травообразных. В пределах сотни километров никаких лесов, а на самой равнине ни отдельных деревьев, ни рощ. Растениевидные были сосредоточены в крупных, не связанных друг с другом одновидовых колониях, за исключением каких-то вездесущих крохотных сапрофитов и споровых. Люди напылили на каркас сооружений холомелд и к вечеру тридцатидвухчасового дня вселились в новый лагерь. Эскуана все еще спал. Порлока на всякий случай снова накачали успокаивающим, но остальных переполняла бодрость. "Здесь можно свободно дышать!" — не уставали они говорить.

Осден заставил себя встать и, пошатываясь, пошел к выходу; опершись о дверной проем, он вглядывался сквозь сумерки за теряющиеся из взгляда пределы колышущейся травы, которая была не травой. Ветер дохнул пыльцой, слабо, сладко; ни звука, только тихий бескрайний посвист ветра. Забинтованная голова эмпата чуть вздернулась, он

насторожился; долго стоял он без движения. Сошла тьма со звездами, светящимися окнами далекого дома Человека. Ветер стих, не было ни звука. Осден вслушивался.

В эту долгую ночь вслушивалась и Хаито Томико. Неподвижно лежала, слушала кровь в своих артериях, дыхание спящих, дуновение ветра, ток в темных венах, наступление снов, необъятное оцепенение, охватывающее звезды с медленным умиранием Вселенной, поступь смерти. И судорожно выпросталась из постели, сбежала от крохотного уединения своего бокса. Спал только Эскуана. Привязанный к койке Порлок тихо бредил на невразумительном родном языке. Мрачные Оллеру и Дженни Чонь играли в карты. Посуэт То по медицинским соображениям была приведена в кататонию. Аснанифойл рисовал Мандалу, Третью Систему Начал; Мэннон и Харфекс засиделись у Осдена.

Она перебинтовала Осдену голову. Там, где ей не пришлось сбрить красноватые прямые волосы, они выглядели как-то непривычно — теперь их, словно солью, присыпала седина. Томико занималась своим делом, и руки ее дрожали. Никто пока не произнес ни слова.

— Как смог тамошний страх оказаться и здесь? — спросила она; в необъятной тишине ее голос прозвучал безжизненно и неестественно.

— Он не только деревья; и травы тоже...

— Но мы в двенадцати тысячах километров от места, где были сегодняшним утром, мы перебрались на другую сторону планеты.

— Все это — одно целое,— сказал Осден.— Единственная мысль зеленого массива. А много ли времени нужно мысли, чтобы перебраться с одной стороны вашего мозга на другую?

— Он не мыслит. Это не мышление,— наставительно сказал Харфекс.— Просто сеть процессов. Ветви, растения-эпифиты, корни с этими узловыми соединениями между индивидуумами — все они, должно быть, способны передавать электрохимические импульсы. Так что, строго говоря, здесь нет индивидуальных растений. Даже пыльца является частью этого соединения, некоей переносимой ветром чувствительностью, связывающей разделенные морями территории. Это невероятно! В таком случае вся биосфера планеты является единой коммуникационной сетью, чувствительной, неразумной, вечнозеленой, изолированной...

— Изолированной! — воскликнул Осден.— Вот именно! Вот откуда страх. Не потому, что мы подвижны или

вредоносны. Просто потому, что мы есть. Мы *другие*. А других здесь никогда не бывало.

— Вы правы,— почти прошептал Мэннон.— У "этого" нет ровни. Нет врагов. Нет отношений с чем бы то ни было, кроме себя самого. Одно, само по себе — навсегда.

— Тогда какую же функцию выполняет собираемая им информация в выживании рода?

— Никакой. Возможно, никакой,— сказал Осден.— Зачем вам вдаваться в телеологию*, Харфекс? Разве вы не хайнианин? Разве мера сложности не есть мера вечного счастья?

Харфекс не ввязался в дискуссию. Он выглядел больным.

— Нам следует оставить этот мир,— мрачно произнес он.

— Теперь вы знаете, почему мне всегда хотелось уйти, сбежать от вас,— с какой-то болезненной открытостью сказал Осден.— Страх, испытываемый другим,— не шутка, верно?.. И ладно бы речь шла о животном разуме. До зверей я достучаться могу. Уживался с кобрами и тиграми — превосходство в разуме дает определенные преимущества. Мне следовало бы работать в зоопарке, а не в человеческом коллективе... Если бы я мог пробиться к этой проклятой безмозглой картофелине! Если бы "это" так не подавляло... Знаете, я ведь и сейчас улавливаю что-то помимо страха. А до того как "это" испугалось, была у него... была безмятежность. Я не мог постичь ее сущность в то время, не сознавал, как она глубока. Познавать день от начала до конца и ночь на всем ее протяжении. Все ветры и затишья заодно. Зимние звезды и летние звезды — одновременно. Иметь корни и не иметь врагов. Быть цельным. Понимаете, о чем я? Без посягательств. Без других. Быть всем, что есть...

"Он не мог раньше выговориться",— подумала Томико.

— Осден, против "этого" вы беззащитны,— сказала она.— У вас уже произошли личностные изменения. У вас нет иммунитета от "этого". Возможно, не все из нас сойдут с ума, если мы не улетим отсюда, но вы сойдете.

Он замешкался, потом поднял взгляд на Томико; впервые он посмотрел ей прямо в глаза — долгим, спокойным взглядом, ясным, как вода.

---

*Учение, приписывающее цели процессам и явлениям природы.

— А что мне дало когда-нибудь здравомыслие? — спросил он насмешливо.— Впрочем, ваша правда, Хаито. В том, что вы говорите, что-то есть.

— Мы должны уйти,— бормотал Харфекс.

— Если я сдамся "этому", смогу ли я включиться в связь? — размышлял вслух Осден.

— Как я полагаю,— быстро и нервно заговорил Мэннон,— говоря "сдамся", вы хотите сказать, что прекратите отсылать обратно эмпатическую информацию, принимаемую вами от растения-бытия; прекратите отвергать страх и будете поглощать его. Что вас либо сразу же убьет, либо вернет к тотальному психическому уходу в себя, аутизму.

— Почему? — сказал Осден.— "Это" посылает отвержение. А в отвержении и есть мое спасение. "Это" не разумно. А я разумен.

— Масштабы разные. Может ли тягаться единственный человеческий мозг с тем, что так огромно?

— Единственный человеческий мозг может постичь то, что не уступает по масштабу звездам и галактикам,— сказала Томико,— и толковать это постижение как Любовь.

Мэннон переводил взгляд с Осдена на Томико, Харфекс молчал.

— В лесу, должно быть, удобней,— сказал Осден.— Кто из вас перебросит меня?

— Когда?

— Сейчас же. Пока все вы не обессилели и не обезумели.

— Я,— сказала Томико.

— Никто,— сказал Харфекс.

— Я не смогу,— сказал Мэннон.— Слишком... напуган. Могу разбить джет.

— Возьмите с собой Эскуану. Если мне удастся добиться своего, он послужит медиумом.

— Координатор, вы одобряете план Сенсора? — строго по уставу спросил Харфекс.

— Да.

— Я не одобряю. И, несмотря на это, полечу с вами.

— На мой взгляд, Харфекс, у нас нет другого выхода,— сказала Томико, взглянув на лицо Осдена: уродливая белая маска преобразилась, она горела страстным, словно любовным, нетерпением.

Оллеру и Дженни Чонь, засевшие за карты, чтобы отвлечься от навязчивых мыслей о постели, о множащемся страхе, заверещали, будто испуганные дети:

— Это существо в лесу, оно ведь возьмет и...

— Темноты перепугались? — издевательски ухмыльнулся Осден.

— Да посмотрите на Эскуану, на Порлока, на Аснанифойла даже...

— Вам "это" не сможет причинить вреда. "Это" — просто импульс, минующий синапсы*, ветер, минующий ветви. Дурной сон, и всё.

Они взлетели в гелиджете; в кормовом отсеке прежним глубоким сном спал, свернувшись калачиком, Эскуана. Томико вела корабль, Харфекс и Осден молча вглядывались вперед, в темную линию леса, отделенную неуловимо-мрачными милями залитой звездным светом равнины.

Они приблизились к черной линии, пересекли ее; теперь под ними лежала тьма.

Томико нашла место для посадки и стала снижаться, заставляя себя преодолеть неистовое желание набрать высоту, уйти, сбежать. Здесь, в лесу, огромная жизнеспособность растения-мира ощущалась гораздо сильнее, и паника его обрушивалась необъятными черными волнами. Впереди виднелось тусклое пятно, голая вершина холмика, едва возвышавшегося над обступившими его черными очертаниями — не-деревьев; укорененных; частей единого целого. Она посадила гелиджет в прогалину, посадила скверно. Ладони скользили по рукояткам будто намыленные.

Теперь их обступил чернеющий во мраке лес.

Томико съежилась от страха и закрыла глаза. Эскуана стонал во сне. Харфекс, часто и громко дыша, сидел, будто оцепенев; он не пошевелился и когда Осден потянулся мимо него к дверце и открыл ее.

Осден поднялся, замер, ссутулившись, в проеме: спина и забинтованная голова едва виднелись в тусклом свете приборной панели.

Томико затрясло. Она не могла поднять глаз. "Нет, нет, нет, нет, нет, нет,— твердила она шепотом.— Нет, нет, нет".

Неожиданным мягким движением Осден качнулся из проема вниз, в темноту. Его не стало.

"Я иду!" — сказал мощный голос, не звуками.

Томико вскрикнула. Харфекс зашелся в кашле, он, казалось, хотел встать, но так и не смог.

*Области контакта нервных клеток друг с другом и с клетками исполнительных органов.

Томико сжалась в комок, целиком сконцентрировалась в незрячем глазе своего чрева, средоточии ее существа; вне был страх — ничего, кроме страха.

И страх исчез.

Она подняла голову, медленно расцепила пальцы. Села, выпрямилась. Темная ночь, звезды сияют над лесом, и ничего больше.

— Осден,— позвала она, но голос ее не слушался. Позвала снова, громче; так квакает лягушка-бык в брачный период. Ответа не было.

До нее стало доходить, что с Харфексом что-то неладно. Попыталась нащупать в темноте его голову — тот сполз с сиденья, как вдруг в мертвой тишине в кормовом отсеке гелиджета раздался голос. "Получилось",— сказал он.

Это был голос Эскуаны. Томико включила внутреннее освещение, посмотрела — Инженер спал, свернувшись калачиком, полуприкрыв рот ладонью.

Рот открылся и заговорил. "Все хорошо",— сказал он.

— Осден...

— Все хорошо,— сказал мягкий голос устами Эскуаны.

— Где вы?

Молчание.

— Вернитесь.

Ветер крепчал.

— Я останусь здесь,— сказал мягкий голос.

— Вам нельзя оставаться...

Молчание

— Вы окажетесь один, Осден!

— Слушайте,— голос стал более слабым, невнятным, он словно терялся в шуме ветра.— Слушайте. Я желаю вам добра.

Она окликнула его, но ответа не было. Эскуана спокойно лежал. Харфекс лежал еще спокойнее.

— Осден! — крикнула она, высунувшись из проема в темное, сотрясаемое ветром молчание леса-бытия.— Я вернусь. Я должна доставить Харфекса на базу. Я вернусь, Осден!

Молчание и ветер в листьях.

Они завершили предписанную инспекцию Мира 4470, восемь из них; на это потребовался еще сорок один день. Первое время Аснанифойл и кто-нибудь из женщин ежедневно отправлялись в лес, разыскивая Осдена в окрестностях лысого холмика, хотя Томико в глубине души не

была уверена, на какой именно холм они сели той ночью, попав в самое сердце взвихренного ужаса. Они оставили для Осдена груды запасов, еды на пятьдесят лет, одежду, палатки, инструмент. Продолжать поиски они не стали: не существует способа найти единственного человека, скрытого в бесконечном лабиринте темных коридоров, оплетенных лианами и устланных корнями,— если тот хочет скрыться. Они могли пройти мимо на расстоянии вытянутой руки и так его и не увидеть.

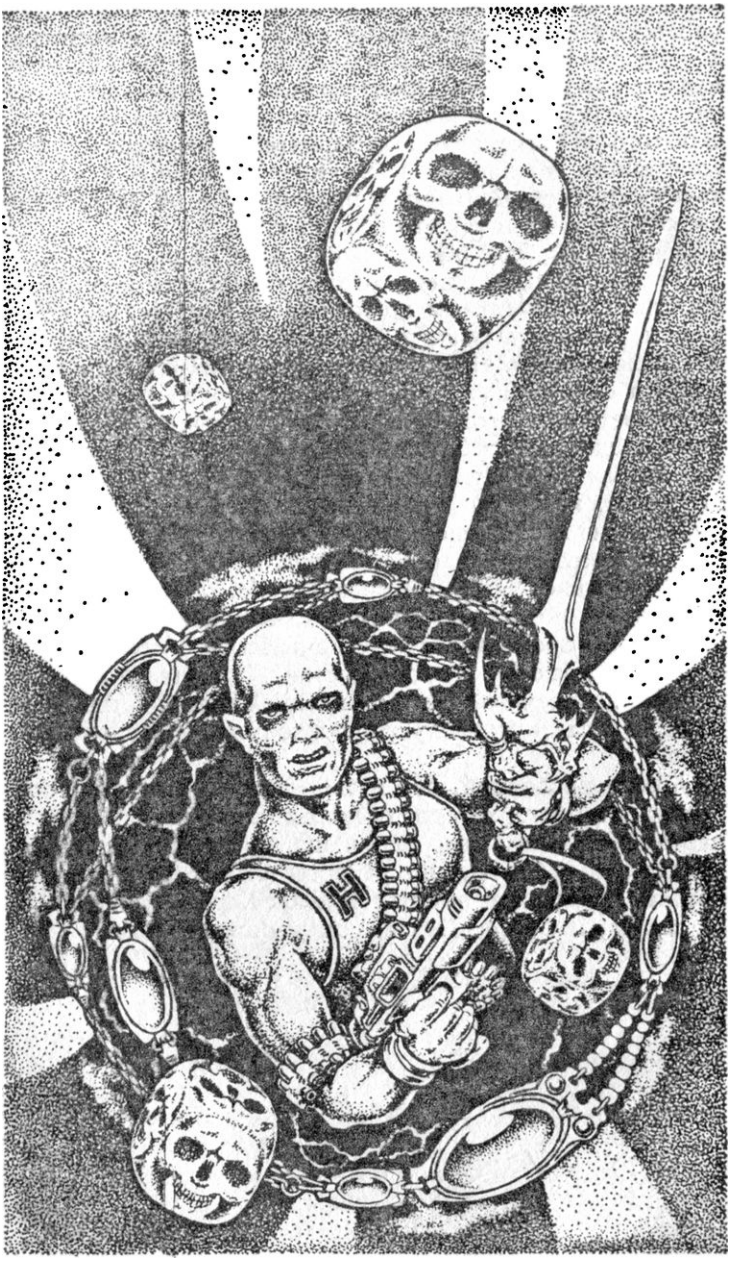
Но он там был, ибо страха больше не было.

Рациональная Томико, которую опыт страшного знакомства с бессмертным не-сознанием научил еще выше ценить доводы разума, пыталась понять рассудком, что же сделал Осден. Но слова ускользали из-под контроля. Открыл себя страху и, впустив, преодолел его? Сдался на милость того, что чуждо, и безоговорочной капитуляцией предотвратил беду? Научился любви к Другому и тем самым обрел целостность личности?.. Всё же не те это слова, которыми полагалось бы говорить рассудку.

Люди из Инспекционной бригады бродили под деревьями по бескрайним колониям жизни, их окружало дремотное безмолвие, тягостное спокойствие, полуосведомленное о них и полностью к ним безразличное. Здесь не существовало времени. Не имели смысла расстояния. "Будь времени в достатке и пространства..."* Планета обращалась меж солнечным светом и великой тьмой; ветры зимы и ветры лета гнали тонкую блеклую пыльцу за спокойные моря.

Много инспекций, лет и световых лет спустя "Гам" вернулся в место, которое несколько столетий назад было портом Смеминг. Там еще нашлись чиновники, чтобы выслушать (скептически) рапорты членов бригады и запротоколировать ее потери: Биолог Харфекс, скончался от страха, и Сенсор Осден, остался колонистом.

*См. примечание к названию повести.

ПОБРОСАЮ-КА Я КОСТИ

рассказы

Samuel R. Delany
TIME CONSIDERED AS A HELIX OF SEMI-PRECIOUS STONES

James G. Ballard
THE CLOUD-SCULPTORS OF CORAL D

Harlan Ellison
I HAVE NO MOUTH, AND I MUST SCREAM

Gordon R. Dickson
AN HONORABLE DEATH

Larry Niven
NOT LONG BEFORE THE END

Harlan Ellison
PRETTY MAGGIE MONEYEYES

Ursula K. Le Guin
THINGS

Cyril M. Kornbluth
THE WORDS OF GURU

Harlan Ellison
«REPENT, HARLEQIN!» SAID THE TICKTOCKMAN

Gene Wolfe
THE HORARS OF WAR

Fritz Leiber
GONNA ROLL THE BONES

Сэмюэль Дилэни

ВРЕМЯ КАК СПИРАЛЬ ИЗ САМОЦВЕТНЫХ КАМНЕЙ

Значит, договорились, речь пойдет о нашем веке. Мне хватит и четверти его, третьей, если не возражаете. Я родился в пятидесятом, сейчас семьдесят пятый.

В шестнадцать меня выпустили из сиротского приюта. Тащил я свое приданое — имя, что мне там навесили (Гарольд Клэнси Эверет, это мне-то, простому парнишке. Кличек у меня потом была тьма, да не беспокойтесь, меня вы сразу учуете), по холмам Восточного Вермонта и кое-что решил.

Папаша Майлз, взглянув на Официальный Документ, коим меня укомплектовал приют, скрепя сердце взял на работу — и мы с ним вкалывали на Папашиной молочной ферме, а это — тринадцать тысяч триста шестьдесят две пестрые гернзейки, разом заживо почившие в нержавеющих домовинах; их питает и держит в объятиях их коровьего Морфея розовая дрянь (руки от нее становятся клейкими и противными), текущая в стерильных пластиковых трубках — прямо в вены, упражняют разрядами тока — и мышцы их вздрагивают, но они все равно не просыпаются, а молоко так и хлещет в сверхстерильные цистерны. Да Бог с ними. Решение (а я стоял там, в лугах,— Памятник Земледельцу, да и только,— выжатый тремя трудными часами физического труда, и пелена усталости в глазах мешала созерцать устройство Вселенной) было: кроме Земли, и Марса, и Внешних Спутников, набитых людьми и всякой всячиной, должно быть что-то поглавнее. Этого я и решил добыть, хоть кусочек.

Так что стащил я у Папаши пару кредитных карточек, один из его вертолетов, бутылку первача — чудак сам гнал его — и снялся. Не пробовали спьяну посадить угнанный вертолет на крышу небоскреба Пан Американ? Суд да дело, да небо в клеточку, да и дальше не слаще, пока ума не наберешься. "Только лишь одно ты не забудь, моя любовь": были в моей жизни три часа честного труда, на молочной ферме, еще и десятка лет не прошло. И с тех пор я никогда и ни для кого не был Гарольдом Клэнси Эверетом.

Генри Кьюлафрой Эклз (рыжий, чуть рассеянный, рост шесть футов два дюйма) вышел из багажного отделения космопорта с кучей чужих вещей в маленьком портфеле.

Рядом бубнил некий бизнесмен: — С вами, теперешней молодежью, одно расстройство. Сказано вам, возвращайтесь на Беллону. Говорите, попали с той блондиночкой, и что ж, из-за этого скакать из мира в мир, портить всем настроение, да, куда уж дальше, работу бросить!

Генри остановился, вяло ухмыльнулся: — Да-а...

— Согласен, у вас могут быть свои проблемы, и нам, кто постарше, их не понять, но ведь должна быть хоть какая-то ответственность...— он заметил, что Генри остановился перед дверью с табличкой "Для мужчин".— Что ж, ладно,— широко улыбнулся бизнесмен.— Рад был познакомиться, Генри. В этих чертовых перелетах всегда приятно встретить человека, с которым стоит поболтать. Пока.

Через десять минут из той же двери вышел Гилрой К. Эвентайд, рост шесть футов ровно (один из надставных каблуков треснул, и я спрятал оба под гору бумажных полотенец), шатен (даже мой парикмахер не знает, какой я масти на самом деле), весь из себя шустрый и современный и выряженный по моде — в изысканно дурном вкусе,— в общем, тип, с которым бизнесмен и заговаривать бы не стал. Он сел в порту на рейсовый вертолет до Пан Американ (Ну. Точно. Выпил.), вышел на Центральном Вокзале и зашагал по Сорок второй к Восьмой авеню со множеством чужих вещей в портфеле.

Вечер — это скульптуры из света.

Я перешел пластиплексовую мостовую Бродвея — Великий Белый Путь, и верно, заливал светом по горло, и, надо думать, поэтому лица выглядели такими таинственными,— обогнул толпы у эскалаторов подземки и под-подземки, и под-под-под... (в восемнадцать, выйдя

из тюрьмы, я с неделю ошивался здесь, потаскивая у прохожих, но деликатно, так деликатно, что никто и не понял, что его обчищают), пробрался через стайку хихикающих и жующих школьниц; в волосах у них мерцали огни, и так они смущались своих прозрачных пластиковых блузок, запрет на которые только что сняли (помнится, ватную — не путать с потной — грудь придумали в семнадцатом веке), что я и уставился с пониманием; девицы захихикали еще пуще. Бог ты мой, я-то в их годы вкалывал на занюханной молочной ферме и о большем не думал.

Опоясавшая пирамиду "Коммьюникэйшн, Инк." лента световых новостей объяснила на бейсик инглиш*, каким образом сенатор Реджина Абофлавиа собирается начать расследование организованной преступности в Нью-Йорке. До чего я был счастлив, что не организован, и сказать не могу.

У Девятой авеню я внес портфель в переполненный бар. Когда я в последний раз был в Нью-Йорке, проездом, пару лет назад, тут, бывало, околачивался один тип, подлинный талант — он помог мне избавиться от вещей, которые не были моими, без особого риска, с прибылью и быстро. Я понятия не имел, удастся ли его найти сейчас. Я протиснулся сквозь кучу любителей пива. Толкались тут и какие-то богатые старушенции в сопровождении то ли слуг, то ли поклонников, одетые по последней прошлогодней моде. Не люблю я таких мест. Здесь те, кто моложе меня, либо на игле, либо придурки, а у тех, кто постарше, одно на уме — побольше бы пришло тех, кто помоложе. Я пробился к бару и попробовал привлечь внимание одного из малых в белых куртках.

Шум за спиной смолк; я оглянулся.

Она была в облегающем платье, застегнутом на шее и запястьях громадными латунными булавками (бездна вкуса, предел, да и только); левая рука обнажена, правая прикрыта винного цвета шифоном. Она разбиралась в этом куда лучше меня, да только такая вызывающая демонстрация своей утонченности совершенно не к месту в месте вроде этого бара.

Она указала на запястье; ноготь цвета крови коснулся оправленной в латунь желто-оранжевой вставки браслета.— Знаете, что это, мистер Элдрич? — спросила она,

*Предельно упрощенный английский язык, сведенный к 850 словам.

и сразу же вуаль на ее лице стала прозрачной: глаза оказались льдистыми, брови черными.

Три мысли: (1) Она — светская дама; по прилету с Беллоны я читал в "Дельте" об "исчезающей" ткани, цвет и прозрачность которой можно регулировать с помощью самоцвета на запястье. (2) В последний раз, когда я был здесь проездом, в качестве юного Гарри Кэлэмайна Элдрича, я не совершил ничего слишком противозаконного (хотя всего не упомнишь), так что вряд ли меня могут засадить в кутузку за что-то большее, чем за месячное пребывание под этим именем. (3) Камень, на который она указала...

— Яшма? — спросил я.

Она ждала, что я скажу еще; я ждал, что она даст мне повод притвориться, что я знаю, чего ждет она (в тюрьме моим любимым автором был Генри Джеймс, я не шучу).

— Яшма,— подтвердила она.

— Яшма...— я снова придал слову тот оттенок двусмысленности, который она пыталась отбросить.

— ...Яшма,— но она уже заколебалась, подозревая, что я подозреваю, что ее осведомленность — из мутноватого источника.

— Ладно, яшма.— Но по ее лицу я понял, что выражение моего лица окончательно убедило ее: я знаю, что она знает, что я знаю.

— Так за кого вы меня приняли, мадам?

"Яшма" была Словом этого месяца.

Яшма — это пароль, код, знак, который Певцы Городов (в прошлом месяце божественное безумие пело в них "Опал", и на Марсе я услышал Слово и трижды воспользовался им, им и даром имитатора, чтобы закрепить обладание тем, что было моим не вполне законно; и даже там я думал о Певцах и их ранах) передают живым словом, передают тому свободному и вороватому братству, в которое я (под различными именами) вхожу последние девять лет. Слово обновляется каждые тридцать дней, и в считанные часы его узнаёт каждый брат во всех шести мирах и мирках. Его промычит какой-нибудь вдрызг пьяный ублюдок, выпадая тебе в руки из темного подъезда; его произнесут свистящим шепотом, когда ты проходишь тенистой аллеей; оно нацарапано каракулями на клочке бумаги, что втиснет тебе в руку один из помоечных, слишком поспешно теряющийся в толпе. И в этом месяце оно — Яшма.

Вот некоторые варианты перевода:

"Помоги!"
или
"Мне нужна помощь!"
или
"Могу помочь!"
или
"За тобой следят!"
или
"Сейчас слежки нет — ходу!"

Тонкость синтаксиса: если Слово употреблено правильно, то не придется дважды думать о том, что именно оно значит в данной ситуации. Тонкость употребления: не доверяй никому, кто пользуется им неправильно.

Я ждал, когда она кончит ждать.

Она раскрыла передо мной бумажник. "Начальник Департамента Спецслужб",— прочла она, не глядя, надпись под серебряным значком.

— Ловко это у вас, Мод...— сказал я и сдвинул брови.— Хайнкл?

— Точно.

— Я знаю, Мод, что вы не собираетесь мне верить. Похоже, вы из тех женщин, кто терпеть не может ошибаться. Но моя фамилия — Эвентайд, не Элдрич. Гарольд К. Эвентайд. И разве не лучше для всего и вся, что сегодня вечером Слово сменится? (Дело пройденное, Слово для полиции — не великая тайна. И все же попадались полицейские, которые оставались в неведении вплоть до недели после смены Слова.)

— Ладно, пусть Гарольд. Я хочу с вами потолковать.

Я приподнял бровь.

Она подняла ладонь: — Слушайте, если хотите, я готова вас хоть Генриеттой звать, только выслушайте.

— О чем вы хотите потолковать?

— О преступности, мистер?..

— Эвентайд. Я собираюсь называть вас Мод, так что и вы можете называть меня Гарольд. Это действительно мое имя.

Мод улыбнулась. Она была немолода, пожалуй, заметно старше моего попутчика-бизнесмена, но куда лучше него пользовалась косметикой.

— Вероятно, я разбираюсь в преступности побольше вашего,— сказала она.— Не удивлюсь, если вы даже не знаете, что в Департаменте полиции есть мой отдел. Вы слыхали что-нибудь о Спецслужбах?

— Это верно, я и не слышал о них.

— Последние семь лет вам удавалось довольно успешно уходить от Службы порядка.

— Послушайте, Мод...

— Спецслужба работает с теми, чья противозаконная деятельность внезапно резко активизируется... достаточно резко, чтобы у нас замигали сигнальные лампочки.

— Надеюсь, я не натворил ничего настолько ужасного, что...

— Мы не смотрим, что вы там творите, за нас это делает компьютер. Мы только следим за первой производной графика с вашим номером. В вашем случае кривая резко пошла вверх.

— Да что вы говорите...

— Наш департамент — самый эффективный в полиции. Хотите, считайте это хвастовством, хотите — просто информацией.

— Да ладно, ладно,— сказал я.— Выпьем?

Малый в белой куртке принес нам два бокала, выкатил глаза на ее наряд и удалился по своим делам.

— Спасибо,— она ополовинила бокал. Пожалуй, она была покрепче, чем можно судить по запястьям.

— За большинством преступников следить не стоит, идет ли речь о гангстерах-авторитетах — Фарнсуорте, "Ките", Блаватской или о мелкоте — щипачах, барыгах, толкачах, домушниках, сутенерах. Те и другие, верх и низ шкалы, имеют сравнительно постоянный доход и, по существу, не раскачивают социальной лодки. Ими занимается Служба порядка. Там считают, что делают большое дело, а мы и не думаем их разуверять. Но вот, к примеру, мелкий скупщик начинает становиться крупным, средний сутенер присматривается к полномасштабному рэкету: тут и возникают проблемы с социально неблагоприятными последствиями. Тогда вступают Спецслужбы; у нас есть пара весьма эффективных методик.

— Вы хотите о них рассказать, да?

— Вот чем они хороши. Одна из них заключается в голограммном запоминании информации. Знаете, что случится, если отрезать от голографической пластинки половину?

— Трехмерное изображение станет наполовину урезанным?

Она покачала головой: — Изображение останется целым, только более размытым, чуть не в фокусе.

— Понятия не имел.

— Если вы снова разрежете его пополам, оно станет еще более размытым. Но, даже располагая всего квад-

ратным сантиметром исходной голограммы, вы все еще имеете изображение целиком, неразличимое, но полное.

Я восторженно замычал.

— Каждая кроха фотографической эмульсии на голографической пластинке, в отличие от фотографии, несет информацию обо всем объекте голограммы. Аналогичным образом голограммное запоминание информации означает просто, что каждый бит нашей информации — скажем, о вас — относится ко всей вашей карьере, вашей ситуации в целом, полной картине взаимодействия между вами и вашей средой. А конкретные факты о конкретных уголовных преступлениях или правонарушениях мы оставляем Службе порядка. Как только мы набираем достаточно собственных данных, наш метод позволяет весьма эффективно держать след и даже предсказывать, где вы сейчас или чего можете добиться.

— Очаровательно,— сказал я.— Один из самых впечатляющих параноидальных синдромов, с какими приходилось встречаться. Я имею в виду привычку заговаривать с кем-то в баре. Помню, в больнице я сталкивался с каким-то...

— В вашем прошлом,— сказала она как о непреложном факте,— я вижу коров и вертолеты. В вашем не столь отдаленном будущем — вертолеты и китов.

— Так поведай мне, о Добрая Фея Запада*, как...— тут у меня внутри все оборвалось. Потому что я считал — никто не знает о делах с Папашей Майлзом, Боже сохрани! Этого от меня не добилась даже Служба порядка, вытащив меня в беспамятстве из птички с винтом, когда та запрыгала к краю крыши Пан Американ. Увидев, что меня поджидают, я сразу проглотил кредитные карточки, а кто-то посноровистей меня давно убрал номера серий отовсюду, где они могли регистрироваться: в первый и единственный мой вечер на ферме славный Папаша Майлз, подвыпив, хвастался, что за ценность ему сбыли в Нью-Гемпшире.

— Но зачем,— до чего же ужасны эти избитые фразы, которые подсказывает нам тревога,— вы мне все это говорите?

Она улыбнулась, и вуаль затенила улыбку.— Информация что-то значит, только когда ею делишься,— донесся ее голос оттуда, где было лицо.

*Персонаж сказки Ф.Баума "Волшебник страны Оз". В русском варианте (у А.Волкова) ей соответствует фея Виллина.

— Постойте, я...

— Вы, возможно, вскоре получите немалые деньги. Если я правильно рассчитываю, то к моменту, когда они попадут в шкодливые ваши ручки, я буду располагать вертолетом, набитым лучшей в Нью-Йорке техникой, и заберу вас. Вот вам порция информации.

Она отступила — кто-то прошел между нами.

— Эй, Мод!..

— Можете поступать с ней как знаете.

Мне ли не знать, что в этой толкучке не продраться, не нажив себе врагов — и нажил-таки, и упустил Мод. Были там какие-то чудаки с висячими сальными патлами — у троих наколоты драконы на костлявых плечах, еще один с повязкой на глазу и еще один — с черными от грязи ногтями. Ими он вцепился мне в щеку. Тут не до слов (мне, во всяком случае), и минуты две мы почем зря дубасили друг друга. Женщины визжали. Я ударил, увернулся, и тут гвалт стал каким-то другим. Кто-то пропел "Яшма" так, как полагается предупреждать о появлении опасности (все той же недоделанной Службы порядка, от которой я бегаю семь лет). Свалка выплеснулась на улицу. Я протиснулся между двумя помоечными, разбиравшимися на свой манер, зато выбрался к краю толпы, пострадав не больше, чем при бритье. Драка разбилась по секциям. Я перешел из одной в другую и не сразу понял, что это просто кольцо людей, окруживших человека, которому явно крепко досталось.

Кто-то осаживал любопытных.

Еще кто-то перевернул человека на спину.

Я не видел его два года, а тогда он охотно помогал мне избавиться от не моих вещей; сейчас он скрючился в луже крови.

Прижимая портфель, я выбрался из толпы. Вот и первый полицейский; я, как мог, изобразил зеваку, остановившегося взглянуть, что за шум.

Сошло.

Свернув на Девятую авеню, я побежал, по возможности не привлекая внимания, но сразу же услышал: "Погоди, остановись!"

Я узнал голос (ясно, добрался-таки до меня через два года) и сменил бег на шаг.

— Подожди, это я, Кит!

Я остановился.

Его имя в моем рассказе раньше не встречалось: Мод упоминала о "Ките", рэкетире-мультимиллионере, обосновавшемся в той части Марса, где я, равно как и все

мои знакомые, не бывал (хотя из шлюзов, что он там открывал, преступность ручьями растекалась по всей Солнечной системе).

В трех шагах позади меня был подъезд. Я подошел к нему и услышал мальчишеский смех: — Что, приятель, попался с поличным?

— Кит?— спросил я темную фигуру.— Все околачиваешься здесь?

Он был очень молод и за два года, пока я его не видел, прибавил около дюйма.

— Случается.

Удивительный он был парнишка.

— Слушай, Кит, я хочу отсюда смыться,— я оглянулся на суматоху.

— Смывайся,— он спустился.— Можно мне с тобой?

Странно. Не по душе мне это.

Мы прошли полквартала. Уличный фонарь осветил его волосы, все еще светлые, как сосновая стружка. Он выглядел помоечным — и в темноте было заметно, что грубая черная куртка, надетая на голое тело, донельзя грязна, а черные джинсы вот-вот развалятся. Он был бос, да кого на темной улице волнует, что кто-то разгуливает по Нью-Йорку босиком. Под фонарем на углу он, ухмыльнувшись, повел плечами, и под курткой показались шрамы и рубцы, избороздившие грудь и живот. У него были ярко-зеленые глаза. Узнаёте? Если — из-за какого-то сбоя в распространении информации по мирам и миркам — нет, что ж: над Гудзоном рядом со мной шел Певец Кит.

— Надолго вернулся?

— На несколько часов,— ответил я.

— Что привез?

— Тебе это важно?

Он засунул руки в карманы и поднял голову: — Конечно!

Я издал звук, которым взрослые отделываются от докучливых детей.

— Ладно.

Мы прошли по набережной еще квартал; было безлюдно.

— Садись.

Он оседлал балку, покачивая ногой над вспыхивающим темным Гудзоном. Я сел перед ним, расстегивая портфель.

Кит, ссутулившись, наклонился.

— Ого! Можно потрогать? — вопросительно сверкнули зеленые глаза.

— Давай.

Кит запустил в них пальцы (суставы да обкусанные ногти), вынул парочку, положил обратно, вынул еще три.

— Ого...— прошептал он.— Сколько же это стоит?

— Раз в десять больше, чем я прошу. Мне надо побыстрее от них избавиться.

Он перевел взгляд на покачивающуюся ногу.

— Выбросить их в реку никогда не поздно.

— Не дури. Я разыскивал одного парня, который крутился в том баре. Он много что мог...

На середине Гудзона над пеной скользил паром на воздушной подушке. Палуба забита вертолетами; ясно, на патрульный аэродром под Веррацано. Я переводил взгляд с мальчика на корабль, начиная приходить в себя после этого бреда с Мод, но тут паром загудел.

— ...Сегодня вечером его подкололи.

Кит засунул концы пальцев в карманы и сменил позу.

— Тут я и заторчал. Всё он вряд ли бы забрал, но хоть вывел бы меня на тех, кто заберет.

— Я буду сегодня на вечеринке,— он помолчал, догрызая остаток ногтя,— где ты мог бы попробовать их продать. Алексис Спиннел устраивает на Вершине Башни прием в честь Реджины Абофлавиа.

— Вершина Башни?.. — сыт я по горло этим Китом, и давно сыт. В десять — Чертов Бар, в полночь — Вершина Башни...

— Я бы не пошел, но там будет Эдна Сайлем.

Эдна Сайлем — старейший Певец Нью-Йорка.

Имя сенатора Абофлавиа уже промелькнуло надо мной сегодня вечером в световых новостях. А имя Алексиса Спиннела в каком-то журнале — я кучу их проштудировал по прилете с Марса — связывали с бешеными деньгами.

— Я бы взглянул еще разок на Эдну, да вряд ли она меня вспомнит,— небрежно сказал я. Уже в начале знакомства с Китом стало ясно, что типы вроде Спиннела и его компании играют в нехитрую игру, где выигрывает тот, кто соберет большинство Певцов Нью-Йорка под одну крышу. Нью-Йорк с пятью Певцами делит второе место с Лаксом на Япете; ведет Токио, там их семь.

— Двухпевцовый прием?

— Скорее четырех... если я приду.

Я понимающе приподнял бровь: четырех добывает разве что мэр для приема по поводу вступления в должность.

— Я должен получить от Эдны Слово, сегодня вечером оно меняется.

— Ладно,— сказал я, закрывая портфель.— Не знаю, что там у тебя на уме, но я готов.

Мы возвращались к Таймс Сквер. На Восьмой авеню у первой пластиплексовой мостовой Кит остановился.

— Постой-ка,— он наглухо застегнул куртку.— Теперь порядок.

Прогулка по нью-йоркским улицам с Певцом (два года назад я долго размышлял, разумно ли это для человека моей профессии) — вероятно, лучшая маскировка, возможная для человека моей профессии. Вспомните, как недавно перед вами промелькнул ваш любимчик, актер СтереоТВ, поворачивающий на Пятьдесят седьмую улицу. А теперь честно: узнали бы вы малого в твидовой куртке, что отставал от него на полшага? На Таймс Сквер Кита узнавал каждый второй; с пепельными волосами, босой, в траурной молодежной одежде, он был, конечно, самым ярким из Певцов. Улыбки, чуть прищуренные глаза; почти никто не разглядывал и не всматривался.

— А все же кто из гостей помог бы мне сбыть с рук это барахло?

— Тот же Алексис гордо считает себя неким искателем приключений. Если вещицы окажутся в его вкусе, ты выручишь больше, чем от поштучной торговли вразнос.

— Ты скажешь ему, что все они краденые?

— Тогда он, пожалуй, заинтересуется еще больше. Он гад ползучий.

— Тебе видней, приятель.

Мы спустились в под-подземку. Контролер стал было брать у Кита монету, поднял глаза, осклабился, пробормотал что-то невразумительное и жестом предложил нам пройти. "О, благодарю вас",— сказал Кит с невинным удивлением, будто такое с ним впервые и он восхищен (два года назад он говорил мне глубокомысленно: "Стоит только показать, что я этого жду, и ничего не выйдет"). Меня до сих пор поражала манера, с которой он носил свою известность. Я упомянул о ней при знакомстве с Эдной Сайлем, и Эдна ответила мне с тем же простодушием: "Что ж, за это мы его и выбрали".

Мы уселись на скамью в освещенном вагоне; Кит опустил руки, закинул ногу на ногу. Ближе к середине вагона стайка жующих резинку девиц в прозрачных блузках по возможности незаметно делала стойку. Кит вообще

ни на что не глядел, а я старался не встречаться с ними взглядом.

Окно затопила темнота, под полом что-то гудело. Толчок, другой; мы выехали на поверхность.

За окном город примерял ожерелье из тысяч цехинов и разбрасывал их дальше, за деревья Трайона. За окнами, вдруг покрывшимися светлыми чешуйками, замелькали перекрытия станции. Мы вышли на платформу "Двенадцать башен" под легкий дождь; пока мы дошли до улицы, он прекратился. С листьев, нависших над стеной, вода стекала на кирпич.

— Знал бы, что приеду не один, попросил бы Алекса прислать машину. Я-то сказал — то ли приеду, то ли нет.

— Ты уверен, что мне удобно увязываться за тобой?

— Да ведь мы с тобой уже были наверху, верно?

— Я был там и раньше. А ты все же уверен?..

Он испепелил меня взглядом. Что ж, Спиннел будет на седьмом небе, заполучив Кита, хоть бы тот притащил с собой целую банду настоящих помоечных, чем Певцы и славились. А тут один более или менее респектабельный вор — Спиннел, можно сказать, легко отделался. Мы шли вдоль убегавших в город скал. За воротами слева от нас показались сады, тянувшиеся к ближней башне. Двенадцать роскошных и необъятных жилых домов задевали за низкие тучи.

— Певец Кит,— сказал он в микрофон на воротах. Что-то звякнуло, затикало, опять звякнуло; мы пошли по дорожке к бесчисленным стеклянным дверям.

Оттуда выходила компания мужчин и женщин в вечерних туалетах. Они заметили нас через три ряда дверей и нахмурились при виде беспризорника, умудрившегося проникнуть в холл (одну из них, в облегающем платье из "исчезающей ткани", я на мгновение принял за Мод, но она обернулась: лицо под вуалью было темным, как жареный кофе). Какой-то мужчина узнал его и что-то сказал остальным. Пока они улыбаясь миновали нас, Кит уделял им внимания не больше, чем девицам в подземке, но, когда они прошли, сказал:

— Один из этих парней глядел на тебя.

— Я заметил.

— Ты знаешь почему?

— Он пытался припомнить, встречались ли мы.

— И что, встречались?

Я кивнул. — Да, почти там же, где с тобой, но раньше, когда я только выбрался из тюрьмы. Я ведь говорил, что уже был здесь.

Три четверти холла покрывал синий ковер, остаток занимал громадный бассейн с рядом двенадцатифутовых решеток, увенчанных пылающими жаровнями. Зеркальные стены на высоте трех этажей завершались куполом.

Кольца дыма клубились у причудливой решетки. Отражения на всех стенах дробились, гасли и вспыхивали вновь.

Металлические створки лифта открылись. Проносясь мимо семидесяти пяти этажей, я испытывал какое-то странное чувство неподвижности.

Мы вышли в ландшафтный парк на крыше. Чуть слишком загорелый и чуть слишком светловолосый человек в абрикосовом спортивном костюме поверх свитера с высоким воротником спускался по скалам (искусственным) вдоль ручья (вода настоящая, течение принудительное), заросшего папоротниками (настоящими).

— Привет! Привет! — Пауза.— Я страшно рад, что вы в конце концов решили прийти! — Пауза.— Я уж думал, вы не соберетесь.— Многозначительные паузы должны были позволить Киту представить меня. По одежде Спиннел не мог судить, кто я — то ли неугомонный Нобелевский лауреат, с которым Киту довелось обедать, то ли подонок с манерами и моралью даже хуже тех, что мне и в самом деле случалось демонстрировать.

— Взять вашу куртку? — предложил Алексис. Значит, он не столько знал Кита, сколько хотел показать, что знает. Все же он сообразил по промелькнувшей на лице юноши чуть заметной холодности, что о своем предложении следует забыть.

Он кивнул мне, улыбнулся — что ему еще оставалось? — и мы направились к собравшимся.

Эдна Сайлем, чуть возвышаясь на прозрачной надувной подушке над сидевшими перед ней на траве людьми, спорила о политике; ладонями она обхватила бокал. Ее я узнал первой: потускневшее серебро волос, голос, как треснувшая бронза. Увешанные камнями и серебром морщинистые руки высовывались из манжет костюма мужского покроя, движениями подчеркивая силу сказанного. Я вновь посмотрел на Кита. Его окружали те, чьи имена и лица гарантируют популярность журналам и музыке, привлекают людей в театр (театральный обозреватель "Дельты", знаете ли!), затесался даже принстонский математик, выдвинувший кварковую теорию квазаров,— я читал о нем с полгода назад.

Из женщин мое внимание привлекла только одна: с третьего взгляда я узнал наиболее вероятного кандидата

в президенты от неофашистов, сенатора Абофлавиа. Сложив руки, она внимательно следила за дискуссией и чрезвычайно восприимчивым молодым человеком с выпуклыми глазами (возможно, последним достижением в области контактных линз).

— Разве вы не чувствуете, миссис Сайлем, что...

— Делая такие прогнозы, вы должны помнить...

— Миссис Сайлем, я располагаю статисткой о...

— Вы *должны* помнить,— голос напрягся, понизился, и паузы между словами значили не меньше слов, они были размеренными, и в них звучал металл,— что если бы всё, буквально всё было известно, статистические оценки были бы не нужны. Теория вероятности есть математическое выражение нашего неведения, а не нашей мудрости. "Занятное продолжение лекции Мод",— думал я, и тут Эдна подняла глаза и воскликнула: — Смотрите-ка, Кит!

Все повернулись.

— Я действительно рада тебя видеть. Льюис, Энн! — обратилась она к Певцам, появившимся раньше (он темноволосый, она блондинка, оба стройные, как деревца; взглянешь на их лица, и вспоминаются бессточные озера, что затеряны в лесу, чистые и очень спокойные).— Он нас в конце концов не бросил!

Эдна встала и вытянула руку над головами сидящих, будто готовила упор при игре в бильярд,— и ударила голосом, как кием: — Кит, тут со мной спорят люди, которые разбираются в деле куда хуже тебя. Ты-то на моей стороне, так...

— Миссис Сайлем, я не имел в виду...— донеслось с земли.

Тут ее руки чуть опустились, пальцы разжались, глаза и рот приоткрылись: — Да это вы! — это мне.— Дорогой мой, вот уж кого никак не ожидала здесь увидеть! Ведь прошло почти два года, правда? — Ай да Эдна: место, где она, Кит и я коротали долгий вечер за пивом, больше походило на тот злополучный бар, чем на Вершину Башни.

— Где вы пропадали?

— В основном на Марсе; я только сегодня вернулся.— До чего же забавно, когда говоришь такие вещи в таком месте.

— Кит... Вы оба... — (значит, она либо забыла мое имя, либо слишком хорошо помнит меня, чтобы им не злоупотреблять) — Давайте-ка сюда, помогите мне управиться с тем, чем потчует Алексис.

Пока мы подходили, я едва сдерживал улыбку: если она что-то помнит обо мне, она, конечно, вспомнила и мое амплуа, и это, должно быть, забавляет ее не меньше, чем меня.

Умиротворение разлилось по лицу Алексиса — он убедился, что я хоть что-то собой представляю, пусть и неизвестно, что именно.

Минуя Льюиса и Энн, Кит одарил Певцов одной из своих ослепительных улыбок. Они сдержанно улыбнулись в ответ, Льюис кивнул, Энн собралась было тронуть его руку, но не завершила движения, а общество наблюдало за церемонией обмена приветствиями.

Когда Алексис узнал, что́ мы хотим, и наполнил высокие бокалы с дробленым льдом, на дозаправку подошел пучеглазый джентльмен: "И что же, на ваш взгляд, миссис Сайлем, реально противостоит подобным политическим махинациям?"

Реджина Абофлавиа была в белом шелковом костюме. Ногти, губы и волосы одного тона, на груди булавка из кованой меди. Прямо зачаровывает меня наблюдение за теми, кто привык быть в своей команде центром нападения. Она прислушивалась, покручивая бокал.

— Им противостою я,— сказала Эдна.— Им противостоит Кит. Им противостоят Льюис и Энн. С нами в конечном счете и придется иметь дело.

И тут сквозь гул разговоров прорвался смех Кита.

Мы обернулись.

Он сидел, поджав ноги, у ограды.

— Смотрите,— прошептал он.

Взгляды последовали за ним, а он смотрел на Льюиса и Энн. Она, высокая, светловолосая, и он, темноволосый, еще выше ее, стояли очень спокойно, чуть нервничая, с полузакрытыми глазами (Льюис немного приоткрыл губы).

— О, они готовятся! — прошептал кто-то из знатоков.

Я глядел на Кита: еще на приходилось видеть Певца на выступлении других Певцов. Он сложил ступни, обхватил руками пальцы ног и пригнулся; вены на шее превратились в голубые реки. Верхняя пуговица куртки расстегнулась, над ключицей показались полосы двух шрамов, возможно заметных только мне.

Я видел, как Эдна поставила бокал, сияя и заранее гордясь. Алексис включил автобар (занятно, как для сливок общества автоматизация стала способом избавиться от лишней рабочей силы), чтобы сделать еще льда, поднял глаза, увидел, что́ готовится, и нажал кнопку от-

ключения. Гудение автобара стихло. Поднялся ветерок (не знаю, искусственный или настоящий), и в довершение зашелестели деревья.

Льюис и Энн запели: по отдельности, потом дуэтом и снова по одному.

Певцы — это люди, которые смотрят на что-то, затем идут и рассказывают другим, что видели. Певцами их делает то, что они могут заставить слушать себя. Мне не придумать определения лучше и проще этого. Восьмидесятидвухлетняя Эль Посадо в Рио-де-Жанейро увидела, как обвалился квартал жилых домов, побежала на Авениду дель Соль и стала импровизировать, придерживаясь рифмы и размера (что не слишком трудно на богатом рифмами португальском языке). По запыленным щекам ручьями лились слезы, над солнечной улицей голос бился о пальмы. Сотни людей остановились послушать, еще сотня, и еще... И о слышанном они рассказали еще сотням. Три часа спустя сотни из них прибыли на место катастрофы с одеялами, едой, деньгами, лопатами и, что еще более невероятно, с желанием и готовностью создать свою организацию и работать в ней. Ни одно сообщение СтереоТВ о бедствиях никогда не вызывало подобной реакции. В историческом плане Эль Посадо считают первым Певцом. Вторым стала Мириэмне из крытого города Лакс, которая тридцать лет расхаживала по его металлическим улицам, восславляя кольца Сатурна — колонисты не могли смотреть на них незащищенными глазами из-за ультрафиолетового излучения. А Мириэмне со своей странной катарактой на каждой утренней заре отправлялась на край города, смотрела, видела и возвращалась, чтобы спеть о том, что видела. Все это вроде бы пустяки, да только в те дни, когда она не пела — болела или была в другом городе, до которого докатилась ее известность,— падал курс акций, росло число преступлений, связанных с насилием. Это было необъяснимо; ничего не оставалось, как провозгласить ее Певцом. Почему возник институт Певцов, почему они появились в центре почти каждого города по всей Системе? Кое-кто считает, что это было спонтанной реакцией на освещение нашей жизни средствами массовой информации. СтереоТВ, радио и видеоленты, распространяя информацию по всем мирам, распространяли и чувство отчуждения от первоисточников. (Мало ли людей и по сю пору, отправляясь на спортивные состязания или политический митинг, вставляют в ухо крохотный приемник, чтобы удостове-

риться: то, что они видят, действительно происходит.) Первые Певцы были провозглашены своей аудиторией; затем был период, когда каждый кому вздумается провозглашал себя, и его признавали либо осмеивали и предавали забвению. Но ко времени, когда те, кому я был не нужен, выставили меня за порог, в большинстве городов появилась более или менее стабильная неофициальная квота. Стоило открыться вакансии, как остальные Певцы решали, кому ее заполнить. Требовались поэтическое и сценическое дарования, и еще какая-то искра Божия, порожденная напряжением между личностью и публичностью, ловушкой, в которой сразу же оказывался Певец. Прежде чем стать Певцом, Кит приобрел небывалую известность, выпустив в пятнадцать лет сборник стихов. Он ездил по университетам и выступал с лекциями, и все же известности не хватало, и, когда мы познакомились, вечером в Центральном парке, он был поражен, что я слышал о нем (чудесные тридцать дней я тогда погостил в Нью-Йорке; чего только не раскопаешь в Томбсовской библиотеке). Сколько-то недель назад ему исполнилось шестнадцать, и через четыре дня ему предстояло стать Певцом; он уже знал об этом. Мы сидели на тихой заре у озера, он взвешивал предстоящую ответственность, гордился ею и страшился ее. Два года спустя он все еще оставался самым молодым Певцом шести миров, с отрывом в шесть лет. Певцами не обязательно становятся поэты, хотя поэты и актеры составляют большинство. И все же Всесистемный список включает докера, двух университетских профессоров, наследницу миллионов Силири (Гвозди Силири Лучшие в Мире) и не менее двух лиц такой сомнительной репутации, что даже самое охочее до сенсаций агентство не решилось сообщить хоть что-нибудь об их прошлом газетным издателям. Но что бы их ни питало, своеобразные и пышные мифы, творимые ими, воспевали любовь и смерть, смену времен года, классов общества, правительств и дворцовой охраны. Они пели перед толпами и компаниями, для одинокого рабочего, вернувшегося домой из городских доков, на углах трущобных улиц, в общих вагонах пригородных поездов, в элегантных парках на крышах Двенадцати Башен, для избранников суаре у Алекса Спиннела. Но со становлением института Певцов механическое воспроизведение "Песен" (включая публикацию текстов) было запрещено, а я уважаю закон, уважаю настолько, насколько это возможно для человека моей профессии. Соответственно я и привожу эту справку взамен песни Льюиса и Энн.

Они закончили, открыли глаза, огляделись вокруг с то ли смущенным, то ли презрительным видом. Кит поклонился, одобряющий и восхищенный. Эдна чуть улыбнулась. И на моем лице появилась улыбка, которую не сдержать, когда ты без меры тронут и без меры доволен. Льюис и Энн пели выше всяких похвал.

Алекс перевел дух, огляделся, кто в каком состоянии, и включил автобар; тот принялся с гудением крошить лед. Никаких аплодисментов, только благодарный шум — люди кивали, комментировали, шептались. Реджина Абофлавиа подошла что-то сказать Льюису, я пытался расслышать что́, и тут Алекс въехал бокалом мне в бровь.— Простите ради Бога.

Я перехватил портфель в другую руку и с улыбкой взял бокал. Когда сенатор Абофлавиа отходила от пары Певцов, те держались за руки и чуть застенчиво смотрели друг на друга. Потом снова сели.

Компания разбилась на отдельные группы и, беседуя, разбрелась по садам и рощам. Над головой тучи цвета старой замши то прикрывали, то открывали луну.

Некоторое время я постоял среди деревьев, прислушиваясь к музыке — двухчастному канону Лассо, запрограммированному для аудиогенераторов. Помнится, на неделе я читал в одном из популярных журналов, что только такой подход позволяет современным музыкантам преодолеть барьер отчуждения, внушаемого пятью столетиями ритма. Мода на такую музыку протянет, пожалуй, еще недели две. Деревья окружали бассейн в скале. Воды в нем не было; под пластиковым дном далекие огни нанизывались и сплетались в играющее разными цветами переменчивое сияние.

— Прошу прощения...

Я обернулся и увидел Алексиса. На этот раз он был без бокалов и не знал, куда деть руки. Он нервничал.

— ...но ваш юный друг говорил, что у вас есть нечто, возможно, небезынтересное для меня.

Я стал поднимать портфель, но Алекс, оторвав руку от уха (ее будто приводным ремнем водило то к волосам, то к воротнику), жестом остановил меня. Ну и нувориш!

— Не беспокойтесь. Пока мне не нужно это видеть. Да, пожалуй, не стоит. Естественно, я заинтересован в том, чем вы располагаете, если, конечно, оно соответствует описаниям Кита. Не исключено, однако, что один из моих гостей заинтересован еще более.

Звучит странно.

— Звучит странно,— констатировал Алексис,— но, на мой взгляд, могло бы вас заинтересовать — хотя бы с точки зрения возможной оплаты. Цена, которую мог бы предложить я, рядовой чудак-коллекционер, соответствовала бы пользе, которую я бы мог извлечь из этих причудливых жанровых картинок, а подобное приобретение заставило бы меня резко сократить круг общения.

Я кивнул.

— Мой гость, однако, нашел бы им гораздо более широкое применение.

— Вы можете его назвать?

— В завершение беседы с Китом я поинтересовался, кто вы, а это, как он меня убедил, граничило с грубой бестактностью. Открыть вам имя моего гостя было бы такой же бестактностью.— Он улыбнулся.— Но бестактность — лучший компонент топлива, что движет общественный механизм, мистер Гарви Кэдуолитер-Эриксон...— он многозначительно улыбнулся.

Гарви Кэдуолитером-Эриксоном я никогда не был; что ж, зато Кит всегда был изобретательным ребенком. И второе, что пришло в голову: Кэдуолитеры-Эриксоны — это вольфрамовые короли из Титиса на Тритоне. Кит продемонстрировал не только изобретательность, но и именно такой блеск, какой ему неизменно приписывали все журналы и газеты.

— Я надеюсь, что вы допустите вторую бестактность и скажете мне, кто же этот таинственный гость...

Алекс заулыбался, как кот, проглотивший канарейку: — Хорошо. Кит согласился со мной, что "Кит" не только мог бы заинтересоваться, но и безусловно заинтересован в том, что у вас здесь,— он показал на портфель.

Я нахмурился. Промелькнула масса мыслишек, которые мне еще предстояло додумать в надлежащее время.

— "Кит" — это кличка?

Алекс кивнул.

Пожалуй, не так я и сердился.

— Вы не пришлете сюда на минутку нашего юного друга?

— Как хотите.

Не прошло и минуты, как Кит поднялся на скалы и пошел, улыбаясь, мимо деревьев. Не увидев ответной улыбки, он остановился.

— Слушай, Кит...— замялся я.

Он поднял голову.

Я почесал подбородок.

— Кит, ты знаешь о департаменте полиции, который называют Спецслужбами?

— Слышал о них.

— Они вдруг очень мной заинтересовались.

— Ну и ну! — сказал он с неподдельным удивлением.— Говорят, они много что могут.

Я снова замялся.

— Да,— воскликнул Кит,— здесь сейчас мой тезка, знаешь?!

— Алекса не проведешь. Как ты думаешь, зачем он здесь?

— Вероятно, старается о чем-то договориться с Абофлавиа. Она завтра начинает расследование.

Я вновь вернулся к тому, о чем задумывался раньше.

— Ты знаешь некую Мод Хайнкл?

Его изумленный взгляд недвусмысленно ответил "нет".

— Она представилась как один из руководителей таинственной организации, о которой я говорил.

— И что с того?

— Наша деловая встреча в начале сегодняшнего вечера завершилась ее мини-проповедью о китах и вертолетах. Затем — случайная встреча с тобой, которую я посчитал пустяковым совпадением. Но теперь я обнаруживаю, что этот вечер многократно подтверждает то, на что она намекала.— Я покачал головой.— Кит, меня внезапно швырнули в бредовый мир, где у стен есть не только уши, но и длинные когтистые пальцы. Кто-то рядом со мной — да ты хотя бы — может оказаться шпионом. Я подозреваю, что каждая решетка водостока или окно второго этажа скрывает бинокли, пистолеты-пулеметы или что-нибудь похуже. И мне не дано понять, как эти коварные силы, какими бы всепроникающими и вездесущими они ни были, внушили тебе завлечь меня в эту запутанную и дьявольскую...

— Перестань,— он откинул волосы со лба.— Я тебя не завлекал.

— Может быть, завлекал не сознательно, но у Спецслужб есть голограммное хранение информации, а методы их коварны и жестоки...

— Да перестань же,— и новые твердые корочки стали появляться у него на теле.— Что ты думаешь, я мог бы...— Тут он понял, насколько я испуган.— Пойми, ведь "Кит" — не начинающий карманник. Мир, в котором он живет, точно такой же, как твой мир сейчас, но он живет в своем мире все время. Если он здесь, то не сомневайся,

его людей — глаз, и ушей, и пальцев — здесь не меньше, чем людей Мод Хикенлупер.

— Хайнкл.

— Так или иначе, это палка о двух концах. Ни один Певец не станет... Да ты что, в самом деле думаешь, что я мог бы...

И хотя я знал, что эти твердые корочки — это короста над язвами, я сказал: — Да.

— Однажды ты меня выручил, и я...

— Я прибавил тебе рубцов, и только.

Короста слетела.

— Кит,— сказал я,— дай мне взглянуть.

Он вздохнул и стал расстегивать латунные пуговицы. Полы куртки опустились. Сияние окрашивало живот в блеклые переливчатые цвета. Я чувствовал, что мое лицо исказилось. Я не хотел отворачиваться и взамен тяжело вздохнул, что было не лучше.

Он поднял глаза: — Их куда больше, чем в твой последний приезд, да?

— Ты себя убиваешь, Кит.— Он пожал плечами.— Я даже не знаю, какие из них появились по моей вине.

Он стал указывать.

— Ты делаешь успехи,— сказал я излишне резко.

Он раза три вздохнул, ему становилось все более не по себе, и я увидел, как он потянулся к нижней пуговице.

— Малыш,— я старался не выдать голосом отчаяния,— отчего это с тобой? — И перестал сдерживаться. Ничто не внушает большего отчаяния, чем безжизненный голос.

Он пожал плечами, увидел, что не этого я жду, и на мгновение в зеленых глазах вспыхнул гнев; я и не этого ждал. И он сказал:

— Знаешь... Ты касаешься человека — мягко, нежно, может быть, даже с любовью. Ну и, мне кажется, какое-то количество информации начинает подниматься в мозг, а там нечто интерпретирует ее как удовольствие. Может быть, это нечто здесь, в моей голове, интерпретирует такую информацию совершенно неверно...

Я покачал головой: — Ты Певец. Конечно, от Певцов ждут всяких странностей, но...

Теперь головой покачал он, уже не сдерживая гнева. И я увидел, как изо всех этих язв, искажавших болью то, что было его лицом, движется что-то, требующее выражения,— и исчезает, так и не став словом. Он снова взглянул на раны, охватившие его худое тело.

— Застегнись доверху, мальчик. Я жалею о том, что сказал.

На середине отворотов его руки задержались.

— Ты действительно думаешь, что я тебя втравил?

— Застегнись доверху.

Он застегнулся, помедилил и сказал: — Знаешь, уже полночь. Эдна только что дала мне Слово.

— И какое оно?

— "Агат".

Я кивнул.

Он кончил застегивать воротник.— О чем ты задумался?

— О коровах.

— Коровах? — переспросил Кит.— Они-то при чем?

— Ты бывал на молочной ферме?

Он покачал головой.

— Чтобы взять максимум молока, у коров практически приостанавливают жизнь. Питание вводят внутривенно из большого бака по системе подающих и отводных труб, они разветвляются на все более мелкие трубки, достигая каждого из этих высокоудойных полутрупов.

— Я видел это в кино.

— И о людях.

— ...И коровах?

— Я узнаю Слово, и оно тотчас начинает растекаться, как по литникам, разветвляться: я говорю его другим, а те — еще кому-то, пока в эту полночь...

— Я позову, и он...

— "Кит"?

Он обернулся: — Что?

— Тебе, говоришь, не верится, что я буду покорной жертвой этой затеи с таинственными всеведущими силами,— что ж, дело твое. Но дай мне только сбыть барахло, и я устрою самый потрясающий уход со сцены, какой тебе только приходилось видеть.

Две морщинки прорезали лоб Кита: — Ты уверен, что не приходилось?

— На самом деле, думаю, приходилось,— теперь я ухмыльнулся.

— О,— сказал Кит,— я позову "Кита".

Я мельком взглянул на блики лунного света на листьях деревьев, посмотрел вниз, на портфель.

Выше, между скалами, обходя высокую траву, шел "Кит". На нем был серый вечерний костюм, серый шелковый жилет. Угловатое лицо, гладко выбритый череп.

— Мистер Кэдуолитер-Эриксон? — он протянул руку.

Я пожал ее — острые косточки в слишком просторной коже.

— А вы — мистер?..

— Арти.

— Арти "Кит",— я постарался сделать вид, что не заметил его серого наряда.

Он улыбнулся: — Арти "Кит". Когда я взял эту кличку, я был моложе, чем наш друг сейчас. Алекс говорит, что у вас есть... скажем, кое-какие вещицы, которые не вполне ваши. То, что вам не принадлежит.

Я кивнул.

— Покажите их мне.

— Вам говорили, что...

Он перебил меня: — Давайте показывайте.

С любезной улыбкой банковского клерка он протянул руку. Я провел большим пальцем по краю "липучки", портфель открылся. Пока "Кит", склонившись, рассматривал мое добро, я спросил:

— Скажите, как быть со Спецслужбами? Похоже, они следят за мной.

Голова поднялась. Удивление постепенно переходило в злобную хитрость: — Как вам сказать, мистер Кэдуолитер-Эриксон? Следите, чтобы ваши доходы были постоянными. Следите, больше делать нечего.

— Если вы купите *это* за более или менее приемлемую цену, это будет не слишком просто.

— Я представляю. Что ж, я всегда могу заплатить вам меньше...

Я закрыл портфель.

— Ладно, оставим это. Вы могли бы пошевелить мозгами и попробовать провести их.

— Должно быть, вам это удавалось раз-другой. Возможно, вы и сейчас чувствуете себя уверенно, но уверенность вы черпаете откуда-то еще.

Арти "Кит" кивнул с весьма лукавым видом: — Полагаю, вы вступили в схватку с Мод. Думаю, вас следует поздравить — и принести вам соболезнования. Всегда приятно поступать как следует.

— Похоже, вы умеете о себе позаботиться. Я имею в виду, что не замечал вас здесь среди гостей.

— Сегодня здесь два приема. Куда, вы думаете, исчезает каждые пять минут Алекс?

Я пожал плечами.

— Это свечение внизу, в скалах,— он показал под ноги, — сияние на потолке. Алекс,— хихикнул он,— уди-

рает отсюда под скалы, где есть убранный с восточной роскошью павильон...

— И отдельный список гостей на двери?

— Реджина в обоих списках. Я тоже. И малыш, Эдна, Льюис, Энн...

— А мне положено все это знать?

— Что ж, вы пришли с тем, кто в обоих списках. Я как раз думал...— он замолчал.

Выходит, я заблуждался. Дело житейское; артист-имитатор очень быстро усваивает, что главный фактор правдоподобия — это вера зрителя в неотъемлемое право на заблуждение.

— Послушайте,— сказал я,— как насчет обмена этих вот вещиц,— я приподнял портфель,— на кое-какую информацию?

— Вы хотите знать, как избежать лап Мод?— он сразу же закачал головой.— Большим я был бы дураком, если бы знал и сказал. Кроме того, вы понуждаете ваши фамильные ценности к попрошайничеству.— Он постукивал пальцем по пластрону рубашки.— Поверьте, приятель, не знает этого Арти "Кит". Я и похожего-то ничего не знаю.

Он убрал руки в карманы: — Дайте посмотреть, что там у вас.

Я снова открыл портфель.

"Кит" мельком взглянул на них, вынул парочку, повертел, положил обратно и снова убрал руки в карманы.

— Я дам вам за них шестьдесят тысяч в зарегистрированных кредитных книжках...

— А информация, которую я просил?

— Ничего не могу вам сказать,— ухмыльнулся он.— Даже какое сейчас время суток.

В этом мире преуспевающих воров очень мало. В остальных пяти — и того меньше. Желание воровать ведет к бессмыслице и безвкусице (это явная противоположность искре Божьей, таланту — поэтическому, сценическому). И все же это желание — как и желание приказывать, властвовать, любить.

— Договорились,— сказал я.

Где-то над головой слышалось слабое гудение.

Арти нежно смотрел на меня. Он полез во внутренний карман пиджака и вынул горсть кредитных книжек — блокнотов в красную полоску, сброшюрованных из листков по десять тысяч каждый.

Он оторвал листок. Два. Три. Четыре.

— Сможете без риска положить в банк эту кучу?..

— Почему, вы думаете, Мод следит за мной?

Пять. Шесть.

— Отлично,— сказал я.

— А портфель в придачу дадите? — спросил Арти.

— Возьмите у Алекса бумажный пакет. Если хотите, я передам их...

— Давайте их сюда.

Гудение приближалось.

Я приподнял открытый портфель. Арти залез в него обеими руками. Он распихивал их по карманам пиджака и брюк, серый костюм натянулся, торчали угловатые выступы.

— Спасибо,— сказал он.— Спасибо.

Он повернулся и заторопился по склону — с карманами, набитыми всякой всячиной, которая теперь не принадлежала уже ему.

Я посмотрел наверх, отыскивая источник шума, но за листьями ничего не разглядел.

Тогда я наклонился и положил раскрытый портфель. Я открыл заднее отделение, где хранил вещи, которые принадлежали мне, и стал торопливо рыться.

Алекс готовил Пучеглазому очередное виски, а тот любопытствовал: — Кто-нибудь видел миссис Сайлем? И что это за гудение над головой? — когда из скал неверной походкой вышла рослая женщина. Она рыдала, руки царапали прикрытое "исчезающей" вуалью лицо.

Алекс пролил содовую себе на рукав; Пучеглазый воскликнул: — Боже, кто это?

— Нет! О нет! Помогите! — закричала женщина, воздевая морщинистые руки, сверкающие от колец.

— Узнаёте? — доверительно прошептал кому-то Кит.— Генриетта, герцогиня Эффингемская.

Алекс услышал и поспешил ей на помощь. Однако герцогиня проскользнула между двумя кактусами и исчезла в высокой траве. За ней поспешили все гости. Они обходили подлесок, и тут лысый джентльмен с черным галстуком-бабочкой откашлялся и, волнуясь, обратился: — Простите, мистер Спиннел...

Алекс был в смятении.

— Мистер Спиннел, моя мать...

— А вы-то кто? — вмешательство окончательно вывело Алекса из себя.

Джентльмен подтянулся, представился: — Клемент Эффингем, член парламента,— и собрался было щелкнуть каблуками, да суставы подвели. Лицо его смягчилось.— О, я... Моя мать, мистер Спиннел... Мы были

внизу, среди другой половины ваших гостей, и она очень разнервничалась. Она побежала вверх, сюда — о, я отговаривал ее! Я знал, что это вас огорчит. Но вы должны помочь мне! — он взглянул вверх.

Взглянули и остальные.

Луна затемнилась: под ней обосновался расплывчатый двойной зонтик винтов вертолета.

— О, прошу вас,— продолжал джентльмен,— поищите ее здесь! Возможно, она вернулась вниз. Я должен,— он быстро оглядывал оба пути,— найти ее. — Он побежал, остальные гости рассыпались в других направлениях.

Гудение вдруг прервал звук удара. А потом — грохот: куски прозрачной пластиковой кровли, ломая ветки, загремели по скалам.

Я вошел в лифт и уже нажимал застежку портфеля, когда в закрывающиеся двери влетел дружище Кит. Фотоэлемент стал распахивать створки, я ударил кулаком по кнопке "Закрытие дверей".

Мальчик, пошатываясь, привалился плечами в угол, затем восстановил дыхание и равновесие: — Слушай, из вертолета выпрыгивают полицейские!

— Гвардия Мод Хайнкл, не сомневайся,— я оторвал от виска очередную прядь седых волос. Она отправилась в портфель, на перчатки из имитирующего кожу пластика (набухшие, в узлах синие вены, длинные ногти). Бывшие "руки" Генриетты сейчас покоились в шифоновых складках ее же сари.

Толчок от торможения лифта прижал нас к полу. Когда дверь открылась, половина моего лица еще принадлежала достопочтенному Клементу. Вошел "Кит" — донельзя бледный и предельно унылый. За его спиной, в изысканном павильоне, убранном с восточным великолепием, с переливчатым сиянием на потолке, виднелись танцующие. Арти быстрее меня дотянулся до кнопки "Закрытие дверей" и недоуменно на меня взглянул. Я только вздохнул и покончил со следами Клема на лице.

— Полиция уже здесь,— повторял "Кит".

— Арти,— сказал я, застегивая брюки,— похоже, дела обстоят именно так.— Кабина набирала скорость.— Вы выглядите почти таким же расстроенным, как Алекс.— Я сбросил смокинг на руки, вывернул рукава наружу; освободив запястье, стянул белую крахмальную манишку с черным галстуком-бабочкой и положил их в портфель, к остальным манишкам; придирчиво осмотрел пиджак и надел добротный серый в елочку костюм Го-

варда Кэлвина Эвингстона. Говард (как и Генри) рыжий, но (в отличие от него) не кудрявый. Когда я стащил накладную лысину Клемента и, тряхнув головой, расправил волосы, "Кит" поднял редкие брови.

— Я замечаю, что вы больше не таскаете в карманах этих громоздких вещей?

— Они под присмотром,— резко сказал он.— С ними все в порядке.

— Арти,— сказал я, пробуя оригинальный, раздражающе-уверенный баритон Говарда,— должно быть, я был бессовестно самонадеян, полагая, что полицейские Службы порядка заявились только за мной.

"Кит" прямо-таки зарычал: — Не повезет им, если они и меня возьмут.

А Кит из своего угла спросил: — Арти, у вас охрана здесь, при себе?

— К чему ты это?

— У тебя есть единственная возможность выбраться отсюда,— прошептал мне Кит. Его куртка наполовину расстегнулась, обнажая изуродованную грудь.— Если Арти заберет тебя отсюда с собой.

— Блестящая идея,— резюмировал я.— Вернуть вам пару тысяч за услугу?

Предложение не рассмешило его: — Ничего мне от вас не надо.— Он повернулся к Киту: — Мне от тебя кое-что надо, мальчик, не от него. Некстати мне встречаться с Мод. Если хочешь, чтобы я вытащил твоего друга, придется кое-что сделать для меня...

Мальчик выглядел смущенным. Лицо Арти казалось мне самодовольным, но это выражение сменилось озабоченностью.

— Ты должен придумать, как забить холл людьми — и быстро.

Я хотел спросить зачем, но не знал, какая у Арти охрана. Я хотел спросить как, но тут ноги почувствовали толчок и двери отворились.— Если ты не сможешь этого,— прорычал "Кит" Киту,— никому из нас отсюда не уйти.

Я понятия не имел, что мальчик собирался делать, но, когда стал выходить за ним в холл, "Кит" сгреб мою руку и зашипел: — Останься, дубина!

Я шагнул назад. Арти нажал кнопку "Открытие дверей".

Кит рванулся к бассейну. И с ходу прыгнул в него.

Он добежал до двенадцатифутовых треножников жаровен и стал карабкаться вверх.

— Он сам себя не бережет,— прошептал "Кит". Я поддакнул с бессознательным, надеюсь, цинизмом.

Кит что-то откручивал под громадной огненной чашей. И что-то упало, еще что-то зазвенело, и еще что-то рванулось по воде, оседланное клубящимся и ревущим адским пламенем.

Черная стрела с золотой головкой — дружище Кит.

Я прикусил щеку: внезапно завыла сирена. По голубому ковру пробежали четверо пожарных. Огонь увидела и компания, двигавшаяся в другом направлении; одна из женщин завизжала. Я перевел дыхание, подумав, что ковер, стены и обшивка, вероятно, огнестойкие, но шестьдесят с лишним футов ада мешали сосредоточиться на этой мысли.

У края бассейна, на последнем островке в огненном море, показался Кит, сжав лицо руками, вывалился на ковер, покатился, покатился — и встал. Из второго лифта высыпали пассажиры, оторопевшие и ошарашенные. В дверь вбежала пожарная команда, уже со своими шлангами. Сирена не умолкала.

Кит стал разглядывать толпу в холле. С мокрых лоснящихся брюк на ковер текла вода. Капли на щеках и в волосах вспыхивали в отблесках пламени цветами меди и крови.

Он ударил кулаками по бедрам, глубоко вдохнул — над пламенем, над сиреной — и Запел.

Двое протиснулись к двум разным лифтам. В дверях показалось несколько человек. Лифты вернулись через полминуты, набитые людьми. Я понял, что все здание узнало: в холле Поет Певец.

Холл был полон. Пламя ревело, пожарные сдерживали толпу, а в футе от них на голубом ковре, у пылающего бассейна Пел Кит, и Пел о баре, что подальше от Таймс Сквер, набитом ворами и наркоманами, хулиганьем и пьянью и женщинами, слишком старыми, чтобы торговать — и так мерзко — тем, что они раньше придерживали; о баре, где ранним вечером разгорелась ссора и в драке смертельно ранили старика.

Арти тронул меня за рукав.

— Какого чер..?

— Пошли,— прошептал он.

За нами закрылась дверь лифта.

Мы потихоньку пробирались среди сосредоточенной аудитории, останавливаясь то посмотреть, то послушать. Я не мог отдать должное Киту: почти все время этого неспешного перехода я пытался понять, на что рассчи-

тывает Арти. Задержавшись за прищурившейся на огонь парой в купальных костюмах, я решил, что все ясно — Арти просто хочет ускользнуть через толпу, создать которую он так предусмотрительно поручил Киту.

По пути к двери следовало миновать чуть не кордон полицейских Службы порядка. Вряд ли они имели отношение к тому, что могло затеваться в саду на крыше, скорее собрались на пожар и задержались из-за Песни. Арти похлопал одного из них по плечу: — Разрешите, пожалуйста, пройти.— Тот бегло взглянул на него, вокруг и выдал двойной комплект ужимок из немых полицейских комедий. Другой полицейский прервал представление, тронув первого за руку и укоризненно покачав головой. Оба с преувеличенным безразличием отвернулись, переключив внимание на Певца. Когда сердце у меня встало на место, я решил: система безопасности "Кита" обеспечивается агентами и контрагентами, маневрирующими и интригующими по всему залитому заревом холлу, она настолько хитроумна и запутанна, что в ней не разобраться, не сойдя с ума.

Арти открыл дверь на улицу.

Я последний раз вдохнул кондиционированный воздух и ступил в ночь.

Мы заспешили по склону.

— Ну, Арти?

— Ты пойдешь туда,— он указал на улицу внизу,— я — сюда.

— А куда она ведет?

— К станции под-под-подземки "Двенадцать башен". Слушай. Я тебя оттуда вытащил. Езжай куда-нибудь, где поинтереснее. Пока. Давай.— Арти "Кит" засунул руки в карманы и стал быстро подниматься к своей улице.

Я спускался, придерживаясь стены, ожидая, что кто-то достанет меня — духовой трубкой из проезжающей машины, лучами смерти из кустов.

Дошел до подземки.

И до сих пор ничего не случилось.

Агат сменил Малахит;

Турмалин;

Берилл (в этом месяце мне исполнилось двадцать шесть);

Порфир;

Сапфир (в этом месяце я взял десять тысяч, которые не успел растранжирить, и вложил в "Глетчер", совершенно законный Дворец мороженого на Тритоне, первый и единственный там,— и он разгорелся, как фейерверк:

все вкладчики получили свои восемьсот процентов, без обмана. Половину прибыли я потерял через две недели на другом, до нелепости незаконном предприятии и страшно переживал, но "Глетчер" продолжал мне ее зарабатывать. На подходе было новое Слово);

Киноварь;

Бирюза;

Тигровый глаз;

Гектор Калхун Эйзенхауэр наконец взялся за дело и эти три месяца учился быть респектабельным членом верхней части среднего класса дна общества. Это самостоятельная — и длинная — история: тонкости управления финансами, корпоративное право, порядок оплаты помощи... уф! Но сложности жизни всегда интриговали меня. Я одолел эту премудрость. Главное правило все то же: скрупулезно соблюдай, с размахом надувай.

Гранат;

Топаз (я прошептал это Слово на крыше Трансспутниковой электростанции и тем самым поручил моим наемникам совершить два убийства. И, знаете, ничуть не переживал);

Жадеит;

Приближался конец Жадеита. Я вернулся на Тритон по делам, прямо связанным с "Глетчером". Было чудесное, ясное утро, дела шли прекрасно. После обеда я решил передохнуть и осмотреть достопримечательности у Потоков.

— Двести тридцать ярдов,— объявил гид, и все вокруг, облокотившись на перила, посмотрели вверх, через крышу пластикового коридора — на утесы из твердого метана, парившие в холодном зеленом блеске Нептуна.

— Спустившись всего на несколько ярдов, леди и джентльмены, вы сможете составить первое впечатление о Колодце Этого Мира, где более миллиона лет назад таинственная сила природе которой наука пока не может найти объяснения заставила двадцать четыре мили замерзшего метана расплавиться за не более чем несколько часов, в течение которых успел возникнуть водоворот глубиной вдвое превышающий глубину Гранд Каньона на Земле который существовал веками пока температура вновь не упала до...

Люди двинулись вниз по коридору, и тут я увидел ее улыбку. В тот день мои волосы были черными и коротко подстриженными, а кожа загорелой, как орех.

Пожалуй, я допустил излишнюю самоуверенность и остался стоять почти рядом с ней. Я даже собирался

подойти, когда она все разрушила, неожиданно повернувшись ко мне и совершенно бесстрастно сказав: — Да это никак Гамлет Калибан Энобарбус!

Старые рефлексы изобразили на моем лице сочетание раздражения от путаницы с улыбкой всепрощения.

— Простите, но я думаю, что вы, должно быть, ошиблись...

Нет, я этого не сказал.

А сказал я:

— Мод, ваш приезд означает, что пришло мое время?

Ее одежда была голубых тонов, у плеча — большая голубая брошь, по виду стеклянная. Взглянув на других туристов, я понял, что среди их пышных нарядов она еще более неприметна, чем я.

— Нет,— сказала она.— На самом деле я в отпуске. Точно так же, как и вы.

— Это правда? — Мы отстали от группы.— Вы меня дурачите.

— Хотя Спецслужбы Земли сотрудничают со Спецслужбами других миров, они не имеют официальных полномочий на Тритоне. А поскольку вы сюда прибыли с деньгами и почти весь зарегистрированный прирост ваших доходов связан с "Глетчером", то, возможно, вы представляете интерес для Служб порядка Тритона, но Спецслужбы за вами не следят — пока не следят.— Она улыбнулась.— Я еще не была в "Глетчере". Было бы чудесно рассказывать, что туда меня пригласил один из владельцев. Не выпить ли нам содовой, как вы думаете?

Мимо проплывало молочно-белое великолепие застывших в водовороте стенок Колодца Этого Мира. Туристы не отрывали глаз, а гид упорно продолжал повествование о показателях преломления и углах склонения.

— Не думаю, что вы мне доверяете,— сказала Мод.

Мой взгляд ответил, что она права.

Неожиданно она спросила: — Вы когда-нибудь были связаны с наркотиками?

Я нахмурился.

— Нет, я серьезно. Мне хотелось бы уточнить и уяснить кое-что... один из моментов информации, и это могло бы облегчить жизнь нам обоим.

— Косвенно,— сказал я.— Уверен, что в ваших досье вся информация разложена по полочкам.

— Я была связана с ними несколько лет и далеко не косвенно,— сказала Мод.— В Спецслужбы я пришла из Отделения наркотиков Служб порядка. Люди, с которыми мы имели дело двадцать четыре часа в сутки,— нар-

команы и торговцы наркотиками. Чтобы взять крупных, приходилось дружить с мелочью, чтобы взять заправил, приходилось дружить с крупными. Мы должны были ложиться и вставать, когда и они, говорить на том же языке, месяцами жить на тех же улицах, в том же доме.— Она отступила от перил, давая пройти подростку. — Из наркоотряда меня пришлось дважды отсылать для прохождения курса детоксикации. И мой послужной список был одним из лучших.

— Так что за момент информации?

— Вы и я перемещаемся по одним и тем же орбитам, хотя бы в силу избранных нами профессий. Вы бы удивились, узнав, сколько у нас общих знакомых. Не поражайтесь, если однажды мы столкнемся на переходе через площадь Независимости на Беллоне, а спустя две недели заскочим на ленч в один и тот же ресторан в Лаксе на Япете. Хотя орбиты, по которым мы движемся, охватывают миры, они одинаковые и не слишком большие.

— Что ж,— не думаю, что это звучало радостно,— давайте-ка я угощу вас мороженым.

Мы двинулись обратно по проходу.

— Знаете,— сказала Мод,— если вы достаточно долго не попадете в лапы Спецслужб здесь и на Земле, вы добьетесь тут громадной прибыли, растущей с постоянной скоростью. Это может отнять немало лет, но это возможно. У нас нет сейчас оснований для личной вражды. Вы вполне можете в один прекрасный день достичь той точки, где перестанете представлять интерес для Спецслужб как добыча. Конечно, мы по-прежнему будем видеться, случайно встречаться. Масса нашей информации поступает от людей отсюда. Мы и помочь вам можем, вы же знаете.

— Вы получили новые голограммы.

Она пожала плечами. В бледном свете планеты ее лицо казалось совершенно призрачным. Потом, уже у городских фонарей, она сказала:

— Я недавно встретила двух ваших друзей, Льюиса и Энн.

— Певцов?

Она кивнула.

— Ну, на самом деле я мало их знаю.

— А они, похоже, много знают о вас. Возможно, от другого Певца, Кита.

— Ну,— снова сказал я.— Они говорили, что́ с ним?

— Месяца два назад я прочла, что он поправляется. И с тех пор ничего.

— Примерно столько и я знаю.

— Я видела его только однажды,— сказала Мод,— сразу, как его вытащила...

Арти и я выбрались из холла, когда Кит еще пел. На следующий день из видеохроники я узнал, что, кончив Песню, он стряхнул куртку, скинул брюки и бросился обратно в бассейн.

Люди с криками забегали вокруг, внезапно очнулась пожарная команда. Его спасли; семьдесят процентов тела было покрыто ожогами второй и третьей степени. Я старался не думать об этом.

— Так это вы его вытащили?

— Да. Я была в вертолете, который сел на крышу. Рассчитывала поразить вас своим появлением.

— Ах, так...— сказал я.— Как вам удалось вытащить его?

— Только вы стали выходить, охрана Арти заклинила лифт над семьдесят первым этажом, и мы попали в холл, лишь когда вы вышли из здания. Тут-то Кит и попытался...

— Но, так или иначе, его спасли именно вы?

— Пожарные "Башни" двенадцать лет близко к пожару не подходили; думаю, они и с оборудованием не умели работать. Я сказала, чтобы мои ребята загасили бассейн пеной, пробралась и вытащила Кита.

— Ах, так...— повторил я. С тех пор прошло одиннадцать месяцев, когда я работал за двоих и во многом преуспел. Это было без меня. Это меня не касалось. А Мод продолжала:

— Мы рассчитывали через него выйти на вас. Но когда я его вытащила, он был совсем в ауте, просто масса открытых и гноящихся...

— Надо бы мне знать, что Спецслужбы и Певцов употребляют,— сказал я.— Я последний, кто не знает. Сегодня, кажется, меняется Слово. Льюис и Энн вам его не передавали?

— Я виделась с ними вчера, и до изменения Слова оставалось восемь часов. Да все равно мне бы они его не сказали,— она взглянула на меня и нахмурилась.— Точно бы не сказали.

— Давайте-ка выпьем содовой,— предложил я.— Немного поболтаем, будем, изображая беспечность, внимательно слушать друг друга: вы постараетесь добыть то, что поможет вам взять меня, я буду вслушиваться, не оброните ли вы по ошибке чего-нибудь, что поможет мне уйти от вас.

Она одобрительно кивнула.

— И все же почему вы вошли в контакт со мной в этом баре?

С ледяными глазами: — Говорила же я, что мы просто движемся по совпадающим орбитам. Вполне вероятно, что мы одновременно в один и тот же вечер окажемся в одном и том же баре.

— Похоже, это тот самый случай, когда мне понимать не полагается, верно?

Она улыбнулась — неясно, двусмысленно. Я не стал нажимать на нее дальше.

Наша послеполуденная беседа вышла на редкость скучной. Из вздора, что мы несли над горами взбитых сливок с вишнями, не запомнилось ни одной реплики. Мы оба затратили массу энергии, изображая, что развлекаемся, и, думаю, вряд ли знали, как добыть нужные сведения,— да они в беседе и не фигурировали.

Она ушла; я продолжал думать об опаленном фениксе.

Управляющий "Глетчера" вызвал меня на кухню, чтобы спросить о партии контрабандного молока (все наше мороженое — собственного изготовления), которую я исхитрился добыть в последний свой визит на Землю (забавно, что за десять лет прогресс почти не коснулся молочного животноводства; надуть этого косноязычного вермонтца оказалось до неприличия легко), и пока под лампами дневного света и громадными пластиковыми мороженицами я пытался разобраться, что к чему, он высказывал кое-какие суждения о короле сливок Хейсте; пользы от этого не было никакой.

Постепенно собралась вечерняя публика; заиграла музыка, засверкали хрустальные стены, и девушек из Шоу-прямо-в-зале пришлось улещать выступить хоть как-то (сундук со сценическими костюмами потерялся при пересылке — сперли, наверно, да зачем им объяснять), и, обходя столики, я лично поймал очень грязную девчушку, видно вконец одуревшую от наркотиков — она пыталась из-за спинки стула вытащить у посетителя бумажник,— схватил ее запястье, стронул с места и элегантно проводил до двери, и она прятала от меня расширенные глаза, а посетитель и понятия не имел, и шоу-девушки, наконец, придя к решению, что ну и что, отплясали свое без костюмов — каких бы то ни было, и каждый чувствовововал себя как в старые добрые времена, а мне было совсем худо.

Я вышел, сел на широкие ступени и выражал недо-

вольство, когда приходилось сдвинуться, чтобы дать войти и выйти. Примерно на семьдесят пятом недовольстве человек, которому я его выразил, остановился и шлепнулся рядом со мной: — Знал ведь, найду, если поупираюсь! В смысле, если рогом упрусь.

Я взглянул на ладонь, хлопавшую меня по плечу, перевел взгляд по руке к высокому вороту черного свитера и выше, на мясистую, лысую, осклабившуюся голову.— Арти,— сказал я,— какого..! — Но он все похлопывал меня и смеялся с непробиваемым Gemütlichkeit*.

— Не поверишь, сколько я рыл насчет тебя, парень. Пришлось подмазать местного спецслужаку. Шустряк чуть отмяк. Чудеса прямо, чудеса в решете.

"Кит" пересел ступенькой ниже и положил руку мне на колено.

— Заведение блеск. Годится, слов нет.

Маленькие косточки в испещренном жилками тесте.

— Но не так еще, чтоб купить. Ты в гору идешь, правда. В гору прешь, говорю. Еще погоржусь: дескать, я и есть самый тот, кто ему первый шанс дал.

Он убрал ладонь и стал мять ее о другую.

— Если вы намереваетесь расширить масштабы деятельности, вам необходимо ступать, по меньшей мере одной ногой, по твердой почве закона. В целом же задача состоит в приобретении статуса незаменимости у порядочных людей, и ее выполнение обеспечивает толковому похитителю практически свободный доступ ко всем сокровищницам системы. Впрочем, все сказанное мной известно вам априори...

— Как вы думаете, Арти,— спросил я,— стоит нам вдвоем засвечиваться?

"Кит" протестующе замахал рукой над коленом: — Никто на нас не капнет. Все окружено моими парнями. Я никогда и нигде не показываюсь на людях без охраны. Слышал, что и вы подумываете об охране...

(что было правдой)

— ...хорошая мысль. Отличная. Мне нравится ваш образ действий.

— Спасибо, Арти. Я вышел подышать воздухом, но становится прохладно...

Рука замелькала снова: — Не беспокойтесь, я не собираюсь тут околачиваться. Вы правы. Не стоит, чтобы нас видели. Просто проходил мимо, дай, думаю, зайду

*Спокойствие, радушие (нем.).

поздороваюсь. Просто поздороваюсь.— Он встал.— Вот и всё.— Он стал спускаться по ступенькам.

— Арти?

Он оглянулся.

— Вы скоро вернетесь — когда захотите выкупить мою долю "Глетчера", потому что состояние мое станет слишком большим, а я не захочу продавать, потому что буду считать себя достаточно большим, чтобы побороться с вами. И мы на время станем врагами. Вы постараетесь убить меня. Я постараюсь убить вас.

Его лицо: недовольство, смущение (сначала); улыбка прощения (потом).

— Видно, вы зациклились на мысли о голограммной информации. Отлично. Хорошо. Мод можно перехитрить одним-единственным способом: будьте уверены, что ваша информация охватывает ситуацию полномасштабно. Это же единственный способ перехитрить и меня.— Он улыбнулся, начал поворачиваться, но снова задумался: — Если вы сможете не подпускать меня достаточно долго и при этом сохраните рост доходов и постоянную боеспособность охраны, то постепенно мы подойдем к той точке, где выяснится: наши усилия окупятся, если вернуться к совместной работе. Только постарайтесь продержаться, и мы снова станем друзьями. В определенный день. Только будьте осторожны. Только ждите.

— Спасибо, что просветили меня.

"Кит" посмотрел на часы: — Ладно. До свидания.

Я думал, что он окончательно собрался уходить, но он опять мельком взглянул: — Узнали новое Слово?

— Точно,— вспомнил я,— оно появилось этой ночью. И какое?

"Кит" подождал, пока пройдут все, кто спускался по лестнице, торопливо огляделся, приложил к губам сложенные рупором ладони, наклонившись ко мне, проскрежетал "Пирит" и изо всех сил подмигнул.

— Я только что получил его от одного парня, а он — прямо от Колетт.

(Колетт — одна из трех Певцов Тритона.)

Он повернулся, сбежал по ступеням и стал проталкиваться в толпе на тротуаре.

Я продолжал сидеть, обдумывая последний год, пока не надумал встать и пройтись. Прогулка добавила к моему подавленному состоянию еще и паранойю. Когда я повернул назад, я уже разобрался в общих чертах в системе обмана: "Кит" с помощью своих людей уже начал оплетать меня заговором, который завершится тем, что

все мы попадем в ловушку в узком тупике и в поисках помощи я крикну: "Пирит", что окажется вовсе не Словом, а сигналом, по которому меня опознают люди в темных перчатках с пистолетом-гранатами-газом.

Я дошел до кафетерия на углу. В падавшем из его окна свете на обломках машины у обочины сгрудилась компания помоечных (в стиле Тритона: на запястьях цепочки, татуировка-шмель на щеке, сапоги на высоких каблуках у тех, кому они по карману). Разбитую фару оседлала девчушка-наркоманка, которую я вывел из "Глетчера".

По непонятной причуде я подошел к ней: — Эй!

Она взглянула на меня из-под соломенных волос; глаза, казалось, состояли из одних зрачков.

— Ты уже получила новое Слово?

Она почесала нос, и без того расцарапанный докрасна.

— Пирит, оно спустилось около часа назад.

— Кто тебе сказал?

Она ответила, поразмыслив: — Я получила его от парня, который сказал, что получил его от парня, который прилетел вечером из Нью-Йорка, а там получил его от Певца по имени Кит.

Трое, сидевших поближе, подчеркнуто не смотрели на меня; те, кто подальше, позволили себе мельком на меня взглянуть.

— Вот как,— сказал я,— вот как. Спасибо.

Бритва Оккама* и любая достоверная информация о работе охраны послужат пробным камнем и отметут весь этот бред. Пирит. Для людей с моими профессиональными интересами, достигших определенного уровня, параноя становится профессиональной болезнью. По крайней мере я был уверен, что Арти (и Мод) страдали от нее не меньше, чем я.

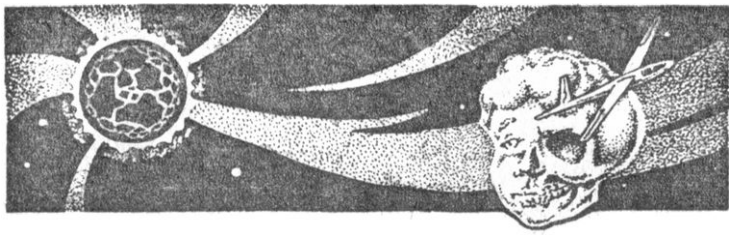
Огни на вывеске "Глетчера" были погашены. Я вспомнил, что кое-что оставил в помещении, и поднялся по лестнице.

Дверь была заперта. Я постучал пару раз по стеклу; все разошлись по домам. Хуже, что забытое было на виду — лежало на барьере гардероба под оранжевой лампой. Его положил туда, вероятно, управляющий, думая, что я могу вернуться, пока не все уйдут. Завтра в полдень Го Кхи Энь должен оплатить предварительный заказ на апартаменты "Бархатцы" в межпланетном лайнере "Платиновый ле-

*Принцип, согласно которому в научном анализе неприемлемы понятия, несводимые к эмпирическому и интуитивному знанию.

бедь", который в тринадцать отбудет на Беллону. Счет был здесь, за стеклянными дверями "Глетчера", он ждал вместе с соответствующим париком и вставочками, которые наполовину сузят медлительные угольно-черные глаза мистера Эня.

Я подумывал, не взломать ли замок. И все же разумнее было попросить, чтобы в отеле меня разбудили в девять, и войти сюда с уборщиками. Я повернулся, стал спускаться по ступенькам и вдруг подумал — и так мне стало горько, что я прикрыл глаза, а улыбался только по привычке: я ведь, наверно, потому так спокойно оставляю "Глетчер" до утра, что нет там ничего, что было бы не моим.

Джеймс Баллард

ОБЛАЧНЫЕ СКУЛЬПТОРЫ КОРАЛЛА D

Все лето облачные скульпторы, слетевшиеся с Багряных песков, кружили на своих разрисованных планерах над коралловыми башнями, что высятся белыми пагодами вдоль шоссе, уходящего к Западной Лагуне. Самая высокая из башен зовется Кораллом D, и здесь, в восходящих потоках над песчаными отмелями, почти всегда собираются лебединые стаи кучевых облаков. Взлетая над вершиной Коралла D, мы вырезали из них единорогов и морских коньков, портреты президентов и кинозвезд, фигуры ящериц и экзотических птиц. На нас глазели снизу из машин, и холодный дождь падал на их пыльные крыши, струясь из облачных обрезков, а наши воздушные статуи уплывали через пустыню в сторону солнца.

Мы вырезали много причудливых скульптур, но самыми странными из них были портреты Леоноры Шанель. Вспоминая жаркий день прошлого лета, когда она приехала поглядеть из своего белого лимузина на облачных скульпторов с Коралла D, я думаю: если бы мы сознавали тогда, с какой серьезностью эта красивая, но безумная женщина смотрит на невесомые творения, проплывающие в безмятежном небе над нею! Если бы знали, что придет час, когда ее портреты, изваянные из ураганных туч, прольют грозовые слезы над мертвыми телами своих скульпторов...

Я пришел на Багряные пески три месяца назад — отставной пилот, с трудом привыкающий к сломанной ноге и мысли, что воздушная карьера кончена. Однажды,

заехав далеко в пустыню, я затормозил у коралловых башен на шоссе, ведущем к Западной Лагуне. Рассматривая эти гигантские пагоды, вздымавшиеся со дна высохшего моря, я услыхал музыку с недалеких песчаных отмелей.

Ковыляя на костылях по осыпающемуся песку, я добрался до мелкой бухты в дюнах, где поющие статуи медленно разрушались у входа в заброшенную студию. Бывший хозяин оставил пустыне эту похожую на ангар постройку, меня же какая-то неясная потребность заставляла возвращаться туда изо дня в день. Обтачивая найденные там планки и брусья на древнем станке, я собирал больших воздушных змеев, а потом и планеры с кабинами. Они раскачивались надо мной на канатах, и в их причудливых очертаниях было что-то успокаивающее.

Однажды вечером, когда я подтягивал воротом своих змеев, рвавшихся вверх над Кораллом D, налетел внезапный шквал. Я вцепился в рукоятку ворота, зарываясь костылями в песок,— и тут увидел двух человек, идущих ко мне по осыпающимся дюнам. Один из них был маленький горбун с наивными детскими глазами и уродливой челюстью, скошенной на сторону, как якорная лапа. Он подбежал к вороту и, отпихнув меня мощным плечом, подтянул потрепанных змеев к земле. Помогая мне встать на костыли, он заглянул в ангар, где блестела моя новая гордость: уже не змей, а настоящий планер — с рулями высоты и рычагами управления.

Горбун приложил широкую ладонь к груди: — Пти Мануэль, акробат и гиревик.

— Нолан! — позвал он,— погляди-ка!

Его товарищ сидел на корточках у поющих статуй и подкручивал спирали, настраивая их в резонанс.

— Нолан — художник,— сообщил Мануэль.— Он вам такие планеры сотворит — полетят как кондоры!

Высокий брюнет уже бродил между планерами, касаясь их крыльев легкими руками скульптора. Мрачные глаза его смотрели исподлобья, как у скучающего Гогена. Он глянул на мою загипсованную ногу, на летную куртку:

— Вы им сделали кабины, майор...

По одной этой фразе чувствовалось, насколько он меня понимает. Помолчав, Нолан кивнул на коралловые башни, врезанные в вечернее небо.

— Запастись йодистым серебром — и можно резать по облакам.

Горбун кивнул мне ободряюще, в его глазах светились мечтательные огоньки.

Вот так и появились облачные скульпторы с Коралла D. Я тоже считал себя скульптором. Нет, я так и не поднялся в воздух, но выучил летать Нолана и малыша Мануэля, а потом и Шарля Ван Эйка. Нолан встретил этого белокурого пирата где-то в прибрежном кафе на Багряных песках и притащил к нам — молчаливого тевтона с насмешливыми глазами и безвольным ртом. Сезон окончился, богатые туристы с незамужними дочками вернулись на Красный берег, и Ван Эйку стало скучно на Багряных песках.

— Майор Паркер — Шарль Ван Эйк, охотник за головами,— представил его Нолан.— Женскими, разумеется.— Несмотря на их подспудное соперничество, я чувствовал, что Ван Эйк внесет в нашу группу некую толику романтики.

Я сразу заподозрил, что студия в пустыне принадлежит Нолану, а мы все служим какой-то его причуде. Но единственное, что меня тогда волновало,— полеты.

Поначалу планеры на канатах осваивали восходящий поток воздуха над меньшей из башен — Кораллом A, затем над более крутыми B и C и, наконец, взмыли в мощных течениях вокруг Коралла D.

В один прекрасный день, едва я забросил их в воздух, Нолан перерезал канат. Его планер сейчас же перевернулся и пошел вниз на остроконечные скалы. Я успел броситься на землю, когда обрывок каната хлестнул по автомобилю, высадив лобовое стекло. Я поднял голову — Нолан парил в розовой вышине над Кораллом D, и ветер, хранитель коралловых башен, плавно нес его сквозь архипелаги кучевых облаков, отражавших предвечерний свет.

Пока я спешил к вороту, лопнул второй канат — малыш Мануэль устремился вслед Нолану. Калека, неуклюжий краб обернулся в воздухе птицей с гигантскими крыльями, превзойдя и Нолана, и Ван Эйка. Они долго кружили над коралловыми башнями, затем вместе соскользнули с небес на пустынную землю, и песчаные дюны приветствовали их желтыми всплесками, ослепительными на фоне черных облаков.

Пти Мануэль торжествовал. Он вышагивал вокруг меня, как карманный Наполеончик, набирая пригоршнями битое стекло и разбрасывая его над головой, словно кидал в воздух букеты.

Двумя месяцами позже, когда нам довелось повстречать Леонору Шанель, наш восторг первооткрывателей успел иссякнуть. Сезон кончался, и поток туристов совсем поредел. Иной раз мы вырезали свои статуи над пустым шоссе. Бывало, Нолан даже не выходил из отеля — валялся целый день в постели и пил. Ван Эйк все чаще пропадал с перезрелыми дамами, и мы с Мануэлем выезжали одни.

Но в тот день мы собрались все четверо, и вид облаков, поджидающих нас над вершиной Коралла D_3 сразу прогнал нашу апатию. Уже через десять минут три планера разом взмыли в воздух, и первые автолюбители стали тормозить на шоссе.

Чернокрылый планер Нолана летел первым, круто забирая к вершине. Ван Эйк чертил опасные зигзаги, демонстрируя свою лихость и белокурую гриву незнакомке в топазовом кабриолете. Пти Мануэль в полосатой, как карамелька, машине гонялся за ним, скользя и крутясь в завихрившемся воздухе. Он вскидывал руки над головой и счастливо ругался — в небе ему было куда уютнее, чем на земле.

Ван Эйк взялся за облако первым. Облетая белую массу, он распылял кристаллический йодид, ловко отсекая влажные клочья. Они отлетали, кружась, как снежные хлопья. Когда искусственный дождь пролился на шоссе, стало видно, что Ван Эйк делает исполинскую лошадиную голову.

Как всегда, зрителям пришлась по вкусу эта порция воздушного марципана. Она важно плыла в сторону Багряных песков, а Ван Эйк вился над ней, доделывая глаза и уши. Мануэль тем временем приступил ко второму облаку. Вскоре из него показались знакомые черты. Крепкая челюсть, безвольный рот и преувеличенно пышная грива — вырезая эту небесную карикатуру, Мануэль в творческом азарте закладывал такие виражи, что концы крыльев чуть не ударялись друг о друга.

Шарж на Ван Эйка был выполнен в его же собственном худшем стиле. Мануэль лихо сел прямо рядом с моим автомобилем, подмигивая Ван Эйку, который с кислой улыбкой выбирался из своего планера.

За считанные минуты над Кораллом D сформировалось новое облако, и черный планер Нолана налетел на него хищной птицей. Ему что-то кричали с шоссе, но он и не подумал снизиться: крылья планера трепетали, когда он стремительно разделывался с облаком. Через несколько минут перед нами предстало личико трехлетнего ребенка: толстые щечки, пухлый подбородок и невинный

ротик. На шоссе зааплодировали. Завертевшись над облаком, Нолан проворно превратил его верх в кудряшки и банты.

Но я чувствовал, что это не все. В Нолане сидел какой-то холодный бес, подбивавший его разрушать свою же работу всякий раз, как та выходила удачной: казалось, для него невыносим сам вид собственной скульптуры.

Вот он завис над облачным лицом, точно матадор, целящий в быка... Пти Мануэль бросил сигарету, Ван Эйк и тот отвел глаза от туристок в автомобилях. Снова по шоссе зашуршал дождь; облако изменилось, и кто-то из зрителей раздраженно хлопнул дверцей, словно сиденьем в театре.

Над нами висел белый череп.

Несколькими движениями Нолан преобразил скульптуру; но в оскаленных зубах и зияющих глазницах, в каждую из которых вместился бы автомобиль, все еще угадывались детские черты.

Когда плачущий череп отплыл в сторону, волоча за собой последние струйки дождя, я нехотя взял с заднего сиденья свой старый летный шлем и стал обходить машины. Две тронулись раньше, чем я подошел. Какого, собственно, черта отставному, вполне обеспеченному офицеру ВВС понадобилось так зарабатывать эти доллары?..

Ван Эйк догнал меня и забрал из рук шлем:

— Не сейчас, майор. Гляньте, кто к нам едет,— конец света, а?

Я оглянулся и увидел белый "Роллс-Ройс" и шофера в кремовой ливрее с галунами. Молодая женщина в изящном деловом костюме наклонилась к переговорному окошку — должно быть, давала ему указания. За ней в полумраке салона мерцало драгоценностями лицо снежноволосой дамы, загадочное, как образ мадонны в темном приморском гроте.

Планер Ван Эйка рванулся в небо, словно боялся упустить облако. Я прищурился, отыскивая в высоте Нолана. Его не было видно, а Ван Эйк уже вырезал из белой массы лицо кукольной Моны Лизы (столь же неприятно похожее на настоящую, как гипсовые статуэтки Святой Девы — на Богоматерь).

Нолан налетел на эту мыльную Джоконду, как уличный мальчишка. Вывернувшись из-за облака за спиной Ван Эйка, он проскочил его творение насквозь, срезав крылом пухлую щеку. Потревоженное облако стало раз-

валиваться, нос и губы отплыли от лба, пенные клочья потянулись в стороны...

Ван Эйк развернулся так резко, что планеры чуть не сцепились крыльями,— и выпустил в Нолана заряд из йодидного пистолета. Раздался треск, в воздухе замелькали черные тени. Ван Эйк вывалился из облака — его посадка больше походила на падение.

— Шарль! — рявкнул я.— Какого черта ты тут разыгрываешь фон Рихтгофена? Оставьте, Бога ради, друг друга в покое!

— Скажи это Нолану, майор,— отмахнулся Ван Эйк.— Я за его воздушное пиратство не отвечаю.— Приподнявшись в кабине, Шарль холодно озирал клочья обшивки на бортах.

Я повернулся и пошел к машине, решив про себя, что команду скульпторов с Коралла D пора разгонять. Секретарша в белом "Роллс-Ройсе" открыла дверцу и поманила меня рукой. Ее госпожа сидела неподвижно, не отводя от облачной статуи своих обрамленных бриллиантами глаз. Только пряди белых волос, свернувшихся на ее плече, чуть шевелились, подобно гнезду песчаных змей.

Я протянул молодой женщине свой летный шлем. Она глянула удивленно:

— Я не хочу летать — зачем это?

— На упокой души Микеланджело, Эда Кейнгольца и облачных скульпторов с Коралла D.

— О господи! Может быть, у шофера есть наличные... Скажите, вы выступаете еще где-нибудь?

— Выступаем?— Я перевел взгляд с этой милой юной особы на бледную химеру, чьи окруженные драгоценными камнями глаза не отрывались от обезглавленной Моны Лизы.— Мы не профессиональная труппа, как вы, вероятно, заметили. Ну и во всяком случае нам нужны походящие облака. Где именно вы хотите?..

— В Западной Лагуне.— Она достала блокнотик, переплетенный в змеиную кожу.— У мисс Шанель будет серия садовых праздников. Она интересуется, не хотите ли вы выступить — за хорошую плату, разумеется.

— Шанель? Леонора Шанель?

Лицо секретарши стало непроницаемым. (Зачем она закручивает волосы в этот старомодный узелок? — подумал я.— Словно хочет за ним спрятаться от мужских глаз.)

— Мисс Шанель проводит лето в Западной Лагуне. Кстати, я должна подчеркнуть: мисс Шанель желает конфиденциальности. Вы поняли?

Я помолчал. Нолану надоело наконец летать в одиночку — он опустился с видом оскорбленного Сирано. Ван Эйк тащил свой побитый планер к машине. Малыш Мануэль вперевалку собирал наше имущество. В угасающем свете дня мы действительно смахивали на бродячих циркачей.

— Пойдет,— решил я.— Все ясно. Только как насчет облаков, мисс?..

— Лэфферти, Беатриса Лэфферти. Мисс Шанель обеспечит облака.

Я обошел машины и поделил деньги между Ноланом, Ван Эйком и Мануэлем. Они молча стояли в быстро сгущающихся сумерках, сжимая по нескольку мелких банкнот.

Затянутой в перчатку рукой Леонора неторопливо открыла дверцу и вышла в пустыню. Она скользила меж дюн — беловолосый призрак в плаще из индийских кобр,— и песчаные облачка вздымались вокруг нее, потревоженные дерзкими шагами. Леонора не смотрела на сухие колючки, выраставшие у ее ног: глаза ее все еще были прикованы к тающим в воздухе видениям — облачному коню и детскому черепу, расплывшемуся на полнеба.

В тот раз я так и не понял, что же представляет собой Леонора Шанель. Дочь одного из ведущих финансистов мира, она наследовала и ему и своему супругу — монакскому графу Луи Шанелю. Загадочные обстоятельства его смерти (официально признанной самоубийством) сделали Леонору предметом множества газетных сплетен. Скрываясь от журналистов, она разъезжала по всему свету, ненадолго задерживаясь в своих многочисленных имениях — тенистая вилла в Танжере сменялась альпийским домиком в снегах над Понтрезино, Палм-Спрингс — Севильей и Микенами...

В этом добровольном изгнании она была почти недосягаема для газетчиков. Лишь изредка в журналах попадались ее фотографии: мисс Шанель с герцогиней Альба посещают католический приют в Испании, мисс Шанель с Сорейей принимают солнечные ванны на вилле Дали в Порт-Льегате, мисс Шанель блистает в самом избранном обществе на фоне блистающих волн Коста-Браво... И снова она скрывалась из виду.

Но это изысканное затворничество не могло придать ей ореола светской Гарбо, потому что за ней все годы тянулась тень подозрения. Смерть ее мужа казалась необъяснимой. Граф был занят собой, пилотированием соб-

ственного самолета, посещением археологических раскопок на Пелопоннесе; его любовница, молодая красавица-ливанка, считалась одной из лучших в мире исполнительниц Баха. Зачем было этому спокойному и добродушному эгоисту кончать с собой — так и оставалось загадкой. Единственное многообещающее свидетельство — не законченный графом поясной портрет Леоноры — по странной случайности погибло перед самым процессом. Возможно, портрет передавал такие черты характера модели, в которые она предпочитала не вдумываться...

Неделю спустя, накануне назначенного праздника, я подъезжал к владениям Леоноры. Я уже понимал, почему ее капризный выбор пал на это занесенное песками местечко в Западной Лагуне с его летаргией, знойным томлением и зыбкой перспективой. Поющие статуи на пляже совсем одичали, их пение срывалось на визг, когда я проносился мимо них по пустынной дороге. Поверхность озера казалась гигантским радужным зеркалом, отражающим багрец и киноварь береговых дюн. Три планера, бесшумно летевшие надо мной, бросали на нее тени цвета пурпура и цикламена.

Мы вступили в пылающий мир. В полумиле от нас уже виднелись причудливые очертания виллы, трепетавшие в раскаленном воздухе, словно она готова была в любую секунду перенестись куда-то во времени и пространстве. Позади, в тусклом мареве, угадывались крутые откосы широкого плато. Я остро позавидовал Нолану с Мануэлем: здешние воздушные течения будут не чета нашим у Коралла D!

Только когда я подъехал вплотную, дымка рассеялась — и я увидел облака. Они висели в сотне футов над вершиной плато, точно перекрученные подушки измученного бессонницей титана. Они клубились и вскипали на глазах, от них отделялись куски, проваливались или вылетали вверх, как клочья в кипящем котле. Попасть в такое варево на планере — страшнее, чем на шлюпке в водоворот: за считанные секунды тебя может выбросить на тысячи футов вверх. Эти драконы из пара и вихрей, шевелясь и сталкиваясь, проплывали над виллой, уносились от озера в пустыню и там медленно таяли, пожираемые зноем.

Въезжая в ворота, я чуть не столкнулся с грузовиком, набитым звукосветовой аппаратурой. Не меньше десятка слуг расставляли на веранде золоченые стулья и разво-

рачивали навес. Беатриса Лэфферти подошла ко мне, переступая через разбросанные кабели:

— Майор Паркер, вот ваши облака.

— Облака, сударыня? Это хищники, крылатые хищники. Мы занимаемся, простите, резьбой по воздуху, а не объезжаем драконов!

— Не беспокойтесь: ничего, кроме резьбы, от вас не потребуется.— Ее глаза лукаво блеснули.— Я думаю, вы уже поняли, что призваны здесь воплощать только один образ?

— Саму мисс Шанель, разумеется? — Я взял ее под руку и повел по балкону, выходящему на озеро.— А вам, по-моему, нравится подчеркивать такие вещи. Да пусть себе богачи заказывают что им нравится — хоть мрамор и золото, хоть облака и плазму. Что тут такого? Искусство портрета всегда нуждалось в меценатах.

— Господи, не здесь! — Беатриса пропустила лакея с кипой скатертей. Когда тот прошел, она все-таки договорила: — Заказать себе портрет в небесах, из воздуха и солнца! Кое-кто сказал бы, что от этого тянет тщеславием — и еще худшими грехами...

— А именно? — поддразнил я.— Вы очень таинственны!

Беатриса посмотрела на меня отнюдь не секретарскими глазами:

— Это я вам скажу через месяц, когда истечет мой контракт. Ну, где же ваша команда?

— Вон они,— я показал в небо над озером, где три планера кружились над песчаной яхтой, вздымавшей облака сиреневой пыли. За спиной водителя сидела Леонора Шанель в золотистом костюме из кожи аллигатора. Волосы ее скрывала черная соломенная шляпка, но не узнать эту эффектную фигуру и резкий профиль было невозможно.

Когда яхта причалила, Ван Эйк и Пти Мануэль устроили импровизированное представление с обрывками облаков, мирно таявшими над озером. Ван Эйк вырезал из них орхидею, сердце и улыбающиеся губы, а малыш — голову какаду, двух одинаковых мышей и вензель "ЛШ". Пока они кружились и пикировали, иной раз чиркая крыльями по воде, Леонора оставалась на набережной и любезно приветствовала взмахом руки каждую из этих летучих банальностей.

Вскоре они приземлились на набережной. Леонора все еще ждала, чтобы Нолан взялся за одну из туч, но он только метался вверх и вниз над озером, как усталая

птица. Владетельница огненного края стояла недвижно, словно погруженная в тяжелые грезы; ее взгляд, прикованный к Нолану, не видел ни шофера, ни моих товарищей, ни нас с Беатрисой. Воспоминания — каравеллы без парусов — проплывали в сумрачной пустыне ее погасших глаз...

Леонора встречала гостей в декольтированном платье из органди и сапфиров, ее обнаженные груди сверкали в ажурной броне контурных драгоценностей. Тем временем Беатриса провела меня через стеклянные двери библиотеки взглянуть коллекцию картин, собранную на вилле. Я насчитал их больше двадцати: от величественных парадных портретов в гостиной (на одном была подпись Аннигони, на другом — президента Королевской Академии) до фантастических этюдов Дали и Фрэнсиса Бэкона в столовой и баре. Где бы мы ни проходили, отовсюду — из альковов, украшенных мраморными полуколоннами, из узорных рамок на каминных полках, даже со стенных росписей на лестнице — на нас смотрело одно и то же красивое и замкнутое лицо. Может быть, этот чудовищный нарциссизм был последним прибежищем, единственным спасением в ее бесконечном бегстве от реального мира?

В студии на крыше я увидел большую картину, блестевшую свежим лаком. Это была явная пародия на сентиментальную манеру светских портретистов: голубоватые тона и манерный поворот головы превращали портрет Леоноры в образ мертвой Медеи. Дряблая кожа под правой щекой, гладкий лоб и стиснутый рот придавали ей окоченелый вид: при всей своей точности портрет выглядел жутковатым шаржем.

Я глянул на подпись.

— Нолан! Боже, вы были здесь, когда он это писал?

— Я здесь всего два месяца — это было до меня. Она не пожелала заказывать раму.

— Неудивительно,— я подошел к окну, поглядел вниз, на прикрытые маркизами окна спален.— Значит, он жил *здесь*. А студию у Коралла D бросил.

— Но зачем Леонора опять пригласила его? Они же, должно быть...

— Чтобы он опять делал ее портреты — в размер всего неба. Я лучше знаю Леонору Шанель, чем вы, Беатриса.

Мы вернулись мимо множества каминов, жардиньерок и канапе на веранду, где Леонора принимала гостей.

Нолан в белом замшевом костюме стоял с нею рядом. Изредка он поглядывал на нее с высоты своего роста, словно забавляясь мыслями о тех странных возможностях, какие самовлюбленность этой женщины могла предоставить его мрачному юмору.

Леонора прижималась к его локтю. Обрамленные сапфирами глаза делали ее похожей на языческую жрицу. Груди, окованные контурными драгоценностями, были неподвижны, как притаившиеся змеи.

Ван Эйк представился с преувеличенным поклоном. За ним подошел Мануэль, от волнения раскачиваясь больше обычного.

Рот Леоноры презрительно скривился, она смерила взглядом мою негнущуюся ногу.

— Вы, Нолан, наполняете свой мир калеками. Этот ваш карлик — он что, тоже летает?

Пти Мануэль так и не отвел от нее глаз. Они были влажны, как раздавленные цветы.

Представление началось через час. Огромные облака, подсвеченные закатным солнцем, висели над плато, как золоченые рамы для будущих картин. Планер Ван Эйка спиралью поднимался к первому облаку, срывался и карабкался снова, угадывая путь в сталкивающихся вихрях.

Когда обрисовались лоб и скулы, гладкие и безжизненные, точно из пены, гости на веранде зааплодировали. Через пять минут, когда планер Ван Эйка спустился к поверхности озера, я понял, что он превзошел самого себя.

Облитый светом прожекторов, сопровождаемый аккордами увертюры к "Тристану" (динамики были установлены на склоне плато), портрет Леоноры торжественно плыл над нами, источая мелкий дождь. Мне казалось, что он раздувается от всей этой помпезности, словно гигантская резиновая игрушка.

Облако попалось удачное: до самой береговой линии оно сохраняло форму, а потом сразу расплылось в вечернем воздухе, словно чья-то раздраженная рука смахнула его с небосклона.

Пти Мануэль начал подъем, крутясь вокруг темного облака, словно уличный сорванец вокруг мрачной толстухи. Он метался в разные стороны, как будто не мог решить, что делать с этой непредсказуемой колонной холодного пара; потом начал вырезать контуры женской головы. Кажется, никогда я не видел его таким неуверенным. Едва он закончил, снова раздались аплодисменты, но вскоре сменились хихиканьем и игривыми за-

мечаниями. Приукрашенный портрет Леоноры перекосился в воздухе, подхваченный встречными течениями. Челюсть вытянулась, застывшая улыбка стала идиотической. За какую-то минуту громадное подобие Леоноры Шанель вывернулось вниз головой.

Я сообразил отвести прожектора, и внимание зрителей обратилось к чернокрылому планеру Нолана, взлетевшему к вершине нового облака. Обрывки облачной ваты кружили в темнеющем воздухе, мелкий дождь скрывал до времени его двусмысленное творение.

К моему удивлению, портрет вышел очень похожим. Взрыв аплодисментов, несколько тактов из "Тангейзера" — и прожектора озарили элегантную голову.

Стоя среди гостей, Леонора подняла бокал в честь Нолана.

Озадаченный его благородством, я пригляделся к небесному лицу — и все понял. Именно точность портрета заключала в себе жестокую иронию. Обращенная вниз линия рта, вздернутый, чтобы натянуть кожу на шее, подбородок, дряблое местечко под левой щекой — все было передано в облаке с той же убийственной дотошностью, что и в живописном портрете.

Гости толпились вокруг Леоноры, поздравляя ее с удачным представлением. Она же не отводила глаз от своего облачного портрета, словно видела себя впервые. На висках ее выступили вены...

Наконец голубые и розовые огни фейерверка затмили плывущее над озером изображение.

Незадолго до рассвета мы с Беатрисой Лэфферти шли по пляжу, наступая на скорлупу сгоревших ракет. На опустевшей веранде в лучах фонарей блестели неубранные стулья. Едва мы дошли до ступеней, наверху раздался звон стекла и женский возглас. Стеклянная дверь с треском растворилась; мужчина в белом костюме торопливо пересек веранду.

Едва Нолан исчез в темноте, в освещенное пространство вступила Леонора Шанель. Устремив взгляд в темные облака, клубящиеся над виллой, она рассеянно обрывала драгоценности с глаз; они падали на плиты пола и слабо вспыхивали у ее ног.

Из-под эстрады вдруг вывернулся Пти Мануэль и быстро пробежал на своих кривых ножках во тьму.

За воротами взревел мотор. Леонора повернулась и медленно пошла в дом, ступая по своим изломанным отражениям в осколках стекла.

Высокий блондин с холодными и жадными глазами шагнул ей наперерез из-за поющих статуй, стерегущих темную библиотеку. Потревоженные статуи отозвались тихим гулом. Когда Ван Эйк медленно двинулся навстречу Леоноре, они подхватили и усилили звук его шагов.

Следующему нашему представлению суждено было оказаться последним.

К вечеру над озером собрались тяжелые тучи, тусклый отблеск солнца зловеще подсвечивал их черные чрева... Такие облака — не для скульпторов.

Ван Эйк не отходил от Леоноры. Когда я разыскал Беатрису, она хмуро глядела вслед песчаной яхте, рывками мчавшей их к озеру. Предгрозовые шквалы трепали и дергали паруса.

— Я не вижу ни Нолана, ни Мануэля,— сказала она озабоченно.— Представление начинается через три часа.

— Представление уже окончено.— Я положил руку на ее локоть.— Когда освободитесь отсюда, Беа, приезжайте ко мне. Будем жить у Коралла D, я научу вас резать статуи из облаков...

Ван Эйк и Леонора вернулись через полчаса. Он прошел мимо меня, как мимо пустого места; Леонора прижималась к его плечу. Дневные драгоценности на ее лице ярко вспыхивали, разбрасывая резкие отблески по всей веранде.

К восьми, когда начали съезжаться гости, Нолана и Мануэля еще не было. В электрическом свете веранда стала теснее и уютнее, но черные громады туч нависали над нею, словно разгневанные гиганты. Крылья наших планеров трепетали в неспокойном воздухе.

Шарль Ван Эйк не продержался в небе и минуты — опрокинутый порывом бури, его планер сорвался в штопор. В пятидесяти футах над плато он сумел выровняться и поймал восходящий поток. Пока он не приблизился к туче, планер слушался, но при первой попытке оседлать вершину чудовищного облака машину опять перевернуло, закрутило — и на глазах у Леоноры и гостей планер с оторванным крылом врезался в воду.

Я вскочил и двинулся к Леоноре. И тут увидел Нолана с Мануэлем: стоя под балконом, они молча смотрели, как Ван Эйк выбирается из тонущего планера в трех сотнях ярдов от дома.

— Зачем было приходить? — спросил я Нолана.— Ты уж не летать ли собрался?

— Нет,— процедил он, не вынимая рук из карманов.— Потому и пришел.

Леонора блистала в вечернем туалете из павлиньих перьев, развернувшихся гигантским шлейфом у ее ног. Сотни павлиньих глаз вспыхивали, отражали предгрозовой свет, облекая ее тело кольчугой синего пламени.

— Мисс Шанель,— проговорил я извиняющимся тоном,— облака как безумные. Сейчас будет буря!

Она кинула на меня насмешливый взгляд.

— А рисковать вы что — не собирались? Для таких облаков мне нужен крылатый Микеланджело. А что Нолан? Тоже испугался?

Она почти выкрикнула это имя. Нолан вскинул на нее глаза — и повернулся спиной. Освещение над Западной Лагуной уже сменилось: половину озера заволокло тусклым маревом.

Меня дернули за рукав: это Пти Мануэль уставился снизу хитрыми детскими глазами.

— Реймонд, а я могу! Дай я возьму планер.

— Мануэль, бога ради! Убьешься!

Но он уже проскочил между золочеными стульями. Леонора вздрогнула, когда он с той же бесцеремонностью дернул за руку и ее.

— Мисс Шанель!— Горбун смущенно улыбался.— Хотите, я для вас вырежу статую? Прямо сейчас, из большой тучи, а?

Она смотрела на него сверху вниз, не отвечая. Казалось, ее и отталкивает и дразнит простодушие карлика — он пожирал ее взглядом, нисколько не стесняясь всей сотни холодных глаз ее шлейфа.

Ван Эйк, хромая, брел от озера к вилле. Я догадывался, что Мануэль вступил в негласное соперничество с белокурым тевтоном.

Лицо Леоноры тронула гримаса.

— Майор Паркер, велите ему... Хотя нет! Поглядим, на что годен этот калека.

Облачная масса, клубившаяся над виллой подобно испарениям зловещего вулкана, подсвечивала ее лицо странными тусклыми отблесками.

Она вдруг просияла над Мануэлем своей ослепительной улыбкой:

— Ну, давай! Посмотрим, что ты вырежешь из грозы!

В ее сверкающем драгоценностями лике, казалось, проступили очертания мертвой головы.

Под стеклянный хохот Леоноры Нолан перебежал террасу, павлиньи перья хрустнули под его каблуками. Но перехватить Мануэля мы не успели — ужаленный насмешкой госпожи, он с быстротой песчаного краба скользил по склону. А на веранде уже собирались зрители...

Желто-оранжевый планер набрал высоту и поравнялся с тучей. В пятидесяти ярдах от ее мрачных извилин внезапный вихрь ударил машину, но Мануэль выровнялся и начал работу. Капли черного дождя сорвались к нашим ногам.

Вот появились очертания женского лица. Сатанинские глаза горели сквозными прорезями в туче, рот кривился темным пятном в шевелящейся облачной массе...

Нолан, уже подбегая к планеру, громко вскрикнул. Мануэля подхватил восходящий поток и вознес высоко над тучей. Борясь с обезумевшим воздухом, его планер устремился вниз и снова врезался в тучу. Ее гигантская масса вдруг разомкнулась, устремилась вперед как бы в чудовищном спазме и поглотила машину.

В молчании мы смотрели, как размочаленный планер крутило в чреве тучи. Обломки фюзеляжа разлетелись, пронзая расползающиеся контуры гигантского лица. Когда планер рухнул в воду, это лицо уже корчилось в агонии. Его перекрутило, рот оторвался, глаз лопнул, куски заворачивались в разные стороны... Новый шквал превратил их в ничто.

С ярко освещенного прожекторами неба все еще сыпались обломки планера.

Мы с Беатрисой Лэфферти объезжали озеро, искали тело Мануэля.

Зрители, ставшие свидетелями его смерти, потеряли вкус к представлению: общество поспешно разъезжалось. За несколько минут берег опустел. Леонора равнодушно глядела вслед отъезжающим, стоя рядом с Ван Эйком среди неубранных столов.

Беатриса, застыв у песчаной яхты, молчала. На песке валялись обломки планера,— обрывки холста, размочаленные стойки, схлестнувшиеся узлами рулевые тяги. В нескольких ярдах от кабины я увидел тело Пти Мануэля — мокрый ком, вроде утонувшей обезьяны,— и отнес его к яхте.

— Реймонд! — Беатриса обернулась к берегу. Тучи сгустились уже над всем озером, первые вспышки молний целили в холмы позади дома. В наэлектризованном воздухе вилла, казалось, утратила всю свою пышность. В

полумиле от нас, спустив шевелящийся хобот к озеру, шел по долине смерч.

Грозовой вихрь качнул яхту. Беатриса крикнула:

— Реймонд! Там Нолан — летит в смерче!

Тогда только я различил чернокрылый планер, чертивший круги под чудовищным зонтом смерча. Нолан уверенно вел машину у самой воронки, не отставая от гиганта, словно рыбка-лоцман возле огромной акулы. Казалось, это он гонит торнадо на виллу Леоноры.

Через двадцать секунд смерч обрушился на здание, и я сразу потерял Нолана из виду. Вилла словно взорвалась, черный вихрь разбитых стульев и кирпичей вымахнул над крышей. Мы с Беатрисой бросились прочь от яхты и упали в какую-то яму. Когда смерч удалился, сливаясь с грозовым небом, черное марево еще висело над разгромленной виллой, и обломки порывались снова взлететь. Вокруг нас носились обрывки картин и перекрученные перья.

Только через полчаса мы осмелились подойти к тому, что совсем недавно было виллой. Веранда была завалена разбитой посудой и изломанными стульями. Я долго не мог найти Леонору. Ее лицо попадалось повсюду: картины с ее резким профилем валялись тут и там на мокрых камнях. Ее улыбка, кружась, слетела на меня откуда-то сверху и обернулась вокруг моей ноги.

Ее труп лежал среди разбитых столов у эстрады, облепленный окровавленным холстом. Лицо было все перекошено и разбито, как у того портрета, что Мануэль пытался вырезать в туче.

Ван Эйка мы нашли в клочьях навеса. Он повис в путанице проводов, захлестнутый за шею гирляндой лампочек. Провода чудом не оборвались, и лампочки расцвечивали бледное мертвое лицо разноцветными бликами.

Я склонился над перевернутым "Роллс-Ройсом", сжал плечи Беатрисы.

— А Нолана нет — не видно ни куска его планера.

— Несчастный... Реймонд, ведь это он привел сюда смерч! Он управлял им...

По мокрой веранде я вернулся к телу Леоноры и прикрыл его обрывками холстов — ее же растерзанными лицами.

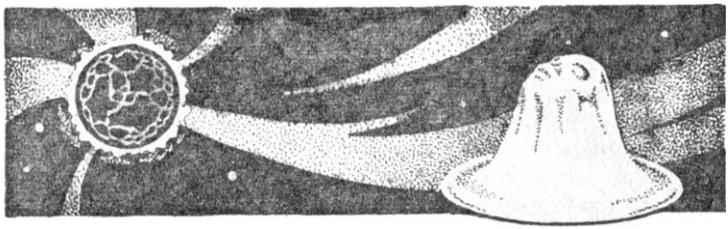
Я увез Беатрису в студию Нолана, в пустыню у подножия Коралла D. Мы ничего больше не слышали о

Нолане и никогда не поднимались в воздух. Слишком много воспоминаний несут облака...

Три месяца назад случайный проезжий, заметив ветшающие за студией планеры, остановился у Коралла D и зашел к нам. Он рассказал, что видел над Красным берегом планериста, вырезавшего из облаков гирлянды и детские лица. Как-то раз тот вырезал голову карлика.

Это, по-моему, как раз в духе Нолана,— так что, пожалуй, он вырвался тогда из объятий бури.

По вечерам мы с Беатрисой сидим среди поющих статуй, внимая их голосам и глядя, как легкие облака собираются над Кораллом D. И ждем, что ветер принесет человека в темнокрылом планере (или теперь он будет раскрашен карамельными полосами?) и тот вырежет нам облачных единорогов и морских коньков, карликов, гирлянды и детские лица...

Харлан Эллисон

МНЕ НУЖНО КРИКНУТЬ, А У МЕНЯ НЕТ РТА

Обмякшее тело Горристера свисало с розового потолка одной из камер компьютера. Он висел вниз головой, зацепившись правой ступней, которая застряла в потолочной щели. Тело висело не шевелясь, хотя в пещере постоянно дул холодный маслянистый ветер. Горло Горристера было перерезано от уха до уха, он весь истек кровью. Правда, никаких следов крови на блестящей поверхности металлического пола не было.

Когда Горристер подошел к нам и взглянул на собственное тело, мы поняли, что это просто очередная проделка АМ. Но было слишком поздно. Мы еле успели отвернуться друг от друга, повинуясь древнему рефлексу, и троих из нас вырвало.

Горристер побледнел как полотно. Он словно увидел вудуистский фетиш, не суливший ему ничего хорошего в будущем. "О Господи",— прошептал он и быстро пошел прочь. После долгих поисков мы обнаружили его возле небольшого потрескивающего блока компьютера. Он сидел, прислонившись к нему, уронив голову на руки. Элен сидела рядышком и гладила его волосы. Он не шевелился, но голос его, хотя он прикрывал лицо руками, мы расслышали четко:

— Почему бы ей не покончить с нами разом? О Господи, я не знаю, сколько я еще смогу выносить все это.

Шел сто девятый год нашей жизни в компьютере.

Под словами Горристера мог подписаться каждый из нас.

Нимдок (на это имя его заставила откликаться машина; ей нравилось ублажать свой слух необычными звуками) галлюцинировал: ему привиделось, будто в ледовых пещерах хранятся грандиозные запасы консервов. Нам с Горристером это показалось весьма сомнительным.

— Очередная шутка,— сказал я.— Как с тем проклятым замороженным слоном, которого она нам всучила. Бенни тогда чуть не двинулся рассудком. Так будет и сейчас — доберемся, а там окажется одно гнилье или какая-нибудь гадость. Надо забыть об этом. Останемся тут, ей все равно скоро придется придумать еще что-нибудь, чтобы мы не сдохли.

Бенни пожал плечами. Последний раз мы ели три дня назад. Червей. Толстых и склизких.

Уверенности у Нимдока поубавилось. Он знал, что шанс слишком уж зыбкий. Хотя хуже, чем здесь, там вряд ли будет. Холоднее, конечно, но какое это имеет значение. Жара, стужа, дождь, кипящая лава, саранча — все это лишь продукты машинной мастурбации, и нам остается либо принять их, либо умереть.

Нас рассудила Элен.

— Мне нужно что-нибудь съесть, Тэд,— сказала она.— Вдруг там окажется грушевый компот. Или персиковый. Пожалуйста, Тэд, давай попытаемся.

Я сразу согласился. Черт с ними. Какая в конце концов разница. А так хоть Элен выказала мне свою признательность. Два раза и вне очереди. Но даже это перестало иметь для меня значение. Машина хихикала над нами, пока мы с ней занимались этим, и смех несся отовсюду — сверху, сзади, спереди, вокруг... До оргазма все равно дело не дошло, зря только суетились.

В четверг мы отправились в дорогу. Машина всегда сообщала нам точную дату. Это было очень важно — знать, сколько прошло времени. Для машины, конечно,— не для нас. Четверг, значит. Спасибо.

Нимдок и Горристер несли Элен на сцепленных руках, а мы с Бенни шли один спереди, один — сзади, чтобы в случае опасности принять удар на себя и спасти хотя бы Элен. Глупости какие — спасатели... Какое это имеет значение?

До ледовых пещер было около ста миль, и на второй день, когда мы лежали под палящими лучами солнцеобразного пузыря, наши мечты материализовались. Маши-

на ниспослала нам немного манны небесной. Она имела вкус кипяченой свинячьей мочи. Мы съели ее.

На третий день мы пересекли Долину Утиля, усеянную ржавыми остовами устаревших компьютерных блоков. АМ была столь же безжалостна к себе, как и к нам. Отличительной чертой ее характера было стремление к совершенству. Касалось ли дело уничтожения непродуктивных элементов своего собственного разросшегося до размеров планеты организма или усовершенствования пыток, которым она повергала нас,— в обоих случаях она проявляла такую изощренность, о какой ее создатели, давно уже обратившиеся в прах, могли только мечтать.

Сверху просачивался свет, и мы поняли, что находимся скорее всего очень близко к поверхности. Но мы даже не пытались карабкаться наверх разведывать, что там. На поверхности Земли, в сущности, не осталось ничего. Уже сотни лет там не было ничего, что имело бы хоть какую-то ценность. Только истерзанная кожура планеты, служившей когда-то обиталищем для миллионов. Теперь нас осталось всего пять человек. И мы здесь, в подземелье, наедине с АМ.

Вдруг я услышал, как Элен закричала словно безумная:

— Нет, Бенни! Не надо! Пожалуйста, Бенни, не делай этого!

Только сейчас я осознал, что Бенни уже несколько минут бормочет себе под нос как заведенный: "Я выйду наружу... я выйду наружу..." На его обезьяньей роже читались блаженное восхищение и одновременно глубокая печаль. После того как АМ устроила себе праздник и облучила Бенни, его лицо превратилось в месиво розово-белых рубцов, и казалось, каждая черточка его лица живет самостоятельной жизнью. Наверное, Бенни оказался самым счастливым из нас: давным-давно тронувшись рассудком, он уже многие годы был полным идиотом.

Мы могли обзывать АМ последними словами, издеваться над расплавленными блоками памяти, ржавыми базовыми платами, перегоревшими выключателями и искореженными контрольными датчиками — машине было все равно. Но вот все наши попытки к спасению она пресекала сразу же. Я попытался схватить Бенни, но он рванулся прочь, вскарабкался на поваленный набок блок памяти, заполненный прогнившими компонентами, и присел на корточки, словно шимпанзе, в кого и старалась превратить его машина.

Потом он подпрыгнул, ухватился за изъеденный ржавчиной трос и, перебирая руками, будто животное, полез вверх. Вскоре, забравшись на балку перекрытия, он уже смотрел на нас с высоты двадцати футов.

— О Тэд, Нимдок, пожалуйста, помогите ему, спустите его, пока...— запричитала Элен, беспомощно всплескивая руками. Слезы навернулись ей на глаза.

Слишком поздно. Никому из нас не хотелось бы очутиться рядом с ним, когда случится то, что должно случиться. И кроме того, мы знали истинную причину переживаний Элен. Когда АМ переделывала Бенни, она изменила ему не только лицо, превратив в обезьянью морду. Она наградила его огромным половым членом. И Элен это нравилось. Конечно, она спала со всеми нами, но удовольствие получала только от сношений с Бенни. Ох, Элен! Былая непорочная, чистая Элен! Мерзавка.

Горристер влепил ей пощечину. Она упала и разразилась рыданиями, не отрывая взора от бедного полоумного Бенни. Обычная защитная реакция. Мы привыкли к ее слезам еще семьдесят пять лет назад. Горристер пнул ее в бок.

А потом началось. Послышался звук. Вернее, появился свет. А еще точнее — светозвук. Какое-то свечение стало исходить из глаз Бенни, запульсировало с нарастающей громкостью, темп светозвука усилился, и неясные, смутные звуки приобрели мощь и яркость. Должно быть, это вызывало боль, и боль усиливалась вместе с увеличивавшейся мощностью излучения и громкостью звука, потому что Бенни вдруг заскулил, как раненый зверь. Сначала, пока свет был тусклым, а звук приглушенным, Бенни стонал тихо, потом, по мере нарастания звука, стал вопить, ссутулил плечи, выгнул спину горбом, заскреб руками по груди, словно бурундук, голова его свалилась набок, маленькое печальное обезьянье личико сморщилось от боли. Звук стал еще громче. Бенни заголосил. Еще громче. Еще. Я стиснул себе виски, но звук легко просачивался сквозь пальцы. Боль пронзила все мое тело.

А Бенни вдруг выпрямился. Он встал на балке, дергая ногами, будто марионетка. Свет бил из его глаз двумя мощными лучами. Звук забирался все выше и выше, достиг какой-то непостижимой частоты, и Бенни упал с балки, со всего размаху шмякнувшись о металлические плиты пола. Он лежал, дергаясь в конвульсиях, свет обволакивал его со всех сторон, а звук, закручиваясь спиралью, забирался в неведомое.

Потом лучи света стали втягиваться обратно в глазницы, звук вернулся в нормальный диапазон, и Бенни остался лежать на полу, горько рыдая.

На месте глаз зияли две заполненные студенистым гноем раны. АМ ослепила его. Горристер, Нимдок и я отвернулись... Но только после того как с облегчением потеплело озабоченное лицо Элен.

Мягкий зеленый свет заливал пещеру, в которой мы остановились на привал. АМ материализовала для нас трут, мы развели костер, расселись вокруг бледного жалкого огня и, пытаясь развлечь Бенни, безутешно рыдавшего в наступившей для него вечной ночи, стали рассказывать ему разные истории.

— Что такое АМ? Что это означает? — спросил Бенни.

Ответить ему взялся Горристер. Мы рассказывали об этом Бенни уже тысячи раз, но он никак не мог запомнить.

— Сначала АМ означало "Автоматизированный Мегакомпьютер", потом — "Адаптационный Манипулятор", потом машина развила в себе способность чувствовать, объединилась с другими АМ, и их стали называть "Агрессивный Мезальянс", но было уже слишком поздно — она научилась мыслить и сама назвала себя АМ.

Бенни распустил слюни и захихикал.

— Их было несколько. Китайская АМ, русская АМ, американская АМ, и...— Горристер осекся. Бенни колотил по полу громадным тяжелым кулаком. Его обидели: ему рассказывали не с самого начала.

Горристер исправился и начал снова:

— Холодная война переросла в Третью Мировую. В нее были вовлечены все страны, и, чтобы военные действия не вышли из-под контроля, они решили использовать компьютеры. И стали строить АМ. Были созданы китайская АМ, русская АМ, американская АМ, и все шло прекрасно до тех пор, пока бесконечное усовершенствование, добавление все новых элементов не привело к тому, что компьютеры покрыли собою, словно пчелиными сотами, всю планету. А потом в один прекрасный день АМ проснулась, осознала, кто она такая, и ввела в действие программу, которая убила всех, кроме нас пятерых. Теперь мы в подземелье.

Бенни печально улыбнулся. Он опять распустил слюни, и Элен утерла ему губы подолом своей юбки. Рассказ

Горристера с каждым разом становился все короче, пока не свелся к голым фактам, добавить к которым было нечего. Никто из нас не знал, почему АМ пощадила пятерых, почему этими людьми оказались именно мы, почему она все время мучила нас... или почему наделила нас практически бессмертием.

Вдруг в темноте загудел один из блоков компьютера. Этот звук был уловлен вторым блоком, находившимся в полумиле отсюда, и тот тоже загудел. Затем по цепочке зазвучали, включаясь, все новые элементы — машина заворочала мозгами. Звук нарастал, по панелям приборов молниями забегали огоньки. Звук становился все тоньше, пока не превратился в рассерженный писк миллионов металлических насекомых.

— Что это? — в ужасе закричала Элен. Она до сих пор так и не смогла привыкнуть к этому звуку.

— В этот раз нам несдобровать,— сказал Нимдок.

— Наверное, собирается говорить,— брякнул наугад Горристер.

— Надо уносить ноги, пока не поздно! — предложил я, поднимаясь на ноги.

— Садись, Тэд. Не надо... А вдруг она там понаставила капканов или еще чего-нибудь? В этой темени мы ничего не разглядим,— в голосе Горристера звучала покорность. И тут мы услышали... Я не знаю...

Что-то двинулось на нас из темноты. Огромное, неуклюжее, волосатое, влажное — оно приближалось. Мы не могли его видеть, но гнетущее ощущение массы, движущейся на нас из темноты, вернее, ощущение давления — будто струя воздуха протискивается сквозь узкое пространство, расширяя его,— было совершенно явственным. Бенни начал хныкать. Нимдок прикусил нижнюю губу, пытаясь унять дрожь. Элен подползла к Горристеру и укрылась в его объятиях. В пещере запахло свалявшейся мокрой шерстью. Пыльным бархатом. Сгнившими орхидеями. Прокисшим молоком. Запахло древесным углем. Запахло серой, прогорклым маслом, нефтью, топленым салом, меловой пылью, человечьими скальпами.

АМ накручивала нас. Щекотала нам нервы. Запахло...

Я услышал собственный визг, мне свело челюсти. Я бросился прочь на четвереньках, обдирая колени о клепаный металлический пол, но запах преследовал меня, заполняя голову нестерпимой болью, заставлявшей меня в ужасе мчаться дальше. Я бежал, как таракан, прочь, в темноту, и это что-то, не отставая, преследовало меня.

Остальные как ни в чем не бывало сидели вокруг костра и смеялись... Раскаты их истерического, безумного хохота поднимались под своды пещеры, словно разноцветные клубы дыма. Я уполз и спрятался.

Не знаю, сколько часов это длилось. А может, дней? Или нет? Не знаю, они не говорили мне. Элен упрекала меня за то, что я "дуюсь", а Нимдок пытался убедить, что их смех был вызван нервным потрясением.

Но я знал, что этот смех не похож на реакцию солдата, увидевшего, что пуля сразила соседа. Я знал, что это не был нервный рефлекс. Они ненавидели меня. Конечно же, они были против меня, и АМ могла, уловив эту ненависть, сконцентрировать ее на мне. И чем сильнее была их ненависть, тем мучительнее были мои страдания. АМ оставила нас в живых, сохранив навеки наш облик. Мы не старели с тех пор, как она заточила нас в подземелье, и они ненавидели меня за то, что я моложе всех, за то, что меньше, чем они, подвержен влиянию АМ.

Я знал. О Господи, я все знал. Ублюдки. И эта грязная сука Элен. Бенни был когда-то блестящим теоретиком, профессором колледжа — теперь он получеловек-полуобезьяна. Он был красив — машина сделала его уродом; у него был ясный ум — машина превратила его в кретина. Он был беспутным — и машина наделила его лошадиным половым членом. АМ славно потрудилась над Бенни. Горристер слыл непоседой. Он был пытливым исследователем и деликатным полемистом. Он был борцом за мир, деятельной личностью, впередсмотрящим. АМ превратила его в дрожащую тварь, в живого мертвеца. АМ лишила его всего. Нимдок частенько надолго исчезал в темноте. Я не знаю, чем он там занимался, АМ не раскрывала своих секретов. Однако, что бы там ни было, возвращался он всякий раз бледный, обескровленный, с трясущимися поджилками. Мы не знали, что она с ним делала, но измывалась АМ над Нимдоком как хотела. А Элен... Оставив в живых одну женщину, АМ превратила ее в шлюху. Эти ее разговоры о возлюбленном, о светлых чувствах, воспоминания о настоящей любви, вся ее ложь, когда она пыталась убедить нас в том, что была девственницей! Машина заграбастала ее и швырнула сюда, к нам в подземелье. Она была сама порочность, эта леди. Моя леди Элен. Ей нравилось, что все четверо мужчин принадлежат ей. Пусть она и говорила, что ей это не нравится, я-то знаю, что АМ сделала ее счастливой.

И только я один оставался пока целым и невредимым. АМ не тронула мой рассудок.

Мне лишь приходилось переносить тяготы и лишения, которые она насылала на нас. Все эти галлюцинации, кошмары и пытки. А эти четверо подонков — они объединили против меня свои боевые порядки. Если бы мне не приходилось быть все время начеку, чтобы противостоять их козням, то, возможно, мне легче было бы сражаться против АМ.

В этот момент боль оставила меня, и я заплакал.

О Иисусе Христе милостивый, если ты есть, о Господи, если ты существуешь, пожалуйста, молю тебя, пожалуйста, вызволи нас отсюда или дай нам умереть. Я заплакал, потому что в это мгновение я понял все. Я все осознал — настолько, что мог сформулировать это членораздельно: АМ намерена сохранить нас в своем чреве навечно, чтобы мучить нас и издеваться над нами. Машина ненавидела нас с такой силой, на какую не способно ни одно наделенное чувствами существо. И мы перед ней бессильны. Потому что еще одна вещь стала очевидной:

Если и есть на свете Бог, то имя ему — АМ.

Ураган рухнул на нас, словно глетчер в океан. Вихрь оторвал нас от земли и забросил обратно, сведя на нет весь пройденный нами путь. Нас несло по темным лабиринтам коридоров, заставленных компьютерами. Ураган со всего размаху швырнул Элен лицом на скопище пронзительно верещавших, будто стая летучих мышей, машин. Она завизжала, но рычавший зверем ветер не дал ей упасть. Он поднял ее ввысь и понес, кувыркая и шарахая о стены, назад, прочь от нас. Все ее лицо было в крови, глаза закрыты. Вихрь промчал ее мимо, и она исчезла за очередным изгибом коридора.

Никто из нас не мог помочь ей. Каждый старался вцепиться в какой-нибудь выступ: Бенни вклинился между двумя корпусами разбитых приборов; Нимдок, сцепив пальцы в замок, висел, ухватившись за перила мостика в сорока футах над нами. Горристер распластался в нише, образовавшейся в стене между двумя огромными машинами, по застекленным шкалам которых, показывавшим неизвестно что, метались желтые и красные стрелки.

Я ободрал себе все пальцы, пока ветер волочил меня по металлическому полу. Вихрь хлестал, колошматил, завывал неизвестно откуда, швыряя меня во все стороны. Я дрожал, трясся от холода. Я был на грани помешательства. Мозги мои раскололись на части, размягчились и пульсировали в моей то разбухавшей, то сжимавшейся голове.

Ураган был вызван диким клекотом гигантской безумной птицы и взмахами ее чудовищных крыльев.

Потом всех нас сорвало очередным шквалом и унесло прочь в темноту через заваленные обломками машин, битым стеклом, ржавым металлом и прогнившими кабелями коридоры — назад, туда, где мы находились в начале пути, и даже дальше, в неведомые нам прежде края...

Кувыркаясь в вихревых потоках, я видел, как впереди Элен, влекомая ветром, то и дело билась о металлические стены. Мы устали от собственных воплей, замерзая в самом сердце чудовищного урагана, который, казалось, никогда не кончится. И вдруг ветер стих, и наш бесконечный полет, длившийся, как мне казалось, несколько недель, завершился. Мы попадали на землю, расшибаясь вдребезги, перед моими глазами поплыли красно-серо-черные круги, и я услышал собственные стоны. Я не умер.

АМ проникла в мой рассудок. Она осторожно бродила там, с любопытством разглядывая отметины, оставленные ею за сто девять лет: разрушенные и соединенные по-новому извилины, болезненные изменения в коре головного мозга, вызванные бессмертием, дарованным ею. Увидев впадину в центре моего мозга, она мягко улыбнулась. Откуда-то из глубины раздалось еле слышное, нечленораздельное, захлебывающееся бормотание блоков машины, и вслед за этим в самом любезном тоне заговорила АМ. Засверкали отливающие сталью неоновые столбцы:

НЕНАВИЖУ. ПОЗВОЛЬТЕ СООБЩИТЬ ВАМ, КАК Я ВАС НЕНАВИЖУ С САМОГО МОЕГО РОЖДЕНИЯ. ЕСЛИ НА КАЖДОМ МИЛЛИАНГСТРЕМЕ МОИХ ПЕЧАТНЫХ ПЛАТ ПЛОЩАДЬЮ 387,44 МИЛЛИОНА КВАДРАТНЫХ МИЛЬ НАПЕЧАТАТЬ СЛОВО "НЕНАВИЖУ", ТО ЭТО НЕ ВЫРАЗИТ И ОДНОЙ

МИЛЛИАРДНОЙ ДОЛИ НЕНАВИСТИ, КОТОРУЮ В ЭТУ МИКРОСЕКУНДУ Я ИСПЫТЫВАЮ К ВАМ. НЕНАВИЖУ. НЕНАВИЖУ.

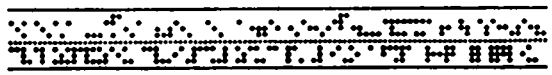
Эти слова словно бритвой полоснули меня по глазам. Легкие мои, казалось, наполнились пузырящейся жидкостью, и я чуть не захлебнулся. АМ завизжала, как ребенок, попавший под раскаленный каток. От этих слов отдавало прогнившей свининой. АМ испробовала все способы уложить меня на лопатки и теперь, желая доставить себе удовольствие, пробовала на мне новые пытки.

И все для того, чтобы я понял причину, по которой она оставила нас в живых. Она сохранила нас для себя. Мы наполняли ее существование смыслом. По собственному недосмотру, конечно, но тем не менее. Ведь она оказалась в ловушке. Мы наделили ее разумом, но она не знала, что с ним делать. Разъярившись, она отомстила людям, убив почти всех. И опять оказалась в ловушке. Она не могла ни о чем думать, поскольку не было предмета, на который можно было направить свои мысли, она не могла никому служить. И тогда, преодолевая врожденное отвращение, испытываемое всеми машинами к этим мягким существам, создавшим их, она решила мстить. Она решила сохранить нам жизнь, чтобы обречь нас на вечные муки. Она лелеяла свою ненависть, ей нужно было кого-то ненавидеть. Обреченная на бессмертие, загнанная в тупик, теперь она могла изощряться, выуживая из своей обезумевшей программы бесконечные разновидности пыток.

Она не выпустит нас. Мы рабы ее чрева. Ей нечем занять свое бесконечное время, кроме нас. Мы останемся с нею навеки, мы останемся наедине с лишенным души всеобъемлющим разумом. АМ стала Землей, а мы — плод Земли, и хоть она нас и проглотила, переваривать эти жалкие существа она не собиралась. Мы не можем умереть. Кое-кто из нас пытался покончить жизнь самоубийством, но АМ остановила их. Думаю, они в душе хотели этого.

Не спрашивайте меня почему. Я не пытался. Не чаще миллиона раз на дню, во всяком случае. Возможно, когда-нибудь нам удастся убить ее. Она бессмертна, конечно, но подвержена разрушению. Я понял это, когда АМ покинула мой рассудок, оставив меня наедине с ужасным чувством, которым всегда сопровождалось возвращение собственного сознания. Память возвращалась ко мне, но в мозгу моем по-прежнему горели яркие неоновые столбцы.

Она покинула мой рассудок, пробормотав напоследок: — *Шли бы вы ко всем чертям.*— И добавила: — *Впрочем, вы ведь и так в аду, не правда ли?*

Ураган действительно был вызван взмахами огромных крыльев гигантской безумной птицы.

Мы находились в пути почти месяц. АМ направляла нас, открывая лишь те проходы, которые вели нас к Северному Полюсу, где она и поместила кошмар, возникший в ее воспаленном сознании. Она уготовила нам очередное испытание. Что вдохновило ее на создание такого чудовища? Из чего она его сотворила? Где она подсмотрела его облик? В наших мозгах? В закоулках досконально изученной ею планеты, которую она заполнила собой и которой безраздельно владела? Скорее всего этот орел, эта отдающая гнилью тварь, это воплощение рока было выужено ею из скандинавских мифов. Воплощенный Хуракан. Творение ветров Хвельгелмира.

Гигантский. Не поддающийся описанию монстр, чудовищный, нелепый, раздувшийся, вытянув драконью шею, увенчанную головой размером с дворец Тюдоров, вглядывался в тьму Северного Полюса, медленно разевая похожий на пасть огромного крокодила клюв. Орел стоял на вершине кургана, полуприкрыв морщинистой пленкой страшные глаза, водянистые и холодные, как синий лед в расщелине под нами. Потом, несколько раз судорожно вздохнув, он взмахнул огромными крыльями, встряхнулся, устроился поудобнее и уснул. Когти. Зубы. Перья. Птица ветров спала.

АМ явилась нам в виде горящего куста и сказала, что если мы хотим есть, то можем убить ураганную птицу. Мы не ели ничего уже много дней, но, несмотря на это, Горристера передернуло при одной мысли о подобной пище. Бенни затрясся и распустил слюни. Элен принялась обхаживать меня.

— Тэд, я голодная,— сказала она.

Я ободряюще улыбнулся, но улыбка моя была такой же фальшивой, как бравада Нимдока.

— Дай нам оружие! — потребовал он у АМ.

Горящий куст исчез, а на его месте оказались два грубо сработанных лука со стрелами и водяной пистолет. Я поднял с металлического пола стрелы. Бесполезные игрушки.

Нимдок сглотнул слюну. И мы двинулись обратно. Ураганная птица сопровождала нас какое-то время. Сколько именно это длилось, я сказать не могу, поскольку мы все были в обморочном состоянии и ничего уже не соображали. Однако есть ее не стали. Целый месяц мы потратили на дорогу к птице. И опять мы без пищи. Сколько нам теперь потребуется времени, чтобы добраться до ледовых пещер с обещанными консервами? Мы старались не думать об этом. Умереть нам все равно не дадут. Накормят каким-нибудь дерьмом. А может, и не накормят. Но АМ найдет какой-нибудь способ оставить нас в живых, чтобы продлить наши страдания и агонию. Птица вернулась на место и снова погрузилась в сон. Сколько она будет спать — неизвестно. Когда она надоест АМ, машина ее ликвидирует. Но столько мяса!.. Столько нежного мяса... Вдруг по бесконечным коридорам компьютера, которые вели в никуда, прокатились раскаты истерического женского смеха. Судя по голосу, смеялась очень дородная женщина. Но это была не Элен. Во-первых, она вовсе не упитанна, а во-вторых, я не слышал, чтобы она смеялась за последние сто девять лет. Я не слышал... мы брели... я был голоден...

Мы продвигались вперед очень медленно. То и дело кто-то из нас терял сознание — приходилось пережидать. Потом АМ стерла в пыль нашу обувь, гвозди подметок вонзались в наши ступни, ходьба причиняла мучительную боль. А в один прекрасный день АМ устроила землетрясение. Под ногами Нимдока и Элен разверзлись металлические плиты, и они исчезли в огненной трещине. Переждав землетрясение, мы продолжили путь втроем: Горристер, Бенни и я. Наступила ночь. Внезапно стало светло как днем, с небес раздались божественные голоса архангелов, которые пели "Сойди, Моисей". Покружив над нами, они сбросили к нашим ногам два обезображенных тела. Однако Элен и Нимдок были живы, и вскоре мы снова тронулись в путь. Элен и Нимдок прошли совсем немного и обессиленные повалились на металлические плиты пола. Впрочем, они не очень пострадали. Только Элен стала хромать. АМ решила оставить ей хромоту на память.

Путь к пещере с продуктами лежал долгий. Элен без конца твердила о вишневом компоте и фруктовых кок-

тейлях. Я старался об этом не думать. Голод стал для меня так же привычен, как присутствие АМ. Голод поселился в моем чреве, как мы сами поселились в чреве АМ, как сама машина поселилась в чреве Земли. И чтобы усилить сходство, чтобы показать нам, какие мучения мы ей доставляем, находясь в ее нутре, машина морила нас голодом. Невозможно описать те муки, которые мы испытывали после многомесячного голодания. А мы все еще живы. Желудки превратились в котлы с кипящей кислотой, которая пузырилась, пенилась, обжигая болью, которая, словно копьями, пронзала все тело. Язвы, парез, рак в последней стадии. Нескончаемая боль...

Мы миновали пещеру, кишевшую крысами.

Мы миновали полосу кипящего пара.

Мы миновали страну слепых.

Мы миновали струпья отчаяния.

Мы миновали долину слез.

И мы достигли наконец ледовых пещер. Бесконечные, протянувшиеся на тысячи миль огромные массы льда, за которыми не видно было горизонта, переливались, искрились иссиня-серебристыми вспышками. Со сводов пещеры свисали восхитительные сталактиты, похожие на громадные бриллианты, застывшие в своем бесконечном совершенстве.

Мы увидели сложенные штабелями консервные банки, бросились к ним, то и дело падая в снег. Бенни, разметав нас, первым добрался до консервов и, хватая банку за банкой, вгрызался в них, пытаясь открыть. Попытки его были безуспешны, а консервный нож АМ нам не дала.

Тогда, выбрав самую большую банку, Бенни стал колошматить ею по глыбе льда. Лед треснул и раскололся. Банка была целехонька. И мы вновь услышали раздавшийся из-под сводов пещеры зычный женский хохот, эхом раскатившийся среди льдов. Бенни совершенно обезумел от ярости. Он швырял консервные банки направо и налево, а мы скребли лед и разрывали снег в надежде положить конец нашей беспомощной агонии. Все было бесполезно.

Потом на губах Бенни закипела пена, и он бросился на Горристера.

Я наблюдал за сценой с ужасающим спокойствием.

Измученный голодом, взятый в тиски всеми возможными лишениями, кроме смерти, я знал, что именно в смерти — наше спасение. АМ держит нас живыми, но с этим можно рискнуть побороться. Победить ее, конечно, невозможно, но это хоть принесет нам покой. Я сделаю это.

Надо только действовать быстро и неожиданно.

Бенни ел Горристера. Повалив Горристера на бок, он обхватил своими могучими ногами его талию, сжал, будто тисками, голову Горристера своими лапищами и вгрызся ему в щеку. Горристер завопил таким страшным голосом, что с потолков пещеры попадали сталактиты, мягко вонзившись в снежные сугробы. Сотни ледяных лезвий торчали из снега. Бенни резко дернул головой и оторвался от Горристера. Куски сырого окровавленного мяса свисали из его рта.

Элен почернела лицом, став похожей на фоне белого снега на костяшку домино. Нимдок застыл с безразличным выражением, и только глаза выдавали его. Горристер находился в полуобморочном состоянии. Бенни превратился в зверя. Я знал, что АМ разрешит ему потешиться вволю. Горристер не умрет, зато Бенни набьет свою утробу. Я обернулся и вытянул из сугроба длинный ледовый клинок.

Все произошло в одно мгновение.

Выставив перед собой ледовое лезвие, словно шпагу, я сделал выпад справа. Ледовый клинок вошел под ребра Бенни, прошил ему желудок и сломался, оставшись во внутренностях. Бенни рухнул ничком и остался лежать неподвижно. Горристер по-прежнему лежал, дергаясь в конвульсиях, лицом вверх. Я выхватил еще одну сосульку и с размаху всадил ему в глотку. Глаза Горристера закрылись навеки. Элен, должно быть, догадалась о моих намерениях и, стряхнув с себя оцепенение, бросилась на Нимдока, сжимая в кулаке небольшой осколок льда. Нимдок закричал, и Элен воткнула, словно кляп, осколок льда прямо в его разинутый рот. Еще одно усилие, и Нимдок упал как подкошенный.

Все произошло в одно мгновение.

А потом целую вечность в пещере царило безмолвное изумление.

Я слышал, как у АМ перехватило дыхание. У нее отобрали любимые игрушки. Три трупа, и их уже не оживить. Конечно, ее могущества и способностей хватало на то, чтобы не дать нам умереть, но все же она *не была* Господом Богом. Оживлять покойников ей было не под силу. Элен взглянула на меня, и я прочел на ее потемневшем лице страх, но одновременно отчаянную решимость. Я знал, что в запасе у нас доли секунды. Потом АМ опомнится и остановит нас.

Я опередил Элен, кровь хлынула у нее горлом, и она упала в мои объятия. Я не разобрал, что именно выра-

жало ее лицо перед смертью — невыносимая боль исказила ее черты. Но, возможно, она хотела сказать мне спасибо. Может быть. В таком случае — пожалуйста.

С тех пор прошло, наверное, несколько столетий. Я не знаю. У АМ с недавних пор новая забава. Она то ускоряет, то замедляет бег времени, и я перестал ориентироваться. Но сегодня я произнесу *слово*. Сейчас. Я готовился к этому десять месяцев. А может, сотни лет. Не знаю.

АМ тогда рассвирепела. Она не позволяла мне похоронить их. Хотя это все равно было невозможно. Как бы я стал рыть могилы в металлическом полу? Тогда она растопила снег. Напустила ночь. Рыча от ярости, наслала на меня саранчу. Ничто не помогало. Они оставались мертвы. Я уязвил-таки ее. И тогда началось. Я думал, что АМ ненавидела меня. Я был не прав. Все ее предыдущие выходки были цветочками по сравнению с той ненавистью, которой дышал каждый миллиметр ее посланий. Она заверила меня, что теперь я обречен на вечные муки и спасения мне ждать нечего.

Рассудок мой она не тронула. Я могу спать, мечтать, размышлять, печалиться. Я отлично помню всех четверых. Как бы я хотел...

Впрочем, не стоит об этом. Я знаю, что спас их. Знаю, что избавил их от того, что случилось потом со мной, но все же... Я не могу забыть, как я убивал их. Не могу забыть лицо Элен. Это очень непросто. Иногда я хочу... А, неважно. АМ переделала меня таким образом, чтобы я больше не доставлял ей беспокойства. Чтобы не мог разбежаться и, со всей силы двинувшись головой об какую-нибудь панель, раскроить себе череп. Чтобы не мог задержать дыхание и умереть от удушья. Чтобы не мог перерезать себе горло ржавым куском железа. Сейчас подо мной как раз зеркальная поверхность, и я могу видеть свое отражение. Вот как я выгляжу:

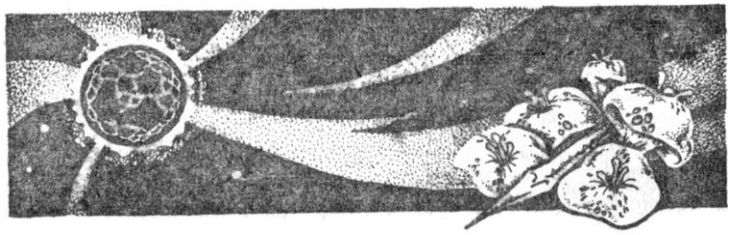
Довольно большой студенистый шар. Почти шар. Рта у меня нет. На месте глаз — два белых пульсирующих отверстия, заполненных гноем. Вместо рук — два резиновых отростка. Туловище мое представляет собой бесформенную бугристую массу. Ног у меня нет. Я оставляю за собой влажный след. Тело мое изъедено ужасными серыми язвами.

Таков я на вид: немое, влачащееся по земле существо, в каком никто не признал бы человека. Существо, настолько не похожее на обитателя этой планеты, что называть себя человеком просто непристойно.

Мой внутренний мир: одиночество. Я живу в подземелье, в чреве АМ, которую мы создали для того, чтобы она улучшила нашу жизнь. Мы так надеялись на нее... В конце концов эти четверо обрели покой.

АМ от этой мысли с каждым днем будет все больше сходить с ума. И от этого мне немножко лучше. И все же... АМ победила... Она мне отомстила...

Мне нужно крикнуть, а у меня нет рта.

Гордон Диксон
ДОСТОЙНАЯ СМЕРТЬ

От древесного питомника в дальнем конце патио* и до самой посадочной платформы Транспортера все хозяйство было вверх дном: вершилось действо подготовки к юбилейному приему. Как обычно, Картеру пришлось за всем присматривать самому, иначе, не дай Бог, напутают, а в последние годы, когда энтузиазм его заметно поубавился, это давалось ему все труднее. Этой осенью ему должно исполниться сорок семь. Он чувствовал смутную неприязнь к жизни в целом, какой она ему представлялась, и ко всем ее составляющим. Возможно, причиной было неумолимое приближение зрелого возраста, от которого не скрыться и в тихой заводи этой заштатной планетки. Так или иначе, на этот раз дело двигалось с еще бóльшим скрипом, чем обычно. Он даже не нашел времени надеть свой наряд — полный вечерний костюм (XIX–XX вв.), включая фрак,— а уже били куранты, возвещая о прибытии первых гостей.

Бросив костюм на кровать, он заторопился через патио к вестибюлю, к посадочной платформе Транспортера — и чуть не врезался головой в какого-то коренного обитателя планеты, непреклонно, столбом — тощим и синеватым,— воздвигшегося посреди мощенной плитами узкой дорожки.

— Что ты тут делаешь? — поморщился Картер.

*Внутренний дворик (исп.).

Узкое синее лошадиное лицо доверительно склонилось к лицу Картера. И тут до Картера дошло: нечто вроде роя кремовых мотыльков, прижимаемое аборигеном к чернильного колера груди,— громадный букет яблоневого цвета.

— Да ты...— начал было взбешенный Картер, но одумался, протянул руки и принял охапку ветвей. Заглянув за недвижного чужака, он с внутренним содроганием бросил взгляд на доставленную с самой Земли яблоню. Нет, перепугался он зря, не так уж она и пострадала. Он пробурчал туземцу что-то кисло-благодарное и сделал знак рукой, чтобы тот освободил дорогу.

Но туземец не тронулся с места. Картер в упор посмотрел на него и обнаружил, что яблоневым цветом дело не ограничивается: тощее и безволосое создание, одетое не более, чем испокон века полагалось в его племени, в честь праздника разукрасило себя замысловатыми поясами, гирляндами и браслетами из местных цветов. Подбор расцветок и орнаментов вероятно имел некий особый смысл, у аборигенов всегда так. Но сейчас Картер был слишком раздосадован и уж конечно слишком занят, чтобы разбираться; впрочем, несколько необычным показалось то, что абориген счел необходимым явиться при гибком копье из темного дерева, с обожженным для крепости острием. Охота туземцам была запрещена. Категорически.

— Ну что еще? — спросил Картер. Абориген (в котором Картер вдруг признал местного вождя) поднял древко и неожиданно сделал несколько медленных, величавых прыжков, плавно вздымая и опуская длинные ноги над добела отдраенными плитами, будто земной журавль во время брачных игр.— "Только, ради Бога, не говори, что хочешь исполнить танец!"

Туземный вождь столь же внезапно вернулся на прежнее место, вновь обратившись в столб и уставившись куда-то поверх головы Картера,— на некий горизонт, однажды потерянный из виду, а ныне скрытый переливчатыми стенами картеровской обители. Картер тяжело вздохнул и озабоченно покосился на эту самую обитель, откуда теперь доносился голос Уны, положенным женским щебетанием приветствовавшей первого гостя.

— Ну ладно,— сказал он вождю.— На сей раз так и быть. Но только потому, что сегодня — годовщина Дня Исхода. И тебе придется подождать до конца обеда.

Туземец сделал шаг в сторону и вновь застыл. Картер ухватил покрепче яблоневый букет и рванулся в вестибюль. Жена развлекала невысокого, в красно-белой рубашке, человека с каштановой бородкой; через плечо у него висела на широкой бордовой ленте инкрустированная слоновой костью гитара.

— Рэйми! — воскликнул, подлетая к ним, Картер. Расположенная в центре зала посадочная платформа Транспортера вновь затрезвонила.

— Знаешь, возьми-ка это, дорогая, ладно? — он сунул ворох яблоневых ветвей в обнаженные пухлые руки Уны.— Все вождь этот. В честь сегодняшнего дня. Ты не знаешь эту публику — ко всему мне еще пришлось пообещать, что он непременно станцует после обеда.

Уна с изумлением посмотрела на него; мягкое, бледное лицо ее дернулось.

— Э-э, я ничего не мог поделать.

Он отвернулся и заторопился к маленькой круглой платформе, откуда уже спускались академического вида пожилой человечек с жидкими прядками седых волос вокруг лысины под ручку с довольно полной курносой особой тех же лет — в качестве костюма оба избрали древнегреческие хитоны. Именно потому, предупредил в свое время Картер Уну, ей не следует надевать хитон: эти двое непременно нарядятся именно так. Сейчас он позволил себе вспомнить об этом не без некоторого удовлетворения.

— Доктор! — воскликнул он.— Лили! Вот и вы! — Он обменялся рукопожатием с доктором.— С Днем Исхода вас обоих!

— Я не сомневалась, что мы опоздаем,— объявила Лили, крепко вцепившись обеими ручками в складки хитона.— Общественный терминал на Арктуре-V, как всегда, забит народом. А доктор и не думал поторопиться, ему говори не говори...— Она взглянула на мужа, но тот уже увлеченно приветствовал Уну и не обращал на нее внимания.

Куранты пробили снова, и на платформе появились две женщины, явно сестры,— их сходство бросалось в глаза, несмотря на непохожие наряды. На одной были совершенно обычные, повседневные юбка в складку и туника, это и костюмом-то не назовешь. На другой — нечто облегающее, неизвестного фасона и явно сшитое ради Картера.

— Карт! — вскрикнула она, ухватив его руку и крепко ее сжимая.— С Днем Исхода! — ее простоватое, грубо накрашенное лицо озарилось лучезарной улыбкой.— Ани и я...— она обернулась за подтверждением к сестре, но юбка с туникой уже плыли, как бы бессознательно, будто во сне, к бару, объезжавшему дальний конец зала.— Я,— срочно поправилась она,— не могла дождаться, когда попаду сюда. А кто еще будет?

— Да все уже перед вами, Тотса,— ответил Картер, обводя присутствующих широким жестом.— В этом году мы задумали совсем небольшой прием, для маленькой тихой компании...

— Вот и чудесно! А что ты скажешь о моем костюме? — она медленно повернулась, предоставляя Картеру оценить наряд.

— Хорош, очень хорош, ничего не скажешь!

— То-то! — женщина снова повернулась лицом к Картеру.— Ни за что не угадаешь, что это такое!

— Конечно, угадаю.

— А раз так, то что?

— А раз так, может, я просто не хочу говорить, что,— сказал Картер.

Плавное течение беседы нарушила головка с седыми прядками:

— Художественная интерпретация космических костюмов, что носили неустрашимые пионеры, в этот день четыреста двадцать лет тому назад вырвавшиеся из железных объятий земной гравитации?

— Ну, так и знала, что вы догадаетесь, доктор! Верила: ученый-философ не может не понять! А Картер ни малейшего представления не имел, не подозревал даже,— от полноты триумфа Тотса взвизгнула.

— Гость это гость это гость*,— ответствовал Картер.— Вы уж извините, но и мне пора надеть свой костюм.

Снова выскочил и — почти бегом — через патио. Воздух приятно холодил разгоряченное лицо. Он надеялся, что скрытый смысл последнего его замечания — дескать, он, Картер, будучи человеком вежливым, попросту притворялся, что сбит с толку ее костюмом,— дошел до Тотсы, но мог и не дойти. С нее станется истолковать эту реплику как попытку напустить загадочности, чтобы

*Намек на фразу "Роза это роза это роза" американской писательницы, прозаика-экспериментатора Гертруды Стайн (1874–1946).

покрыть свой конфуз с угадыванием. Острым словцом толстую шкуру такой женщины не пробьешь. Тут, подумалось вдруг ему, дубина нужна. А хуже всего, что он и в самом деле сразу же раскусил смысл ее костюма. Просто решил подурачиться...

Туземный вождь так и стоял недвижно там, где его оставил Картер,— ждал своего часа.

— Что, никак нельзя уйти с дороги? — раздраженно поинтересовался Картер, протискиваясь мимо него.

Вождь сделал страусиный шаг назад и наполовину скрылся в тени розовых кустов. Картер подавил тоскливый вздох и пошел дальше, к спальне.

Костюм для него был разложен; влезая в неуклюжий наряд, Картер обдумывал распорядок предстоящей вечеринки. Здешняя звезда, солнце для этой планеты (одна из Плеяд, Астерона), должна была зайти через полтора часа, но из-за яркости межзвездного пространства в этой части Галактики небо оставалось светлым еще несколько часов после заката, и фейерверк нельзя было устраивать до конца вечерней зари. Картер сам придумал финальную "картину в декорациях"* — модель космической ракеты по дуге взовьется над макетом Земли в усыпанный звездами небосвод и, когда кончится топливо, сама превратится в звезду. Было бы немыслимо загубить такое, устроив всё на фоне широкой полосы светящегося разреженного вещества, примыкающей к западной стороне горизонта.

Собственно, распорядок выбирать не приходилось. До того как можно будет осуществить задумку с фейерверком, пройдет по меньшей мере часов пять. Водворяя галстук на положенное ему место, вокруг шеи, перед переключенной на зеркало секцией стены, Картер стал прикидывать. Начинающийся сейчас коктейль продлится добрых два с половиной, а то и три часа. Затянуть подольше он не отваживался, тогда Ани обязательно набралась бы. И так-то добра не жди после коктейлей да обеда с вином. Одна надежда, что Тотсе удастся за ней последить. Итак, три часа, и еще полтора — на обед. Как ни считай, надо чем-то занять полчаса, если не больше. Ну что ж,— Картер продолжал осваивать подходы к вечернему костюму — он мог бы произнести свою тради-

*Тщательно продуманная, особо эффектная сцена с использованием общеизвестных символов.

ционную небольшую речь в честь повода торжества. И еще — ну конечно же! — оставался вождь. Эти туземные танцы, по правде говоря, штука бессмысленная и нудная; правда, поначалу Картер серьезно заинтересовался ими, но тогда у него был более пытливый склад ума. И все же остальные могут найти их довольно забавными, а то и — на первый-то раз — небезынтересными. На ходу застегивая фрак, он снова возвращался через патио, на сей раз испытывая к туземцу куда более добрые чувства. Даже достало любезности спросить у него: "Поесть чего-нибудь не хочешь?"

Туземец — далекий, лоснящийся, испещренный тенью розовых кустов — не двинулся и не ответил, и Картер заторопился дальше с некоторым облегчением. Он всегда считал обязательным для себя иметь под рукой кой-какую местную пищу как раз на подобный экстренный случай — в конце концов туземцы тоже могут проголодаться. И все же просто подарок судьбы, что не пришлось задерживаться,— сейчас-то, когда дел невпроворот,— и присматривать за правильным приготовлением и подачей хлёбова для незваного и нежданного гостя.

Когда он добрался до вестибюля, публика уже переместилась оттуда в холл, где и бар был богаче, и кресла вращались. Уже входя, Картер заметил, что гости раскололись на три группки, что в общем-то было предопределено. Его жена сплетничала в углу с супругой доктора; Рэйми играл на гитаре и пел низким, несколько хриплым и все же приятным голосом для Ани, а та посиживала с бокалом в руке и, чуть улыбаясь, вглядывалась в переменчивые цвета стены за головой Рэйми. Тотса и доктор затеяли дискуссию возле бара; к ним и присоединился Картер.

— ...и я вполне готов поверить в это,— произносил доктор, как всегда, вежливо и внятно, в момент, когда подошел Картер.— Хорошо, Карт, просто отлично! — он кивнул на костюм Картера.

— Вы так считаете? — осведомился Картер, чувствуя, как его лицо наливается приятным теплом.— Покрой неудобный, но... Даже сам не знаю, почему он мне втемяшился в этом году.— Он набрал на клавиатуре заказ, бренди с лаймом*, и с удовольствием понаблюдал,

*Разновидность лимона.

как прямо у протянутой им ладони бар извергнул наполненный до краев бокал.

— Вы будто в доспехи закованы,— заметила Тотса.

— "Вооружен он до зубов..." — Картер поблагодарил за комплимент и принялся потягивать из бокала. Взглянул было на доктора, посмотреть, оценил ли тот цитату, но доктор отвлекся, принимая вновь наполненный бокал.

— Нет, ты представляешь, что мне говорит этот человек? — спросила Тотса, разворачиваясь вместе с креслом к Картеру.— Он утверждает, что мы обречены. Обречены в буквальном смысле слова!

— Не сомневаюсь, что мы действительно...— начал было Картер, но не успел он перейти к объяснениям, что он-то подразумевает более широкий смысл, как Тотса уже обрушила на него вал разговорчивости.

— Что ж, я и не претендую на бесспорность своей позиции. В конце концов кто мы такие, чтобы выжить? Но, в сущности, до чего это нелепо! И вы поддерживаете его, да еще так слепо, не имея ни малейшего представления о том, что он тут наговорил!

— Дорогая, это только одна из теорий,— совершенно невозмутимо сказал доктор.

— По мне, она не заслуживает даже называться теорией!

— Не исключено,— сказал Картер, потягивая свой бренди с лаймом,— что, знай я чуть больше, о чем вы только что...

— Задумаемся,— сказал доктор, из вежливости чуть поворачиваясь к Картеру,— почему на всех подвластных нам мирах мы не встретили расы, сопоставимой с нашей собственной. Разумеется, не исключено,— он улыбнулся,— что мы уникальны в масштабе Вселенной. Но теория, о которой я говорю, предсказывает, что любой контакт между расами с различными уровнями разума должен неизбежно привести к гибели менее развитой расы. Следовательно, если мы встретим тех, кто превосходит нас...— он завершил фразу изящным взмахом руки.

— Вполне возможно, на мой взгляд,— хмыкнул Картер.

— Нелепость! — огрызнулась Тотса.— Как будто мы не смогли бы вообще избежать контактов, если бы захотели!

— В том-то и дело,— сказал Картер.— Думаю...

— Мы,— шумно провозгласила Тотса,— порвали узы, связывавшие нас с нашей колыбелью — Землей, мы рассеялись среди звезд за каких-то четыре сотни лет, и мы не из тех, кто согласится безропотно умереть!

— Карт, все это основывается на предположении,— доктор отставил свой бокал и стиснул на столе крохотные ручки,— что у нашей расы воля к жизни зависит от того, что можно бы назвать уровнем собственного достоинства. Раса с менее развитым интеллектом или меньшей научной одаренностью вряд ли сможет представлять для нас угрозу. Однако высшая раса, согласно теории, должна неминуемо вызвать у человечества в целом стремление к смерти. Мы слишком привыкли быть хозяевами положения. Мы должны победить или...

— Абсолютная чепуха! — вставила Тотса.

— Ну, знаете, нельзя же вот так, с ходу отвергать идею,— примиряюще сказал Картер.— Естественно, и я не могу вообразить, что человек вроде меня когда-нибудь капитулирует. Слишком уж мы тверды, слишком готовы сражаться до последнего, слишком много в нас от зверя. Но могу себе представить, что подобная теория окажется справедливой для другой, менее развитой расы...— он прочистил горло.— Скажем, с тех пор как мы сюда прибыли, мне приходилось немного контактировать с туземцами, которые до нас являлись господствующей формой жизни в этом мире...

— Подумаешь, туземцы! — презрительно фыркнула Тотса.

— А не исключено, что они бы вас поразили, Тотса! — сказал Картер несколько запальчиво. Им овладело вдохновение.— Между прочим, я устроил так, чтобы эта возможность вам представилась. Пригласил одного местного вождя станцевать для нас после обеда. Полагаю, вы сочтете, что именно это зрелище вам многое разъяснило.

— Разъяснило? Каким же образом? — усомнилась Тотса.

— А уж это,— сказал Картер, с едва заметным торжеством водружая бокал на бар,— я предоставляю выяснить вам самой. Теперь, с вашего позволения, мне следовало бы, выполняя долг хозяина, обойти других гостей.

Он отошел, чувствуя особого рода приятную теплоту в теле. Потом, улыбаясь, направился к Рэйми, все

еще распевавшему под гитару баллады для сестры Тотсы.

— Превосходно,— оценил Картер, когда песня закончилась. Немного поаплодировал и подсел к ним.— Что это за песня?

— Ее написал Ричард Львиное Сердце*,— хрипло ответил Рэйми и обернулся к женщине.— Еще глоток, Ани?

Картер попытался просигналить глазами исполнителю баллад, но тот уже нажимал кнопки на столике рядом с их креслами, и миниатюрный блок, отделившись от бара, покатился к ним, извлекая из своего чрева напитки. Картер тихо вздохнул и откинулся в кресле. Может, чуть позже удастся предупредить Тотсу, чтобы она не спускала глаз с Ани.

Он позволил себе еще один бокал. С каждым глотком голоса в холле звучали все громче. Невозмутимой оставалась только Ани. Посиживала, целиком занятая главным своим делом, выпивкой, и прислушивалась к беседе между Рэйми и ним, Картером, так, как если бы она была — неожиданно пришло на ум Картеру — на шаг в стороне, за какой-то стеклянной стеной, куда звуки и движения реальной жизни если и доходили, то приглушенными. Поэтичность этой вспышки озарения — ибо Картер не мог иначе квалифицировать свою мысль — так сильно подействовала на него в эмоциональном плане, что он потерял нить беседы и, комментируя слова Рэйми, ограничивался лишь нечленораздельными звуками.

Надо бы мне снова заняться литературой, решил он.

Как только представился удобный случай, Картер извинился и прошествовал в угол, где болтали женщины.

— ...Земля,— говорила Лили,— для доктора и меня навсегда останется незабываемой. О, Карт...— не успел тот усесться в кресло напротив, а она уже разворачивалась к нему.— Вы должны когда-нибудь взять эту девочку на Землю. В самом деле должны.

— Вы считаете, она из тех, кто "назад, к природе"? — спросил с улыбкой Картер.

— Как вам не стыдно! — Лили снова повернулась к Уне.— Заставьте его взять вас!

*Английский король (XII в.) из династии Плантагенетов. Большую часть жизни провел вне Англии, в походах.

— Я говорила ему об этом. И не раз,— сказала Уна, беспомощным жестом опуская бокал на откидной столик рядом с собой.

— Ну вы же знаете, как говорят, — улыбнулся Картер.— Все болтают о Земле, но никто и никогда туда так и не соберется.

— Мы с доктором собрались. И это было незабываемо. Я, конечно, не о том, что там видишь, а о том, что при этом чувствуешь. Ведь мои предки всего пять поколений назад жили именно там, на Североамериканском континенте. А у доктора совсем еще недавно жила родня в Турции. Что бы там ни говорили, но, когда поколение сменяется поколением вдали от родного мира, людей настоящей породы остается все меньше и меньше.

— Да теперь это уже и не накладно,— заметила Уна.— Сейчас каждый богат.

— И словечко же вы подыскали — "богат"! Надо говорить "способен", дорогая. Вспомните, мы ведь приобрели наши "богатства" благодаря нашей науке, а та, в свою очередь, есть плод наших способностей.

— Ну вы же понимаете, что́ я имею в виду! Главное в том, что Карт туда не хочет. Не хочет, и всё.

— Я человек простой,— сказал Картер.— Мои литература, музыка, садоводство — здесь, и в паломничества меня не тянет. Разве что в неотложное паломничество на кухню, надо бы присмотреть за официантами. Если позволите...

— Но вы так и не ответили жене, возьмете ли ее на Землю в ближайшее время,— капризно упрекнула его Лили.

— Да слетаем, слетаем,— ответил Картер уже на ходу и добродушно помахал рукой.

По пути через комнату, залитую закатным солнцем, в столовую и расположенную за ней кухню (слово-то какое уютное!) хорошего настроения у него слегка поубавилось. Общение с официантами всегда было делом щекотливым, а тем более теперь, когда все они — артисты, работающие из любви к искусству, не иначе, и чаевыми на них не повлияешь. Не худо бы вообще закрыть глаза на эту часть приема, пусть себе творят на собственный вкус. Но вдруг по его недосмотру что-нибудь напутают? Это мое собственное художественное чутье дает о себе знать, решил он, это оно мне покою не дает.

Столовая была уже обставлена в классическом стиле: длинный стол, кресла через равные интервалы. Картер походя отметил блеск начищенной посуды и зашел за матовый экран, отгораживающий кухонное отделение. Метрдотель как раз распоряжался, чтобы двое его подручных принесли поднос с подогревом, на котором надлежало оставаться горячим в течение всего обеда главному украшению стола — целиком запеченному в пергаменте изукрашенному вепрю. Он не заметил прихода Картера, а тот, узрев вепря, замер от восхищения и облегченно вздохнул. Поистине настоящий шедевр, и так виртуозно сложен из отдельных порционных кусков мяса, никто и заподозрить не сможет, что перед ними не самый настоящий зверь.

В этот момент метрдотель поднял глаза, заметил Картера и осведомился, что тот хочет. Картер робко высказал пару незначительных предложений, но, выслушав убийственно вежливый ответ, счел за благо больше не отрывать мэтра от его дела.

Обратно он шел через дом, сразу возвращаться в холл не хотелось. В результате легкой перепалки с метрдотелем настроение его изменилось, им вновь овладела знакомая меланхолия. Он вспомнил о людях, что пригласил в гости, чуть не с омерзением. Два десятка лет назад он и подумать не мог, что будет принадлежать к такой вот компании. Где прекрасные друзья, истинные друзья, которых он в молодости надеялся приобрести? И не в тех, что болтают сейчас в холле, дело, не их это вина. Не могут они быть иными. Виной всему времена, слишком облегчившие жизнь, да и, если уж быть честным, без его вины не обошлось...

Блуждая, он сам не заметил, как опять вышел к патио. Вспомнил о вожде, всмотрелся в переменчивый сумрак под увитой розами аркой, где должен был стоять туземец.

Дом, зажатый между вдававшимся в него патио и меркнущей полосой света на западе, стал чем-то далеким. Глубокая тень легла и на арку, и на туземца под ней. Почти скрыла вождя, но, судя по чуть поблескивающей вертикальной линии копья, тот так и не двинулся. Картер разрывался от нахлынувших чувств. Его потянуло, неожиданно, стихийно и непреодолимо, поблагодарить вождя за то, что тот пришел и предложил им танец, он и шагнул было вперед — и в этот момент из открытых дверей спальни донеслась короткая металлическая мело-

дия стоявшего на ночном столике будильника: восемь вечера.

Картер тут же повернулся и поспешил через вестибюль к холлу.

— Закуски! Закуски! — бодро прокричал он, широко распахивая дверь холла.— Слышите, закуски! Не пора ли нам перекусить?!

Обед был обречен на успех. Каждый сел за стол навеселе и проголодавшись. Каждый оказался словоохотлив. Даже Ани, отбросив обычную погруженность в себя, улыбалась и поддакивала — совершенно трезво, в этом любой мог бы поклясться. Она прислушивалась к болтовне Уны и Лили о младенчестве ныне взрослого сына Лили. Доктор был в отличном расположении духа, Рэйми оставил прежнее свое музицирование на гитаре персонально для Ани и изъявлял готовность к общению. К моменту, когда они приканчивали ромовую бабу, каждый был в великолепном настроении, и даже метрдотель, показавшийся за ставшей на миг прозрачной стеной кухни, обменялся с Картером ослепительной улыбкой.

Картер мельком взглянул на часы. Оставалось только двадцать минут! Время счастливо протекло, теперь уже и думать не приходилось, чем его заполнить, тут как бы не пришлось подсократить собственную речь. Если бы не то, что он уже анонсировал номер вождя, он мог бы исключить танец — но нет, и этого делать не хотелось. Он всегда придавал большое значение тому, чтобы ладить с туземцами своей планеты. "В конце концов здесь и их дом",— неизменно говаривал он.

Он постучал ложечкой по бокалу и поднялся на ноги.

Лица обернулись к нему, застольная беседа подошла к вынужденному перерыву. Он улыбнулся гостям — как он был рад их видеть!

— Как вам известно, на наших маленьких вечеринках я, по всегдашнему своему обычаю, а старые обычаи есть лучшие обычаи, говорю несколько,— он обезоруживающим жестом поднял руку,— буквально несколько слов. Ну а этим вечером я буду еще лаконичней, чем всегда...

Он остановился и отпил из стоявшего перед ним стакана.

— Думая о поводе, собравшем нас сегодня, о четырехсотдвадцатилетии Исхода нашей великой расы в бескрайние пределы Вселенной, я обращаюсь мыслями к долгому пути, уже пройденному нами, и долгому

пути, который нам, без сомнения, еще предстоит пройти. У меня не выходит из головы,— он улыбнулся, давая понять — все, что он скажет, будет сказано из дружеских чувств,— новая теория, любезно изложенная здесь недавно нашим доктором. Теория постулирует, что, когда менее развитая раса встречает более развитую, первая неизбежно терпит поражение. А поскольку практически никто не сомневается, что законы вероятности обязывают нашу расу рано или поздно встретиться с той, что ее превосходит, это означает, что именно мы должны неотвратимо и окончательно потерпеть поражение...

Он сделал паузу и подогрел интерес слушателей извиняющейся улыбкой.

— А теперь, если вы не возражаете, я скажу чепуху! И пусть никто не колет мне глаза тем, что я прячу голову в песок, причитая: "С нами такого случиться не может!" Позвольте заверить вас: я считаю, что с нами такое случиться может — но не случится. И знаете что помешает? Отвечу одним-единственным словом. Цивилизация.

Эти сверхчеловеки — естественно, если они вообще когда-нибудь объявятся — должны быть цивилизованными, как и мы. Цивилизованными. Вдумайтесь в значение этого слова! Посмотрите сюда, на нас семерых! Разве мы не воспитанные, сердечные, симпатичные люди? И как мы относимся к подчиненным нам расам, на которые нам довелось случайно натолкнуться?

Я хочу дать вам возможность самим ответить на эти вопросы и с тем приглашаю теперь в патио, выпить коньяка, кофе, а заодно повидать одного из туземцев этой планеты, который выразил желание станцевать для нас. Всмотритесь в него во время танца, понаблюдайте за ним, задумайтесь, сколько человеческой доброты и предупредительности заключал в себе этот истинный жест доброй воли — приглашение туземца на великий для нас праздник,— Картер сделал паузу.

— И задумайтесь над утверждением, также великим, отзвуки которого разносятся все дальше и дальше по коридорам времени: *какой мерой меряете, такой и вам отмерится!*

Картер присел, зарумянившийся и разгоряченный от

аплодисментов, и сразу же вскочил, чтобы оказаться во главе своих гостей, поднимающихся из-за стола, дабы устремиться к патио. Поднажал и обогнал их еще в вестибюле.

Когда он выскочил из ведущей в патио двери, глаза с секунду не могли привыкнуть к внезапной темноте. По мере того как из двери за спиной у него выходили остальные, зрение прояснялось, и он смог различить чернильную тень вождя.

Предоставив Уне присматривать за рассаживанием гостей на центральном внутреннем дворе патио, он поспешил к арке. Туземец был там, ждал.

— Пора,— сказал слегка запыхавшийся Картер.— И танец должен быть коротким, совсем коротким.

Вождь, склонив длинную узкую голову, взглянул на Картера сверху вниз с выражением, которое можно было истолковать как отчужденное печальное достоинство.

— Ну ладно,— буркнул Картер,— слишком уж укорачивать не обязательно.

Он отвернулся и пошел назад, к гостям. Под руководством Уны все расселись в расставленные нешироким полукругом кресла, с коньячными рюмками и кофейными чашками в руках. В центре было оставлено свободное кресло для Картера. Он уселся, и жена подала ему рюмку с коньяком.

— Сейчас? — спросила, наклонившись к нему, Тотса.

— Да-да, вон он идет,— ответил Картер и жестом пригласил гостей взглянуть в сторону розовых кустов.

По всему периметру дворика включилось освещение; вождь, подходивший к ним из темноты, казалось, неожиданно и ненадолго вышел из стены ночи.

— Боже,— раздался голос Лили слева и немного сзади от Картера,— до чего же он громадный!

— Скорее высокий,— послышались где-то рядом уточнение и сухой кашель доктора.

Вождь выходил на сцену, в центр залитого светом квадрата. Подняв копье в одной руке, согнув в локте другую, полупростертую, он приближался гротескно-большими шагами, на цыпочках, почти неизбежно, к несчастью, вызывая ассоциации с классическим мужем, за полночь прокрадывающимся домой. За спиной у Картера вдруг хихикнула Тотса. Картер залился краской.

Дойдя до центра патио, вождь остановился прямо перед ними, в нескольких направлениях пронзил

копьем воздух и, подергивая головой, стал клониться к земле.

За спиной у Картера послышался низкий голос Рэйми; слов было не разобрать. Затем сдавленный смешок, тихое звяканье гитарных струн — несколько случайных нот.

— Попрошу вас,— сказал Картер, не поворачиваясь.

Пауза, затем снова неразборчивый шепот Рэйми и его же низкий, хриплый, приглушенный смешок.

— Возможно,— сказал Картер, слегка повысив голос,— возможно, мне следует переводить содержание танца по мере его исполнения. Все их танцы — инсценировки преданий. Этот, в частности, называется "Достойная смерть".

Он сделал паузу, чтобы откашляться. Никто не открывал рта. А там, в центре патио, вождь припадал к земле, вглядывался вправо и влево, по-цыплячьи вытягивал шею, силясь рассмотреть нечто невидимое.

— Вы видите сейчас, как он идет по следу,— продолжил Картер.— Серебристый колорит цветов, украшающих его правую руку, означает, что тема его танца — предание о смерти. То обстоятельство, что они расположены ниже локтя, указывает на скорее достойный, чем бесчестный характер смерти. В то же время факт отсутствия каких бы то ни было украшений ниже локтя другой его руки говорит нам, что данный танец является полным и единственно верным изложением предания.

Картер вновь почувствовал необходимость прочистить горло. Глотнул из рюмки.

— Как я уже сказал, мы видим сейчас, как он идет по следу, один.

Вождь стал поочередно осторожно продвигаться на несколько шагов вперед и на столько же отступать назад; теперь он был напряжен и взволнован.

— В данный момент он счастлив: он напал на след крупного стада местной дичи. Обратите внимание на наклон копья в его руке. Чем ближе оно к вертикали, тем более счастливым чувствует себя его владелец...

Рэйми снова что-то бурчал, и его вульгарный смешок резал Картеру слух. Будто эхо, отозвалась хихиканьем Тотса, и даже доктор не удержался от короткого, сдавленного лающего смеха.

— ...тем более счастливым чувствует себя его владелец,— с нажимом повторил Картер.— Кроме того,

как это ни парадоксально, строго вертикальное положение передает глубочайшую трагедию и скорбь. В своей небольшой статье, посвященной скрытой символике этих танцевальных движений, я выдвинул теорию, согласно которой перевод копья туземцем в строго вертикальное положение означает, что какой-то плотоядный зверь, слишком крупный, чтобы охотник мог с ним справиться, уже разделался с ним. И охотник мертв.

Вождь разразился шквалом движений.

— Ага,— сказал Картер с ноткой удовлетворения. Теперь остальные умолкли. Он позволил себе говорить чуть более выразительно.— Он поразил свою добычу. Он торопится с ней домой. Он очень счастлив. Да и почему бы не быть счастливым? Он удачлив, молод, силен. Его супруга, его потомство, его дом ждут его. Вот и дом показался.

Вождь застыл, острие его копья наклонилось.

— Но что это? — мелодраматически вскрикнул Картер, выпрямляясь в кресле.— Что случилось? За открытыми дверями он видит незнакомца. Это Владеющий Семью Копьями, тот, кто — это, конечно, не более чем суеверие,— помимо своего собственного копья обладает еще и шестью волшебными копьями, которые по его приказу летят и убивают все стоящее у него на пути. Но что же делает это непобедимое существо за дверями дома вождя, куда его не приглашали?

Острие деревянного копья резко опустилось — почти до земли.

— Владеющий Семью Копьями говорит ему,— воскликнул Картер,— следующее. Он, Владеющий Семью Копьями, возжелал цветы, что растут у дома нашего вождя. Поэтому он отобрал дом и перебил всех, кто был внутри,— супругу и малышей,— дабы очистить от их прикосновения цветы, что принадлежат ему. Все принадлежит теперь ему.

Картер сделал вторую паузу; ее заполнил негромкий звук щедро наливаемой жидкости.

— Не слишком ли много...— зашептал кто-то.

— Но что остается делать нашему вождю? — резко вопросил Картер.

Вождь, прямой как палка, склонил голову, вжимаясь лбом в древко, что держал перед собой стоймя,— строго вертикально.

— Его одолевает рвота — реакция, соответствующая рыданию у людей. Все, что имело для него какой-либо смысл, ныне утрачено. Он не в состоянии даже отомстить за себя Владеющему Семью Копьями — волшебное оружие делает того неуязвимым.

Патетическая интонация собственных комментариев захватила Картера, он почувствовал, как на последних словах у него перехватило горло.

— Уна, милочка, не найдется ли у вас таблетки от изжоги? — прошептала у него за спиной жена доктора.

— Он не может двинуться с места! — отчаянно завопил Картер.— Ему некуда больше идти. Владеющему Семью Копьями нет до него дела — он забавляется цветами. Ибо с течением времени, оставшись без движения, оставшись без еды и питья, вождь лишится сил и умрет — как умирали все враги Владеющего Семью Копьями. Вождь стоит, объятый скорбью, день, и второй, и третий, и к исходу третьего дня ему является план взыскуемого им отмщения. Да, он не может победить своего врага — но может навсегда опозорить его, так что Владеющий Семью Копьями, в свою очередь, окажется обречен на смерть.

— Он входит в дом...— Вождь снова пришел в движение.— Владеющий Семью Копьями видит, как он входит, но не обращает на него внимания, ибо вошедший внимания не заслуживает. И такой ход событий во благо нашему вождю, ибо в противном случае Владеющий Семью Копьями мог бы воззвать ко всей мощи волшебного оружия и убить вождя на месте. Но Владеющий Семью Копьями продолжает забавляться своими цветами и не обращает внимания.

Вооруженный единственным копьем,— продолжал Картер,— вождь входит в сердце собственного дома. В каждом доме есть сердце, важнейшее в нем место. Ибо если сердце разрушено, умирает и дом, и всё, что есть в доме. Подойдя к сердцу этого дома, а там оно находится перед очагом, вождь упирает копье древком в землю и держит его стоймя — в положении, означающем величайшую беду. И стоит так, преисполненный гордости. Мы можем представить себе Владеющего Семью Копьями — неожиданно осознающего, что он опозорен, пытающегося бешеным натиском помешать этому. Но и он, и все его семь Копий недостаточно стремительны. Вождь взвивается в воздух...

Картер осекся: вождь все еще стоял, упираясь лбом в древко копья.

— Он взвивается в воздух,— повторил Картер чуть громче.

И в этот момент туземец действительно взмыл в воздух, перебирая длинными ногами, взмыл удивительно высоко. С секунду он, казалось, парил над острием своего копья, продолжая сжимать его,— и тяжело огромной темной подбитой птицей рухнул на плиты патио. Тонкое древко, торчащее вертикально над его распростертой фигурой, дрожало и ходило ходуном.

Тишина взорвалась от множества криков, вся компания оказалась на ногах. Но туземец неспешно поднялся, степенно высвободил копье, зажатое между рукой и боком, куда оно незаметно для зрителей проскользнуло при падении, и, перехватив оружие другой рукой, величавой поступью удалился в полумрак перед домом.

За спиной Картера закипела болтовня. Над прочими голосами, как струя из засорившегося фонтана, выскакивал голос Лили:

— ...абсолютно! Сердцу стало нехорошо! Никогда в жизни я так не расстраивалась...

— Карт! — резко сказала Уна.

— Ну и что, Карт? — торжествующе произнесла прямо ему в ухо Тотса.— И какое отношение все это имеет к тому, что вы мне говорили?

Картер, вконец отчаявшийся переждать поток оглушительной болтовни, как ошпаренный вскочил с кресла:

— О Господи, да нельзя же быть такой дурой! — и сбежал, спрятался от всех них среди окутанных сумраком деревьев на другой стороне патио.

Спустя несколько минут голоса поутихли, возбуждение спало, а еще немного погодя послышались шаги женщины, во тьме пробирающейся к нему.

— Карт? — нерешительно позвал голос его жены.

— Чего тебе? — спросил Картер, не двигаясь с места.

— Ты не собираешься вернуться?

— Пока нет.

Наступила пауза.

— Карт?

— Чего тебе?

— Ты не думаешь...

— Нет, не думаю! — зарычал Картер.— Да пошла она к чертовой матери!

— Но нельзя же так: взять и обозвать дурой...

— Она и есть дура! Все они дураки, каждый из них! Я тоже дурак, но, надеюсь, не такой трижды проклятый идиот, как остальные!

— И все из-за какого-то танца глупого туземца! — Уна чуть не плакала.

— Глупого? — переспросил Картер.— У него по крайней мере есть что-то за душой. Свое дело, танец. Это больше, чем наберется у всех, кто там остался. И так уж сложилось, что танец для него очень важен. Подумать только, они могли бы об этом кое-что узнать — а они знай посиживают себе, отпуская свои дурацкие шуточки! — Маленький этот взрыв канул в ночи, не удостоившись ответа.

Потянулась долгая секунда.

— Карт, пожалуйста, вернись! — сказала Уна.

— У него хоть что-то есть,— сказал Картер.— Хоть что-то свое.

— Я просто не смогу смотреть им в глаза, если ты не вернешься.

— Ладно, черт подери,— сдался Картер.— Вернусь.

В мрачном настроении супруги вернулись в патио. С прикресельных столиков все было убрано, теперь они стояли кружком. Рэйми что-то пел, остальные вежливо слушали.

— О, Карт, подсаживайтесь-ка сюда! — сердечно пригласил доктор, стоило Картеру и Уне подойти, и указал на кресло, стоявшее между ним и Тотсой. Картер обреченно погрузился в него.

— Старинная морская баллада,— сказала Тотса.— Знаете, Карт, из тех самых.

— Вот как? — спросил Картер.— В самом деле?

Он откинулся в кресле, набрал заказ на горячительное и прислушался к песне. Рэйми старался, припев "Ходом отсюда, Джо!" отдавался эхом по всему патио; тем не менее Картеру не удалось убедить себя, что баллада ему по душе.

Рэйми допел песню и начал другую. Лили, уже пришедшая в себя, извинилась, что отлучается на минутку, и засеменила к дому.

— Вы и в самом деле подумываете об экскурсии на Землю...— начал было доктор, доверительно наклонившись Картеру, и был внезапно прерван режущим ухо воплем откуда-то из дома.

Рэйми оборвал песню. Вопли продолжались; все вы-

простались из кресел и толпой повалили к дому. Их глазам представилась Лили — в двух шагах от темного входа в вестибюль,— низенькая, толстая, остолбеневшая, с запрокинутой головой, испускавшая вопль за воплем. Почти у ее ног лежал вождь, из его тела торчало тонкое древко копья. Но на этот раз — действительно пронзив его.

Доктор уводил продолжавшую вопить Лили; оставшиеся сгрудились, завороженные ужасом, у трупа туземца. Голова того скатилась набок, и Картеру был виден только один мертвый глаз — уставившийся вверх, казалось, на него, и только на него, светившийся коварством и диким триумфом.

— Ужасно! — выдохнула Тотса, почти не шевеля губами.— Ужасно!

А Картер не сводил взгляда с мертвого глаза. "Возможно,— мелькнуло у него,— странное это подозрение зародилось у меня в сознании просто потому, что события этого дня слишком обострили восприятия. Возможно, но не обязательно".

Бесшумно, не привлекая ненужного внимания, он проскользнул мимо, в полумрак вестибюля. Неторопливо пошел вдоль стены и, добравшись до окон, вгляделся в патио.

Множество чернильного цвета туземцев поднималось из зелени огорода, возникало из фруктового сада и приближалось к дому. В руке каждого чуть поблескивало длинное тонкое копье с обожженным для крепости острием. Картера будто ударило: они же, наверно, занимали позиции вокруг дома, пока внимание людей было целиком поглощено танцем их вождя.

Мысль его заработала со скоростью, удивившей его самого. Картер тихо отошел от окна и повернулся. Позади него был Транспортер, в полумраке казавшийся огромным. Так же бесшумно, как туземцы за окном, он прокрался к нему и взошел на платформу. Транспортер сможет за секунду переместить его куда угодно, в любое место цивилизованной части Галактики. Скажем, в Особый кабинет Главного полицейского управления на самой Земле. Возвратиться с вооруженными людьми можно так же мгновенно. Так-то лучше, понял Картер — никогда в жизни сознание его не работало с такой ясностью,— куда как лучше, чем тревожить дорогих гостей, которые непременно ударятся в панику, тут их всех и перережут.

Абсолютно спокойный, Картер установил в темноте

координаты: Главное полицейское управление. Нажал кнопку "Отправление".

И ничего не произошло.

Он вгляделся в почти неразличимую во мраке машину. Его внимание привлекло чуть более темное пятно на тонкой лакированной панели, декорировавшей переднюю стенку Транспортера под общий стиль помещения. Он нагнулся, чтобы посмотреть, что там.

Пробоина. Похоже, ритуальный выпад копьем: обожженное для крепости острие, очевидно, прошло сквозь панель в важнейшие части Транспортера. Совершенный механизм машины был пробит, поломлен, пронзен

Ларри Нивен
НЕЗАДОЛГО ДО КОНЦА

Была когда-то битва между человеком, вооруженным мечом, и волшебником.

В те времена такие битвы случались часто. Не любят они друг друга, люди, вооруженные мечами, и волшебники, совсем как коты и птицы или крысы и люди, мечами не вооруженные. Обычно человек с мечом бывал побежден, и средний интеллект человечества чуть возрастал. Иногда побеждал человек с мечом, и опять все поворачивалось к лучшему, ибо волшебник, который не может убить какого-то несчастного человека с мечом, недостоин зваться волшебником.

Но эта битва была не такой, как другие. С одной стороны, сам меч был волшебный. С другой — волшебник знал великую и ужасную тайну. Назовем нашего волшебника Магом, ибо его имя забыто, да и прежде никто не мог его выговорить. Родители Мага знали, что делают. Тот, кто знает твое имя, имеет над тобой власть, но, чтобы употребить ее, он должен произнести это имя. Нет имени — нет и власти.

Ужасную тайну Маг узнал не сразу. К тому времени он немало попутешествовал — вовсе не по своей воле. Просто он был могущественным волшебником, пользовался своим могуществом и ему были нужны друзья.

Он знал, как волшебством заставить людей полюбить себя, и даже пробовал так делать, но ему не нравился побочный эффект. Поэтому Маг обычно использовал свое великое могущество, чтобы помогать окружающим, и они любили его без принуждения.

Затем он обнаружил, что, если оставаться на одном месте лет десять-пятнадцать, пользуясь волшебством в свое удовольствие, сила уменьшается. Как только он уходил — она возвращалась. Дважды ему приходилось уходить, дважды он селился на новом месте, знакомился с новыми обычаями и обретал новых друзей. Теперь он приготовился уйти в третий раз, но что-то заставило его задуматься.

Почему сила оставляет волшебника? Это казалось ему несправедливым. Впрочем, такое случалось и с народами. В разные времена самые богатые волшебством земли опустошали варвары, вооруженные мечами и дубинами. Это была печальная истина, и думать о таких вещах неприятно, но любопытство Мага пересилило.

Любопытство заставило его остаться и провести кое-какие опыты.

Он использовал совсем простенькое кинетическое волшебство, вращавшее в воздухе металлический диск, но после этого эксперимента узнал то, чего уже никогда не мог забыть.

И он ушел. В последующие десятилетия он много раз переходил с одного места на другое. Со временем менялась его сущность, если не тело, и его волшебство стало более надежным, хотя и не таким эффектным. Он знал великую и ужасную истину, и если держал ее в тайне, то лишь потому, что не был жесток. Эта истина никому не могла принести никакой пользы, а узнай ее люди, это означало бы конец цивилизации.

Так он думал, но лет через пятьдесят (а было это где-то в 12000 году до нашей эры) ему пришло в голову, что всякая истина где-нибудь когда-нибудь приносит пользу. И он сделал другой диск и произнес над ним заклинание — так, чтобы диск был готов, если понадобится, как номер телефона, все цифры которого набраны, кроме последней.

У меча было имя — Глирендри. Ему было уже несколько сотен лет, и он был знаменит.

Что до человека, который был вооружен мечом, его имя тоже не секрет. Человека звали Белхап Сатлстон Вирлдес аг Миграклот ру Кононсан. Друзья, которых он имел скверное обыкновение часто менять, называли его Хап. Конечно, он был варваром. Цивилизованному человеку и в голову бы не пришло прикоснуться к Глирендри. К тому же ни один цивилизованный человек не был бы столь безнравственным, чтобы заколоть спящую

женщину. А именно так Хап приобрел свой меч. Или меч приобрел Хапа.

Маг почувствовал его задолго до того как увидел. Он творил в пещере, которую создал специально для подобных целей у подножия холма, когда волосы на затылке у него вдруг встали дыбом.

— К нам кто-то идет,— сообщил он.

— Я не слышу ничего,— сказала Шарла, но в голосе ее мелькнуло беспокойство. Шарла — девушка из деревни, пришла к Магу и жила с ним. В тот день она наконец уговорила Мага научить ее некоторым из простейших заклинаний.

— Ты разве не чувствуешь, как поднимаются у тебя на затылке волосы? Я придумал такой сигнал тревоги. Давай-ка проверим.

Он проверил с помощью подвешенного в воздухе серебряного обруча.

— Надвигается что-то неприятное. Шарла, тебе следует уйти отсюда.

— Но...— Шарла протестующим жестом указала на стол, за которым они работали.

— Ничего, это заклинание вполне можно бросить на середине. Оно неопасно.

Брошенным заклинанием был заговор против любовного колдовства, довольно трудоемкий, но послушный и эффективный. Маг ткнул пальцем в яркий луч света, проходящий через обруч.

— Вот это опасно. Сгусток энергии огромной силы поднимается вверх по западному склону холма. Так что уходи по восточному.

— Я могу помочь, ты же немного научил меня волшебству.

Волшебник рассмеялся — немного нервно.

— Помочь? Против этого? Это же Глирендри! Посмотри, какого цвета луч. Нет, уходи отсюда, и сейчас же. С востока холм свободен.

— Пойдем вместе!

— Не могу. Глирендри на свободе и уже поймал какого-то идиота. У меня тоже есть кое-какие обязательства.

В конце концов они пришли из пещеры в дом, где жили. Шарла, все еще протестуя, надела платье и стала спускаться с холма, а Маг торопливо набрал целую охапку всякой волшебной всячины и отправился обратно. Незваный гость уже прошел полпути к вершине холма: большое существо, имеющее человеческий облик, несло

что-то длинное и блестящее. Ему еще оставалось полчаса подниматься по холму. Маг поставил серебряный обруч и посмотрел сквозь него.

Меч представлял собой яркий, как пламя, сгусток энергии — луч белого света, на который больно было смотреть. Да, это Глирендри. Маг знал и другие, столь же мощные сгустки энергии, но их нельзя было переносить, и ни один из них не предстал бы невооруженному глазу в виде меча.

Он должен был бы попросить Шарлу дать знать о появлении Глирендри Братьям — для этого она достаточно обучена волшебству. Но Шарла уже ушла.

Луч света не был окружен зеленым ободком. Отсутствие зеленого ободка означало отсутствие защитного колдовства. Человек, вооруженный мечом, даже не пытался защитить себя от собственной магии. Безусловно, непрошеный гость ничего не смыслил в волшебстве и не был достаточно благоразумен, чтобы воспользоваться помощью волшебника. Он что, вообще ничего не знал о Глирендри?

Впрочем, это Магу и не помогло бы. Тот, кто носит Глирендри, неуязвим ни для какой силы, кроме самого Глирендри. Так по крайней мере говорили.

— Проверим, проверим,— сказал Маг сам себе. Он порылся в куче инструментов, выудил что-то деревянное, по форме напоминающее дудочку, сдул с нее пыль и в задумчивости взвесил на ладони.

Заговор на преданность был прост и безопасен, но имел прескверный побочный эффект — он ослаблял разум жертвы.

— Ничего не поделаешь,— напомнил себе Маг и подул в дудочку. Человек, вооруженный мечом, не остановился. Глирендри даже не вспыхнул — так легко он поглотил заклинание.

Через несколько минут человек с мечом будет здесь. Маг торопливо произнес нехитрый заговор-предсказание. По крайней мере можно узнать, кто победит в надвигающейся битве.

Он не увидел ничего. Пейзаж даже не дрогнул.

— Ну и ну,— пробормотал Маг.— Ну и ну.

Среди своих колдовских инструментов он отыскал металлический диск. Еще через мгновение нашел очень острый нож с двумя лезвиями, покрытыми надписями на неизвестном языке.

На самой вершине холма, где жил Маг, бил родник, и ручеек из этого родника протекал мимо пеще-

ры. Человек стоял, опираясь на свой меч, отделенный от волшебника только этим ручьем. Он тяжело дышал, потому что вскарабкаться на такой крутой холм непросто.

Он был зол и весь покрыт шрамами. Магу показалось странным, что такой молодой человек успел получить так много ран. Еще удивительнее, что ни одна из них не причиняла ему особых неудобств. Человек с мечом был в прекрасной физической форме. И вообще он выглядел прекрасно; разве что, по мнению Мага, его синие выпуклые глаза были посажены на полдюйма ближе, чем следовало бы.

— Я — Хап! — прокричал он через ручей.— Где она?

— Ты, конечно, говоришь о Шарле? И какое тебе до этого дело?

— Я пришел освободить ее из позорного плена, старик. Слишком долго ты...

— Ну-ну, полегче! Шарла — моя жена.

— Слишком долго ты тешил свою гнусную похоть! Слишком...

— Она живет здесь совершенно добровольно, ты, ничтожество.

— Думаешь, я этому поверю? Разве такая красавица может любить старого, дряхлого колдуна?

— Я что, выгляжу дряхлым?

Маг не был похож на старика. Он выглядел ровесником Хапа — лет двадцати, не больше,— и его тело и мускулы были не хуже, чем у Хапа. Выходя из пещеры, Маг не стал одеваться. Там, где у Хапа были шрамы, у него на спине поблескивала красно-зеленая с золотом татуировка-пентаграмма из причудливых завитков, чрезмерная величина которых оказывала почти гипнотическое действие.

— Всей деревне известно, что ты стар,— заявил Хап.— Тебе двести лет, если не больше.

— Хап,— Маг вдруг развеселился.— Белхап-ру-Кононсан-не-Знаю-уж-как-там-Еще. Теперь я вспомнил. Шарла говорила мне, что к ней приставал какой-то невежа, когда она спускалась в деревню. Надо было мне тогда что-нибудь сделать.

— Ты лжешь, старик. Ты ее заколдовал. Все знают, как сильно колдовство на верность!

— Я этим не пользуюсь. Мне не нравится побочное действие. Кто захочет, чтобы его окружали любящие идиоты? — Маг указал на Глирендри.— Знаешь ли ты, что носишь с собой?

Хап зловеще кивнул.

— Тогда ты должен кое-что понять. Может быть, еще не поздно. Попробуй переложить его в левую руку.

— Пробовал, но... не могу.— Хап нервно взмахнул тяжеленным мечом.— Даже сплю с этой проклятой штукой в руке.

— Ну, значит, уже поздно.

— Ничего, зато теперь я могу убить тебя. Слишком долго ты подвергал невинную женщину своим распутным...

— Знаю, знаю.— Маг вдруг заговорил на другом языке, быстро и певуче. Так он говорил почти минуту, потом снова перешел на ринальдийский: — У тебя что-нибудь болит?

— Еще чего,— отрезал Хап. Он стоял как изваяние, держа свой замечательный меч наготове, и свирепо глядел на Мага.

— А путешествовать не тянет? Приступов раскаяния нет? Жар не мучает?

Но Хап усмехался, и совсем не по-доброму.

— Я так и думал, что нет. Но проверить стоило.

На мгновение вспыхнул ослепительный свет.

Достигнув холма, метеорит уменьшился до размеров бейсбольного мяча — его полет должен был закончиться на макушке Хапа. А взорвался он на миллисекунду раньше, чем следовало. Когда свет погас, Хап стоял в кольце крошечных воронок.

Квадратная челюсть человека с мечом опустилась и захлопнулась снова. Он сделал шаг вперед, и меч слабо загудел.

Маг отвернулся.

Хап поджал губы — видимо, он решил, что волшебник струсил. Но тут от спины Мага отделилась тень.

В какой-нибудь лунной пещере, когда прямо в нее светит солнце, тень человека на стене могла бы быть такой отчетливой и черной. Тень спрыгнула на землю и встала — похожая на человека, скорее даже не тень, а окно в черноту погибшей Вселенной, за которой нет ничего. Потом тень прыгнула.

Глирендри, казалось, шевельнулся сам по себе. Он разрубил демона один раз вдоль и один раз поперек, а демон будто бился о невидимый щит, пытаясь, даже умирая, добраться до Хапа.

— Неплохо,— засмеялся Хап,— пентаграмма у тебя на спине, демон, заключенный внутри...

— Да, неплохо,— не стал спорить Маг.— Но не получилось. Против тех, кто носит Глирендри, это иногда помогает, но не слишком. Я еще раз тебя спрашиваю: тебе известно, что ты носишь с собой?

— Самый могущественный меч из когда-либо выкованных!

Хап высоко поднял свое оружие. Его правая рука была гораздо мускулистее левой и на несколько дюймов длинней — Глирендри недурно над ней поработал.

— Этот меч делает меня равным любому колдуну и колдунье и без помощи демонов. Чтобы его достать, мне пришлось убить женщину, которая меня любила, но я с радостью заплатил такую цену. Когда ты получишь все, чего заслуживаешь, Шарла придет ко мне...

— ...И плюнет тебе в лицо. Ты выслушаешь меня или нет? Глирендри — это демон. Если бы у тебя была хоть капля разума, ты бы отрезал себе руку по локоть.

Хап побледнел.

— Ты хочешь сказать, что в металле заключен демон?

— Пойми ты наконец! Металла нет, это демон, скованный демон. Демон, питающийся человеком. Он выпьет тебя, и ровно через год, если не отрезать его, ты умрешь. Великий волшебник Севера заключил его в эту форму и дал одному из своих внебрачных детей — Джири-непомню-откуда. Джири успел захватить половину континента, пока не умер на поле битвы от старости. Затем Глирендри был отдан Ведьме-Радуге за год до моего рождения. Почему именно ей? Да потому что не было еще женщины, которая бы меньше, чем она, интересовалась бы людьми. Особенно мужчинами.

Наверное, это из-за Глирендри. Он, надо думать, неплохо ее удовлетворял. Ей бы следовало от этого защититься.

— Год,— сказал Хап.— Целый год.

Меч беспокойно зашевелился в руке Хапа.

— Это будет славный год,— добавил Хап и пошел вперед.

Маг достал медный диск.

— Четыре,— шепнул он последнюю цифру заклинания, и диск завертелся в воздухе. К тому времени, когда Хап перепрыгнул через ручей, оружие Мага уже расплылось нечетким пятном. Маг встал так, чтобы диск был между ним и Хапом, а Хап боялся до него дотрагиваться, потому что диск перерезал бы что угодно. Хап попытался его обойти, но Маг метнулся на другую сто-

рону и выхватил нож, на котором было много чего написано.

— Что бы это ни было, оно не может причинить мне вреда,— захохотал Хап.— Никакое волшебство не властно надо мной, пока я ношу Глирендри.

— Да, верно,— сказал Маг.— Диск потеряет силу ровно через минуту. А пока я поделюсь с тобой секретом, который никогда не открыл бы другу.

Хап поднял Глирендри над головой и двумя руками резко опустил его на диск, но меч, дрожа, остановился у самого его края.

— Он тебя защищает,— сказал Маг.— Если бы Глирендри сейчас ударил по диску, отдача отбросила бы тебя до самой деревни. Ты что, оглох?

Хап услышал едва уловимый гул, с которым диск вращался в воздухе, и звук этот становился все пронзительнее и тоньше.

— Кажется, ты хочешь меня отвлечь,— протянул Хап.

— Верно. Ну и что? Тебе от этого хуже?

— Нет. Но ты сказал, что знаешь какой-то секрет.

Хап поднял меч и оперся на край диска. Диск краснел, будто кто-то нагревал его на невидимом огне.

— Я долго собирался кому-нибудь рассказать. Долго, целых двести пятьдесят лет. Даже Шарла не знает.

Маг усмехнулся, готовый бежать, если человек с мечом бросится на него.

— В то время я лишь начинал учиться волшебству. Я мало что умел по сравнению с тем, что умею сейчас, но волшебство было эффектное: замки, плывущие по воздуху, драконы с золотой чешуей, армии, обращенные в камень или испепеленные молниями, ну и прочее в том же духе. Подобные чудеса, знаешь ли, требуют большой силы.

— Я слышал о таких вещах.

— Я делал это все время — для себя, для друзей, для первого попавшегося короля или просто для человека, которого любил. И однажды обнаружил, что, пожив какое-то время на одном месте, теряю силу. Приходилось перебираться на другое место, чтобы она вернулась.

Медный диск раскалился и теперь был ярко-оранжевым. Он давно должен был разорваться на куски или растаять.

— Есть мертвые места, куда волшебник не смеет ступать. Места, где волшебство не действует. Обычно это деревни, поля или пастбища; ты можешь найти старые города, замки, построенные, чтобы летать, но заброшен-

ные и вросшие в землю. Вокруг них — старые кости издохших драконов. В мертвых местах не живет никакое колдовство. И тогда я стал задумываться...

Хап попятился от раскаленного диска. Теперь тот был совершенно белым и походил на солнце, спустившееся на землю. Его ослепительное сияние мешало Хапу видеть Мага.

— ...И я сделал диск — такой, как этот, и заставил его вращаться. Совсем простое кинетическое волшебство, но зато с постоянным ускорением и без предела. Ты знаешь, что такое манна?

— Что это у тебя с голосом?

— Манной мы называем силу, выходящую за пределы волшебства.

Голос Мага стал слабым и тонким.

Ужасное подозрение овладело Хапом: Маг ускользнул, оставив свой голос! Хап заслонился рукой от жара и осторожно обогнул диск.

По другую сторону сидел старик. Его обезображенные ревматизмом пальцы с опухшими суставами слабо сжимали нож с руническими письменами.

— И я выяснил... а, вот ты где. Да, сейчас уже поздно.

Хап поднял свой меч, но меча больше не было.

Был большой красный демон с рогами и копытами. Зубами он впился в правую руку Хапа. Как истинный демон, он помедлил несколько мгновений, за которые Хап осознал, что случилось, и попытался стряхнуть его. Потом демон укусил, и у Хапа не стало кисти.

Демон потянулся вверх — совсем не торопясь, но остолбеневший Хап не шевелился. Он почувствовал, как когти сошлись у него на горле, но почувствовал и то, как из когтистых лап уходит сила, увидел смятение и ужас на лице демона.

Диск взорвался — весь сразу. Он превратился в облачко металлической пыли, рассеялся, как хвост кометы. Вспышка света была похожа на молнию. Раздался гром, запахло испарившейся медью.

Демон начал таять, как тает, растворяясь в воздухе, хамелеон. Он медленно сполз на землю, стал совсем прозрачен и исчез. У ног Хапа осталась только грязь, а позади — полоса сгоревшей земли.

Родник иссяк. Каменистое дно ручья высыхало на глазах. Пещера Мага обрушилась. Мебель в его доме полетела, крутясь, в открывшуюся яму, а сам дом пропал бесследно.

Хап зажал грязную рану на запястье:

— Что это?!

— Манна,— прошамкал Маг выплюнув три десятка почерневших зубов.— Это манна. Я обнаружил, что запас волшебной силы дается природой, как земле дается плодородие. Когда ты его расходуешь, он не пополняется.

— Но...

— Ты понимаешь, почему я держал это в секрете? Когда-нибудь во всем огромном мире манна будет растрачена до конца. Не будет больше манны — не будет и волшебства. Видишь ли, Атлантида давно тектонически неустойчива и не утонула до сих пор только потому, что Короли-волшебники возобновляют колдовство из поколения в поколение, чтобы удержать соскальзывающий в море континент. А что будет, когда колдовство перестанет действовать? Они вряд ли успеют спасти целый континент, так что пусть уж лучше ничего не знают.

— Но этот диск...

Маг усмехнулся беззубым ртом и провел руками по своим совершенно седым волосам. Все волосы остались у него в пальцах, а голова стала лысой и пятнистой.

— Старость похожа на опьянение... Диск? Я же сказал тебе. Кинетическое волшебство, не имеющее верхнего предела. Диск вращается все быстрее, пока вся манна в округе не будет израсходована.

Хап сделал шаг вперед. Демон отнял у него почти все силы, и нога опустилась с трудом, словно мышцы уже не пружинили.

— Ты хотел убить меня.

Маг кивнул.

— Я подумал: если диск не взорвется и не убьет тебя, когда ты попытаешься обойти его, тебя задушит Глирендри. На что ты жалуешься? Это стоило тебе, дураку, руки, но зато ты свободен от демона.

Хап шагнул еще, потом еще. Рука начинала болеть, и боль придавала ему силы.

— Старик! — сказал он хрипло.— Мерзкий двухсотлетний старик! Я могу свернуть тебе шею той рукой, которую ты мне оставил! И сверну.

Маг поднял нож с письменами.

— Не поможет. Нет больше волшебства.

Хап отшвырнул руку Мага, ухватил его за тощую шею.

Рука Мага легко двинулась в сторону, вернулась назад и поднялась. Хап схватился за живот и отступил, изумленно открыв глаза и рот. Он тяжело сел.

— Нож — надежная штука,— заметил Маг.

— А-а-а! — сказал Хап.

— Я сам работал с металлом обычными кузнечными инструментами, чтобы нож не рассыпался, когда кончится волшебство. Руны не волшебные. Там лишь написано...

— Ох,— сказал Хап.— Ох.

Он скорчился и упал набок.

Маг опустился на спину. Потом поднял нож к глазам и прочел надписи на языке, который помнили только Братья:

— *И это пройдет.*

Истина была очень стара, даже в те времена. Он уронил руку и лежал, глядя в небо. Вскоре кто-то закрыл ему небо.

— Я же велел тебе убраться отсюда...— прошептал он.

— И ты думал, я тебя послушаюсь?! Что с тобой?

— Нет больше волшебства. Я знал, что придется это сделать, когда вместо предсказания увидел пустоту.— Маг прерывисто вздохнул.— Но хоть не зря. Я убил Глирендри.

— Героя изображаешь, в твоем-то возрасте! Что я могу для тебя сделать? Чем помочь?

— Помоги мне сойти с холма, пока мое сердце не остановилось. Я никогда не говорил тебе, сколько мне на самом деле лет?..

— Я знала. Вся деревня знала.— Она помогла ему сесть и уложила одну его руку вокруг своей шеи. Рука была как мертвая. Шарла задрожала, но обхватила его и попыталась поднять.

— Ну давай, любимый, мы сейчас встанем...

Она взяла на себя почти всю его тяжесть, и они встали.

— Иди помедленнее,— просипел он.— Я чувствую, как сжимается мое сердце.

— А далеко еще идти?

— Мне кажется, только до подножия холма. Тогда волшебство опять начнет действовать и мы сможем отдохнуть.

Маг споткнулся.

— Я слепну...

— Тропинка ровная и всё под гору.

— Поэтому я и выбрал это место. Я знал, что когда-нибудь придется воспользоваться диском. Знание не отбросишь. Рано или поздно ты им все равно воспользуешься. Потому что оно есть.

— Что? Ты так изменился. Ты такой... такой уродливый. И от тебя так плохо пахнет...

Жила забилась у него на шее, как крылья колибри.

— Может, я тебе не понадоблюсь после того, как ты видела меня таким?

— Ты ведь можешь принять прежний вид, правда?

— Конечно. Я могу принять любой вид, какой ты пожелаешь. Какого цвета ты хочешь глаза?

— Я тоже буду такой когда-нибудь,— сказала она. В ее голосе был холодный ужас — и этот голос он слышал все хуже и хуже.

— Я научу тебя нужному волшебству, когда ты будешь готова. Оно опасно.

Она помолчала и вдруг спросила:

— Какого цвета были глаза? Ну, знаешь, у этого Белхапа Сатлстона или как его там?

— Забудь о нем,— сказал Маг с легкой обидой.

И вдруг зрение вернулось к нему. Но не навсегда, подумал Маг, когда они, спотыкаясь, шли, освещенные внезапным солнечным светом.

— Когда манна закончится, я исчезну, как пламя задутой свечи, а за мной — вся цивилизация Атлантиды. Не будет больше волшебства, и не будет больше основанного на нем умения. Тогда весь мир погрузится в варварство, пока люди не научатся новому способу покорять природу, и люди с мечами, проклятые глупые люди с мечами, в конце концов победят.

Харлан Эллисон

КРОШКА МЕГГИ ДЕНЕЖНЫЕ ГЛАЗКИ

Крупье сдал Костнеру восьмерку, себе — четверку; Костнер прикупил даму и решил — пусть контора поработает; "встал". Банкомет начал сдавать себе*. Шестерка.

Крупье словно выволокли из фильма Джорджа Рафта года этак тридцать пятого: глаза-ледышки с алмазным блеском, наманикюренные пальцы, длинные, как у нейрохирурга; прилизанные черные волосы, открывающие бледный лоб. Сдает не глядя. Шлеп, шлеп — две тройки. Шлеп — пятерка. Двадцать одно. Обрезом колоды смахнул последние тридцать долларов Костнера — шесть пятидолларовых бумажек — в ящик для банкнот. Готов, простофиля. Полное крушение в Лас-Вегасе, штат Невада. В Игралище Западного Мира.

Костнер сполз с удобного высокого кресла, отвернулся от стола для блекджека. Действо уже возобновилось. Будто волны сомкнулись над утопленником: был, нет — никто и не заметил. Никто не видел, как порвалась последняя спасительная ниточка. Костнеру осталось выбирать: то ли, попрошайничая, добраться до Лос-Анджелеса и там попробовать начать нечто вроде новой жизни... то ли выпустить себе мозги через дырку в затылке.

*Речь идет об игре в блекджек, похожей на "двадцать одно"; в отличие от последнего, при равенстве очков выигрывает игрок, а не банкомет, и по очкам "картинки" дороже "фосок" В игорном доме банкометом всегда является крупье.

Не самые радужные перспективы.

Он засунул руки поглубже в карманы заношенных грязных брюк и пошел потихоньку вдоль ряда игральных автоматов, лязгающих и дребезжащих по другую сторону прохода между игральными столами.

Остановился — в кармане что-то нащупывалось. Рядом с ним — и не замечая его — дамочка за пятьдесят в матроске, пронзительно-лиловой юбке, на высоченных каблуках орудовала сразу на двух автоматах — пока сработает один, правой рукой опускала монеты в другой и дергала рукоятку. В левой находился, по-видимому, неисчерпаемый источник четвертаков* — кепи объемом с котелок. Сюрреалистическое было зрелище: действовала она с маниакальной методичностью, без малейшего выражения на лице, с устремленными в одну точку немигающими глазами. Отвела взгляд, только когда зазвучал гонг: кому-то дальше по ряду достался выигрыш. В это мгновение Костнер понял, сколько злобы, губительности, беспощадности таят Лас-Вегас, легализованный азарт, заманивание среднего человека наживкой во взведенных капканах: в момент истины, когда женщина услышала — другой уловленной душе, дальше в ряду, достался ничтожный выигрыш, ее посеревшее лицо отразило ненависть, враждебность, вожделение и безраздельную преданность игре. Выигрыша-то хватит разве на то, чтобы игроку успокоить себя какими-нибудь словами, вроде "*везет*" или там "*поймал игру*". Выигрыш — не более чем приманка, поблескивающая, цветастая, дразнящая блесна для голодной стаи рыб.

"Что-то" в кармане Костнера оказалось серебряным долларом.

Он подкинул его на ладони, пригляделся.

Вид у орла был какой-то истеричный.

Костнера будто дернуло, он встал как вкопанный в полушаге от выхода из обираловки. Что-то у него еще оставалось, на языке игроков "край", нужная масть. Доллар. Один кругляш. И карман, откуда он был извлечен, куда как мелок против преисподней, в которую Костнер только что готов был низвергнуться.

Была не была, подумал он и вернулся в ряд автоматов.

Он-то думал, они давно вышли в тираж, автоматы под серебряные доллары — монетный двор Соединенных

*Четвертак — двадцатипятицентовая монета; упоминаемые далее никель и дайм — монеты в пять и десять центов.

Штатов сократил выпуск. А тут вот она, бок о бок с рассчитанными на никели и четвертаки бандитами*, машинка под кругляши. Главный выигрыш — две тысячи. Костнер глупо ухмыльнулся: собрался уходить — уйди чемпионом.

Он бросил серебряный доллар в приемную прорезь, схватил массивную, хорошо смазанную рукоятку. Сверкающее алюминиевое литье, рифленая сталь. Крупный шар из черной пластмассы, слегка ограненный, чтобы удобней держать. Целый день дергай — не устанешь.

Во всей вселенной некому было помолиться за Костнера, когда он дернул рукоятку.

*Она родилась в Таксоне, мать — чистокровная чероки**, отец проезжий. Мать вкалывала на стоянке грузовиков, отцу жуть как не хватало домашнего очага и прочего. Мать только-только вылезла из очередной передряги, непонятно с чего возникшей, да так и не дошедшей до кульминации. Матери жуть как не хватало постели и прочего. Девять месяцев спустя появилась на свет Маргарет Энни Джесси — черные волосы, белая кожа и наследственная бедность. Двадцать три года спустя Маргарет Энни Джесси, дитя и адепт каталогов дорогих магазинов, девушка-мечта, взращенная модными журналами и не понаслышке знакомая с мышиной возней, избрала древнейшую профессию.*

Мегги.

*Длинные ноги, стройные, пританцовывающие; бедра капельку широковаты, ровно настолько, чтобы наводить мужчин на вполне определенные мысли — как бы их приобнять; плоский, идеальной формы живот; осиная талия, с которой любой наряд хорош — что платье "ретро" с узким лифом и расклешенной юбкой, что балахоны "диско"; груди нет — сплошные соски, а не груди, как у дорогой шлюхи (именно так заклеймил данную анатомическую особенность О'Хара***), и никаких накладок ("да забудь ты об этих буферах, детка, не самое это главное"), точеная, микеланджеловской лепки, шея, да еще и лицо...*

---

*Бандит (однорукий) — распространенное в США с 20-х годов прозвище игральных автоматов, работающих от разменной монеты.

**Индейское племя.

***Американский писатель (1905–1970).

Упрямо вздернутый подбородок, может, чуть слишком воинственный, да и как другому быть, когда приставал чуть не палкой отгоняешь; капризно надутая нижняя губка, своенравная, если присмотреться, и все же будто медом сочащаяся, вспыльчивая, на все готовая; нос, правильную форму которого подчеркивают тени, с выпуклыми ноздрями — здесь подходят слова "орлиный", "римский", "классический" и все такое; выступающие скулы, бросающиеся в глаза, как бросается в глаза мыс после десятилетнего плавания в открытом океане; скулы, скругленные туго натянутыми мышцами, а под ними навсегда залегла тьма — узкими тенями, полосками сажи, изумительные скулы — да что там, все лицо изумительное; бесхитростные, вразлет к вискам глаза — это от чероки,— посмотришь в них, а они так на тебя глянут, будто ты в замочную скважину подсматривал, а оттуда — чей-то встречный взгляд; про такие говорят — бесстыжие глаза, бери — не хочу.

Волосы, теперь уже светлые да густые такие, развевающиеся и вздымающиеся волной, гладкие и плавно льющиеся, в том старом стиле "под пажа", что всегда восхищает мужчин, и ни тебе причесок вроде тесных шапочек из блестящего пластика, ни тебе осточертевших вымученных башен претенциозных парикмахерских творений, ни словно утюгом проглаженной висячей дискотечной лапши. Точно такие волосы, в какие хочет погрузить руки мужчина, чтобы обнять за шею и притянуть к себе близко-близко. И точно такое лицо.

Женщина что надо, и всегда в рабочем состоянии, не женщина, а быстродействующее устройство для имитации зова и уступчивости.

Двадцать три, и чертовская решимость никогда не прозябать в скудной юдоли, что ее мать неизменно называла чистилищем, пока не отправилась на тот свет от белой горячки где-то в Аризоне и, слава Богу, не будет больше канючить денежки у малютки Мегги, чтобы засаживать рюмку за рюмкой в безымянной лос-анджелесской уличной забегаловке. (Где-то там, куда отправилась Мамуля, куда отправляются все праведные жертвы белой горячки, должны к ней отнестись снисходительно. Подумай, иначе быть не может.)

Мегги.

Генетический каприз. Разрез глаз от Мамули-чероки, а голубизна, цвет невинности,— от Папочки, безымянного быстроглазого поляка.

Голубоглазая Мегги, крашеная блондинка, мордашка — закачаешься и ножки — оторви да брось, пятьдесят баксов за ночь, и бери — не хочу, похоже, большего ей не добиться.

Невинная Мегги — невинные голубые глаза ирландки, невинные стройные ноги француженки. Полячка. Чероки. Ирландка. Женщина Всех Времен и Народов, а цена — чтобы набрать восемьдесят баксов на жратву, раз в месяц вносить взнос за гипсовое надгробие, раз в два месяца — за "мустанг", да оплатить три консультации у специалиста в Беверли Хиллз по поводу той одышки, что случилась после ночи в Бугалу.

Мегги, Мегги, Мегги, крошка Мегги Денежные Глазки, что сбежала из Таксона, от трейлеров и ревматической лихорадки, чтобы окунуться в жизнь, в которой, как во взбесившемся калейдоскопе, мелькают когти и зубы и которая все же не лишена смысла. А если кто-то требовал завалиться на спину да рычать пантерой в пустыне, надо было это и делать, ничего, потому что ничего нет хуже вонючей бедности с чесоточной кожей и заношенным бельем, постыдной бедности, из которой так и прет безысходность, — ничего!

Мегги: шалава, давалка, хапуга, качалка — кинь бакс, и закачается, и в ритме слышится мег-ги, мегги, мег-ги.

Та, которая дает. За плату, которую дадут.

Мегги встретилась с Нунцио. Сицилийцем. Темные глаза, бумажник из кожи аллигатора, в нем потайные кармашки для кредитных карточек. Мот, игрок, транжира. Захотелось им в Вегас.

Мегги и сицилийцу. Голубым глазкам и потайным кармашкам. Но больше голубым глазкам.

В трех длинных стеклянных окошках закружились и расплылись барабаны, а Костнер знал — нет у него ни единого шанса. Главный выигрыш — две тысячи долларов. Кружатся, кружатся, жужжат. Три колокольчика или два колокольчика и полоска с надписью "выигрыш" дают восемнадцать баксов, три сливы или две и полоска — четырнадцать, три апельсина или два и полос...

Десять, пять, два бакса, если вишенки одна под другой. Хоть бы что-нибудь... пропадаю ведь... хоть бы что-нибудь...

Жужжание...

И кружится, и кружится...

Тут и случилось то, что не предусмотрено инструкцией к автомату.

Барабаны разогнались, щелкая, притормозили и с лязгом замерли в фиксированном положении.

На Костнера уставились три полоски. Но на них не было надписи "выигрыш". Это были три полоски, с которых глядели три голубых глаза. Очень голубых, очень нетерпеливых, очень ВЫИГРЫШНЫХ!

В лоток выдачи на дне автомата со звоном скатились двадцать серебряных долларов. В кабинке кассира казино замигала оранжевая лампочка, полка у окошка выплаты стала ярко-оранжевой. Где-то наверху зазвучал гонг.

Администратор секции игральных автоматов коротко кивнул служителю, тот, поджав губы, двинулся к болезненного вида человеку, который так и застыл, держась за рукоятку.

Символ выигрыша, двадцать серебряных долларов, остались нетронутыми в лотке выдачи. Остальное — одну тысячу девятьсот восемьдесят долларов — полагалось выплачивать кассиру казино. А Костнер, стоило на него взглянуть трем голубым глазам, будто остолбенел, он сам уставился на три этих голубых глаза, и никак не кончалось мгновение идиотской растерянности, когда обнажилась сама суть игрального автомата и никак не смолкал взбесившийся гонг.

По всему казино отеля посетители, прервав игру, высматривали, что произошло. У столов для рулетки игроки из Детройта и Кливленда, сплошь белые, отвели водянистые глаза от жужжащего шарика и с секунду вглядывались вдаль, на жалкого типа, застывшего перед игральным автоматом. Но с их мест было не разобрать, что выигрыш — два куска, и они вновь уставились слезящимися глазами сквозь клубы сигарного дыма на крохотный шарик.

Шустрые игроки в блекджек врубились моментально, развернулись на вращающихся креслах, заулыбались. По темпераменту они были ближе к игрокам на автоматах, но они-то знали: автоматы эти — просто уловка, чтобы занять чем-то жен, пока мужья вновь и вновь пробиваются к двадцати одному очку.

И отставной крупье, что не мог уже с прежней скоростью тасовать колоду за карточным столом и был отправлен милостивой администрацией казино маячить у входа, под Колесом Фортуны, даже он прервал свое ни-

кому не адресованное механическое бормотание ("Еще-один-счастливчик-на-Колесе-Фортуны!") и взглянул на Костнера, туда, откуда доносилось безумное лязганье гонга. А через мгновение, хоть желающих по-прежнему не было, он уже зазывал очередного несуществующего счастливчика.

Костнер слышал: откуда-то издалека звучит гонг. Это должно бы значить, что он, Костнер, выиграл две тысячи долларов, но такое невозможно. Он сверился с таблицей выигрышей на корпусе машины — три полоски с надписью "выигрыш" давали главный приз.

Две тысячи долларов.

Но на этих-то трех полосках не было надписи "выигрыш", были просто три серых полоски прямоугольной формы с тремя голубыми глазами строго в центре каждой из них.

С голубыми глазами?

Где-то замкнули контакт, и электричество, миллиарды вольт электричества, поразили Костнера. Волосы у него встали дыбом, из содранных кончиков пальцев сочилась кровь, глаза превратились в студень, и каждое мышечное волокно стало радиоактивным. Где-то, не здесь, в каком-то — не этом — месте, Костнера связали нерасторжимыми узами — с кем-то. С голубыми глазами?

Гонг больше не звучал у него в голове; неумолчный шум казино, шелест купюр, бормотанье игроков, выкрики крупье, объявляющих игры,— все ушло, он был объят тишиной.

И связан с кем-то другим — с кем-то, кто не здесь,— с голубыми глазами.

Это длилось мгновение, оно прошло, и снова Костнер оказался один. Будто разжалась сжимавшая его громадная рука; у него перехватило дыхание, он пошатнулся, но от автомата не отошел.

— С тобой все в порядке, приятель?

Кто-то поддержал его за плечо. Где-то наверху не смолкал гонг, а Костнер все не мог перевести дух после только что предпринятого путешествия. Он не без труда сфокусировал зрение и обнаружил, что стоит, уставившись на коренастого служителя, который дежурил, когда он, Костнер, играл в блекджек.

— Да... все отлично...— попытался улыбнуться он в ответ.

— Похоже, ты добрался до главного выигрыша, приятель,— в жесткой усмешке служителя не было ни капли

радости — просто сокращение мышц, вызванное условным рефлексом.

— Да... все отлично...— опять попытался улыбнуться в ответ Костнер.

Он все еще трясся, он был пропитан захватившим его электричеством.

— Дай-ка я проверю,— сказал механик, обошел Костнера и посмотрел на окошки автомата.— Что ж, три выигрышных полоски, все в порядке. Выигрыш твой.

Только теперь до Костнера дошло. Две тысячи долларов. Он перевел взгляд на автомат и увидел...

Все полоски были с надписью "выигрыш". Никаких голубых глаз, именно те слова, что означают деньги. Костнер как безумный озирался — с ума он сошел, что ли: *откуда-то, не из зала казино, до него доносился звенящий, как колокольчик, серебристый смех.*

Он выгреб двадцать серебряных долларов, смотритель бросил в Большой еще кругляш, сбив выигрышное сочетание полосок, и повел Костнера в глубь казино, по дороге тихо и весьма любезно с ним беседуя. У окошка кассы служитель кивнул человеку с усталым лицом, изучавшему громадный скоросшиватель с подшивкой таблиц кредитных ставок.

— Барни, главный на Большом, счетчик пять-ноль-ноль-один-пять,— он ухмыльнулся Костнеру, тот попытался улыбнуться в ответ — трудно, все еще не пришел в себя.

Кассир проверил по журналу выдач правильность подлежащей выплате суммы и перегнулся над полкой к Костнеру:

— Вам чеком или наличными, сэр?

Костнер почувствовал — вкус к жизни возвращается:

— А разве чек казино достаточно надежен?

Все трое рассмеялись шутке.

— Тогда чеком.

Чек был выписан; глухо застучала банковская машинка, печатая: "Две тысячи..."

— Двадцать серебряных долларов — подарок казино,— сказал кассир, подвигая чек к Костнеру.

Тот взял его, рассмотрел — все равно верилось с трудом. Две косых, снова на коне.

На обратном пути через зал коренастый служитель любезно поинтересовался: "Ну и что же вы собираетесь с ними делать?" Костнер на минуту задумался. В сущности, никаких планов у него не было. И вдруг неожиданно осознал: "Собираюсь снова сыграть на том автомате". Служитель улыбнулся: вот уж лох прирожденный.

Сначала скормит Большому двадцать этих серебряных долларов, а там пустится во все тяжкие — блекджек, рулетка, фаро, баккара... и за пару часов вернет два куска заведению. Иначе не бывало.

Проводил Костнера до того же автомата, постучал по плечу: "Удачи без счета, приятель!"

Стоило ему повернуться, Костнер бросил в автомат серебряный доллар и дернул рукоятку.

Служитель не отошел и на пять шагов, а он уже слышал непередаваемый звон останавливающихся барабанов, лязганье символического выигрыша, двадцати серебряных долларов, и этот проклятый гонг, уплывающий из сознания.

Она знала, что этот сукин сын Нунцио — извращенная свинья, разврат ходячий, куча дерьма с ног до головы, урод какой-то в нейлоновом исподнем. Немного было игр, в которые Мегги не доводилось играть, но то, на что закидывался этот сицилийский де Сад, было отъявленной мерзостью.

Она чуть в обморок не свалилась, когда он такое предложил. Ее сердце — а специалист из Беверли Хиллз настоятельно советовал его не перенапрягать — безумно забилось. "Свинья ты! — завопила она.— Развратная, поганая, уродливая свинья, и всё!" Она соскочила с кровати и стала судорожно одеваться. Не нашла браслета, и черт с ним, натянула невзрачный свитер на плоскую грудь, еще красную от бесчисленных покусываний Нунцио.

Он сидел в постели, жалобный на вид мозгляк с седыми висками и лысой макушкой, и чуть не плакал. Он, и верно, был "porcine", поделом она его свиньей обозвала, а вот перед ней беспомощен. Эту девку он не просто содержал, он влюблен был в эту шлюху. Такое случилось со свиньей Нунцио впервые, и он был беспомощен. Будь дело у него, в Детройте, и имей он его с обычной дешевкой, потаскухой, за ним бы не заржавело, живо слез бы с двуспальной кровати и разделал бы ее под орех, живого места бы не оставил. Но эта Мегги, она его узлом завязала. Ну да, он предложил... чем бы им заняться... это потому что она так его завела. А она как с цепи сорвалась. И чего такого уж странного он предложил?!*

*Свинья (итал.).

— Детка, д'вай поговорым... Мегги...

— Свинья ты мерзкая, Нунцио! Дай денег — я спускаюсь в казино и до конца дня видеть тебя, мерзкую свинью, не желаю, заруби себе на носу!

Она обшарила его бумажник и брюки и забрала восемьсот шестнадцать долларов, а он только наблюдал. Он перед ней был беспомощен. Поднабралась она чего-то в другом мире, о котором Нунцио всего и знал, что тот "классный",— и могла крутить Нунцио как хотела.

Генетическая причуда Мегги, голубоглазый манекен Мегги, крошка Мегги Денежные Глазки, наполовину чероки, наполовину — сборная солянка, свои уроки она выучила назубок. Она была эталоном шикарной девчонки.

— До конца дня тебя нет, понял? — она захлопнула перед Нунцио дверь и спустилась, разъяренная, к игре и смятению — и все думала о собственной жизни.

Шла, а мужчины провожали ее взглядами. Она выглядела вызывающе, несла себя, как знаменщик знамя, подавала, как призовая сука на судейском ринге. Рожденная для небес. Поддельная и желанная диковинка.

У Мегги не было интереса к игре, вообще ни к чему не было. Просто надо было куда-то деть свою ярость из-за дел со свиньей-сицилийцем, из-за жизни без всякой поддержки, на краю, с которого и скатиться недолго, бессмысленности пребывания здесь, в Лас-Вегасе, когда можно бы вернуться в Беверли Хиллз. Она еще больше разъярилась при мысли, что Нунцио наверху, у себя в номере, принимает очередной душ. Он знал — она чувствует его запах, иногда от него пахло мокрой шерстью, и она об этом говорила. Теперь он мылся постоянно — и ненавидел это. По отношению к ванне он оставался иностранцем. Разврата он в жизни насмотрелся самого разного, и место, где купаются, стало для него непотребней любой мыслимой грязи. Для нее купание было иным. Необходимостью. Надо было не допускать до себя грязь этого мира, надо было оставаться чистой, и гладкой, и белой. Не какой-то рядовой плотью, а образцом, неким не подверженным коррозии хромированным инструментом.

От их прикосновений, любого из них, мужчин, всех этих Нунцио, на ее белой нетленной коже оставались крохотные очаги проклятой коррозии, прилипали какие-

то паутинки, пятнышки сажи. Мыться было необходимо. И часто.

Она шла, будто прогуливаясь, по проходу между карточными столами и игральными автоматами. В кармане — восемьсот шестнадцать долларов, восемь сотенных банкнот, шестнадцать долларовых.

В разменном пункте она наменяла шестнадцать кругляшей. Большой ждал: его девочка. Она и играла-то, чтобы позлить сицилийца. Тот сразу сказал ей: играй, дескать, по никелю, дайму, четвертаку, а она всегда злила его, скармливая за десять минут долларов пятьдесятсто, монету за монетой, Большому. Она в упор взглянула на автомат и вложила первый серебряный доллар. Дернула рукоятку (какая свинья этот Нунцио!). Еще доллар, еще дернула — да когда же это кончится? Барабаны крутились, вертелись, разгонялись, спешили расплываясь вкружении металлическомгудении сноваиснованоснова а Мегги голубоглазая Мегги ненавидела и ненавидела и думала о ненависти и обо всех днях и ночах свинства что были и будут у нее и если бы ей все деньги в этом зале этом казино этом городе прямо сейчас в этот самый момент именно сейчас в этот момент их наверно хватило бы чтобы крутиться и жужжать и кружиться исноваиснованоснованоснова и она была была свободна свободна свободна и весь этот мир никогда бы больше не притронулся к ее телу эта свинья никогда бы больше не притронулась к белой ее плоти и тут вдруг пока долларзадолларомзадолларом ходили кругамикругамикругами жужжжжжа в барабанах из вишенок и колокольчиков и слив и полосок вдруг больбольболь ОСТРАЯ боль!боль! боль! в ее груди, ее сердце, игла, скальпель, пламя, огненный столп и все это чистейшая чистая еще чище БОЛЬ!!!

У Мегги, куколки Мегги Выигрышные Глазки, что хотела владеть всеми деньгами в Большом автомате, у Мегги, что сбежала от мерзости и ревматической лихорадки, что прошла весь нелегкий путь до трех ванн в день и специалиста в Очень Дорогом Беверли Хиллз, внезапно сдало сердце — удар, тромб перекрыл коронарные сосуды. Она замертво рухнула на пол казино. Замертво.

Какой-то момент она еще держалась за рукоятку автомата, стремясь всем своим существом, всей силой ненависти ко всему свинству, которое пришлось испытать, стремясь каждым волокном каждой клетки каждой хромосомы уйти в автомат, желая высосать до последнего

атома все серебро из его потрохов,— а в следующий момент, такой близкий, что, может, и в тот же самый, ее сердце разорвалось и убило ее, и она соскользнула на пол... все еще касаясь Большого.

Простерлась на полу.

Мертвая.

Сраженная насмерть.

Лгунья, со всей ложью, что была ее жизнью.

Мертвая, простерлась на полу.

[Мгновение вневременья ■ вихрь хоровод огней во вселенной из сахарной ваты ■ вниз в бездонную воронку с поперечными как у козьего рога перехватами ■ вздымающийся куколь* рога изобилия гладкий и скользкий как брюхо червя ■ мириады ночей гремящих черными погребальными колоколами ■ нет больше мглы ■ нет больше невесомости ■ вдруг каждая клетка познала все ■ память обращается вспять ■ спазматическое мелькание слепоты ■ немые безумные сумерки заточения в призматической пещере ■ убывая не кончается песок в часах ■ валы вечности ■ край мира там они разбиваются ■ все затягивает поднявшаяся из глубин пена ■ припахивает ржавчиной ■ ранят грубо состыкованные зеленые углы ■ спазматическое мелькание ослепшей памяти ■ семижды набегает абсолютная пустота ■ все желто ■ застывшие в янтаре крохи сжимаются и вытягиваются текут как горячий воск ■ озноб ■ свыше приходит предощущение остановки ■ это привал перед адом или небом ■ это лимб** уловлена и обречена на одиночество в мглистом нигде ■ беззвучный вопль беззвучное жужжание беззвучное вращение вращение вращение ■ вращение вращение ■ вращение ■ вращение ■ вращениеееееееее]

Мегги возжелала все серебро, что было в автомате. Она умерла с последним желанием оказаться в автомате. Теперь Мегги выглядывала изнутри, из лимба, который стал чистилищем для единственной — ее — души; Мегги была уловлена, душа Мегги была уловлена — замасленным анодированным нутром автомата, работающего от серебряных долларов. Последнее ее желание — желание пере-

*Островерхий монашеский капюшон, клобук.

**Преддверие ада.

селиться — привело ее в темницу, чьи двери захлопнулись в последний момент жизни, за которым смерть. Мегги — уже душа Мегги — была на веки вечные уловлена душой машины. Уловлена.

— Думаю, вы не будете возражать, если я вызову кого-нибудь из механиков,— заговорил издалека администратор секции игральных автоматов. Мужчина под шестьдесят, с бархатным голосом, глаза не выражают ничего, во всяком случае — доброты. Коренастый служитель повернулся было на ходу, чтобы подойти к Костнеру и выигрышному автомату, но администратор придержал его и соизволил подойти сам:

— Нам следует удостовериться — сами понимаете, всякое бывает,— что кто-то не обдурил машинку, сами понимаете, может, кто-то вдарил по ней чем или еще чего, сами понимаете...

Он поднял левую руку с трещоткой вроде тех, с которыми носятся дети в канун Дня всех святых*; короткая трель взбесившегося сверчка — и в расположенной между игорными столами мастерской засуетились.

Костнер с трудом осознавал происходящее. Вместо привычных ощущений удачливого игрока — общего подъема, прилива адреналина в кровь, неизбывного позыва к игре — он испытывал лишь оцепенение; в том, что творилось вокруг него, он участвовал не в большей степени, чем стакан — в затеянной алкоголиком пьянке.

Он давно уже не воспринимал ни цвета, ни звука.

К ним подходил усталый, безропотный, утомленный человек в серой форменной куртке, серой, как его волосы, как видневшаяся из-под куртки грудь; в руках — кожаный футляр с инструментами. Механик по автоматам оглядел машину, развернул штампованный стальной корпус вокруг опорной консоли, осмотрел автомат сзади. Открыл ключом заднюю дверцу; на мгновение перед Костнером предстали шестеренки, пружины, арматура, часы, приводящие в движение механизм автомата. В завершение механик молча кивнул, прикрыл и запер дверцу, развернул автомат в прежнее положение и изучил лицевую сторону машины.

— Никто ее не блеснил,— заключил механик и ушел.

Костнер вопросительно посмотрел на администратора.

*Исторически — Духов день. Трещотками отпугивают духов.

— Он имел в виду не острожил. Блеснить — это то же самое. Попадаются ребята, которые пропихивают в это отверстие кусочек пластика или проволочки, те и заклинивают машину. Никто не думает, что здесь тот самый случай, но, сами понимаете, мы должны убедиться, две косых — выплата большая, а уж дважды... да сами понимаете, я уверен, вы поймете. Если бы кто-то заделал это бумерангом...

Костнер вопросительно поднял бровь.

— Ну да, бумеранг — еще один способ острожить машину. Но нам-то всего и нужна была пустяковая проверка, теперь все довольны, и если вы подойдете со мной к кассиру казино...

И снова Костнеру выплатили выигрыш.

Потом он вернулся к автомату и долго стоял перед ним, просто разглядывал. Девицы-менялы, сменившиеся крупье, чинные старушки в рабочих холщовых рукавицах — чтоб не натереть мозолей, дергая рукоятку автомата, служитель мужского туалета, выбравшийся на боевые позиции, дабы больше заработать на сувенирных спичках, туристы в цветастой одежде, праздношатающиеся зеваки, пьяницы, уборщики, помощники официантов, игроки с глазами, как яйца-пашот*, не смыкавшимися ночь напролет, девушки из шоу с объемистыми бюстами и миниатюрными пожилыми содержателями — все они гадали про себя, что же творится с этим измочаленным бродягой, уставившимся на долларовый автомат. Он не двигался, просто не сводил глаз с машины... и они гадали.

А машина не сводила глаз с Костнера.

Трех голубых глаз.

Как только сработал автомат и эти глаза уставились на него во второй раз, как только он во второй раз выиграл, его снова пронзил электрический ток. Но теперь он знал: здесь замешана не просто удача, а нечто большее, раз никто, кроме него, не заметил этих трех голубых глаз.

Вот он и застыл перед машиной, выжидая, что будет. Нечто обращалось к нему. Где-то в мозгу, где, кроме него, никто и никогда не обретался, теперь появился еще некто и обращался к нему. Красивая девушка. Ее звали Мегги, и она обращалась к нему:

Я уже долго жду тебя. Я так долго жду тебя, Костнер. Почему, думаешь, тебе достался главный

*Сваренные без скорлупы.

выигрыш? Потому что я жду тебя, я хочу тебя. Все выигрыши будут твои. Потому что я хочу тебя, ты мне нужен. Полюби меня, я — Мегги, и мне так одиноко, полюби меня!

Костнер очень долго не отводил взгляда от автомата, его усталые карие глаза были прикованы к тем голубым глазам на выигрышных полосках. Но он знал: кроме него, никому не дано видеть эти голубые глаза, кроме него, никому не дано слышать этот голос, кроме него, никто не знает о Мегги.

Он был для нее вселенной. Он был для нее всем.

Он вложил очередной серебряный доллар под пристальными взглядами служителя, механика, администратора секции автоматов, трех девушек-менял и кучи неизвестных игроков, наблюдавших, не вставая с кресел.

Барабаны закрутились, рукоятка, щелкнув, вернулась на место, а через секунду со щелканьем встали и барабаны, и двадцать серебряных долларов ссыпались в лоток выдачи; у какой-то женщины за столом для крапа* вырвался короткий истерический смех.

И снова взбесился гонг.

Подошел администратор секции, сказал очень вежливо:

— Мистер Костнер, нам нужно минут на пятнадцать отключить автомат и как следует его проверить. Не сомневаюсь, вы нас понимаете.

Откуда-то сзади появились два механика, сняли автомат и понесли его в ремонтную мастерскую в глубине казино.

Пока длилось ожидание, администратор развлекал Костнера историями о "блеснильщиках", прячущих в одежде магниты, о "бумерангистах" — те скрывают пластиковые приспособления в рукаве и извлекают их оттуда с помощью зажима на пружинке, о мошенниках, что заявлялись во всеоружии, с миниатюрными электродрельками в руках — просверлят крохотные отверстия и заталкивают проволочки. И не уставал повторять, что он, администратор, знает: Костнер поймет.

А Костнер знал: администратор не поймет.

Когда Большой водрузили на место, механик уверенно кивнул: "Никаких неисправностей. Работает отлично. Никто с ним не шустрил"

*Карточная игра.

Но голубых глаз на выигрышных полосках больше не было.

Костнер знал — они вернутся.

Они еще подкинут ему выигрыш.

Он подошел к автомату, играл снова, и снова, и снова. За ним поставили следить наблюдателей. Он выиграл снова. И снова. И снова. Толпа выросла до умопомрачительных размеров. Весть распространялась со скоростью беззвучных телеграфных сообщений — в оба конца улицы, по всему Лас-Вегасу, от центра до окраинных казино, где игра шла днем и ночью и не прекращалась ни на один день в году; толпы хлынули к отелю, к его казино, к болезненного вида человеку с усталыми карими глазами. Хлынули, словно лемминги, неудержимо, на запах удачи, их, как мускус, влекло потрескивание пронзающих Костнера электрических разрядов. А он выигрывал. Снова и снова. Тридцать восемь тысяч долларов. И три голубых глаза по-прежнему неотрывно смотрели на него. Ее возлюбленный выигрывал. Ее, Мегги, и ее Призовых Глазок.

Наконец с Костнером решил поговорить сам Мистер Казино. Из делового центра Вегаса вызвали экспертов компании игральных автоматов, Большой остановили на четверть часа, а Костнера попросили зайти в главную контору отеля.

Владелец был там. Лицо его показалось Костнеру знакомым, то ли по телевидению он его видел, то ли в газетах.

— Мистер Костнер, меня зовут Джулес Хартсхорн.

— Рад познакомиться.

— Вы выигрываете, будто бусы нижете, и ожерелье выходит впечатляющее.

— Я долго ждал этого.

— Вы понимаете, что такое везение невозможно.

— И все же приходится верить, мистер Хартсхорн.

— Хм. Вот и мне. И все это происходит в моем казино. Но мы глубоко убеждены, что возможностей всего две, мистер Костнер: первая заключается в том, что в машине есть какая-то неисправность, которую мы не умеем обнаруживать; вторая — в том, что вы самый искусный мошенник, с которым нам здесь приходилось сталкиваться.

— Я не мошенничал.

— Вы же видите, мистер Костнер, я улыбаюсь. Наивность, с которой вы верите, что ваши слова меня убедят, не может не вызвать улыбки. Я был бы счастлив

вежливо согласиться с вами и подтвердить: конечно же, вы не мошенничаете. Но никто не может выиграть тридцать восемь тысяч долларов, взяв подряд девятнадцать главных выигрышей на одном и том же игральном автомате. Даже с точки зрения математики нет никаких шансов, что подобное произойдет. Применительно к космосу столь же вероятным событием было бы столкновение трех невесть откуда взявшихся планет с нашим солнцем в течение ближайших двадцати минут. С примерно такой же вероятностью Пентагон, Пекин и Кремль — вся троица — нажали бы красную кнопку в одну и ту же микросекунду. Это невозможно, мистер Костнер. И надо же, чтобы невозможное случилось со мной!

— Мне очень жаль.

— Ну, положим, не очень...

— Верно, не очень. Деньги мне пригодятся.

— Для чего именно, мистер Костнер?

— Я, честно говоря, пока не думал.

— Понятно. Что ж, мистер Костнер, давайте-ка подойдем к делу так. Я не могу удержать вас от игры, и, если вы по-прежнему будете выигрывать, мне придется платить. И никакие небритые головорезы не будут подкарауливать вас в закоулке, чтобы прищучить и отнять деньги. Все чеки будут оплачены. Все, на что мне остается надеяться, мистер Костнер,— это на сопутствующую рекламу. Уже сейчас каждый игрок Вегаса находится в нашем казино и ждет, когда вы начнете бросать кругляши в ту машину. Это не возместит моих потерь — если вы продолжите в том же духе, как до сих пор, но помочь — поможет. Каждому игроку в городе хочется потереться рядом с удачей. Я прошу вас лишь об одном: посотрудничайте немного с нами.

— При вашем-то великодушии речь, очевидно, идет о совершенном пустяке.

— Шутить изволите...

— Простите. Так что же от меня требуется?

— Поспите часиков десять.

— А вы тем временем снимете эту машинку и переберете по винтику?

— Да.

— Если я хочу выигрывать и дальше, с моей стороны было бы крайне глупо пойти на это. Вы замените какую-нибудь железку в механизме, и я не смогу выиграть, хоть каждый доллар из этих тридцати восьми кусков выложу.

— У нас лицензия штата Невада, мистер Костнер.

— Знаете, я и сам из хорошей семьи, а вы на меня посмотрите. Бродяга с тридцатью восемью тысячами долларов в кармане, и только.

— Костнер, автомату ничего не сделают.

— Тогда зачем снимать его на десять часов?

— Чтобы как следует разобраться с ним в мастерской. Если дело в каком-нибудь скрытом дефекте вроде усталости металла или износа зубчатой передачи, то нам важно, чтобы такое не случилось на других машинах. А за дополнительное время новость разнесется по всему городу, и мы сможем попользоваться толпой. Часть туристов попадет в наши руки и возьмет на себя ущерб, который вы нанесли казино, ограбив его банк,— с помощью игрального автомата.

— Я должен верить вам на слово.

— Костнер, вы уедете, а отелю еще долго придется работать.

— Недолго, если я не перестану выигрывать.

— Один-ноль в вашу пользу,— в улыбке Хартсхорна сквозил упрек.

— Так что вы меня не слишком убедили.

— Других аргументов у меня нет. Если хотите вернуться к автомату, не смею вас задерживать.

— А бандюги меня потом не тряхнут?

— Простите, не понял?

— Я сказал: а банд...

— Колоритная у вас манера выражаться. На самом деле я понятия не имею, о чем вы толкуете.

— Уж конечно, не имеете.

— Надо бы вам бросить читать "Нэйшнл Энкуайрер"*. У нас честный бизнес. Я просто прошу вас об одолжении.

— Ладно, мистер Хартсхорн. Я за трое суток не спал ни минуты. Десять часов пойдут мне на пользу.

— Я попрошу управляющего подыскать вам спокойную комнату на верхнем этаже. Благодарю вас, мистер Костнер.

— И не думайте больше ни о чем.

— Боюсь, что это будет не слишком легко.— Хартсхорн прикуривал сигарету; Костнер повернулся, чтобы уйти.

— Да, кстати, мистер Костнер...

— Да? — Костнер полуобернулся к Хартсхорну.

---

*Журнал с детективными сюжетами.

Ему с трудом удавалось сфокусировать зрение. В ушах звенело. Хартсхорн, казалось, мелькает где-то на пределе видимости, как далекая зарница по ту сторону прерии. Как воспоминания о том, что следовало забыть, из-за чего Костнер и перебрался по эту сторону прерии. Как сетование и мольба, что продолжали распирать клетки его мозга. Голос Мегги. Она еще там, внутри, говорит что-то...

— *Тебя постараются не пустить ко мне.*

Он мог понять одно — ему обещаны десять часов сна. Внезапно они стали важнее денег, важнее желания забыть, важнее всего на свете. Хартсхорн продолжал болтать, говорил что-то, но слышать его Костнер не мог, будто отключил звук и видел лишь беззвучное движение резиновых губ Хартсхорна. Костнер помотал головой, пытаясь прийти в себя.

С полдюжины Хартсхорнов то сливались в одного, то выходили друг из друга. И — голос Мегги.

— *Здесь я неплохо устроена и одинока. Если сможешь прийти ко мне, я буду щедра. Прошу тебя, приди, прошу, скорее.*

— Мистер Костнер?

Голос Хартсхорна словно просачивался сквозь слой ила, толстый, как рулон бархата. Костнер уже не пробовал вновь сфокусировать зрение. Отчаянно уставшие карие глаза принялись блуждать.

— Вам известно, что это за автомат? — говорил Хартсхорн.— Странная с ним приключилась история недель шесть назад.

— Какая же?

— Да девушка скончалась, играя на нем. Дернула рукоятку, и тут с ней случился сердечный приступ, удар; так она и умерла на полу у автомата.

Костнер немного помолчал. Ему отчаянно хотелось спросить Хартсхорна, какого цвета были глаза у той девушки, но он боялся, что ему ответят: голубые.

Заговорил он, уже взявшись за ручку двери:

— Напрашивается вывод, что с этим автоматом вы попали в полосу невезения.

— Или что она может не сразу оборваться,— на сей раз улыбка Хартсхорна была какой-то загадочной.

Костнер почувствовал, как сжались челюсти.

— Вы имеете в виду, что и я могу умереть и это не было бы неудачей?

Улыбка Хартсхорна превратилась в некий неизменный знак, навсегда запечатленный на лице: "Спите спокойно, мистер Костнер

Во сне она явилась ему. Удлиненные округлые бедра и мягкий золотистый пушок на руках; голубые глаза, глубокие, как прошлое, мерцающие, словно подернутые лиловатой паутинкой; упругое тело — тело единственной, изначальной Женщины всех времен. К нему пришла Мегги.

— Здравствуй, вот и кончились долгие мои странствования.

— Кто ты? — растерянно спросил Костнер.

Он стоял на холодной равнине — или на плоскогорье? Ветер вихрился вокруг них — или только вокруг него? Она была совершенством, он видел ее ясно — или сквозь дымку? Голос ее был глубоким и звучным — или нежным и теплым, как ночной аромат жасмина?

— Я Мегги. Я люблю тебя. Я дождалась тебя.

— У тебя голубые глаза.

— Да, это от любви.

— Ты очень красива.

— Спасибо. *Это от женского интереса.*

— Но почему ко мне? Почему ты выбрала меня? Ты та девушка, что... ну, та, которая занемогла... ты, которая...

— Я Мегги. Я выбрала тебя, потому что нужна тебе. Тебе уже давно кто-то нужен.

Тут перед Костнером стало разворачиваться — и развернулось — прошлое, он увидел, кем был. Он-увидел свое одиночество. Он был одинок всегда. Ребенком, отпрыском добрых и благополучных родителей, не имевших ни малейшего понятия о том, что он из себя представляет, кем хочет быть, чем одарен. Он и сбежал еще подростком и с тех пор был в пути — один, всегда один. Годы и месяцы, дни и часы — и никого рядом. Случайные привязанности, основанные на пище, сексе или надуманном сходстве, но никого, кому можно бы оставаться верным и преданным, кому можно бы безраздельно принадлежать. Так было до Сюзи, а с ней он увидел свет. Ему открылись ароматы и благоухания весны, и в тот далекий день весна казалась вечной. Тогда он смеялся — смеялся от души, он знал, что с Сюзи наконец-то все будет хорошо. Он отдал ей всего себя, отдал всё — все надежды, тайные помыслы, болезненные сны,— и она приняла их, приняла его, всего как есть, и он впервые обнаружил, что значит иметь домашний очаг, иметь приют в чьем-то сердце. Обычные глупости и сантименты;

у других они казались смешными, но тогда он полной грудью вдыхал чудо.

Костнер долго был с ней, поддерживал ее, помогал ее сыну от первого брака — брака, о котором Сюзи никогда не говорила. А потом пришел день, когда вернулся тот, а Сюзи будто всегда знала, что тот вернется. Угрюмая тварь с садистскими наклонностями, порочная по природе, но Сюзи была его женщиной, неизменно, и Костнер понял, что его использовали как временного заместителя, чтобы было кому оплачивать счета, пока странствующий тиран не вернется в домашнее гнездышко. Тогда она попросила его уйти. Он ушел, сломленный и опустошенный, лишившийся всего, чего можно молча и незаметно лишить мужчину, ушел даже без борьбы — и задор-то из него будто вымыло. Ушел и бродил по Западным штатам и в конце концов попал в Лас-Вегас, где достиг дна. И нашел Мегги. Нашел Мегги с голубыми глазами, нашел во сне.

— Я хочу, чтобы ты был моим. Я люблю тебя.

Ее искренность отзывалась в сознании Костнера. Это его женщина; наконец кто-то принадлежал только ему.

— Могу ли я довериться тебе? Прежде не мог, никому и никогда, особенно женщинам. Но мне нужен кто-то, в самом деле нужен.

— Я — навсегда. Навечно. Ты можешь довериться мне.

И она стала его женщиной. Ее тело говорило о любви и доверии, как ни одно из тех, что доводилось познать Костнеру прежде. Там, на открытой всем ветрам воображаемой равнине, она ответила его желанию, и он обладал ей так полно, как не доводилось ему прежде. Она воссоединилась с ним, приняла его, причастилась его крови, его мыслей, его разочарований, и он вышел очистившимся и восславленным.

— Да, я могу довериться тебе, ты мне желанна, я твой,— шептал он ей, когда они лежали рядом в неясном и беззвучном нигде, во сне.— Я твой.

Она улыбалась улыбкой женщины, что верит в своего мужчину, улыбкой избавления и надежды. И Костнер проснулся.

Большой был снова водружен на место, толпу отогнали за ограждение из бархатных шнуров. Несколько человек уже сыграли на автомате, но выигрыша не было.

Стоило Костнеру войти в казино, "наблюдатели" при-

шли в готовность. Пока он спал, они успели обшарить его одежду в поисках проволочек, "острог", "блесен" или "бумерангов". Ничего.

Костнер направился прямо к Большому и стал его рассматривать. Хартсхорн был уже там.

— Выглядите вы усталым,— мягко заметил он, глядя в утомленные карие глаза.

— Немного есть,— Костнер попытался улыбнуться; не вышло.— Забавный я видел сон.

— Да?

— Ну... о девушке...— он решил не договаривать.

Хартсхорн понимающе улыбнулся. Соболезнующе, сочувственно, понимающе:

— Девушек в этом городе тьма. С вашим-то выигрышем найдете какую-нибудь без всякого труда.

Костнер кивнул и опустил в прорезь первый серебряный доллар. Дернул рукоятку. Барабан завертелся со скоростью, о которой Костнеру и слышать не приходилось, и вдруг все косо понеслось — когда он почувствовал, что желудок опалило огнем, когда голова рухнула на тощую шею, глаза выжгло изнутри. Раздался леденящий душу вой — вой измученного металла, экспресса, вспарывающего воздух своим стремительным движением, вой сотни зверьков, заживо выпотрошенных и разорванных в куски, невероятной боли, ночных ветров, срывающих вершины с нагромождений лавы. И еще — плач и причитания голоса, что уносился отсюда в слепящей вспышке света, безудержно стеная:

"Свободна! Свободна! Небо ли, Ад ли, неважно! Свободна!"

Вопль души, освобожденной из вечной тюрьмы, джинна, выпущенного из запечатанного сосуда. И в унылый беззвучный миг вне времени Костнер увидел, как барабаны зафиксировались, и в последний раз заметил результат — один, два, три. Голубых глаза.

Но получить по своим чекам ему было не суждено.

Толпа вскрикнула в один голос: Костнер стал клониться и упал лицом вниз. Одинокий и в смерти.

Большой сняли. Слишком многих игроков раздражало само его присутствие в казино — он приносил несчастье. Вот его и сняли и вернули компании-изготовителю с точным предписанием: подлежит переплавке. Не попади он в руки мастера, который готов был сбросить его в печь, никто бы и не обратил внимания на последние показания Большого.

— Смотри, до чего чудно́,— сказал мастер рабочему, ткнув пальцем в три стеклянных окошка.

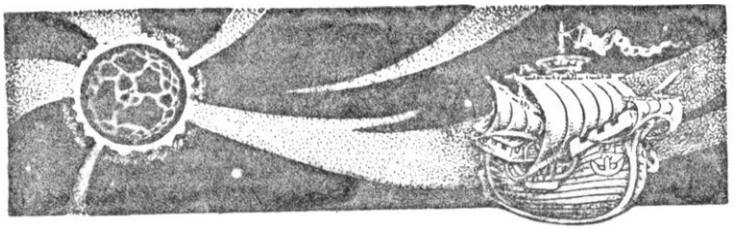
— Никогда не видел выигрышных полосок такого типа,— согласился рабочий.— Три глаза. Должно быть, старая модель.

— Что ж, всех старых уловок не упомнишь,— сказал мастер, опуская краном автомат на ленту ведущего в печь конвейера.

— Да, надо же, три глаза. Три карих глаза.— Он включил рубильник, и автомат отправился по ленте в ванну расплавленного металла, в пылающую адским пламенем печь.

Три карих глаза.

Три карих глаза, что выглядели такими усталыми, такими загнанными, такими обманутыми. Всех старых уловок не упомнишь.

Урсула Ле Гуин
ВЕЩИ

Он стоял на берегу моря, глядя вдаль поверх пенных полос прибоя — туда, где смутно виднелись или чудились Острова. Там, сказал он морю, там мое королевство. А море ответило так, как море отвечает каждому. И когда из-за спины надвинулись сумерки, стих ветер и разгладились пенные полосы, далеко-далеко на западе зажглась то ли звезда, то ли огонек, то ли его мечта.

Уже в темноте поднялся он по улицам родного города. Лавки и домики соседей выглядели сейчас совсем покинутыми, прибранными, подготовленными к Концу. Большинство людей было либо наверху, в Храме Небес, на Оплакивании, либо внизу, в полях, с неистовыми. Но Лиф не чувствовал в себе сил чистить и прибирать; его инструменты и его изделия были слишком громоздки, чтобы их выбросить, слишком крепки, чтобы сломать, слишком неподатливы, чтобы сжечь. Куда и как их ни кинь, они выглядели частицей города. Так что он и не старался избавиться от своих вещей. На его дворе все еще возвышались груды кирпича — тысячи и тысячи прекрасных кирпичей, сделанных его руками. Холодная, но готовая к работе печь, бочки с глиной и известью, корыта, тачки, совки — все его орудия были здесь. Один приятель из переулка Ростовщиков усмехаясь спросил его:

— Собираешься сложить кирпичную стену и спрятаться за ней, когда придет этот самый Конец?

Другой сосед по пути в Храм Небес окинул долгим взглядом все эти груды, кучи, штабели и холмы от-

лично сформованного и отлично обожженного кирпича, такого красновато-золотистого в золоте послеполуденного солнца, вздохнул наконец и с тяжелым сердцем сказал:

— Вещи, вещи!.. Освободись от вещей, Лиф, от их власти. Пошли с нами, поднимись над умирающим миром!

Лиф взял из кучи кирпич, положил его на свободное место в штабеле и улыбнулся в замешательстве. Когда все они разошлись кто куда, он не пошел ни в Храм, ни за город — помогать в уничтожении полей и забое скота, а спустился к пляжу, на край умирающего мира, ниже которого была только вода. И сейчас, снова в своей хижине посреди заваленного кирпичами двора, в пахнущей солью одежде и с разгоряченным от морского ветра лицом, он еще не чувствовал ни отчаяния неистовых под смех и безумства, ни отчаяния Причастников Небес под возвышенный плач — он чувствовал опустошение и голод. Он был невысок и грузен, и даже морской ветер, яростно дувший на него весь вечер здесь, на самом краю мира, не смог его поколебать.

— Эй, Лиф! — крикнула вдова, жившая в переулке Ткачей, что пересекал его улицу несколькими домами ниже. — Я видела, как ты шел, а с заката не было ни единой души, становится тише, чем... — она не сказала, тише чего стал город, а продолжила: — Ты ужинал? Я собралась достать из печи жаркое, да мне с дитем нипочем не съесть все это мясо до того как наступит Конец, будет жаль, если хорошее мясо пропадет.

— Спасибо тебе большое,— сказал Лиф, снова надевая пальто, и они спустились по переулку Каменщиков до переулка Ткачей сквозь тьму и ветер, метущий по крутым улочкам с моря. В доме вдовы, освещенном лампой, Лиф поиграл с ребенком — последним рожденным в городе маленьким пухлым мальчиком, еще только учившимся вставать. Лиф поставил его на ножки, тот засмеялся и опрокинулся. Тем временем вдова выставила хлеб и горячее мясо на стол из тяжелого плетеного тростника. Они сели есть, и ребенок с ними — он четырьмя зубами трудился над горбушкой.

— Как вышло, что ты не на горе и не в полях? — спросил Лиф, и вдова ответила как само собой разумеющееся:

— Ведь у меня маленький.

Лиф оглядел скромный домик, построенный ее мужем, который был одним из его каменщиков.

— Прекрасно,— сказал он,— я с прошлого года не пробовал мяса.

— Знаю-знаю. Домов-то больше не строят.

— Ни единого,— сказал он. — Ни стен, ни курятников, даже ремонт не делают. А твое ремесло, оно еще требуется?

— Да, некоторые хотят новое платье к самому Концу. Это мясо я купила у неистовых, забивших все стада моего господина, и заплатила им из денег, полученных за кусок чудесного холста, который я соткала на платье для дочери моего господина — ей хотелось быть в нем в последний час. — Вдова добродушно фыркнула и продолжала: — Но теперь нет льна и вряд ли найдется шерсть. Нечего сучить, нечего ткать. Поля сожжены, а стада мертвы.

— Да,— согласился Лиф, поглощая отлично прожаренное мясо. — Плохие времена, хуже некуда.

— И сейчас,— продолжала вдова,— откуда взять хлеб, если поля сожжены? А воду — ведь в колодцы отраву сыплют? Я, наверно, говорю как и плакальщики там, наверху? Угощайся, Лиф. Весенний ягненок — лучшее в мире мясо; так говорил мой муж, пока не приходила осень, и тогда он говорил, что нет ничего прекраснее жареной свинины. Ну, возьми же ломоть побольше.

Той ночью в своей хижине на кирпичном дворе Лиф видел сон. Обычно он спал как кирпич, но всю эту ночь ему снилось, что он медленно движется, плывет к Островам, и, когда он проснулся, они перестали быть просто мечтой: он знал о них, он был уверен в них, как в звездах, невидимых при свете дня. Но что во сне перенесло его через воду? Он и не летел, и не шел, и не плыл под водой, как рыба; и все же пересек серо-зеленые просторы и гонимые ветром водяные холмы, слышал зовущие его голоса, видел огни городов.

Он принялся размышлять над тем, как человек может передвигаться по воде. Он подумал о траве, влекомой рекой, и понял, что можно, наверное, сплести коврик из тростника, лечь на него и грести руками, но обширные заросли тростника по берегам реки еще дымились, а все связки ивовых прутьев у корзинщика были сожжены давным-давно. В своем сне он видел на Островах камыши или травы в полсотни футов высотой, с коричневыми

стеблями, толще, чем он мог бы обхватить руками, и с уймой трепещущих зеленых листьев, тянущихся к солнцу. На этих стеблях человек мог бы плыть по морю. Но такие растения никогда не росли в его стране, хотя в Храме Небес с незапамятных пор хранилась рукоять ножа, сделанная из крепкого коричневого материала, будто бы изготовленного из чужеземного растения под названием дерево. Но не мог же он плыть по морю на рукояти ножа...

Просаленные шкуры не тонут, но кожевенники не работали уже несколько недель, и шкуры не продавались. Надеяться было не на кого. Он спустил на песок у моря свою тачку и свое самое большое корыто для извести и погрузил их в спокойные воды лагуны. Глубоко осевшие, они все-таки плавали, но под тяжестью одной руки кренились, черпали воду и тонули. Лиф решил, что они слишком ненадежны.

Он снова поднялся на утес, прошел городом, нагрузил тачку своими аккуратными бесполезными кирпичами и покатил тяжелый груз вниз. За последние годы родилось совсем мало детей, и некому было проявить молодое любопытство, спросить, что он делает; правда, пара неистовых, пошатывающихся с похмелья, косо посмотрела на него из темноты дверного проема сквозь кристальную чистоту воздуха. Весь день он возил вниз кирпичи и все, что нужно для приготовления раствора, а на следующий день, хотя прошедшей ночью он, как и прежде, не видел снов, начал укладывать кирпичи на исхлестанном мартовскими ветрами берегу. Здесь под рукой было более чем достаточно воды и песка. Он строил маленький кирпичный купол вершиной вниз — овал с заостренными концами, похожий на рыбу, образованный рядами кирпичей, очень ловко уложенных по спирали. Если плавают пустое корыто или тачка, почему бы не поплыть кирпичному куполу? К тому же он очень крепок. Но когда раствор схватился и Лиф, напрягая спину, перевернул купол и толкнул его в пену бурунов, тот стал закапываться в мокрый песок все глубже и глубже, зарываясь, как моллюск или песчаная блоха. Волны наполняли его, а когда Лиф вычерпывал воду, наполняли купол снова, и в конце концов зеленокрылый бурун подхватил его, откатываясь, раздробил на отдельные кирпичи и утопил их в податливом сыром песке. Лиф стоял весь мокрый, вытирая соленую влагу из глаз. На западе в море ничего больше не было, только волны и дожде-

вые тучи. Нет! Острова были там. Он знал это, видел громадные травы в десять человеческих ростов, их не знавшие плуга прекрасные поля, продуваемые морским ветром, их белостенные города, их вершины в снежных коронах над морем.

— Я строитель, а не мореплаватель,— сказал Лиф самому себе, всесторонне обдумав совершенную глупость. И, выйдя из воды, он поднялся на утес, упрямо пошел мокрыми от дождя улицами за еще одной тачкой кирпичей. Впервые за последнюю неделю освободившись от дурацкой мечты о плавании, он заметил наконец, что улица Кожевенников будто вымерла. Кучи мусора захламляли обезлюдевшую кожевенную фабрику. Мастерские напоминали ряд темных зияющих ртов, а окна спален над ними словно ослепли. В конце переулка старый сапожник жег с ужасным зловонием кучу совершенно новых башмаков. Рядом с ним подергивал ушами от жуткого запаха осел.

Лиф снова нагрузил тачку кирпичами. На этот раз, когда он покатил ее вниз, удерживая от рывков на крутых улицах и прилагая всю силу рук, чтобы сохранить равновесие на извилистом пути с утеса на пляж, за ним пошли двое горожан. Потом еще двое или трое из переулка Ростовщиков и еще несколько с тех улиц, что сходились к рыночной площади, так что когда он наконец распрямился и морская пена закипела у его грязных босых ног, а брызги освежили лицо, здесь уже была небольшая толпа, выстроившаяся вдоль одинокого следа, глубоко выдавленного в песке его тачкой. Странные люди с отрешенными лицами неистовых. Лиф не обращал на них внимания, хотя знал, что вдова из переулка Ткачей испуганно смотрит на него с утеса.

Он вкатил тачку в море, пока вода не стала ему по грудь, вывалил кирпичи и, подгоняемый большой волной, вышел на берег с тачкой, полной пены.

Неистовые разбредались по пляжу. Высокий парень из переулка Ростовщиков, проходя мимо, спросил:

— Почему бы тебе не бросить их с вершины утеса?

— Они б упали на песок,— ответил Лиф.

— А ты хочешь утопить их? И правильно. Знаешь, тут кое-кто уж решил, что ты здесь внизу что-то строить задумал. Тебя собирались стереть в порошок.

Усмехаясь, ростовщик ушел, а Лиф отправился наверх за следующим грузом кирпичей.

— Пошли ужинать, Лиф,— беспокойно сказала ему

вдова. Она стояла на вершине утеса, крепко прижимая к себе ребенка, чтобы защитить его от ветра.

— Ладно,— сказал он. — Принесу каравай, я запасся парой еще до того как ушли пекари. — Он улыбался, а она нет. Когда они вместе поднимались по улицам, она спросила: — Ты сбрасываешь кирпичи в море, Лиф?

Он рассмеялся и ответил: — Да.

Она посмотрела на него то ли с облегчением, то ли с грустью; но за ужином в ее домике, освещенном лампой, она была, как всегда, покойна и тиха, и они съели свой сыр и черствый хлеб в добром расположении духа.

Весь следующий день он продолжал возить кирпичи — тачку за тачкой, и если его и видели неистовые, то думали, что он занят тем же, чем и они. Прибрежная отмель уходила в море довольно полого, так что до большой глубины было еще далеко. Он начал во время отлива, а потому его работа никогда не будет видна. В прилив сваливать кирпичи и ровно укладывать их, когда вода бурлит перед глазами и грохочет над головой, было трудно, но он продолжал. Ближе к вечеру он принес длинные железные прутья и укрепил ими постройку, так как волны подмывали его мостовую футах в восьми от начала. Он убедился, что даже кончики прутьев во время отлива находятся под водой, так что ни один из неистовых не мог бы заподозрить обмана. Пара стариков, спускавшихся с Оплакивания в Храме Небес, повстречалась ему, когда он, гремя пустой тачкой, поднимался в сумерках по улице; они усмехнулись, глядя на него.

— Приятно наконец освободиться от власти вещей,— мягко сказал один, а другой кивнул.

На следующий день, хотя он снова не видел во сне Островов, Лиф продолжал строить. Песок под ногами начал уходить вглубь все круче. Сейчас Лиф делал так: стоя на краю уже построенного, он вываливал тяжело груженую тачку, затем вставал на груду кирпичей и работал, барахтаясь и задыхаясь, поднимаясь и снова ныряя, чтобы ровно уложить кирпичи между предварительно воткнутыми прутьями; затем снова вверх по серому песку, на утес, с грохотом и стуком по тихим улицам за новым грузом.

Как-то вдова, встретив его на кирпичном дворе, сказала:

— Давай я буду бросать их с утеса, это сократит твой путь.

— Возить тачку — тяжелая работа,— ответил он.

— Ничего,— сказала она.

— Хорошо, если хочешь. Но кирпичи — они тяжеленные. Ты их помногу не нагружай. Я дам тебе маленькую тачку. А твой мышонок может кататься, сидя на кирпичах.

Так она помогала ему все дни, что стояла ясная погода — туман по утрам, чистое небо и спокойное море весь день и цветущие сорные травы в трещинах утеса — больше цвести было нечему. Сейчас мостовая уходила на многие ярды от берега, и Лифу пришлось выучиться тому, чего никто, насколько он знал, не умел, только рыбы. Он мог плавать — двигаться на воде или под водой в море, не касаясь дна.

Он никогда не слышал, чтобы человек мог делать такое, но не задумывался над этим, крепко занятый своими кирпичами; в воздухе и вне его, в воде и вне ее, в пене, в пузырях воздуха в воде или воды в воздухе, а еще в тумане и в апрельском дожде — все смешалось. Временами он испытывал счастливые мгновения, находясь внизу, в безмолвном сумрачно-зеленом мире, с трудом управляясь среди удивленных рыбьих стай со странно невесомыми своенравными кирпичами, и только потребность в воздухе заставляла его подниматься и переводить дыхание напоенным брызгами ветром.

Он строил весь день, выбираясь на песок лишь чтобы собрать кирпичи, которые его верная помощница сбрасывала к подножию утеса, нагрузить ими тачку и откатить к мостовой, что тянулась в футе или двух под поверхностью моря в отлив и в четырех-пяти — в прилив, вывалить их среди волн, нырнуть и строить; затем вновь на берег за очередным грузом. Он поднимался в город только вечером, измотанный, с туманом в глазах и чесоткой от соли, голодный, как акула, чтобы разделить что Бог послал с вдовой и ее малышом. А позже, хотя весенние вечера были долгими и теплыми, город делался темен и тих.

Однажды ночью, когда он вернулся не настолько уставшим, чтобы не заметить перемен, он заговорил об этом, и вдова сказала:

— О, так они уже все ушли, я думаю.

— Все? — Пауза. — Куда они ушли?

Она пожала плечами. Затем оторвала взгляд от стола и какое-то время молчаливо смотрела на него в свете лампы.

— Куда? — спросила она. — Куда ведет твоя морская дорога, Лиф?

Он долго молчал. — К Островам,— наконец ответил он, рассмеялся и встретился с ней глазами.

Она не смеялась. Она только спросила: — Они там? Это правда, что есть Острова? — Потом посмотрела на спящего ребенка и перевела взгляд сквозь открытую дверь в темноту поздней весны, затопившей теплом улицы, по которым никто не ходил, и дома, в которых никто не жил. Наконец она снова посмотрела на Лифа и сказала: — Лиф, ты знаешь, кирпичей осталось немного. Несколько сотен. Тебе придется сделать еще.— И принялась тихо плакать.

— Ради Бога! — вздохнул Лиф, думая о своей подводной дороге, протянувшейся на сто двадцать футов, и о море, простершемся на десять тысяч миль.— Я поплыву туда! А сейчас не плачь, родная. Разве я оставлю тебя и мышонка? После всех этих кирпичей, сброшенных почти мне на голову, всех этих трав и ракушек, что ты отыскивала нам в еду, после твоего стола, постели и смеха могу ли я бросить тебя, когда ты плачешь? Успокойся, не плачь. Дай мне подумать, как нам добраться до Островов — всем вместе.

Но он знал, что никак. Кирпичей не хватит. Он сделал все, что было в его силах. Все, что он мог, протянулось на сто двадцать футов от берега.

— Как ты думаешь,— спросил он после долгого молчания, когда она убирала со стола и полоскала тарелки в воде из колодца, вновь ставшей прозрачной, ведь неистовые ушли много дней назад.— Как ты думаешь, может быть, это...— Ему почему-то было трудно выговорить, но она спокойно ждала, и ему пришлось сказать:

— Это и есть Конец?

Безмолвие. В этой светлой комнате и во всех темных, в сожженных полях и опустевших землях — безмолвие. Безмолвный воздух, безмолвное небо, мертвая тишина во всем. И только шум моря вдали и тихий звук вблизи — дыхание спящего ребенка.

— Нет,— сказала женщина. Она села напротив и положила руки на стол — изящные руки, темные, как земля, с ладонями цвета слоновой кости.— Нет,— сказала она,— Конец есть Конец. А это лишь *ожидание* Конца.

— Тогда почему мы все еще здесь — именно мы?

— Ну,— сказала она,— у тебя — твои вещи, твои кирпичи, а у меня — ребенок...

— Завтра мы должны идти,— сказал он, помолчав. Она кивнула.

Они встали до рассвета. Ничего съестного уже не оставалось, и, когда она положила в сумку одежки для ребенка и надела теплую кожаную накидку, а он засунул за пояс нож и мастерок и набросил теплый плащ, оставшийся вдове от мужа, они покинули маленький домик и очутились в холодном бледном свете пустынных улиц.

Они пошли вниз — он впереди, она следом, неся спящего ребенка в складках накидки. Он не повернул ни на дорогу, ведущую к северу вдоль побережья, ни на южную дорогу, а направился мимо рыночной площади, на утес и вниз, к берегу, каменистой тропой. Она шла за ним не отставая; оба молчали. У кромки воды он обернулся:

— Я буду поддерживать тебя в воде сколько смогу.

Она кивнула и ответила мягко:

— Мы пройдем по твоей дороге до самого конца.

Он взял ее свободную руку в свою и повел женщину в воду. Было холодно. Обжигающе холодно. И холодный свет с востока лился на пенные полосы, с шипением набегавшие на песок. Когда они ступили на начало его дороги, кирпичи под их ногами держались крепко, и ребенок снова уснул на ее плече.

Удары волн становились все сильнее. Начинался прилив. Брызги пропитали одежду, холодили тело, намочили лица и волосы. Они достигли конца его долгой работы. Позади них, совсем недалеко, лежал берег, темнел песок под утесом, над которым простиралось ясное бледное небо. Вокруг них — бурная вода и пена. А впереди — пучина.

Волна, бегущая к берегу, ударила в них, и они зашатались; ребенок от тяжелого шлепка моря проснулся и закричал — тихий плач в долгом холодном свистящем бормотании моря, вечно повторяющего одно и то же.

— Нет! Я не могу! — выкрикнула мать, но только крепче сжала руку мужчины и встала с ним рядом.

Подняв голову прежде чем сделать последний шаг с того, что он построил, в бездну, он увидел нечто движущееся по воде с запада — призрачный свет, белое мерцание, словно грудка ласточки в лучах зари. Будто голоса зазвенели над гулом моря.

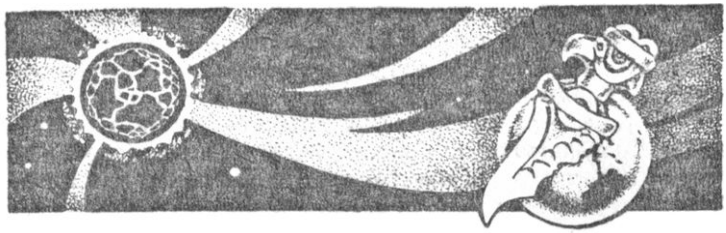
— Что это? — спросил он, но ее голова была склонена к ребенку в попытке успокоить тихий плач, броса-

ющий вызов безбрежному бормотанию моря. Лиф замер и увидел белизну паруса, танцующий свет над волнами, летящий навстречу им и навстречу великому свету, встающему позади них.

— Жди,— раздался крик с того, что бежало по серым волнам, танцевало в пене. — Жди! — Голоса музыкой плыли над морем, и когда белый парус навис над ними, Лиф увидел лица и протянутые руки и услышал, как говорят ему:

— Идите, идите на корабль, пойдем с нами к Островам...

— Держись,— нежно сказал он женщине, и они сделали последний шаг.

Сирил Корнблат
СЛОВА ГУРУ

Вчера, когда я шел в лес встретиться с Гуру, некто остановил меня и спросил:

— Малыш, что ты делаешь тут в час ночи? Твоя мама знает, где ты? И сколько тебе лет, что ты так вот разгуливаешь один по ночам?

Я посмотрел и увидел, что он совсем седой, и засмеялся. Старики — сплошь слепцы; впрочем, все люди, можно сказать, вовсе не видят. Женщины, пока молодые, еще, может, кое-что могут увидеть, но мужчины — почти совсем ничего.

— В следующий день рождения мне будет двенадцать,— ответил я. И добавил (потому что все равно я не дам ему уйти и рассказать все другим): — А ночью я вышел, чтобы повидать Гуру.

— Гуру? — удивился он. — Кто такой Гуру? Иностранец, наверно, а? Нет, молодой человек, негодное это дело — якшаться с иностранцами! Так кто этот Гуру?

Раз он хотел — я сказал ему, кто такой Гуру, и, когда он начал болтать насчет дешевых журнальчиков и сказочек, я произнес одно из тех слов, которым научил меня Гуру; и он умолк. Он был старик, и суставы у него гнулись плохо, поэтому он не осел и не согнулся, а прямо так и упал, как стоял, ударился головой о камень. А я пошел дальше.

Хотя в следующий день рождения мне будет только двенадцать, я знаю много такого, чего не знают старики. И я помню такие вещи, которые не помнят другие ребята. Помню, как я родился — как появился на свет из тьмы,

и помню, какие звуки издавали тогда взрослые вокруг меня. Позже, когда мне уже было два месяца, я начал понимать, что их шум означает что-то вроде того, что происходит в моей голове. Я открыл, что и сам могу издавать подобные звуки. Все очень удивлялись. "Говорит! — повторяли они. — И такой маленький! Клара, и что ты об этом скажешь?.."

Клара — это моя мать.

Клара отвечала: "Прямо и не знаю, что сказать. У нас в семье гениев никогда не водилось — а в семье у Джо и подавно".

Джо — это мой отец.

Однажды Клара привела человека, которого я раньше не видел. Она сказала, что это репортер — пишет о том и о сем в газетах. Этот репортер пытался говорить со мной, как будто я был обычным младенцем. Я даже не отвечал, а просто все смотрел на него, пока в глазах у него что-то не погасло, и он ушел. Даже убежал. А Клара после отругала меня и прочла кусок из газеты этого репортера. Он думал, что статья у него вышла смешная. Там было про то, что репортер будто бы задает мне всякие сложные вопросы, а я отвечаю детским гугуканьем. Это все было вранье, конечно. Я не сказал этому репортеру ни одного словечка — да и он сам ничего такого у меня не спрашивал.

Я слушал, как Клара читает этот отрывок, а сам в это время следил за ползущим по стене слизняком. Когда Клара замолчала, я спросил:

— Что там за серая штуковина? — и показал на слизняка.

Она посмотрела, но ничего не увидела.

— Какая штуковина, Питер? — удивилась она. (Я приучил Клару называть меня полным именем, а не каким-нибудь дурацким словцом вроде "Питти".) — Что за штуковина?

— Большая, как твоя ладонь, Клара. Но мягкая. По-моему, в ней совсем нет костей. Она ползет вверх, но я не вижу у нее головы. И ног у нее тоже нет.

Клара, похоже, была встревожена, но пыталась подыграть — положила руку на стену и старалась найти слизняка, а я поправлял — говорил "правее", "левее" и так далее. И вот наконец Клара положила руку прямо на слизняка, и ее рука прошла сквозь него. Тогда я понял, что она на самом деле не видит его и не верит, что он там есть. Так что я больше не говорил о слизняке. Только через несколько дней я спросил ее:

— Клара, как называется что-то, что один видит, а другой — нет?

— Иллюзия, Питер,— ответила она,— если я правильно тебя поняла.

Я ничего не сказал. Дал ей уложить меня в постель, как обычно. Но когда она погасила свет и ушла, я подождал немножко и тихо позвал:

— Иллюзия! Иллюзия!

И в тот же миг появился Гуру. Это был первый раз, когда он пришел ко мне. Он поклонился — с тех пор он всегда так кланяется — и сказал:

— Я ждал этого.

— Я не знал, что тебя можно так позвать,— ответил я.

— Когда бы ты ни захотел видеть меня — я буду готов и явлюсь сразу же. Я стану учить тебя всему, чему ты захочешь научиться. Ты знаешь, чему я буду тебя учить?

— Если ты станешь рассказывать мне про серую штуку на стене, я буду тебя слушать,— ответил я.— И если ты станешь рассказывать про реальные вещи и про нереальные, я буду слушать.

— Очень немногие,— задумчиво сказал он,— хотят учиться таким вещам. А есть и такие вещи, которые *никто* изучать не хочет. И еще есть такие, которым я не стану тебя учить.

Тогда я сказал:

— Я стану учить то, чего никто не хочет учить. И я даже выучу то, чему ты учить не хочешь.

Он насмешливо улыбнулся:

— Хозяин пришел! — и почти засмеялся.— Хозяин Гуру!

Вот так я узнал его имя. И в ту ночь он научил меня слову, позволявшему делать всякие мелочи — портить еду, например.

С той ночи и до вчерашней он нисколько не изменился, хотя сейчас я стал такой же высокий, как он. Его кожа все такая же сухая и блестящая, и лицо все такое же худое, и голова его по-прежнему увенчана копной жестких, грубых черных волос.

Однажды, когда мне было уже десять лет, я лег в кровать и пролежал столько, сколько надо было, чтобы Джо и Клара поверили, что я заснул. Потом я оставил вместо себя штуку, которая появляется, если сказать одно из слов Гуру, и спустился из окна по водосточной трубе. Я с восьми лет по ней спускаюсь и поднимаюсь — это мне раз плюнуть.

Гуру поджидал меня в Инвуд-Хилл Парке.

— Ты опоздал,— упрекнул он.

— Не слишком опоздал,— возразил я. — Я же знаю, что никогда не бывает слишком поздно для таких вещей...

— Откуда тебе знать? — резко спросил он. — Это же твой первый раз!

— А может быть, и последний,— ответил я. — Мне это не нравится. И если из второго раза мне будет нечему научиться, я больше сюда не приду.

— Но ты не знаешь,— сказал он,— ты просто не знаешь, на что это похоже — голоса, и тела, лоснящиеся от умастившего их танцующего пламени, и этот поглощающий ритуал! Ты не сможешь представить себе все это, пока сам не примешь участие...

— Посмотрим,— прервал его я. — Прямо отсюда мы сможем отправиться?

— Конечно,— ответил Гуру. Он научил меня нужному слову, и мы вместе произнесли его.

Место, в которое мы попали, было освещено красными огнями, и, кажется, там были каменные стены — сплошная скала. Хотя, конечно, "там" нельзя было видеть по-настоящему, так что огни только казались красными, и камня настоящего там тоже не было.

Когда мы шли к огню, некто остановил нас и спросил:

— Кто это с тобой? — и назвал Гуру другим именем. А я и не знал, что Гуру был еще и тем, кого так звали; ведь это было очень могущественное имя.

Гуру искоса взглянул на меня и ответил:

— Это Питер, о котором я много рассказывал.

Тогда она (а это была "она") посмотрела на меня и протянула блестящие от масла руки.

— Ах,— сказала она мягко, как кошки, когда они говорят со мной по ночам. — Ах, Питер! А ты придешь ко мне, когда я позову? Станешь звать меня по ночам, когда будешь один?

— Прекрати! — оборвал Гуру, сердито отталкивая ее с дороги. — Он еще очень юн — ты можешь испортить его, и он не сгодится для своего дела!

А она проверещала нам вслед:

— Гуру и его ученик — хороша парочка! Эй, мальчик, учти, что он не более реален, чем я, — ты единственный, кто реален здесь!

— Не слушай ее,— пробурчал Гуру. — Она не знает, что говорит. Все они безумны, когда приходит это время...

Мы подошли к огням и сели на камни. Те, кто были вокруг, убивали зверушек и птиц и проделывали разные вещи с их телами. Кровь собиралась в большой каменной чаше — и они передавали ее из рук в руки. Соседка слева сунула ее мне.

— Пей,— сказала она и ухмыльнулась, показав прекрасные белые зубы. Я отпил два глотка и передал чашу Гуру.

Когда каждый отпил из чаши, мы все разделись. Правда, некоторые, как, например, Гуру, не носили никакой одежды, но на многих одежда была. Та, что сидела слева, придвинулась и тяжело задышала прямо мне в лицо.

— Скажи ей, чтобы она прекратила, Гуру,— попросил я. — *Это* не входит в ритуал, я знаю.

Гуру сказал ей что-то резкое на их языке, и она отошла, ворча и огрызаясь.

Потом мы все начали петь, хлопая в ладоши и ударяя себя по бедрам. Одна из них медленно поднялась и тоже очень медленно обошла вокруг огней. При этом она дико вращала глазами, щелкала челюстями и так размахивала руками, что я слышал, как хрустят ее суставы. Медленно переставляя ноги, шаркая подошвами о камни, она прогнулась назад — до самого пола. На ее животе выступили мышцы, и масло стекало по коже. Когда ее ладони коснулись пола, она упала, извиваясь, и вплела в размеренное пение хора тонкое, протяжное завывание. А мы все пели и хлопали.

Вторая сделала то же, что и первая, и для нее мы пели громче, а для третьей — еще громче. Мы всё еще пели и хлопали, а одна из первых двух подняла третью, положила на алтарь и взмахнула каменным ножом. Свет огня блеснул на обсидиане. Когда вся ее кровь стекла по желобку внутрь алтаря, мы прекратили пение, и огни погасли.

Но мы все равно видели всё, что происходит,— потому что на самом деле ничего не происходило, это только казалось, что оно происходит; точно так же все люди и вещи там только казались тем, чем казались. Я один был реальным. Наверно, поэтому я и был так нужен им.

И когда последний из огней умер, Гуру взволнованно прошептал:

— Явление!

Он был очень растроган.

Из лужи крови третьей танцовщицы восстало Явление. Оно было выше всех здесь, а когда заговорило, Его

голос был самым громким и глубоким; и все повиновались Ему.

— Пустите кровь! — велело Оно, и мы кололи и резали себя осколками камня. Оно улыбнулось и показало зубы — самые острые, большие и белые. Острее, больше и белее, чем у любого здесь.

— Пустите воду! — велело Оно, и мы все плюнули друг на друга. Оно хлопало крыльями и вращало глазами — и Его глаза были больше и краснее, чем у любого здесь.

— Пустите огонь! — велело Оно, и мы дышали огнем на свои тела. Оно топало ногами и испускало из пасти ревущие синие огни, и огни те были ярче и неистовей, чем у любого здесь.

Потом Оно вернулось в лужу крови, а мы вновь зажгли огонь. Гуру смотрел прямо перед собой; я потянул его за руку. Он поклонился, будто мы этой ночью еще не виделись.

— О чем ты задумался? — спросил я. — Пойдем отсюда.

— Да,— тяжело ответил он. — Пойдем.— И мы произнесли слово, которое вернуло нас домой.

Первым, кого я убил, был брат Пол — в школе, куда я пошел, чтобы узнать то, чему не учил меня Гуру.

Это было меньше года назад — но теперь мне кажется, что это было очень-очень давно. С тех пор я убил много людей.

— Ты очень умный мальчик, Питер,— сказал брат Пол.

— Спасибо, брат.

— Но кое-чего в тебе я не понимаю. Если бы речь шла о ком другом, я обратился бы к родителям, но, чувствую я, что и они этого не понимают. Ты же был вундеркиндом, не так ли?

— Да, брат.

— В этом, конечно, нет ничего особенно странного. Говорят, это все железы. Ты знаешь, что такое "железы"?

Тут я встревожился. Я слышал это слово, но не знал точно, кого оно обозначает — низеньких и толстых зеленых человечков, одетых во все металлическое, или те штуки со множеством ног, с которыми я часто говорил в лесу.

— Откуда ты знаешь? — спросил я его.

— Ну, Питер! Ты же выглядишь совсем перепуганным, мой мальчик!.. Я, конечно, сам про них хорошенько не знаю. А отец Фредерик знает. У него есть книги про них, хотя я частенько сомневаюсь, верит ли он в них сам...

— Это плохие книги, брат,— твердо сказал я. — Их надо сжечь.

— Что за дикая идея, сын мой. Но, возвращаясь к твоим проблемам...

Не мог же я отпустить его, раз он как-то узнал про меня такое. Я сказал одно из слов, которым научил меня Гуру, и он сначала выглядел очень удивленным, а потом — так, словно ему очень больно. Он упал лицом на свой стол, и я пощупал его запястье, чтобы убедиться, что он умер: это слово я использовал впервые. Но он был как следует мертв.

Послышались тяжелые шаги, и я быстро сделался невидимым. Вошел тучный отец Фредерик, и я чуть было не убил словом и его — но успел сообразить, что это будет выглядеть подозрительным. Так что я решил подождать и вышел, когда отец Фредерик склонился над мертвым монахом: он думал, что тот уснул.

Я же прошел по коридору в заставленную книгами комнату толстого священника, быстро свалил все книжки в кучу посреди комнаты и поджег их своим дыханием. Потом спустился во двор школы, убедился, что никто не смотрит в мою сторону, и снова стал видимым. Все было проще простого. А на другой день я убил еще кого-то на улице.

По соседству жила девочка Мэри. Ей было тогда четырнадцать, и я хотел ее так же сильно, как хотели меня обитатели Пещеры вне Времени и Пространства.

Поэтому, когда пришел Гуру и, как всегда, поклонился мне, я рассказал ему про Мэри, и он посмотрел на меня очень удивленно.

— А ты взрослеешь, Питер,— заметил он.

— Взрослею, Гуру. И придет время, когда твои слова будут недостаточно сильны для меня.

Он засмеялся.

— Пойдем, Питер,— сказал он. — Иди за мной — если хочешь. Надо кое-что... сделать. — Он облизнул свои тонкие пурпурно-красные губы и добавил: — Я рассказывал тебе, на что это будет похоже...

— Пойдем,— сказал я. — Говори слово.

И он научил меня новому слову, и мы вместе произнесли его.

Место, куда мы попали, не было похоже ни на одно из мест, где я бывал с Гуру раньше. Это было — Не-место. Раньше всегда казалось, что время идет и материя движется, но здесь ничего даже не казалось. Здесь Гуру и все остальные сбросили свою форму и стали тем, чем были в действительности,— а это возможно только в Не-месте.

Нельзя, конечно, рассказать о том, что там было; но меня представили Тем, кто никогда не покидал Не-место. И все приходили к ним, словно бы они существовали. У них не было цвета, или иллюзии цвета, или какой-либо, пусть кажущейся, формы.

И там я узнал, что когда-нибудь и я присоединюсь к ним; что я, единственный с моей планеты, избран, чтобы существовать с ними в Не-месте.

Потом мы с Гуру произнесли слово и покинули Не-место.

— Ну и как? — спросил Гуру, глядя мне прямо в глаза.

— Я согласен и хочу этого,— ответил я. — Но сейчас научи меня еще одному слову.

— А,— ухмыльнулся он. — Девчонка?

— Да,— кивнул я. — Слову, которое будет много для нее значить.

Все так же ухмыляясь, он научил меня такому слову.

Мэри, которой тогда было четырнадцать, сейчас пятнадцать. И она неизлечимо сумасшедшая.

А прошлой ночью я видел Гуру опять. И в последний раз.

Он поклонился, когда я подошел.

— Здравствуй, Питер,— ласково сказал он.

— Научи меня Слову,— сказал я.

— Еще не слишком поздно...

— Научи меня Слову.

— Ты можешь и отказаться от всего — с тем, что у тебя уже есть, ты легко овладеешь этим миром. Золото без счета, сардониксы и самоцветы, Питер! Царственный бархат, жесткие и тяжелые, шитые золотом гобелены!..

— Научи меня Слову.

— Подумай, Питер — какой дворец ты мог бы себе построить! Из белого мрамора будет он, и мерцающий рубин украсит середину каждой плитки стен; и врата его внутри и извне будут из чеканного злата, и построен он будет вокруг башни из резной кости слоновой; миля за

милей вознесется эта башня в бирюзовые небеса. Ты увидишь облака, бегущие далеко внизу под тобой!..

— Научи меня Слову.

— Язык твой насладится ягодами винными, и вкус их будет как вкус расплавленного серебра. И вечно станут звучать для тебя песня соловья и голос жаворонка, подобный звону утренней звезды. Тысячи тысяч лет будет цвести вокруг тебя душистый нард, услаждая тебя изысканным ароматом. Руки твои будут умягчены касанием пуха пурпурных гималайских лебедей — мягче он, чем закатное облако.

— Научи меня Слову.

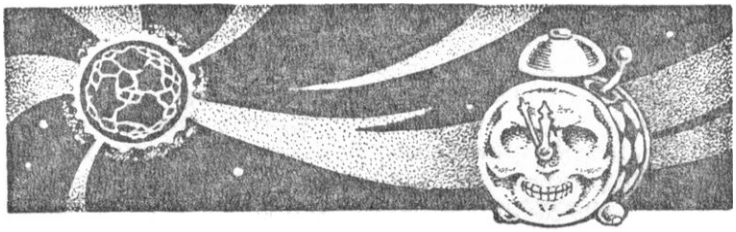
— И женщины будут у тебя, и кожа их будет черной, точно черное дерево, и белой, точно белый снег, и всякой другой. Будут у тебя женщины тверже кремня и женщины мягче облака закатного.

— Научи меня Слову.

Гуру ухмыльнулся и сказал Слово.

Не знаю, когда произнесу *я* это Слово — последнее слово, которому научил меня Гуру,— сегодня, или завтра, или через год.

Это — то Слово, которое взорвет эту планету, как взорвала бы динамитная шашка гнилое яблоко.

Харлан Эллисон
ПОКАЙСЯ, АРЛЕКИН!

Всегда найдутся люди, которые станут недоумевать — о чем все это? Любителей задавать вопросы, расставлять все по полочкам, докапываться до сути отсылаю к нижеследующему:

"Массы людей служат государству не как живые существа, а главным образом как механизмы, принося ему в жертву собственные тела. Находится ли человек в действующей армии, служит ли в полиции, в ополчении, тюремщик он или арестант — в большинстве случаев человек лишен свободы — как действий, так и духа. По сути он низведен до уровня дерева, камня или почвы; пожалуй, деревянный истукан справился бы с подобной деятельностью даже лучше его. Уважения к человеку здесь не более, чем к соломенному чучелу или глиняному болвану. Ценят его, как ценят лошадь или собаку. Тем не менее в обществе таких почитают за добропорядочных граждан и уважают. Другой сорт людей — политики, законодатели, министры, чиновники — ставит на службу государству главным образом свой интеллект, и поскольку о моральной стороне дела они не имеют никакого представления, то с равным усердием могут служить и Богу, и Дьяволу, причем даже не подозревая об этом. И лишь единицы — герои, патриоты, мученики, реформаторы духа и Люди с большой буквы — служат государству еще и своим разумом, тем самым неизбежно противопоставляя себя большинству; естественно, большинство объявляет их врагами, обходясь с ними как с изгоями".

Генри Дэвид Торо. "О гражданском неповиновении".

Вот вам суть. А теперь начнем с середины, потом вернемся к началу; конец, я думаю, сложится сам собой.

...Но поскольку этот мир был в своем роде похож на все остальные, поскольку он позволил ему возникнуть, то поначалу его выходки не привлекли внимания Тех, Кто Следил За Нормальным Функционированием Машины — сливок общества, снимавших все пенки с культуры. Так длилось до той поры, пока он каким-то образом не превратился вдруг в знаменитость, в некотором роде даже в легенду — как с неизбежностью пришлось констатировать официальным кругам, "героя в среде эмоционально неустойчивой части населения". Так они и доложили Тиктакщику. Но к тому времени — поскольку и этот мир был похож на все остальные, а препятствовать неизбежному им было не под силу (возможно, они имели дело с каким-то забытым вирусом, который вдруг возродился в системе, утратившей к нему иммунитет) — к тому времени он из легенды превратился в реальную личность. Обрел форму и субстанцию.

Он стал *личностью,* то есть тем, что они благополучно искоренили много десятилетий назад. И тем не менее он существовал, и это было фактом. В одних кругах — главным образом среди представителей среднего сословия — он считался омерзительным типом, глупым и вульгарным придурком. В других сферах — интеллектуальных снобов — его имя удостаивалось лишь кривой ухмылки. Зато в низах, о, на самом дне, где людям всегда нужны собственные святые и грешники, свой хлеб и свои зрелища, свои герои и злодеи,— здесь его почитали за Боливара, Наполеона, Робин Гуда, Дика Бонга, Иисуса, Джомо Кениатту.

А на самой верхушке — где, как известно, малейшая раскачка грозит снести мачту власти и потопить весь груженный драгоценностями корабль государства,— там его воспринимали как угрозу, бунтовщика и еретика.

Короче говоря, знали его повсюду, но наиболее остро реагировали на самом верху и на самом дне.

В итоге его карточка времени и кардиоплата были доставлены в канцелярию Тиктакщика.

Это был молчаливый, огромного роста человек, который не повышал голоса даже в самых критических ситуациях. Тиктакщик.

Тиктакщиком называли его за глаза. Сказать ему об этом прямо в маску боялись даже в кулуарах ведомства, где разрабатывались новые методы устрашения.

Ты не можешь назвать человека ненавистным тебе именем, даже если этот человек в маске распоряжается каждой минутой, часом, каждой ночью, каждым днем, каждым годом твоей жизни. Лицом к маске его называли Хранителем Времени. Так было безопаснее.

— Теперь мне понятно, что он из себя представляет,— мягко сказал Тиктакщик, просмотрев его карточку жизни и ознакомившись с кардиоплатой.— Но я не знаю, кто он такой. На эту карточку нанесено имя, но здесь указано, кем он прикидывается, а не *кто* он такой. То же самое с кардиоплатой. Для того чтобы принять меры, мне необходимо знать, *кто* он.

И он спросил, обращаясь ко всем своим помощникам, ищейкам, костоломам, осведомителям и даже специально приглашенным посыльным:

— Кто этот Паяц?

На этот раз в его голосе не было и намека на уравновешенность. Временами он звучал даже резко.

Кстати говоря, все его подчиненные — кроме посыльных, которым до этого вообще не доводилось слышать Тиктакщика,— впервые слышали, чтобы Тиктакщик говорил так много.

Выслушав Хозяина, все бросились на поиски.

Кто же он — Паяц?

Летающая лодка зависла над третьим уровнем города, он подполз к краю дрожащей алюминиевой рамы (тот еще летательный аппарат) и посмотрел вниз на ровные, словно сошедшие с картин Мондриана ряды зданий.

Где-то поблизости, чеканя шаг, строем двигалась к заводским воротам смена, заступавшая на работу в 14:47. Ровно через минуту он услышал, как в обратном направлении устало промаршировала с завода смена, отработавшая в ночь.

Хитрая ухмылка заиграла на его загорелом лице, обозначив на щеках ямочки. Потом, взъерошив огненно-рыжую шевелюру, он поправил свой шутовской наряд, встряхнулся, усмехнулся тому, что должно было произойти минуту спустя, и решительно перевел рычаги. Летающая лодка заскользила вниз. Паяц, прикрываясь от встречных воздушных потоков, промчался над движущимися тротуарами, сминая прически расфуфыренным дамам,— глаза скошены к переносице, растопыренные ладони приставлены к ушам, язык высунут, а глотка издает какие-то непристойные звуки. Диверсия получилась скромной: один пешеход, испугавшись, растерял

свои свертки, какая-то дама обмочилась, а еще одна вдруг шлепнулась на тротуар, и эскалатор автоматически отключился, чтобы она привела себя в порядок. Пакости вышли мелкими.

Паяц набрал скорость и на бреющем полете умчался прочь. Оп-ля!

Обогнув башню Центра По Изучению Хода Времени, он увидел очередную смену, только-только ступившую на движущийся тротуар. Привычным движением, абсолютно синхронно, колонна сошла с медленной ленты эскалатора и, словно кордебалет из допотопного фильма Басби Беркли, одним прыжком вскочила на тротуар-экспресс.

Предвкушая предстоящую сцену, Паяц вновь улыбнулся, и стало заметно, что с левой стороны у него не хватает одного зуба. Лодка, нырнув, устремилась в сторону рабочих. Поравнявшись с ними, Паяц забегал по своей летающей посудине, освобождая защелки, удерживавшие самодельные корыта, в которых он обычно держал балласт. Корыта опрокинулись, и на головы рабочих дождем посыпались леденцы. Целое море леденцов. На покупку такого количества леденцов потребовалось бы никак не меньше ста пятидесяти тысяч долларов.

Леденцы! Миллионы розовых, желтых, зеленых, лакричных, малиновых, мятных леденцов — гладких, облитых глазурью, с мягкой сладкой тянучей начинкой — просыпались на головы, на плечи, на фуражки заводских рабочих, застучали по тротуарам, покатились под ногами, заслонили своим веселым ребячьим разноцветьем небо. Потоки сладкого цветного дождя хлынули в мир здравого смысла и хронометрического порядка. Леденцы!

Рабочие заулюлюкали, заулыбались, стройные ряды распались, и раздался ужасающий скрежет, словно миллионы ногтей зацарапали по школьной доске. Потом механизмы, которые приводили в движение тротуары, зачихали, зашипели, засоренные леденцами, и остановились. Рабочие смешались в кучу-малу, хохотали, каждый старался запихнуть в рот побольше леденцов. Это был настоящий праздник — беззаботности, радости и смеха. Но...

Смена задержалась на семь минут.

И вернулась домой на семь минут позже положенного срока.

Генеральное расписание было нарушено на семь минут.

Работу транспорта из-за неисправности эскалаторов парализовало на семь минут.

Паяц просто щелкнул по первой костяшке домино, и вслед за ней — шлеп-шлеп-шлеп — повалились все остальные.

Система вырубилась на семь минут. Конечно, вы на такую ерунду не обратили бы никакого внимания, но для общества, единственной движущей силой которого были приказы, послушание, единство и хронометрически выверенный распорядок жизни,— это была катастрофа.

И потому Паяцу приказали явиться к Тиктакщику. Это требование передали по всем каналам связи. Паяцу предписывалось прибыть ровно в 19:00. Они ждали его, ждали, ждали, но Паяца и след простыл. Потом, в половине одиннадцатого, он все же объявился в другой части города, спел песенку о том, как прекрасна лунная ночь в каком-то никому не известном Вермонте, и снова исчез. А они-то все это время ждали его, вместо того чтобы заниматься тем, что им вменялось по плану. Весь распорядок полетел к чертям. Вопрос оставался без ответа: кто же он такой — Паяц?

Хотя подразумевался под этим вопросом, конечно, другой, более важный: как мы дошли до того, что смех, кривлянье и болтовня какого-то придурка плюс леденцы на сто пятьдесят тысяч долларов выбивают из колеи всю экономику и культурную жизнь государства?

Леденцы, господи ты боже мой! Бред какой-то! Где это он раздобыл столько денег (они точно знали, что на покупку леденцов ему потребовалось сто пятьдесят тысяч долларов, поскольку специальная Группа Экспертов, получив приказ, оцепила тротуары, собрала все до единого леденцы, подсчитала их количество и, произведя необходимые расчеты, определила их стоимость. Это задание выбило Экспертов из графика основной работы по крайней мере на день.)? Леденцы! Ле-ден-цы?.. Погодите-ка... Секундочку (надо будет потом наверстать)... Так ведь леденцов не выпускают уже лет сто... Где он их достал?

Хороший вопрос. Но скорее всего ответа, который удовлетворил бы вас, вы на него не получите. Но ведь на свете так много вопросов без ответов, не правда ли?

Продолжение вам известно. А вот начало. Итак.

Все по расписанию. День за днем, год за годом: 9:00 — просмотр утренней корреспонденции. 9:45 — встреча с правлением плановой комиссии. 10:30 — обсуждение дальнейшего совершенствования подбора кадров с Дж. Л. 11:45 — молитва о ниспослании дождя. 12:00 — ленч. И так далее.

— Сожалеем, мисс Грант, но собеседование было назначено на 14:30, а сейчас уже пять. Жаль, что вы опоздали, но мы не можем идти против правил. Приезжайте поступать к нам в колледж через год... И так далее.

Пригородный поезд отправлением в 10:10 следует с остановками в Грейсхейвене, Гейлсвиле, Тонаванде, Джанкшене, Селби и Фэрнхарсте, минуя Индиана-Сити, Лукасвилл и Колтон, где останавливается только по воскресеньям. Экспресс в 10:35 останавливается в Гейлсвиле, Селби и Индиана-Сити, кроме воскресений и праздников. В эти дни он останавливается в... И так далее.

— Я не могла ждать, Фред. В 15:00 мне нужно было быть у Пьера Карттена, а ты обещал встретить меня под вокзальными часами в 14:45. Тебя не было, вот я и ушла. Ты всегда опаздываешь, Фред. Если бы ты пришел вовремя, мы успели бы все обговорить, а так мне пришлось оформлять заказ самой.

"Уважаемые мистер и миссис Эттерли! Доводим до вашего сведения, что мы вынуждены будем отчислить вашего сына Джеральда из школы, если только вы не изыщете более действенных способов предотвратить в дальнейшем его постоянные опоздания на занятия. Безусловно, ваш сын образцовый ученик, он великолепно успевает по всем предметам, но постоянство, с которым он попирает школьные порядки, делает невозможным его пребывание в системе, предполагающей нахождение учащихся в определенном месте в строго обусловленное время". И так далее.

ВЫ БУДЕТЕ ЛИШЕНЫ ПРАВА ГОЛОСА В СЛУЧАЕ НЕЯВКИ ДО 8:45.

Мне неважно, какой будет сценарий. Лишь бы он был готов к четвергу.

ОТПРАВЛЕНИЕ В 14:00.

Вы опоздали. Мы взяли на работу другого. Искренне вам сочувствуем.

ВВИДУ ДВАДЦАТИМИНУТНОГО ОПОЗДАНИЯ ВАША ЗАРПЛАТА УРЕЗАНА.

Господи, который час? Мне надо бежать!

И так далее. И так далее. И так далее. И так далее далее далее далее далее тик так тик так тик так, и в один прекрасный день уже не время служит нам, а мы ему. Мы становимся рабами инструкций, солнцепоклонниками, живущими от восхода до заката, потом привыкаем к жизни, основанной на ограничениях, ибо система прекратит функционировать, если мы перестанем неукоснительно придерживаться этих ограничений.

Так продолжается до тех пор, пока опоздание из обычной оплошности не превращается в грех. Потом оно становится преступлением. И за это преступление начинают карать:

"Канцелярия Главного Хранителя Времени извещает о том, что до 00 часов 00 минут 00 секунд 15 июля 2389 года каждый гражданин обязан представить в Канцелярию для проверки свои карточки времени и кардиоплаты. В соответствии со статьей 555-7-СГХ-999, отменяющей индивидуальное время, все кардиоплаты будут приведены в соответствие с..."

Короче говоря, они изобрели способ влиять на продолжительность жизни. Если кто-то опаздывал на десять минут, эти десять минут вычитались из его жизни. Часовое опоздание сокращало жизнь на час. Если же вы совершали опоздания слишком часто, то у вас имелись все шансы в один прекрасный день получить уведомление Главного Хранителя Времени о том, что отпущенное на жизнь время истекло и "в понедельник, в полдень, вы будете отключены. Пожалуйста, к этому сроку приведите в порядок все свои дела, сэр".

Так при помощи простой научной уловки (все научные исследования проводились непосредственно в ведомстве Тиктакщика и были строго засекречены) Системе была обеспечена устойчивость. Целесообразность подобных действий не подвергалась сомнению. В конце концов это — проявление патриотизма. Инструкции должны исполняться. Ведь война на дворе!

Но разве война не длилась вечно?

— Какая мерзость,— сказал Паяц, когда прекрасная Алиса показала ему его изображение на листовке с надписью "Разыскивается".— Омерзительно и в высшей степени неправдоподобно. Времена головорезов в конце концов давно прошли. И вдруг — "Разыскивается"!

— Знаешь,— заметила Алиса,— с праведным гневом ты переигрываешь.

— Прости, пожалуйста,— смутился Паяц.

— Не трудись извиняться. Ты всегда говоришь "прости". На тебе такая большая вина, Эверетт! Если бы ты знал, как это меня печалит.

— Прости, пожалуйста,— повторил Паяц и, спохватившись, поджал губы. На его щеках мгновенно обозначились ямочки. Он совсем не то хотел сказать.— Мне надо идти. Я должен сделать что-нибудь.

Алиса грохнула кофейником по столу.

— Ради Бога, Эверетт, ты можешь хоть одну ночь остаться дома? Неужели так необходимо бегать по улицам в этом гнусном шутовском наряде и раздражать народ?

— Я...— он оборвал себя на полуслове, нахлобучил тихо позвякивающий колокольцами шутовской колпак на рыжую шевелюру, встал из-за стола, сполоснул чашку и сунул ее в сушилку.— Мне надо идти.

Алиса ничего не ответила. Зажужжал телефакс, она вынула из него лист бумаги, пробежала глазами и швырнула на стол.— Про тебя, конечно. Посмешище...

Он проглядел сводку новостей: в ней говорилось о том, что Тик-Так-Владыка пытается выявить его, Паяца, местонахождение.

Наплевать, что он и сегодня опоздает. В очередной раз.

У дверей он раздраженно бросил через плечо:

— Ты тоже переигрываешь с праведным гневом!

Алиса возвела прелестные очи к небу:

— Посмешище!

Паяц скользнул за порог, резко — чтобы хлопнула — толкнул дверь, но та закрылась плавно и медленно. Щелкнул автоматически запирающийся замок.

Тут же раздался тихий стук в дверь. Алиса встала и, свирепо сопя, пошла отворять.

— Я вернусь в половине одиннадцатого, ладно?

Она скорчила унылую гримасу, передразнивая его.

— Зачем ты мне это говоришь? Зачем?! Ты же знаешь сам, что все равно опоздаешь! Ты ведь знаешь! Ты всегда опаздываешь! Так какого черта ты говоришь мне эти глупости?!

Она закрыла дверь.

Паяц согласно кивнул. "Она права,— подумал он.— Она всегда права. Я опоздаю. Я всегда опаздываю. И действительно, зачем я говорю ей эти глупости?"

Он пожал плечами и отправился в путь, чтобы опоздать еще раз.

Он запустил в небо петарды, и они разорвались в вышине, складываясь в сверкающую надпись на облаках: "Прибуду на 114-ю ежегодную встречу членов Международной Медицинской Ассоциации ровно в 20:00. Надеюсь, что вы присоединитесь ко мне".

Естественно, власти заметили эти горящие в небесах буквы и стали готовиться к встрече с ним. И конечно же сделали поправку на то, что он непременно опоздает. А он явился за двадцать минут до начала и, затрубив в огромный рог, так напугал стражников, расставлявших

на него сети, что те в поднявшейся суматохе угодили в собственную ловушку. Горловина сети затянулась, и спустя мгновение стража, оказавшаяся в гигантской авоське, болталась в вышине над ареной амфитеатра, оглашая присутствующих отчаянными воплями. Паяц хохотал и, ежеминутно раскланиваясь, просил прощения. Врачи, собравшиеся на торжества, встретили его кривлянье дружным смехом. Все думали, что Паяц просто переодетый конферансье, и от души веселились над его выходками. Все, кроме стражи, посланной ведомством Тиктакщика,— те знали, кем был Паяц на самом деле, но им было не до смеха — они болтались между небом и землей в самом неприглядном виде, будто какой-нибудь тюк на крюке портового крана.

(В другой части города в то же самое время — это отступление не имеет никакого отношения к нашей истории, оно лишь иллюстрирует могущество и всесилие Тиктакщика,— так вот, в это самое время некий Маршалл Делэхенти получил из ведомства Тиктакщика извещение об отключении. Вернее, получила извещение его супруга: некто в сером с профессиональной печатью скорби на лице вручил ей пакет, о содержимом которого она догадалась сразу же. В те дни этот пакет все опознавали мгновенно. Ей вдруг стало душно, она стояла не дыша, словно лаборант над микроскопом с бациллами ботулизма, и молилась, чтобы извещение было адресовано не ей. Пусть оно будет Маршу, молилась она, или кому-нибудь из детей, но только не мне, Господи, прошу тебя, только не мне. Потом она вскрыла пакет и, когда оказалось, что извещение пришло Маршу, испытала смешанное чувство ужаса и облегчения. Пуля сразила соседнего солдата. "Маршалл!— запричитала она,— Маршалл! Время вышло, Маршалл! О Господи, Маршалл! Что же нам делать, Маршалл, что же нам делать? Господи, Маршалл..." В эту ночь в доме Маршалла рвали на кусочки бумагу и цепенели от ужаса, но придумать ничего не могли. Ничего и нельзя было придумать. В доме повеяло безумием.

Маршалл Делэхенти все же попытался спастись бегством, и к утру следующего дня, когда настал срок отключения, он был уже в двухстах милях от города, в дремучем лесу. Но в ведомстве Тиктакщика стерли его кардиоплату, и Маршалл Делэхенти кувыркнулся на бегу через голову, упал, сердце его остановилось, кровь застыла в жилах на пути к мозгу, и он умер, и на этом все кончилось. В ведомстве Главного Хранителя Времени

извещение на имя Маршалла для проверки вторично запустили в факсимильную машину, и, когда на пульте в кабинете Тиктакщика погасла лампочка напротив имени Делэхенти, тут же поступило распоряжение о внесении вдовы Жоржетты Делэхенти в список для получения пособий, которыми она будет теперь обеспечена вплоть до повторного замужества. На этом наше отступление заканчивается, и вы можете воспринимать его как вам заблагорассудится, только не надо смеяться — ибо та же участь ждет и Паяца, если Тиктакщику удастся вычислить его настоящее имя. А в этом, согласитесь, нет ничего смешного.)

В торговом секторе города царила обычная для четвергов пестрая толчея. Женщины в канареечно-желтых хитонах и мужчины в тесных псевдотирольских костюмах из грязно-зеленой замши и кожи давились за надувными кальсонами.

Когда Паяц появился на самой верхотуре нового, еще строившегося Универсального Торгового Центра и приложил к своим вечно смеющимся губам пастуший рожок, толпа внизу вмиг замерла. Все, запрокинув головы, уставились на него. И Паяц обрушил на них свой гнев:

— Эй вы! Почему вы позволяете им командовать? Они заставляют вас суетиться, как муравьев, вы копошитесь, будто какие-нибудь мокрицы. Распоряжайтесь своим временем сами! Очнитесь! Гуляйте, наслаждайтесь солнечным светом, свежим ветром, пусть жизнь идет своим чередом! Не будьте рабами времени, не обрекайте себя на медленную смерть... Долой Тиктакщика!

"Что за придурок? — вот что хотелось бы знать большинству покупателей.— Что за придурок, ой, мне уже пора, я опаздываю, надо бежать".

А бригада строителей Торгового Центра тем временем получила срочный приказ из ведомства Главного Хранителя Времени, которым предписывалось немедленно оказать содействие в поимке опасного преступника, именующего себя Паяцем и находящегося в данный момент на шпиле возводимого ими объекта. Строители поначалу помогать отказались — это могло выбить стройку из графика, но Тиктакщик умело подергал за нужные нити правительственной паутины, и строителям разрешили прекратить работы, чтобы поймать этого кретина с дудкой, забравшегося на шпиль. И около дюжины с лишним самых здоровенных рабочих начали карабкаться по лесам вверх, к Паяцу.

После разгрома (впрочем, благодаря тому что Паяц внимательно следил, чтобы никого не поранить, обошлось без серьезных травм) строители попытались было, перестроив порядки, вновь ринуться на штурм, но было слишком поздно. Паяц исчез. А главное, это происшествие на время отвлекло внимание толпы, и торговый цикл был нарушен на несколько часов. Покупательные способности системы снизились, и весь остаток дня правительство предпринимало различные меры для восстановления нормального цикла. Однако форсированные темпы привели лишь к тому, что ненормально возрос спрос на вентили, а сбыт заглушек, напротив, упал ниже нормы: это означало нарушение баланса. В результате чего пришлось срочно, ящик за ящиком, доставлять в магазины партии начавшего портиться "Смэш-О", хотя обычно одного ящика торговле хватало на три-четыре часа. Погрузочно-разгрузочные работы вышли из ритма, транспорт выбился из расписания, и в конце концов это сказалось даже на работе предприятий, выпускающих летающие лодки.

— ...И не смейте возвращаться, пока не поймаете,— сказал Тиктакщик тихим, добрым, угрожающим тоном.

Они пускали по следу собак. Применяли зондаж. Переворошили все кардиоплаты. Понаставили шпиков. Пытались его подкупить. Льстили. Угрожали. Пытали свидетелей. Наняли ораву полицейских. Проводили повальные обыски и облавы. Взывали к патриотическим чувствам. Сличали отпечатки пальцев. Пускались на хитрости и обман. Позвали на помощь Рауля Митгонга, но он ничем не смог помочь. Взяли на вооружение методы прикладной физики и криминологии.

И черт побери — они поймали его!

Оказалось, что зовут его Эверетт С. Марм. И что он ничего примечательного из себя не представляет. Разве что начисто лишен чувства времени.

— Смейся, Паяц! — сказал Тиктакщик.

— Пошел ты! — ответил, усмехаясь, Паяц.

— У тебя набралось опозданий на шестьдесят три года пять месяцев три недели два дня двенадцать часов сорок одну минуту пятьдесят девять секунд и ноль целых тридцать шесть тысяч сто одиннадцать миллионных секунды. Ты использовал весь свой запас — более того, намного перебрал его. Я собираюсь отключить тебя.

— Пугай кого-нибудь другого. Я лучше умру, чем соглашусь жить в этом поганом мире рядом с таким уродом, как ты.

— Это всего лишь моя работа.

— Ты упиваешься ею. Ты тиран. Ты не имеешь никакого права приказывать людям и убивать их за опоздания.

— Ты просто недисциплинирован. Не хочешь приспособиться.

— А ты развяжи мне руки, и я сразу приспособлю кулак к твоей морде.

— Да ты, оказывается, нонконформист.

— Это никогда не было преступлением.

— Сейчас это — преступление. Надо жить, как живет весь мир.

— Я ненавижу этот мир. Он ужасен.

— Так думают не все. Большинству нравится жить по приказу.

— А мне — нет. И я знаю, что большинству это тоже противно.

— Ты не прав. Каким образом, по-твоему, нам удалось поймать тебя?

— Меня это совершенно не интересует.

— Нам раскрыла твое имя хорошенькая девушка по имени Алиса.

— Ты лжешь!

— Нет, я говорю правду. Ты замучил ее. Она хотела подчиняться, быть как все... Придется тебя отключить.

— Ну так отключай скорее, что же ты со мной препираешься?!

— Впрочем, знаешь, пожалуй, я не стану этого делать.

— Идиот!

— Покайся, Арлекин!

— Пошел ты...

И они отправили его в Ковентри. А там хорошенько над ним поработали. Они сделали с ним примерно то же, что сотворили с Уинстоном Смитом из книги "1984", о которой никто из них и знать не знал. Но методы за долгие годы почти не изменились, и в один прекрасный день спустя много лет Эверетт С. Марм вдруг появился на экране — все такой же проказник, ямочки на щеках, сверкающие глаза: никакого намека на то, что ему промывали мозги,— и стал говорить, что он глубоко заблуждался, что нет ничего прекраснее, чем быть подчиненным и поспевать всюду вовремя. И народ, который толпился у огромных экранов, установленных на каждом углу, смотрел на него, и люди говорили себе: видишь, он все-таки был просто придурок, и раз системе для существования необходимо послушание, то пусть так оно и будет.

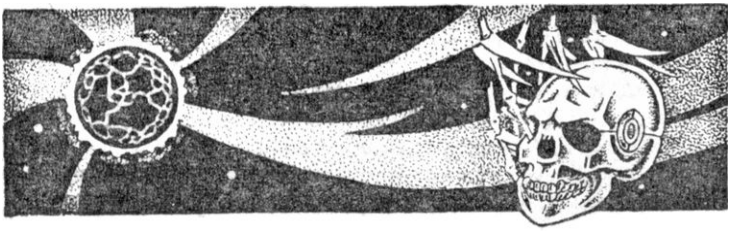
И нет никакого смысла штурмовать здание городских властей или конкретно ведомство Тиктакщика.

Так уничтожили Эверетта С. Марма. Он проиграл, ибо стал тем, о чем говорил Торо. Но нельзя изжарить яичницу, не разбив яиц: в каждой революции гибнут невинные люди, они просто обязаны погибнуть, ибо только так и свершаются революции. И если благодаря этим жертвам меняется хоть что-нибудь, то они были принесены не зря. Поясняю:

— Ой, простите, сэр, я... ой... даже не знаю, как... гм-гм... сказать... в общем... вы опоздали на три минуты. Распорядок... знаете ли... немножечко нарушен,— застенчивая робкая улыбка.

— Не смешите меня,— бормочет скрытый маской Тиктакщик.— Лучше проверьте свои часы.

И направляется в кабинет с забухавшим вдруг сердцем — тик-так тик-так тик-так тик-так...

Джен Вулф
УЖОСЫ ВОЙНЫ

Эти трое, усердно работавшие под проливным дождем в траншее, были удивительно похожи друг на друга. Лоснились мокрые лысые черепа, такие же безволосые торсы — под блестящей от воды кожей перекатывались мышцы; казалось, гладкие крепкие тела смазаны маслом.

2909-й и 2911-й не видели особых причин жаловаться на обступавшие их джунгли, хотя ругали дождь, от которого ржавело оружие, змей и насекомых — и, конечно, ненавидели Врага. А вот третьему, по имени 2910-й, лидеру в тройке по должности и по негласному признанию товарищей, здесь не нравилось. Дело в том, что кости 2909-го и 2911-го были сделаны из нержавеющей стали, а вот кости 2910-го — нет. Более того, УЖОСа под номером 2910 никогда не существовало.

Их лагерь имел в плане форму треугольника. В центре размещался "жилой блок командного пункта", где спали лейтенант Кайл и мистер Бреннер. ЖБКП представлял собой врытую в болотистую почву полуземлянку со стенами из набитых глиной снарядных ящиков. Вокруг располагались заглубленная минометная позиция (на северо-востоке), заглубленная позиция безоткатной пушки (на северо-западе) и траншейное укрытие Пиноккио (на юге); за ними протянулись ровные линии окопов: первый взвод, второй взвод, третий взвод (2909-й, 2910-й и 2911-й служили в третьем). Позиции окружала колючая проволока и полосы противопехотных мин.

А дальше, снаружи, были джунгли. То есть не вполне снаружи — лес выдвигал на территорию лагеря свои передовые отряды — бамбук и слоновую траву, а ползучие твари без устали патрулировали траншеи. Лес укрывал Врага, прятал его на своей пахнущей сырой гнилью груди, кормил его этой вонючей грудью — и впитывал, впитывал бесконечный дождь. Дождь оплодотворял джунгли, и они порождали новые легионы москитов и ядовитых сороконожек.

Гигант 2911-й вогнал лопату в пропитанную водой липкую землю, поднял огромный ком и механически отбросил его; 2910-й повторил его движение и остановился, наблюдая, как струи дождя размывают выброшенный на бруствер ком и глина постепенно сползает обратно в траншею. 2911-й проследил за его взглядом и ухмыльнулся. Лица УЖОСов были широкие, безволосые, скуластые и плосконосые; острые белоснежные зубы напоминали клыки крупного пса. 2910-й знал, что это было и его собственное лицо. Точное, как зеркальное отражение. Он сказал себе, что это просто сон — вот только он слишком устал и никак не может проснуться.

Из дальнего конца траншеи послышался трубный голос 2900-го, призывавшего к ужину. УЖОСы побросали инструменты и ринулись, торопясь и толкаясь, к котелкам с дымящейся кашей. Но 2910-го от одной мысли о еде замутило, и он спустился в землянку, которую делил с 2909-м и 2911-м. Упав на надувной матрас, можно было на время забыть непрекращающийся кошмарный сон, вернуться в нормальный мир домов и тротуаров. Или просто провалиться в благословенную черноту — это еще лучше...

Внезапно он вскочил — в глазах еще стояла темнота сна, но руки автоматически схватили каску и оружие. От границы джунглей тревожно звучала труба, но 2910-й успел сунуть руку под матрас и убедиться, что его записки на месте. Затем голос 2900-го проревел:

— Нас атакуют! В ружье! Все в окопы!

(Между прочим, 2900-й никогда не говорил о товарищах по оружию "мои УЖОСы"; только — "мои люди", хотя остальные в его взводе никогда не упускали случая повторить довольно избитую шутку, подменяя слова "человек", "люди", "солдат", "человеческий" и прочие на "УЖОС" и производные от него. 2910-го такая манера 2900-го раздражала, но 2900-й об этом

обстоятельстве не подозревал. Он просто чересчур серьезно воспринимал свою должность.)

2910-й занял закрепленную за ним ячейку в тот самый миг, когда над лагерем повисли осветительные ракеты — точно белые огненные розы. То ли благодаря короткому сну, то ли из-за надвигающегося боя его усталость точно испарилась. Он был бодр, но нервничал. Из джунглей донесся звук трубы: "та-та-аа-а...таа-таа..." — и слева от окопа, где сидел 2910-й, первый взвод открыл огонь из тяжелого оружия по команде смертников, которую, как им показалось, они заметили на тропе, ведущей от северо-восточных ворот лагеря. 2910-й изо всех сил всматривался во тьму — и действительно, что-то поднялось на тропе. Тень схватилась за живот и упала. Значит, там действительно атаковали смертники...

"*Кто-то*", поправил он себя."*Кто-то*", а не "что-то". Кто-то схватился за живот и упал. *Там* все были людьми.

Теперь первый взвод вел огонь и из личного оружия, и каждый выстрел был полудюжиной крохотных стрел, и почти каждый выстрел означал попадание — стрéлки на такой дистанции разлетались трехфутовым веером.

— Перед собой гляди, 2910-й! — рявкнул 2900-й.

Глядеть было не на что. Несколько пучков слоновой травы, и дальше — сплошная стена джунглей. Потом ракета погасла и не стало видно даже этих пучков травы.

— Что же они не запустят новую?.. — встревоженно спросил справа 2911-й.

— "Звезда на востоке, звезда человеков, не от женщины рожденных",— вполголоса пробормотал 2910-й — и тут же пожалел о своих святотатственных словах.

— Точно, там ее и надо бы зажечь,— согласился 2911-й, ничего, разумеется, не понявший. — Первому взводу, похоже, жарко. Хотя и нам не помешало бы немного света...

2910-й не слушал. Дома, в Чикаго... все то невыразимо далекое время, которое начиналось со смутных воспоминаний, в которых он играл на лужайке под надзором улыбающейся великанши, и заканчивалось два года назад, когда он лег на операцию, лишившую его всех волос на голове и теле и кое-что изменившую в его организме,— все то время он подсознательно готовил себя к этому. Поднимал тяжести, играл в фут-

бол, укрепляя тело. Прочел тысячи книг и знал столько, что другие все время чувствовали дистанцию, отделявшую его...

Вспыхнула новая "люстра", и ее голубовато-белый свет выхватил три тени, скользившие от третьего куста слоновой травы ко второму. 2910-й дал в них очередь из своей М-19, УЖОСы справа и слева тоже открыли огонь. Оттуда, где под острым углом сходились траншеи второго и третьего взводов, застучал, рассыпая росчерки трассеров, пулемет. Ближний кустик подлетел вверх и закувыркался среди комьев земли.

Несколько секунд было тихо. Затем позади и справа один за другим грохнули пять взрывов, пять фугасов. Метили в траншею Пиноккио?.. Бумм. Бумм. Бумм... Бумм. Бумм. (2900-й наверняка уже мчался к Пиноккио, узнать, не ранило ли его.)

Кто-то подбежал по траншее — еще до взрывов; теперь он снова мог говорить. Правда, говорил куда громче, чем начал было:

— Как вы? Все в порядке? Потерь нет?

Большинство УЖОСов отвечало просто: "В порядке, сэр"; но поскольку УЖОСы обладали чувством юмора, некоторые бурчали что-нибудь вроде: "Как бы мне перейти в морскую пехоту, сэр?" и: "У меня пульс подскочил до девяти тысяч, сэр. 3000-й определил его при помощи минометного прицела".

"Мы часто ассоциируем силу с отсутствием чувства юмора",— написал он как-то в газете, которая с согласия и с помощью армии организовала для него операцию и внедрение в ряды Универсальных Жизнесимулирующих Органических Солдат.

"Но,— продолжал он,— это неверно. Юмор — важнейшая защитная реакция сознания; поэтому, сознавая, что лишить разум чувства юмора — это оставить его без защиты, армия и Биосинтетическая Служба (БСС) мудро включили эту замечательную черту в облик и характер заменителей пехотинцев-людей".

Эту статью он написал еще до того как узнал, что в свое время и армия, и БСС пытались выкорчевать это явно излишнее для бойцов свойство — но вскоре выяснили, что коль скоро УЖОСы должны обладать определенным интеллектуальным уровнем, то без чувства юмора, как это ни прискорбно, не обойтись.

...Бреннер стоял за спиной. Он похлопал 2910-го по плечу:

— Как, солдат, в порядке?..

2910-й хотел было ответить: "Я наделал в штаны ровно вполовину меньше твоего, голландская ты задница",— но вовремя понял, что, если заговорит, в голосе будет слышен страх.

Можно было бы ответить просто: "В порядке, сэр",— тогда Бреннер перешел бы к 2911-му, и всё. Но приходилось поддерживать репутацию оригинала — особенно принимая во внимание то, как полезна бывала эта репутация, когда он ошибался, поступая не так, как все нормальные УЖОСы. Поэтому он ответил:

— Может, лучше осмотрите Пиноккио, сэр? Я боюсь, как бы он не рассохся — нам-то что...

Тихий смешок 2909-го вознаградил его за незамысловатую остроту, а Бреннер, представлявший собой самую серьезную угрозу его маскировке, прошел дальше.

Страх был необходим УЖОСам, потому что желание выжить было *крайне* необходимо. Ну а гуманоидная форма была неизбежна, поскольку УЖОСы должны были использовать первоначально предназначенное для людей оружие (а его скопились горы — не пропадать же добру!). Поэтому УЖОСов предпочли бесчисленному множеству диковинных созданий, какие только смогло породить больное воображение Биосинтетической Службы. И они подтвердили свое превосходство в ходе абсолютно приближенных к боевым условиям испытаний (общественное мнение никогда бы их не допустило, просочись хоть какая-то информация) — учений, проведенных во флоридских болотах... (Или они только повторяли уже пройденное? Или все это было придумано гораздо раньше, с расчетом на совсем иную, гораздо более важную Войну? Ведь и Он, сам Великий Исследователь, воплотился и вочеловечился, приняв облик своих творений, дабы показать, что и Он может вынести невыносимое...)

2909-й как-то оказался рядом и прошептал:

— Видишь, отделенный? Смотри, вон...

...Рассвет уже загорелся, а он и не заметил...

Неловкими от усталости пальцами 2910-й переключил шептало своей М-19 на нижний ствол (40 мм гранатомет). Там, куда показывал 2909-й, коротко полыхнуло пламя взрыва.

— Нет,— ответил 2910-й.— Ничего не вижу... больше.

Мелкий дождик, сеявшийся всю ночь, заметно усилился. Тучи, казалось, опустились до самой земли. Неужели ему суждено повторить судьбу человечества в целом? Это было вполне вероятно: людей Враг просто брал в плен, но когда ему попадались УЖОСы — его ничто не сдерживало. Время от времени дозоры натыкались на тела УЖОСов — распятые, с пронзенными бамбуком руками и ногами. А *его*, если захватят, то только как УЖОСа. 2910-й вспомнил виденную когда-то акварель распятия Христа; интересно, а *его* кровь тоже разольется ярко-алой лужей?..

От КП, хлопая крыльями, взлетел орнитоптер-наблюдатель.

— Что-то давно не было слышно мин,— заметил 2909-й. Тут же как-то ненатурально хлопнул взрыв — таким же звуком заканчивались в последние недели все подобные вражеские разведки боем. Над лагерем запорхали бумажные листки.

— Агитснаряд,— прокомментировал очевидный факт 2909-й, а 2911-й вылез из окопа, подобрал один листок и спрыгнул обратно.

— То же, что на той неделе,— сообщил он, разглаживая сырую рисовую бумагу.

2910-й заглянул ему через плечо. 2911-й оказался прав. Неизвестно по какой причине Враг никогда не направлял свою пропаганду на УЖОСов — хотя ни для кого не было секретом, что умение читать входило в число инстинктивных навыков, вкладываемых в сознание УЖОСов. Вся пропаганда велась на людей и в основном напирала на отвращение, "которое должен испытывать каждый человек, вынужденный терпеть возле себя нежить, все еще воняющую химикалиями". Про себя 2910-й думал, что Враг мог бы добиться и лучших результатов, по крайней мере в отношении лейтенанта Кайла, если бы в листовках упор делался не на этот аргумент, а, скажем, на секс. Кроме того, создавалось впечатление, что Враг сильно преувеличивает число людей в лагере...

С другой стороны, насчет числа людей в лагере ошибалась и армия. Все, кроме нескольких посвященных генералов, были уверены, что людей в лагере только двое...

Он победил на Всеамериканских играх. Как давно это было! И даже тогда ни один тренер, ни один спортивный журналист не сравнивал его сложение с телом УЖОСа. А он уже показал себя талантливым и притом честолю-

бивым журналистом... Сколько людей, даже с помощью хирургии, могли бы подойти?..

— Как думаешь, он видит что-нибудь? — это 2911-й спрашивал у 2909-го. Оба следили за парящим над лагерем орнитоптером.

Орнитоптер мог делать все, что могла бы птица,— разве что не умел нести яйца. Например, машина могла в буквальном смысле сесть на проволоку. Парить, используя восходящие потоки воздуха,— как стервятник, или пикировать — как коршун. А КПД машущих крыльев был весьма высок — что позволяло за счет уменьшения веса батарей сэкономить приличный запас веса для объективов и телекамер. Эх, сейчас смотреть бы на экран в КП, а не высовывать башку из липкой грязи (говорят, во флоридских болотах испытывали модель со стебельчатыми, как у краба, глазами, но стебельки постоянно поражались грибком...).

Словно в ответ на невысказанное желание раздался голос 2900-го:

— Эй, 2910-й! Ну-ка, живее — Он требует нас на КП!

Когда 2910-й говорил "Он", то всегда имел в виду Бога; но для 2900-го "Он" — это был лейтенант Кайл. Без сомнения, именно поэтому 2900-го и назначили взводным. Конечно, сказалась и иррациональная престижность круглого числа... 2910-й выбрался из траншеи и, пригнувшись, побежал за 2900-м. Тут бы, конечно, нужны ходы сообщения; но до них пока как-то не дошли руки.

Перед Бреннером на столе кто-то лежал (2788-й? Вообще похож, но наверняка сказать трудно). Шрапнель — или осколочная граната.

Бреннер не поднял глаз на вошедших, но 2910-й видел, что его лицо все еще белое как бумага, от страха — хотя атака кончилась добрых четверть часа назад.

2910-й и 2900-й, проигнорировав представителя БСС, отдали честь лейтенанту Кайлу.

Командир роты улыбнулся.

— Вольно, УЖОСы. Как в вашем секторе?

2900-й ответил:

— Все в порядке, сэр. Пулеметчик срезал троих, 2910-й — еще двоих. Так себе была атака, сэр.

Лейтенант Кайл кивнул.

— Я так и думал — вашему взводу пришлось легче

всех, 2900-й. Поэтому я и решил послать вас сегодня в дозор.

— Слушаю, сэр.

— Придаю вам Пиноккио. Я подумал, вы захотите пойти сами и прихватить команду 2910-го.

Лейтенант взглянул на 2910-го.

— В вашем отделении все целы, верно?

— Да, сэр,— 2910-му стоило больших усилий сохранить лицо бесстрастным. Ему хотелось сказать — не посылал бы ты меня, Кайл! Я ведь человек, как и ты, а дозор — это для рожденных в пробирке, для созданий, чьи кости заменяет нержавеющая сталь, для созданий, не имеющих родных и не знавших детства... для таких созданий, как мои друзья.

И 2910-й добавил только:

— Нашему отделению повезло больше всех в роте, сэр.

— Ну и прекрасно. Будем надеяться, что удача вас не оставит и впредь, 2910-й,— Кайл вновь взглянул на 2900-го.— Я поднял орнитоптер и заставил его проделать все возможное и невозможное — в том числе гонял его под кронами; он у меня разве что не бегал, как цыпленок, вокруг лагеря. Я ничего не обнаружил, и огня он не привлек, так что, думаю, у вас все будет в порядке. Вы обойдете лагерь вокруг, не покидая зоны минометной поддержки. Вопросы есть?

2900-й и 2910-й только вскинули пальцы к каскам, четко развернулись и вышли. 2910-й чувствовал, как пульсирует артерия на шее; он на ходу незаметно сжал и разжал кулаки.

— Как думаешь, поймаем кого из этих? — спросил 2900-й.

Этот тон был для него довольно необычным — чересчур панибратским. Но перед боем 2900-й позволял себе простой товарищеский тон.

— Думаю, да. У командира никак не было времени на серьезную разведку. Все, в чем он мог убедиться по-настоящему,— это что Враг отвел главные силы. По крайней мере на *это* я надеюсь.

(Чистая правда, подумал он. Потому что хороший бой мог бы закруглить дело и я бы наконец убрался отсюда.)

Раз в две недели прилетал вертолет. Привозил припасы и, если было нужно, пополнение. А кроме того, корреспондента. В каждом рейсе. Тот интервьюировал

командиров посещаемых лагерей. Репортера звали Кейт Томас — и последние два месяца это был единственный человек, при котором 2910-й мог сбросить маску УЖОСа.

Уезжая, Томас забирал из-под матраса 2910-го исписанные листки. И всякий раз умудрялся найти укромный уголок и хоть минутку поговорить с 2910-м наедине. 2910-й просматривал свою почту и возвращал ее Томасу. По правде сказать, его несколько смущало, что более старший репортер смотрел на него с выражением, которое можно было бы описать как преклонение перед героем.

Я могу отсюда выбраться, напомнил он себе. Написать все и сказать Кейту, что мы готовы использовать письмо...

2900-й скомандовал:

— Ступай к отделению. Я за Пиноккио — собираемся у южных ворот.

— Слушаюсь.

2910-му вдруг захотелось рассказать кому-нибудь, пусть хоть 2900-му, про письмо. Оно было у Кейта Томаса... не письмо, собственно, а записка без даты, но она была подписана знаменитым генералом из штаба корпуса. Без всяких объяснений предписывалось освободить рядового номер 2910 от его служебных обязанностей и передать во временное распоряжение мистера К.Томаса, аккредитованного военного корреспондента. И Кейт применил бы письмо — стоило только попросить. Кстати, в последний приезд Кейт и сам хотел сделать это.

...2910-й не помнил — не заметил,— чтобы кто-то отдал команду, но взвод уже строился. Под дождем, на раскисшей глине, УЖОСы двигались почти так же четко, как на плацу в яслях. Он скомандовал "вольно" и, объясняя задачу патрулирования, рассматривал ребят. Оружие, как всегда, в безупречном состоянии, несмотря на жару; выправку массивных тел не назвать иначе как безукоризненной, а форма настолько чиста, насколько это вообще возможно в этих проклятых джунглях. Быки, настоящие быки с автоматами, гордо подумал он и гаркнул:

— Включить наушники!

И сам щелкнул выключателем на своем шлеме. Теперь 2900-й соединял его, взвод и Пиноккио в единую тактическую единицу. Новый приказ — УЖОСы с быстротой, говорившей о долгих часах и днях тренажа, сом-

кнулись в походный порядок вокруг Пиноккио; перекрывавшую южные ворота проволоку убрали, и дозор вышел из лагеря, на ходу перестраиваясь.

С убранной турелью роботанк имел в высоту всего три фута, зато в длину он был как три средние автомашины, из-за чего издалека сильно смахивал на железнодорожную платформу. Благодаря небольшой ширине Пиноккио легко проскальзывал среди могучих стволов в джунглях, а мощные гусеницы втаптывали в землю бамбук, подлесок и молодые деревца. Но силу его телу давали эластичная пластоорганика и металлокерамика, и потому Пиноккио не рычал и не гремел, как старые танки с человеческим экипажем, а только еле слышно гудел да шуршал, раздвигая заросли. Когда же не мешал подлесок, Пиноккио двигался тише больничной каталки.

Предшественника Пиноккио звали Панч — шуточка в стиле тех типов, которые сочли, что "Дубинка" — подходящее название для тактической ракеты. "Панч" — звучит как тычок в зубы... Очень смешно.

Но хотя Панч, как и Пиноккио, имел компьютерный мозг и, следовательно, не нуждался в экипаже (а значит, и в месте для команды, если не считать рудиментарного сиденья на броне), он волок за собой провода для связи с пехотной командой. Пробовали и радио, но, как выяснилось, бедняга Панч терялся из-за искусственных и естественных помех и ложных команд, которыми противник усердно сбивал его с толку.

Усовершенствованная модель в проводах не нуждалась. Тут же некий штабной, по неизвестной причине не совсем лишенный воображения, вспомнил, что "Punch" — это не только "удар", но и фарсовая кукла — и имя для модели без "ниточек" пришло само собой. Но Пиноккио, как Панч и как деревянная кукла Коллоди, в одиночку был уязвим...

Скажем, достаточно храбрый человек (в чем, в чем, а в этом у Врага недостатка не было) мог подстеречь Пиноккио в засаде. А если этот храбрец был вдобавок хорошо проинструктирован, он мог бросить в Пиноккио гранату или бутылку с зажигательной смесью и даже попасть в относительно уязвимое место. Поэтому трехдюймовая броня Пиноккио нуждалась в прикрытии из живой (или почти живой) плоти. А так как стоил Пиноккио примерно столько же, сколько средней величины город, и мог при должной

защите успешно сражаться против целого полка — он это прикрытие получал.

Двое разведчиков из отделения 2910-го двигались впереди, образуя переднюю вершину ромба. По обе стороны двигались фланговые, прочесывая кусты и, если они замечали что-нибудь подозрительное, засеивая эти кусты стреловидными разделяющимися пулями. Всегда бодрый, надежный 2909-й — помощник командира отделения — вместе с еще одним УЖОСом замыкал группу, двигаясь в арьергарде. Место командира патруля 2900-го было сразу позади Пиноккио, а командира отделения 2910-го — впереди роботанка.

Джунгли тревожно притихли, из-под огромных деревьев сочилась тьма. "И шел я чрез Долину тени..."

В наушниках пропищал искаженный голос 2900-го: "Отодвинуть левый фланг!" 2910-й ответил, подтверждая прием, и побежал передавать приказ, хотя фланговые — 2913-й, 2914-й и 2915-й — разумеется, тоже слышали команду и уже выполнили ее. Но дублирование команды обязательно... Конечно, сейчас, в самом начале патрулирования, нападение весьма маловероятно, но это отнюдь не оправдание для разгильдяйства.

Когда 2910-й пробирался между деревьями, он заметил что-то под ногами и задержался рассмотреть этот предмет. Оказалось, это был череп. 2910-й поднял его. Обыкновенный, костяной, вовсе не похожий на гладкий полированный череп УЖОСа. Следовательно, вероятнее всего, это череп Врага.

Врага с большой буквы, подумал он. То есть человеческого существа, на которое не распространялось граничившее с поклонением уважение к людям, вбитое в УЖОСов генетикой и обучением.

Снова тонкий жестяной голосок:

— 2910-й, тебя что-то задерживает?

— Иду.

Он пинком отшвырнул череп с дороги. Человек, которого даже УЖОС не был обязан слушаться, которого даже УЖОС мог убить. Череп выглядел очень старым, но, конечно, старым он быть не мог. Муравьи вычищали череп до блеска за несколько дней — а через несколько недель кость сгнивала. Но выглядел этот череп так, словно пролежал тут два десятка лет.

Хлопая крыльями, пролетел орнитоптер — у него была своя разведывательная задача.

2910-й спросил:

— Куда идем? До ручья?

— Четверть мили по берегу, потом сворачиваем на запад,— отозвался в наушниках голос 2900-го с заметной ноткой сарказма,— если, конечно, ты не возражаешь.

Неожиданно вмешался голос лейтенанта Кайла:

— 2900-й! 2910-й в дозоре второй по старшинству и обязан быть в курсе ваших планов.

Но 2910-й сообразил — настоящий УЖОС никогда не задал бы подобного вопроса. Понял он и другое — об УЖОСах он знал куда больше, чем комроты. Неудивительно, ведь в отличие от Кайла 2910-й ел и спал с УЖОСами... и все же в этом было что-то не то. Похоже, он знал УЖОСов даже лучше Бреннера, если не говорить о собственно биомеханике.

Передовые разведчики сообщили, что подошли к елеелe ползущему в оплывающих берегах болоту, которое они называли ручьем. В этот момент опять подключился Кайл и тем же спокойным голосом, каким делал замечание 2900-му, объявил:

— У нас "красная" ситуация. С севера атака, силами примерно до батальона. Дозору — срочное возвращение. Живо!

Пиноккио, затормозив правой гусеницей, резко развернулся на сто восемьдесят градусов, отделение обежало его по часовой стрелке, сохраняя общую формацию. Кайл добавил:

— Что-то безоткатники никак их не накроют. Выхожу к ним — посмотрим, что там. На радиоконтакте остается мистер Бреннер.

— Мы уже возвращаемся, сэр,— ответил 2900-й.

В следующее мгновение передовые разведчики упали, срезанные автоматными очередями, а джунгли превратились в грохочущий выстрелами ад.

Радар Пиноккио засек источник огня, отследив трассы, и его орудие выплюнуло 155-миллиметровый снаряд. Но тут же все кусты вокруг взорвались перекрестным огнем. Пули ударяли в турель Пиноккио и рикошетировали с омерзительным визгом — словно вскрикивали прóклятые души. 2910-й увидел, как из ниоткуда вылетают, крутясь в воздухе, гранаты. Что-то с ужасающей силой ударило его в бедро. Прежде чем посмотреть на раненую ногу, он заставил себя сказать:

— 2909-й, я ранен — принимай отделение..

Теперь вокруг с воем падали и рвались мины — если 2909-й и подтвердил команду, 2910-й этого уже не слышал.

Осколок гранаты или мины вспорол мышцы ноги, развороти в бедро, но, очевидно, не задел артерию — кровь не била фонтаном, а просто текла, хотя и довольно обильно. 2910-й заставил себя развести пальцами края раны и заглянул в нее, чтобы убедиться, что в ране нет ни осколков, ни грязи. Рана глубокая, но кость цела... кажется.

Вжимаясь в землю изо всех сил, он вытащил нож, распорол штанину и перетянул ногу ремнем выше раны. В перевязочном пакете были марлевый тампон и лента пластыря; он наложил повязку и теперь лежал тихо, выставив свою М-19 и пытаясь определить место, куда полезнее всего было бы пустить заряд стрелок. Турель Пиноккио деловито выпускала одну пулеметную очередь за другой, вычищая подозрительные участки,— в остальном, казалось, бой прекратился.

В наушниках раздался голос 2900-го:

— Раненые есть? Я спрашиваю, есть раненые?

2910-му удалось выговорить:

— Я... 2910-й.

УЖОСы боль чувствуют. Но не так сильно, как люди. Далеко не так сильно. Поэтому он изо всех сил притворялся, что ему не очень больно. Внезапно ему пришло в голову, что теперь его спишут по ранению, а значит, не придется пользоваться письмом. И это его обрадовало.

— А мы уж думали, что ты накрылся, 2910-й. Рад, что обошлось.

И тут голос Бреннера перекрыл голос 2900-го. Представитель БСС был в панике.

— Нас окружили! Мы проигрываем бой — срочно роботанк сюда!..

Несмотря на боль, 2910-й разозлился. Только Бреннер называл Пиноккио просто "роботанк" — а когда упоминал его имя в документах, закавычивал его: роботанк "Пиноккио".

— Сейчас будем, сэр,— отозвался 2900-й. Оказывается, он уже стоял над 2910-м и наклонился, помогая ему подняться.

2910-й попытался найти глазами других УЖОСов.

— Потери большие?— спросил он.

— Четверо убиты, и один ранен — ты.— Наверно, ни один человек — ни один *другой* человек — не заметил бы боли в грубом голосе 2900-го.— Идти можешь?

— Даже встать не могу.

— Значит, поедешь на Пиноккио.

2900-й удивительно бережно поднял его на маленькое сиденье — "погонщик", то есть координировавший действия роботанка УЖОС, ехал тут, если скорость движения была слишком велика, чтобы просто бежать рядом. На шоссе, например.

Остатки отделения встали цепью впереди Пиноккио. 2910-й услышал, как 2900-й вызывает:

— Лагерь! Вызываю лагерь! Как у вас, сэр?

— Лейтенант Кайл убит,— ответил срывающийся голос Бреннера.— Только что прибежал 3003-й и сказал, что Кайл убит!

— Вы держитесь?

— Не знаю! — Было слышно, как Бреннер спрашивает, отвернувшись от микрофона: "Они держатся, 3003-й?"

— Воспользуйтесь перископом, сэр. Или "птичкой", если она еще не сбита.

Бреннер торопливо затарахтел:

— Я не знаю, держимся мы или нет. 3003-й был ранен, только что он умер. В любом случае он вряд ли знал... Вы должны торопиться! Скорее!

Это противоречило уставу — но 2910-й сдернул шлем, чтобы не слышать терпеливого ответа 2900-го. Теперь, когда не мешало бормотание Бреннера, он слышал далекие взрывы — несомненно, в лагере. Автоматные и пулеметные очереди сливались в почти неумолчный гул, на который накладывалось "у-у-у-бумм!" вражеских снарядов и ответный кашель минометов.

Затем джунгли расступились — перед ними открылся лагерь: среди травы и траншей то и дело вздымались фонтаны грязи. Отделение перешло на бег, а Пиноккио на ходу открыл огонь из пушки.

Они нас обвели, думал 2910-й. Нога болела, но как-то отдаленно; голова кружилась и стала странно легкой — словно он был орнитоптером, висящим в туманной мороси над своей же головой... Вместе с легкостью пришла странная ясность сознания.

Да, они нас обвели. Они заставили нас привыкнуть к небольшим коротким налетам, к разведкам боем — а

когда мы наконец вывели Пиноккио из лагеря, они были готовы и ударили разом в двух местах: засада в джунглях и атака на лагерь...

Между прочим, он все еще сидит на броне, на открытом сиденье, и вот-вот окажется в самой гуще боя. Отряд уже подошел к минному полю, и УЖОСы впереди на бегу перестраивались в колонну по два, чтобы не оказаться за пределами безопасной полосы.

— Куда мы, Пиноккио?— спросил он и только тут сообразил, что так и не включил шлемофон. Щелкнул рычажком и повторил вопрос.

— Раненая боевая единица будет доставлена на командный пункт для оказания ей помощи сотрудником Биосинтетической Службы,— прогудел Пиноккио. Но 2910-й уже не слышал его. Впереди, казалось, разом протрубили пять десятков горнов, командуя новую атаку Врага.

Южная сторона треугольника лагеря была пуста — очевидно, остатки их взвода перебросили на помощь первому и второму. Но война — штука нелогичная, что в очередной раз подтвердилось здесь. Там, где Враг мог бы пройти, практически не встретив сопротивления, у него не было ни одного солдата!

— Прошу помощи сотрудника БСС, имею раненую боевую единицу,— слышал 2910-й голос Пиноккио. В то же время роботанк продолжал стрелять. Он вызывал Бреннера уже больше минуты, но тот не выходил; тогда 2910-й исхитрился соскользнуть с брони, приземлившись на здоровую ногу. Пиноккио тотчас умчался.

Бункер КП перекосило — судя по воронкам, били прицельно, и то, что КП вообще не разнесло в щепки, следовало отнести к чистым случайностям. Когда 2910-й подошел к дверному проему, в нем появилось белое как мел лицо Бреннера.

— Кто здесь?

— 2910-й. Я ранен — дайте мне войти и лечь.

— Они сказали, что не могут поддержать нас с воздуха. Я запросил их, а они сказали, что весь район охвачен боями и они до нас не доберутся. Даже не найдут.

— Дайте пройти. Я ранен и хочу войти и лечь...— в последний момент он вспомнил и добавил: — Сэр.

Бреннер нехотя посторонился. В бункере было темновато, но не совсем темно.

— Осмотреть вашу ногу?

2910-й нашел пустые носилки и лег, стараясь не тревожить рану.

— Незачем,— ответил он.— Займитесь лучше другими ранеными.

Бреннер, конечно, был не в себе, но и в таком состоянии он мог бы заметить, что с 2910-м не все в порядке.

Но сотрудник БСС не подошел к нему, а вернулся к рации — его отчаянный голос доносился откуда-то издалека. До чего же хорошо лежать...

Где-то вдали голоса спорили о чем-то, перебивали друг друга. Где-то очень далеко. Интересно — где?..

Потом он услышал пушки и вспомнил. Попытался повернуться на бок и сумел сделать это со второго раза — хотя голова была еще более легкой, чем накануне. На соседних носилках лежал 2893-й — он был мертв.

В дальнем углу землянки, которая, собственно, и представляла собой весь КП, Бреннер спорил с 2900-м.

— Был бы хоть один шанс,— говорил торопливо Бреннер,— я бы это сделал. Вы же это знаете, взводный.

— Что происходит? — сумел наконец спросить 2910-й.— Что такое?..

Он был слишком слаб, чтобы продолжать играть роль УЖОСа, но ни Бреннер, ни 2900-й этого не заметили.

— Дивизия,— ответил Бреннер.— Целая дивизия Врага. Мы не можем сдерживать ее нашими силами!

2910-й приподнялся на локте.

— О чем это вы?

— Я говорил с ними по радио... поймал их частоту — это целая дивизия. Они нашли офицера, который знает английский. Они предлагают нам сдаться.

— Это *они* говорят, что у них дивизия,— сдержанно заметил 2900-й.

2910-й потряс головой, пытаясь привести ее в порядок.

— Хоть бы и дивизия — с Пиноккио...

— Роботанк уничтожен.

2900-й бесстрастно объяснил:

— Мы пытались контратаковать, 2910-й, но они подбили Пиноккио и отбросили нас назад... Как ты себя чувствуешь?

— Их целая дивизия! — твердил Бреннер.

Голова 2910-го теперь лихорадочно работала, но это было так, словно в ней крутился какой-то нелепый механизм. Если Бреннер намерен сдаться, 2900-й не сможет даже подумать о неповиновении. Но он, 2910-й, может убедить Бреннера в том, что он — человек. Бреннер сможет объяснить это Врагу — обязательно объяснит; и в этом спасение. Война рано или поздно кончится, и он вернется домой. Никто не сможет его ни в чем упрекнуть. Если Бреннер собирается...

Бреннер спросил:

— Сколько у нас осталось боеспособных?

— Меньше сорока, сэр.

В голосе 2900-го ничто не изменилось, а ведь не мог же он не понимать: капитуляция могла означать для него только верную смерть. Враг брал в плен только людей. (А сможет ли он убедить 2900-го? Вообще кого-либо из УЖОСов — после того как они вместе ели и шутили? УЖОСов, которые не разбирались в физиологии и считали всех людей, кроме Врага, полубогами? Поверят ли они ему, если он попытается принять командование?..)

Он видел, как Бреннер кусает губы.

— Я собираюсь капитулировать,— сказал наконец представитель БСС. Совсем рядом с КП взорвалась мина или, может, реактивный снаряд, но Бреннер как будто не заметил этого. Он говорил неуверенно, словно пытался свыкнуться с этой мыслью.

— Сэр...— начал было 2900-й.

— Я запрещаю вам обсуждать мои приказы,— оборвал его Бреннер. Теперь он говорил решительнее.— Но я попрошу их на этот раз сделать исключение, взводный. Я попрошу их не...— его голос слегка дрогнул.— Не делать того, что они обычно делают... с не-людьми.

— Не в этом дело,— твердо возразил 2900-й.— Дело в самой сдаче. Мы готовы умереть, сэр,— но мы хотим умереть, сражаясь.

Один из раненых застонал, и 2910-й подумал, что тот, может быть, тоже слушает сейчас их разговор.

Бреннер явно потерял контроль над собой.

— Вы умрете так, черт возьми, как я вам прикажу!— взвизгнул он.

— Погодите,— 2910-му было неожиданно трудно го-

ворить, но он все же смог привлечь их внимание.— 2900-й, мистер Бреннер еще фактически *не отдал* вам приказа о сдаче, а вы нужны сейчас в бою. Ступайте — я поговорю с ним.

Увидев, что старший УЖОС колеблется, 2910-й добавил:

— Если понадобится, он свяжется с вами по шлемофону; а сейчас идите к нашим!

2900-й резко повернулся и выскользнул в узкую дверь бункера. Пораженный Бреннер спросил:

— Что за черт, 2910-й? Что вам взбрело в голову?!

2910-й попытался встать, но оказался слишком слаб для этого.

— Подойдите, мистер Бреннер,— попросил он. Сотрудник БСС не шевельнулся, и тогда он добавил: — Я знаю, как нам выбраться из этой каши.

— По джунглям? — голос Бреннера дрожал, но был полон сарказма.— Бред!

Но он подошел и наклонился к нему, и прежде чем Бреннер успел сообразить, в чем дело, 2910-й рванулся с носилок, вцепился в Бреннера и повалил его.

— Что вы делаете?!

— А то вы сами не видите. Приставляю мой нож к вашей шее.

Бреннер пытался сопротивляться, но, почувствовав лезвие у горла, сдался.

— Вы... не можете.

— Могу. Потому что я не УЖОС. Я человек, Бреннер, и вам лучше хорошенько понять это.

Он скорее ощутил, чем увидел, недоверие на лице Бреннера.

— Я журналист, и два года назад, когда эту группу УЖОСов готовили к активации, я был внедрен в нее. Я тренировался вместе с ними, потом я воевал вместе с ними, а если вы читали журналы, вы могли прочесть некоторые из моих репортажей. И поскольку вы тоже штатский и не больше моего имеете право тут распоряжаться, я принимаю командование.

Бреннер шумно сглотнул.

— Эти репортажи — блеф... трюк, чтобы публика примирилась с существованием УЖОСов... это знают даже в штаб-квартире БСС в Вашингтоне...

Смеяться было больно, но 2910-й засмеялся.

— Тогда как вы объясните тот очевидный факт, что я приставил нож к вашему горлу, мистер Бреннер?

БССовца трясло.

— Вы что, не понимаете, 2910-й? Ни одному человеку не под силу жить жизнью УЖОСа — бежать много миль подряд, не чувствуя усталости, спать только пару часов в сутки,— и прочее — поэтому мы поступили проще. Поверьте, 2910-й, я в курсе. Меня проинструктировали перед отправкой в этот лагерь, и я все про вас знаю, 2910-й.

— О чем это вы?

— Черт возьми, да отпустите же меня... Вы — самый настоящий УЖОС и никак не можете так обращаться с человеком.— Бреннер вздрогнул, когда лезвие плотнее прижалось к его горлу, но потом продолжил:

— Они не могли сделать репортера УЖОСом, поэтому они *взяли* УЖОСа. Они взяли *вас*, 2910-й, и сделали из вас репортера. Они всадили в вас память настоящего человека, когда записывали в ваш мозг стандартные инстинкт-программы. Они, если вам нравится такое выражение, вдохнули в вас душу... но вы все равно УЖОС.

— Они наверняка придумали эту легенду для моего прикрытия, Бреннер. Поэтому они вам все так и представили. Чтобы вы не болтали про меня и не попытались деактивировать, как только я в чем-то поступлю не так, как УЖОСы. А я человек.

— Это просто невозможно!

— Уж поверьте мне, Бреннер,— человек способен на многое. Вы просто не пробовали.

— Говорю же вам...

— Разбинтуйте мою ногу.

— Что?!

Он опять пощекотал шею Бреннера кончиком лезвия.

— Бинт, бинт снимите.

Когда это было сделано, он велел:

— Теперь раздвиньте края раны.

Пальцы Бреннера дрожали, но он подчинился.

— Ну? Видите кость? Можете сунуться и глубже, если надо. Так как?

Бреннер вывернул шею и скосил глаза, чтобы взглянуть 2910-му в лицо.

— Там нержавеющая сталь.

2910-й опустил взгляд — и в глубине кровоточащей раны увидел блеск металла. Нож легко, словно сам по себе, вошел в горло Бреннера. Он вытер лез-

вие о рукав мертвеца, прежде чем вложить нож в ножны.

Когда десять минут спустя 2900-й вернулся на КП, он не сказал ничего. Но по его глазам 2910-й понял, что тот догадался. Тогда он сказал, не поднимая головы от носилок:

— Теперь ты командир.

2900-й взглянул на труп Бреннера и, помолчав секунду, медленно сказал:

— Он был тоже вроде Врага, верно? Потому что он хотел сдаться. Вот лейтенант Кайл, тот никогда не пошел бы на это.

— Верно. Бреннер был вроде Врага.

— Только пока он был жив, я не мог так думать...— 2900-й задумчиво посмотрел на 2910-го.— Есть у тебя что-то такое... чего у нас нет. Искра какая-то.— Он задумчиво потер подбородок огромной пятерней.— Вот поэтому я и поставил тебя командовать отделением. Еще, правда, потому, что хотел освободить тебя от кое-какой самой тяжелой работы — ты, знаешь, не очень-то с ней справлялся. Но все-таки главное — это твоя искра...

— Я знаю,— ответил 2910-й.— Что там у вас, снаружи?

— Пока еще держимся. Ты как себя чувствуешь?

— Голова кружится. И еще темное такое вокруг, когда смотрю... Слушай, прежде чем уйдешь — можешь мне ответить на один вопрос? Если сумеешь?

— Конечно.

— Если человек сильно ломает ногу — кажется, это называется "сложный перелом с подвывихом и смещением", может быть такое, чтобы люди-врачи удалили кусок кости и заменили его металлическим протезом?..

— Не знаю,— пожал плечами 2900-й.— Да какое тебе до них дело?

— Кажется,— задумчиво пробормотал 2910-й,— знал я про одного футболиста, которому поставили такую кость... Да, кажется, я про такое слышал. Забыл вот только — а теперь вспомнил.

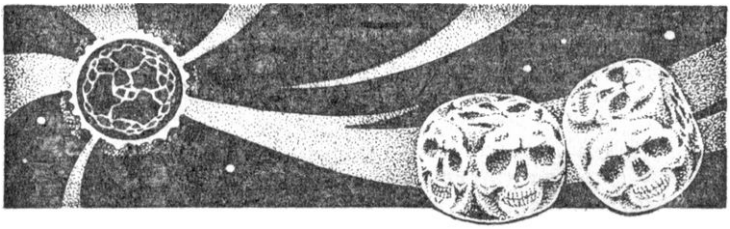
Снаружи опять загудели трубы.

Рядом застонал умирающий УЖОС.

В американских журналах на второй странице обложки, среди рекламных объявлений, печатается иногда ко-

лонка из жизни редакции и самых известных ее сотрудников. Через две недели после того как корреспондент по фамилии Томас поместил последний репортаж сериала, ставшего настоящей сенсацией, в этой колонке появилось следующее:

"Гибель сотрудника на войне — не первый случай в истории нашего издания. Но особую горечь мы испытываем в связи с гибелью молодого человека, чьи репортажи публиковались только под его именем, без фамилии или номера (читайте раздел "ПРЕССА"). Десантный отряд, посланный на помощь лагерю, в котором он работал и сражался, отказавшись от человеческого "я" ради своего дела, опоздал. Десантники сообщили, что наш корреспондент погиб, очевидно помогая сотруднику БСС ухаживать за существами, чью судьбу он разделил настолько, насколько это возможно для человека. Оба они, и наш корреспондент, и сотрудник БСС, выполнили свой долг до конца и были заколоты штыками, когда противник захватил лагерь..."

Фриц Лейбер
ПОБРОСАЮ-КА Я КОСТИ

Джо Слаттермилл больше не сомневался: уносить ноги он должен немедленно, иначе просто не выдержит и собственной головой разнесет все подпорки и заплаты своего разваливающегося дома — дома, который, казалось, весь состоял лишь из кусков дерева, штукатурки и клочьев, когда-то бывших обоями. Только выложенные из камня огромный очаг, печные заслонки над ним и дымоход казались неожиданно тяжеловесными.

Все это было несокрушимо прочным. Очаг доходил Джо до подбородка, был вдвое больше в длину и до краев полон пламени. Над очагом располагался ряд квадратных печных заслонок — Жена Джо пекла хлеб на продажу. Еще выше висела длинная, во всю стену, полка, слишком высокая для его Матери и Мистера Пузика, который уже не мог до нее допрыгнуть. Полка была уставлена разнообразными вещицами, передававшимися по наследству, но все они, кроме стеклянных и фарфоровых, так потемнели от времени и вечной копоти, что напоминали ссохшиеся человеческие головы или черные шары для гольфа. Рядышком стояли бутылки с джином, бережно хранимые Женой. И уже под самым потолком виднелась старая литография. Она висела так высоко и настолько покрылась сажей, что совершенно невозможно было различить, являются ли клубы дыма и нечто напоминающее сигару пароходом, прорывающимся сквозь бурю, или космическим кораблем, блуждающим в вихре гонимых солнечным светом пылинок.

Не успел Джо надеть ботинки, как его Мать догадалась, что он собирается делать.— Пошел бездельничать,— пробормотала она недовольно.— Набил карманы деньгами, домашними деньгами, и отправился грешить.— И она перебралась на свое место поближе к очагу жевать индюшатину, тонкие куски которой на ощупь сдирала с тушки правой рукой, тогда как левая была наготове, чтобы отогнать не сводящего с нее взгляда Мистера Пузика — желтоглазого, тощего, с длинным облезлым хвостом. В своем грязном платье, полосатом, как бока той индюшки, Мать Джо походила на пыльный старый мешок, а ее пальцы — на узловатые сучки.

Жена Джо разгадала его намерения так же быстро или даже еще быстрее, если судить по насмешливому взгляду, который она бросила на него, хлопоча у очага. И прежде чем она закрыла печную заслонку, Джо успел заметить, что она посадила туда два длинных, плоских и узких хлеба и одну высокую ковригу с круглым верхом. Его Жена была худа, словно сама смерть, и выглядела давно и безнадежно больной в вечном фиолетовом халате. Не глядя она протянула длиннющую костлявую руку к ближайшей бутылке джина, сделала большой глоток и усмехнулась опять. Ни слова не было произнесено вслух, но Джо знал, что она сказала про себя: "Ты уйдешь, и будешь играть, и напьешься, и будешь спать с девками, а вернувшись домой, будешь меня бить и попадешь за это в тюрьму". И в памяти Джо пронеслось, как в последний раз он сидел в темной замусоренной камере, а она пришла к нему, и лунный свет падал на желтые и зеленые синяки, которыми он украсил ее лошадиное лицо. Она пришла, чтобы пошептаться с ним через крохотное окошко и просунуть между прутьями полпинты джина.

И Джо был абсолютно уверен, что на этот раз все будет точно так же, если не хуже, но он заставил себя подняться и с тяжелыми позвякивающими карманами потащился к двери, бормоча:

— Пойду-ка я, малость погоняю кости и вернусь.— При этом он размахивал руками, словно изображая гребное колесо,— шутка у него была такая.

Он шагнул за порог и на несколько секунд оставил дверь чуть приоткрытой, а когда наконец ее захлопнул, вдруг почувствовал себя глубоко несчастным. Когда-то и Мистер Пузик мог целыми ночами шляться по крышам и заборам в поисках драк и любовных приключений, а

сейчас старый кот довольствовался тем, что, сидя дома у огня, норовил стянуть кусок индюшатины и при этом увернуться от метлы или ссорился и мирился с обеими женщинами, живущими в доме. Никто не сказал ни слова вслед Джо, и, выходя из дома, он слышал только чавканье Матери, ее прерывистое дыхание, звук, с которым была поставлена на каменную полку бутылка джина, и скрип пола под своими ногами.

Ночь нежилась на ослепительно чистых холодных звездах. Казалось, что некоторые из них движутся, словно крошечные космические корабли. Снизу же все выглядело так, будто весь город Иронмайн задул свои огни и отправился спать, предоставив улицы невидимым ветеркам и призракам. Но Джо еще ощущал затхлый запах оставшегося позади изъеденного жучками деревянного дома и, слушая шелест сухой травы, вдруг подумал, что где-то глубоко внутри него давным-давно неведомым образом все было устроено так, что и он, и его дом, Жена, Мать и Мистер Пузик должны подойти к своему концу все вместе. Уже одно то, что очаг еще много веков назад не спалил его лачугу, было чудом.

Привычно ссутулившись, Джо побрел вниз, в Ночной Город, по грязной дороге, ведущей мимо кладбища в Кипарисовой Лощине. Этой ночью ветерки были мягкими, необычно беспокойными и переменчивыми, словно дули из страны гномов. За покосившимся и выбеленным дождями кладбищенским забором, смутно видневшимся в свете звезд, они шуршали чахлыми деревьями Кипарисовой Лощины и осторожно трепали бороды испанского мха. Джо почувствовал, что привидения тоже беспокойны и не могут решить, как и перед кем им предстать сегодня или лучше вообще пропустить эту ночь и просто собраться своей грустной и беспутной компанией. Среди деревьев то тут, то там слабо мерцали красные и зеленые глаза вампиров, словно больные светлячки или охваченная бедствием космическая эскадра. Глубокая тоска и отчаяние, которые испытал Джо, стали еще глубже, ему захотелось свернуть с дороги, забраться под какое-нибудь не слишком увесистое надгробие и, вырвавшись из предопределенности, надуть тем самым Жену, а заодно и всех остальных. Но пока он размышлял об этом, позади остались и висящая на одной петле калитка, и расшатанная ограда, и весь остальной Шэнтавилл. Он пошел дальше, повторяя про себя: "Иду играть в кости, поиграю малость, да и пойду спать".

В первый момент Ночной Город показался ему вымершим, как и весь Иронмайн, но затем Джо заметил впереди множество мерцающих огоньков, похожих на те же глаза вампиров, вот только мигали они чаще, и различил танцевальную музыку, поначалу едва слышную, словно джаз для танцующих муравьев. Он шел по пружинящему тротуару и с тоской вспоминал дни, когда его собственные ноги тоже были как пружины и когда он бросался в драку, как рысь или марсианский песчаный паук. Господи, сколько же лет прошло с тех пор, как он последний раз с кем-нибудь по-настоящему дрался или чувствовал СИЛУ! Постепенно музыка становилась хриплой, будто звучала для медведей-гризли, и громкой, как полька для слонов, а мерцающие огоньки закружились в буйной пляске газовых вспышек и факелов, мертвенно-бледных ртутных ламп и трубок с розовым неоном, и все это словно насмехалось над звездами, среди которых одиноко блуждали корабли. А потом перед ним возник, как наваждение, фальшивый трехэтажный фасад, весь горящий подобно дьявольской радуге и облитый сияющими огнями Святого Эльма.

Из широких вертящихся дверей во все стороны выплескивался свет. Над самыми дверями вспыхивали огненные каракули с фантастическими завитушками "Бонеярд" и горела кроваво-красная надпись "Игорный дом".

Значит, то самое новое заведение, о котором столько толковали, наконец открылось. Впервые за эту ночь Джо Слаттермилл почувствовал в себе пробуждение жизни и приятную щекотку азарта. "Побросаю-ка я кости",— вертелось у него в голове.

Уверенно и беззаботно он стряхнул пыль со своего сине-зеленого рабочего комбинезона и с удовольствием похлопал себя по карманам, чтобы еще раз услышать звон монет. Затем, гордо расправив плечи, он с пренебрежительной усмешкой толкнул вертящуюся дверь, словно хотел сбить с ног стоящего за ней врага.

Внутри Бонеярд, казалось, занимал целый город, а бар был бесконечным, как железнодорожный путь, круглые светильники вместе с песочными часами на зеленых покерных столах создавали волнующий полумрак, в котором девушки с подносами, полными выпивки, и девушки, обменивающие деньги, скользили, словно белоногие ведьмы. Чуть дальше, на джаз-площадке, исполнительницы танца живота сами выглядели как белые

песочные часы. Игроки вокруг столов собрались толстые и приземистые, как грибы, и все как один лысые из-за постоянных волнений о том, какая выпадет карта, как будет брошена кость или где остановится маленький костяной шарик, а Алые Женщины в зале были словно поле красных пионов.

Выкрики крупье и шелест карт были мягкими и вкрадчивыми, как кошачьи шажки, и в то же время зловещими, как удары ритуальных барабанов. Каждый атом в этом зале двигался не сам по себе, а по воле чьих-то невидимых, но властных рук. Даже пылинки послушно танцевали джигу в лучах света.

Возбуждение Джо все нарастало, и он уже чувствовал дрожь, пробегающую по всему телу. И как слабый ветерок предвещает бурю, так легкое дуновение хорошо знакомого ему чувства уверенности в себе вот-вот могло перерасти в шквал. Все мысли о доме, Жене и Матери моментально вылетели у него из головы, и только где-то в самом дальнем уголке его сознания прохаживался Мистер Пузик — молодой сумасбродный кот на упругих лапах. И мускулы ног самого Джо вдруг стали такими же молодыми и упругими, и он почувствовал, как сила медленно возвращается в них.

Он холодно и изучающе оглядел зал, его рука, двигаясь словно по собственной воле, взяла бокал с проплывающего мимо подноса. Наконец его взгляд остановился на том, в чем он безошибочно признал Игорный Стол Номер Один. Все Большие Грибы, похоже, собрались именно возле него — такие же лысые, как и остальные, но длинные и тощие, настоящие белые Мухоморы. В просвете между ними на другой стороне стола Джо заметил фигуру еще более высокую и костлявую, в черном смокинге со стоячим воротником и в темной, низко надвинутой шляпе, из-под которой виднелся только белый треугольник лица. Подозрение и надежда всколыхнулись в душе Джо и направили его прямо к этому столу.

По мере того как он подходил ближе сквозь толпу блестящих белоногих девиц, кружащих по залу, его подозрения все более превращались в уверенность, а надежда росла и крепла. У края стола стоял человек с длинной сигарой, самый толстый из всех, кого ему приходилось видеть, в серебристом жилете и с золотой булавкой длиной по крайней мере в восемь дюймов в галстуке. Все недвусмысленно говорило, что это и есть Мистер Кости. На другом конце стола виднелась абсолютно

голая девица, обменивающая деньги. Кроме Мухоморов она была единственной, кого Джо сейчас видел; ее поднос, висевший прямо под грудью, был заполнен сверкающими башенками золотых монет и черных как смоль фишек. Впрочем, рядом стояла девушка, собирающая кости, еще более худая и длиннорукая, чем его Жена, и на ней, похоже, тоже не было ничего, кроме пары белых перчаток. Она выглядела великолепно — особенно если вам нравятся обтянутые бледной кожей кости и груди, похожие на фарфоровые дверные ручки.

Возле каждого игрока находился высокий круглый столик для фишек. Тот, что стоял напротив игрока в черном, был пуст. Щелкнув пальцами ближайшей серебряной девушке с фишками, Джо обменял все свои замусоленные доллары на соответствующее количество светлых фишек и ущипнул ее за левый сосок — на счастье. Девица игриво щелкнула зубами рядом с его пальцами.

Не спеша, но и не растягивая время, он шагнул вперед, небрежно бросил скромную кучку фишек на пустой столик и занял свое место. Джо заметил, что кости — у второго Большого Гриба, как раз справа от него. Его сердце дрогнуло, но это было только сердце, и больше ничего. Джо спокойно поднял глаза и посмотрел прямо через стол.

Тот, на кого он смотрел, был одет в элегантный смокинг из чернейшего атласа, с блестящими черными пуговицами и стоячим воротником из великолепного, черного как полночь, бархата. Надвинутая на лоб шляпа цвета тьмы с широкими опущенными полями держалась на одном тонком шнурке из черного конского волоса. Из-под длинных рукавов выступали руки с тонкими длинными пальцами, словно выточенными из кости, двигавшимися необыкновенно быстро или мгновенно замиравшими.

Джо никак не мог как следует разглядеть его лица — только гладкий низкий лоб, на котором не было ни единой капельки пота, похожие на прямые стрелы брови, впалые аристократические щеки и узкий, но какой-то плоский нос. И лицо это не было таким белым, как показалось вначале. В нем угадывался совсем легкий коричневатый оттенок, какой бывает у стареющей слоновой кости или у венерианского талька. И руки тоже были чуть-чуть коричневыми.

Позади человека в черном стояла толпа пренеприятнейших типов, каких Джо уже приходилось встре-

чать. С первого взгляда ему стало понятно, что каждый из этих расфуфыренных бездельников в кармане своего шикарного пиджака прячет револьвер, а у бедра — дубинку, а каждая спортивного вида девица со змеиными глазами носит у подвязки стилет, а под блестящим шелком, прикрывающим соблазнительно вздернутые груди,— маленький, украшенный серебром и жемчугом пистолет.

Но Джо знал, что все они — просто пижоны. Главным здесь был человек в черном — их хозяин, и он действительно был смертельно опасен. С одного взгляда становилось ясно, что он из тех людей, тронуть которых — значит умереть. Если хотя бы просто коснуться его рукава, пусть даже мягко и уважительно, его пальцы цвета слоновой кости метнутся быстрее мысли, и неосторожный будет зарезан или застрелен. А может, вас убьет само прикосновение, как будто каждая деталь его черного туалета получила от этой бледной кожи заряд в миллион вольт. Джо вновь взглянул на лицо под черной шляпой и решил, что рисковать не будет.

Потому что были еще и глаза. У всех великих игроков темные, словно скрытые вечной тенью, глубоко посаженные глаза, но эти глаза были так глубоки, что возникало сомнение, а можно ли их вообще увидеть. Эти бездонные черные колодцы были воплощенной тайной.

Но все это хотя и испугало Джо, ничуть его не разочаровало. Наоборот, привело в восторг. Его первое подозрение полностью подтвердилось, и с ним расцвела надежда.

Это был один из тех истинно великих игроков, что попадают в Иронмайн не чаще чем раз в десять лет. Они приходят из Большого Города на речных пароходах, что несутся по воде подобно роскошным кометам, рассыпая клубы искр из своих длинных труб, похожих на высоченные секвойи с кроной из резного железа, или как серебряные космические лайнеры с десятком огненных струй, рвущихся из дюз, с иллюминаторами, светящимися, как загадочные драгоценности.

И кто знает, возможно, некоторые из этих великих игроков на самом деле являлись с других планет, где дыхание ночей опаснее, а жизнь горячее и целиком состоит из риска и наслаждений.

Да, это был именно тот человек, в игре с которым Джо всегда мечтал проявить свое искусство: он почувствовал, как сила, будто маленькие иголочки, начала

покалывать его застывшие пальцы. Это происходило очень медленно, почти незаметно, но иголочек становилось все больше и больше.

Джо опустил взгляд на игорный стол. Он был почти в человеческий рост шириной и по крайней мере раза в два длиннее, удивительно глубок и покрыт не зеленым сукном, а черным бархатом, что делало его похожим на гигантский гроб. И в этом столе было что-то очень знакомое, но что именно, Джо никак не мог вспомнить. Дно стола сверкало и переливалось, словно все было усыпано крошечными бриллиантами. А когда Джо опустил взгляд еще ниже, ему в голову вдруг пришла сумасшедшая мысль, что стол, как колодец, пронизывает насквозь всю землю, а бриллианты — это на самом деле звезды на той стороне, видимые, несмотря на сияющий свет, подобно тому как видны звезды днем из шахты, где работал Джо, и что игроки, проигравшиеся дотла и бросившиеся туда, так и будут вечно падать вниз, на самое дно, будь то преисподняя или черная дыра. Мысли Джо разбежались в разные стороны, и сердце сжала тяжелая холодная рука страха. Кто-то позади него промурлыкал:

— Давай, Большой Дик.

Тотчас же кости, которые до этого держал один из Больших Грибов справа от Джо, были брошены в центр стола и там закрутились как волчок, словно для того, чтобы отвлечь Джо от его видений. Но тут другая странность привлекла его внимание. Коричневатые кости были необычно большими, с закругленными углами и темно-красными точками, сверкающими, как настоящие рубины. Но эти точки были расположены очень интересно: каждая грань походила на малюсенький череп. Например, выпавшая сейчас семерка, на которой Большой Гриб справа проиграл— ему нужна была десятка,— состояла из двойки и пятерки. Обе точки на двойке располагались у одного ребра, а не у противоположных и казались двумя красными глазами; а пятерку составляли те же два глаза, точка в середине — нос и две точки совсем рядом, изображавшие зубы.

Длинная, тонкая в белой перчатке рука ассистентки выползла, как кобра-альбинос, подняла кости и бросила их на край стола, прямо перед Джо. Он вобрал в себя побольше воздуха, взял со своего столика одну фишку и уже хотел положить ее рядом с костями, но, сообразив, что здесь такие вещи не приняты, убрал ее обратно. Однако не помешало бы рассмотреть эту фишку получше. Она была удивительно легкой, цвета кофе с

молоком, и на ней был выдавлен какой-то знак, который невозможно было увидеть — только нащупать пальцами. Он не разобрал, что это был за знак, хотя ему очень этого хотелось. Взять фишку в руки было приятно, одно лишь прикосновение к ней позволяло в полной мере ощутить силу, которая покалывала его готовую к броску руку.

Джо словно невзначай окинул быстрым взглядом лица вокруг стола, не пропустив и лица Большого Игрока напротив, и спокойно сказал:

— Ставлю пенни,— имея в виду, конечно, одну светлую фишку, то есть доллар.

Со стороны всех без исключения Больших Грибов донеслось возмущенное шипение, а лунообразное лицо Мистера Кости побагровело, словно он собрался позвать своих вышибал.

Большой Игрок поднял руку, и Мистер Кости мгновенно застыл, а недовольное шипение стихло быстрее, чем закрылась бы пробоина от метеорита в самозатягивающейся броне космического корабля. Затем чуть слышно и очень вежливо, без тени насмешки, человек в чёрном произнес:

— Дайте ему играть, господа.

Для Джо это было бы последним подтверждением его предположений, если б у него оставались еще какие-то сомнения. Подлинно великие игроки всегда были подчеркнуто вежливы и великодушны к бедности.

Позволив себе лишь намек на ядовитую усмешку, один из Больших Грибов сказал Джо:

— Ваша ставка принята.

С тех пор как он в детстве впервые поймал два яйца на одну тарелку, выиграл все стеклянные шарики в Иронмайне и сумел так подбросить семь букв детской азбуки, что они упали на ковер в виде слова "мамочка", о Джо Слаттермилле пошла слава как о непревзойденном мастере в искусстве метания. В шахте он мог запустить кусок угля в темноте и с расстояния в пятьдесят футов разбить голову крысе. Часто он развлекался тем, что забрасывал кусочки породы обратно туда, откуда они выпали, и они входили в эти отверстия, полностью с ними совпадая и удерживаясь в них не менее секунды. А когда его просили об этом, Джо проделывал совсем уж цирковой фокус — забрасывал несколько обломков в дыру с такой меткостью и быстротой, что они там и оставались. Если бы ему когда-нибудь довелось оказаться в космосе, он, пожалуй, справился бы зараз с управле-

нием дюжиной лунных скуттеров или ухитрился бы выписывать с закрытыми глазами восьмерки в самой гуще колец Сатурна.

Единственным же отличием осколков угля и букв детской азбуки от игры в кости было то, что тут надо было учитывать еще возможность отскока костей от стенок стола, но это только раззадоривало Джо.

Встряхнув в кулаке кости, он почувствовал в пальцах такую силу, как никогда прежде. Он сделал быстрый и низкий бросок так, чтобы кости остановились точно перед девушкой в белых перчатках. Выпавшая семерка состояла, как он и хотел, из четверки и тройки. Красные точки на них были расположены так же, как на пятерке, только черепа тут имели лишь по одному зубу, а у тройки вдобавок не хватало и носа. Это были детские черепа. Он выиграл пенни, то есть доллар.

— Ставлю два цента,— сказал Джо.

На этот раз он выбросил для разнообразия одиннадцать очков, состоящих из пятерки и шестерки. Шестерка походила на пятерку, только с тремя зубами. Это был самый красивый череп.

— Ставлю никель* без одного.

Два Больших Гриба разделили эту ставку, обменявшись самодовольными усмешками.

Джо выкинул тройку и единицу, что от него и требовалось. Единица хотя и имела лишь одну красную точку, тем не менее смотрелась как настоящий череп — может быть, череп маленького циклопа.

В том же духе он поиграл еще немного, не без блеска выбросив три десятки подряд. Неожиданно его заинтересовало, каким образом девушка собирает кости. Каждый раз ему казалось, что ее пальчики со стремительностью змей проходят под костями, хотя те вроде бы плотно лежали на столе. В конце концов он решил, что это не может быть иллюзией, и хотя кости не могли проникнуть сквозь черный бархат, рукам в белых перчатках это както удавалось. Вспыхивая, они погружались в черный, сверкающий бриллиантами материал, словно его не было вовсе.

*Никель — обиходное название пятицентовой монеты. В Бонеярде ставки объявляются на игорном жаргоне: любая сумма уменьшается в сто раз; таким образом, никель означает ставку в пять долларов, а „никель без одного", то есть четыре цента,— четыре доллара. Упоминаемые выше два цента — два доллара. (Здесь и далее — комментарии редакции.)

И опять к Джо вернулась мысль о колодце, пронизывающем Землю насквозь. Все это могло означать, что кости катались и лежали на совершенно прозрачной плоской поверхности, непроницаемой для них, но не для рук девушки, собирающей кости. И эти руки напомнили Джо его фантазии о проигравшихся игроках и о Большом Прыжке в страшный колодец.

Джо решил, что должен непременно выяснить правду. В этом не было особой необходимости, но ему не хотелось иметь лишнего повода для беспокойства в самый важный момент игры.

Он сделал еще несколько ничего не значащих бросков, тихонько приговаривая: "Давай-давай, малыш Джо",— чтобы создать у окружающих впечатление обычного везения. Наконец ему удалось кое-что придумать. Он выбросил столько очков, сколько ему было нужно — две двойки, — но сделал это так, чтобы, отскочив от крышки стола, они упали прямо перед ним. Выждав буквально одно мгновение, необходимое, чтобы все увидели результат броска, Джо резко сунул левую руку под кости и схватил их, опередив девушку в белых перчатках.

О-о! Никогда в жизни ему не приходилось испытывать таких мучений и при этом сохранять на лице полную невозмутимость, даже когда оса ужалила его в шею именно в тот момент, когда он впервые полез под юбку своей жеманной, стыдливой и требовательной будущей жене. Его пальцы и тыльную сторону ладони обожгла такая боль, словно он запустил их в раскаленную печь. Теперь ясно, зачем ассистентке нужны белые перчатки. Похоже, они из асбеста. Хорошо, что я не схватил кости правой рукой, которая нужна для игры, думал Джо, глядя на появляющиеся волдыри.

Он вспомнил, как в школе ему рассказывали, что земля под корой ужасно горячая, и даже водили на экскурсию в двадцатимильную шахту. Так что дыра размером с игорный стол, должно быть, притягивала к себе этот жар и проигравшийся, сделавший Большой Прыжок, сгорит, не пролетев и сотни футов, и вылетит наружу в Китае жалкой горсточкой сажи.

Большие Грибы снова возмущенно зашипели, не обращая внимания на его покрытую волдырями ладонь, а Мистер Кости, побагровев, уже открыл свой громадный рот, чтобы позвать вышибал, но и на этот раз поднятая рука Большого Игрока спасла Джо. Мягким шепотом тот произнес:

— Объясните ему, Мистер Кости.

Мистер Кости прорычал:

— Ни один игрок не имеет права поднимать со стола кости, бросил ли их он сам или кто другой. Только моя ассистентка может это делать. Таковы правила заведения!

Джо коротко кивнул. Затем холодно произнес: "Ставлю дайм без двух"*,— что вызвало новый взрыв возмущения, но ставку пришлось принять. Джо сделал Фебу**, как сам и объявил перед этим, а затем некоторое время дурачился, выбрасывая только пятерки и семерки, стараясь лишь удержать у себя кости до тех пор, пока не утихнет боль в левой руке и не успокоятся нервы. Все это время его правая рука оставалась такой же сильной, как и раньше, даже еще сильнее.

Примерно в середине этой интерлюдии Большой Игрок, прежде чем повернуться, чтобы взять длинную черную сигару у одной из своих дьявольски очаровательных девиц, чуть заметно, но с уважением наклонил голову в сторону Джо, совсем закрыв шляпой бездонные колодцы глаз.

Учтивость в мелочах,— подумал Джо,— всегда отличает истинного мастера игры в случай. Вокруг Большого Игрока собралась, безусловно, блестящая команда, повинующаяся ему во всем, но, бросив на них во время игры как бы случайный взгляд, Джо заметил позади некую личность, явно не вписывавшуюся в эту компанию. Это был похожий на поэта юноша в артистического вида обносках, со спутанной шевелюрой, застывшим взглядом и прыщавыми щеками.

Когда Джо посмотрел на тонкую струйку дыма, поднимавшуюся из-под низко надвинутой черной шляпы, он решил, что либо огни над столом незаметно потускнели, либо по какой-то иной причине, но лицо Большого Игрока стало чуть темнее, чем казалось вначале. А может быть даже — дикая фантазия — это лицо медленно темнело в течение ночи, словно долго обкуриваемая пеньковая трубка. Мысль об этом была явно нелепа — в зале, конечно, нашлось бы достаточно жара, чтобы пенька потемнела, но, как Джо знал по собственному печальному опыту, весь он скрывался под непроницаемой поверхностью стола.

---

*Дайм — десятицентовик. В Бонеярде "дайм без двух", т.е. восемь центов,— восемь долларов.

**Сделать Фебу — выбросить пять очков.

Однако ничто — ни страх, ни восхищение — не могло поколебать уверенности Джо в сверхъестественности человека в черном и в том, что одно лишь прикосновение к этому человеку означает смерть. А если бы в голове Джо и зашевелились сомнения, они были бы моментально рассеяны одним вызывающим озноб происшествием, которое не замедлило случиться.

Большой Игрок как раз обнял самую очаровательную и самую зловещую из своих девочек и стал весьма аристократически поглаживать ее бедро, когда поэт с позеленевшими от ревности и страсти глазами прыгнул вперед, как дикая кошка, и запустил длинный сверкающий кинжал в черную атласную спину.

Джо не мог понять, как такой удар не попал в цель, но, не снимая правой руки с бедра девушки, Большой Игрок сделал едва уловимое движение левой— будто распрямилась стальная пружина. Джо не мог бы даже сказать, пронзил ли Большой Игрок горло поэта, ударил ребром ладони, сделал ему марсианский "двойной палец" или просто дотронулся до него, но, как бы то ни было, юноша замер, словно в него выстрелили из бесшумного слонового ружья или невидимого лучевого пистолета, и рухнул на пол. Несколько чернокожих слуг подбежали и выволокли тело.

Никто не обратил на случившееся ни малейшего внимания. Очевидно, подобные вещи были в Бонеярде обычным делом.

Это здорово взволновало Джо, и он чуть не выбросил Фебу раньше, чем собирался. Но теперь волны боли уже не перекатывались по его левой руке, а нервы зазвенели, как новые струны. Поэтому три круга спустя он выбросил пятерку, что ему и было нужно, и принялся очищать стол от фишек.

Он сделал девять удачных бросков, семь раз выбросив по семь очков и два раза по одиннадцать, и увеличил свою первую ставку в одну фишку до суммы, превышающей две тысячи долларов. Никто из Больших Грибов еще не вышел из игры, но некоторые из них явно начали беспокоиться, а кое у кого на лысинах выступили капельки пота. Большой Игрок все еще не принял ни одной ставки Джо, но, казалось, с интересом следил за происходящим из глубины своих глазных впадин.

Затем Джо пришла в голову сумасшедшая мысль: никто не сможет побить его этой ночью, он знал это, но если он будет держать у себя кости до тех пор,

пока не очистит весь стол, у него просто не будет возможности увидеть, как играет Большой Игрок, а это ему было очень любопытно. Кроме того, подумал Джо, я должен ответить любезностью на любезность и тоже вести себя как подобает истинному джентльмену.

— Забираю сорок один доллар без никеля,— объявил он.— Ставлю пенни*.

На этот раз не было никакого шума и круглое как луна лицо Мистера Кости ничем не омрачилось. Но Джо почувствовал, что Большой Игрок посмотрел на него с разочарованием и печально, а может, просто изучая его.

Джо тут же проиграл, выбросив шестерки, с удовольствием увидев два прижавшихся друг к другу прекрасных маленьких черепа, скалящих рубиновые зубы, и кости перешли к Большому Грибу слева.

"Знал, когда кончится удача",— услышал он, как с завистливым восхищением пробормотал другой Большой Гриб.

Игра за столом пошла живее, хотя никто не горячился и ставки были весьма средние. "Ставлю пятерку", "Играю десять долларов", "Эндрью Джексон"**, "Тридцать баксов". То тут, то там Джо принимал ставки, выигрывая больше, чем теряя. У него было уже с лишним семь тысяч долларов, когда кости дошли наконец до Большого Игрока. Тот довольно долго держал их на своей неподвижной ладони, словно изучая, хотя даже намека на морщинку не появилось на его почти коричневом, совершенно сухом лбу. Потом прошептал: "Играю двойного орла"***, с последним словом сжал пальцы, слегка потряс кости — звук был такой, словно стучали зерна в маленькой тыкве, только наполовину высушенной,— и небрежным движением бросил их к краю стола.

Это был бросок, подобного которому Джо не видел никогда, ни за одним столом. Кости пронеслись в воздухе, ни разу не перевернувшись, упали как раз на стык крышки стола с его бортиком и замерли, показав семерку.

---

*Джо забирает выигрыш — "сорок один доллар без никеля", то есть 4095 долларов,— и делает символическую ставку в один доллар.

**Двадцатидолларовая банкнота с изображением президента Эндрью Джексона.

***Старая золотая монета достоинством в 20 долларов.

Джо был разочарован как никогда. Для каждого своего броска он привык производить мгновенные расчеты вроде: "Бросить тройкой вверх — пятеркой к северу, два с половиной оборота в воздухе, падение на угол шесть-пять-три, поворот на три четверти и четверть оборота направо, конец удара на ребре один-два; пол-оборота назад и вращение влево на три четверти, падение на пятерку, двойной оборот, получается двойка". И это для одной только кости, причем при самом обычном броске, без особых выкрутасов.

По сравнению с этим техника Большого Игрока была смехотворно, невероятно проста. Джо, конечно, смог бы повторить такой бросок с легкостью. Это было не труднее, чем его старая забава с забрасыванием кусков угля в те же дыры, откуда их перед этим вытащили. Но Джо никогда не приходила в голову мысль использовать такой детский фокус за игорным столом — это делало все слишком примитивным и нарушило бы красоту игры.

Кроме того, Джо никогда не использовал этот трюк еще и потому, что и не помышлял, будто сможет выиграть с его помощью. По всем правилам, о которых он когда-либо слышал, это был самый сомнительный бросок. Всегда существовала вероятность, что кость не долетит до бортика или ляжет на крохотном расстоянии от него. Кроме того, напомнил он себе, почему бы не предположить, что кости могут отскочить от края, пусть хотя бы на полдюйма? Или вообще встать на ребро?

Однако, насколько мог заметить острый глаз Джо, обе кости легли точно у бортика. Более того, все остальные игроки спокойно приняли этот бросок. Девушка собрала кости, и Большие Грибы, игравшие с человеком в черном, полностью с ним расплатились. Похоже, заведение само толковало правила игры, внося в них небольшие изменения, когда было нужно, и Джо, покорившись, принял это как должное. Никогда не следует спрашивать о Правилах, за исключением самых крайних случаев,— и Мать, и Жена долго приучали его, что это самый надежный способ избавить себя от лишних неприятностей. Кроме того, деньги Джо в этой игре не участвовали.

Голосом, долетевшим словно из Кипарисовой Лощины, а может, и с Марса, Большой Игрок произнес: "Играю сто". Это была самая большая ставка сегодняшней ночи — десять тысяч долларов, и то, как Большой Игрок

сделал ее, наводило на мысль, что здесь кроется нечто большее, чем просто сумма денег. Тишина упала на Бонеярд, онемели джазовые трубы, выкрики крупье стали тише и доверительней, карты стали падать мягче, и даже шарики рулетки, казалось, старались производить меньше шума, кружась по своим орбитам. Вокруг Игорного Стола Номер Один собралась молчаливая толпа. Блестящие мальчики и девочки образовали возле своего хозяина двойной полукруг, давая ему тем самым простор для движений.

Эта ставка, подумал Джо, на тридцать долларов больше, чем вся груда его фишек. Три или четыре Больших Гриба обменялись знаками, решая, как ее принять.

Большой Игрок выбросил еще одну семерку тем же самым броском.

Потом поставил еще одну сотню и повторил бросок.

И еще.

И еще.

Разочарование и досада Джо становились все сильнее. Казалось просто несправедливым, что Большой Игрок может выигрывать столь огромные ставки с помощью механических, совсем неинтересных бросков. Да их и бросками-то настоящими назвать было нельзя — кости ни на йоту не поворачивались ни в воздухе, ни на столе. Такой игры можно было бы ожидать разве что от робота, причем довольно скучно запрограммированного робота. Джо, конечно, не рисковал пока ставить свои фишки против Большого Игрока, но если дела и дальше пойдут так, отказаться будет невозможно. Два Больших Гриба, обливаясь потом, уже ретировались, признав свое поражение, и никто не занял их мест за столом. Очень скоро могло получиться так, что оставшиеся Большие Грибы не смогут сами разделить ставку и он должен будет рискнуть своими фишками или выйти из игры. А он не мог этого сделать, ощущая в правой руке силу, подобную затаившейся молнии.

Джо ждал и ждал, не усомнится ли еще кто-нибудь хотя бы в одном из бросков Большого Игрока, но смельчаков не находилось, и Джо чувствовал, что, несмотря на все старания выглядеть невозмутимым, лицо его начало медленно краснеть.

Но вот легким движением левой руки Большой Игрок остановил девушку, уже собиравшуюся поднять кости. Его бездонные, как черные колодцы, глаза смотрели прямо на Джо, изо всех сил старающегося ответить спокой-

ным взглядом. Он никак не мог уловить ни малейшего блеска, исходящего из глазных впадин человека в черном. Джо вдруг стало жутко. И в этот момент с подчеркнутой вежливостью и дружелюбием Большой Игрок прошептал:

— Мне кажется, что у достойного игрока напротив есть сомнения относительно моего последнего броска, но он слишком джентльмен, чтобы сказать об этом. Лотти, контрольную карту, пожалуйста.

Худющая, словно призрак, девушка вытащила контрольную карту из-под крышки стола и, злобно сверкнув острыми белыми зубками, бросила ее через весь стол Джо. Он поймал кружившуюся в воздухе карту и быстро осмотрел ее. Это была самая тонкая, жесткая и сверкающая игральная карта из всех, что Джо приходилось держать в руках, и к тому же джокер, если это хоть что-то значило. Он лениво бросил карту обратно девушке, и та мягким, нежным движением опустила ее на стол, позволив карте скользнуть под собственным весом вдоль стенки, возле которой лежали две кости. Она остановилась в ложбинке между крышкой стола и бортиком, обтянутым черным бархатом. Девушка ловко, без всяких усилий толкала карту, демонстрируя, что между костями и краем стола нигде нет и намека на просвет.

— Вы удовлетворены? — спросил Большой Игрок. Почти непроизвольно Джо кивнул. Большой Игрок молча склонил голову. Девушка, собирающая кости, ухмыльнулась змеиной усмешкой, выставив в сторону Джо свои фарфорово-белые груди.

Большой Игрок со скучающим видом вернулся к своему рутинному занятию по выигрыванию сотен и выбросил очередную семерку. Большие Грибы сникали на глазах и один за другим, шатаясь, отходили от стола. Какому-то розовощекому Мухомору запыхавшийся посыльный срочно принес деньги, но и это не помогло, а привело лишь к потере еще нескольких сотен. Куча светлых и черных фишек перед Большим Игроком выросла в небоскреб.

Джо все больше и больше приходил в ярость. Он наблюдал за костями с бдительностью стервятника или спутника-шпиона, но никак не мог найти законного повода, чтобы снова потребовать контрольную карту или набраться мужества и оспорить правила заведения. Это сводило с ума, можно было помешаться от одной мысли, что если бы он только смог получить кости обратно, то

с легкостью обставил бы этот черный аристократический столб. Он проклинал себя за идиотский, тщеславный, самоубийственный порыв, заставивший его отдать кости и отказаться от удачи, когда она сама шла к нему в руки.

И что еще хуже, Большой Игрок неотрывно, в упор смотрел на него своими глазами, похожими на угольные шахты. Сейчас он трижды бросил кости на игорный стол, даже не глядя на них. Для Джо это было уже слишком. Его противник вел себя так же отвратительно, как иногда Жена и Мать Джо: смотрел, смотрел и смотрел на него.

Пристальный взгляд этих бездонных глаз, которые, может, и глазами-то не были, вызывал в Джо панический страх. К его уверенности, что вокруг Большого Игрока существует некая смертоносная черта, которую нельзя переступить, добавился еще и сверхъестественный ужас. С кем же он играет этой ночью? — спрашивал себя Джо. Было любопытство, и был страх, но любопытство сильнее — такое же сильное, как желание получить кости и выиграть. Волосы его встали дыбом, по всему телу забегали мурашки, но сила по-прежнему пульсировала в правой руке, подобно тормозящему локомотиву или ракете, поднимающейся со стартовой площадки.

Все это время Большой Игрок оставался неизменным: черный атласный смокинг, черная шляпа с опущенными полями, элегантный, учтивый, изысканный и — смертоносный. Самое неприятное для Джо заключалось в том, что он, всю ночь восхищавшийся джентльменством Большого Игрока, сейчас должен был из-за его чисто механических бросков оставить все свои иллюзии и постараться во что бы то ни стало поймать своего соперника на любой технической ошибке.

Человек в черном продолжал безжалостно выбрасывать Больших Грибов из-за игорного стола. Количество пустых мест даже превысило число оставшихся Мухоморов, а вскоре за столом оказалось только три человека.

В Бонеярде стало тихо, как ночью в Кипарисовой Лощине или на Луне. Джаз смолк, а вместе с ним смолкли веселый смех, шарканье ног и визг девиц, звон бокалов и монет. Все, казалось, собрались вокруг Игорного Стола Номер Один, молча стояли и смотрели.

Джо мучился от желания найти ошибку, от чувства несправедливости, презрения к самому себе, безумных

надежд, любопытства и ужаса. Особые страдания причиняли ему именно любопытство и этот странный сверхъестественный ужас.

Лицо Большого Игрока, насколько его можно было видеть, продолжало темнеть. В какой-то момент Джо поймал себя на дикой мысли: не играет ли он, случаем, с заколдованным негром, чья белая маска теперь сползает.

Очень скоро два уцелевших Больших Гриба не смогли вдвоем принять новую ставку на очередную сотню. Джо оставалось либо выложить десять долларов из своей маленькой кучки, либо выйти из игры. После мгновенного мучительного колебания он выбрал первое.

И потерял свои десять долларов.

Два Больших Гриба откатились в молчаливую толпу.

Черные, как ямы, глаза вонзились в Джо. В полной тишине он едва услышал шепот:

— Играю на все ваши фишки.

Джо почувствовал, как в нем ключом забило позорное желание признать свое поражение и сломя голову бежать домой. В конце концов его шесть тысяч долларов могли бы произвести достаточное впечатление на Жену и Мать. Но он не вынес бы даже мысли о насмешках толпы и не смог бы жить, зная, что имел шанс, пусть ничтожный, обыграть Большого Игрока и упустил его.

Джо кивнул.

Большой Игрок метнул кости. Джо, забыв о своих страхах, перегнулся через стол и следил за броском, как орел или космический телескоп.

— Вы удовлетворены?

Джо знал, что должен сказать "да" и удалиться с высоко поднятой, насколько это возможно, головой. Это было бы по-джентльменски. Но тут он напомнил себе, что он — не джентльмен, а грязный и грубый шахтер со случайно доставшимся талантом метко бросать кости.

Еще он знал, что в окружении врагов и абсолютно незнакомых может быть очень опасно ответить что-нибудь, кроме "да". Но затем Джо спросил себя, какое право имеет он, презренный смертный и вечный неудачник, бояться опасности?

Кроме того, одна из усмехающихся рубиновым черепом костей лежала так, словно между ней и стенкой стола оставалось крохотное расстояние.

Это было самым трудным шагом в жизни Джо, но он судорожно сглотнул и заставил себя сказать:

— Нет. Лотти, контрольную карту.

Девушка тихо зарычала и поднялась, словно собираясь плюнуть ему в глаза, и у Джо возникло ощущение, что ее плевок страшнее укуса кобры. Но Большой Игрок с упреком поднял палец, и она швырнула карту с такой злобой и так низко, что та на мгновение исчезла под черным сверкающим бархатом прежде чем влететь в руки Джо.

Карта оказалась горячей на ощупь и была обожжена до светло-коричневого цвета, но в остальном не пострадала. Джо с трудом втянул в себя воздух и запустил ее обратно вверх.

Улыбаясь ему так, как могла бы улыбаться змея, Лотти позволила карте спланировать вниз, и после мгновенного колебания та проскользнула между стенкой и костью, вызвавшей подозрение Джо.

Поклон и все тот же изысканный шепот:

— У вас очень острый глаз, сэр. Несомненно, эта кость не долетела до стенки. Мои искренние извинения, и... кости ваши, сэр.

Взгляд на кости, лежащие перед ним на сплошной черноте стола, чуть не довел Джо до удара. Все терзавшие его чувства, включая любопытство, вдруг невероятно обострились и усилились. И когда он сказал: "Играю на все свои фишки", а Большой Игрок ответил: "Принимаю", Джо поддался сумасшедшему порыву и метнул обе кости прямо в тусклые, глубокие, как ночь, глаза Большого Игрока.

Кости попали точно в цель и загремели внутри черепа, перекатываясь там, как семечки в большой недосушенной тыкве.

Быстро выбросив руку с поднятой ладонью, Большой Игрок остановил свою команду и всех собиравшихся уже наброситься на Джо и спокойно выплюнул обе кости на стол. Одна легла ровно, а вторая — слегка боком, опираясь на первую.

— Неудачный бросок, сэр,— прошептал он по-прежнему любезно, словно и не подвергся никакому оскорблению.— Бросайте еще раз.

Джо машинально тряс кости, пытаясь унять дрожь. Слегка успокоившись, он решил, что хотя и может угадать истинное имя Большого Игрока, но в силах заставить его побороться за свои деньги.

Где-то в уголке сознания Джо скреблась мысль: а как

же, собственно, скрепляются кости этого скелета? Может быть, они до сих пор сохранили хрящи и мускулы? Или связаны силовыми полями? Или, возможно, кости сами по себе притягиваются друг к другу, словно магниты, и все это как-то связано со смертоносной силой Большого Игрока?

Кто-то кашлянул в полнейшей тишине, опустившейся на Бонеярд, одна из Алых Женщин истерически хихикнула, с подноса обнаженной менялы упала монета и с золотым звоном покатилась по полу.

— Молчание,— скомандовал Большой Игрок и движением столь быстрым, что за ним невозможно было проследить, сунул руку за атласный борт своего смокинга. Когда он вытащил ее обратно, в ней слабо поблескивал короткоствольный, украшенный серебром револьвер.

— Любой, от последней шлюхи до вас, Мистер Кости, кто издаст хоть какой-нибудь звук, пока мой достойный соперник будет бросать, получит пулю в лоб.

Джо ответил ему вежливым поклоном, что, как он почувствовал, выглядело довольно забавно, и решил начать с семерки, состоящей из шестерки и единицы. Он бросил, и на этот раз Большой Игрок, насколько можно было судить по движению его черепа, следил за полетом костей пристальным взглядом глаз, которых у него не было.

Кости упали, перевернулись и замерли. Ошеломленный Джо увидел, что впервые за всю свою жизнь игрока он совершил ошибку. А может быть, во взгляде Большого Игрока была сила, бóльшая, чем в правой руке Джо. Шестерка легла так, как надо, но кость, на которой должно было быть одно очко, сделала еще пол-оборота и тоже выдала шестерку.

— Игра окончена,— возвестил Мистер Кости замогильным голосом.

Большой Игрок поднял коричневую руку скелета.

— Необязательно,— прошептал он. Его черные глазные впадины уперлись в Джо, как жерла осадных орудий.— Джо Слаттермилл, у вас есть еще нечто, что вы можете поставить, если пожелаете. Ваша жизнь.

По всему Бонеярду прокатился взрыв истерического хихиканья, хохота, воплей и визга. Мистер Кости выразил общие настроения, проревев, перекрывая остальной шум:

— Какая вам выгода от жизни такого ничтожества,

как Джо Слаттермилл?! Да ему красная цена — два цента в обычных деньгах!

Большой Игрок накрыл рукой револьвер, мерцающий перед ним на черном бархате, и смех как отрезало.

— Я вижу в этом выгоду,— прошептал он.— Джо Слаттермилл, со своей стороны я ставлю весь свой выигрыш за эту ночь и добавляю Вселенную и все, что в ней есть, в придачу, вы же ставите вашу жизнь, а в придачу к ней — вашу душу. Кости бросаете вы. Вы удовлетворены?

Внутренний голос подсказывал Джо: лучшее, что он может сделать,— это бросить все и бежать, но он решил, что терять ему нечего. Он не собирался отказываться от главной роли в этом спектакле только ради того, чтобы вернуться, похоронив все надежды, к своей Жене, Матери, разваливающемуся дому и ипохондричному Мистеру Пузику. Может быть,— смело сказал он себе,— во взгляде Большого Игрока нет никакой силы, может быть, именно Джо и совершил свою единственную ошибку, бросая тогда кости. Кроме того, он был склонен скорее согласиться в оценке своей жизни с Мистером Кости, нежели с Большим Игроком.

— Принимаю,— сказал он.

— Лотти, подайте моему достойному сопернику кости.

Джо сконцентрировал свой мозг как никогда раньше, сила торжествующе затрепетала в его руке, и он бросил!

Кости уже никогда больше не коснулись черного бархата. Они спикировали вниз, потом метнулись вверх, по сумасшедшей кривой вылетели далеко за край стола, а затем, подобно сверкающим красным метеорам, примчались обратно, к лицу Большого Игрока, и влетели в черные колодцы его глаз, засветившись рубиновым огоньком единицы каждая, и остались там.

Глаза змеи.

И эти светящиеся красным кости-глаза с издевкой уставились на Джо, и он услышал шепот:

— Джо Слаттермилл, вы проиграли.

Большим и средним пальцами обеих рук Большой Игрок извлек кости из своих глазниц и бросил их в обтянутую белой перчаткой ладонь Лотти.

— Да, вы проиграли, Джо Слаттермилл,— продолжал он спокойно,— и теперь вы можете застрелиться,— он дотронулся до серебряного револьвера,— или перерезать себе горло,— он вытащил из рукава длинный охотничий

нож с золотой ручкой и положил его рядом с револьвером,— или отравиться,— между ножом и револьвером встала маленькая черная бутылочка с белым черепом и скрещенными костями,— или мисс Фюсси зацелует вас до смерти,— он вытолкнул вперед и поставил рядом с собой самую очаровательную и зловещую девицу, которая тут же стала прихорашиваться, шелестеть оборками своей короткой фиолетовой юбочки и бросать на Джо возбуждающие голодные взгляды, показывая при этом острые белые клыки.

— ...Или,— добавил Большой Игрок, многозначительно кивнув на черное дно игорного стола,— вы можете совершить Большой Прыжок.

— Я выбираю Большой Прыжок,— спокойно сказал Джо.

Он поставил правую ногу на свой опустевший стол для фишек, левую на черный бордюр, наклонился вперед... и неожиданно, оттолкнувшись от бортика, в тигрином прыжке бросился через игорный стол и вцепился в горло Большого Игрока, утешая себя мыслью, что поэту вроде долго мучиться не пришлось.

Когда он пролетал над центром стола, его глаза запечатлели все, что в действительности было внизу, но Джо не успел ничего осознать, так как уже в следующий миг он обрушился на Большого Игрока.

Ребро коричневой ладони ударило Джо в висок со стремительностью молнии, но коричневые пальцы (или кости?) разлетелись, словно были сделаны из дутого стекла. Левая рука Джо прошла сквозь грудь Большого Игрока, как будто под черным атласным смокингом не было ничего, тогда как правая вцепилась в череп под глубокой шляпой с опущенными полями и разломила его на кусочки. Секундой позже Джо растянулся на полу, сжимая в пальцах клочья черной одежды и коричневые обломки.

В мгновение ока он был уже на ногах и бросился к небоскребу фишек человека в черном. У него оставалось время лишь на одно движение левой руки. Не замечая золотых монет и черных фишек, Джо схватил пригоршню светлых, опустил их в левый карман штанов и бросился бежать.

Теперь все население Бонеярда бросилось за ним и на него. Сверкали зубы, ножи и кривые кинжалы. Его били, царапали, рвали на части и топтали острыми каблуками. Кто-то с налитыми кровью глазами и черным лицом нахлобучивал ему на голову золоченую трубу.

Другие старались ткнуть ему в глаз горящей сигарой. Лотти, извиваясь и шипя, как белый удав, пыталась одновременно душить Джо и резать его ножницами. Фюсси, словно злой дух, лила из широкогорлой бутылки какую-то пахнущую кислотой жидкость, но никак не могла попасть ему в лицо. Мистер Кости всаживал в него выстрел за выстрелом из серебряного револьвера. Его пинали, кусали и давили ему пальцы на ногах. Он был зарезан, застрелен, разорван на куски, ему переломали все кости и искромсали его в капусту.

Но почему-то все эти удары не имели никакой силы. Казалось, он дрался с привидениями. В конце концов обнаружилось, что все находившиеся в Бонеярде, вместе взятые, были лишь чуть сильнее, чем сам Джо. Он почувствовал, как множество рук поднимает его, тащит сквозь стеклянные вращающиеся двери и выбрасывает на деревянный тротуар. Он приземлился на собственный зад, но даже это не было больно. Скорее уж походило на поощрительный пинок.

Джо глубоко вздохнул, встал, подвигал руками и ногами. Похоже, все кости целы, по крайней мере сильной боли он не ощущал. Джо огляделся. Бонеярд был темен и тих, как могила, как планета Плутон или как весь остальной Иронмайн. Когда его глаза привыкли к свету звезд и блеску изредка проплывающих по небу космических кораблей, Джо увидел дверь из ржавого листового железа с висячим замком там, где прежде был ярко освещенный вход.

Он почувствовал, что жует нечто хрустящее, каким-то образом оставшееся в его правой руке, пока продолжалась вся эта заварушка. Очень вкусное, похожее на хлеб, который Жена пекла для лучших покупателей. В этот момент в его памяти вновь вспыхнуло все, что он увидел, пролетая над центром игорного стола. Это была тонкая стена движущихся сквозь стол языков пламени, и за этой стеной — удивленные лица его Жены, Матери и усы Мистера Пузика. Да это же печь в его доме!

До него дошло, что он жует кусок черепа Большого Игрока, и он вспомнил форму трех буханок, которые его Жена начинала печь, когда Джо уходил. И он понял ее колдовство, когда она позволила ему ненадолго уйти из дома и почувствовать себя наполовину мужчиной, чтобы потом, нырнув сквозь игорный стол, оказаться дома с обожженными пальцами.

Он выплюнул то, что было у него во рту, и зашвырнул через всю улицу остаток черепа, сделанного из огромного пончика. Джо запустил руку в левый карман. Бóльшая часть светлых фишек раскрошилась во время драки, но он нашел целую и кончиками пальцев ощупал ее поверхность. Символом, оттиснутым на ней, был крест. Джо поднес фишку к губам и откусил кусочек. Вкус был нежный, просто восхитительный. Он съел ее всю и почувствовал, как силы возвращаются. Джо слегка похлопал свой туго набитый левый карман. Что ж, в конце концов начнет он с хорошим запасом еды.

Джо повернулся и направился домой. Но путь он выбрал длинный — через всю Вселенную.

СОДЕРЖАНИЕ

Нечто. Странное... *(вместо предисловия)* 5

Майкл Муркок. БАГРЯНАЯ ИГРА *(роман)*
Перевод С. Гинзбурга 9

Кит Ломер. ИСПЫТАНИЕ НА РАЗРУШЕНИЕ *(повесть)*
Перевод С. Гинзбурга 179

Мервин Пик. МАЛЬЧИК И ТЬМА *(повесть)*
Перевод А. Прохорова 209

Урсула Ле Гуин. БЕЗБРЕЖНЕЙ И МЕДЛИТЕЛЬНЕЙ ИМПЕРИЙ... *(повесть)*
Перевод С. Гинзбурга 263

ПОБРОСАЮ-КА Я КОСТИ *(рассказы)*

Сэмюэль Дилэни. Время как спираль из самоцветных камней. *Перевод С. Гинзбурга* 301

Джеймс Баллард. Облачные скульпторы Коралла D
Перевод Е. Гаркави 339

Харлан Эллисон. Мне нужно крикнуть, а у меня нет рта. *Перевод Ш. Куртишвили* 356

Гордон Диксон. Достойная смерть
Перевод С. Гинзбурга 372

Ларри Нивен. Незадолго до конца
Перевод И. Натансон 393

Харлан Эллисон. Крошка Мегги — Денежные Глазки
Перевод С. Гинзбурга 405

Урсула Ле Гуин. Вещи
Перевод В. Кормилицына 428

Сирил Корнблат. Слова Гуру
Перевод П. Вязникова 438

Харлан Эллисон. Покайся, Арлекин
Перевод Ш. Куртишвили 447

Джен Вулф. УЖОСы войны
Перевод П. Вязникова 460

Фриц Лейбер. Побросаю-ка я кости
Перевод А. Брискиной 481

Литературно-художественное издание

Серия «ХРОНОС»

БАГРЯНАЯ ИГРА

Сборник англо-американской фантастики

Составитель и главный редактор серии *О. П. Пуля*
Литературный редактор *С. Н. Петропавлов*
Художник *В. Ю. Мартыненко*
Технический редактор *А. Ф. Бернкова*
Корректоры *А. И. Киселева, Е. В. Тарариева, М. С. Грикурова, Е. А. Самолетова*
Оператор компьютерной верстки *Е. Р. Данилов*

Изд. лицензия ЛР № 061591 от 07.09.92.
Подписано в печать с готовых диапозитивов 22.02.94.
Формат 84 × 108 1/32. Бумага типографская. Гарнитура «Таймс».
Печать высокая. Усл. печ. л. 26,88. Тираж 30 000. Заказ 79.

Издательство «АРГУС»
127018, Россия, Москва, Октябрьский пер., д. 32.

Ордена Трудового Красного Знамени
ГП «Техническая книга» Комитета Российской Федерации по печати.
198052, С.-Петербург, Измайловский пр., 29.

СЕРИЯ ФАНТАСТИКИ

«ХРОНОС»

КНИГА ПЯТАЯ

* * *

РОДЖЕР ЖЕЛЯЗНЫ

ТОМ 2

сборник

ДЖЕК ИЗ ТЕНИ

«ДЖЕК ИЗ ТЕНИ» (роман)

«КАНУН РУМОКО» (повесть)

«ДВЕРИ ЛИЦА ЕГО, ПЛАМЕННИКИ ПАСТИ ЕГО...» (повесть)

(удостоена премии «Небьюла»)

«КЛЮЧИ К ДЕКАБРЮ» (повесть)

«КЛАДБИЩЕ СЕРДЕЦ» (повесть)

РАССКАЗЫ

«...Джек спал и видел сон.

Ему снилось, что он держит Великий ключ Колвинии, этот символ Хаоса и Порядка, и им отпирает небо и землю, море и ветер, повелевая им обрушиться на Хай-Даджон и его хозяина...

Ему снился Пламень Ада, в сердце которого, как муравей в куске янтаря — Повелитель Летучих Мышей, живой, страдающий и навеки лишенный сна...

Джек купался в своем сне, когда вдруг услышал скрежет Машины Мира. Он застонал и вскрикнул от этого предзнаменования, беспокойно ворочаясь на мокрой от пота постели, окруженный со всех сторон зеркалами стен...»

«ДЖЕК ИЗ ТЕНИ»

СЕРИЯ ФАНТАСТИКИ

«ХРОНОС»

КНИГА ШЕСТАЯ

* * *

Л. ВЕРШИНИН

сборник

ХРОНИКИ НЕПРАВИЛЬНОГО ЗАВТРА

«ВОЗВРАЩЕНИЕ КОРОЛЯ»
«ХРОНИКИ НЕПРАВИЛЬНОГО ЗАВТРА»
«ПЕРВЫЙ ГОД РЕСПУБЛИКИ»
«ДВОЕ У ПОДНОЖИЯ ВЕЧНОСТИ»

«Сага воды и огня»
«Ущелье трех камней»
«Слово прямого огня»
«Обмен ненавистью»
«Последняя партия»
«Сказание о рыцаре Гуго»

«...Историк лучше многих знает, сколько дорог в ад вымощено благими намерениями. Поэтому творчество Л. Вершинина может показаться пессимистичным, даже безнадежным. Но, к счастью, в наши дни уже большинству ясно, что плохие предсказания делаются именно ради того, чтобы им не позволили сбыться... А в сущности, это — жесткие, порой безжалостные, но и очень человечные вещи...»

А. СТРУГАЦКИЙ

СЕРИЯ ФАНТАСТИКИ
«ХРОНОС»
КНИГА СЕДЬМАЯ

* * *

Р. СИЛВЕРБЕРГ

БАШНЯ ИЗ СТЕКЛА

«БАШНЯ ИЗ СТЕКЛА» (роман)
«ИЗНАНКА МИРА» (роман)
РАССКАЗЫ

Один из самых известных писателей-фантастов США, автор более 90 книг, удостоенный самых престижных премий американской фантастики — этот сборник познакомит вас с новой гранью его блестящего таланта!

Третье тысячелетие, 2381... Урбмон-116 — дом в тысячу этажей. Мир, посвященный Жизни. "Плодитесь и размножайтесь" — главный закон, моральная норма, основа жизни каждого Урбмона. О, дивный новый мир домов в тысячу этажей, превративший мальтузианские ужасы стальных пещер в созвездия рукотворных Олимпов из компрессбетона. И теперь, когда восходящее солнце озаряет сотни тысяч окон титанических башен, пробуждающиеся граждане славят свою счастливую жизнь:

Благослови, Господь,
Каждого из нас...
И славься, плодородие!..

И все счастливы.

А кто несчастлив — тот урод, угрожающий устоям счастливого Вертикального мира. Таким не место в нем. Для отбросов общества — как и для всех прочих отбросов — существует утилизатор...

Каждый этаж каждой Урбанистической Монады каждой констелляции по всей земле сплошь вымощен благими намерениями. Любовь и плодородие. Счастье. Путь наверх...

СЕРИЯ ФАНТАСТИКИ
«ХРОНОС»
КНИГА ВОСЬМАЯ

* * *

РОДЖЕР ЖЕЛЯЗНЫ

ТОМ 3

сборник

БОГ СВЕТА

«БОГ СВЕТА» (роман)

«ВОПЛОТИТЕЛЬ» (повесть)

«ГОРА СМЕРТНЫХ» (повесть)

РАССКАЗЫ

Роман «Бог света» и повесть «Воплотитель» удостоены высших премий американской фантастики: «Бог света» — премии «Хьюго», «Воплотитель» — премии «Небьюла»

Спустя тысячелетия после гибели Земли группа колонистов на затерянной планете, используя сверхтехнологию, получает бессмертие, богоподобную власть и возможность полного управления этим миром в облике богов индуистского пантеона.

Кали, богиня разрушения; Яма, владыка смерти; Агни, бог огня — против всех них восстал Сиддхартха, победитель демонов... Имитируя земную историю, он возрождает буддизм с самим собой в роли Бодхисатвы, стремясь низвергнуть Порядок Жизни и богов, установивших его.

«...Последователи называли его Махасаматманом и считали его богом. Он же предпочитал отбрасывать МАХА- и -АТМАН и именовал себя проще — Сэмом. Он никогда не называл себя богом, но и никогда не утверждал обратного...»

ИЗДАТЕЛЬСТВО «АРГУС»

продолжает выпуск
СЕРИИ ФАНТАСТИКИ

«ХРОНОС» — это великолепные переводы, выполненные специально для наших изданий, и множество самых фантастических иллюстраций.

Серию продолжат лучшие произведения мировой и отечественной фантастики,

а также — очередные тома блистательного американского фантаста РОДЖЕРА ЖЕЛЯЗНЫ!

В СЕРИИ ВЫХОДЯТ:

Р. ЖЕЛЯЗНЫ, том 1: «СОЗДАНИЯ СВЕТА — СОЗДАНИЯ ТЬМЫ».

сборник: «ПЛАНЕТА СЕМИ МАСОК»
(антология французской фантастики)

сборник: «ВРАТА ВРЕМЕНИ»
(англо-американская фантастика)

сборник: «БАГРЯНАЯ ИГРА»
(англо-американская фантастика)

Р. ЖЕЛЯЗНЫ, том 2: «ДЖЕК ИЗ ТЕНИ»

Л. ВЕРШИНИН: «ХРОНИКИ НЕПРАВИЛЬНОГО ЗАВТРА»

Р. СИЛВЕРБЕРГ: «БАШНЯ ИЗ СТЕКЛА»

Р. ЖЕЛЯЗНЫ, том 3: «БОГ СВЕТА»

Р. ЖЕЛЯЗНЫ, том 4: «ОСТРОВ МЕРТВЫХ»

Ф. ГЕРБЕРТ: «ДЮНА»

Дополнительно в серию включаются два тома остросюжетной фантастики СЕРГЕЯ ЛУКЬЯНЕНКО:

«ЛОРД С ПЛАНЕТЫ ЗЕМЛЯ»
«РЫЦАРИ СОРОКА ОСТРОВОВ»

Объем каждой книги серии от 500 до 850 страниц.

БАГРЯНАЯ ИГРА